

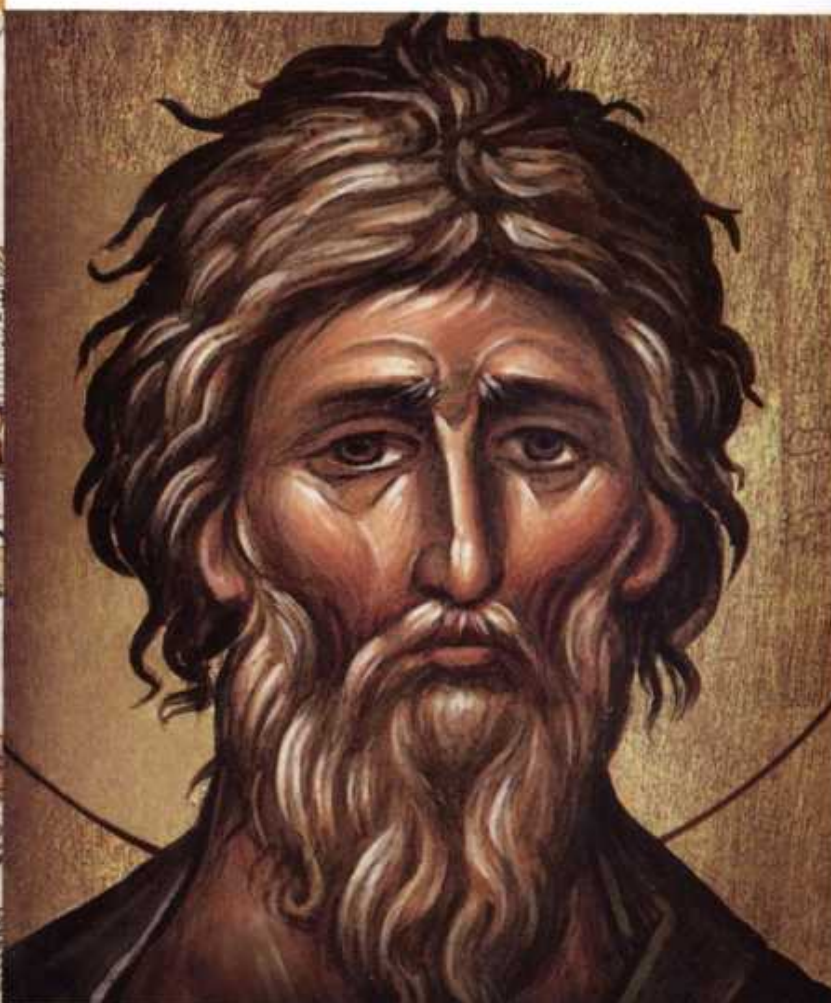
А. Виноградов,
А. Трищенко

АНДРЕЙ ПЕРВОЗВАННЫЙ

ЖЗЛ

АНДРЕЙ ПЕРВОЗВАННЫЙ

Андрей
Виноградов,
Александр
Трищенко

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

Книга об апостоле Андрее по определению не может быть похожа на другие книги, выходящие в серии «ЖЗЛ», — ведь о самом апостоле, первом призванном Христом, нам ровным счётом ничего (или почти ничего) не известно. А потому вниманию читателей предлагается не обычное биографическое повествование о нём, но роман, в котором жизнь апостола — предмет научного поиска и ожесточённых споров, происходящих в разные исторические эпохи — и в начале IX века, и в X веке, и в наши дни. Кто был призван Христом к апостольству вместе с Андреем? Что случилось с ним после описанных в Новом Завете событий? О чём повествовали утраченные «Деяния Андрея»? Кто был основателем епископской кафедры будущего Константинополя? Путешествовал ли апостол Андрей по Грузии? Доходил ли до Киева, Новгорода и Валаама? Где покоятся подлинные его мощи? Эти вопросы мучают героев романа: византийских монахов и книжников, современных учёных и похитителей древних рукописей — все они пишут и переписывают Житие апостола Андрея, который, таинственно сходя со страниц сгоревших книг, в самые неожиданные моменты является им, а вместе с ними — и читателям. При этом авторы романа сами являются профессиональными историками и филологами, видными специалистами по житийной традиции апостола Андрея, непосредственно работающими со средневековыми рукописями в отечественных и зарубежных архивах и библиотеках.

-
- [Андрей Виноградов, Александр Грищенко](#)
 - [ОТ АВТОРОВ](#)
 - [ПРОЛОГ](#)

- [ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ПАЛЕСТИНА](#)
 - [ЧАСТЬ ВТОРАЯ ОБРАЩЕНИЕ ЛЮДОЕДОВ](#)
 - [ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ ПО МАЛОЙ АЗИИ](#)
 - [ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ НА ХОЛМАХ ГРУЗИИ](#)
 - [ЧАСТЬ ПЯТАЯ](#)
 - [ЧАСТЬ ШЕСТАЯ](#)
 - [ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ](#)
 - [ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ](#)
 - [ЧАСТЬ ДЕВЯТАЯ](#)
 - [ЭПИЛОГ](#)
 - [ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ПОСЛЕДУЮЩЕГО ПРОСЛАВЛЕНИЯ АПОСТОЛА АНДРЕЯ](#)
 - [СПРАВОЧНЫЙ АППАРАТ И БИБЛИОГРАФИЯ](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
-

**Андрей Виноградов,
Александр Грищенко
Андрей Первозванный
Опыт небиографического
жизнеописания**

*Посвящается светлой памяти Жана-
Марка Приёра (1947-2012),
восстановившего текст «Деяний Андрея»*

ОТ АВТОРОВ

Об апостоле Андрее мы знаем очень мало и вместе с тем очень много.

Очень мало потому, что все более или менее достоверные сведения о брате Петра (неизвестно даже, старшем или младшем) сводятся к скудным упоминаниям его в Евангелиях и к его появлению в начале «Деяний апостолов». Следующие рассказы об апостоле Андрее относятся уже ко II веку и имеют ярко выраженный легендарный характер. Это восходящее к предшественникам Оригена краткое упоминание о проповеди апостола неким скифам, а также датирующиеся тем же временем апокрифические «Деяния Андрея», которые были написаны, по согласному мнению исследователей, сирийским или египетским автором. Последний даже не бывал никогда в Патрах Ахейских, где он помещает смерть апостола, — весь сюжет его произведения представляет собой вымышленную рамку для проповеди раннехристианского энкратизма (радикального учения о воздержании). Но и от этих «Деяний» до нас дошла только заключительная часть, да и то не очевидно, что в оригинальном виде, остальной же их сюжет известен лишь из позднейших переработок. Впрочем, возникшая в начале IX века новая житийная традиция Первозванного апостола почти полностью отказалась от материала апокрифических «Деяний», сконструировав вместо этого собственную, но столь же далёкую и от реальности, и от правдоподобия картину. Однако и эта картина за очень небольшое время претерпела сильную трансформацию по мере её переработки последующими авторами — особенно в Грузии и на Руси.

Очень много мы знаем об Андрее Первозванном потому, что мало кому из апостолов с самой древности посвящалось такое количество литературных произведений. Помимо уже упомянутых «Деяний Андрея», это и его «малые деяния» — совместно с другими апостолами: Петром, Павлом, Варфоломеем, Матфием, Филимоном... Это и разнообразные агиографические сочинения или, точнее, даже их отдельные жанры: жития, мученичества, послания, ипомнимы, синаксари, чудеса. Тексты об апостоле Андрее переводились в древности почти на все языки христианской ойкумены: эфиопский и коптский, арабский и сирийский, арамейский и славянский, грузинский и армянский, латинский и древнеанглийский. Для древнеанглийской литературы, например, «Andreas» (переработанные «Деяния Андрея и Матфия») — это второй по древности текст после «Беовульфа». А какую огромную литературу породил краткий рассказ о Первозванном ученике Христа в «Повести временных лет»! А огромный иконографический материал!

Именно по этой причине при написании книги об апостоле Андрее для серии «Жизнь замечательных людей» мы столкнулись с неразрешимой проблемой. Для создания хоть сколь-либо историчной — даже не исторической! — реконструкции его биографии абсолютно недостаточно данных: по сути, все они обрываются на палестинской части его жизни. Гармонизировать между собой заведомо недостоверные версии жизнеописания апостола, создавая из них беллетризованную биографию, также не только бессмысленно, но и опасно — в этом читатель убедится и сам, причём очень скоро, во второй части нашей книги. Из этого тупика мы смогли найти только один выход — попытку показать читателю, как создавалось и изучалось предание об Андрее Первозванном, начиная с первых веков христианства и кончая нашими днями.

Ведь «биография» апостола Андрея — это прежде всего история его почитания, происходившего в совершенно разных кругах: раннехристианских энкратитов и политиков IV века, константинопольских патриархов и малоазийских монахов, византийских интеллектуалов и южноиталийских мореплавателей, грузинских агиографов и русских миссионеров. Мы стремились показать, как рождались, переписывались, видоизменялись и передавались сказания об апостоле, пытаюсь быть одновременно агиографами, исследователями и писателями. Впрочем, добавили мы к древним и один новый апокриф — внимательный читатель без труда отыщет его.

Именно поэтому все современные персонажи в книге являются вымышленными, а возможные совпадения в именах и событиях — случайными. Напротив, все действующие лица предыдущих эпох по возможности историчны, а приводимые в книге тексты, непосредственно повествующие об апостоле Андрее, — подлинны (сведения о них приведены в справочном аппарате отдельно к каждой главе). Мы старались сохранять в меру сил стилистику древних текстов, ища для них соответствующие регистры русского языка, так что не следует удивляться «полифоничности» нашего повествования.

Авторы считают приятным долгом поблагодарить всех тех, кто помогал им в работе над книгой: Дмитрия Афиногенова, Александра Беляева, Антона Введенского, Игоря Добродомова, священника Михаила Желтова, Вячеслава Куроптева, Жанну Лёвшину, Андрея Петрова, Янину Солдаткину, Анатолия Турилова, Дениса Цыпкина, Виктора Чхаидзе, Татьяну Яшаеву.

ПРОЛОГ

1. АНДРЕЕВА НОЧЬ

После воскресных стихир на «Господи воззвах» певчие затянули наконец *«Иже Предтечевым светом воображен...»*. «Слово-то какое — «воображен», — подумал один из алтарников, внимательно следивший за пропеваемым текстом. — «Во-об-ра-а-же-э-э-н»! Как же там было по-гречески-то?.. *Мэморфомэнос...* Во-образ... вообразившись... Когда, сообразуясь свету Предтечи, ипостасное явилось сияние Отчей славы — когда Христос явился, по милосердию Своему желая спасти человеческий род...»

Хор продолжал: *«...тогда первый ты, славне, к Нему притекл еси...»* — «О Славный, ты первым тогда к Нему подбежал, озарённый совершенством и лучами Божества, так что сделался проповедником и апостолом Христа нашего Бога», — мысленно переводил алтарник, одновременно следя через щёлку за передвижением по храму отца Ампелия. Отец Андрей, оставшийся в алтаре, торжественно поклонился настоятелю, готовясь ко входу. Завтра у него именины, выпавшие на воскресный день, а потому он тоже, и с особым чувством, вслушивался в слова вечерних стихир и даже подпевал шёпотом, еле попадая в изгибы прихотливых древних распевов, коими славился хор Н-ской церкви, что неподалёку от Москвы:

Рыб ловитву оставив, апостоле,
человеки уловляеши тростию проповеди...

«Да-да, и рыбки тоже в проповеди нуждаются... — по-своему толковал отец Андрей. — Это мы, по грехам

нашим, немые аки рыбы... Все мы люди, все мы человеки... уловляемы бываем».

...возводя из глубины лести языки вся,
Андрее апостоле...

««Языки» значит «народы», — отец Андрей всё же неплохо знал славянский, хотя и позволял себе иногда несколько вольные размышления о некоторых пассажирах. — Вот и вывел всех нас, древних русичей, святой апостол из тьмы заблуждений, до самого Новгорода Великого дошёл, диким ещё славянам благовест принёс. Да...»

Алтарник, отворив дьяконскую дверь, впустил внутрь отца Ампелия и принял у него кадило. Тот улыбнулся:

— Откадился. Или как у вас по-русски говорят? — Черноглазый и остроносый Ампелий произносил слова с неопределимым акцентом, но очень правильно. — Григорий, неужели все русские верят, что апостол Андрей парился в новгородской бане?

— Во-первых, — отвечал алтарник, — не все русские верят. То есть просто верят. А во что верят те, кто верит, никто не разберёт. Во-вторых...

Тут настоятель мотнул своей львиной гривой и шикнул на Григория. Отец Ампелий тоже приложил палец к губам и знаками показал Григорию, что пора выходить со свечой.

После службы отец Ампелий попросил Григория показать ему окрестности, хотя было уже темно и довольно морозно. Скрипя по неглубокому снегу, тот повёл афонского гостя вокруг храма, обращая его внимание на уникальные архитектурные детали, в свете фонаря они попытались подсчитать количество кокошников на шатре, затем пробрались сквозь небольшое кладбище, прогулялись по старому

усадебному парку, наконец вышли на смотровую площадку, откуда днём хорошо просматривались промышленные окраины Москвы.

— Скучно у вас в сёлах, — сказал отец Ампелий, — девки не гадают, парни не бесчинствуют, мальчишки по домам не ходят, ряженных не видать...

Григорий удивлённо посмотрел на отца иеромонаха.

— Да-да, коллега, завтра Андреев день, а сейчас, выходит, Андреева ночь. Вашим девкам положено гадать о замужестве. В Полесье они до сих пор раздеваются этой ночью донага, сеют на перекрёстках коноплю, боронят её мужскими штанами и приговаривают: «Андрию, Андрию, я тоби коноплю сию, дай мэни знаты, з ким буду спаты!»

— Вот, оказывается, каким фольклором интересуются афонские старцы, — ухмыльнулся Григорий.

— Ну-ну, коллега Фоменко, я действительно когда-то занимался подобными сюжетами. Точнее, интересовало меня влияние имени на обрядность. Откуда, например, неграмотные селянки Полесья, Карпат, Малопольши и других славянских краёв знали, что в основе имени Андрей лежит греческое слово *андриос* — «мужской», «мужественный»? Ведь как-то знали же, раз гадали на будущего мужа! Точнее, не то чтобы знали, но какие-то отголоски полужыческого культа апостола Андрея как покровителя мужского начала и брака таинственным образом дошли до жителей далёких северных лесов. Впрочем, в горной Болгарии и на востоке Сербии — ещё чудней: там Андреев день называют Медвежьим, кормят медведя варёной кукурузой, бросая её на печную трубу, а в Боснии это Волчий день. И карпатские горцы, гуцулы, верят, что на Андрееву ночь волки сбиваются в стаи, рыщут так целую зиму по лесам, а на Благовещение разбегаются кто куда. Остались ли волки в подмосковных лесах?

— Встречаются кое-где. А ряженные-то тут при чём?

— Бывают, бывают в некоторых польских и полесских сёлах. Так заранее к Рождеству готовятся, в козу наряжаются, в аиста, со звездой ходят. Кроме того, наш Андрей ведь не просто Андрей, а — Первозванный, потому на Балканах и в Карпатах и приурочивают к Андрееву дню приход «полазника» — первого гостя в доме. Им обязательно должен быть мужчина или мальчик, иногда ряженный в апостола Андрея. Как, по-вашему, его представляли ваши славянские селяне? Именно — как путешественника, обошедшего Чёрное море и посолонь, и противосолонь, в широкополой шляпе, с посохом в руках и котомкой за плечами. И это вопреки наставлению Христа Своим апостолам! Помните, у Матфея? «Не берите с собою ни золота, ни серебра, ни меди в поясы свои, ни сумы на дорогу, ни двух одежд, ни обуви, ни посоха, ибо трудящийся достоин пропитания». Правда, у Марка Он разрешает им один только посох: «И заповедал им ничего не брать в дорогу, кроме одного посоха: ни сумы, ни хлеба...» и так далее. Так дошёл ли апостол Андрей (без сумы или даже и без посоха!) до Новгорода, парился ли в тамошней баньке? — Отец Ампелий снова хитро улыбнулся.

Коллега Фоменко только рукой махнул.

— И не отмахивайтесь — вопрос тот ой как не прост. Знаете ли вы, сколько существует версий о странствиях апостола Андрея? Одних только славяно-русских около пяти! Кто бы взялся все их собрать... Но главное — первоисточник. Слышали ли вы об утраченных «Деяниях Андрея»? Ладно, об этом после. Меня ещё звал к себе ваш настоятель, хотел мне почитать свои переводы из Ветхого Завета. Ну, желаю с пользой для души провести остаток Андреевой ночи!

Получив благословение отца Ампелия, Григорий Фоменко удалился в свою каморку, расположенную под

самой звонарской площадкой на псевдоготической колокольне, нелепо пристроенной к старинному храму.

2. «МЫ НАШЛИ МЕССИЮ»

С утра литургию служил отец Андрей Епифанцев, академический студент отца-настоятеля, увлеченный сирийским языком и любивший приезжать в Н-скую церковь, чтобы и помочь своему учителю, и с удовольствием прочесть пылкую проповедь. Сегодня же ещё представилась редкая возможность рассказать высокоучёной пастве Н-ского прихода всю правду о своём небесном покровителе, причём сразу же после Евангелия, не откладывая на конец службы, дабы не снижать торжественности события. Отец Андрей даже приосанился, когда перед чтением Апостола Гриша произнёс стих: *«Прокимен ин, глас осмый. Во всю землю изыде вещание их, и в концы вселенныя глаголы их».*

Григорий Фоменко был научным сотрудником Института древнерусской культуры, кандидатом филологических наук, а потому читать Апостол старался подражая старинному, ещё даже дониконовскому, произношению, по-южнорусски гхэкая, не смягчая согласных перед буквой «есть» и пытаясь по-особенному произносить «ща» как «шча»: *«...Бра-а-а-а-тие, Бох ны посланники последний яви яко насмэртники-и-и-и... нам, последним посланникам, Бог судил быть как бы приговорёнными к смерти, потому что мы сделались позорищем для мира, для Ангелов и человеков. Мы безумны Христа ради, а вы мудры во Христе; мы немощны, а вы крепки; вы в славе, а мы в бесчестии. Даже доныне терпим голод и жажду, и наготу и побои, и скитаемся...»*

Отец-настоятель за такую любовь к древности порою журил его, говоря: «Ты лучше за смыслом следи, а не за

произношением. А то превращаем богослужение в историческую реконструкцию!» Но сельским бабушкам всё равно нравилось, потому что смысл они и так улавливали с трудом, а Фоменко читал истово, отчётливо выговаривая каждый слог.

После двух положенных евангельских чтений отец Андрей обвёл строгим взглядом столпившихся в тесном боковом приделе прихожан — и начал, перекрестившись:

— Во имя Отца и Сына и Святаго Духа! — Народ невпопад отвечал: «Аминь!» — Братья и сестры! Сегодня мы празднуем не только воскресный день, но и память святого Христова апостола — Андрея Первозванного. Прежде всего, поздравляю всех Андреев, наречённых в его честь, с днём тезоименитства. Надеюсь, все вы сегодня благоговейно причаститесь Святых Христовых Тайн. А пока давайте обратим особое внимание на только что произнесённые слова Священного Писания. Очень удачно соединились сегодня два чтения из апостола Павла. В Послании к ефесянам он призывает нас «укрепляться Господом и могуществом силы Его», «облечься во всеоружие Божие», потому что жизнь христианина — борьба, но вовсе не против людей, даже очень злых и нечестивых, а «против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесной», то есть демонов — бесов, проникающих в наши помыслы и подталкивающих ко греху. Значит ли это, что вся ответственность за наши грехи лежит именно на них? Ни в коем случае! Зло — это не яд, который можно насильно влить в наши уста или тайком подсыпать в чашу; зло — это не нож, вонзённый в сердце, не пуля, пробившая голову; потому что зло не только не вещественно, но и не духовно, иными словами — зла не существует...

— А так ли считали авторы первых апостольских жизнеописаний?.. — шепнул отец Ампелий Григорию. —

Их обвиняли во многих ересьях, в том числе в оригенизме и манихействе, подозревали в связях с апотактиками, апостоликами, энкратитами и прочими последователями Татиана и Маркиона. То же, наверное, можно сказать и о «Деяниях Андрея»...

— ...и вот, братья и сестры, Господь отправил в мир Своих апостолов — «последних посланников», «приговорённых к смерти», или — в славянском тексте Первого послания к коринфянам тут стоит прекрасное слово — «насмертников», которые «безумны Христа ради», «немощны» и пребывают «в бесчестии», «терпят голод и жажду, и наготы и побои, и скитаются, и трудятся, работая своими руками». А кто же мы с вами, по словам апостола Павла? Мы те, кто вместе с ангелами уже смотрит на мучения апостолов как на занимательное театральное представление, мы «уже мудры во Христе», «крепки» и пребываем «в славе». Насколько здесь ироничен апостол Павел и насколько серьёзен? Поверивший в Иисуса как Сына Божия действительно был безумен в глазах тогдашних эллинов-язычников и эллинов-философов, гностиков, мудрецов, не смевших и помыслить о том, что Бог, Творец вселенной, может воплотиться в смертное человеческое тело, заключить Себя в эту зловонную темницу. Поверивший же в Иисуса иудей, поверивший в него как в Мессию — по-гречески Христа, Помазанника, Царя-избавителя, — мог лишь опозориться, прослыть кощунником и скандалистом. Именно поэтому Павел от лица всех апостолов признаётся: «Мы как сор для мира, как прах, всеми попираемый доныне».

Отец Андрей откашлялся и, удостоверившись, что все, даже афонский гость, его внимательно слушают, продолжил:

— А теперь представьте себе первого из тех, кто решился стать всеми попираемым прахом, — апостола Андрея, который хоть и носил греческое имя, но был,

конечно, правоверным иудеем, как и его брат Симон (по-еврейски — *Шимон*, очень распространённое и тогда, и сейчас имя). Их отца звали Иона, хотя в некоторых древних рукописях Евангелия от Иоанна приводится иной вариант его имени — Иоанн. Но это не важно. И Андрей, и Симон, наречённый потом Петром, происходили из города Вифсаиды, что на берегу Геннисаретского озера. К тому моменту, когда Андрей появляется на страницах Священной истории, он жил неподалёку от родного городка — в Капернауме, в доме брата, с которым они вместе занимались рыбной ловлей. Симон-Пётр был женат, а Андрей сохранял безбрачие, будучи учеником Иоанна Предтечи, который, видя приближение Царства Небесного, призывал к покаянию и отречению от мира. Согласно Евангелиям от Матфея и Марка, проходя близ моря Галилейского (так ещё называли тогда Геннисаретское, или Тивериадское, озеро), Спаситель увидел двух братьев — Симона и Андрея, закидывающих сети, ибо они были рыболовы, и сказал им: «Идите за Мною, и Я сделаю вас ловцами человеков». И они тотчас, оставив сети, последовали за Ним. Затем Христос призвал в апостолы двух других братьев-рыбаков — Иакова и Иоанна, сынов Зеведея, чинивших в лодке свои сети. Евангелие от Иоанна, которое только что было прочитано по-славянски, повествует об этом событии несколько иначе и с большими подробностями, и тут важно понять, что никакого противоречия между Матфеем и Марком, с одной стороны, и Иоанном, с другой, — нет, потому что... поскольку...

Тут отец Андрей запнулся, даже ненадолго зажмурился, но, погладив бороду, вернулся к проповеди: — О том, что противоречия никакого нет, писали многие Отцы Церкви, толковавшие Священное Писание. Апостол Андрей действительно дважды приходил к Спасителю, но кто был первый его спутник, мы не знаем,

ибо он не назван в Евангелии от Иоанна по имени. Поэтому именно Андрей считается Первозванным, а не кто-то другой...

Отец Ампелий снисходительно улыбнулся и сказал Григорию:

— А ведь как хорошо начинал. Вещал гладко, правильно. Даже обнаружил некоторое знакомство с житийной традицией. Пока не дошёл до двух призваний апостола Андрея, описанных у Иоанна.

— ...Нет, братья и сестры! Не Пётр, который и старше Андрея был, и считается первоверховным апостолом, оказался первым. Именно Андрей привёл его к Иисусу, словно уловив его сеть, когда сказал: «Мы нашли Мессию!»

— Выкручивается, да не в ту сторону, — комментировал уже почти в полный голос отец Ампелий.

Но проповедь звучала всё твёрже и увереннее, поскольку отец Андрей, поборов наконец смущение, включил на аналое загодя положенный туда планшетник и время от времени заглядывал в него:

— В своей «Похвале» святому апостолу Андрею Первозванному святитель Иоанн Златоуст воссоздаёт его слова, обращённые к брату: «Мы нашли Мессию! Мы нашли сие сокровище! Избегай, Пётр, нищеты обрезания, поскольку не от него спасение. Освободись от разодранных рубищ Закона, свергни с себя его иго. Забудь свою родную Вифсаиду, оставь сеть как орудие нищеты, лодку как обиталище во время наводнения, рыбную ловлю как ремесло, зависящее от морских волн, оставь рыб как товар для чревоугодия, народ иудейский оставь — как превозношение пред Богом, а Каиафу — как отца лукавого сборища. Мы нашли Мессию, Которого предвозвестили пророки, Которого Закон провозгласил нам своим учением, как некой трубою. Мы нашли Мессию, Которого из древности предызобразили знамения, Которого Михей видел на Престоле Славы,

Которого Исаия зрел на серафимах, Которого Иезекииль видел на херувимах, Которого Даниил зрел на облаках, Которого Навуходоносор видел в огненной печи, Которого Авраам принял в шатёр, Которого Иаков не отпустил, прежде чем не получил от Него благословения, и Которого сзади увидел Моисей из расселины скалы, — вот Кого мы нашли, безначально рождённого и явившегося в наши дни!»

Отец Ампелий снова не сдержался:

— Только это не Иоанн Златоуст, конечно. В Четьих Минеях Дмитрия Ростовского, откуда ваш проповедник позаимствовал сию тираду, — ошибка. А вот ещё в макарьевских Минеях автором совершенно верно значится святитель Прокл, патриарх Константинопольский. Почему же вы до сих пор целиком не издали вашего Макария?

Фоменко пожал плечами. Чего только ещё не издано! Рукописные хранилища, доступные практически одним только «посвящённым», обладателям бумаг с гербовой печатью, способным бегло читать славянские и греческие манускрипты пятисот-, а то и тысячелетней давности, — хранилища эти ещё таят не только не изданные, но и не прочитанные, а то и вовсе не известные тексты, особенно если дошли они в поздних списках, коих сохранилось неизмеримо больше, чем древних. Остаётся либо искать самому, на что, возможно, уйдут годы или десятилетия, либо уповать на то, что редкостный коллега-археограф, просмотревший и описавший тысячи рукописей, вдруг укажет тебе заветный шифр, по которому можно будет заказать нужный тебе кодекс или его фрагмент, оказавшийся совсем в другом месте, переплетённый с совершенно другой книгой, — самому никогда не найти того, что ищешь, в таком хитром конволюте, а кудесник-рукописник, стоит ему только задуматься, добродушно

прищурившись, через пол минуты направит тебя по верному пути.

3. МАТЬ ВСЕХ ЕРЕСЕЙ

По окончании литургии Фоменко повёл отца Ампелия, настаивавшего на продолжении вчерашней экскурсии, по внутренней лестнице, выложенной прямо в белокаменной стене, между боковым приделом, где служили зимой, и основным, летним, столпом храма. Путь предстоял нелёгкий: лестница сначала круто загибалась винтом, а затем вдоль северного фасада высокими ступенями убегала вверх, к восточному основанию шатра, где оканчивалась небольшой дверцей, из которой открывался вид на заливные луга, пойму Москвы-реки и находящийся на том берегу городок с панельными многоэтажками и небольшой шатровой церковью, построенной окольничим Иваном Михайловичем Милославским, племянником самого царёва тестя. Так два шатра, большой и малый, один возведённый при Иване Грозном, другой — при Фёдоре Алексеевиче, перекликались с разных берегов реки.

— А давно ли вы открыли сей потайной ход? — спросил Григория отец Ампелий.

— Несколько лет назад размуровали. Но так до сих пор и не провели сюда свет, так что вчера ночью лезть было бы страшновато.

— И никаких других скрытых помещений тут не осталось? Подвалов, например?

— Копали здесь когда-то археологи, да ничего не нашли.

— А то смотрите, найдёте здесь библиотеку Ивана Грозного... — Отец Ампелий остановился передохнуть у маленького оконца, освещавшего почти всю лестницу.

— Шутите, отче?

— Вовсе нет. В некоторых греческих монастырях время от времени находят заброшенные книгохранилища, а там...

— Сравнили! В нашем-то климате никакая библиотека не проживёт без ухода и ста лет: или рукописи сами сгниют, или мыши их съедят. Или вообще поляки.

— Какие поляки?

— Среди многих безумных версий о библиотеке Ивана Грозного есть и такая. Дескать, в 1612 году поляки, осаждённые в Московском Кремле, съели все пергаменные рукописи.

Отец Ампелий расхохотался:

— Отлично придумано! В создании апокрифов вы не отстаёте от этих закоренелых выдумщиков — греков. На Афоне я к ним долго привыкал: верят каждой небылице. Но, слава Господу, наш монастырь — обитель учёных и оплот просвещения. Поэтому, надеюсь, вас, коллега Фоменко, также заинтересует один любопытный сюжетец, связанный как раз с апостолом Андреем, точнее — имеющий к нему непосредственное отношение.

Ледяной ветер дунул в распахнутую дверцу в конце лестничного хода. Отец Ампелий, прикрыв ладонью нижнюю часть лица, выглянул наружу и спросил:

— Дальше-то куда? Отсюда можно только свалиться. Или полететь, если ангелы подхватят.

— Некуда дальше. Разве что карабкаться на шатёр...

— Значит, лестница в небо! — заключил отец Ампелий, и они с Григорием повернули обратно. Спускаться по гигантским ступеням оказалось ещё тяжелее.

— Так вот, коллега Фоменко, группа специалистов по агиографии из разных стран (включая вашего покорного слугу) занимается поиском утраченных «Деяний апостола Андрея» — самого раннего текста,

содержащего сведения о его жизни после Христова Вознесения. Впрочем, и Новый Завет упоминает апостола Андрея крайне редко. О чём же повествуют «Деяния», нам почти неизвестно. Они известны по переработкам более поздних авторов (причём переработкам весьма радикальным!), по нескольким жалким отрывкам, в основном не по-гречески, а в переводе на другие языки — коптский, армянский, ещё, если не ошибаюсь, какой-нибудь эфиопский. Только вот не знаю, есть ли что-нибудь по-славянски... Именно затем, чтобы это выяснить, я и приехал в Россию. Кроме того, я бы взглянул на хранящиеся у вас греческие рукописи...

При этих словах глаза отца Ампелия как-то странно загорелись. Гриша молча кивнул.

— Очень надеюсь на вашу помощь. Вы же, насколько я знаю, занимаетесь славянской апокрифической литературой, так? Вот и мы хотим выяснить, насколько апокрифичны были «Деяния», излагается ли в них учение, отличное от того, которое донесли до нас канонические новозаветные книги. «Деяния Андрея» были созданы во втором веке, скорее всего, в его середине. На греческом, конечно, языке, но где именно, остаётся неясным. Наряду с «Деяниями Андрея» существовало ещё четыре аналогичных: Петра, Павла, Иоанна и Фомы — все они были объединены в особый корпус, приписываемый некоему Левкию Харину. Более или менее сохранились лишь «Деяния Фомы», остальные же, увы, также в основном утрачены. Впервые об этом корпусе апостольских «Деяний» в начале четвёртого века упоминает, и только, Евсевий Кесарийский, отец церковной истории, ссылаясь при этом на Оригена: «Фоме, как повествует предание, выпал жребий идти в Парфию, Андрею — в Скифию, Иоанну — в Асию, где он жил и умер в Эфесе. Пётр проповедовал, вероятно, иудеям, рассеянными по Понту, Галатии, Вифинии,

Каппадокии и Азии». Точнее, сами «Деяния» здесь ещё не упомянуты — более того, некоторые считают, что Ориген приводит предание, отличное от апокрифических актов, так как Фома, согласно его «Деяниям», проповедовал не в Парфии, а в Индии. О самих же «Деяниях Андрея» сообщается у Евсевия ниже, в той же третьей книге «Церковной истории», среди прочих «подложных», по его, безусловно, авторитетному мнению, сочинений...

Отец Ампелий говорил как по писаному, словно считывая текст, нацарапанный на стенах лестничной шахты. Грише даже на мгновение показалось, что он не спускается по белокаменным ступеням, а, воспаря мыслью, слушает лекцию в поточной аудитории.

— И вот что пишет Евсевий, — продолжал в той же манере афонский гость. — «Об этих книгах никогда не упоминал в своём сочинении ни один из церковных писателей. Притом сам их стиль уклоняется от апостольского, даже мысли и содержащиеся в них положения весьма далеко отступают от истинного православия и явно кажутся выдумками еретиков. Поэтому не только следует почитать их подложными, но и отвергать как нелепые и нечестивые». Впрочем, и сам Евсевий, будучи последователем Оригена, не был свободен от еретических воззрений, хорошо известно его заступничество за Ария, да и богословие его нельзя не признать полуарианским. Другое дело — оценки апостольских «Деяний» уже православными авторами, особенно таким борцом с ересями, как святитель Епифаний Кипрский...

По выходе из храма отец Ампелий считывал свою речь уже не со стен, а со свинцовых таблиц холодного зимнего неба, или, наверное, это учёный ангел летел вслед за ним и тихонько диктовал ему в отверстие уха:

— Мы остановились на Епифании, это уже ближе к концу четвёртого века... В своём «Ковчеге», описывая

несколько зловредных ересей, он сообщает, что соответствующие еретики пользовались апостольскими «Деяниями». Во-первых, так называемые энкратиты, или воздержники, последователи Татиана. Распространены они были в Писидии и Фригии, а также немного в Малой Азии и Сирии и исповедовали дуализм — противоборство доброго и злого начал. А «как первообразными писаниями, — пишет Епифаний, — пользуются они так называемыми Деяниями Андрея, Иоанна и Фомы и некоторыми подложными писаниями, а также какими им угодно словами Ветхого Завета. Брак ясно определяют как дело диавольское; и гнушаются животными, воспрещая вкушение их не ради воздержания и строгого образа жизни, но по страху и по тому представлению, чтобы не подвергаться за то осуждению. В таинствах употребляют они воду, а вина совсем не вкушают, утверждая, что оно от диавола и что пьющие и употребляющие вино — беззаконники и грешники».

— А про вино зря они так, — встрял в рассказ отца Ампелия уже порядком замёрзший Гриша, но тот невозмутимо продолжал:

— О распространении «Деяний Андрея» среди энкратитов свидетельствует примерно в то же время и святитель Амфилохий Иконийский во фрагментарно сохранившемся антимессалианском трактате «Против ложной аскезы».

«Эк он завернул!» — подумал про себя Фоменко.

— Во-вторых, апостолики, или иначе апотактики, также последователи Татиана, близкие энкратитам. Они отвергали брак и частную собственность, использовали не общепризнанные Писания, но преимущественно «Деяния» Андрея и Фомы. Наконец, самые нечестивые из еретиков — так называемые оригенисты, которые, притворяясь монахами, сожительствовали с женщинами, а чтобы те не беременели, изливали семя на землю или вовсе прибегали к помощи собственных рук. А затем они

ногами растирали по земле свои скверные истечения, дабы их семя не было похищено нечистыми духами для зачатия и порождения демонов.

Фоменко поморщился.

— О да, весьма странные персонажи эти оригенисты, — продолжал отец Ампелий. — Но всё, что мы о них знаем, известно только от Епифания, который мог и сгущать краски, чтобы бросить как можно более густую тень на ненавистного ему Оригена. Оригенисты пользовались и каноническими книгами Ветхого и Нового Завета, и некоторыми апокрифами, среди которых Епифаний называет только «Деяния Андрея». И многие латинские авторы четвёртого-пятого веков осуждали «Деяния» корпуса Левкия Харина как манихейское произведение, например Филастрий Брешианский в «Перечне ересей», Блаженный Августин в трактате «Против Феликса-манихея» или Еводий Узальский в сочинении «О вере против манихеев». С манихеями тут вообще большая проблема: с одной стороны, к ним относили почти всех еретиков, с другой — некоторые следы «Деяний Андрея», точнее, одна примечательная сюжетная деталь обнаружена мною в папирусных отрывках на коптском языке из «Манихейской псалтыри» третьего века. Одним из последних, кто в середине девятого века держал в руках собрание Левкия, был святитель Фотий, патриарх Константинопольский...

— А кто оказался совсем последним?

— Ну и вопросец вы мне задали... Кто же знает! Я подозреваю, что с каким-то списком «Деяний» был знаком византийский ритор начала десятого века Никита Давид Пафлагон и даже использовал их в своих вычурных творениях об апостоле Андрее... Интэ-рэсный чудаков был этот Никита... — И вдруг в том, как выговорил эти слова отец Ампелий, почудилось Грише что-то странно знакомое.

— Так что же Фотий?

— А Фотий в сто четырнадцатой главе своей «Библиотеки» подверг «Деяния» корпуса Левкия совершенно уничтожающей критике. «Стиль книги, — пишет он, — совершенно неровный и коверканный; слова и обороты в ней иногда и свободны от небрежности, но большей частью грубы и банальны; здесь нет и следа лёгкости и непосредственной выразительности, а также того соответствующего природного изящества, которым отмечен язык Евангелий и Апостола. Текст полон нелепостей, несообразностей и противоречий. Автор утверждает, что иудейский бог, которого он называет злым и чьим служителем был Симон Волхв, — это один бог, а Христос, Которого он называет благим, — другой. Смешивая и путая всё, что можно, он зовёт Его и Отцом, и Сыном. Там же говорится, что Он никогда не был человеком во плоти, но только казался им; что Он являлся в разное время в разном обличье Своим ученикам — юношей, старцем, мальчиком, и снова старцем, и снова мальчиком, то высоким, то низкорослым, то настолько огромным, что Его голова почти достигала неба. Автор также выдумывает множество пустых и глупых небылиц о Кресте, говоря, что распят был не Христос, а кто-то вместо Него, и что поэтому Он смеялся над распинающими. Здесь отвергаются законные браки, а всякое деторождение объявлено злом и плодом зла... Кроме того, здесь рассказываются ужасные истории о глупых и несерьёзных случаях воскресения мёртвых людей, быков и прочего скота». Свой обзор Фотий заканчивает суровым приговором всему собранию Левкия: «Книга состоит из мириад ребяческих, неправдоподобных, непродуманных, лживых, глупых, противоречивых, нечестивых и безбожных утверждений, так что не будет ошибкой назвать её источником и матерью всех ересей». Последнее обвинение выглядит преувеличенным, не

правда ли? Неужели одна-единственная книга может породить сразу все ереси? Это прямо как ваши бабки, которые на исповеди говорят, что грешны всеми грехами.

— А есть ли какое-нибудь разумное объяснение столь яростному обличительному пафосу Фотия, кроме того, что книга действительно ужасна? — поинтересовался Фоменко.

— Конечно. То есть мы можем лишь догадываться. Всё дело, как водится, в политике. Фотию, похоже, не нравилось, что в «Деяниях Андрея» ничего не говорилось о том, что Андрей Первозванный поставил первого епископа Византия — будущего Константинополя, а для Фотия это уже значило вот что: не только первый Рим, но и второй мог похвалиться апостольским преемством. В период особенно острого конфликта между папским и патриаршим престолом предание об Андрее Первозванном должно было служить Фотию мощным идеологическим оружием. Именно в девятом веке появляются новые, уже хорошо до нас дошедшие, версии жития апостола, а неудобные «Деяния», несомненно, куда более древние, предаются забвению. Возможно, их византийские рукописи сознательно уничтожались, по крайней мере не переписывались. Только вряд ли Фотий уничтожил тот экземпляр, который был в его распоряжении. Он, конечно, сохранился в Патриаршей библиотеке, и не исключено, что пережил нашествие крестоносцев, а затем... Затем одна надежда — что он сохранился в том книжном собрании, что вывез в Рим в 1462 году Фома Палеолог, брат последнего византийского императора. Кстати, прихватив с собой из Патр честную главу и некий крест, якобы апостола Андрея. Вроде бы в приданое его дочери Софьи вошли эти книги и оказались потом с нею в Москве, а если ещё и библиотека Ивана Грозного чудом уцелела...

— И опять вы к этой библиотеке!.. — начал было возмущаться Фоменко, но отец Ампелий его одёрнул:

— Ладно-ладно, Григорий. На Государственную рукописную библиотеку — или как там вы её сейчас зовёте? — у меня надежд куда больше. Пойдёмте в дом, на трапезу, там нас уже заждались.

Учёная беседа продолжилась и за обедом. Отец Ампелий вступил в спор с настоятелем, доказывавшим первичность Евангелия от Матфея по отношению к Евангелию от Марка, но не долго упорствовал. Кроме того, московские отцы расспрашивали афонского о жизни в Симонопетрском монастыре, где тот подвизался. Оказалось, что ежедневное, кроме праздников, занятие наукой было включено в монашеское правило отца Ампелия, который оказался знаком со всем цветом западной библеистики, патрологии, литургики, агиографии, лингвистики и археологии. Таких необычных гостей в N-ском приходе, пожалуй, ещё не бывало.

4. «С ПРИЧАЛА РЫБАЧИЛ АПОСТОЛ АНДРЕЙ...»

Сразу после трапезы Григорию поручили довести отца Андрея до метро, остальным же можно было продолжать общение с афонским гостем. На прощание он сказал Григорию, чтобы тот обратил пристальное внимание на все противоречивые и странные места в житиях апостола Андрея, особенно в славянской традиции, и что он, отец Ампелий, пока в Москве, с ним ещё непременно свяжется и сообщит нечто чрезвычайно важное.

Когда же тронулись в путь, отец Андрей осенил крестным знаменiem убегающую под колёса автомобиля дорогу и первым делом заговорил об отце Ампелии:

— Мне, конечно, очень лестно, что пришлось пообщаться с таким маститым учёным, как этот ваш афонский старец, только не показалось ли тебе, Гриша, что он надо мной всё время как бы подтрунивал?

— Ничуть, отче. Твоя проповедь ему очень даже пришлась по вкусу, в особенности начало.

— Будь он грек, то всё с ним было бы понятно: себе на уме — как оно и положено греку. А ведь он не пойми откуда на Афоне взялся, из какой страны туда прибыл — не говорит. Какой хоть фамилией он свои статьи подписывает?

— Не фамилией, а монашеским прозвищем — Ампелий Симонопетрит. Фамилии его, кажется, никто не знает. Но просто кладёшь премудрости — такой, что и все чудачества ему простить можно. Пару лет назад он мне очень помог в поиске греческого оригинала одного апокрифа, который к тому моменту был известен только по-славянски. Точнее, не греческого даже, а коптского: он читает, пожалуй, на всех языках, новых и древних.

— Ох, Гриша, всё равно мне его учёность подозрительна. Много ли от неё веры прибавляется, а? Кабы не наоборот...

Я хотя и учусь в академии — владыка благословил, куда денешься? — но про себя понимаю: как засосёт вся эта церковная наука, одолеют сомнения — так в какую-нибудь ересь и впадёшь, разуверишься по крайней мере. И заметь, кто, например, такие лучшие в мире библеисты? Все сплошь протестанты. Агиологи кто? Католики одни. Всё-то они понимают, все рукописи изучили, издали, откомментировали, составили сотню словарей — а вера-то у них где? В словарях, что ли? А мне в нашем соборе, в райцентре нашем, десять отпеваний на дню, пять крещений, да ещё сотню старушек исповедовать — тут на ваших критических изданиях далеко не уедешь. Другое дело, — и отец Андрей сразу даже как-то вострепнулся, — сирийские

отцы... Очень у них стихи задушевные получались, а если ещё и по-сирийски читать, так совсем молитвенно выходит, одна сплошная благодать.

Чтобы как-то незаметно свести на нет неприятный ему разговор, Гриша делал вид, что следит только за дорогой, не отвлекаясь на собеседника, и даже включил радио. Хорошо знакомая мелодия проигрыша со встречающей в неё партией флейты напомнила ему о том времени, когда он студентом-практикантом в археологической экспедиции на Тамани слушал эту самую песню по несколько раз в день на раскопе, где крутили всего пару кассет, а потом ещё повторяли их содержимое ночью у костра, подвывая дурным голосом под гитарный бой:

С причала рыбачил апостол Андрей,
А Спаситель ходил по воде.
И Андрей доставал из воды пескарей,
А Спаситель — погибших людей.

— Ишь как подгадали под сегодняшний праздник, — не удержался отец Андрей.

— Думаешь, специально в календарь заглядывают?

— Это, конечно, вряд ли. Просто так совпало. Промыслительно. Эту песню я сам когда-то пел. Мы с пацанами в гараже пытались делать свою рок-группу. На всю страну знаменитая песня! Но при этом лично мне очень обидно, что большая часть соотечественников наших, русских православных людей, а особенно молодёжь знает о святом апостоле Андрее только то, что поёт о нём «Наutilus». Но ведь не было ничего такого, что поётся, не было, вымысел это всё, а за душу хватает...

— А не боишься, опять же, в ересь впасть, слушая песенку эту?

— Как не бояться? Боюсь. Потому и не пою давно ничего такого, хотя и среди ваших московских батюшек находятся любители... Знаешь ведь, чем кончил автор этой песни, ну то есть текста?

— Умер пару лет назад.

— А перед смертью принял ислам! Вот и слушай теперь творения вероотступника...

«Чем не современный апокриф?» — подумал Фоменко о соблазнительной песне, сворачивая на МКАД. А тем временем усиливался снегопад, и по серой, тонущей в мареве трассе вилась унылая позёмка и будто подпевала захлёбывающемуся радиоголосу:

Видишь, там на горе-е-е
возвышается крест.
Под ним десяток солдаат.
Повиси-ка на нё-о-о-м...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ПАЛЕСТИНА

1. ЗАГАДКИ ПЕРВОГО ПРИЗВАНИЯ

«Проходя же близ моря Галилейского, Он увидел двух братьев: Симона, называемого Петром, и Андрея, брата его, закидывающих сети в море, ибо они были рыболовы, и говорит им: «Идите за Мною, и Я сделаю вас ловцами человеков». И они тотчас, оставив сети, последовали за Ним. Оттуда, идя далее, увидел Он других двух братьев, Иакова Зеведеева и Иоанна, брата его, в лодке с Зеведеем, отцом их, починивающих сети свои, и призвал их. И они тотчас, оставив лодку и отца своего, последовали за Ним. И ходил Иисус по всей Галилее, уча в синагогах их и проповедуя Евангелие Царствия, и исцеляя всякую болезнь и всякую немощь в людях».

Эти слова Евангелия от Матфея (и почти те же — во вторящем ему Евангелии от Марка) он знал наизусть, как и чуть ли не весь Новый Завет, но, видя их в книге, всякий раз задавался свербящими вопросами. Кто были первые призванные Иисусом братья? Знаем ли мы о них что-нибудь, кроме того, что были они рыболовами? Евангелист Иоанн сообщает, что родом они, как и апостол Филипп, были из Вифсаиды, располагавшейся неподалёку на берегу Галилейского моря. Но более всего не давало ему покоя то, что Иоанн описывал призвание первых учеников совсем по-иному и приурочивал его к совсем другому времени и месту:

«На другой день опять стоял Иоанн [Креститель] и двое из учеников его. И, увидев идущего Иисуса, сказал: «Вот Агнец Божий».

Услышав от него сии слова, оба ученика пошли за Иисусом. Иисус же, обратившись и увидев их идущих, говорит им: «Что вам надобно?» Они сказали Ему: «Равви, — что значит: учитель, — где живешь?» Говорит им: «Пойдите и увидите». Они пошли и увидели, где Он живет; и пробыли у Него день тот. Было около десятого часа.

Один из двух, слышавших от Иоанна об Иисусе и последовавших за Ним, был Андрей, брат Симона Петра. Он первый находит брата своего Симона и говорит ему: «Мы нашли Мессию», — что значит: Христос; и привел его к Иисусу. Иисус же, взглянув на него, сказал: «Ты — Симон, сын Ионин; ты наречёшься Кифа, что значит: камень (Пётр)»».

Роскошный пергаменный кодекс с Четвероевангелием изготовлен был совсем недавно, судя по ни с чем не сравнимому запаху свежевыделанной телячьей кожи, яркому цвету чернил и красок, которыми были искусно написаны — видимо, лучшими миниатюристами патриаршего скриптория — иллюстрации: вот два брата-апостола на фоне золотого неба, склоняясь из лодки к лазурно-ультрамариновым волнам, держат серебристую сеть, а с берега их уже благословляет Спаситель — это у Матфея; или, также в окружении золота, Иоанн Креститель со свитком в руке указывает на Него, а два его ученика, один из которых, несомненно, Андрей, с распростёртыми руками устремляются в Его сторону — это у Иоанна. Кто же был второй ученик? Почему он не назван по имени? И где в то время находился Симон-Пётр? Миниатюры ответа на это не давали.

В Студийском монастыре, откуда в Патриаршую библиотеку был направлен монах Епифаний, подобные книги, конечно, делали, но не столь обильно украшенные золотом. Неистовый Феодор, их настоятель, держал в чёрном теле и себя, и свою братию, а из

богатых подношений значительную часть направлял на книги, ревниво следил за работой патриарших писцов и художников, некоторых даже переманивал к себе, благо в его обители они, создатели божественных изображений, чувствовали себя спокойнее, чем вблизи от императорского дворца, где под покровительством василевса Льва собирался злокозненный иконоборческий кружок, вот-вот готовый направить мечи гвардейцев на православных почитателей святых икон. Студийский же игумен славился своей верностью иконопочитанию, непреклонностью перед властями и строгостью монашеских нравов, распространявшейся и на писцов: за сбитую строку — а линеек для них Феодор делать не разрешал — полагались десятки земных поклонов.

Собирая материалы для жития Пресвятой Богородицы, Епифаний постоянно сверялся и с лучшими рукописями Священного Писания, и с трудами Отцов Церкви — иначе нельзя было понять, где в древних текстах истина, а где ложь, где выдумки сочинителей-еретиков, а где — достоверное предание о жизни Божией Матери. Тогда же, зимой 6323 года от Сотворения мира, накануне 814-й годовщины Рождества Христова, по счёту Дионисия Малого, сидя в Патриаршей библиотеке (богатеишей в Городе, а значит, и в мире!), Епифаний задумал собрать как можно больше сведений и об апостолах, прежде всего об Андрее, основателе Константинопольской кафедры, ставшей теперь первой на всём Востоке. Где, как не здесь, под светлыми сводами Святой Софии, на южных хорах, соединённых переходами с покоями патриарха, можно найти всё, что требовалось для столь благочестивого начинания! Здесь хранились самые ценные, самые редкие жемчужины библиотеки, располагавшейся большей частью в одной из пристроек — Фомаитском

триклинии. Но там работали простые монахи, а сюда пускали не всех — лишь избранных.

Епифаний уже сочинил начало своего труда об апостолах — книги, которая должна была стать и первым подлинно православным их жизнеописанием, очищенным от еретических наслоений, и поистине учёнейшим сочинением, основанным на всех известных ему (и покуда ещё не известных) древних писаниях. На одной из своих восковых дощечек он успел нацарапать:

«Многие уже описали жития и деяния боголюбивых мужей и жён на ревность и подражание желающим идти по небесной стезе и имеющим надежду вкусить Царствия Небесного посредством многих скорбей и трудов: например подвигами, борьбою против дьявола, свершениями и чудотворениями мучеников (впрочем, не только этим, но и молчаливством, бегством от мира и телесным устроением преподобных подвижников), — да, многие святые почтены жизнеописаниями, а жизнь блаженных апостолов никто ещё достойно не описал, поэтому я, монах и пресвитер Епифаний, ревностно ища здесь и там, решил найти и выбрать сведения об этом у очевидцев и богоносных мужей...»

«Очевидцами» были, конечно, Священное Писание и прижизненные изображения апостолов, которые, по слухам, ещё можно было отыскать в отдалённых монастырях, не осквернённых иконоборцами полвека назад. Но изображений этих он пока ещё не видел, кроме тех, что бессовестные торговцы на Месе выдавали за подлинные прижизненные иконы Христа, Богородицы и апостолов. Впрочем, и современные, и не столь отдалённого времени иконы были для Епифания авторитетнейшими свидетелями истинности Христова воплощения и проповеди Его учеников, но они, увы, не многое могли рассказать о их жизни. Андрея, например, изображали обычно с всклокоченными волосами, но никто из иконописцев не мог объяснить ему, почему

именно, да и писания богоносных отцов никак не истолковывали столь странную черту апостольского облика. Что же до Писания, то оно во многих местах казалось противоречивым и загадочным: друг с другом часто не сходились не только Иоанн и другие евангелисты, «синоптики», но и между последними не всегда царило полное единогласие. Почему у Матфея и Марка Иисус Своею волею, как власть имеющий, призывает Петра и Андрея, а у Иоанна — лишь показывается Андрею и ещё одному безымянному ученику Предтечи и они сами идут за Ним? Как, имея в распоряжении эти два, очевидно разные, события, объединить их в одно, чтобы начать (а без этого никуда!) правдивое и православное житие апостола?

Оставалось одно — искать помощи в текстах святых отцов, и вот они уже выложены на аналой библиотекарем Фомой: папирусные свитки с сочинениями Климента Римского и Евагрия Сицилийского, пергаменные — Василия Великого, Иоанна Златоуста, кодексы с толкованиями Кирилла Александрийского и апостольскими списками Епифания Кипрского — все великие предшественники достойны упоминания в будущем житии первозванного апостола!

2. ТОЛКОВАНИЯ ОТЦОВ

Передавая Епифанию один из кожаных футляров со свитком Златоуста, Фома предупредил:

— Очень осторожно! Написано рукою самого святителя...

Епифаний благоговейно облобызал книгу, но позволил себе усомниться:

— Вижу, брат, что рукопись старинная, но не нас, студитов, тебе удивлять. Оставь это гостям из дальних

монастырей! Для меня же главное, чтобы это был лучший список — без искажений и ошибок, понимаешь?

— Ладно-ладно. Но автограф святителя Иоанна у нас всё же имеется: несколько строк на одной грамоте. Очень любопытная грамота... Хранится в личных покоях патриарха.

Развернув толкование на Евангелие от Матфея, Епифаний убедился, что Златоуст уверенно снимает противоречие между «синоптиками» и Иоанном Богословом. Оказывается, описанное Матфеем и Марком призвание было вторым, «о чём можно заключить из многих признаков, — прочитал он у святителя. — Именно, у Иоанна говорится, что они пришли к Иисусу, когда Иоанн ещё не был посажен в темницу; а здесь — что они пришли после его заточения. Там Андрей призывает Петра, а здесь обоих Сам Христос. Притом Иоанн говорит, что Иисус, увидев Симона, идущего к Нему, сказал: «ты — Симон, сын Ионин; ты наречешься Кифа, что значит: камень». А Матфей утверждает, что Симон уже назывался этим именем; именно он говорит: «видел Симона, называемого Петром». То же показывает и самое место, откуда они были призваны, и многие другие обстоятельства, — например, и то, что они легко послушались Его, и то, что оставили всё: значит, они ещё прежде были хорошо приготовлены к этому. И действительно, из Иоаннова повествования видно, что Андрей приходил в дом к Иисусу и слышал от Него многое; здесь же видим, что они, услышав одно только слово, тотчас за Ним последовали. Вероятно, что они, сначала последовав за Иисусом, потом оставили Его, и увидев, что Иоанн посажен в темницу, удалились и опять возвратились к своему занятию; потому Иисус и находит их ловящими рыбу. Он и не воспрепятствовал им сначала удалиться от Него, когда они того желали, и не оставил их совершенно, когда удалились; но, дав

свободу отойти от Себя, опять идёт возвратить их к Себе. Вот самый лучший образ ловли!»

Но даже если допустить, что призвание на Галилейском море было вторым, то и оно по-разному описано у «синоптиков» и Иоанна. Что же произошло на самом деле: Иисус окликнул братьев или они сами пришли к Нему? Об этом Златоуст не говорит ничего, но поучает нас примером апостольской веры:

«Посмотрите же, какова их вера и послушание! Они заняты были своим делом (а вы знаете, как увлекательна рыбная ловля) — но, как только услышали призыв Спасителя, не медлили, не отложили на потом, не сказали: «Сходим домой и посоветуемся с родственниками?» — но, оставив всё, устремились к Нему точно так же, как Елисей последовал за Илиёй. Христос желает от нас такого послушания, чтобы мы ни на мгновение не откладывали следования за Ним, хотя бы и препятствовала тому самая крайняя необходимость. Вот почему, когда некто другой пришёл к Нему и просил позволения «похоронить отца своего», Он и этого не позволил ему сделать, показывая тем, что следование за Ним должно предпочитать всему. Ты скажешь, что им много было обещано? Но потому-то я особенно и удивляюсь им, что они, не видев ещё ни одного знамения, поверили столь великому обещанию и всему предпочли следование за Христом — поверили, что и они в состоянии будут уловлять теми же словами других, какими уловлены были сами!»

Епифаний был восхищён красноречием и мудростью Иоанновой проповеди. Даже записанная на пергамене и читаемая здесь и сейчас недостойным и многогрешным монахом, она звучала так, будто сам Златоуст произносил её посреди церкви в Антиохии, окружённый любовью и почитанием слушателей.

— Нет и не может быть тут никаких противоречий! — воскликнул Епифаний, и библиотекарь Фома,

задремавший было над своим аналоем, испуганно взглянул на студийского монаха.

— Завтра, брат Епифаний, в канун Христова Рождества, — сказал ему Фома, — после Божественной литургии вместе с Феодором и другими студитами ты должен последовать за патриархом и всем клиром и мирянами в его покои. Феодор знает для чего. Брат его, архиепископ Иосиф, тоже. Ты же, погружённый в чтение отцов и благочестивое писательство, мог и не слышать...

— Нет, Фома, я знаю, знаю. Я сам отвозил письмо Иосифу в Фессалоники, и вот он здесь, как и многие другие епископы.

В поисках ответа на всё ещё мучивший его вопрос, кем был второй ученик Предтечи, вместе с Андреем последовавший за Иисусом, Епифаний развернул другой свиток Златоуста, с толкованиями на Евангелие от Иоанна, — и сразу же нашёл нужное место:

«Почему евангелист не назвал имени и другого ученика? Некоторые объясняют это тем, что второй ученик, последовавший за Христом, был тот же, который и написал об этом, то есть сам Иоанн Богослов; другие же думают иначе — что он был не из числа избранных учеников, а евангелист рассказывал только о лицах, более замечательных. Но что пользы узнавать имя этого ученика, когда не названы имена и семидесяти двух апостолов? А об Андрее упомянуто ещё по одной причине. Какая же это причина? Та, чтобы ты, зная, как Симон с Андреем, лишь услышали: «Идите за Мною, и Я сделаю вас ловцами человеков», — не усомнились в этом необычайном обетовании, — чтобы, говоря, ты знал и то, что начатки веры ещё прежде Симона положены братом его».

— Именно! — и тут не удержался Епифаний. — Прежде брата своего уверовал Андрей, а с ним и сам Иоанн, таинственнейший из евангелистов.

«...Бог Своими дарами не предваряет наших желаний, но лишь когда мы сами устремимся к Нему, тогда и Он подаёт нам многие способы к спасению. «Что вам надобно?» — сказал Иисус ученикам Крестителя. Что это значит? Ему ли, ведущему сердца людей, проникающему в наши помышления, — Ему ли спрашивать? Но Он спрашивает не для того, чтобы узнать, а чтобы вопросом ещё более приблизить их к Себе, сообщить им более дерзновения и показать, что они достойны беседовать с Ним. Они, вероятно, стыдились и страшились, как люди незнакомые с Ним и только от своего учителя слышавшие свидетельство о Нём. Чтобы уничтожить в них стыд и страх, Он Сам спрашивает их и не оставляет их в молчании идти до Его жилища. Впрочем, может быть, то же было бы, если бы Он и не задал вопроса, потому что они не перестали бы идти за Ним и по Его следам пришли бы к Его жилищу. Для чего же Он спрашивает их? Для того, как я сказал, чтобы успокоить их смущённое и беспокойное сердце и внушить им дерзновение. Между тем они выразили свою преданность Христу не только в следовании за Ним, а и в самом вопросе. Не будучи ещё учениками Его и ничего не слыша от Него, они уже называют Его учителем, причисляют себя к Его ученикам и показывают причину, по которой они последовали за Ним, — они желали услышать от Него что-либо полезное. Заметь же и благоразумие их. Они не сказали: «Научи нас догматам или чему-либо другому нужному», — но — что сказали? — «Где живёшь?» Они хотели в уединении беседовать с Ним о чём-либо, послушать Его, научиться от Него; поэтому они и не откладывают своего намерения, не говорят: «Придём на другой день и послушаем Тебя, когда Ты будешь говорить в собрании народа», — но показывают всё своё усердие к слушанию, от чего не удерживаются и самым временем. Солнце уже склонялось к западу, поскольку сказано: «Было около

десятого часа». Поэтому и Христос не рассказывает им примет своего жилища, не назначает места для беседы, а только более и более привлекает их к следованию за Ним, показывая, что принимает их к Себе. Поэтому также Он не сказал и ничего вроде того: «Теперь не время вам идти в моё жилище. Приходите завтра, если хотите услышать что-нибудь, а теперь ступайте домой», — нет, Он беседует с ними как с друзьями и людьми, уже долгое время бывшими с Ним. Отчего же Он в другом месте говорит: «Сын Человеческий не имеет, где приклонить голову», — а здесь: «пойдите и увидите», где живу? Но слова «не имеет, где приклонить голову» означают, что Он не имел собственного пристанища, а не то, чтобы Он не жил ни в каком доме. На это и указывает приточное выражение. Далее евангелист говорит, что они пробыли у Него тот день, а для чего — об этом он не сообщает, потому что цель ясна сама по себе. Ни для чего другого и они последовали за Христом, и Христос их привлекал к Себе, как для назидания. И в одну ночь насладились они Его учением в таком обилии и с такою охотой, что немедленно оба пошли привлекать и других ко Христу.

Отсюда научимся и мы предпочитать всему слушание божественного учения и никакого времени не будем считать для того неудобным; но, хотя бы нужно было войти в чужой дом, хотя бы тебе пришлось знакомиться со знатными людьми, хотя бы и несвоевременно — никогда не будем упускать такого приобретения. Пища, пиры, бани и прочие житейские дела — пусть для них будет определённое время, изучение же высокой философии не должно иметь никаких определённых часов: ему должно принадлежать всё время».

Последняя мысль Златоуста так тронула Епифания, что он переписал её себе на дощечку, чтобы выучить наизусть и цитировать при общении с мирянами,

особенно императорскими сановниками, которые превыше мудрости и познания истины ставили суетные удовольствия.

С хор Святой Софии было видно, как движется вокруг её купола солнце, пробиваясь сквозь вереницу окон, роняя свои лучи на зеркала-подоконники, собираясь в сияющее облако под золотыми мозаиками, над шестикрылыми серафимами, венчающими храмовые столпы. Время, отведённое на работу в патриаршей сокровищнице, таяло, и, неохотно отложив свиток с Хризостомовыми проповедями, Епифаний раскрыл толстый кодекс в тиснёном кожаном переплёте с причудливыми бронзовыми застёжками. Святителя Кирилла Александрийского он нашёл, однако, менее убедительным: в его толкованиях не было того стремления к разъяснению тайного, как у Златоуста, к явлению простой истины, казавшейся до того незримой и непостижимой. Кирилл лишь поучал: «Дело учительской доблести — ещё не усвоенное научение внедрять в души учеников посредством неустанного и терпеливого повторения для пользы учеников. Не помедлил Креститель указать на Господа своим ученикам и вторично сказать: «Вот Агнец Божий», — и принёс им тем самым великую пользу, поскольку убедил их наконец последовать за Ним и охотно стать Его учениками».

Но следующие слова Кирилла, посвящённые общению с Иисусом первых Его учеников, Епифанию понравились больше: «Прилежно познавали ученики Божественные тайны, ибо любителям науки, полагаю, следует иметь ум не скоропресыщающийся, но трудолюбивый, побеждающий малодушие добрыми трудами и во всё время жизни отличающийся полным прилежанием», — их он тоже скопировал себе на дощечку, коих принёс с собой целый ворох, чтобы не отлучаться лишний раз на окраину Города, где

находился Студийский монастырь. Впрочем, за чистыми церками он мог посылать и своего помощника, монаха Иакова, но решил приберечь его силы для далёкого и долгого путешествия, контуры которого перед ним пока только вырисовывались.

3. СОПЕРНИК ИУДЫ

Отца Ампелия так никто в Москве больше и не видел. Хотя он и обещал Григорию, что они ещё обязательно встретятся, но ни разу ему не позвонил и не наведлся в институт, чьи двери были всегда открыты для разного рода посетителей. Поэтому об апостоле Андрее Григорий почти забыл, разве что заглянул в канонические Евангелия, где его зацепила одна деталь, на которую как будто бы ещё никто не обращал внимания: складывалось впечатление, что Андрей Первозванный выполнял в общине апостолов некую административную функцию, связывавшуюся обычно с именем Иуды Искарота. Иуда носил ящик для пожертвований, служил казначеем апостолов, но связь с внешним миром поддерживал именно Андрей, причём вместе с Филиппом, — и только у этих двух из двенадцати апостолов были греческие имена. Случайность, совпадение или всё же что-то значимое?

На горе близ Тивериады, как сообщает евангелист Иоанн, вокруг Иисуса собралось множество народу, и Он, видя это, «говорит Филиппу: «Где нам купить хлебов, чтобы их накормить?»» Говорил же это, испытывая его; ибо Сам знал, что хотел сделать. Филипп отвечал Ему: «Им на двести динариев не довольно будет хлеба, чтобы каждому из них досталось хотя понемногу». Один из учеников Его, Андрей, брат Симона Петра, говорит Ему: «Здесь есть у одного мальчика пять хлебов ячменных и две рыбки; но что это для такого

множества?» Иисус сказал: «Велите им возлечь». Было же на том месте много травы. Итак, возлегло людей числом около пяти тысяч. Иисус, взяв хлеба и воздав благодарение, роздал ученикам, а ученики возлежавшим, так же и рыбы, сколько кто хотел. И когда насытились, то сказал ученикам Своим: «Соберите оставшиеся куски, чтобы ничего не пропало». И собрали, и наполнили двенадцать коробов кусками от пяти ячменных хлебов, оставшимися у тех, которые ели. Тогда люди, видевшие чудо, сотворённое Иисусом, сказали: «Это истинно Тот Пророк, Которому должно придти в мир»».

При столь скудных сведениях об Андрее, которые можно почерпнуть из Нового Завета, всякое даже беглое упоминание о нём наводило на размышления. Почему о том, что у кого-то в толпе есть пять хлебов и две рыбы, знал именно Атщрей? Он же усомнился в чуде, точнее — и не догадывался, что чудо возможно. В другом месте Евангелия от Иоанна, после Входа Господня в Иерусалим, Андрей выступает посредником между Иисусом и — на сей раз — язычниками и прозелитами, и снова не без участия Филиппа:

«Из пришедших на поклонение в праздник были некоторые Еллины. Они подошли к Филиппу, который был из Вифсаиды Галилейской, и просили его, говоря: «Господин! нам хочется видеть Иисуса». Филипп идёт и говорит о том Андрею; и потом Андрей и Филипп рассказывают о том Иисусу. Иисус же сказал им в ответ: «Пришёл час прославиться Сыну Человеческому»».

Не потому ли эллины обращаются сначала к Филиппу, что тот носил привычное для них греческое имя? Но и Филипп не решается сам рассказать Иисусу о их желании видеть Его, прибегая к помощи Андрея. Какую роль в этом деле играл Первозванный апостол? И что за обязанности были у него в общине учеников Иисуса?

— Прямо какой-то тайный соперник Иуды, — подытожил размышления Григория его институтский коллега Никифоров, с которым тот поделился своими догадками во время одного из перекуров.

— Ну уж ты, Лёва, и придумаешь! — сам удивился такому выводу Фоменко.

— А почему нет? — Никифоров любил пофантазировать, в том числе и в своих статьях, не то что в досужих разговорах. — Смотри: кто у нас Андрей? Первый ученик, так? А последние станут первыми, как предсказывал Сам Иисус. Иуда среди всех апостолов, до того как предал Учителя, почти нигде не упоминался: ну, Иуда и Иуда какой-то, финансист жалкий, Ротшильд Рокфеллерович жидомасонский. Точно я тебе говорю: на роль предателя сначала метил именно Андрей, но — сорвалось, понимаешь. Финансист его опередил. Сомнительная у них вообще семейка была, склонная к разным выходкам. Кто был брат у Андрея? Пётр. Этот вообще чуть не утонул, когда решил прогуляться по воде, он же и отрубил ухо одному рабу — помнишь такое? А потом и вовсе трижды отрёкся от Иисуса! Неужели Андрей был не той же ненадёжной породы?

— Тебе бы альтернативную историю писать, — осадил его Фоменко. — По евангельским сюжетам. Очень модный жанр, неумирающий. Какое-нибудь «Евангелие от Андрея», где всё с ног на голову будет переставлено.

— Ну да, тут такое можно сочинить... Андрей не только до Новгорода — он у меня до Чукотки на оленях прокатится! А оттуда в Америку. По льду, или нет, лучше по воде.

Когда Фоменко с Никифоровым вернулись к себе в отдел, их ждал неожиданный факс. Младшие научные сотрудницы с любопытством передавали друг другу длинный бумажный свиток, на котором красовались печать с Богородицей и двуглавый орёл непривычной

формы, а под ним надпись по-гречески: «*Мера кинотис Лгиу Ору с Лфо*».

— Вам письмо... — передала этот свиток Григорию, залившись румянцем, одна из сотрудниц.

— Ай-ай-ай! — возмутился Никифоров. — Не-хо-рошо чужие письма читать. Дай-ка глянуть. С Афона?

Григорий просмотрел факс:

— Да. Ампелий пишет, больше месяца пропадал. Чудно только — по-русски, но в старой орфографии. Да ещё на официальном афонском бланке.

Письмо было написано целиком от руки, чётким каллиграфическим почерком:

«Милостивый Государь Григорій Александровичъ!

Прежде всего прошу у Васъ прощенія за свой скоропалительный отъѣздъ изъ Россіи и за долгое отсутствіе вѣстей отъ меня. Кромѣ того, надѣюсь, Вы извините меня за сіе отснятое рукописаніе вмѣсто привычнаго электроннаго письма: принятые мною обѣты препятствуютъ мнѣ въ настоящее время пользоваться компьютеромъ, тѣмъ болѣе имѣть доступъ въ Интернетъ.

Итакъ, я неслучайно просилъ Васъ обратить особое вниманіе на фигуру св. апостола Андрея Первозваннаго, точнѣе — на отраженіе въ христіанской книжности преданій о его жизни, въ т. ч. въ Славянскихъ переводахъ, до коихъ я тѣшу себя надеждой добратъся съ Вашею помощію. Въ Государственной рукописной библиотекѣ хранится старѣйшій изъ извѣстныхъ мнѣ (1420-го года отъ Р.Х.) списковъ Славянскаго перевода Житія ап. Андрея, составленнаго Епифаніемъ Монахомъ въ первой половинѣ IX вѣка, — первой, пространной, редакціи, отъ которой ни въ одной Греческой рукописи не сохранилось начала.

Не могли бы Вы заглянуть въ сей сборникъ (основное собраніе Троице-Сергіевой лавры, № 669) и посмотрѣть, съ чего начинается переводъ Епифаніева житія? Буду

Вамъ премного благодаренъ, а наипаче — если раздобудете для меня копію всего текста.

Съ неизмѣннымъ почтеніемъ,
смиранный священноинокъ Ампелій +

P.S. Прилагаю свой переводъ на Русскій языкъ первыхъ главъ второй редакціи Епифаніева житія, сдѣланный мною лично съ учетомъ нѣсколькихъ рукописей, старѣйшая изъ которыхъ — пергаменный кодексъ первой половины X вѣка, хранящійся въ Аѳонскомъ монастырѣ Кутлумушъ. Епифаній самъ переработалъ, въ основномъ подвергая сокращенію, изначальную версію житія Андрея. Не обезсудьте за стиль».

Приложенный перевод был уже набран, а не написан от руки: вероятно, отец Ампелій диктовал его тому, кому не запрещено пользование компьютером. После цветисто составленного вступления, в котором Епифаний, желая блеснуть своей учёностью, перечислял свои источники, сразу следовало описание палестинского периода жизни апостола Андрея, изобилующее подробностями, неизвестными каноническим Евангелиям:

«Был во дни Гиркана, священника и царя евреев, некий Иона из колена Симеонова, из села Вифсаида (где позже основал колонию тетрарх Филипп, сын Ирода Антипатра), у которого было два сына — Симон и Андрей; был же он весьма беден и неимущ. Прожив достаточно лет, он скончался, оставив детей в большой нищете, а те нанялись в батраки. И Симон женился на дочери Аристовула, брата апостола Варнавы, и, как говорят некоторые, родил сына и дочь, а Андрей посвятил себя целомудрию. Никто из них не учился грамоте, но стали они рыбаками по ремеслу.

И когда Иоанн проповедовал крещение, Андрей, видя его равноангельский образ жизни и поревновав его

благородству, стал его учеником. А когда Иоанн перстом указал на Христа и сказал: «Вот Агнец Божий, который берёт на Себя грех мира», — Андрей, услышав и увидев это, оставил Иоанна и последовал за Иисусом. И приведя своего брата, показал ему Христа, Который переименовал того в Петра. Когда же Иисус ушёл в пустыню, где Его искушал дьявол, Пётр и Андрей вернулись восвояси и занимались рыболовством. Вернувшись из пустыни, Иисус тотчас призвал их, и они, оставив всё, последовали за Ним. Пётр был весьма горяч духом и полезен для выходов по мирским нуждам, а Андрей кроток и немногословен. И после кончины своей тещи Пётр передал свою жену Богородице».

— Удивительная забота о теще! — не преминул заметить вечный холостяк Никифоров. — Она упоминается у Матфея и Марка — как Иисус исцелил её. А о тесте в Евангелиях ни слова. Но чьё имя нам сообщает Епифаний? Одного только тестя, который оказывается ещё и братом Варнавы. Тёща опять остаётся безымянной. И дети Петра тоже. О них, кстати, нигде больше не сообщается.

Григория же насторожило другое:

— Ещё Епифаний совершенно обходит молчанием призвание вместе с Андреем второго, безымянного, ученика. И подробности о семье Андрея и Петра довольно странные. Почему из колена Симеонова? Оно жило на юге, а не на севере у Галилейского моря, да и к тому времени давно перестало существовать: то ли поглотилось коленом Иуды, то ли оказалось среди десяти исчезнувших колен, хотя... Насколько я помню, где-то в еврейской Аггаде говорится, что к этому колену принадлежат все нищие евреи. Не потому ли оно связывается с бедняком Ионой? Тогда это предание о семье Андрея и Петра может быть очень древним.

Но тот ли самый текст, повествующий о палестинской жизни апостола — до и после

призвания, — содержался в первой версии Епифания? Неужели никакие больше евангельские сюжеты, в которых мелькал Андрей, не привлекли его внимание?

4. ОТКРОВЕНИЕ НА ЕЛЕОНСКОЙ ГОРЕ

В канун Рождества, отслужив в Святой Софии литургию при великом стечении клира и мирян, патриарх созвал в большом зале своего дворца двести семьдесят митрополитов, епископов, игуменов столичных монастырей, священников, диаконов, простых монахов и прочих верных чад Христовой Церкви. Тёмными переходами из сияющей Великой церкви, мимо библиотеки, в полном молчании стекались к Никифору почитатели икон, чтобы общими усилиями, забыв о бывших некогда между ними разногласиях, взаимных упрёках и ожесточённых спорах, дать отпор вновь поднимающей голову ереси, в которую — словно не было Седьмого Вселенского собора с его анафемами! — снова втягивал своих подданных император. Поговаривали, что он с завистью вспоминал судьбу царей-иконоборцев, особенно первого из них — своего тёзки: все они, победоносные полководцы и любимцы войска, умерли своей смертью, облечённые императорской властью, а последовавшие за ними иконопоклонники терпели военные поражения, лишались власти и были убиты: Константина, зверски ослепив, свергла собственная мать — царица Ирина, которую отправил в ссылку узурпатор — логофет Никифор, павший затем в бою с болгарами; сын его Ставракий, раненный в том же сражении, был смещён своим зятем Михаилом и не надолго пережил свой позор, а Михаила, наголову разбитого теми же болгарами, сверг сам Лев, — и теперь он не хотел повторить их судьбу, тем более что, согласно пророчеству, вычитанному им из Сивиллиной

книги, он также будет убит, причём в день Рождества Христова. Именно поэтому, зная о страхе Льва перед этим днём, патриарх Никифор и пошёл на решительный шаг, чтобы положить конец иконоборческим поползновениям государя.

Разобрав первым делом все доводы иконоборческого кружка, работавшего в императорском дворце, и полностью их опровергнув, Никифор воздел над собой образ Христа Халкитиса, осквернённый недавно солдатами и снятый с парадных ворот императорского дворца, благословил им собравшихся и воскликнул:

— Вот Он — вновь оплётанный и иссечённый! Не это ли истинное свидетельство Боговоплощения, которое мы празднуем сегодня? Не это ли видимый знак живого Его присутствия в мире? Изобразимость и зримость Божества — разве не столь же великое чудо, как и словесное откровение, дошедшее до нас через Писание? Помните, что возвещал о последних временах Тот, Который здесь изображён? Не к ним ли мы приближались, когда гнали нас и убивали при безбожных Льве Исаврийском и сыне его Константине Навознике? Ибо сказано Христом на горе Елеонской при виде Иерусалимского храма — и мы повторим Его слова близ храма Божией Премудрости: «Восстанет народ на народ, и царство на царство; и будут глады, моры и землетрясения по местам; всё же это — начало болезней. Тогда будут предавать вас на мучения и убивать вас; и вы будете ненавидимы всеми народами за имя Моё; и тогда соблазняются многие, и друг друга будут предавать, и возненавидят друг друга; и многие лжепророки восстанут, и прельстят многих; и, по причине умножения беззакония, во многих охладее любовь; претерпевший же до конца спасётся». Итак, к стойкости и терпению призывает нас Господь, и да не смутимся беззаконием лжепророков и ересеучителей, среди коих первый — Антоний, прозываемый Кассимата,

митрополит Силейский, — и да будет низложен он и все, кто с ним находится в общении. Вопрошаю вас, честные епископы, пастыри, отцы и братия: достоин ли Антоний своего сана?

— Не достоин! — раздался единодушный ответ собора.

— Воистину недостоин! — продолжил Никифор. — Еретику и иконоборцу Антонию, бывшему епископу Силея Памфилийского, — анафема!

— Анафема! — подтвердили участники собора.

Находившийся среди братьев-студитов монах Епифаний испытывал, как и все вокруг, необычайное волнение: никто не знал, как ответит на решения сегодняшнего собора император, признает ли низложение Антония и проклятие его иконоборческому кружку. А что если — нет? Тогда снова, как и полвека назад, — сожжение икон, публичные бичевания духовенства, клеймения, ссылки?

Но и посреди этого судьбоносного собрания мысли о своём учёном труде всё равно никак не оставляли Епифания. Процитированное патриархом пророчество Иисуса из Евангелия от Матфея напомнило ему и о параллельном месте из Марка: слова Спасителя совпадали в них почти полностью, но Марк передал одно важное обстоятельство — назвал имена апостолов, присутствовавших при этом знаменательном событии. Если у Матфея сказано просто: «Когда же сидел Он на горе Елеонской, то приступили к Нему ученики наедине и спросили...» — то у Марка добавлено: «...спрашивали Его наедине Пётр, и Иаков, и Иоанн, и Андрей». Ни у кого из толкователей не находил Епифаний объяснений тому, почему лишь у Марка названы имена апостолов, которым открыл судьбы мира Сам Иисус, — и только сейчас догадался: «Ведь апостол Матфей не был свидетелем того откровения, потому и не мог сообщить поимённо о тех, кто был тогда с Иисусом. А Марк, по

словам Папия Иерапольского, которому доверяли все древние писатели, — Марк был учеником и переводчиком Петра и в точности записал всё то, что запомнил из его рассказов».

И действительно, Андрей и Пётр, «сыны грома» Иаков и Иоанн Зеведеевы, ближайшие ученики Христа, первые получили откровение о конце времён, как первыми и были Им призваны. О той же четверице апостолов читал Епифаний и в «Очерках» Климента Александрийского, по очень старому, ещё папирусному, списку, хранящемуся в Студийском монастыре: Климент сообщал, что Христос крестил одного только Петра, Пётр — Андрея, Андрей — Иакова и Иоанна, а они — всех остальных апостолов.

Стремясь найти как можно больше свидетельств Писания, возвеличивающих Андрея, Епифаний стал перебирать в памяти апостольские списки и считать, которым по счёту он в них упоминается: «Так... у Матфея: «Двенадцати же Апостолов имена суть сии: первый Симон, называемый Петром, и Андрей, брат его, Иаков Зеведеев и Иоанн, брат его, Филипп и Варфоломей...» — здесь Андрей назван вторым после Петра. У Марка: «...поставил Симона, нарекиши ему имя Пётр, Иакова Зеведеева и Иоанна, брата Иакова, нарекиши им имена Воанергес, то есть «сыны Громы», Андрея, Филиппа, Варфоломея...» — здесь четвёртый, уступил своё почётное место Иакову и Иоанну Зеведеевым. У Луки — то же, что у Матфея, но в его же Деяниях Андрей почему-то снова на четвёртом месте. Иоанн, как всегда, отличается: не даёт никакого списка... Надо бы посмотреть и другие перечни апостолов, не столь авторитетные, но, возможно, в них я найду больше подробностей об Андрее...»

Епифаний и не заметил, как завершился собор, но всеобщее движение вернуло его из Палестины в Константинополь. Полные решимости, отцы

перемещались обратно в Святую Софию, чтобы отслужить всенощное моление о поражении иконоборцев и сохранении Церкви от потрясений. И уже глубокой ночью, когда Никифора вызвал к себе император, а другие участники собора, ставшего для василевса неожиданным ударом, ждали, чем всё разрешится, Епифаний тайком вернулся на южные хоры Софии, где его ждали ещё не прочитанные книги.

С тусклым светильником в руке, пробираясь почти на ощупь вдоль мраморных стен, между шкафами, набитыми свитками и кодексами, обходя аналои, заваленные книгами и церами, он вдруг заметил на кожаной бирке одного из свитков заголовок: «Деяния святого всехвального апостола Андрея». Епифаний остолбенел: сколько он ни просил Фому подобрать ему сочинения, специально посвящённые жизни Андрея, тот пожимал плечами и говорил, что ничего подобного в библиотеке нет, поэтому приходилось делать краткие, но многочисленные выписки из отцов, в чём разобраться было очень сложно, а составить из них полноценное житие апостола — и вовсе невозможно. Руки его задрожали. Поставив светильник на аналой, Епифаний взял футляр со свитком, покрытый толстым слоем пыли. И тут кто-то схватил его за плечо.

5. О ЧЁМ НЕДОГОВАРИВАЮТ АПОКРИФЫ?

— Что же ты, отче, не пошёл со своими в императорский дворец? — раздался голос библиотекаря Фомы. Это был именно он.

— Ну и напугал же ты меня, брат! — ответил Епифаний.

— Василеве в гневе, в Золотом зале собрались все высшие сановники, гвардейцы держатся за мечи, а

против них — патриарх и весь епископат. Ваш Феодор тоже там. Что за книгу ты здесь нашёл?

— «Деяния Андрея», я их долго искал, а ты скрыл от меня...

— Ах, эти... Лживый апокриф, полный выдумок еретиков. Совсем недавно их читал здесь один священник из Никеи, делал какие-то выписки, а я до сих пор не убрал свиток на место. Отдай мне его. Зачем тебе эти глупости?

Епифаний прижал свиток к груди:

— Нет, Фома, я хочу сначала сам в этом убедиться. Никакой ереси я оттуда ни за что не позаимствую, поверь. А если окажется, что там много ценных сведений об апостоле, то это мне очень поможет. Ты же знаешь, что в Церкви до сих пор нет православного жития основателя нашей патриаршей кафедры.

— Хорошо. Возьми на несколько дней. И раз тебя так увлекают апокрифы, то могу посоветовать тебе кое-что ещё. — И Фома поманил за собой Епифания, удаляясь в соседний зал.

Впрочем, апокрифы никогда особенно не интересовали Епифания, который знал, что они хранились в Патриаршей библиотеке, но не стремился использовать их в своих жизнеописаниях. Иногда же не оставалось иного выхода: нигде, кроме апокрифов, нельзя было найти хоть каких-то сведений о Богородице, апостолах и первых подвижниках Церкви. Другое дело, что не все апокрифы происходили от еретиков, некоторые из них создавались и во вполне православной среде, но людьми простыми и не искушёнными в богословии, поэтому такие книги расцвечивались благочестивыми сказками, в которые начинали верить не только доверчивые читатели, но и сами их создатели. Многие из таких апокрифов были душеполезны, их читали даже детям, но сейчас, когда он стал зрелым мужем, знающим многие истинные

писания отцов, таинственность и занимательность отречённых книг больше его не привлекала. Оставим их на потеху младенцам и невеждам из простонародья!..

Между тем в Институте древнерусской культуры апокрифами занимался целый отдел, состоящий из учёных мужей, не менее учёных дам и прелестных барышень. Никифоров прилегал в основном к последним, но иногда прибегал к помощи почтенных апокрифоведок.

— Что же говорят апокрифы об апостоле Андрее? — обратился он к одной из них, Елизавете Андриановне, благообразной старушке, внучке царского министра.

— Почти ничего. Конечно, кроме тех, которые были целиком ему посвящены, — отвечала та, закутываясь в шаль. — С чего вдруг вас заинтересовал именно Андрей? У вас же другая тема, Лев Ильич.

— Да это я с Фоменко поспорил... Хочу уесть его каким-нибудь апокрифическим фактиком. Не посмотрите в своих справочниках, а? — И тут Никифоров поставил на стол Елизавете Андриановне бутылку бальзама, до коих она была большая охотница.

— Это вам. К чаю. Вот, — сказал он и придвинул бутылку ближе к ней.

— Да что вы, Лев Ильич! — растрогалась Елизавета Андриановна. — Это лишнее. Ну да ладно, посмотрю специально для вас. Недавно коллеги прислали мне роскошное французское издание, из «Библиотеки Плеяд», между прочим. Там есть всё, и с отличным указателем имён, составленным Севером Войку — галантнейший мужчина, даром что в Ватиканской библиотеке работает. Минуточку...

Учёная дама привстала в кресле и сняла с полки два изящных тома в тёмном переплёте с золотыми закладочками:

— Это собрание христианских апокрифов во французском переводе. Давайте поищем вашего

Андрея... Так, записывайте. Во-первых, в «Псевдо-Клементинах»: это целый греческий роман о жизни и проповеди апостола Петра, приписанный его ученику Клименту Римскому, но на самом деле созданный в третьем или даже четвёртом веке. Вот что в «Псевдо-Клементинах» Пётр рассказывает о своём детстве, то есть и о детстве Андрея тоже: «Действительно, что касается меня и Андрея, моего брата по крови и по Богу, то с юности мы не только воспитывались как сироты, но и по причине нашей бедности и нашего убогого состояния мы приучились трудиться, и поэтому теперь мы легко переносим перипетии странствий». Это я вам с французского перевела. Оригинал греческий, но в основном текст сохранился в латинских переводах. Вы записываете?

— Да-да, спасибо. Теперь мне ясно, откуда у Епифания Монаха взялся сюжет о бедности Петра и Андрея.

— Так вы уже и до этого чудака Епифания добрались? Слушайте дальше. В «Книге воскресения Иисуса Христа, написанной апостолом Варфоломеем» (это пятый или шестой век, всего три коптские рукописи), есть такая апокалиптическая сцена: Иисус на Елеонской горе просит, чтобы Отец благословил каждого из апостолов, говорит на неведомом языке: «Анэфараф фаураф!» Является Отец и благословляет их, Андрея — следующими словами: «Ты будешь могучим столпом Иерусалима, Моего возлюбленного града, в Моём Царстве. Аминь». Подойдёт?

— Отлично! А что бы эта тарабарщина могла значить?

— Ну уж этого никто не знает. Как говорится, квазисемитизмы... Смотрим ещё. «Проповедь о жизни Иисуса и Его любви к апостолам», приписывается Еводию Римскому, жившему в первом веке, в действительности же написана по-коптски в седьмом,

сохранилась во фрагментах трёх рукописей. После умножения пяти хлебов Андрей приходит к Иисусу и говорит: «Учитель, Иуда не взял свою часть из этих хлебов, когда Ты раздавал их народу».

— А вот это уже совсем интересно, хотя и похоже больше на предание о Тайной вечери, — сказал Никифоров. — Прямое указание на связь Андрея и Иуды... Нет ли чего-нибудь ещё?

— Есть. «Послание апостолов», написано по-гречески в шестидесятые годы второго века, но целиком сохранилось только по-эфиопски, есть латинские и коптские фрагменты. Здесь одно из явлений воскресшего Иисуса ученикам сопровождается такими Его словами, обращёнными к апостолам: «Пётр, вложи свою руку в отверстие в Моих руках. Ты, Фома, — в Мой бок. А ты, Андрей, посмотри, наступает ли Моя нога на землю и оставляет ли она след. Ибо сказано у пророка, что бес не оставляет следа на земле». Что касается беса, то здесь имеется в виду эпизод из четырнадцатой главы Книги пророка Даниила. Чтобы уличить в обмане жрецов идола Вила, тайком съедающих подношения ему, Даниил посыпал пеплом пол в святилище, а жрецы с жёнами и детьми, которые пробрались туда ночью через потайной ход, наследили, чем и выдали себя. Потому что бес Вил не мог оставить тех следов. Помню, благочестивые бабушки рассказывали мне, что бес Вил — это не кто иной, как Владимир Ильич Ленин...

При этих словах в комнату, где сидела Елизавета Андриановна, вошёл Фоменко с очередным факсом в руках.

— Бесы-то не оставляют, а вот Лев Ильич ещё как наследил, — произнёс он, чему-то улыбаясь. — Неужели я бы не догадался, что ты пойдёшь консультироваться к Елизавете Андриановне?

Никифоров, ничуть не смутившись, развернулся в его сторону и закрыл собой стоявшую на столе бутылку

бальзама.

— Да мало ли какие у нас тут могут быть дела. Мы, кстати, обсуждали с Елизаветой Андриановной защиту Троицкого и решили...

— Вот чего вам тут не хватало! — потряс бумагой Фоменко. — Никем до сих пор не изданное апокрифическое житие апостола Андрея. Анонимное. Снова отец Ампелий прислал, но только начало. Сверено им по трём рукописям шестнадцатого века, на которые раньше почти не обращали внимания. К одной из них Ампелия недавно допустили в Иверском монастыре на Афоне.

— Очень уж поздние рукописи, — засомневался Никифоров.

— Поздние. Да и сам текст, судя по языку и приведённым географическим сведениям — никак не ранее десятого-одиннадцатого века. При этом автор явно был знаком с Епифаниевым житием, но многие детали больше нигде не встречаются. Даже в повествовании о палестинской жизни апостола он умудряется и переработать евангельский текст, и обогатить его массой апокрифических подробностей. Смотрите сами. — И Фоменко положил перед Елизаветой Андриановной свой афонский свиток:

«Житие и мученичество святого славного апостола Андрея Первозванного»

Первозванный апостол Андрей, земной ангел и небесный человек, происходил из Вифсаиды, одного из городов Галилеи, и был родным братом Петра, верховного апостола: с детства были они рыбаками. И вот, чиня после рыбной ловли свои сети, часто рассуждали они друг с другом о беспредельных судах Божьих и о божественном Писании и законе, и чем больше искали, тем сильнее разгорался в их сердце страх Божий и любовь к Его заповедям. И

действительно, согласно Сказавшему: «Всякий просящий получает, и ищущий находит, и стучащему отворят», — и они, ища, нашли, как и желали. Ведь когда прошёл повсюду слух о Крестителе, то, узнав об Иоанне, богоглаголивый Андрей оставил однажды своего брата и бывших с ним в лодке и поднялся к Иордану, где крестил Иоанн. Там он обнаружил, что тот живёт на земле словно ангел, проповедуя покаяние и оставление грехов и крестя всех приходящих к нему крещением покаяния, и сам последовал за ним и стал его учеником. Было у Иоанна и тринадцать других учеников».

— Обратите внимание на точное число учеников Иоанна, — комментировал Фоменко. — Ни у кого больше оно не встречается, хотя, наверное, это просто переделка двенадцати учеников Христа. Тринадцатым же был Андрей, который перешёл к Иисусу.

«Иоанн ежедневно громко и дерзновенно проповедовал всем приходящим:

— Я крещу вас в воде, но идёт за мною Сильнейший меня, у Которого я недостойн развязать ремень обуви.

Говорили ему его ученики:

— Учитель, кто же больше тебя на земле? Не находим мы человека, живущего так!

Ответил им Иоанн:

— Я не знал Его; но Пославший меня крестить в воде сказал мне: «На Ком увидишь Духа, сходящего и пребывающего на Нём, Тот и будет крестить Духом Святым и огнём».

Пробыв с Иоанном несколько дней, Андрей вернулся к своей работе и рассказал всё своему брату Симону и его товарищам, ведь расстояние от Тивериадского моря до Элима, где крестил Иоанн, было один день пути».

И здесь Григорий заметил:

— Точное место, где крестил Иоанн, — только автор этого жития называет его Элимом. Видимо, имеется в виду Элим в земле Завулоновой.

«Снова через семь дней Андрей отправился к своему учителю Иоанну, взяв с собой и Марка, одного из плававших с ним. И говорит Иоанн Андрею:

— Тот, о Котором я сказал вам, вчера пришёл и крестился, и я видел Духа, в виде голубя сходящего с неба и пребывающего на Нём. Но и глас сошёл с неба: «Сей есть Сын Мой возлюбленный, в Котором моё благоволение». Этот голос слышал и я, и бывшие со мной.

На следующий день Иоанн видит, что идёт Иисус, и говорит Андрею и его товарищам:

— Вот Агнец Божий, Который берёт на себя грех мира.

Тогда Андрей вместе с Марком, оставив Иоанна, последовали за Иисусом и говорят ему:

— Равви, где живёшь?

Говорит им Иисус:

— Пойдите и увидите.

Они пошли и пробыли с ним в Иерихоне близ Иордана; было же около десятого часа».

— Смотрите, — не переставал удивляться Фоменко, — автор жития называет имя второго ученика, пошедшего вместе с Андреем за Иисусом. Только это вовсе не Иоанн, как считали многие комментаторы, а некий Марк. Видимо, произошла какая-то путаница: сначала тут мог быть именно Иоанн, но потом его отождествили не с евангелистом Иоанном, а с учеником Павла Иоанном-Марком, который, скорее, тоже был евангелистом — тем самым апостолом Марком. Но Иисуса он никак не мог видеть.

— Ты нас совсем запутал, — пробормотал Никифоров. — А нет ли там чего-нибудь об Иуде?

Увы, ничего не оказалось.

«А на следующий день Иисус был возведён Духом в пустыню для искушения. Тогда Андрей и Марк вернулись

к своему кораблю и стали трудиться. Сказал же Андрей своему брату Симону:

— Мы нашли Провозвещённого в Писаниях Христа.

Рассказал он и о Его обычаях и знамениях, и о Его праведности и кротости, так что Симон трудился и жаждал увидеть Его.

Через шестьдесят дней забросили они сети в Галилейское море, и вот — Иисус проходит по берегу и говорит им:

— Идите за Мною, и Я сделаю вас ловцами человеков.

Говорит Андрей своему брату Симону:

— Это Христос.

И говорит тому Иисус:

— Ты Симон, сын Ионин, ты наречёшься Кифа, что значит «камень».

Оставив лодку и сети, они последовали за Иисусом. С тех пор они не отлучались от Него вплоть до Его вознесения на небеса».

На этом месте анонимное житие, присланное отцом Ампелием, обрывалось.

— Что ж, весьма любопытно. Последует ли продолжение? — спросила Елизавета Андриановна.

— А это как изволит отец Ампелий, — сказал Григорий. — Или мне самому придётся ехать на Афон. Да уж как мне туда выбраться, когда на носу переаттестация, отчёт по гранту, петрозаводская конференция...

Признаться, Григорий запутал не только Никифорова, но и сам основательно запутался: цитаты из Евангелий, Епифаниева жития, обрывки апокрифов и последний анонимный текст — всё это ему уже снилось в виде каких-то пергаменных пузырей — какие и вправду бывают на месте соприкосновения кожи с костью. Пузыри наполнились буквами — греческими, славянскими, латинскими и даже еврейскими. Буквы

хаотически перемешивались в этих пузырях, подставляя для обозрения то один свой бок, то другой, — одним словом, это были не буквы, а рыбы, и пузыри были не пузыри, а стеклянные шары, наполненные мутной морской водой, напоминавшей почему-то по запаху свежесделанную телячью кожу. И самым страшным было то, что перемешивающиеся тексты никак не могли соединиться, они отталкивались друг от друга, противоречили друг другу и то один, то другой начинали казаться неподлинными, кем-то когда-то придуманными. «Почему апостол Андрей не продиктовал никому из нас своё житие? — мучился Григорий. — Почему он отправил нас в столь опасное плавание по этому рукописному морю? Как не утонуть в такой пучине? Как поймать правильную рыбу?» И тогда появлялся сам Андрей, в плывущей по золотому небу лодке, забрасывал серебристую сеть и пытался поймать ею Григория, но Григорий барахтался в текстах, распугивал самых крупных рыб, а в сеть не попадал — и просыпался.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ ОБРАЩЕНИЕ ЛЮДОЕДОВ

1. ЧУДЕСНЫЙ КОРМЧИЙ

Папирусный свиток с «Деяниями Андрея», найденный Епифанием на хорах Святой Софии, привёл его в крайнее недоумение: с одной стороны, это был очень древний текст, что сразу было видно и по слогу, грубому и наивному, и по отсутствию речений из Писания, чем грешили старинные авторы, особенно еретики; с другой — рассказ древнего автора живо напомнил Епифанию о тех чудесных историях, которые он ребёнком слышал от своего учителя Григория, брата покойной матери. Григорий был одно время послушником Студийского монастыря, но, обуреваемый блудными бесами, бесславно оставил постническое житие и открыл школу близ форума Аркадия. Там и учился грамоте Епифаний. И вот сейчас в его памяти отчётливо вырисовался тот день, когда он впервые услышал о приключениях апостола Андрея.

Это было одним долгим зимним вечером. Дядя Григорий уселся поудобнее в своё учительское кресло и спросил мальчиков:

— Знаете ли вы, кому из апостолов Христовых выпал самый чудесный и страшный жребий?

Ученики лишь молча покачали головами.

— Матфию, которого избрали вместо Иуды-предателя, а всех предателей ждёт страшная смерть! Когда Иуда повесился на дереве, не выдержало дерево такого великого грешника, так что сорвался он с ветки, распорол себе брюхо об острый сук, и все внутренности его выпали на землю.

Ученики одобрительно загудели. Кто-то пробормотал: «Так ему и надо, предателю».

— Так вот, хотя Иуда и повесился, апостолов всё равно должно было быть двенадцать, никак не меньше. Поэтому собрал Пётр всех верных учеников (а было это после Вознесения Господа нашего Иисуса Христа) и сказал: «Изберём себе товарища вместо Иуды». Тогда поставили двоих: Иосифа, называемого Варсавою и который ещё назван Иустом, а ещё Матфия — и бросили о них жребий. Пал жребий на Матфия, и поручили апостолу Андрею на первых порах приглядывать за Матфием. А знаете почему? Потому что всё равно было проклято место Иуды, и предстояли Матфию тяжёлые испытания, чтобы доказал он всем другим апостолам, что достоин своего высокого апостольского сана. А в таких испытаниях требуется помощь старших товарищей.

Дядя Григорий перевёл дух и спросил собравшихся:

— Готовы ли вы слушать страшную повесть о чудных апостольских деяниях?

И дети, и подошедшие слуги, которые очень любили рассказы старика, выразили немедленную готовность.

— Тогда слушайте...

Деяния святых апостолов Андрея и Матфия, когда послал их Господь в Страну людоедов

Господи, благослови!

Однажды собрались все апостолы вместе и стали делить между собой страны, кидая жребий, чтобы каждому пойти в выпавший ему удел. И вот по жребию выпало Матфию отправиться в Страну людоедов, в их город — Мирмену. А люди в том городе ни хлеба не ели, ни вина не пили, но питались одним только человеческим мясом и пили чистую человеческую кровь. Поэтому всякого человека, который прибывал в их город, они хватали и ослепляли, выколов ему глаза. Выколов глаза, они поили

его зельем, приготовленным при помощи колдовства и магии. И вот когда напоят его зельем, то у того человека сразу переворачивалось сердце и смещался ум.

Итак, как только Матфий вошёл в ворота их города, схватили его жители этого города и выкололи ему глаза, а после этого напоили своим колдовским, обманным зельем, бросили в тюрьму и дали ему в пищу сено, но он не стал его есть. Ведь хоть он и отведал их зелья, не перевернулось его сердце и не сместился его ум, и молился он Господу со слезами:

— Господи Иисусе Христе, ради Которого мы всё оставили и пошли за Тобой, зная, что Ты помогаешь всем надеющимся на Тебя, послушай же и погляди, что сделали с Матфием, Твоим рабом, как уподобили меня скотине, ведь Ты всё знаешь. Поэтому если определил Ты мне, чтобы сожрали меня беззаконные жители этого города, то не избегу я Твоего замысла. Но дай, Господи, свет моим глазам, чтобы мне хоть увидеть, что задумали против меня беззаконники в этом городе. Не оставь меня, Господи мой Иисусе Христе, и не предавай меня такой горькой смерти.

После этой молитвы Матфия в тюрьме засиял свет, и раздался из света голос:

— Матфий возлюбленный, прозри! — И тотчас он прозрел.

Снова раздался голос:

— Крепись, Наш Матфий, и не бойся, ибо никогда не оставлю Я тебя. Ведь Я избавлю тебя от всякой опасности, и не только тебя, но и всех твоих братьев, которые с тобой, ибо Я с тобой каждый час и всегда ежечасно. Но потерпи здесь двадцать семь дней ради устройства множества душ, а после этого Я пошлю к тебе Андрея, и он выведет тебя из этой тюрьмы, и не только тебя, но и всех слышащих это.

Сказав так, Спаситель снова сказал Матфию:

— Мир тебе, Наш Матфий, — и отправился обратно на небеса.

Увидев это, Матфий ответил Господу:

— Милость Твоя да пребудет со мной, Господи мой Иисусе!

Тогда Матфий сел посреди тюрьмы и стал распевать псалмы. И когда вошли в тюрьму палачи, чтобы выбрать себе кого-нибудь в пищу, Матфий закрыл глаза, дабы те не заметили, что он зрячий. Подойдя к нему, палачи прочли табличку у него на руке и сказали промеж себя:

— Ещё три дня, а потом выведем и этого из тюрьмы и зарежем его, — потому что для каждого человека, кого хватили, они отмечали день, когда схватили его, и привязывали ему к правой руке табличку, чтобы знать об истечении тридцати дней.

В это самое время апостол Христов Андрей проповедовал в Понте, в городе Амасии. А знаете ли вы, где эта самая Амасия?

— Да, — ответил любознательный Стилиан, соседский мальчик. — Мой дядя Иакинф возит оттуда фиги на рынок в Эвдоме. Туда три дня пути по бурному морю.

— Правильно! — похвалил его Григорий. — Только на море это Амис, а не Амасия, но и Амасия недалеко оттуда. Так вот, явился Андрею Господь и сказал:

— Отправляйся, Андрей, в дальний путь — в Страну людоедов, к Матфию, подопечному твоему апостолу, и выведи его из темницы, потому что через три дня придёт ему срок и его товарищам и их живьём растерзают зубами, а кровь их выпьют в святилище Пана и Сатира, так как это божества тех людоедов. Поэтому не медли, Андрей, но возьми из своих учеников десять мужей и отправляйся скорее, дабы и в той стране прославилось благодаря тебе Моё имя.

Отвечает Ему Андрей:

— Умоляю Тебя, Господи! Не знаю я никакой Страны людоедов, да и путь туда, как Ты говоришь, долог. И Ты же знаешь, что я человек из плоти и не смогу за три дня туда добраться.

Ведь хватит же мне выпавшей по жребию Понтийской страны и всей Ахеи, чтоб не отправляться ещё и к людоедам? Ну, пожалуйста, или Сам отправляйся туда, или пошли Своего ангела и выведи из темницы раба Твоего Матфия, ведь я знаю, что нет для Тебя ничего невозможного, но всё Тебе возможно!

А Иисус ему:

— Сейчас Я одновременно и с Матфием беседую, и от твоих товарищей-апостолов не удаляюсь, как и сказал вам, что не оставляю вас сиротами. Поэтому послушайся Избравшего тебя в апостолы и вспомни, как Я первого призвал тебя вместе с твоим братом Петром. И если ты захочешь приказать Городу людоедов, то он снимется с места и долетит до тебя за три часа, но славе Моей иначе должно исполниться.

Но Андрей всё равно упрямится:

— Молю Тебя, Господи: я же сказал уже, что слаб телом и в такой далёкий путь не отправлюсь. Потому что не могу.

— Нет, Андрей, иди и спускайся к морю, и найдёшь на берегу кораблик, ведь ждёт тебя там кормчий, а с ним два моряка. И садись на него, ты и твои ученики, и вы обрадуетесь во имя Моё, ибо море успокоится, волны улягутся, буря утихнет, и при сильном попутном ветре вы тотчас дойдёте до Страны людоедов. И они на вас набросятся, но не бойтесь, ведь Я явлюсь перед ними, и они вас испугаются. Потом выведи Матфия из темницы, и уже вместе с ним проповедуй дерзновенно о пути Моём, чтобы все вокруг затрепетали от лица вашего. И ты и Матфий — вы сотворите знамения и чудеса, исцелите православно верующих в Меня, и младенцы заговорят как взрослые, славя ваш приход. А Я обращаю

гнев людоедов против них самих, и они оставят свои заблуждения.

Сказав так, Спаситель благословил Своего апостола: «Мир тебе, Андрей, и тем, кто с тобой», — и удалился на небеса.

И ничего не оставалось Андрею, как на следующее утро встать пораньше и отправиться к морю со своими учениками. Спустившись к берегу, он увидел маленький кораблик, а в нём сидели трое — кормчий и два матроса. Так вот, Андрей увидел корабль и трёх мужчин на нём — и как обрадуется радостью великой, а потом направился к ним и спросил:

— Куда собираетесь вы, братья, на этом маленьком кораблике?

Рулевой ответил ему:

— В Страну людоедов.

— Всякий человек избегает того города, и как это вы направляетесь туда?

— Есть там у нас дело небольшое, и нужно нам его исполнить.

— Если можешь, поступи с нами по-человечески и отвези нас в Страну людоедов, куда вы и сами собираетесь плыть.

— Поднимайтесь на корабль.

Но Андрей сказал ему:

— Юноша, пожалуйста, выслушай меня, прежде чем я сяду на твой корабль. И если ты окажешь мне милость, то я поеду с тобой и мои спутники тоже.

— Говори, что хочешь.

— Нечем нам тебе уплатить за проезд. Ни золота нет, ни серебра, ни денег, ни лишней одежды, кроме одного только посоха и Евангелия Христа Господа нашего в суме, да и хлеба у нас тоже нет. Видишь ли, пять дней мы постимся, и не осталось в нас после этого поста крепости и силы.

— И если позади уже столько дней, а плыть вам ещё долго и нет хлеба, то что вы будете делать?

— Давший нам Евангелие сказал: «Не заботьтесь, что вам есть или пить, потому что и воронов, и птиц небесных питает Отец Мой Небесный». Поэтому мы верим, что и в море, и в пустыне приготовит Он нам пищу в нужное время.

— Ладно, Андрей, поднимайся на корабль и расскажи мне о твоём Евангелии. И о том, кто тебя в это плавание послал. А поскольку вы поститесь, то я дам вам из своих запасов хлеба и воды слаще мёда. А платы за проезд я у вас не возьму, награда же для меня — спасение души.

Обрадовался Андрей:

— Пускай даст тебе Господь награду на небесах! — и исполнился радости, славя Господа, Который и в море уготовал им благую трапезу.

И вошёл Андрей вместе с десятью своими учениками в корабль и сел напротив кормчего, чтобы лучше рассмотреть лицо юноши, так как было оно очень красивым. Сели и ученики Андрея и тоже радостно смотрели на юношу. А он, обратившись к одному из моряков, сказал:

— Ты, Стефанас, спустись в трюм и принеси нам три хлеба, а ты, Марманаф, налей сладкой воды из амфоры — пусть наши спутники подкрепятся, а то постятся они уже много дней.

Те принесли три хлеба, и были они из лучшей пшеницы, а вода — светлой, как солнечный луч, и подали корабельщику, а он — Андрею, говоря при этом:

— Возьми, Андрей, эти три хлеба и поешь, ты и твои ученики, и выпейте воды, а остатками питайтесь, пока не прибудете в землю, куда направляетесь.

А был уже двенадцатый час дня. Тогда, взяв три хлеба и воду, Андрей сказал капитану:

— Блажен ты, юноша, за то подаяние, которое ты подал нам, чужакам, за то, что дал нам эти хлебы и эту

воду, которая блестит как золото. Был бы и я блажен, и мои спутники, если бы ты знал, как благодарить Отца, Сына и Святого Духа, когда приступаешь к трапезе. Так вот, раз ты непосвящённый, то передай мне эти три хлеба и воду, и я сам прослаблю моего Господа и призову непостижимое Его имя. И поев, мы с ликованием упокоимся на корабле, отдохнём телом, а душой будем неусыпно молиться, чтобы избавиться от гнева людоедов, чтобы и среди них сила Христова защитила нас, чтобы и брата моего Матфия, и его товарищей вывели мы из тюрьмы и устроили церковь в народе людоедов — как и в других землях.

И взяв три хлеба и воду, Андрей стал молиться: «Иисусе Христе, Господи мой и Боже мой, как Ты научил нас славить и говорить: Отче наш, Сущий на небесах! Да святится имя Твое; да приидет Царствие Твое; да будет воля Твоя и на земле, как на небе; хлеб наш насущный дай нам на сей день; и не введи нас в искушение, которого мы не можем понести, но избавь нас от лукавого; и прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим; и да будет на нас благословение от Господа и ныне, и во веки, аминь».

— Так слово в слово читал я в одной древней книге, — прервал свой рассказ дядя Григорий, увидев удивлённые лица детей, — но только апостолу можно молиться так дерзновенно, а нам, грешным, — как заповедано в Евангелии. А что было дальше, по-разному рассказывают и по-разному сам я читал. В одной из книг говорится, что апостол Андрей предложил своим ученикам хлеб, но они не смогли ничего ответить, потому что их сильно укачало. Тогда капитан стал заставлять Андрея, чтобы тот поел. Андрей же ответил ему: «Брат, Господь подаст тебе небесный хлеб из Своего Царства. Однако оставь, брат: ведь ты видишь, что детей укачало море». Кормчий спросил Андрея: «Может, братья неопытны в море? Но тогда прикажи им

сойти на берег, если они хотят, пускай подождут тебя здесь, пока ты не кончишь своего дела и не воротишься к ним». Но к ученикам вдруг вернулся дар речи, и они наотрез отказались покидать апостола. Затем по молитвам Андрея все они уснули, чтобы не мучиться от морской качки.

— Так и не поев чудесных хлебов? — спросил учителя Епифаний.

— Ни крошки не съели! Потому-то я и не верю этой истории, а верю другой. И как могло так быстро укачать спутников Андрея, когда они только-только сели в корабль и даже ещё не отплыли? Поэтому слушайте более правдивый рассказ.

2. ЕВАНГЕЛИЕ ОТ АНДРЕЯ

Помолившись Господу, возлегли Андрей и его ученики на корме корабля. Первым начал есть Андрей, а затем его спутники, отламывали по кусочку от каждого хлеба и пили воду досыта. Затем говорит кормчий Андрею:

— Почему ты не позвал нас, чтобы и я, и два моих моряка возлегли рядом и поели вместе с вами?

Тут Андрей и спохватился, понял, что хозяев-то и забыл пригласить к трапезе:

— Жив Господь мой! Не пренебрегли и не побрезговали мы вами — нет! Вы ведь сразу не попросили у нас хлеба, а Господь наш Иисус Христос учил нас так: давайте всякому просящему. Теперь же вы просите — и мы, конечно, дадим. Так что, если хочешь, прекрасный юноша, поешь во славу Возлюбленного Христа и ты с нами, и два твоих моряка.

Когда же корабельщики стали отламывать от хлебов, Андрей внимательно следил за ними, но они только делали вид, что едят, — и очень Андрей этому

удивился. А ученики Андрея слушали его беседу с кормчим и боялись плыть в далёкую Страну людоедов. Они, наверное, думали, что никогда им дотуда не доплыть, потому что была она слишком далеко и путь к ней был очень опасен. Тогда корабельщик сказал Андрею:

— Если ты действительно ученик Того, Кого зовут Иисусом, то Расскажи своим ученикам о чудесах, которые сотворил твой Учитель, чтобы радовалась их душа и забыли они страх перед морем. А то ведь нам уже нужно оттолкнуть корабль от земли, и не смогут они потом выбраться из него на берег.

И тут же капитан сказал одному из моряков:

— Отчаливаем! — И тот оттолкнул корабль от земли, Андрей же начал утешать и ободрять своих учеников:

— Дети мои, предавшие душу Господу, не бойтесь, ибо Господь вовек вас не оставит. Однажды, когда я был с нашим Господом, поднялись мы с Ним на корабль, и заснул Он на корабле, искушая нас, а на самом деле Он не спал. И поднялся сильный ветер, и море взволновалось, и волны поднимались выше корабельной мачты, и очень мы тогда испугались. А Господь, встав, запретил ветрам дуть, и настал на море полный штиль, потому что всё Его испугалось, ибо оно Его создание. Поэтому, дети мои, не бойтесь теперь: Господь Иисус никогда не оставит вас.

И спрашивает кормчий у Андрея:

— Скажи мне, чужеземец, вот ты призывал имя Господа Иисуса, когда разламывал хлеб, — почему иудеи называют Его Распятым? Почему не поверили они, что Он Бог? И если Он был распят и умер на кресте, то почему ты говоришь, что Он Бог? Как такое возможно? Объясни мне это, ведь мы слышали, что Иисус явил ученикам Своё божество.

— Прекрасный юноша, — отвечал Андрей корабельщику, — посмотри лучше, как мы плывём: ни

ты, ни твои моряки не управляют кораблём. Мы спешим, так что давай становись к рулю, чтобы мы быстрее достигли берега. Вот тогда мы и побеседуем спокойно о каждом из чудес Христовых. А пока соберём недоеденные куски трёх хлебов и сольём оставшуюся воду обратно в амфору.

Юноша и говорит Андрею:

— Собирай эти остатки сам, а я сяду на своё место и буду править кораблём, и моряки мои будут мне помогать. Ты же садись рядом и подробно расскажи мне о Христе и о совершённых Им чудесах. Особенно о том, как Он воскрес из мёртвых и правда ли, что поднялся Он на небо после Своего воскресения и что сидит одесную Бога и топчет врагов Своими ногами. А я тебе поскорее устрою плавание, и так домчимся мы до земли людоедов и их города.

Начал было Андрей собирать оставшуюся еду, как увидел, что все три хлеба целы и амфора полна воды. И говорит он кормчему:

— Послушай, юноша, как же так — мы поели досыта от трёх хлебов, а они снова целы, пили мы воду из этого сосуда, а он вновь полон?

— Воистину, — отвечает Андрею капитан, — сотворил это чудо Иисус, Которого ты называешь Богом, ведь Его ты призвал при благодарении. И я, и мои моряки уверовали, что Он Спаситель мира. Садись, чужестранец, расскажи мне всё о Нём!

После троекратной просьбы кормчего рассказать ему об Иисусе исполнился Андрей изумления чудесам и могуществу своего Господа и начал говорить:

— Иисусе Христе, Спаситель мой и Питатель мой, Прибежище моё и Упование моё, Даровавший нам Своё апостольство для просвещения народов, Явившийся мне, рыбачившему в море, Призвавший меня и Сказавший мне: «Андрей, оставь нечистое и ступай следуй за Мной», — Исполнивший мою душу Своей мудрости, дай

разумное сердце и открытый ум этому кормчему и двум его морякам, чтобы каждый из них принял в свою душу то, что говорю я в дерзновении о Тебе! Слушайте же меня, прекрасный кормчий, и вы, два морехода и мои амасийские ученики. Вся человеческая природа подвергалась нападениям силы враждебной и ранилась стрелами дьявольскими, все люди были поработаны нечистой силой бесовской, распространились повсюду тёмные и мрачные заблуждения, и был весь род человеческий поработён прелюбодеянием и блудом, мужеложством и колдовством, воровством, ложью и пьянством и не имел путеводителей к лучшему, — тогда смилостивился Бог над всей этой погибелью человеческой и Совечное Своё и Воипостасное Слово ниспослал на землю для спасения людей. Скрыв же все небесные силы, всех ангелов и архангелов, вселилось Оно в утробу Непорочной Девы, и зачатое, Слово стало плотью и, пройдя на землю и явившись людям в рабском образе, вывело род человеческий на свободу. И всё, что было возвещено о Нём в законе и пророках, Он исполнил, и явил Он всем нам Своё божество, ведь это именно Он сотворил небо, землю, море и всё, что в них!

Тогда кормчий спросил:

— Как же не поверили Ему иудеи? Может, не сотворил Он перед ними знамений?

— Ещё как сотворил! Разве не слышал ты о них? Слепых Он заставил прозреть, хромых ходить, глухих слышать, прокажённых очистил, воду превратил в вино, а однажды взял пять хлебов и две рыбы, велел народу лечь на траву и, благословив, дал им есть: а было тех едоков пять тысяч одних только мужчин, и вот насытились они и собрали остатки — набралось ломтей целых двенадцать корзин. Но и после всего этого не поверили Ему иудеи.

— Может, эти знамения, — продолжал расспросы рулевой, — Он сотворил только перед народом, а не

первосвященниками, и поэтому те не поверили Ему?

— Нет, брат, и перед первосвященниками тоже сотворил, и не только явно, но и тайно, а они всё равно не поверили Ему! — Тут дядя Григорий пробежал глазами по рядам слушателей, высматривая кого-то.

— И что же это были за тайные чудеса? — не удержался от вопроса Епифаний. Всё тайное и загадочное, всё то, что не читалось за богослужением и о чём не говорили открыто в своих проповедях священники, одновременно и пугало его, и манило.

— А точно ли ты хочешь услышать об этом? — смутился дядя Григорий. — Наговорю я вам тут лишнего...

Но дети недовольно загудели, стали раздаваться крики: «Рассказывай! Рассказывай, коли начал!»

— Ладно. Всё равно кто-нибудь другой расскажет, да ещё не так, как надо, а приплетёт чего-нибудь от себя. Я же расскажу вам в точности так, как читал сам в той самой старинной книге, ни йоты не прибавлю, не убавлю.

Итак, вот что поведал апостол Андрей чудесному кормчему:

— Случилось это, когда пошли мы, двенадцать учеников, вместе с Господом нашим в языческое святилище, дабы показал Он нам невежество дьявола. А первосвященники, когда увидели, что мы следуем за Иисусом, сказали нам: «О несчастные, как же вы ходите вместе с тем, кто говорит, что «Я Сын Божий»? Разве может быть у Бога сын? Кто из вас видел, чтобы Бог когда-либо общался с женщиной? Разве он не сын Иосифа, и мать его — Мария, а братья — Иаков и Симон?» Когда мы слышали эти речи, изменились наши сердца и ослабели. А Иисус сразу понял это, отвёл нас в пустынное место, великие чудеса сотворил перед нами и всё Своё божество нам показал. И ответили мы

первосвященникам: «А идите-ка вы сами за Ним и посмотрите, что будет. Нас-то Он убедил».

И пошли с нами первосвященники, и вошли в языческое святилище, тогда показал нам Иисус образ неба, чтобы убедились мы, правда это или нет. А вместе с нами было тридцать мужей из народа и четыре первосвященника. И взглянул Иисус в том храме направо и налево, и увидел двух каменных сфинксов, одного справа и одного слева. Обернувшись, Он сказал нам: «Посмотрите на образ неба, ведь они подобны херувиму и серафиму небесным». Тут Иисус посмотрел на правого сфинкса и приказал ему: «Тебе говорю, отпечатку небесному, который иссекли руки мастеров, оторвись от своего места, спустись вниз, обличи первосвященников и покажи им, Бог Я или человек».

И тотчас же спрыгнул сфинкс и молвит человеческим голосом: «О глупые сыны Израилевы! Не хватило вам слепоты своих сердец, и других хотите ослепить, как и самих себя, когда говорите, что Бог — это просто человек! Он Тот, Кто в начале создал человека и вдунул Свой дух во всех, привёл в движение всё неподвижное. Он Тот, Кто призвал Авраама, возлюбил его сына Исаака, возвратил Своего возлюбленного Иакова в его землю. Он Судья живых и мёртвых, Он готовит великие блага послушным Ему, а не верующим в Него — наказание готовит. Мало ли, что я каменный идол, но поистине святилища лучше вашей синагоги! Ведь мы камни, и только жрецы назвали нас богами. И сами жрецы, которые служат в нашем святилище, очищают себя, потому что опасаются бесов: если сойдутся они с женщинами, то очищают себя семь дней от страха, что не войдут в святилище из-за нас, из-за имени «бог», которое сами нам дали. А вы, если блудите, то берёте закон Божий, входите в синагогу Божью, садитесь читать и не благоговеее перед славными словами Божьими. Поэтому говорю вам, что святилища упразднят

ваши синагоги, чтобы те тоже стали церквями Его Единственного Сына». Сказав так, сфинкс замолчал.

И говорим мы тогда первосвященникам: «А ведь им можно верить. Правду сказал нам этот сфинкс. Камни — и те устыдили вас!» Ответили нам первосвященники иудейские: «Подумайте своей головой, и тогда поймёте, что этот камень заколдован, вот и разговаривает. Поэтому и не верьте, что Иисус — это Бог. А если задумаетесь над тем, что сказал вам сфинкс, — а вы слышали: он сказал, что тот говорил с Авраамом, — то как можно этому верить? Где Иисус нашёл Авраама? Где видел его? Ведь Авраам скончался за много лет до его рождения! Откуда же он знает Авраама?» Снова обратился к сфинксу Иисус и молвит ему: «Смотри, не верят они, что Я разговаривал с Авраамом! Но ступай, в Хананейскую землю, иди к двойной пещере на Мамврийском поле, где лежит тело Авраама, и крикни в гробницу: Авраам, Авраам, чьё тело в земле, а душа в раю, так говорит Создавший человека в начале, Сделавший тебя Своим другом: «Встань вместе со своим сыном Исааком, и прихватите ещё с собой Иакова, да ступайте в святилище иеввусеев, чтобы нам обличить первосвященников. Пусть они наконец поймут, что Я знаю тебя, а ты Меня»». Как услышал эти слова сфинкс, тотчас прошёл перед всеми нами, отправился в землю Хананейскую, на Мамврийское поле, и крикнул в гробницу, как наказывал ему Иисус. Тут же из склепа вышли все двенадцать патриархов — живые! — и спросили его: «К кому из нас послали тебя?» Сфинкс ответил: «Я послан только к трём. По важному делу. Остальные идите обратно и покойтесь до времени воскресения». Услышали те его слова, вернулись в гробницу и упокоились. А три патриарха отправились вместе со сфинксом, пришли к Иисусу и немедленно обличили первосвященников. Тогда Иисус сказал патриархам: «Идите в своё место», — и те тотчас

удалились. Обернулся Иисус к сфинксу и молвит ему: «Поднимись и ты на своё место», — и тот сразу поднялся и застыл на своём месте. Но и такое увидев чудо, не поверили Ему первосвященники. И много других тайн открыл Он нам, которые если и смогу рассказать тебе, брат, то не сможешь ты этого выдержать.

Вот что поведал Андрей кормчему. — И дядя Григорий снова пробежал взглядом по комнате, словно выискивая кого-то.

Глаза детей были полны ужаса, притаившиеся слуги хранили молчание, и, наверное, один лишь Епифаний был разочарован.

— А почему, — спросил он учителя, — патриархов оказалось всего двенадцать? У одного только Иакова было столько сыновей.

— Наверное, — смутился Григорий, — к сфинксу вышло именно двенадцать... Остальные решили подождать в пещере. Может, им очень спать хотелось...

Слуги рассмеялись. Дядя Григорий шикнул на них, и те поспешили убраться.

— Как будто я сам это выдумал! — покраснелся он. — Именно так написано в книге, которую списали с той, что хранится не где-нибудь, а в Патриаршей библиотеке... — Тут он осёкся, поняв, что сболтнул лишнего, и сказал, что на сегодня довольно.

3. «АМИНЬ, АЛЛИЛУЙЯ!»

Ничего из того, что вспоминал Епифаний из рассказа покойного дяди Григория, не было в «Деяниях Андрея», которые нужно было уже завтра возвращать Фоме. Значит, была ещё какая-то книга, которую тот ему так и не показал? Или дядя Григорий всё выдумал про Патриаршую библиотеку?

Между тем обстановка в Константинополе становилась всё напряжённее, от императорского дворца к Святой Софии и обратно всё время сновали какие-то тёмные личности, патриарх под предлогом болезни заперся в своих покоях и только и делал, что рассылал во все подвластные митрополии гонцов с письмами. Тем же занимался и Епифаниев настоятель Феодор Студит, при этом и сам Епифаний со дня на день ожидал, что его с важным поручением отправят куда-нибудь за море. И только помощник его, монах Иаков, пользуясь тем, что за библиотекой в эти дни мало кто приглядывал, беззаботно шнырял между шкафами в самых тёмных галереях. Епифаний не давал ему никакого задания, но Иаков и без того знал, что нужно его наставнику.

И вот, на следующий день после того достопамятного Богоявления, когда василевс отказался воздать поклонение священным изображениям на алтарном покрове Святой Софии, чем поверг в ужас весь верный патриарху Никифору клир, — в этот день Иаков принёс Епифанию сильно потёртый пергаменный свиток, хранившийся, по всей видимости, без футляра, в каком-то сыром и зловонном углу.

— Что ты мне принёс, Иаков? — спросил его учитель.

— А это, отче, я нашёл даже не здесь, а в основном собрании, в одной из комнаток, что примыкают к Фомаитскому триклинию... Одним словом, рядом с нужником... Там таких целый ворох, и некоторые как раз об Андрее.

Епифаний тут же выхватил у него этот свиток и начал его разворачивать:

— Так-так-так... Да это как раз те басни, которыми потчевали меня в детстве. Про апостола Матфия, Страну людоедов... А это ещё что такое?

Иаков наклонился к учителю, который подчёркивал ногтем какие-то странные слова:

«Говорят им первосвященники: «Бабубербеф, — то есть ‘проклятые’, — вы нас учите?»»;

«...и сказали ему по-еврейски: «Нафазареф и Бум»»;

«И сказали первосвященники: «Даходореф, самуф (то есть ‘Чудеснейший Иосиф’)»».

— Отче, это действительно еврейский?

— Кто их знает, брат Иаков, этих иудеев, какие они себе языки ни напридумывают, чтобы нас, христиан, совращать... Но ничего подобного не рассказывал мне дядя Григорий. Здесь есть ещё несколько каких-то совсем чудовищных вставок. Вот, смотри сам: о том, как в день субботний младенец Иисус вылепил из глины воробьёв и оживил их; о том, как прыгал Он с другими детьми по крышам, а один из приятелей Его сорвался и разбился насмерть; о том, как отсохла рука у Его учителя, когда тот ударил Его. Это же целый рассадник безумных апокрифов!

Наконец, Епифаний наткнулся на продолжение истории о путешествии апостола Андрея в Страну людоедов. Местами она излагалась здесь так же, как помнил её сам Епифаний со слов дяди Григория. В том, что именно Епифаний помешал ему рассказать об этом путешествии за один приём, дядя Григорий никогда не признавался. Тогда он объяснил свой срыв собственной усталостью и невниманием учеников, которые отвлеклись на бездельников слуг, ибо все мысли ученика должны быть сосредоточены на словах учителя, все его взгляды должны быть обращены на воздетый к небу палец наставника, иначе вся мудрость и красноречие последнего обратятся в прах и пепел.

— Послушайте же продолжение славных «Деяний святых апостолов Андрея и Матфия», — обратился к детям дядя Григорий через несколько дней.

Господи, благослови!

После того как святой апостол Андрей Первозванный поведал о тайных Христовых знамениях корабельщику,

тот попросил апостола разъяснить ему смысл тех знамений, но прежде предложил Андрею и его ученикам поспать хотя бы часть ночи.

И когда апостол Андрей лежал в корабле, подошёл к нему кормчий, откинул край его покрывала и молвит ему:

— Андрей, вдоволь уже поспали ты и твои ученики. Вставай же и Расскажи мне, какие ещё знаешь ты великие деяния Божьи, ведь я уже говорил, что с великой радостью послушаю тебя.

И говорит Андрей кормчему, глядя на него с изумлением:

— О господин мой, какой-то ты сегодня не такой, как раньше... Вчера, прекрасный юноша, ты был безбородым, а теперь ты старец, сияющий сединой. Вон твоя борода висит до пупа, а твои глаза так меня смущают, что я от страха готов в море броситься. Ох, боюсь я будить своих учеников. Как бы они не увидели тебя таким!

Но отвечает кормчий:

— Ничего не бойся, разбуди их, чтобы и они послушали, как ты рассказываешь о чудесах Божьих.

И разбудил Андрей своих учеников, и оглянулся на корабельщика, чтобы посмотреть, как он выглядит, а тот был как вчера и третьего дня. Тогда подумал Андрей: «Может, у меня что-то с глазами, ведь всякий раз кормчий мне видится разным», — и спросил его:

— Долго ли ещё нам плыть до Страны людоедов?

— За одну эту ночь, — ответил кормчий, — мы проплывём десять тысяч стадиев^[1] и около шестого часа прибудем на остров под названием Тирина. А пока мы приближаемся к гавани, Расскажи-ка мне ещё о знамениях Христовых.

И Андрей сказал:

— Много я рассказал тебе ночью, и теперь послушай и веруй.

И говорит он:

— И слушаю, и верую!

Тогда Андрей рассказал кормчему много чего из жизни и божественных деяний Господа нашего Иисуса: всё это вы и сами можете прочесть в Писании, не буду я вас смущать подробностями — вдруг найдёте в моих словах какие-нибудь противоречия или, что куда хуже, какую-нибудь ересь. А я ведь не сам это придумал, но лишь передаю то, что читал своими собственными глазами, а своими собственными руками — вот этими самыми — листал я ту старинную книгу.

— Да скоро ли они придут в Страну людоедов? — воскликнул Стилиан, утомлённый рассуждениями дяди Григория.

— Подожди, дай мне рассказать, как оно было на самом деле, а не так, как тебе хочется!

Обо всём, что знал, поведал апостол Андрей своему кормчему. И молвит ему корабельщик:

— Когда говорил ты, я с большим удовольствием слушал тебя. А теперь посмотри: ветер стихает, море успокаивается и корабль не качает. Поэтому, чтоб не стояли мы на месте, все вы последуйте моему доброму велению, дабы поскорее достичь нам доброй гавани.

Отвечает ему Андрей:

— Говори же, добрый кормчий, и ясно прикажи нам. И я, и мои ученики охотно послушаемся тебя.

И говорит корабельщик:

— Я буду петь, а вы припевайте: «Аминь, аллилуйя!», — и начал петь (вы тоже можете подпевать!):

Началом и концом, альфой и омегой является Он.

Аминь, аллилуйя!

Царь от Царя Святой.

Аминь, аллилуйя!

Род Мой никто ни увидит, ни выскажет, ибо он

неизречён.

Аминь, аллилуйя!

Сказал ведь Давид, Господом Меня называя,
Исайя воскликнул, что Я неизречён.

Аминь, аллилуйя!

Пришёл Я на землю, как смертный явился,
будучи Богом.

Аминь, аллилуйя!

Жизни дать свет пришёл Я по воле Отца Моего.

Аминь, аллилуйя!

Солнцем праведности воссияв верным.

Аминь, аллилуйя!

Дивятся пророки и патриархи, как, будучи Богом,
плотонести изволил Я на земле.

Аминь, аллилуйя!

Я — Иисус, Добрый Врач, добротой Исцеляющий
всех.

Аминь, аллилуйя!

Вершиной, главой, верой церкви явился Я
верным.

Аминь, аллилуйя!

Мученикам крепостью, силой и венцом Я стал.

Аминь, аллилуйя!

Закон Моисеев свидетельствует обо Мне и
вопиёт:

Аминь, аллилуйя!

Как странное чудо всем Я явился, крестившись в
реке, будучи Богом.

Аминь, аллилуйя!

С неба голос быстро раздался: «Мой это Сын,
слушайтесь Его».

Аминь, аллилуйя!

Когда голубка явилась, сказал Иоанн:

Аминь, аллилуйя!

Потоки же тотчас побежали вспять, увидев
страшные дела от реки.

Аминь, аллилуйя!
Ибо воинства ангелов запели песни:
«Иисус, Явившийся в образе плоти!»
Аминь, аллилуйя!
Оставив неверие, о смертные, веру примите!
Аминь, аллилуйя!
Сыновья Единого Отца Небесного, станьте
сонаследниками верных!
Аминь, аллилуйя!
Свет Я мира, от Света свыше придя.
Аминь, аллилуйя!
О благодать, свыше ты воссияла.
Аминь, аллилуйя!
Душам всех смертных.
Аминь, аллилуйя!
Духовными песнями, в псалмах и гимнах.
Аминь, аллилуйя!

И вот, пока кормчий пел, а апостолы подпевали, подплыл их кораблик к острову Тирина. И когда сошли с корабля в гавань, увидели они, что лежит на земле тело какого-то юноши, выброшенное морем. Андрей спросил у людей, которые стояли рядом:

— Что это, о мужи, за тело, около которого вы стоите?

Кто-то ответил: «Не знаем», — а кто-то сказал Андрею:

— А чего ж ты у нас-то спрашиваешь, о чужеземец? Не воскресишь ли ты его, как тогда в Амасии эфиопа оживил ты на наших глазах, как и многих других?

Андрей увидел, что собралось много народу, взглянул на кормчего и воскликнул:

— Погляди, в какое искушение мы приплыли!

А корабельщик шепнул Андрею на ухо:

— Помнишь, что ты рассказывал, когда мы плыли? Скажи то же и над этим неподвижным телом, призови Иисуса — и он тотчас воскреснет.

И вот Андрей, возведя очи к небу, закричал во весь голос:

— Во имя Иисуса Распятого встань, говорю я тебе, лежащему труп мертвеца, и следуй за мной!

И завопил ещё более громким голосом тот мёртвый труп:

— А-а-а!.. Оживи меня, Господи Иисусе Христе! — и тотчас взял и воскрес.

Удивились все, кто был рядом, и стали, как к Богу, обращаться к Андрею. А так как многие знали, что он и в Амасии сотворил множество чудес, то все в один голос славили Бога.

А блаженнейший Андрей вместе с корабельщиком спешно отправился в плавание и говорит тому:

— Поверь мне, юноша прекрасный, нет у меня в руках ничего, чтобы уплатить за проезд. Может, потому ты и медлишь и не везёшь нас в Страну людоедов? Поторапливайся, юноша, отвези нас туда скорей, а мы потом в избытке дадим тебе плату, откуда ты и не ожидаешь, потому что даст мне её Сам Иисус, ведь Христу моему всё возможно. Так уже случалось однажды. Когда сборщики подати и мытари стали просить у Иисуса дидрахму в качестве налога, а в руках у Него не было золота, то молвил Он Петру: «Брось в море невод и вытащи рыбу». И тотчас вытащил тот большую рыбу и нашёл у неё во рту золотой статир. И молвил Петру Иисус: «Возьми его и отдай и за Меня, и за себя». Разве не волнует тебя, о юноша, что дело уже снова к вечеру, а назавтра решили людоеды сожрать Матфия и его товарищей?!

И в ответ кормчий сказал:

— Не возьму я с тебя, Андрей, платы. А сейчас ложитесь, ты и твои ученики, и поспите, а я и два моих

моряка наутро доставим вас к двери людоедской тюрьмы, где сидят Матфий и его товарищи.

И погрузились ученики Андрея в сон. А сам Андрей натянул на себя двойной плащ и стал подглядывать за кормчим и его помощниками.

И когда настал первый час ночи, а корабль был ещё в гавани, корабельщик подозвал двух своих помощников и говорит им:

— А ну-ка вставайте, ангелы вы Мои могучие! Были вы до сих пор видом моряки, как и Сам Я был кормчим, но теперь пусть наш корабль станет светлым и сильным облаком, а вы прострите свои руки, пока ещё спят спутники Андрея, и по воздуху, на крыльях буйных ветров, перенесите их к утру в Страну людоедов и опустите около той тюрьмы, где сидит Матфий.

Андрей же тайком высунулся из-под своей накидки и увидел, как юноша превращается в молнию. Пришёл он тогда в изумление и услышал голос:

— Андрей, Андрей! Перестань испытывать неиспытуемое! Вот Я отдаю тебя в руки ангелов, и они будут служить тебе — настолько Я тебя возлюбил.

Андрей ударил себя в грудь и зарыдал:

— Горе мне за моё неверие!

И сказал тогда Иисус Своим ангелам:

— Делайте, как Я приказал! — и улетел на небо.

Ангелы же обхватили руками корабль, подняли его вместе с Андреем и его учениками, и стал корабль светлым облаком. И несли они их остаток ночи по воздуху, над морем, и поставили их утром около дверей тюрьмы. Затем поднялось облако на небо, а за ним, в божественной славе, — два ангела. Ни корабля, ни моряков, ни Кормчего.

— Вот только теперь, — обратился дядя Григорий к Стилиа-ну, — прибыл Андрей со своими учениками в Страну людоедов. И ждали их там ещё более удивительные приключения. Готовы ли вы их слушать?

Не боитесь ли рассказа о людоедах? Кто не боится, оставайтесь, и вы будете вознаграждены счастливым концом, ибо нет ничего важнее спасения души, даже если эта душа — людоедская, даже если она — иконоборческая.

Стилиан в ужасе закрыл лицо ладонями, но закивал в знак согласия.

4. ПОСРАМЛЁННЫЕ КУМИРЫ

И вот настало утро, и очнулся Андрей и увидел, что он лежит на холодной земле, рядом — ворота тюрьмы, а вокруг него — спящие ученики. И начал он их будить:

— Просыпайтесь, дети мои, и знайте, что случилось с нами великое промышление! Ведь это Господь был с нами на корабле, а мы не узнали Его. Превратился Он в корабельного кормчего, смирил Себя и явился нам как человек, чтобы нас испытать.

Еле-еле пришёл Андрей в себя и говорит:

— Как же не узнал я, Господи, прекрасной Твоей речи! Почему Ты не явил мне Себя? Почему не открылся мне?

Ответили ему его ученики:

— Успокойся, отче! Мы тоже не признали Его. Пока ты говорил с Ним на корабле, спали мы глубочайшим сном. И спустились с небес орлы, взяли наши души и отнесли в рай, прямо на небеса, и видели мы там чудеснейшие чудеса. Да-да, увидели мы Господа нашего Иисуса Христа, сидящего на престоле славы, и все ангелы были вокруг Него. Увидели мы и Авраама, и Исаака, и Иакова, да и вообще всех святых разом, и сам Давид пел песнь на своих гусях. Видали мы там и вас, двенадцать апостолов: стояли вы перед Господом нашим Иисусом Христом, а рядом с вами — двенадцать ангелов, по ангелу на брата, и были они на вас очень

похожи. И слышали мы, как Господь сказал ангелам: «Во всём слушайтесь этих апостолов! О чём вас ни попросят — всё выполняйте». Вот что мы видели, отче, пока ты нас не разбудил. И вернули нас те ангелы в наши тела.

Услышал это Андрей да как обрадуется радостью великой: сподобились-таки его ученики увидеть эти чудеса. И воззрев на небо, Андрей сказал:

— Явись мне, Господи Иисусе Христе, ведь я знаю, что Ты неподалёку от Своих рабов. Прости меня, Господи, за то, что я сделал, ведь человеком видел я Тебя на корабле и как с человеком с Тобой беседовал. Так явись же мне теперь на этом самом месте!

Когда произнёс это Андрей, явился ему Иисус, похожий на маленького мальчика, очень красивого и миловидного, — явился и сказал:

— Радуйся, Андрей Мой возлюбленный!

Андрей же увидел Его, упал тотчас на землю и в самые ножки поклонился Ему со слезами:

— Прости меня, Господи Иисусе Христе, ведь человеком видел я Тебя в море и как с человеком беседовал с Тобой. Но как же так! Чем я согрешил, Господи, что Ты не открылся мне в море?

Ответил Иисус Андрею:

— Ты не согрешил. А поступил с тобой Я так, потому что ты сказал: «Не доберусь я в Город людоедов за три дня». И показал Я тебе, что на всё Я способен, могу даже явиться каждому так, как хочу. Так что теперь вставай, войди к Матфию в город и выведи из тюрьмы его и всех находящихся вместе с ним чужестранцев. И вот объявляю тебе, Андрей, прежде чем ты войдёшь в Город людоедов: многим и ужасным поношениям и пыткам подвергнут они тебя, разбросают твою плоть по площадям и улицам своего города, и твоя кровь потечёт по земле, как вода, — только смерти не смогут они тебя предать, зато предадут тебя множеству скорбей. Но потерпи, возлюбленный Мой Андрей, и не поступай с

ними по их неверию. Вспомни, как терпела Моя душа множество скорбей, когда Меня били, плевали Мне в лицо и говорили Мне: «Вельзевулом изгоняешь Ты бесов». Разве не был Я в силах одним мановением Своих очей потрясти небо и землю под теми, кто грешил против Меня? Но Я всё стерпел и всё им простил, чтобы и вам показать пример. Так что теперь, Андрей, если причинят они тебе эти поношения и мучения, потерпи, ведь есть в этом городе те, кто уверует.

И сказав так, Спаситель поднялся на небеса.

— Дядя Григорий, — перебил вдруг учителя Епифаний, — а как же это Иисус является всё время по-разному: то кормчим, то молнией, то мальчиком? И почему апостол Андрей Его то узнаёт, то нет?

Недовольный тем, что его перебили, Григорий погрозил мальчику пальцем и сказал:

— Не торопись! Потом всё само прояснится. Пока же слушайте, что было в Городе людоедов. Андрей со своими спутниками вошёл в тюрьму, а там Матфий стоял и распевал псалмы, а с ним и епископ Платон, которого тот успел рукоположить, а также пресвитеры и дьяконы — все вместе с народом пели псалмы и припевали: «Аллилуйя». И вдруг с небес раздался голос:

— Отломи куски от трёх хлебов и употреби их для евхаристии, и попейте воду из амфоры, чтобы утолить жажду. А после этого выходи первым, Андрей, затем Матфий, затем Платон и пресвитеры, а перед вами пусть идут дьяконы. Остальные же пусть остаются здесь, пока Я не скажу, что делать дальше. А когда войдёте в Город людоедов, ступайте к их капищу, и там Я покажу Свои чудеса.

И после того как они взяли от трёх хлебов и от воды, сколько хотели, хлебы снова стали целыми и невредимыми, а сосуд оказался полон воды. И вышли из тюрьмы те, кому велел Иисус, остальных же пока там оставили, и пошли в город и славили Бога.

Когда же вышли из тюрьмы Христовы апостолы Андрей и Матфий и направились в город Мирмену, стал перед ними какой-то безобразный египтянин, весь голый, сам чёрный-пречёрный, гниющий, тонкоголовый, в проказе, без колен, с железными когтями и крокодильими зубами, с хвостиком крысиным, да к тому же ещё и андрогин, — явился откуда-то и говорит дрожащим голосом:

— Ты, Андрей-рыбак, чего пришёл сюда, а? И тебя, Матфий, это тоже касается! Как увидят вас жители города, так сразу и растерзают своими зубами. А если даже они и решат вас отпустить, то я не позволю и натравлю их на вас, и сотрут они вас всех в мелкий порошок!

Тогда говорит Матфий Андрею:

— А давай-ка проклянём его как следует! А то ведь это именно он сделал мне столько зла, поднял против меня людоедов, и вырвали они мне ногтями глаза. Но не пострадал я, потому что сказал: «Помоги мне, Господи Иисусе Христе». А потом ногтями своими разодрали они мне ноздри, приковали меня железными цепями к железной решётке и стали пичкать меня сеном и щепками. Но питался я манной небесной, потому что сказал: «Помоги мне, Господи Иисусе Христе». И напоили меня колдовской водой, но я всё равно сохранил рассудок и продолжал славить Крепкого. И помолился я усердно Господу Богу, и пришёл Господь Иисус и вернул мне глаза на место. И железо выпало из моих ноздрей, и я увидел в тюрьме множество людей с вырванными глазами: они носами были прикованы к решётке. Помолился я Господу Богу моему — и они тоже прозрели, и тотчас освободилось человек сто. И я крестил их — тех, кого мы сейчас оставили в тюрьме. А во внешней части тюрьмы есть ещё и другие люди, их сто семнадцать, у них тоже вырваны глаза, а носами они прикованы к решётке. Так прикажи мне, святой апостол

Христов Андрей, и я проклянута его — пускай себе горит вечным пламенем!

— Нет, Матфий, бесполезно, — отвечает ему Андрей. — Проклясть ты того хочешь, кто Богом уже проклят. Того отправляешь в пламя, кто и так весь в геенне. Но допросить его хорошенько всё же следует.

Тогда Матфий схватил чудище за горло да как рывкнет:

— Ах ты, лукавый и мерзкий предводитель всякой злобы, мутный и черномазый, ты чего это нам такое сказал, а? Что снова пойдёшь на тех, кто тебя и так всегда побеждает?

Тот как испугается — и пищит тонюсеньким голоском:

— Матфий, Матфий, а ты меня пока что не побеждал. А с Андреем всё равно хочу потягаться. Вот поглядите — побегу я по всему городу и всем-всем расскажу, что прибыл сюда Андрей, зловредный чужак. Расскажу, как выгнали его из Амасии, потому что наколдовал он там множество бедствий: всех местных идолов порубил, алтари искрошил, а меня, главного беса, начальника великих демонов, с позором вышвырнул из города. Послушна ему вся бесовская природа: если кого из них подзовёт, так они в страхе и льнут к нему, велит им припасть к земле и замолчать — тут же подчиняются, ибо есть у него волшебное имя Иисуса. Сколько мёртвых он навоскрешал из тех, кого я понарезал! А если произнесёт он имя Иисуса, то слово его становится делом и оживает. Но самое большое его волшебство — в том, что этот Андрей, будучи человеком, простым рыбаком, когда хочет, оборачивается ангелом, и лицо его как молния, голова его как шерсть, борода его висит до пупа, хитон его бел как снег, а плащ его украшен как у философа. Знаю-знаю, что и отсюда прогонит он меня, но пока лучше сбегая-ка я сперва в тюрьму и удушю

тамошних стражников, семерых мерзавцев, которые открыли ему тюрьму на мою погибель...

Сказал так главный бес и побежал вон, и разболтал всему городу людоедов, что прибыли к ним чужаки.

Апостолы же Андрей и Матфий вошли наконец в город и тотчас направились к идолам — Пану и Сатиру, сели у ворот капища и стали беседовать, рассказывали друг другу о чудесах, которые сотворил Иисус. А через некоторое время сбежался к ним почти весь город — кто с острыми мечами, кто с сетями, кто с палками, кто с камнями, кто с верёвками и пилами. Но когда все они пришли в святилище, то никого не увидели, так как Андрей сказал:

— Господи Иисусе Христе, скрой нас от сборища этих людоедов, ибо привёл Ты меня в их страну, чтобы прославили они Твоё величие.

Тогда сказали людоеды друг другу:

— Нет тут никого! Давайте разыщем того гниющего чернокожего, зарежем его, и пусть его едят черви, а то рассказал он нам о чужаках, но не видим мы их нигде. Вот и семь тюремщиков, которые позволили Матфию выйти, оказались вдруг мёртвыми — сходим за ними и съедем прямо здесь, ведь мы режем в пищу в день как раз по семь человек.

Решили они так и ушли, а Андрей со спутниками остались. Сколько тут радости было, оттого что первое знамение по величию Божьему случилось в Стране людоедов!

И вот сидит Матфий у дверей капища и вдруг видит двух каменных сфинксов, которые лежали с правой и с левой стороны от входа. Тогда говорит он Андрею:

— Давай призовём имя Христово, и пусть спустится каждый сфинкс и ответит на наши вопросы, как отвечали они когда-то перед Иисусом.

И говорит Андрей:

— Не сейчас. Когда вернутся сюда людоеды всей толпой, вот тогда и призовём имя Христово, заставим этих каменных животных зашевелиться. Ох и напугаются же людоеды!

Так и случилось. Обежали весь город людоеды, но не нашли ни Матфия с Андреем, ни того чёрного египтянина, и снова пришли к капищу. Увидел их Андрей и взмолился:

— Господи Иисусе Христе, многие и великие знамения Сотворивший через моих соапостолов, во всяком месте Явивший Свои чудеса и всё мне Открывший, и ныне, Господи Иисусе Христе, упраздни и осуди действующего и живущего в этой стране дьявола, чтоб не ели больше её жители человечину, но хлеб познания, явленный на кресте!

И сказал потом Андрей Матфию:

— Возлюбленный Божий Матфий! Теперь пора. Прикажи каждому сфинксу, пускай спускаются на землю и обличат неразумие этих беззаконников и безбожников.

И завопил Матфий:

— Вам я говорю, правый и левый сфинксы, именем неведомого здесь Иисуса: сдвиньтесь с места, встаньте перед нами и пригрозите, как можете, тем, кто не верует в чудеса Христовы!

И тотчас спустились те со своих мест и сказали в один голос:

— Внемлите, народы иноязычные! Послушайте, мужи людоеды! Устрашитесь славного имени Христа, Чьей силой мы спустились с нашего места, Чьей силой обращаемся мы к вам. Раскайтесь в своей злобе и станьте разумными! Вы называете богами Пана и Сатира, а они не боги, но всего только чурбаны и суетные творения людские.

Услышали это людоеды, удивились и спросили сфинксов:

— Кто это согнал вас с места, да ещё с такой каменной громады?

И ответили сфинксы:

— Отбросьте свою свирепость — и увидите апостолов Христовых, Андрея и Матфия, которые уже внутри вашего капища славословят Христа. А Пан и Сатир рухнули наземь, и лежат их обломки у ног апостолов, стёрты в пыль. — И вернулись сфинксы на свои места.

Подступила толпа людоедов к двери капища, стали они заглядывать в щёлку и увидели, как стоят внутри апостолы и молятся, а за ними — епископ Платон, который подпевал: «Аллилуйя». Испугались людоеды и сказали:

— Пойдём-ка отсюда и заглянем в гадательные книги: что там написано об этом Христе и об этих самых апостолах? — И отправились в великое святилище Аполлона.

Принесли они там в жертву семь жирафов и двенадцать ежей и в трепете спросили:

— О самый прорицательный из всех богов — Аполлон, прореки нам что-нибудь об этом Христе и о чужаках, которые засели в нашем капище! Пан и Сатир, наши боги, упали на землю к ногам апостолов и разбились на мелкие кусочки.

Статуя Аполлона осталась неподвижной, но вдруг не соврала людоедам, как делала раньше, а прорекла чистую правду:

— Не просите у меня больше оракулов и не приносите мне в жертву жирафов и ежей, потому что иссякла моя прорицательная сила. А чужеземцы Андрей и Матфий — самые настоящие апостолы Христа, Сына Бога Вышнего. И попробуйте только не повиноваться им! А то как бы гнев с неба не сошёл на вас и весь город ваш не разрушил бы и не изничтожил страшнейшим огнём. Умоляйте их — и спасётесь, ведь даже мы, ложные боги,

хоть и каменные, а не можем ничем вам помочь. Одно только прорекую я вам: всякий, кто не уверует во Христа, будет истреблён!

И разбрелись людоеды в ещё большем трепете. А Матфий и Андрей целыми и невредимыми вышли из посрамлённого капища, потому что не решились вернуться за ними людоеды, горевали и плакали и боялись Божьего гнева, но не знали, что приготовил им Господь беду куда страшнее, и не бросали своего людоедского промысла, и оставались свирепыми и безбожными.

5. НАД КРОВАВЫМ ЖЁЛОБОМ

Продолжали томиться в мрачной людоедской темнице крещёные братья, которых лишь на время оставили святые апостолы, но вернулись к ним после того, как повергли в прах идолов. Увидел тогда Андрей, что узники, голые и грязные, едят сено, словно скотина, бессвязно мычат и качают пустыми головами. Ударил он себя в грудь и подумал со страданием: «Эх, Андрей, оглянись вокруг и посмотри, что сделали с подобными тебе людьми, как превратили их в скотов бессловесных!» — и стал во всеуслышание обличать сатану:

— Эй, дьявол! Горе тебе, супостату Божию, врагу Его ангелов! Что дурного тебе сделали эти чужеземцы? За что ты их так покарал? О, доколе будешь ты воевать с родом христианским?! Ведь это ты подстроил в самом начале, чтобы выгнали Адама из рая, и дал ему Бог растительную пищу, дабы сеять её по земле. Это ты превратил хлеб на его столе в неугрызаемые камни. Да и вообще, это же ты затуманил рассудок ангелов, соблазнил их оскверниться с женщинами и, о беззаконник, заставил гигантов, их сыновей, поедать

людей по всей земле, пока не разгневался на них Господь и не обрушил на них потоп, дабы истребить всякий росток, который сотворил Он на земле. Но не истребил Он праведного Своего Ноя. И снова пришёл ты, и нашёл этот город, заставил тутошних жителей пожирать людей, чтобы снова были прокляты все и утоплены. Или ты думал, что Господь уничтожит Своё создание? Или ты не слышал, что сказал Бог: «Никогда не наведу Я больше потоп на землю»? Но если и готовится какая мука, то только для тебя, для твоей гибели!

Встали тогда Андрей и Матфий, помолились, а после молитвы приложил Андрей руки на лица слепым братьям, которые были в той тюрьме, и все тут же немедленно прозрели. А потом положил он свою руку им на сердца — и вернулся к ним разум, и стали они снова вести себя по-человечески. И говорит им Андрей:

— Вставайте и ступайте в нижний город, найдите там у дороги большую смоковницу. Так вот, садитесь под той смоковницей и ешьте её плоды, пока я к вам не приду. Если же я задержусь, то пищи вы себе всё равно получите вдоволь, ибо никогда не иссякнут у этой смоковницы плоды: чем больше плодов будете с неё есть, тем быстрее нарастут новые, ещё крупнее и вкуснее прежних, — и уж наедитесь досыта. Так сказал Господь.

Но ответили узники Андрею:

— Пойдём с нами, наш господин, а то как бы снова не увидели нас эти беззаконники людоеды, как бы не схватили нас и не умучили такими страшными пытками, каких мы ещё не знаем.

Отвечает им Андрей:

— Ступайте же смело! Говорю вам как есть, чистую правду: как выйдете отсюда, ни одна собака не тявкнет на вас.

А было тех узников, которых Андрей выпустил из тюрьмы, всего двести девять мужчин и сорок девять женщин.

— Почему двести девять, дядя Григорий? — Пытливому Епифанию всё непременно хотелось знать.

На этот раз учитель улыбнулся и ответил так:

— Хороший вопрос. Я думаю, вы и сами сможете найти на него ответ.

Притихшие было дети вострепнулись, но замерли в недоумении, как же это возможно узнать.

— Мы же с вами занимаемся не только божественными предметами, но и науками внешними, мирскими. Поэтому давайте обратимся к арифметике, — прервал их замешательство Григорий.

— Сколько дней держали людоеды узников в темнице, пока их не зарежут? Кто помнит?

— Тридцать, — первым откликнулся Стилиан.

— Молодец, правильно. А по сколько человек в день они резали?

Теперь уже Епифаний, стараясь опередить товарищей, крикнул:

— Семь!

— Отлично. Итак, если людоеды режут по семь человек в день, то сколько они зарежут за тридцать дней?

Словно не замечая чудовищности задачи, мальчики стали считать, кто в уме, кто на досках, а кто и на счётах-абаке. Первым успел опять Стилиан, недаром дядя его был купец:

— Двести десять!

— Совершенно верно. Значит, если вычесть из двухсот десяти двести девять, сколько получится?

— Один! — хором воскликнули дети.

— Где же людоедам взять этого одного?

Мальчики снова задумались, но теперь уже никто не мог отыскать правильного ответа.

— Очень просто, — вывел их из задумчивости учитель. — Этот один недостающий — не кто иной, как сам Матфий, которого людоеды тоже хотели зарезать. Вот и получается двести девять узников.

Дядя Григорий остался очень доволен и своим уроком, и самим собой. Но никто: ни он, ни его ученики — так и не удосужились истолковать число крещёных женщин: мало ли сколько их там было? Епифаний же до сих пор не понимал, почему женщин оказалось ровно сорок девять.

А рассказ тем временем продолжался:

— Послушались узники блаженного Андрея и отправились туда, куда он им наказал. А Матфия вместе со своими учениками отправил он к востоку от города. И приказал Андрей облаку — и обволокло облако Матфия и учеников Андрея, и отнесло их облако на далёкую гору, где проповедовал сам апостол Пётр, и остались они у него.

Андрей же вышел из тюрьмы, стал гулять по городу и увидел медный столб, а на нём — статую. Подошёл он к этому столбу и спрятался за ним, чтобы понаблюдать за тем, что сейчас произойдёт в том проклятом городе. А случилось вот что: как я уже рассказывал, отправились палачи в тюрьму, дабы забрать себе оттуда человечинки для пропитания, — а там двери распахнуты, стражники мёртвые валяются. И побежали палачи сразу к правителям своего города и говорят:

— Так и так, правители наши: темница открыта, вошли мы туда и никого не отыскали — только трупы стражников мёртвых разбросаны по земле.

Услышали это правители города, посмотрели с удивлением друг на друга и говорят:

— Что же это такое, а? Как оно могло так случиться? Может, какие-то люди проникли в тюрьму, стражников поубивали, а узников с собой увели?

Тогда приказали они палачам:

— Ступайте в тюрьму и принесите сюда тех семерых мертвецов: съедем их сегодня и хоть до завтра продержимся, а там видно будет. Придётся тогда уж собрать стариков со всего города — пусть бросают жребий, кому из них семерым пойти нам в пищу. Так и будем каждый день семерых резать и питаться ими, пока не найдём смелых парней, чтобы сели они на корабли морями. Пускай отправляются в соседние страны и отлавливают там иноплеменников — вот тогда и будет нам снова постоянное пропитание.

Отправились палачи в тюрьму и принесли оттуда семерых мертвецов. А была построена посреди города печь — такая, где хлеб пекут, — и к печи примыкал большой каменный жёлоб — такой, в каком виноград давят, — над ним резали людоеды своих пленников. И струилась их кровь по жёлобу, и черпали они её чашами и пили с превеликим удовольствием. Так вот, принесли палачи тех мертвецов и положили их на жёлоб. Когда же замахнулись они мечами и хотели уже разрубить их на куски, Андрей услышал голос:

— Посмотри, Андрей, что творится в городе!

Посмотрел Андрей на это и помолился Господу:

— Господи Иисусе Христе, раз я прибыл сюда, чтобы спасти этот город, то уж как-нибудь помешай его жителям творить такие бесчинства. Пускай выпадут мечи у людей из рук этих беззаконников! — И тотчас выпали мечи у палачей из рук и окаменели их руки.

Увидели правители, что случилось, и горько заплакали, приговаривая:

— Горе нам, горе! Ибо здесь те колдуны, которые пришли в тюрьму и увели наших пленников. Вот ведь и этих они заколдовали! Что же нам делать? Ступайте же и сгоните сюда всех городских стариков: очень уж нам хочется кушать!

Прошлись людоеды по городу и собрали двести пятнадцать стариков, привели их к правителям и

заставили метать жребий, и выпал жребий на семерых. А один из тех, на кого выпал жребий, обратился к служителям:

— Пожалуйста, есть у меня один маленький сын — вот его и возьмите, зарежьте вместо меня и ешьте: он молодой и сочный. А меня оставьте в покое.

Отвечали ему служители:

— Пока не получим разрешения от начальства, не можем мы взять твоего сына, — и пошли к правителям.

А правители говорят:

— Ну так и забирайте его сына, раз он его нам отдаёт. А самого отпускайте на все четыре стороны.

Вернулись те служители к старику и рассказали о решении правителей. А старик им в ответ:

— Есть у меня ещё и дочь — берите их обоих! Зарежьте и кушайте на здоровье, только меня отпустите.

Выдал старик своих детей служителям, чтобы те зарезали их. Тогда зарыдали дети в голос и просят служителей:

— Пожалуйста, не убивайте нас! Слишком уж мы молоды. Дайте нам дожить до старости — вот тогда и режьте.

Потому они так сказали, что был в этом городе такой обычай: всех покойников не хоронили, а съедали. Однако служители не послушались детей, не сжалились над ними, но повели их к жёлобу, а те плакали и умоляли. И вот когда вели их на казнь, увидел это Андрей, сам заплакал и взмолился:

— Господи мой Иисусе Христе, услышал же Ты меня, когда просил я защитить мертвецов, и не дал Ты их сожрать — и теперь услышь меня: не дай палачам зарезать этих детей, пускай их мечи выпадут из рук!

И тотчас вырвались мечи из рук палачей и упали на землю. Увидели это палачи и затряслись от страха. Когда же Андрей увидел, что случилось по его молитве,

то прославил Господа за то, что слушает Он его во всём. А когда узнали правители, что произошло, то зарыдали в голос и приговаривают:

— Ой, горе нам, горе! Что нам теперь делать? Кого бы нам теперь съесть?

И явился тут дьявол в обличье старика и стал говорить посреди людоедов:

— Да, горе вам, горе! Потому что вы все умрёте с голоду! Что вам от овец и быков? Вам их никак не хватит! Вставайте же, ищите по всему городу одного чужака, зовут его Андреем. А как найдёте — убейте. А если не убьёте, то не даст он вам больше промышлять людоедством. Ведь это он повыпускал из тюрьмы ваших пленников, а вы до сих пор ничего о нём не знаете. Так что вставайте и немедленно разыщите его, а иначе не видать вам больше человечины!

Андрей же видел и дьявола, и как тот разговаривает с толпой, а дьявол блаженного Андрея не видел. Тогда говорит ему Андрей:

— О мерзопакостный Велиар, вечно воюешь ты со всем творением, но погоди: Господь мой Иисус Христос низвергнет тебя в бездну!

Услышал это дьявол и отвечает:

— О, слышу я голос и узнаю его. Но где же ты стоишь? Покажись.

И говорит Андрей дьяволу:

— Так почему же звать тебя Самаилом? Не потому ли, что ты слепой и никого из святых не видишь?

Услышал это дьявол и сказал людоедам:

— А ну-ка найдите того, кто сейчас говорит со мной! Это именно тот, кто нам нужен.

И побежали людоеды по городу, заперли городские ворота и стали искать блаженного, но так и не увидели его. Тогда явился Господь Андрею и сказал ему:

— Время пришло, Андрей! Встань и покажись им, чтоб узнали, сколько силы в дьяволе, который ими

помыкает.

Тогда Андрей встал перед всеми людоедами и говорит:

— Вот он я, тот самый Андрей, которого вы ищете!

И немедленно бросилась на него толпа, и схватили его с криком:

— Как ты с нами поступил, так и мы с тобой! Что захотим, то и сделаем!

И стали людоеды между собой рассуждать:

— Какой же смертью, да помучительней, его убить?

И говорили одни:

— Если просто отрубим ему голову, то не успеет помучиться.

А другие продолжали:

— Если зажарим его и накормим тем мясом наших старейшин, то и тогда не достаточно будет ему мучений.

И вот один из людоедов (в него вселился дьявол и сердце его наполнил злобой) обратился к народу:

— Как он с нами поступил, так и мы с ним. Давайте придумаем пытки пострашней! Ну так вот, верёвку ему на шею — и волочить его по городу, по всем улицам и площадям, каждый день, пока не помрёт. А когда помрёт, расчленим его труп, поделим поровну между собой и съедим!

Услышал это народ людоедов и сделал всё именно так: повязали Андрею верёвку вокруг шеи и поволокли его по городу, по всем улицам и площадям. И когда волочили блаженного Андрея, куски его мяса приставали к земле и кровь текла ручьями. А вечером бросили его в тюрьму, связали ему руки за спиной, и был он смертельно измучен.

Поутру вывели его из темницы, накинули верёвку на шею и стали волочить по земле. И снова мясо его приставало к земле, а кровь текла ручьями. И плакал блаженный Андрей и молился:

— Господи мой Иисусе Христе, приди и посмотри, что сделали с рабом Твоим. Но я терплю, потому что заповедал Ты мне: «Не поступай с ними по их неверию». Посмотри же, Господи, как мучают они меня, ведь знаешь Ты, Господи, как слаба человечесья плоть! И знаю я, Господи, что недалеко Ты от рабов Своих, но не нарушу я заповеди, которую Ты дал мне. Кабы не она, то обрушил бы я их всех в тёмную бездну вместе с городом их проклятым! Но не забуду я заповеди Твоей до самой смерти, потому что Помощник Ты мой, Господи. Об одном лишь прошу: не дай врагу смеяться надо мной!

Когда Андрей говорил это, шёл следом дьявол и подстрекал толпу:

— Ударьте ему по зубам, чтоб не болтал тут!

А с наступлением вечера взяли Андрея и бросили его снова в тюрьму, связали ему руки за спиной и оставили так до завтра. Дьявол же прихватил с собой семь злых бесов, которых выгнал блаженный Андрей из соседних стран, и вошли они в тюрьму, встали перед Андреем и начали его ругать крепкой руганью. И сказали семь бесов с дьяволом блаженному Андрею:

— Вот ты и попался, голубчик! Где же сила твоя, где твой страх, где твоя слава и твоё возношение? Ты превозносился над нами, бесчестил нас и рассказывал кругом о наших делах, ты опустошил наши святилища, и больше не приносят в них жертв нам в усладу. Вот это-то мы тебе сейчас и припомним, возьмём и убьём тебя, как и Учителя твоего Иисуса, которого якобы Ирод убил, а на самом-то деле — мы!

И обратился дьявол к семи злым бесам:

— Детки мои, убейте же его — того, кто нас обесчестил, и все страны теперь станут нашими!

Тогда семь бесов подкрались к Андрею, чтобы убить его, но увидели на лбу у него печать, которую ему Сам Господь поставил, испугались и не посмели подойти ближе. Спросил их дьявол:

— Детки мои, почему убежали вы и не убили его?

И отвечают бесы:

— Не можем мы его убить, ведь на лбу у него печать! А испугались мы потому, что знаем, каков он был раньше, до того как дошёл до нынешнего унижения. Подойди-ка к нему сам и попробуй его убить, если сможешь. А мы боимся: вдруг Бог исцелит его и нас растерзает?

И один из бесов добавил:

— Пусть и не можем убить его, но давайте хоть посмеёмся над его муками и унижением!

Подошли тогда к блаженному Андрею семеро бесов и дьявол и начали поносить его:

— Вот и ты, Андрей, дошёл до позора, бесчестия и мучений. И кто теперь тебе поможет?

Услышал это блаженный Андрей, заплакал горько и слышит откуда-то голос:

— Почему ты плачешь, Андрей?

А был это голос дьявола, ведь изменил дьявол свой голос. Тогда ответил Андрей:

— Как мне не плакать, если заповедал мне мой Господь: «Терпи их до конца»!

И сказал дьявол Андрею:

— А ну-ка попробуй что-нибудь сделать нам. Или ты уже не способен ни на что?

Но ответил Андрей:

— Даже если вы меня тут убьёте, всё равно не пойду я у вас на поводу! Ибо надо мной воля Пославшего меня Иисуса Христа. Потому-то и устроили вы мне всё это, чтоб оставил я заповедь Господа моего. Но если Господь поможет мне в этом городе, то уж проучу я вас как следует!

Услышали это семеро бесов и дьявол — и убежали посрамлённые.

6. КРЕЩЕНИЕ ПОТОПОМ

Не оставил Господь Андрея, но пришёл к нему в тюрьму и протянул ему руку со словами:

— Дай же Мне свою руку и вставай здоровым.

И увидел Андрей Господа своего Иисуса, подал Ему руку, тут же встал здоровым, поклонился Ему до земли и говорит:

— Благодарю Тебя, Господи мой Иисусе Христе!

Оглянулся Андрей вокруг и увидел, что посреди тюрьмы стоит столп, а на том столпе алебастровая статуя. Поднялся он тогда на столп, перекрестился семь раз и крикнул столпу со статуей:

— Устрашись крестного знамения: трепещут перед ним небо и земля! Изрыгни же, о статуя на столпе, мощную струю воды, затопи всё вокруг, чтобы вразумились жители этого города! Не бойся, о камень, и не говори, что «камень я и недостойн славить Господа». Ведь и вы, камни, в большом почёте у Господа. Нас Он вылепил из земли, а вы чисты. Потому дал на вас Бог Своему народу скрижали закона — не на золоте и не на серебре, а на каменных скрижалях начертал Свои заповеди. Сослужи-ка теперь, о статуя, мне эту службу!

Сказал так Андрей — и тут же, как из трубы, хлынула изо рта статуи вода и затопила весь город, и была она такой солёной, что разъедала человеческую плоть.

А с наступлением утра как увидели это людоеды, так пустились бежать вон из города и думали в ужасе: «Горе нам, горе! Сейчас мы все умрём!» И тонули в той воде их дети и скот, а людоеды всё бежали и бежали из города. Тогда обратился Андрей к Господу:

— Господи Иисусе Христе, пускай же исполнится и свершится это знамение в Городе людоедов. Не оставляй меня и пошли сюда в огненном облаке

архангела Своего Михаила, окружи этот город, чтобы никто не убежал из него, чтобы никто не вышел из огня!

И тотчас опустилось на город огненное облако и окружило его стеной. Увидел Андрей, какую помощь дал ему Господь, и благословил Его. А вода уже до самой шеи поднялась и сильно разъедала людоедов, и плакали все и стонали:

— Горе нам, горе! А ведь всё это из-за того чужака в тюрьме, которого мучили мы. Что же делать теперь? Давайте выпустим его, а не то потонем в этом потопе. И воскликнем все: «Веруем в Тебя, Бог чужеземца! Забери от нас эту воду!»

И скакали все в едкой воде, и кричали громким голосом:

— Бог чужеземца, мы уверовали в Тебя! Только забери от нас эту воду!

Тут понял Андрей, что душа их покорилась ему, и сказал он алебастровой статуе:

— Прекрати сейчас же лить воду изо рта! Кончилось время покоя, выхожу я проповедовать слово Господне. И вот, говорю я тебе, столпу каменному: коли поверят мне жители города, то построю я церковь и поставлю тебя в ней, потому что сослужил ты мне большую службу.

И прекратила статуя извергать воду, и перестала литься та вода. И подошли горожане к дверям тюрьмы, и стали кричать:

— Помилуй нас, Бог чужеземца! Не поступай с нами по неверию нашему. Не поступай с нами так, как поступили мы с этим мужем. Только убери от нас эту воду!

Вышел Андрей из тюрьмы, и расступилась вода под ногами блаженного. Когда увидел его весь народ, все сразу так и ахнули.

И пришёл к Андрею старик — тот, который предал своих детей, чтобы зарезали их вместо него в пищу, — пришёл и обнял ноги апостола, и стал умолять его:

— Помилуй меня!

И ответил святой Андрей старику:

— Вот уж странно, что говоришь ты: «Помилуй меня»! Ты же сам детей своих не помиловал, но отдал их вместо себя на растерзание. Потому говорю тебе: в тот час, как схлынет вода в бездну, отправишься туда и ты, да ещё те четырнадцать палачей, которые каждый день забивали людей. И останетесь вы в аду, пока я не вернусь и не выведу вас оттуда. А теперь вон отсюда — в бездну! Пускай посмотрят палачи, где место убийства, а где — мира. Пускай увидит этот старик, где место любви, а где — предательства. Провалитесь же туда все разом!

И пошли за Андреем горожане, а вода бежала от его ног и дошла до того жёлоба, где резали людей. Взглянул блаженный Андрей на небо, помолился перед всем народом — и треснула земля и проглотила всю воду вместе со стариком и палачами: полетели они в мрачную бездну. Увидели горожане, что случилось, задрожали и перешёптываются между собой:

— Горе нам, горе! От Бога этот человек, и теперь убьёт он нас за всё зло, что причинили мы ему. Вот ведь оно как: что он сказал палачам и старику, то с ними и случилось. Сейчас как прикажет огню — и сожжёт он нас дотла!

Услышал это Андрей и говорит им:

— Не бойтесь, дети мои! Не оставляю я их в аду. А провалились они туда только затем, чтобы уверовали вы в Господа нашего Иисуса Христа.

Тогда велел блаженный принести всех, кто умер в воде, но не смогли их всех собрать, ведь очень уж их было много — мужчин и женщин, детей и животных. И помолился тогда Андрей — и все они сразу ожили. Помолился ещё раз — и, по милости Господней, исчез огонь вокруг города. Оживил он и тех стражников, которые выпустили из тюрьмы его и Матфия. А потом,

после долгой молитвы, при всём народе начертил он на земле план церкви и построил её на том месте, где стоял тюремный столп. Передал он горожанам и заповеди закона со словами:

— Соблюдайте их пока, а потом получите и таинства Господа нашего Иисуса Христа. Ещё не время учить вас таинствам.

И стали его все просить:

— Пожалуйста, побудь с нами хоть пару дней! Дай нам, новообращённым, напиться из твоего источника.

Однако не склонился Андрей на их просьбы, но сказал:

— Отправляюсь я сначала к своим ученикам. — Но пошли вслед за ним дети, плакали и умоляли остаться, а за ними шли их отцы и посыпали себе головы пеплом.

И всё равно не послушался их Андрей и вновь сказал:

— Отправляюсь я сначала к своим ученикам, а после вернусь к вам, — и ушёл восвояси.

Тут спустился Господь Иисус в образе маленького миловидного мальчика, встретил Андрея и говорит ему:

— Андрей, Андрей, зачем же ты ушёл, оставил их ни с чем и не сжалился над детьми, которые шли за тобой и рыдали, и над отцами их, которые просили тебя: «Побудь с нами хоть пару дней»? Ведь до небес поднялся их стон и плач! Так что будь добр, возвращайся назад в город и оставайся там семь дней, пока не укрепишь души горожан в вере, и только после этого уходи оттуда и ступай тогда в Город варваров. А как проповедаешь им Моё Евангелие, то снова возвращайся сюда и вытащи из бездны, кого ты туда сбросил.

Тогда Андрей развернулся и пошёл в город, приговаривая:

— Благословляю тебя, Господи мой Иисусе Христе, Который хочет спасти всякую душу, за то, что не

позволил Ты мне уйти из этого города с гневом моим несправедным!

И когда он вошёл в город, увидели его все и обрадовались величайшей радостью. Провёл он там семь дней, учил и укреплял бывших людоедов в Господе Иисусе Христе. А как прошло семь дней, то собрался Андрей уходить, и окружили его все, от мала до велика, и провожали его такими словами:

— Един Бог Андрея, един Господь Иисус Христос, Ему же слава и держава вовеки, аминь!

На этом закончился рассказ учителя Григория, так потрясший в детстве Епифания. Но в том свитке, что принёс ему Иаков, Епифаний нашёл ещё одно небольшое его продолжение.

Блаженный апостол Андрей прибыл в окрестности Большой Скалы, что в Городе варваров, там был апостол Матфий с учениками, сидели они под скалой, ждали Андрея и постились. А когда увидели они блаженнейшего Андрея, радости и веселья исполнился Матфий и говорит ему:

— Расскажи нам, раб Христов, что сотворил с тобой Господь в Стране людоедов.

И Андрей всё до мелочей им рассказал: и как из-за дьявола, который вселился в них, схватили людоеды блаженного; и как три дня они волочили его по всему городу, так что и плоть его, и кровь, и волосы разбросало по земле; и как дьявол с семью бесами отправились в темницу и издевались над ним; и как помолился он — и статуя, что стояла на столпе посреди тюрьмы, пустила изо рта мощную струю воды, да так, что почти весь город затопило и потонуло в том потоке много народу, а когда людоеды решили бежать, то попросил Андрей Господа Иисуса Христа — и послал Он архангела Михаила с полыхающими факелами, и окружил огонь весь город, так что не смог никто выйти из города, а после того как осознали всё людоеды и

пришли в тюрьму умолить Бога о пощаде, Андрей вышел из тюрьмы и воскресил всех утопленников молитвой; и как палачей, которые резали людей, и старика, который хотел предать собственных детей, вместе с водой поглотила бездна; и всё, что сотворил через него Господь, рассказал Андрей своим ученикам.

И вот, когда ликовали братья величайшей радостью, говорит им блаженнейший Андрей:

— Блаженный брат мой Матфий, пора, наконец, вернуться нам в Мирмену, ибо велел мне Господь наш Иисус Христос вернуть к жизни тех, кто утонул в бездне.

И как только сказал Матфий: «Да исполнится воля Господня!» — вышли они из Города варваров и направились к Мирмене. Когда же достигли они города, сбежались все его жители, обрадовались и прославили Господа Иисуса Христа. Вошли же Андрей и Матфий в город и наставили горожан в вере, а затем обратился Андрей ко Господу:

— Господи, если есть на то воля Твоя, ибо приказывал Ты уже, чтобы поднялись те, кто в бездне, и вот я назначен по велению благодати Твоей вывести их оттуда, — то прикажи мне совершить это!

И раздался голос с небес:

— Велю тебе, Андрей: выводи их из бездны! Ибо хочу Я, чтобы все спаслись.

Когда же подошёл к кровавому жёлобу блаженнейший Андрей вместе с Матфием и с их учениками, большая толпа сбежалась посмотреть, что случится. Тогда говорит Андрей блаженному Матфию и своим спутникам:

— Помолитесь вместе со мной за тех, кто сгинул в бездне, дабы Господь и здесь сотворил свои чудеса.

И молились они долго и упорно, а все смотрели на Андрея, но вспучилась вдруг земля, и выбросило наружу трупы злых палачей и жестокого старика. Завопил тогда Андрей громким голосом:

— Господи, Ты велел, чтобы поднялись они из бездны. Наверное, захотел ты их спасти и причислить к Своей пастве. Ведь если бы не захотел, то не приказал бы мне их поднять. И теперь прошу Тебя: прикажи вдохнуть в них жизнь — и ещё крепче уверуют в Тебя толпы бывших людоедов, и воспоют величие Твоё, когда оживут эти мертвецы.

Помолился тут апостол Андрей и сказал блаженному Матфию, служителю Господню, и епископу Платону:

— Подойдите-ка ближе. Возьмём каждый одного из умерших за руку и воскресим покойников.

Обнялись тогда друг с другом апостолы и епископ Платон, призвали имя Господа нашего Иисуса Христа и воскресили тех, кого выбросило из бездны. И тотчас заговорили все воскресшие громкими голосами:

— Слава Богу, Который нас, когда мы и в бездне утонули, и в огне зажарились, помиловал через раба Своего Андрея! Слава Тебе, Иисусе! Не позволил ты нам стать добычей дьявола, привёл ты нас к познанию Своей благодати.

И пока они ещё долго благодарили и воспевали Владыку всех Бога, пошли все единодушно в церковь. Тогда успокоил толпу движением руки блаженный Андрей и начал говорить:

— Чада, мужайтесь и крепитесь, оберегайте и храните то, что передал я вам. Остаётся среди вас блаженный Матфий, мой собрат-апостол, который утвердит вас во всех благах Господа нашего Иисуса Христа. А я отправляюсь в то место, которое выпало мне по жребию, и не скоро мне туда добраться.

И вот оставил Андрей в Мирмене блаженнейшего Матфия и ушёл восвояси со своими учениками. Но сбежался весь город и пустился вслед за ними, чтоб вернуть себе блаженного Андрея. Тогда говорит он им:

— Ступайте, чада мои, к отцу вашему, моему собрату-апостолу Матфию: он все ваши желания

исполнит — что бы вы ни попросили у Бога нашего, всё Он даст ему.

И все горожане, которые были ещё недавно страшными людоедами, с великой скорбью и громкими стонами вернулись назад. Андрей же продолжил путь вместе со своими учениками. Когда достигли они Амасии, то отдохнули наконец, ибо ниспослан им был покой во Христе Иисусе, Господе нашем, Которому слава и держава во веки веков, аминь.

На том и окончился удивительный рассказ о деяниях святых апостолов Андрея и Матфия, когда послал их Господь в Страну людоедов.

Епифаний отбросил свиток и строго сказал Иакову:

— Чушь несусветная! Унеси туда, где нашёл. И остальное забирай.

Иаков подобрал возмутительную книгу и, опустив глаза, беззвучно удалился.

Епифаний остался один, и ему вдруг вспомнились как живые и дядя Григорий, давно лежащий на кладбище в Пигах, и сосед Стилиан, пропавший со своим кораблём где-то в Понте Эвксинском, и другие мальчики — теперь уже возмужавшие и разъехавшиеся по миру. Вспомнился как наяву и тот вечер, когда после рассказа о приключениях апостолов все дети, уже полусонные, разошлись, а Епифаний всё никак не отставал от дяди, прося ответа на свой вопрос о многоликости Христа.

Григорий подозвал мальчика поближе и тихо, почти шёпотом начал отвечать:

— Не хотел я говорить об этом при всех, ибо не все крепки в вере, а тем паче — дети. Но тебе расскажу — авось, Господь упасёт тебя от искушения. В древних сказаниях об апостолах: о Петре, о Павле, об Иоанне и Фоме — Христос часто, очень часто является Своим ученикам в разных обликах: то кормчим, то старцем, то светом, то голосом — таким, каким в Своей земной жизни Он никогда не был. А иногда Он прямо у них на

глазах меняет Свой облик, как и ты это слышал. Но когда идольское безбожие прекратилось и святой император Константин утвердил во всей вселенной православную веру, Отцы Церкви осудили эти сказания и эти явления как бессмысленные, еретические и зловредные, ибо они покушаются на подлинность Христова воплощения. Впрочем, я, сказать по чести, думаю, может быть, Господь и правда часто являлся Своим ученикам по их вере, а ведь Он может принять облик, какой хочет, ибо Он всемогущ.

— Но почему тогда Андрей не узнал Его в кормчем, а в других видах сразу узнавал?

— Разве ты не понял этого из моего рассказа? Господь настолько всемогущ, что может не просто принять любой облик, но и сделать этот облик неузнаваемым. А не уразумел Андрей потому, что в самом начале не послушался Христа. Вот Господь вразумил его и показал ему, что ни богопознание, ни чудеса ничего не значат по сравнению с послушанием воле Божьей. Запомни это! А теперь давай иди спать.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ ПО МАЛОЙ АЗИИ

1. АПОСТОЛЬСКИЙ ЖРЕБИЙ

В самом сердце Москвы, в старинных переулках между Кремлём и помпезными министерствами, большей частью в подвалах, соединяющих невзрачные флигельки, располагалась Государственная рукописная библиотека, куда даже специалистам разрешён был вход лишь по особым пропускам в виде серой пластиковой карточки без единой надписи и фотографии. Фоменко посещал эту библиотеку только по исключительной надобности, которая, впрочем, возникала довольно часто, потому что необходимые ему апокрифы были опубликованы не все, да и старые издания уже не могли удовлетворить нужд современного исследователя. Вот и теперь, по просьбе отца Ампелия, как назло снова пропавшего из виду, он пришёл сюда, чтобы увидеть наконец самый ранний из известных славянских списков жития апостола Андрея, составленного Епифанием Монахом в девятом веке.

Чтобы попасть в читальный зал ГРБ, точнее — чтобы найти в нём для себя место и не сидеть с рукописями в полутёмном коридоре (и то, если разрешат), — нужно было приходить сюда рано утром, часа за полтора, а то и за два до открытия библиотеки, и занимать очередь во внутреннем двореке, стиснутом со всех сторон разновеликими и многоцветными зданиями с зарешечёнными окнами или вовсе без оных. Скамеек в том двореке никто не предусмотрел, а стоять в очереди зимой, на морозе, было совсем неудобно, однако всегда находилось о чём поговорить с коллегами, многие из

которых запасались горячим чаем или кофе в термосах, а некоторые приносили с собой фляжечки кое с чем посерьёзнее и к тому моменту, когда добирались до рукописей, оказывались в благодушно-расслабленном состоянии, способствующем неожиданным открытиям, но сильно притупляющем внимание.

И в то утро, под конец двухчасового ожидания на лёгком мартовском морозце, отстояв — в прямом смысле этого слова — своё место в заветной восьмёрке читателей, — Фоменко не устоял перед уговорами профессора Капуреника хлебнуть виски из его фляжки.

— За науку! — выпалил профессор и, запрокинув голову, разглядел вдруг из-под очков миловидную барышню, только-только подошедшую. Никто её раньше здесь не видел. Семён Маркович поперхнулся было, но счёл своим долгом спросить:

— Мадемуазель изволит читать рукописи?

— Да. А это что за очередь? За чем? Неужели за рукописями?.. — сказала барышня с лёгким кавказским акцентом.

Судя по благородному профилю, чёрным как смоль бровям и огромным карим глазам, в которых Фоменко прочёл недоумение, граничащее с испугом, он решил, что перед ними грузинская княжна — не меньше.

— В очереди, да, все за рукописями вот стоим. И вам бы ни за что не досталось места в зале, но!.. — проговорил Григорий: он уже ощутил благотворное влияние тёплого дистиллята и был готов к подвигам. — Но я уступаю вам своё место.

Очередь тут же зашевелилась, и мужчины всех возрастов стали наперебой предлагать себя вместо Григория, ссылаясь на то, что им сегодня не к спеху, что могут прийти и в другой день, что рады помочь командированным.

— Нет уж, коллеги! Это была моя идея, — заявил Фоменко.

Но «грузинская княжна», видимо, не ожидавшая, что вызовет такое оживление подзамёрзшей учёной очереди, покраснелась и сразу же после слов Григория сбежала, ничего никому не ответив. Григорий пожал плечами и тихо побрёл в тёмный коридор библиотеки, которую наконец отпер сурового вида милиционер.

Там его ждала рукопись ноябрьской Минеи четвёй 1420 года, написанная «убогим Евсевием», иноком Троице-Сергиевой лавры, бывавшим и в Константинополе и переписывавшим там книги, — это был сборник душеполезных чтений на каждый день, в основном жития святых, а среди них — Епифаниево житие апостола Андрея, помещённое, как ему и положено, под тридцатым ноября, начало на обороте триста тридцать седьмого листа, киноварный заголовок: «Месяца ноемврия 30-й день. Деяние святую апостолу [то есть двух святых апостолов] Андрея и Матфея». И весь небольшой кусочек про «Деяния Андрея и Матфея» был перечёркнут, по-видимому, противоположным концом пера — опахалом, обмакнутым в чернила, сначала крест-накрест, а затем писец, ставший вдруг цензором, пытался замазать каждую строчку в отдельности, но ему это быстро надоело, к тому же чернила для перечёркивания оказались несколько жиже тех, что использовались для письма, или просто не был выдержан правильный нажим, поэтому весь перечёркнутый текст в итоге всё равно прекрасно читался.

Фоменко поначалу обомлел: неужели это неизвестное греческой традиции начало первой, более подробной редакции Епифаниева жития? Однако это было, конечно, не оно, точнее — перечёркнутый отрывок, возможно, и использовался в качестве начала этого жития, только вот самим ли Епифанием?.. Это был фрагмент именно того, чем оно именовалось в самой рукописи, — апокрифических «Деяний Андрея и

Матфия» (а не Матфея, с которым того часто путали), действие коих разворачивалось в чудесной Стране людоедов. *«По причту убо лучитися ити Матфеови в Страну человегсоядец, — прочитал Фоменко в первых же строках. — Человеци же града того ни хлеба ядааху, но бяша ядуще плоти человеческия и пиюще крови их».* При этом «Деяния» были переписаны убогим Евсевием далеко не полностью: на левой половине разворота находилось лишь самое их начало, а уже на правой — конец, за которым сразу же следовал текст Епифания.

По чести сказать, и сам Епифаний не знал, как ему начинать рассказ о жизни апостола после Христова Вознесения, когда Андрей был последний раз упомянут в Писании, в книге Деяний апостольских. Конечно, Андрей, не названный особо по имени, присутствовал в собрании апостолов на Пятидесятницу, когда сошли на них огненные языки и заговорили все ученики Христовы на разных наречиях:

«И все изумлялись и дивились, говоря между собою: «Сии говорящие не все ли Галилеяне? Как же мы слышим каждый собственное наречие, в котором родились: парфяне, и мидяне, и еламиты, и жители Месопотамии, Иудеи и Каппадокии, Понта и Асии, Фригии и Памфилии, Египта и частей Ливии, прилежащих к Киринее, и пришедшие из Рима, иудеи и прозелиты, критяне и аравитяне, слышим их нашими языками говорящих о великих делах Божиих?» И изумлялись все и, недоумевая, говорили друг другу: «Что это значит?» А иные, насмехаясь, говорили: «Они напились сладкого вина»».

Сразу ли на всех языках заговорили апостолы? Или каждый на каком-то одном — языке той страны, где ему предстояло проповедовать Евангелие? И действительно ли они распределяли между собой уделы метанием жребия, как о том сообщали апокрифы? Во всей Патриаршей библиотеке не мог Епифаний найти

однозначных ответов на эти терзавшие его вопросы. Хотя как тут было обойтись без метания жребия! Об этом событии, правда не приурочивая его к какому-то точному времени, и со ссылкой на предание (а точнее — на опасные писания Оригена), сообщал Евсевий Кесарийский: «Святые апостолы и ученики Спасителя рассеялись по всей вселенной. Фоме, как говорит предание, выпал жребий идти в Парфию, Андрею — в Скифию, Иоанну — в Асию», — и так далее. Евсевия, чей авторитет в церковной истории был непререкаем, читали все, а потому все и были уверены в том, что апостолы метанием жребиев выбирали для себя уделы. Но только ли Скифия досталась Андрею? Дело в том, что Епифаний обнаружил в библиотеке списки апостолов, в которых упоминались и другие места и народы, где проповедовал Андрей.

Так, в старинной и явно заслуживающей доверия рукописи, озаглавленной «Список семидесяти учеников» и надписанной именем его небесного покровителя святителя Епифания, архиепископа Константианы Кипрской, смиренный монах и пресвитер Епифаний обрёл несколько разрозненных упоминаний апостолов Андрея, Матфия и мест их проповеди:

«Андрей, брат Петров, как передали нам бывшие до нас, проповедал нашего Иисуса Христа скифам, согдианам и сакам (сверху другой рукой было приписано — горсинам) и в Севастополе Великом, где есть лагерь Апсар, Иссулимен и река Фасис (там живут внешние эфиопы, люди дикие)»;

«Матфий, один из семидесяти учеников, сопричисленный к одиннадцати апостолам двенадцатым вместо Иуды Искарота, предавшего Господа, — он проповедовал во Внешней Эфиопии, где есть Иссулимен и река Фасис, там он проповедал Благовестие варварам-плотоядцам, скончался в Севастополе и там погребён близ святилища солнца»;

«Стахий, которого упоминает Павел в Послании к Римлянам, был поставлен первым епископом Византия апостолом Андреем в Аргирополе Фракийском».

Итак, Андрея и Матфия объединяла проповедь среди внешних эфиопов, они же, вероятно, и были теми самыми людоедами, о которых повествуют совместные «Деяния» обоих апостолов, никак не могущие быть признанными книгой правдивой и вполне православной. Однако святитель Епифаний (если, конечно, именно он был автором «Списка», в чём его тёзка нисколько не сомневался) — писатель в высшей степени авторитетный, и если он говорит о варварах-плотоядцах, значит, предание о них вполне достоверно. И одновременно — что ещё за Апсар и Иссулимен, рядом со знаменитым золотоносным Фасисом в Колхиде? Наконец, путь Андрея вдоль берега Понта был описан и в его «Деяниях» — тех самых, которые Епифаний всё никак не возвращал библиотекарю Фоме, — древнейших и полных загадок, в них описывались чудеса апостола и содержались гнусные выдумки еретиков.

Но что было страшнее — ереси древности, вместе взятые, или нынешнее иконоборчество, возобновлённое нечестивым василевсом? Епифаний и вся братия Студийского монастыря склонялись к тому, что не было ещё в истории Церкви Христовой более опасного для неё времени, чем то, в которое им волею Господней пришлось жить.

В том самом 6323 году начало Великого поста, который и сам по себе заставляет христианина как бы воочию лицезреть страшные и великие дела Господни, принесло Церкви великие бедствия: в понедельник первой седмицы патриарх Никифор, вынуждаемый к тому императором и его слугами, оставил свой престол и был спешно выслан на азиатский берег Босфора. Вместе с патриархом из его резиденции и Святой Софии исчезли и многие приближённые к нему люди, в том числе

библиотекарь Фома, о котором не было никаких известий. Слухи ходили разные: одни говорили, что Фома оказался вдруг иконоборцем и иудой, за что получил высокое назначение где-то на Пелопоннесе; другие — что, напротив, Фома проявил необычайную стойкость в защите патриарха от нападок черни, за что был то ли растерзан ею, то ли заключён в темницу и там скончался; третьи — что библиотекарь вошёл в состав тайного посольства, которое перед самым своим низложением Никифор отправил в Рим. Но как бы то ни было, Епифаний больше не мог оставаться в Патриаршей библиотеке: без помощи учёного библиотекаря ему бы не удалось полноценно продолжать там свою работу, да и оставаться на хорах Великой церкви было совсем не безопасно. Подстрекаемая василевсом толпа — по преимуществу солдаты столичных полков — рыскала по собору и прилегающим к нему строениям в поисках иконопочитателей, особенно монахов, среди коих первыми врагами государя числились именно студиты, срывала со стен те иконы, до которых могли дотянуться нечестивцы, и даже в Патриаршей библиотеке пострадало от их рук множество книг, содержащих священные изображения.

И тогда, собрав свои восковые таблички и прихватив пару дюжин чистых пергаменных тетрадей из скриптория (дабы не воспользовались ими иконоборцы для своих богохульных писаний), Епифаний с монахом Иаковом бежали под покровом ночи в родную Студийскую обитель.

2. ТРИ ПУТЕШЕСТВИЯ АНДРЕЯ

Студийский монастырь Святого Предтечи и Крестителя Господня Иоанна хотя и стоял в отдалении от центра Города, неподалёку от Золотых ворот, всё же

был обычной столичной обителью, уязвимой со всех сторон, поэтому по изгнании патриарха Никифора игумен Феодор собрал вокруг себя не только всю многочисленную братию, пребывавшую в непрестанных молитвах об избавлении Церкви от кощунников, но и сочувствующих студитам мирян, прежде всего из знати и военных, которые смогли бы в крайнем случае предупредить их об угрозе и обеспечить хотя бы безопасное бегство, — против императорской гвардии, решилась она на штурм монастыря, никто бы не пошёл.

В продолжение всей Четыредесятницы студиты не покидали стен своей обители, и жизнь в ней шла своим чередом, разве что тревога и напряжение, царившие вокруг и наравившие день ото дня, мешали молитвенному сосредоточению и трезвению души, так что даже самые искусные писцы (и среди них — Епифаний) еле сдерживали мелкую дрожь в руках, следы коей, оставляемые на пергамене, приводили в печаль Феодора. Более молодое поколение писцов (к ним принадлежал Иаков и подававший большие надежды Николай) занималось совсем диковинным делом, к которому ещё никак не мог приспособиться Епифаний, — переписыванием старинных книг мелким и связным письмом, недавно изобретённым Платоном, дядей Феодора: оно позволяло и сберегать дорогой пергамен, и сильно ускорять работу переписчиков.

И несмотря на полуюсадное положение, в котором оказались студиты, Епифаний мог наконец вернуться и к составлению жития Пресвятой Богородицы, и к поискам новых сведений о странствиях всехвального апостола Андрея Первозванного.

Судя по всему, Андрей покинул Иерусалим после того, как брат его Пётр и апостол Иоанн исцелили хромого от рождения, которого сажали каждый день у Красных дверей Храма просить милостыню, и после того, как были побиты апостолы в синедрионе, хотя

фарисей Гамалиил, законоучитель, уважаемый всем народом, и увещевал беззаконных иудеев отпустить тех с миром. Взяли тогда с собой апостолы новоизбранного Матфия, а также Гая, одного из семидесяти учеников Иисуса, и разошлись по двое, как Он им и заповедал, говоря: «Если двое из вас согласятся на земле просить о всяком деле, то, чего бы ни попросили, будет им от Отца Моего Небесного, ибо где двое или трое собраны во имя Моё, там Я посреди них». Так Андрей сначала вместе со многими апостолами оказался в Антиохии Сирийской, где они проповедали Слово Божие, сотворили много чудес, научили и наставили многих жителей города, оказавшихся ныне под властью безбожнейших сарацин и спасающихся бегством по всем христианским городам, тогда как именно здесь все ученики Иисусовы стали впервые именоваться христианами, именно здесь учили Варнава и Савл, ставший Павлом, а также Иоанн, прозванный Марком, Симеон, называемый Нигер, Лукий Клринейнин, Манаил, совоспитанник Ирода Четверовластника, и начальствующие между братьями мужи — Сила и Иуда, прозываемый Варсавою. Никто из апостолов, направлявшихся на север, в Малую Азию, не мог миновать Антиохии Сирийской, а именно вдоль малоазиатского берега Эвксинского Понта и переходил от города к городу, проповедуя Евангелие, апостол Андрей.

Епифаний весьма сожалел, что успел лишь бегло прочитать «Деяния Андрея», показавшиеся ему, впрочем, более чем странными; и жалел он, что смог сделать всего несколько выписок оттуда, не догадавшись передать книгу скорописцу Иакову, поскольку Фома строго-настрого запретил передавать свиток кому бы то ни было ещё. Хотя к чему Иакову знать эти еретические писания? И сравнительно юн он ещё, и глаза его не ослабели от многолетней работы в скриптории — зачем же соблазнять его сомнительными

книгами? Так вот, из этих самых «Деяний» Епифаний узнал, что святой апостол Андрей оказался в Амасии, которая стоит ещё не на берегу Понта, а на значительном расстоянии от него, в глубоком ущелье, образуемом рекой Иридой. Оттуда, из славной некогда столицы понтийских царей, родом был не кто иной, как великий Страбон, описавший этот город в своей «Географии». Как раз из Амасии вызвал Андрея Иисус на помощь его соапостолу Матфию, о чём повествовала книга их «Деяний в Городе людоедов»: об этой книге Епифанию не хотелось даже вспоминать, но рассказы из неё будоражили его и манили в далёкие морские путешествия. После Амасии, если верить древнему свитку, Андрей оказался в приморской Синопе и последовал на запад — в Никею, Никомидию, а оттуда, переправившись морем в ныне славный Византий, — во Фракию и далее в Грецию. Вот если бы отправиться туда, по следам апостола, и собрать все те предания, которые наверняка сохранили православные жители этих городов!..

Приближалась Великая седмица Страстей Господних, а никто из студитов всё ещё не знал, что ожидает их настоятеля и всю братию: никаких вестей из императорского дворца не было и пока никто не принуждал их подчиняться назначенному иконоборцами лжепатриарху Феодоту, осквернявшему вместе со своим богомерзким клиром Святую Софию и многие другие церкви столицы. Что происходило в других городах, тоже пока никто не знал. В богадельню при Студийском монастыре продолжали прибывать беженцы из Малой Азии, пострадавшие от сарацинских набегов, но и они не могли ничего сообщить братьям, захвачены уже иконоборцами в их краях храмы или ещё нет, и о том, как сопротивляются еретикам верные святым иконам епископы и пресвитеры, монахи и миряне. В этой самой студийской богадельне Епифаний причащал немощных

больных в Лазареву субботу, и один из них, бывший кожевенник Фока из Каппадокии, живший при монастыре уже почти десять лет, спросил его:

— А правда, отче, что ты искусен в книжном деле и пишешь разные истории о святых?

— Правда, Фока. А не ты ли когда-то выделывал кожи для пергамена?

— Именно я. Пока сарацины не разрушили мой родной город. Мою мастерскую сожгли, а сам я, как видишь, теперь без ног и с одним глазом. Только чудом оказался я у вас — только чудом! Молитвами и заступничеством святого Андрея, покровителя моряков, которые везли меня через Мраморное море в страшную бурю. Я слышал, ты и про него что-то пишешь, да?

— Если ты о Первозванном апостоле, то — пишу.

— Это очень хорошо, отче, что пишешь. Тогда мне смогут прочитать всю правду о нём, и хоть перед смертью я узнаю, чем прославил он мой город. Ты ведь уже написал о его чудесах в Тиане?

— Это которая в горах Каппадокии? — удивлённо переспросил Епифаний.

— А то где ещё! Нас тут несколько человек оттуда, и каждый тебе скажет, что святой Андрей побывал в нашем городе и крестил кучу народу из язычников. — Фока перекрестился и добавил, сплюнув на пол: — Евреев, кстати, тоже.

Епифаний никогда не слышал, что апостол Андрей посещал Тиану, и нигде о том не было написано. Хотя это было вполне вероятно, так как Тиана располагается как раз на пути из Сирии в Понт.

— Конечно, — пробормотал Епифаний, — кого ещё ему было крестить, как не иудеев... Он же и сам был из них...

— Да ну! — воскликнул Фока. — Ты мне тут эти сказки не рассказывай. Я сам из Тианы и точно знаю. И

уж Андрей-то точно не был никаким евреем. Скажи ещё, что Господь наш Иисус был из этих...

— А кем же он тогда был? — перебил его Епифаний.

— Скифом скоблорылым — вот кем. Бывают скифы бородастые, а бывают и такие, которые бреются, потому как если не побреются они хотя бы раз в день, то тут же обрастают длиннющей бородой и спотыкаются об неё.

Тут в разговор встрял Стефан-виноторговец, паломник из Эфеса, которого по пути в Константинополь ограбили пираты:

— Хватит нести чепуху! Ты хоть раз видел икону святого Андрея?

— Видел, и что с того?

— Так бородатый он на той иконе!

— Это с утра, когда был бородатый, — не сдавался Фока, — а на самом деле он бороду, конечно, брил. А если бы не брил, то вообще зарос бы сразу с головы до пят, и некого было бы на иконе рисовать. Понял? Ещё у нас в Тиане говорили, что святой Андрей не просто брился, а выжигал себе бороду. Подожжёт её — и бежит по городу весь в пламени, кричит, руками вот так машет. Пока вся борода и не выгорит.

— Не знаю, что там у вас в Тиане про него говорили, а у нас в Эфесе он себе бороду не жёг...

— И что в Эфесе? — спросил Епифаний и достал из-за пазухи церу, чтобы записывать. — Рассказывай, брат Стефан.

— В Эфесе святой Андрей учил, конечно, вместе с апостолом Иоанном. Я-то сам грамотный, и брат у меня учёный монах, и читал я в святых книгах, не то что некоторые... — Стефан недобро посмотрел на Фоку. — Значит, так было дело. Всё началось в святом городе Иерусалиме. На Пятидесятницу. Как отпраздновали её апостолы, так и отправились кто куда: Пётр и Андрей, Матфий и Иоанн, Филипп Вифсаидит и Варфоломей спустились в Антиохию Сирийскую. И Пётр остался там и

вместе с Павлом рукоположил Маркиона и Панкратия в епископы Сицилии, а остальные пошли дальше — в города внутренних земель. Филипп и Варфоломей остались в Верхней Фригии, Писидии и Ликии. Знаете ли вы те места? А я знаю, потому что возил оттуда вино, пока проклятые сарацины там все виноградники не пожгли... В Иераполе Фригийском поклонялся я могиле святого Филиппа, а у нас в Эфесе — могила самого Иоанна Богослова.

— И что же Андрей? — не терпелось Епифанию.

— Подожди, отче. Дай рассказать сначала, куда другие апостолы разбрелись. Наши края славятся проповедью многих, очень многих апостолов... Андрей с Иоанном спустились к нам в Асию, а Филипп, один из семи дьяконов, — в Карию, потом же в Самарию. И вот, когда апостолы Андрей и Иоанн пребывали в Эфесе и учили там, сказал Господь Андрею ночью: «Отправляйся-ка ты в Вифинию, да и Я с тобою, куда бы ты ни пошёл, ведь Скифия ждёт тебя».

— Я же говорил, что святой Андрей был скифом! — крикнул Фока.

— Да не скифом, а в Скифию. Потому и пошёл от нас святой Андрей на север, а святого Иоанна оставил нам.

— Это после Тианы прибыл к вам Андрей? — спросил Епифаний Стефана.

— Не знаю ничего ни про какую Тиану. А к нам он прибыл, конечно, морем. В эфесском порту до сих пор показывают каменные ступени, на которые сошли апостолы Иоанн и Андрей.

— Врёшь ты всё! — не унимался Фока. — Это в Эфесе нечего ему было делать. А ты, отче, так и запиши у себя.

— Хорошо-хорошо, братья, — начал успокаивать их Епифаний. — Не ссорьтесь только. Раз вы оба уверены, что святой апостол Христов Андрей побывал в ваших городах, то я так и напишу.

Стефан добавил:

— И не забудь указать, что в Эфес он прибыл морем.

— А в Тиану по суше, — встрял Фока. — Нету у нас никакого моря.

Епифаний только и развёл руками. Но оказалось, что ещё один город оспаривает первенство пребывания апостола Андрея в Малой Азии — Анкира Галатская, потому что из Анкиры был монах Феостирикт, недавно пришедший в Студий. Он был высок ростом и крепок телом, а потому, хотя и был слепым от рождения, помогал переносить больных и покойников. Если бы не слепота, его ни за что не приняли бы в монастырь, ибо галаты до сих пор славятся своим диким нравом и варварской необузданностью.

— И Анкиру мою не забудь, отче, — тихо сказал Феостирикт. — Я ушёл оттуда от постоянных набегов сарацин, но помню и почитаю свой родной город. У нас святые апостолы Андрей и Пётр останавливались по пути в Синопу. Они были между собой родными братьями и нашли ночлег у иудея по имени Онисифор, а на следующий день воскресили одного покойника. Так и наставляли они в вере многих, а потом пошли из Анкиры по городам, толковали Писание, чудотворили, убеждали всех вокруг в истинности Евангелия, и крестили народу бессчётно, и Божественных тайн преподавали верным чадам.

— А не с тем ли Онисифором, — спросил Стефан-виноторговец, — ты путаешь своего иудея, который сослужил большую службу святому Павлу в Эфесе, когда он учил в нашем городе? У этого Онисифора Павел постоянно останавливался и пользовался его гостеприимством, а потом Онисифор разыскал того в Риме, когда оказался там по делам.

— Да, — подтвердил Епифаний, — во Втором послании Тимофею упоминается некий эфесянин Онисифор...

— Но это, конечно, другой Онисифор, — спокойно возразил Феостирикт. — За своего я ручаюсь: он был анкирец, а вовсе не эфесянин.

Тут Епифаний запутался вконец. В одной только Малой Азии, ещё до того, как апостол Андрей вышел к понтийским берегам, оказалось слишком много городов, которые он мог посетить, а если верить рассказам местных жителей, то действительно посетил. И города эти не упоминались в «Деяниях Андрея», так и не возвращённых пропавшему библиотекарю Фоме и брошенных в Патриаршей библиотеке на произвол судьбы. Зато Эфес и Анкира (точнее — Галатия в целом) были освящены авторитетом апостольских Деяний и Посланий: там проповедовали в разное время Пётр и Павел; Андрей же, увы, не упоминался вместе с ними. Но разве не могло его там оказаться? Разве не мог он сопровождать родного брата?

В таких размышлениях Епифаний провёл остаток дня и даже в канун Цветоносной недели не был всею душой погружён в подобающую молитву. В самый же день торжества, по окончании обедни, студийский настоятель Феодор решился вывести свою братию и верных ему мирян за пределы монастырской ограды. Он вышел на середину Предтеченского собора и, указуя на святые иконы, произнёс:

— Доколе оставаться нам тайными, а не явными богочтитателями? Доколе в молчании оплакивать нашу напасть? Если земля носит такое беззаконие, то почему мы должны ей уподобиться? Ибо мы образ не земли, но Адама, Самим Христом восстановленного из бездны грехопадения. Возьмём же теперь в руки образ нашего Бога и образ сияния Его, запечатлённого в ликах Матери Его и святых Его, — и обойдём вокруг нашей обители, дабы явить всему Городу нашу веру в спасительную силу Божия первообраза!

Повинуясь не только повелению духовного отца, но и желанию душ своих, все студиты, в количестве более семи сотен, а также все примкнувшие к ним верные миряне сняли со стен собора иконы и вынесли из библиотеки и скриптория украшенные образами книги — и пошли кругом монастыря, высоко неся над собою святыни и велегласно воспевая: «Пречистому образу Твоему поклоняемся, Благий, прося прощения согрешений наших, Христе Боже...» — и так весь тропарь Спасову образу и другие победные песни.

Теперь ответа василевса не могло не последовать. Лев отправил к Феодору гонца с требованием вступить в общение со лжепатриархом Феодотом Касситерой, племянником самого Константина Навозника, гнуснейшего из иконоборческих императоров. Этот Феодот до иконоборческого лжесобора, вынудившего Никифора отречься от патриаршества, не имел к Церкви никакого отношения и был всего только спафаро-кандидатишкой при дворе Михаила Рангаве, — и конечно,

Феодор ответил василевсу, что признаёт законным патриархом ныне здравствующего Никифора, а низложение его считает неканоничным, и поминать Феодота не намерен, поскольку Никифор всех иконоборцев и их еретическое собище предал анафеме. Следующий гонец из императорского дворца прибыл в Студий уже в сопровождении отряда гвардейцев, так что Феодору не оставалось ничего иного, как поздней ночью собрать в соборе братию и попрощаться со всеми. Игумен не был подавлен свалившимся на него несчастьем, но как обычно бодрым и громким голосом благословил присутствующих:

— Благодарю Бога, что вы, чада мои и святые отцы, остались непоколебимы в буре иконоборческой ереси, не увлеклись в душепагубное общение с нею. И точнее было бы не иконоборчеством, но христорбчеством

именовать её, ибо мы, исповедуя Христа, боремся и за святую икону Его; и напротив — кто отвергает её, тот и Христа отрицает, потому что, по словам Василия Великого, чествование образа относится к первообразу, и одно в другом созерцается и почитается поклонением, тогда как Лев — недаром же имя у него звериное! — слуга сатаны, подражая нечестию предшественника своего Константина, неистово беснуется против Христа, святой Матери Его и всех святых. Память его да погибнет с шумом вечного проклятия! Вы же да сохранитесь столпами и опорой для Церкви Божией, защитниками и ходатаями пред благом Богом о нас смиренных, чтобы нам, имея веру, действующую любовью, спастись от лукавого.

Студиты не решались промолвить ни слова. Феодор же, пригладив свою уже совершенно седую, разделённую на две волнистые части бороду, сел в кресло и сказал по-простому:

— Ну что ж, отцы-братья, спасайтесь кто как может. Время нынче лютое, вот и разбегайтесь в разные стороны от нашего рычащего Льва и его зубастых лвяток. Что меня ждёт — не знаю. Вас — мученические венцы. Или проклятие Иуды. Спаси нас всех Господь!

Отцы-братья зарыдали и бросились обнимать своего настоятеля. Более часа завершалось молчаливое прощание, оглашаемое всхлипами, шелестом монашеских одеяний и стуком деревянных подошв, после чего Феодор сдался в руки императорского посольства. В ту же ночь, даже не завозя на суд к василевсу, его переправили на азиатский берег, чтобы заточить в одной из неприступных крепостей.

Остальные студиты последовали совету Феодора и стали расходиться из монастыря по двое и по трое — кто куда, но подальше от оставленного Богом Нового Рима. Епифаний вместе с Иаковом собрали полную суму самых необходимых книг, восковых табличек, чистого

пергамена и пошли в ближайшую к монастырю Псамафийскую гавань, где стояли рыбацкие судёнышки, чтобы уйти на одном из них через Геллеспонтское море в Вифинию. Иакову удалось с трудом договориться об этом с Димитрием из Прусиады, хозяином и кормчим одного старого судёнышка, на котором он с рыбаками ходил за скумбрией, поставлявшейся в том числе и в Студийский монастырь. Димитрий один согласился бесплатно захватить с собой двух беглых монахов, остальные же корабельщики не только боялись брать на борт лишних людей, но даже и выходить в море в такую погоду не решались. У Димитрия же была веская причина: у него в Прусиаде умер отец, и нужно было срочно возвращаться домой, а Епифаний, как священник, мог и отпеть покойного, и молиться всю дорогу, чтобы Господь не допустил кораблекрушения.

Кораблик Димитрия, похожий на ломоть тыквы с косым латинским парусом, вмещал не более семи человек, и при необходимости всем им приходилось садиться на вёсла. Так и случилось на этот раз. Из гавани рыбаки вышли перед рассветом и благодаря попутному ветру успели хорошо продвинуться в сторону Астакинского залива, оказавшись через несколько часов между Принцевыми островами, от которых следовало повернуть к югу. Однако внезапно задул юго-восточный ветер, и Димитрию пришлось идти против него, лавируя то вправо, то влево, и таким образом, с трудом удерживая направление, он вёл своё судёнышко в нужную сторону, пока не разбушевался настоящий эвроклидон, с которым уже было невозможно совладать.

— Молитесь, отцы! — прокричал он студитам и вместе со своими моряками начал сворачивать парус.

Епифаний с Иаковым затянули канон апостолу Андрею Первозванному, сочинённый Иоанном Монахом, потому что только Андрею, покровителю рыбаков и моряков, готов был вверить свою судьбу Димитрий. Но

эвроклидон гнал кораблик прямо на островок Плати, так что все налегли на вёсла, включая и монахов, не перестававших петь, хотя в лицо им хлестал дождь и летели едкие морские брызги. Лишь с помощью гребли удалось вырулить между опасными островами, но — в обратную сторону. Дальше бороться со стихией не было никакого смысла, и судно уносило назад к Босфору.

— Ничего, скоро стихнет этот проклятый эвроклидон, — бормотал Димитрий. — С нами же святые люди: они вымолят у апостола Андрея попутный ветер... Ещё ни разу не было случая, когда бы святой Андрей не помог мне в трудную минуту.

И действительно, только на горизонте показались башни Константинополя, как юго-восточный ветер перестал дуть, и моряки, решившие, что теперь уже всё в порядке, вновь подняли парус. К вечеру рыбацкое судёнышко, благополучно миновав Принцевы острова, приблизилось к Астакинскому полуострову, который предстояло обогнуть с запада. Но тут внезапно разыгралась новая буря, причём настолько быстро, что моряки не успели опустить парус, и его порвало в клочья, а ветры, казалось, дули со всех сторон, поскольку кораблик кидало то туда, то сюда: сначала его чуть не выбросило на юг, к берегу, затем отнесло на восток, к Никомидии, но снова взъярился эвроклидон, ещё более страшный, чем днём, — и несчастных прусиадских рыбаков со студитами на борту понесло опять на Принцевы острова, точнее, никто уже не разбирался, куда их несёт, ибо звёзды были затянуты чёрными тучами и сверкали молнии. Пару раз кораблик заваливался на левый бок и сильно хлебнул воды, которую пришлось спешно вычерпывать, иначе он бы скоро пошёл ко дну, и только к рассвету следующего дня, когда все уже выбились из сил, Димитрий увидел огни Фароса — того маяка, что пирамидой вздымался над стенами константинопольского дворца Вуколеонт.

— Проклятье! — завопил кормчий. — Мы снова у Города... Быть того не может. Сдаётся мне, наши студийские святоши чем-то разгневали апостола Андрея, да? — И он схватил за горло Епифания, которому нечего было ответить на гнев Димитрия.

— Мы грешные монахи, — сказал Епифаний, откашливаясь, когда Димитрий выпустил его из рук. — Чем наши молитвы лучше ваших?

И вдруг Иаков бухнулся в ноги своему наставнику и заголосил:

— Помилуй меня, отче! Согрешил я перед тобой и перед апостолом Андреем! Пусть все знают, что это я виноват в наших морских бедствиях!

— Что случилось, брат мой Иаков? — спросил его Епифаний.

— Я втайне от тебя вынес из Патриаршей библиотеки свиток «Деяний Андрея», тот самый, который мы так и не вернули Фоме. Я подумал: зачем он иконоборцам? А нам пригодится ещё, ведь ты, отче, пишешь историю жизни апостола. Вот и теперь с нами эта книга. Лежит она в нашей суме, вместе с чистым пергаменом и твоими записками.

Епифаний обрадовался, что «Деяния» в его руках, но не подал виду и начал строго отчитывать Иакова:

— Да как ты мог совершить сие преступление! Знаешь ли ты, как оно называется? Ничем иным, как святотатством, не могу назвать я твой прескверный поступок!

Рыбаки в ужасе смотрели на происходящее, а Димитрий схватился за свой кривой нож и был готов кинуться на Иакова, чтобы перерезать ему горло. Но Епифаний утешил всех:

— Теперь же Господь смилуется над нами и простит нас святой апостол Андрей, ибо нет ничего действеннее, чем чистое и слезоточивое покаяние, угодное Богу и

святым Его более, нежели праведная жизнь, не знающая ни единого согрешения.

— А не повредит ли нам опять этот украденный свиток? — недоверчиво спросил Димитрий. — Может, выбросим его в море?

— Ни за что! — воскликнул Епифаний. — Теперь, когда монах Иаков исповедал свой грех, тот свиток будет нам не в осуждение, а только в помощь.

Димитрий выпучил глаза и робко сказал:

— Если это такая святыня... если это такая чудесная книга... то дай нам, отче, приложиться к ней!

Не смутившись ни на мгновение, Епифаний кивнул Иакову, и тот достал из сумы свиток в кожаном чехле. Тут же все рыбаки упали на колени и, приблизившись к Иакову ползком, облобызали, как им казалось, великую святыню, после чего Димитрий достал запасной парус, все его помощники радостно установили его на мачту — и попутный ветер понёс корабль к месту назначения.

Пока кормчий вёл своё судно в сторону Прусиады, Епифания одолел глубокий сон, и снился ему на корме вместо Димитрия миловидный мальчик с сияющим лицом, который лишь указывал распростёртой рукой на восток — и корабль сам нёсся туда, бесшумно и плавно. А рядом с мальчиком сидел как будто бы молодой ещё мужчина, но весь седой — с белой лохматой бородой, белыми кустистыми бровями и совершенно белыми взъерошенными волосами на голове.

— Не верь им, — говорил мальчик седому спутнику, — что являюсь Я то в виде старца, то в виде юноши, то в виде мальчика. Вот и теперь возлюбленному Нашему Епифанию предстаю Я в одном из этих образов. Наш Епифаний тоже введен в заблуждение лживой книгой. Но книга эта лжива не во всём: достаточно прочитать её от конца к началу, как всё сразу встанет на свои места.

— От конца к началу?.. — переспросил Его седовласый спутник, но не успел услышать ответа, ибо Епифаний вдруг закричал и обратился к нему:

— Я понял! Твой путь лежал по тем самым городам, но в обратном порядке, да? Но сколько же раз ты путешествовал?

Седовласый улыбнулся и разбудил Епифания, тряся его за плечо:

— Мы подходим к Прусиаде. Прусиада приближается, — толкал его уже Иаков. — Сколько же раз мы пытались добраться досюда!..

И Епифания словно озарило:

— Ты прав, Иаков! С какой попытки мы дошли до Прусиады?

— С третьей.

— Вот и апостол Андрей трижды путешествовал по Малой Азии и дважды возвращался в Иерусалим! Иначе никак не объяснить, что побывал он и в Эфесе, и в Тиане, и в Анкире, и в Никее, и во всех приморских городах. А знаешь, в какую сторону двигался он вдоль берега Понта?

— В «Деяниях Андрея» написано, что с востока на запад, — отвечал Иаков.

— А вот и нет, — возразил ему Епифаний. — «Деяния» лгут: сперва с запада на восток, и потом лишь с востока на запад... Так и мы с тобой когда-нибудь пройдем по стопам апостола — с запада на восток — и соберем все рассказы о нём и все предания.

3. НИКЕЯ

По прибытии в Прусиаду Епифаний отблагодарил своего кормчего тем, что проводил в последний путь его отца и провёл в молитвах с его семьёй остаток Страстной седмицы и начало Пасхи, тайно служа на

дому, поскольку собор в Прусиаде был уже захвачен иконоборцами, а епископ Павел бежал в соседнюю Nikeю, где епископ Пётр ещё хранил верность святым иконам. Туда и направились беглые студиты в поисках покойного пристанища для учёных занятий. От Прусиады до Nikeи было два дня ходу на восток по невысоким, поросшим густым лесом горам. Поскольку стало уже совсем тепло, Епифаний и Иаков не испытывали в пути лишений, останавливались на отдых у родников, а выйдя на берег Асканийского озера, даже наловили себе в пищу нежнейших по вкусу карпов.

Никейский епископ Пётр, как рассказывал Епифанию Феодор Студит, должен был принять их с подчеркнутым уважением и почестями, подобающими его духовным чадам, которые несли также и его послание, потому что тот, сам будучи пастырем твёрдым и духоносным, находился с Феодором в давней вражде — настолько давней, что смысла в ней уже не было, но старожилы из константинопольского и никейского клира хорошо о ней помнили, так что нельзя было ни примириться без важного повода, который всё никак не находился, ни подать вместе с тем виду, что эта высокая вражда может каким-либо образом отразиться на общении между ними и их окружением. Феодор и Пётр состояли в непрерывной переписке, в которой не уставали заверять друг друга в неизменном взаимном почтении, восхвалять добродетели своего адресата и при этом в каждом письме чуть намекать на находящийся с ними в непримиримом противоречии некий неблагоприятный поступок, совершённый двадцать лет назад, при императоре Константине. А три года назад Пётр, верный соратник патриарха Никифора, поддержал его в важном государственном деле, когда отговорил покойного василевса Михаила идти на болгар, тогда как Феодор настаивал на обратном. Сейчас же наступило то время,

когда для примирения между двумя столпами Церкви появился уже не повод, а веская причина...

Епифаний радостно шагал вдоль берега. Казалось бы, совсем рядом со столицей, а как давно он не бывал за стенами Константинополя! Строгий монастырский устав не позволял насельникам выходить за ворота без нужды — равно как и входить посторонним, — так что даже пройтись по Городу случалось нечасто. И теперь Епифаний чувствовал себя как будто моложе, словно он снова стал мальчиком и снова бежит по песчаной отмели, смотрит на носящихся в воде мальков и радуется присутствию Божьему во всём мире, даже подводном. Но одновременно он думал и об апостоле Андрее: и он ведь проходил где-то здесь, может быть, по этой самой дороге! Только шёл он, конечно, без всяких сандалий, босиком, в одном хитоне, и спал не на кроватях, а прямо на земле, довольствуясь куском хлеба.

Вдали показались стены Никеи: старые, еще римской постройки, с многочисленными заплатами разных веков, прикрывавшими нанесённые врагами раны. Никея — сколько воспоминаний вызывало это имя! Первый Вселенский собор, созванный благочестивейшим императором Константином против злочестивого Ария! И последний, перенесённый сюда достохвальной императрицей Ириной, после того как разъярённые солдаты городских полков разогнали собрание в константинопольском храме Святых Апостолов! А ведь совсем недавно это было, каких-то двадцать восемь лет назад... Может, живы ещё в Никеи его участники — вот бы послушать их рассказы об этом великом событии! И, казалось бы, побеждён уже враг, ан нет — снова бушует лютое пламя иконожёгцев!

С такими мыслями входил Епифаний под величественную арку Константинопольских ворот — ещё чуть-чуть, и усталые монахи найдут себе пристанище — кто знает, может быть, и на всю оставшуюся жизнь. Но

вместо этого они наткнулись на странную процессию, которую можно было бы назвать траурной, если бы не отсутствие покойника: вместо него, закованного в цепи и под охраной императорских гвардейцев, из города вывозили епископа. Следом в разодранных ризах, с коих явно были сорваны вышитые священные изображения, шли пресвитеры и прочие клирики, но шли они свободно, никем не понуждаемые, только снующая чернь бросала в них и в Петра комья грязи, а кое-кто и камни. Епифаний оставил Иакову свою суму и кинулся было к повозке с воплем: «О мой господин!» — но один из гвардейцев мощным ударом кулака сбил его с ног, а из толпы в него полетел обломок черепицы. Кто-то из клириков тут же прикрыл собой Епифания и шепнул ему:

— Поберегись, брат. Я Маркеллин, пресвитер Софийского собора...

На помощь Епифанию бросился Иаков, и вместе с Маркеллином они оттащили монаха от беснующейся толпы. Маркеллин продолжил:

— Наш новый стратиг, прислали его недавно из Константинополя, это он по приказу нечестивого Льва заковал нашего епископа, когда низложили Никифора. А сейчас, сам видишь, увозят неизвестно куда... А ты откуда будешь?

— Из Студия, брат Маркеллин. Игумена нашего, Феодора, тоже выслали, а мы, недостойные чада его, бежим... Не смогли отстоять отца нашего! — И Епифаний разрыдался.

— Господь не оставит нас. Ибо воскрес Он, Христос Бог наш!

— Воистину воскрес! — ответил ему Епифаний.

Маркеллин проводил студийских гостей до самого центра города, к Великой церкви — Святой Софии, прославленной последним Вселенским собором, который осудил иконоборческую ересь. Никейская София живо напомнила Епифанию Софию Константинопольскую, но,

увы, места для библиотеки здесь уже не хватило, а митрополичий скрипторий и книгохранилище при нём размещались в другом месте — в Успенской церкви, и именно туда Епифаний попросил определить его на время, пока в Nikeю не будет прислан митрополит-иконоборец, и тогда снова придётся бежать.

— А брат наш Иаков, — нахваливал Епифаний своего помощника, — научит ваших писцов новому и очень удобному почерку, мелкому и связному. Так они смогут у вас гораздо быстрее переписывать книги, да и пергамена будет уходить гораздо меньше, чем сейчас. Сам же я хотел бы послушать ваших учёных мужей, которые что-нибудь знают (если, конечно, знают) о пребывании в этом городе святого апостола Андрея. Читал я в одной книге... она осталась в Константинополе, очень древняя, но сомнительная книга... читал я, кажется, там, — и Епифаний с добродушным укором глянул на Иакова, — читал, что апостол Андрей по пути на север заглядывал и в Nikeю.

— Ещё как заглядывал, — подтвердил Маркеллин. — И много чудес сотворил! Был у нас как-то проездом один священник из Никомидии... я уж и забыл, как его звать... так вот, он тоже очень интересовался апостолом Андреем. Кажется, житие его писал.

Епифаний похолодел: «Житие? Так я, значит, не первый, кто взялся за это дело? Лживые апокрифы, конечно, тут не в счёт... Да и библиотекарь Фома рассказывал, что свиток «Деяний Андрея» читал до меня какой-то священник, вот только не из Никомидии, а из Nikeи...»

— А точно это был не ваш, никейский, клирик? — спросил Епифаний Маркеллина.

— Наших я всех знаю. Тот говорил, что из Никомидии.

— И он расспрашивал здесь кого-то об апостоле?

— Да, я ему и сам кое-что рассказал. Могу и тебе повторить, брат Епифаний. Откуда к нам тогда прибыл апостол Андрей и куда пошёл после, я не знаю. Никомидийский гость уверял меня, что напрямик из Синопы, а потом отправился как раз к ним в Никомидию.

— А разве не наоборот?

— Ты уж сам решай, как правильно, а я расскажу, что знаю точно. Так вот, святой апостол Христов, всехвальный и блаженный Андрей Первозванный, брат первоверховного Петра-апостола, прибыл к нам в Nikeю, а здесь было семь бесов, что жили среди гробниц, расположенных вдоль дороги. Я думаю, это Константинопольская дорога, по ней вы сегодня вошли в город и стали свидетелем нашего несчастья... А ведь тогда, при апостоле Андрее, было то же самое, только не разъярённая толпа, а злые бесы бросали камнями в проходивших мимо людей и уже многих убили до смерти. Когда же прибыл блаженный апостол, весь город вышел ему навстречу с оливковыми ветвями и провозглашал такие славословия: «Наше спасение в руках твоих, человек Божий». И после того как изложили они всё по порядку, ответил им блаженный апостол: «Если уверуете вы в Господа Иисуса Христа, Сына Всемогущего Бога — вместе со Святым Духом Единого Бога, то освободитесь с Его помощью от бесовской этой напасти». И воскликнули они: «Что бы ты ни проповедовал, мы поверим и послушаемся твоего приказа, только бы избавиться нам от такого наваждения». И он, благодаря Бога за их веру, приказал самим бесам предстать перед лицом всего народа — и те явились в образе собак. А блаженный апостол, обратившись к народу, сказал: «Вот бесы, враги ваши. Но если вы верите, что я в силах повелеть им во имя Иисуса Христа покинуть вас, то исповедуйте это предомноу». И воскликнули они: «Веруем, что Иисус Христос, Которого ты проповедуешь, есть Сын Божий!» И тогда

приказал блаженный Андрей бесам: «Убирайтесь же в места безводные и бесплодные, не убивая и не подходя ни к кому из людей везде, где бы ни призывалось имя Господне, пока не получите заслуженное вами наказание в вечном огне». Сказал он это — и бесы с диким рёвом исчезли с глаз присутствующих, и так наш город был освобождён. А блаженный апостол крестил всех горожан и поставил им епископом Каллиста, мужа мудрого и беспорочно хранившего всё, что принял от учителя. Вот как оно было, если рассказывать вкратце. Впрочем, о том, что происходило в Никее при апостоле Андрее, я знаю немного. Лучше бы ты расспросил старого Фалалея, диакона Успенской церкви, где тебе и служить.

Великолепная церковь Успения Пресвятой Богородицы, украшенная мозаиками, не уступавшими лучшим из тех, что сияли в Софии Константинопольской, отстояла от кафедрального собора Никей на несколько кварталов к юго-востоку. Настоятель Михаил и почти вся братия ещё не вернулись с Константинопольской дороги, по которой увозили епископа Петра. Зато при храме оставался диакон Фалалей, который по немощи своей не смог проводить своего отца и господина. Он недоверчиво принял студитов у себя в домике, маленькой пристройке к митрополичьей библиотеке.

— Не может у нас сейчас быть добрых гостей из Константинополя! — ворчал он. — Нового стратига прислали, так он из vykpecтoв еврейских, а сам, значит, тайный иудеянин. Это ведь колдуны иудейские, коварные и жадные до золота, совратили василевса Льва в ересь иконоборчества, это они теперь получают высокие должности и при дворе, и в провинциях!

— Ты о каком Льве говоришь, брат Фалалей? — удивился Епифаний.

— Как о каком — о нынешнем, с именем и нравом звериным!

— Так ведь это про того, старого, Льва, самого первого иконоборца, рассказывали, что его иудеи околдовали. Так до сих пор в народе говорят...

— Ну и пусть говорят. Скоро станет ясно, что и этого тоже они, христоубийцы, охмурили. Недаром ведь стратиг наш сам обрезанный, а скоро и всех подряд обрезать начнёт. И сон мне вот прямо сегодня снился, что пришлют к нам нового еретического митрополита — варвара иудействующего, одноглазого, с рогами на спине и хвостиком поросычьим.

В тот день Епифанию так и не удалось разговорить старого Фалалея, однако тот после долгих уговоров устроил их в каморке при библиотеке. Братия же Успенской церкви вернулась лишь поздно ночью, а пресвитер Михаил был даже ранен, но сам приветствовал студитов с большим сочувствием и благословил их на труды в скриптории, Епифания же попросил время от времени сослужить ему с другими священниками.

Только через месяц, когда волнения в городе улеглись, а клирики уже уверились в том, что нового епископа-иконо-борца им не пришлют и можно служить по-старому, — только тогда Епифаний праведными трудами и истинно монашеским смирением заслужил доверие Фалалея и смог расспросить его обо всём, что тот знал о посещении Никеи апостолом Андреем.

— Я буду рассказывать, — начал Фалалей, усевшись под орехом во дворе церкви, — а брат Иаков пускай себе записывает, раз он у тебя такой скорописец. Что наговорил тебе отец Маркеллин, так то неправда. Я сам ему когда-то рассказывал, как было на самом деле, да потом заехал к нам этот никомидийский поп и переучил Маркеллина. В старинной, мол, книге так и эдак написано было. Вот теперь Маркеллин и рассказывает, как его тот никомидиец научил. Подозрительный, знаешь ли, никомидиец. Я тамошних попов и дьяконов

почти всех знаю, а откуда этот выискался, не пойму до сих пор. Разговор у него очень уж странный: вроде и правильно всё говорит, но произносит как-то не так, не по-нашему.

— Как же звать того никомидийца? — поинтересовался Епифаний.

— А не помнит никто. Имя у него тоже вроде как из простого нашего слова, да таких имён я ни у монахов, ни у мирян не встречал никогда. Вот и запомнил. Что до апостола Андрея, то святой и всехвальный брат Петров, первый из апостолов Христовых прибыл в Nikeю, спустившись со стороны Олимпа Вифинского.

— А разве не из Синопы? — переспросил Епифаний.

— Конечно нет. В Синопу он пошёл потом, когда обошёл весь понтийский берег. Почему я знаю про Олимп? Потому что сам я родом оттуда и воспитывался при монастыре Святого Кирика в Пандиме. Но монахом я, как видишь, так и не стал, хотя и живу почти всю жизнь всё равно как монах...

— Что же случилось с тобой, брат Фалалей? — полюбопытствовал Иаков.

— А не важно... Давайте я вам лучше про апостола Андрея расскажу. На Олимп он пришёл из Эфеса, через Лаодикию. Взял Андрей с собой учеников, поднялся вверх по течению Меандра во Фригию Капатиану, где находится город Лаодикия, что на реке Ликос. А из Лаодикии горными тропами и речными долинами дошёл апостол Андрей до Синаоса: его округу я уже хорошо знаю, охотился я там, когда сбежал из монастыря с молодой женой... А оттуда и до Олимпа несколько дней ходу. Прошёл апостол Андрей по всему Олимпу, через Пандим, через Дагуту, и, перевалив через хребет, спустился в Nikeю, вифинское село, ведь она в то время не была ещё обнесена стеною и украшена, это случилось позднее, при Траяне, и гавань тогда была совсем маленькой, на большом удалении от тогдашнего села.

Войдя в Никею, Андрей стал проповедовать Христа и призывал жителей её принять слово Господне. А местные жители оказались сущими лжецами и насмешниками, гордецами и бездельниками, суетливцами и обманщиками — прямо как и сейчас. Иначе как бы они позволили изгнать своего православного епископа? Как бы забросали грязью своих священников? Как были они тогда иудеями или язычниками, так и остались! А у тогдашних иудеев Никеи была большая синагога, так как и село было большое, а у язычников много капищ. Был там и идол Аполлона, который выдавал оракулы и испускал призраков. Кто же получал от него оракул, те сам оракул произносили, но ничего больше сказать не могли, так как бес затыкал им уши и рот, и так и оставались они немыми и бессловесными. Немощными были эти жители, да и бесноватых среди них много было.

И призвали они Андрея, чтобы тот исцелил их. Андрей же им и говорит: «Не сможете избавиться вы от бесов и болезней, если не обратитесь к здоровому учению». А они вроде бы и соглашались с ним, но на самом деле безбожно ввали.

Милях примерно в девяти от Никеи есть весьма высокая скала: в ней, как говорят, жил огромный змей и многим чинил обиды. Отправился к нему Андрей, а сам держит свой железный посох с крестом наверху, на посох этот он всегда опирался. Отправился он туда вместе с двумя учениками. Когда они приблизились, выполз к нему змей. И вонзил Андрей железный посох змею в глаз, и прошёл он насквозь в другой, и тот тут же умер. После того как это случилось, уверовали многие в Господа. Андрей же вернулся в Никею и продолжал учить.

Это место с большой скалой, на берегу озера, где Андрей убил змея, называется Локи, то есть «засады». Так вот, после этого поселились там восемь

разбойников, ведь местность лесистая, и совершали они много убийств. Было же среди них двое бесноватых. Призванный местными жителями, Андрей пришёл к ним, а бесноватые встретили его криками. Но Андрей пригрозил им, и, прежде чем он приблизился, бесы вышли из них. Тогда эти люди, очистившись от бесов, сложили руки и предстали перед Андреем в здравом уме, а прочие, увидев, пришли в сокрушение, бросили оружие, подошли к Андрею и бухнулись ему в ножки. Он с кротким настроением в голосе сказал им: «Зачем вы так, чада мои, поступаете? Зачем другим делаете то, что сами ненавидите? Разве не знаете вы, что Бог — на небе, и Он оттуда наблюдает за всем? Что Он Творец малых и великих и воздаст каждому по делам его? Ты же не хочешь быть избит, так зачем избиваешь и даже убиваешь? Ты же не хочешь быть обижен, так зачем обижаешь? Не хочешь лишиться своих вещей, так зачем же грабишь других? Бог дал вам здоровье и телесную силу, чтобы вы трудились, жили своим трудом и ни в чём не нуждались, больше того — и чтобы неимущим подавали. Бросьте же теперь эти злые дела, которые творите, и отправляйтесь по домам — тогда и Бог вас помилует, и правители вас восхвалят, и вы сподобитесь заступничества». И возвестил он им слово Божие. А они сокрушились сердцем, оставались с апостолом несколько дней, и так он их всех покрестил.

А у нас тут неподалёку был идол Артемиды, на дороге в Лефке, там сейчас высоченная скала Кацап — никто уж и не помнит, что это имя значит. В ней жило множество духов, и они насылали призраков и жаждали жертв человеческих. От девятого часа дня вплоть до третьего часа следующего они не давали никому пройти по этой дороге. Придя туда, Андрей вместе с учениками остановился там. А бесы убежали, крича, словно вороны: «О сила от Иисуса Галилеянина, ибо ученики Его

повсюду гонят нас!» Сбросив идол, Андрей поставил там крест, и очистились от бесов это место, скала и дорога.

Ещё рядом с нами, с левой стороны от Никеи, есть место Давкома. Там была лесистая местность, где жили змей и множество бесов, и язычники приносили им жертвы, ведь было там ещё изваяние Афродиты. Андрей же отправился с учениками на это место, и все они преклонили колена и помолились. И когда встали они, Андрей распростёр руки и запечатлел это место, сотворив образ креста, — и тут же змей и все бесы убежали. С тех пор место это обитаемо.

Вот так-то блаженный Андрей днём учил приходящих и исцелял болящих, а ночами выходил там же в Давкоме, но чуть к востоку, на гору под названием Клит — то есть «ложе», и там лёжа молился Богу, чтобы Тот посодействовал ему, так как многие противились ему. Случился же праздник у язычников, и принесли они жертвы своим богам. И на следующий день вселились в людей бесы, и те обезумели и стали пожирать свою собственную плоть — весь народ пожирал себя!

— Постой, брат Фалалей, — перебил рассказчика Епифаний. — Ты говоришь, стали пожирать они собственную, то есть человеческую плоть?

— А то чью же ещё!

— Тогда, значит, справедливо будет назвать их людоедами?

Старый Фалалей призадумался и ответил чуть погодя:

— Людоедами у нас называют тех, кто ест человеческую, но не свою, а чужую плоть. Нет, нельзя тогдашних никейцев назвать людоедами. Или ты не слышал, что апостол Андрей вместе с апостолом Матфеем учили в Городе людоедов?

— Слышал, брат Фалалей, только не с Матфеем, а Матфием...

— Ну, это тебе видней, учёный ты человек. И разве не знаешь ты, что Город людоедов — это никакая не Никея, а Синопа.

— Синопа?! — воскликнул Епифаний.

— Ага. Синопцев ведь так и называют у нас — пальцееды. Это потому что отгрызли они палец у святого апостола Андрея, а не потому, что они едят финики, которые мы называем «пальцами». Но потом палец у Андрея, конечно, новый вырос, лучше прежнего.

Такого поворота истории о путешествии Андрея и Матфия в Город людоедов Епифаний никак не ожидал: всю жизнь он думал, что это просто детская сказка, не имеющая никакого отношения к действительности, а тут вон оно что — Синопа...

— Будешь теперь знать, — продолжал Фалалей, — что синопцы от тех самых людоедов происходят, которые Андрея с Матфеем чуть не сожрали. А никейцыто в старину, когда пришёл к ним Андрей и когда обезумели они все от нечестивого идолослужения, поднялись они тогда на гору к Андрею, начали стонать, вопить — и говорят: «Помилуй нас, посланец Бога Благого!» Спустился тогда Андрей с горы, стал посреди этих людей, простёр руку и запечатлел их крестным знаменiem — и прекратили они поедать свою плоть. И взошёл Андрей на возвышение, и начал говорить... Уж он говорил и говорил им речи, исполнившись Духа Святого, проповедовал и проповедовал, так что все никейцы, иудеи и язычники, конечно, тут же и уверовали во Христа Иисуса. Кто же устоит перед проповедью самого апостола? И взмолились тогда люди о помощи, и подошёл к ним Андрей, возложил руку на каждого и всех исцелил, а немым подул в уши — и вернулась к ним речь.

— А что же говорил апостол Андрей жителям Никеи? О чём проповедовал? — спросил Епифаний.

— О чём-то да проповедовал, конечно. А о чём именно — откуда ж мне знать, простому дьякону? Знал бы я, как говорить проповеди, так был бы давно уже попом. Это вам, учёным монахам, подобает знать, что там апостол Андрей мог сказать никейцам.

— А знает ли кто-нибудь из местных отцов и монахов? — не унимался студийский гость.

— Не знает никто, иначе б я всё в точности записал: читать и писать я умею, а речи говорить — это не по мне... И в книгах наших о том не написано нисколько. Про Андрея я рассказал тебе ровным счётом то, что мне самому рассказывал Исихий, старый пресвитер Софийской церкви, покойный давно, лет пятьдесят как помер он. Больше спросить не у кого. Маркеллин тебе и тот уже неправильно всё наговорил, а ведь и он от меня эту историю слышал.

— Чем же закончилась эта твоя история? — вступил в беседу Иаков, который тщательно запечатлел на нескольких церах рассказ Фалалея.

— А тем, что долго ещё апостол Андрей проповедовал в Никее, вразумлял и исцелял окружные города и сёла, разрушил несколько языческих капищ, а синагогу сделал христианскою церковью, освятив её именем Богородицы, воздвиг там престол, покрестил людей великое множество, рукоположил несколько пресвитеров, дьяконов и епископа Драконтия даровал нам — первого епископа града Никеи.

Тут Епифаний снова попытался доискаться до правды:

— А Маркеллин, хоть ты ему и не доверяешь, сказал мне, что первым епископом Никеи Андрей поставил Каллиста.

— Всякое люди наговорят. А мне старый Исихий передал, что Драконтия. Твоего Маркеллина тот никомидийский монах запутал. Потому, я думаю, что это в Никомидии первого епископа Каллистом звали, а у нас

именно Драконтий был. Церковь же Богородицы, которую заложил святой апостол Андрей, — это наша Успенская церковь, да. — Фал алей взглянул на купол родного храма и торжественно перекрестился.

— Драконтий же, — заключил диакон, — пострадал затем. Сподобился мученического венца. Мая в двенадцатый день память его. А святой всехвальный апостол Андрей Первозванный, уходя из Никеи, благословил всех жителей и произнёс душеспасительное наставление. На том история моя и кончается.

— Да спасёт тебя Господь, брат Фалалей, и удостоит тихой и безмятежной кончины! — поблагодарил его Епифаний.

Больше ничего нового о пребывании апостола Андрея в Никее узнать ему не удалось. Служил же Епифаний в Успенской церкви, поминая лишь патриарха Никифора и верных ему епископов, ещё целый год, потому что в Никею всё это время иконоборческий лжепатриарх Феодот (а точнее — сам василевс, ибо только ему тот и подчинялся) так и не удосужился прислать нового митрополита. При этом в Никею не реже одного раза в месяц приходили послания Феодора Студита, которые он тайно пересылал из темницы в Метопе, что на берегу Аполлониатского озера, в четырёх днях ходьбы от Никеи. Послания Феодора, адресованные самым разным людям, расходились в списках по всей Азии, Фракии и Элладе, попадали они и к императору, хотя ему-то они вовсе не предназначались, и от этого гнев Льва на иконопочитателей, особенно студитов, разгорался всё сильнее.

Гневу, одной из самых жестоких и опасных страстей, внушаемых бесами, в один из воскресных дней августа 6324 года посвятил Епифаний свою проповедь, движимый также благочестивым желанием воссоздать ту первую речь, которой святой апостол Андрей обратил

ко Христу разгневанных никейцев, ведь никто её тогда не записал, а если кто и запомнил, то не донеслось о ней до сего дня правдивого предания.

— Во тьме языческого идолобесия, — вещал Епифаний посреди церкви, — посетил ваш город, о братья и сестры Никейские, сам Первозванный апостол. И что же он здесь застал? Разгул страстей, служение бесам, человекоубийства и прелюбодеяния. Предки ваши, о никейцы, грызли в исступлении сердца собственную свою плоть и готовы были в безумном гневе растерзать и самого апостола! Но укротил он их словом истины. Вот что он им тогда сказал:

«Как помилует вас Бог и удержит от вас этот гнев, когда вы не хотите принять Его? Или как Он услышит и меня, просящего за вас, когда вы не соглашаетесь уверовать и отступить от своих злых дел? Я учу вас пути спасения, а вы издеваетесь надо мной. Много говорил я вам: «Отступите от идолов», — а вы не согласились со мною. Боги, которым вы служите, а вернее, бесы, вселившись в вас, как в собственных рабов, показали собственную злобу, ведь доброго они сотворить не могут. Отрезвитесь же! Придите к Единому Богу, Живому и Истинному, и запечатлейте себя крестным знаменiem Христовым — и побегут они от вас. Откажитесь от их дел и служений, потому что они тьма, и возьмите оружие света, чтобы и теперь пожить в мире и здравии, и будущих благ вкусить. Разружьте свои святилища и изваяния, которые мертвы, и поклонитесь на восток Единому на небе и на земле Богу,

Который сотворил вас в соответствии со всем и на небе, и на земле;

Который сотворил воду и посреди неё укрепил землю и словом повеления Своего — твердь, поднял над ней воду, а то, что под ней, собрал в единое собрание — и явилась сухая земля — и ни на чём не основал её;

Который сотворил звёзды и свет, солнце и луну — и они ни от тяжести своей не опускаются, ни от бега своего не поднимаются, хотя они и больше земли по размеру и неодушевлённые, но непрерывно движутся равным ходом, и ими измеряются времена, месяцы и годы;

Который производит дыхание и из него — облака, воды, ветры, снега, льды, молнии, громы, бури;

Который выводит из земли реки, разливающиеся, вечно текущие, и где ни впадают — не переполняющие, откуда ни вытекают — не опустошающие беспредельные глубины морей;

Который сотворил землю словно пемзу с соответствующими огромными пещерами, страны и огромные озёра внутри неё и мрачные места, которые населяют духи и души идоло-служителей, море огня под землёй — и об этом свидетельствуют огнедышащие острова Липари и пламя Этны в Сицилии, брызжущие кипятком Фотарии в Ликийи;

Который сотворил пещеру Тартара, высокие горы и необитаемые места (куда удалено жить множество бесов), четвероногих зверей, слонов, змеев и пресмыкающихся;

Который сотворил четвероногих и птиц, бесчисленные роды рыб и морских животных — и обо всех них Он заботится, цветы земные, плоды и всякую пищу, растения и всякую силу, породы драгоценных камней, сияния и разноцветные мраморы, золото, серебро и всё изящное, разнообразие вод и всякую рыбу, цвета и все видимые краски, всякое благоволение и всякие ароматы — и всё это ради человека, которого Он почтил Своим собственным образом и которому подчинил всё;

Который даёт мудрость и разум просящему;

Который сотворил и творит удивительные вещи, коим нет числа.

Он Единый и Единственный Бог: Своею Мудростию и Своим Духом Он привёл всё из несущего в сущее. Уразумейте это, благодарите Его мысленно и поклоняйтесь всегда Богу и Отцу Господа нашего Иисуса Христа и Святому Его Духу, и убегут от вас бесы и всякая болезнь. Аминь!»

Так проповедовал святой апостол Андрей, являя мысленному взору слушающих все чудеса Господни — тварные от Нетварного. Но ещё большим чудом стало воплощение Его в образе тварной плоти человеческой, благодаря чему все мы получили путь ко спасению через Христа Иисуса, видимого и осязаемого по человечеству и непостижимого по божеству. И вот мы можем и до сего дня видеть Его и осязать, взирая на святые иконы Его и поклоняясь им, лобызая их в благоговении, — как при жизни Христовой обнимали Его апостолы, как прикасался к нему и апостол Андрей Первозванный. Как же тогда возможно покуситься на эти святые образы? Исповедуя Христа, мы боремся и за святую икону Его; и напротив — кто отвергает её, тот и Христа отрицает, потому что чествование образа относится к первообразу, и одно в другом созерцается и почитается поклонением...

Не успел Епифаний закончить свою проповедь, как церковные врата громыхнули, и в дверном проёме показался закованный в доспехи всадник верхом на коне, следом вбежали пехотинцы. Всадник недовольно огляделся, слез с коня, стащил с головы шлем, и все увидели, что волосы его совершенно белые, хотя сам он был ещё совсем не стар. Приглядевшись, Епифаний обнаружил, что один глаз вошедшего был голубым, а второй — карим, и это пугало сильнее, чем шапка белых волос над молодым воинственным лицом, обезображенным к тому же глубоким шрамом от уха до уха.

— Эй, ты! — ткнуло чудовище Епифания своим сапогом. — Ты чего тут разболтался?

— Я, господин, — робко отвечал Епифаний, — лишь повторял слова апостола Андрея и Василия Великого...

— А, ну если этот твой апостол действительно такой мужественный, а царь — великий, то хорошо. — Всадник говорил отрывисто и при этом неприятно коверкал слова, и неожиданно для всех он рывкнул:

— Я Ингер! Ваш новый митрополит.

Все клирики Успенской церкви оцепенели, и только диакон Фалалей проревел в ответ:

— Вот ты какой, сатанинский выродок!

Ингер махнул рукой своим слугам, и те тут же вытащили из алтаря Фалалея и, уже закусившего губу, увели прочь. Затем Ингер, словно переламывая у себя во рту огромный язык, проговорил:

— Вы тут служите, как можете. Главное, чтобы никаких. Чтобы на государя не говорили! Чтобы не было тут такого! Ни-че-го! Понятно меня? — И он снова оглядел стены храма, но как будто не заметил украшавших их мозаик.

«Варвар... иконоборец... морда германская...» — пробежал тяжёлый шёпот по рядам мирян и достиг алтаря.

— Запомните. Я — Ингер. Ваш. Новый. Митрополит, — повторил он, вскочил на коня и удалился.

Нельзя сказать, что с этого момента жизнь никейской церкви круто изменилась: Ингер (во святом крещении Игнатий) действительно позволял служить по-старому, в церковные дела не вмешивался, поскольку в них совершенно не разбирался и, будучи убеждённым иконоборцем (то есть безгранично преданным василевсу служакой), вряд ли понимал, чем икона отличается от обычной картины. Да и откуда ему было об этом знать? В его родных краях, далеко на севере, чуть ли не за Таврикой и Скифией, не было ни того ни другого, а до

прибытия в Никею он командовал гарнизоном Херсона — варварами в варварской стране, где царит вечная стужа, а вино киснет от неутихающих ни на сутки зловонных ветров, дующих от болот Меотиды.

— А ведь вышло всё, как я и говорил! — шамкал потом Фалалей; ему в день явления Нигера выбили последние зубы, так что к диаконскому служению он оказался совсем непригоден. — А ты, отец Епифаний, держался молодцом, в ноги-то ему не бухнулся, антихристу этому. Произнеси-ка ты и завтра проповедь: хорошо ты говоришь, правильно, правдиво, православно. Я вот сейчас вспоминаю: так мне и передавали старики речи апостола Андрея, как ты тогда нам сказывал. Слово в слово всё угадал!

Епифаний покраснелся от этих слов: так он был доволен своей тогдашней проповедью, пусть и прерванной столь диким образом, но вместившей главное — речь Андрея перед никейцами, которую он писал в течение нескольких месяцев, напряжённо молясь святому апостолу и ежечасно испрашивая у него благословение на непосильный риторический труд, и труд свершался, и Епифаний устремлялся духом в те отдалённые времена, когда по этой самой земле ходил блаженный Христов ученик и проповедовал Евангелие Царства, — и Епифанию уже казалось, что он начинал проникать не только в подробности его жизни и деяний, но и в самые его мысли. На завтра же, в день памяти апостола Андрея, архипресвитер Михаил действительно благословил Епифания прочесть подобающую этому празднику проповедь.

— Братья и сестры никейцы! — обратился Епифаний к собравшимся за торжественным богослужением. — Не от себя скажу слово, но от святого, чью память мы ныне совершаем, ибо крестил он ваших предков — весь народ, сбиравшийся к нему от мала до велика, мужчин и женщин, иудеев и язычников. Сказал им прежде Андрей,

как полагается: «Мир всем», — а исцелённые им жители вашего города громко воскликнули: «И духови твоему!» И я приветствую вас теми же словами и говорю то же, что говорил вам тогда Андрей: Благой и Единый Творец всех, Бог, почтив человека Своим образом, насадил на востоке рай и поместил там человека, дав ему заповедь бессмертия. Но сатана, позавидовав, при помощи превозношения и гордыни (ведь он сказал, что «будете как боги») заставил человека послушаться сотворившего его Бога, вследствие чего тот обратился к тлению из нетленности и родил сына ослушания, Каина, который отобразил в себе дьявола. Ведь Каин стал изобретателем всех зол и, убив Авеля, брата своего, который был праведен и незлобив, получил семь наказаний, поскольку и семь зол совершил. Ведь когда он приносил Богу начатки, то из этих начатков сам лучшее вначале съел и так принёс Богу — вот первое зло. Второе — зависть, ведь он позавидовал Авелю, собственному брату. Третье — лукавство, потому что и перед Богом, и перед родителями он слукавил. Четвёртое — ненависть, ведь, ненавидя, он искал, как бы убить брата. Пятое — ослушание Бога и родителей, ведь те много говорили ему, чтобы он не творил лукавства перед Богом. Шестое — обман, ведь он обманул собственного брата, сказав ему: «Пройдём на поле», — явно, чтобы поглумиться над ним. Седьмое — ложь, ведь после убийства сказал ему Бог: «Где Авель, брат твой?» — не потому, что не знал, но оставив место для раскаяния, а он не только не сокрушился и не удручился из-за разлуки и гибели брата, но и бесстыдно солгал, сказав: «Не знаю: разве сторож я брату своему?» — словно издеваясь над Богом. А справедливый Бог за семь зол воздал семью карами. И первая — это отчуждение от Бога, ведь «вышел Каин, — сказано, — от лица Божия». А вторая — «поселившись на проклятой земле, как запятнавший её братской кровью». Третья —

беспрестанная работа, ведь «обрабатывай землю», написано. Четвёртая — бесплодие земли, ведь «обрабатывай землю, и она не станет более давать силы своей для тебя». Пятая — стенать стенания и непрерывный хрип. Шестая — трястись, ведь «стена и трясясь, ты будешь на земле»: трясясь, ни пищи, ни питья не мог он своей рукой приблизить ко рту, ни другого чего для тела. Седьмая — удлинение жизни, ведь он хотел быть убит и избавиться от зол (ибо награда для наказуемых — смерть, приносящая быстрое избавление), а Бог сказал: «Не так: всякому, кто убьёт Каина, отмстится всемеро», — то есть он отменит семь отмщений и, следовательно, отвратится от убитого Авеля, так как Каин был проклят. Родился же Сиф, подобный Адаму: праведный, мудрый, незлобивый, кроткий, знающий, ведь это он изобрёл науки. Он родил Еноса, подобного себе, ведь богом называли его за добродетели. Его сыновья, увидев дочерей Каина, взяли их себе в жёны, ведь дочери прокажённого бывают прекрасны обликом. А те научили их отцовским злодеяниям: грабить, убивать, враждовать, делить, устанавливать границы, строить города (первым ведь Каин построил город), устраивать войны из-за одной женщины и женщин — воевать из-за одного мужчины. Наконец, родились великаны, и больше не выносила земля злых дел людских. Увидев это, Бог навёл потоп, водой смыл грех и очистил землю. Лишь Ноя, который один из праведного семени был праведен, спас Он с женой, тремя сыновьями и их жёнами, повелев ему сделать большое судно и ввести туда с собой от всякого животного и от всякого семени, а весь остальной мир погубил. И когда люди снова умножились, злоначальник дьявол не прекратил воевать с родом человеческим, ведь он научил их идолослужению, и вместо Благого Бога, Сотворившего всё, люди поклоняются тварям, а вернее — бесам, благие и мудрые — неразумным и

лукавым. Авраам же, единственный избежав идолослужения, служил Богу Истинному, Творцу неба, земли и всех звёзд, ведь, видя и постигая их, он познал их Творца. Поэтому возлюбил его Бог, благословил его семя и воздвиг из него учителей богопочитания и пророков и Иосифа, который был целомудрен. И когда случился голод, он кормил Египет семь лет, а после этого египтяне сделали праведное семя рабами. Поэтому Благой Бог воздвиг мстителя за свой народ — Моисея, который сотворил великие чудеса и знамения в Египте: разделив море, провёл он по суше свой народ, и, преследуя их, египтяне вошли и сами в море по суше. Обернувшись, Моисей вновь возвратил воду, а египтяне остались в пучине. Народ Моисея, освобождённый от рабства, оставался в пустыне сорок два года, питаемый свыше: он принял словеса Бога Живого, закон и заповеди. А умирая, Моисей сказал народу: «Пророка вам воздвигнет Господь Бог из братьев ваших, как меня, а кто не поверит тому пророку, тот будет истреблён из книги живых». И передал он им своего преемника — Иисуса Навина. И далее по порядку судьи вплоть до Самуила и Давида царя, которому и поклялся Бог от плода чресл его дать царство непреходящее. И после Давида воздвиг Господь всех пророков, которые и пророчествовали о пришествии Христа. А после исполнения седмин Даниила Бог послал Своего Сына в мир и вселил Его в непорочную Отроковицу из семени Давидова, у Которой был старец-хранитель в Галилее. Когда Сын Божий родился в Вифлееме Иудейском, небо посредством звезды возвестило о Его рождении, призвав персидских волхвов. И ангелы воспели, и пастухи увидели, услышали и благовестили радость мира и низвержение дьявола. Достигнув тридцати лет, Иисус, Сын Божий, послал перед Собой Иоанна, сына священника Захарии, проповедать миру крещение покаяния во оставление грехов. Водой грех древнего

мира был уничтожен, водой народ израильский от рабства египетского был освобождён, водой и огнём благодаря Илии избавился еврейский народ от заблуждения Ваалова. Водой крещения и вы очиститесь от древних своих скверн, напишутся ваши имена на небе, и больше не коснётся вас бес, ведь он тонет в воде, освящённой призыванием Отца и Сына и Святого Духа.

Все слушали Епифания с замиранием сердца, не замечая, что давно уже не к ним он обращается, но к их предкам, да и не он вовсе, а сам Андрей Первозванный.

— Един Бог, один Вседержитель, Творец, Мудрый, Святой, Освящающий и Умудряющий Своим Духом, — продолжал святой апостол устами священника Христа своего. — Он пророков умудрил, Он эллинам дал мудрость, Он Моисею дал в помощь закон и заповеди спасения. И Моисей о Пророке заповедал: Иисус Христос — вот тот Пророк, о котором говорил Моисей, ведь среди пророков ни сил таких другой не явил, ни закон другой не исполнил. Моисей море рассёк жезлом, а Христос по морю прошёл на наших глазах тридцать стадий...

Тут прихожане и клирики заволновались: «Как, прямо на его глазах — Сам Христос?..»

— Да, целых тридцать стадий! И когда мы испугались, ведь была ночь, Он воскликнул: «Это Я — не бойтесь», — и брат мой Пётр, устремившись к Нему и сойдя с судна, тоже прошёл по морю. Моисей при помощи молитвы наплатил народ в пустыне свыше манной, а Иисус пятью хлебами четыре тысячи насытил, и остатков было семь корзин. Илиа одного мёртвого воздвиг молитвой, а Иисус повелением сына вдовы воздвиг в Наине. Елисей, семь раз согрев, воскресил отрока, а Иисус, взяв за руку, воскресил дочь начальника синагоги. И чтобы мне не перечислять по отдельности, скажу так: дела прямо всех-всех-всех пророков Иисус Христос один сотворил после крещения. Когда же Иисус

пришёл к Иоанну креститься, Иоанн сказал ему: «Мне надобно креститься от Тебя — зачем же Ты приходишь ко мне?» Видя Иисуса, идущего к нему, он сказал о Нём: «Вот Агнец Божий, Который берёт на Себя грех мира, ведь я видел Духа, сходящего с неба на Него». И свидетельствовал Иоанн, говоря, что «Сей есть Сын Бога Живого». Это я, Андрей, слышал от самого Иоанна. А первосвященники, видя чудеса, которые Он творил, позавидовали и искали его, чтобы убить. Но Он Сам всё знал и предсказывал нам, что должно случиться с Ним: и Своё тридневное воскресение, и как мы увидим Его, и Своё новое пришествие с великой славой, когда Он будет судить живых и мёртвых и воздаст каждому по делам его. Мы предложили Ему обрушить с неба огонь на нечестивцев, но Человеколюбивый не согласился. Уча в святилище, Он обличил первосвященников за их дерзости и беззакония. А они, не вынеся этого, дали тридцать сребреников моему соученику Иуде, и тот выдал им Его ночью. Схватили они Его и предали Пилату, игемону Иудеи. Тот, рассудив и поняв, что из-за зависти предали они Его, захотел отпустить Его. Но первосвященники закричали: «Если отпустишь Его, ты не друг кесарю; кровь Его на нас и на детях наших». Тогда Пилат предал Его на их волю, и они Его распяли с Его соизволения. И положив в новый гроб, запечатали и приставили стражей, ведь Он сказал, что «на третий день воскресну». А ночью, на рассвете третьего дня, Он воскрес, оставив погребальные пелены свидетелями Своего воскресения. Ангел же отвалил камень от двери и сел поверх него, умертвив стражей сном. Когда жёны из нас пришли весьма скоро с миром ко гробу, сказал им ангел: «Воскрес Господь! Пойдите, скажите о том ученикам». Пока они шли к нам, встретился им Иисус, сказав: «Радуйтесь! Скажите ученикам, чтобы они шли в Галилею, и там они увидят Меня, как Я предсказал им». И мы многократно видели Его, восставшего из мёртвых,

и ели и пили вместе с Ним в течение сорока дней. Он призвал нас проповедовать во имя Его покаяние и отпущение грехов всем народам, крестя во имя Отца и Сына и Святого Духа. И на наших глазах в третий час дня Он вознёсся, взошёл на небо и сел одесную Бога и Отца Своего. А мы ожидаем его при скончании века и теперь Его именем воскрешаем мёртвых, исцеляем болезни и изгоняем бесов во имя Отца и Сына и Святого Духа, аминь.

Стоявший среди клириков Успенской церкви монах Иаков прилежно записывал слова своего наставника, которые предполагалось теперь включить в состав нового жития апостола Андрея. Никто из никейцев не усомнился в их подлинности, ибо как иначе мог проповедовать их предкам сам Первозванный?

Епифаний уже почти уверился, что его пребывание в Никее продлится ещё очень долго, поскольку лжемитрополит Ингер (он же Игнатий) даже не озаботился тем, чтобы его поминали во всех храмах фемы Опсикиев, подчинявшихся никейскому иерарху. Настоящее же несчастье постигло митрополию совершенно неожиданным образом, оно пришло оттуда, откуда никто не ожидал, — от сосланного, но вернувшегося в город Петра. Слухи о его падении поползли по Никее на Пасхальной седмице ещё 6324 года, но никто им не верил: не мог верный соратник патриарха Никифора, всем сердцем преданный православию, уступить уговорам нечестивого Иоанна Грамматика и отложиться от иконопочитания! Все боголюбивые никейцы посчитали тогда, что из Константинополя нарочно распускаются лживые сплетни о их отце и господине. Увы, когда накануне Пасхи следующего, 6325 года невежественного, но, как оказалось, безобидного Ингера вызвали ко двору, а митрополит Никейский Пётр был восстановлен на своей кафедре, первое, что он сделал, было невиданное

святотатство: в Великую субботу Пётр в сопровождении константинопольских попов-иконоборцев и императорских гвардейцев торжественной процессией вступил в стены Успенской церкви, держа кирку на длинной рукояти, и начал скалывать её, кусок за куском, мозаику центральной апсиды, изображавшей Богородицу с Младенцем. Сил завершить начатое у него не хватило, и кирку из рук его подхватил один из гвардейцев, а другие стали помогать ему своими бердышами. На месте священного образа появилась безобразная, похожая на бесформенный крест дыра, зиявшая на золотом мозаичном поле.

Ни Михаил, ни Маркеллин, которого вынудили присутствовать при этой ужасной церемонии, ни Епифаний с Иаковом — никто из никейских клириков не остался равнодушен к происходящему: один за другим они выходили из осквернённого храма и плевали в лицо Петру. Пётр молча, напряжённо прикрыв глаза, сносил их поругания, а императорские гвардейцы не смели вступить за него, лишь кто-то из столичных чиновников записывал на церу имена тех, кто с презрением покидал церковь. В тот же день никейцы узнали, что Феодор Студит был выслан и из Вифинии — ещё дальше, в забытую Богом крепость Вониту, что в Анатолийской феме, на границе с богомерзкими сарацинами, которые могли вот-вот вторгнуться в укрепление и истребить всех его защитников и обитателей, включая даже узников.

В ночь перед уходом из Никеи, после пасхальной службы, совершённой тайно, наспех, без подобающей великому празднику торжественности, в домовый церкви одного из городских старейшин, Епифаний надиктовывал Иакову прощальные слова апостола Андрея, обращённые к никейцам. Андрей, как и Епифаний, провёл в этом городе целых два года, но если первый покидал его с радостью о присоединившихся к

Церкви Христовой чадах, то второй — с горестью об отпавшем от неё отце.

— Пиши, Иаков, — говорил Епифаний, — сразу на том пергамене, который унесли мы от еретиков из Патриаршей библиотеки. У меня всё готово: хотел я сказать это в прощальной проповеди, но пусть будет это завещанием никейцам. Итак, возвестил Андрей жителям Никеи: «Не возмущайтесь, но явите дела покаяния: очистите сердца свои от опьянения вином и коварного злопамятства; очистите уста свои ото лжи, бесовских песен и от всякого невежественного вздора и откройте их для слова Божия, дабы призывать Святого Духа; очистите ваши руки от несправедливого грабежа, воровства и ига лукавого и прострите их для оказания милосердия нищим, чужестранцам и рабам; примите закон Божий, данный через Моисея, дабы пожить в мире; возьмите иго Христово, потому что оно свято и дарует обильное издвоздаяние. Если вы желаете святого крещения, то отвратите свои души и тела от сатаны с его идолами, делами и всей помпезностью, добровольно приступите ко Христу и явите то, что Он любит. Это значит нелицемерно любить Бога и друг друга, сносить обиды и не обижать никого, всех жалеть, воздерживаться и не высокомерничать, но, более того, смиренномудрствовать, жить в чистоте и мире со всеми, воздерживаться от чужого. Не убивайте, не воруйте, не клянитесь ложно, не изменяйте, избегайте блуда и всякой нечистоты, дабы стать новым народом Божиим, избранным, святым, ревнителем добрых дел. Думайте и творите небесное — то, где не только Христос, но где и вы будете обитать с Ним. Ему поклоняйтесь со Отцом и Духом каждый день. Молитесь, став лицом на восток».

— Воистину мудр и красноречив был святой апостол Христов! — воскликнул Иаков, оторвавшись от тетради.

— Продолжай во имя Господа: «Знаете вы сами, сколько я увещевал вас и сколько унижали вы меня,

сколько радел я о вас и сколько знамений сотворил чрез меня Бог. И если бы Он не позволил бесам вразумить вас, то вы бы так и не вразумились. Бог, будучи человеколюбив, действует не принуждением, но призывает всех, как самовластных, и хочет спасения каждого. Вот целых два года провёл я с вами: что видели вы во мне и слышали от меня, то предание и храните непоколебимо. Господь Бог чрез Сына Своего Иисуса Христа отметил вас и запечатлел Духом Своим Святым: смотрите, не обратитесь к своим прежним обычаям, сражайтесь за свою веру и священников. Сатана будет искушать вас, дабы испытать, тверды ли вы, ведь ради этого и попускается ему испытать золото вашей веры, истинно ли оно. Покажите же твёрдость веры своей: каждый из вас, сколько имеет, с радостью и молитвами да принесёт начатки свои Богу чрез священников. Подчиняйтесь же им и просите, дабы с радостью творили они за вас молитвы Богу. Не судите священников, о несведущие, ибо написано: «Не прикасайтесь к помазанным моим и пророкам моим не делайте зла». А вы, священники, народ наставляйте самую жизнью, словом и повелением. Не клеветайте друг на друга все, бремена друг друга носите, терпите друг друга, любите друг друга, дабы Бог и вас возлюбил. Аминь!»

— Аминь! — повторил скорописец.

— А теперь в путь, брат Иаков. Последуем стопами святого апостола Андрея. Покинув Никею, отправился он, как ты знаешь, в Никомидию. Верь же: не оставит он нас в этом странствии — и да благословит нас Господь!

4. ВДОЛЬ ЮЖНОГО БЕРЕГА ПОНТА

«Милостивый Государь Григорій Александровичъ!

Пишу Вамъ изъ бывшей Никомидіи (нынѣшняго отуреченнаго Измита), куда привелъ меня Господь въ моихъ поискахъ возможныхъ слѣдовъ культа св. апостола Андрея. А если быть еще болѣе точнымъ, то двигался я по тому маршруту, кой былъ предложенъ Григоріемъ, епископомъ Турскимъ, въ его “Книгѣ о чудесахъ блаженнаго апостола Андрея”: Амасія — Синопа — Никея — Никомидія — далѣе отправлюсь въ Константинополь (и по прочимъ своимъ дѣламъ), затѣмъ въ Ираклію Фракійскую (нынѣшній Мармара-Эреглиси), оттуда моремъ въ Грецію, въ Кавалу, и заѣду, наконецъ, въ Филиппы. Отъ Кавалы же рукой подать до Аѳона, гдѣ пробуду я недолго, ибо скоро намъ предстоитъ встрѣтиться на конференціи въ Херсонисѣ.

И въ связи съ этимъ у меня къ Вамъ одна деликатнѣйшая просьба. По загадочной причинѣ меня отъ Синопы буквально преслѣдуетъ Вашъ знакомецъ — о. Андрей Епифанцевъ, съ которымъ вмѣстѣ сослужили мы въ небезъизвѣстномъ Вамъ Подмосковномъ храмѣ въ прошломъ году на апостола Андрея. Сначала въ ту синопскую гостиницу, гдѣ я остановился, на мое имя пришло отъ него безумное письмо, изъ котораго я рѣшительно ничего не понималъ. Вскорѣ, уже въ Изникѣ (т. е. въ Никее, по-нашему), онъ уже самъ пытался проникнуть ко мнѣ въ гостиничный номеръ, охрана же вовремя его остановила: чуть было не кончилось всё для него арестомъ, но я вступился за единовѣрца и въ нѣкоторомъ родѣ соотечественника. Въ награду тотъ сталъ обвинять меня въ какомъ-то плагиатѣ: я-де укралъ у него какую-то сумасбродную идею, — и наговорилъ сверхъ того такихъ параноидальныхъ глупостей, что мнѣ и повторить ихъ неловко. Одного лишь не скрою: у меня дѣйствительно въ прошломъ году возникли въ Россіи нѣкоторые трудности дипломатическаго свойства какъ по церковной, такъ и по гражданской линіи, и есть всѣ основанія полагать, что здѣсь не обошлось безъ

тайнаго недоброжелателя, который, возможно, натравливаетъ на меня теперь о. Андрея. Послѣднему не повредило бы успокоить свои нервы на водахъ, покуда ихъ не поправятъ въ болѣе суровомъ заведеніи.

Такъ вотъ, я настоятельно прошу Васъ, почтеннѣйшій Григорій Александровичъ, какъ-нибудь повліять на о. Андрея. Будьте такъ любезны, попытайтесь уяснить причины его ко мнѣ столь неравнодушнаго отношенія, возникшего внезапно и безпричинно, и отговорите его отъ дальнѣйшихъ нападковъ на меня. Насколько я знаю, о. Андрей также включенъ въ программу Херсонисской конференціи, поэтому не хотелось бы и тамъ имѣть съ нимъ пренепріятное враждебное столкновеніе.

Съ неизмѣннымъ почтеніемъ,
смиранный священноинокъ *Ампелій* +

P.S. Прилагаю свой переводъ съ латыни фрагмента “Книги о чудесахъ блаженнаго апостола Андрея” Вашего тезки — Григорія Турскаго, въ которомъ рѣчь идётъ о Никомидіи».

Это письмо, написанное отцомъ Ампелиемъ от руки на несколькихъ гостиничныхъ бланкахъ, пришло Фоменко на институтскій адресъ обычной почтой, в конверте с турецкими марками, и такъ его озадачило, что онъ забылъ о приложенномъ переводе, и даже Никифоровъ со своими вечными шуточками не смогъ отвлечь коллегу и друга отъ мрачныхъ мыслей. Фоменко сталъ звонить своему духовнику, который былъ учителемъ отца Андрея, но тотъ зналъ лишь то, что отецъ Андрей взялъ академическій отпускъ и куда-то уехалъ. Другіе ихъ общіе знакомые также не могли о немъ болѣе ничего сказать, и никто не замечалъ в его поведеніи какихъ-либо странностей.

Никифоровъ, любившій совать носъ въ чужіе дела, настороженно слѣдилъ за телефонными разговорами

Гриши, отвлекаясь на работу лишь в перерывы между ними, и попытался выудить у него содержание письма.

— А что наш таинственный афонский друг пишет? Опять переводы шлёт? — спросил он Григория в надежде услышать в ответ нечто более интригующее, но вопросом своим попал в точку.

— Ах да, — вспомнил Фоменко. — Тут действительно был ещё какой-то перевод Ампелия... Сейчас посмотрим... — И он извлёк из конверта листок с напечатанным на нём текстом:

«...Затем он приближается к воротам Никомидии, и вот выносят на кровати мертвеца, чей старик-отец, поддерживаемый руками рабов, был едва в состоянии провести похоронную процессию. Мать, также отягощённая возрастом, с распущенными волосами следовала в рыданиях за трупом: “Горе мне, чья старость дожила до того времени, что на похороны сына я отдаю то, что приготовлено для моих похорон!” И вот, когда они так и подобным же образом голосили, следуя за трупом, прибыл апостол Божий и спросил, сочувствуя их слезам: “Скажите мне, пожалуйста, что случилось с этим юношей и почему он переселился на тот свет?” И хотя они из-за оцепенения ничего не отвечали, однако же апостол услышал от слуг следующее: “Когда этот юноша был один в спальне, прибежали вдруг семь собак и накинулись на него. Так чудовищно растерзали они его, что он упал и умер”. Тогда блаженный Андрей, вздыхая и возводя очи к небу, со слезами сказал: «Я знаю, Господи, что это были козни бесов, которых я изгнал из города Никеи. И теперь я прошу, Милостивый Иисусе: воскреси его, чтобы не возрадовался о его гибели противник рода человеческого». И сказав это, обратился к отцу: «Что ты дашь мне, если я верну тебе невредимым твоего сына?» А тот: «Для меня нет ничего дороже его, поэтому я отдам тебе самого себя, если с твоей помощью он вернётся к жизни». Тогда блаженный

апостол, воздев руки к небу, снова стал молиться: «Пусть возвратится, прошу Тебя, Господи, душа юноши, дабы после его воскресения все, оставив идолов, обратились к Тебе и его воскрешение стало спасением для всех погибающих, чтобы они более не были подвержены смерти, но, став Твоими, сподобились вечной жизни». После того как верные ответили: «Аминь», — он повернулся к носилкам и сказал: «Во имя Иисуса Христа восстань и стой на своих ногах». И тотчас к удивлению народа он воскрес, так что все, кто присутствовал, воскликнули громким голосом: «Велик Бог Христос, Которого проповедует раб Его Андрей!» А родители дали своему сыну множество даров, которые он преподнёс блаженному апостолу, но тот ничего из них не принял. И только повелев юноше идти с ним до самой Македонии, он наставил его спасительными словами».

— Насколько я понимаю, — заключил Фоменко, — эти сведения Григорий Турский мог извлечь из тех самых утерянных «Деяний Андрея». Но у Епифания в той совсем небольшой части, которая посвящена Никомидии, многие подробности здешних чудес отсутствуют...

— И что же Епифаний? — спросил Никифоров (свернуть разговор на другую, более интересующую его тему пока не удавалось).

— Так Епифаний наверняка читал эти «Деяния». Почему же он тут не воспользовался ими в полной мере? Или это Григорий Турский что-то добавил от себя?

— Тебе, наверное, уже снится этот Епифаний...

— А знаешь, Лёва, и в самом деле снится. Сегодня ночью снилось мне, как бежит Епифаний со своим Иаковом из Никеи в Никомидию. Именно бежит. Что уж там с ними случилось, не знаю. Видимо, что-то нехорошее. Так вот, входят они в город через Никейские ворота... Дня два, пожалуй, шли они из Никеи...

...А в Никомидии у Епифания был знакомый и притом знатный странноприимец — спафарий Иаков, духовное чадо Феодора Студита. Нося столь высокий титул, Иаков мог позволить себе оставаться иконопочитателем, даже не тайным, а скорее полутайным. В его странноприимном доме находили себе приют многие монахи, бежавшие из Константинополя на восток. Через них же, готовых в любой момент выйти в чём были из дома, раствориться тотчас в городской толпе, а затем горными тропами разбрестись по всей Азии, поддерживалась связь между ссыльными епископами и студитами, прежде всего игуменом Феодором. Хотя его отправили в далёкую, затхлую Вониту, он и оттуда умудрялся передавать свои послания, а ему теми же путями доставляли ответные. Именно поэтому никомидийский странноприимный дом, находясь на пересечении важнейших сухопутных и морских дорог, стал местом, где в руках его постояльцев, которые сами были к тому же хорошими переписчиками, находилось наибольшее количество писем без преувеличения ото всех ко всем. Здесь же, неоднократно скопированные, они распространялись и среди тех, кому не были изначально предназначены: в каждом отдалённом монастыре, где проклинали имя василевса, знали, что происходит в домах столичных иконопочитателей, а в столице знали, как живут в изгнании их духовные отцы и братья.

Верный иконопочитанию митрополит Никомидии Феофилакт был сослан в Карию, в прибрежный городок Стровил, что напротив острова Кос, ещё два года назад, одновременно с Петром Никейским. Его перепиской с Феодором зачитывались все, кто в Никомидии мог читать, а тем, кто не мог, читали вслух, Епифанию же ещё в Никее случилось даже переписать одно из писем своего наставника к Феофилакту, в котором были и такие слова:

«Удостоился я письмом приветствовать тебя, отца моего, столп истины, опору православия, стража благочестия, утверждение Церкви, победоносного мужа, христоносного архиерея, мученика исповедания Божия! Воистину, не принадлежит ли тебе венец мученичества? Ибо ты за Христа изгнан, удалён из отечества, терпишь множество страданий, и притом находясь в теле слабом от природы и, как мне известно, изнурённом подвижничеством богоугодною жизнью. Тобою хвалится сонм православных, радуется область Никомидийская и превозносится, ибо избавилась благодаря тебе от укоризн, издревле приписываемых тамошним предстоятелям».

И действительно, предшественники Феофилакта на никомидийской кафедре снискали дурную славу распутников и мшелоимцев. Об одном из них, митрополите Евсевии, рассказывали даже такую историю: в то время проходил через Никомидию, на пути в Константинополь, святой Косма Маюмский, песнописец и ярый противник иконоборчества, и, воскресив некоего юношу по имени Георгий, которого забрал потом с собой в Константинополь, явился святой Косма к этому самому Евсевию, блуднику и иконоборцу, и стал отвращать его от пагубных страстей, поучая мудрыми словами, исполненными Духа. Но Евсевий со смехом прогнал боголюбезного старца и отправился на охоту вместе с гостившими у него тогда царскими сановниками, такими же нечестивцами, как и он, — и растерзал митрополита на той охоте дикий медведь, да так, что ни одной части его мерзкого тела не осталось для погребения.

Правдива эта история или нет, бывал ли вообще в Никомидии святой Косма, тем более при митрополите Евсевии, — но так говорили в народе, и у Епифания не было оснований сомневаться в этих рассказах, тем более что нынешний, присланный на смену Феофилакту, митрополит не уступал нечестивому Евсевию в пороках,

а после утверждения его на кафедре один никомидийский монах по имени Исая замуровался в Башне святого Диомида и принял обет не нарушать безмолвия, покуда новое иконоборчество не будет повержено.

И такие бесчинства творят преемники первого епископа Никомидии, поставленного самим апостолом Андреем, преемники святого Анфима, убиенного при языческом императоре Максимиане, а с ним и двадцать тысяч мучеников Никомидийских, следовавших примеру своего епископа! Прожив в Никомидии всего неделю, Епифаний успел поклониться и месту казни святого Анфима и пострадавшего вместе с ним мученика Индиса в предместье Оптатианы, и доспеху святого Феодора Стратилата, и чудесным мощам святого целителя Пантелеймона, погребённого на окраине Никомидии, в саду Адамантия. Мощи его были белы словно снег, как и описано в его житии, ибо когда мучители отсекли его главу, то из раны вместо крови хлынуло молоко, а тело тотчас же побелело. В месте, куда вылилось то молоко, выросло масличное дерево, и растёт оно там до сего дня, так что Епифаний с монахом Иаковом смогли к нему приложиться накануне отплытия из города.

Теперь их путь лежал в Понт, но идти туда им посчастливилось мимо Халкидона через Босфорский пролив на большом торговом судне, куда их пристроил спафарий Иаков, договорившись обо всём с коммеркиарием Андроником, ведавшим в Никомидии морской торговлей, да и сам корабль принадлежал его племяннику Георгию, верному иконопочитателю. В Халкидоне студитов ждало страшное известие: их старинный друг, один из любимейших учеников Феодора, Фаддей Скифянин, оказывается, ещё в декабре минувшего года был жестоко избит солдатами за отказ

осквернить святую икону и, выброшенный на улицу, умер в муках под холодным дождём.

Несколько дней корабль Георгия стоял в гавани Халкидона, загружая в трюмы прибывшие с Востока специи и благовония, и всё это время Епифаний сидел на мысу, глядя на Фаросский маяк и башни Константинополя, которые в хорошую погоду были отчётливо видны на том берегу Босфора. Торжественной громадой вздымалась к небесам и Святая София, посрамлённая и осквернённая, но отсюда, издали, казавшаяся не менее прекрасной, чем раньше. Епифаний вспоминал, как бежал он из родного города и как тот не отпускал его от себя, дважды возвращая под свои стены, как чуть не погибли они тогда с Иаковом и рыбаками, если б не заступничество святого апостола Андрея. Теперь же они уверенно идут по его стопам, ведь посещал он, конечно, и Халкидон и поставил здесь епископом Тихика, одного из семидесяти апостолов, о чём Епифаний вычитал из «Списка семидесяти учеников» ещё в Патриаршей библиотеке, куда ему теперь не добраться.

Почти ничего нового не узнал Епифаний об Андрее ни в Никомидии, ни в Халкидоне, хотя на его расспросы о загадочном никомидийском монахе, который не так давно собирал в Никее сведения об апостоле, никомидийцы пожимали плечами, и только один пресвитер вспомнил такого, но, по его словам, тот был вовсе не из Никомидии, а из Халкидона. В Халкидоне же Епифанию сообщили, что был тот не халки-донянином, а прибыл к ним из Гераклеи Понтийской — через неё как раз и лежал путь их корабля, направлявшегося в Синопу. Из Синопы Епифаний и Иаков намеревались уже по суше добраться до далёкой Таврики и Скифии, где, по словам и никейцев, и никомидийцев, не было никаких иконоборцев и куда бежали из Константинополя многие монахи. Предшественник Епифания в составлении

жития апостола Андрея (если он действительно составлял его житие), похоже, следовал его «Деяниям», но Епифаний-то знал, что Андрей путешествовал трижды и что двигался он в противоположную сторону.

Кроме того, в Халкидоне на Епифания было возложено важное послушание — передать в Херсон послание Феодора Студита сосланным туда православным епископам и разыскать брата умученного иконоборцами Фаддея Скифянина, который подвизался где-то в горах Таврики, среди полудиких готв, воинственных тавроскифов и зверообразных склавинов. Кажется, склавином был и сам Фаддей, да никто из студитов его о том никогда не расспрашивал: всем было достаточно, что он был примерным христианином, верным чадом Церкви и великим постником, сподобившимся ныне мученического венца.

— Вот она, столица мира, — воздел руки в сторону Константинополя Епифаний, когда на рассвете отчалили они с Иаковом из Халкидона. — Ты сейчас во власти тех, кто хуже язычников, хуже сарацин, о город великих церквей и божественных обителей, где на каждом углу творились чудеса и спасались славные подвижники! Близкий, но недоступный, тебя я, возможно, вижу последний раз в жизни...

Иаков, видя, что его наставник настроен на торжественное красноречие, начал было записывать за ним, но Епифаний остановил его:

— Не надо, брат Иаков. Записывай только то из услышанного и увиденного, что касается святого апостола Андрея. Запомни: для всех мы простые монахи и пишем его житие, собираем рассказы о нём, и нет у нас больше никаких записей, не везём мы никаких писем, не бывали мы никогда в Константинополе и не знаем отца нашего Феодора.

Босфор становился всё уже, затем снова расширялся, извиваясь между берегами гигантским

изумрудным змием в пенистых чешуйках, а к полудню корабль Георгия вышел в коварные воды Понта, где власть василевсов не казалась уже столь незыблемой, — и прохладный ветерок с севера сразу дал знать об этом: в воздухе как будто запахло неведомыми степными травами и кострами варваров, на которых в огромных котлах булькала похлёбка из конины и человечины.

К рассвету следующего дня пришли к небольшому острову Дафнусия, лежащему неподалёку от вифинского берега. Заглядывал ли сюда апостол Андрей, известно не было, но Дафнусия лежит примерно на полпути от Халкидона до Гераклеи Понтийской, докуда Андрей добирался морем, так что вполне вероятно, что побывал он и на этом островке, отнюдь не забытом Богом, ибо в церкви Святых мучеников Аникиты и Фотия Никомидийских почивали и их мощи, и мощи святого Зотика.

Простояв в Дафнусии целые сутки и запасшись пресной водой, корабль со студийскими беглецами на борту выдвинулся в сторону Гераклеи, куда благодаря попутному ветру дошёл уже поздней ночью.

— Пиши, Иаков, — сказал Епифаний своему помощнику, как только их корабль встал в гавани. — После Халкидона было вот что: «Снова отправившись и плывя по Понтийскому морю, поднялся Андрей в Гераклею и наставил там некоторых». Вот всё, что мы знаем. Нам здесь пробыть ещё весь завтрашний день, и надо бы поклониться гробнице святого Феодора Тирона. Отсюда же родом святой Фока, покровитель терпящих бедствие моряков. Хорошо бы послушать и записать здесь рассказы о нём, а то его всё время путают с другим мучеником Фокой, епископом Синопским. Впрочем, может статься, что это тот же самый Фока...

Чудеснее всего была в Гераклее церковь Пресвятой Богородицы — не дело рук человеческих, но творение Господне, ибо располагалась она в просторных пещерах,

которые язычники почитали некогда за врата Аида, которыми вошёл в него Геракл, но свет Христов преобразил их в храм Божий. Епифанию, когда посетил он эти пещеры, отрадно было думать, что именно апостол Андрей изгнал отсюда бесов, насельников ада преисподнего, и основал здесь церковь, но, увы, никаких преданий о том не сохранили ни старинные книги, ни местные жители. Не узнал от них ничего и тот неуловимый предшественник Епифания, который в Константинополе представлялся никейцем, в Никее — никомидийцем, в Никомидии — халкидонянином, в Халкидоне — гераклейцем, а в Гераклее назвался синопцем.

Однако до Синопы оставалось сделать ещё несколько остановок: в Амастриде, где после Гераклеи также оказался апостол Андрей, но в те времена называлась она ещё Кромной, — в Амастриде поклонились студиты мощам святого мученика Иакинфа, срубившего священное древо местных язычников, теперь же на могиле мученика в день его памяти собирается чудесная пыль, которая исцеляет от многих болезней; в крохотном прибрежном городке Дарипии — там покоятся мощи святой мученицы Христины Лампсакийской, обезглавленной при императоре Декии.

В Дарипии, откуда по прямой через Понт идти до Таврики всего двое суток, располагался ромейский гарнизон, удерживавший с горем пополам сарацинский натиск с юго-востока. Зато несколько тяжёлых многовёсельных дромонав, оснащённых машинами с жидким огнём, чувствовали себя в дарипийской гавани в полной безопасности, поскольку в водах Понта им ничего не угрожало: сюда сарацины никак не могли провести свой флот, а захватить такие крупные верфи, как, например, в Синопе, им пока не удавалось, хотя Синопа также подвергалась постоянным набегам сарацинской конницы. Так вот, в Дарипии на борту

корабля Георгия оказался ещё один монах, и очень странный монах — совершенно безбородый, хотя и в весьма почтенных летах, с неприятным писклявым голосом (что сразу выдавало в нём скопца), но самое удивительное — в сопровождении трёх чернокожих служанок, которые втащили вслед за ним несколько сундуков поклажи. Георгий оказывал ему невероятное почтение и начал было представлять его студитам:

— Знакомьтесь, отцы и братья, с ещё одним столичным монахом... — но тот перебил его, пропищав:

— Никита. Зовут меня Никита, по прозванию Мономах, а в монахах я Никифор. Но вы можете называть меня мирским именем, к монашескому я ещё не привык. Сам патриарх постригал меня! Шесть лет назад это было, вот я теперь и Никифор, в честь нашего патриарха... Многая лета патриарху нашему Никифору! — заверещал он. — Анафема ничтожному Феодоту! пьянице! трусу! жалкому заике!..

— Но ведь он совершенно пьян, — шепнул Епифаний Георгию. — С самого-то утра...

— С ним это случается, — ответил Георгий. — Зато брат Никита пострадал от иконоборческих гонений...

— О да! — пищал Никита. — Этот наш Лев... нет, этот паскудник наш Львёнок, он выставил меня вон из Константинополя. Да как он посмел?! Меня, который был стратигом целой Сицилии! Меня, который представлял саму царицу Ирину на Вселенском соборе! Вот увидите, несдобровать этому Львёночку, подавится он ещё своим иконоборчеством, как костью! — И тут он, не выдержав качки, повалился на палубу, но чёрные рабыни подхватили его, бросив сундуки, и унесли кричащего что-то вроде: «О девы мои просмолённые и прокопчённые! Я ещё постригу вас во образ ангельский! И станете вы, убелённые, снежноцветными невестами Христовыми...»

— Ничего, скоро придёт в себя, — утешал ошеломлённых студитов Георгий. — Он принадлежит к одному из богатейших родов в Пафлагонии, его племянники владеют в окрестностях Гераклеи и Дарипия обширнейшими поместьями. А в Синопе — он туда как раз и направляется — у Мономахов рудники красной охры, которую я потом повезу в Италию. В нашем торговом деле знакомство с таким человеком, как Никита, очень важно. Так что потерпим, братья, его чудачества... Выдвинемся сегодня на закате, а поутру, даст Бог, будем в Синопе.

Среди ночи, уже на пути в Синопу, Епифаний и Иаков были разбужены Никитой, который тихо растолкал их и жестом призвал к молчанию:

— Братья студиты! Тсс!.. Я знаю, что вы студиты и скрываете это. Но я вас не выдам. Я сам гоним, я сам в непрерывных бегах.

— Чего ж тебе нужно от нас? — недовольно спросил Епифаний.

— Поговорить с единомышленниками! Это же так важно для гонимого монаха.

— Боюсь, нам не о чем говорить. Я не разбираюсь в придворных интригах, в дорогих винах, в чернокожих рабынях...

— А в мощах? Ты же разбираешься хотя бы в мощах? Студиты знают в них толк.

Епифаний опешил. Ещё никогда ему не приходилось вести беседы о мощах с пьяными евнухами.

— О каких мощах ты говоришь?

— Вот, смотри, — радостно прощепетал Никита, вытащил из-за пазухи какой-то шёлковый свёрток и начал его разворачивать. — Здесь у меня левая пятка святого апостола Андрея.

Епифания и Иакова объял ужас.

— Как вы думаете, — невозмутимо продолжал Никита, — если я передам эту пятку епископу Синопы,

благословит ли он меня построить там церковь во имя апостола Андрея? А главное — рукоположит ли он меня в пресвитеры?

С трудом удерживая себя от того, чтобы перейти на крик, Епифаний промолвил:

— Откуда же у тебя эти мощи? Ты... украл их?!

— Почему же сразу украл? Разве можно что-то украсть у проклятых иконоборцев? Я их просто взял. Можно сказать, спас, да.

— Откуда?! — воскликнул уже Иаков.

— Э, да вы, видать, какие-то ненастоящие студиты, коли не знаете, где хранятся мощи святого Андрея...

— Неужели из самой церкви Святых Апостолов? — спросил Епифаний.

Никита хихикнул:

— Значит, знаешь.

— Так верни их туда, куда положены они были ещё благочестивым царём Юстинианом! — И тут Епифаний осёкся, вспомнив, что и у них самих есть нечто, что следовало бы вернуть в Константинополь.

Никита уловил это стыдливое смущение на лице Епифания и произнёс:

— Значит, и за тобой, брат, водятся кое-какие грешки, так ведь?

— Но я никогда и не думал даже о подобном святотатстве!

— Подумаешь, святотатство. Чем больше народу приложится к этим мощам, тем вернее спасётся! Благодать мощей — она должна быть повсюду. Ты думаешь, я впервые разношу её по свету? Или ты думаешь, что я один такой? Все таскают мощи, и я таскаю. Не корысти же ради! Зачем она мне, несчастному евнуху? Зато мощей и храмов становится всё больше и больше. Когда я был стратигом Сицилии, посчастливилось мне молитвами святой Евфимии утащить её руку из-под носа царицы Ирины. Не все же

мощи — это было бы действительно святотатство! — а одну только руку. И построил я потом в честь святой Евфимии церковь на Сицилии, а один маленький мизинчик подарил самому императору Карлу. Так что теперь и у этих нищевродов франков есть частичка нашей ромейской благодати.

Епифаний не верил своим ушам. Он, конечно, наслышан был о похитителях мощей, но для него они были страшными преступниками, святотатцами-гробокопателями, не заслуживающими снисхождения, а тут перед ним стоял один из них и превозносил свои чудовищные дела, более того — был неимоверно горд собой и при этом носил монашеское одеяние. Но самое невероятное — это было то, чьими мощами потрясал перед ними Никита: ведь это были мощи самого апостола Андрея! Был ли это некий знак ему, невольному похитителю свитка с его «Деяниями», составителю его жития? О, воистину святой Андрей не оставлял смиренного Епифания!

— Отдай же их мне, брат Никифор! — взмолился Епифаний. — И я сам положу их в достойное место и не потребую за то никакой мзды, поверь мне.

— Э, не-е-ет, брат Епифаний... Знаю я вас, студитов. Всё-то вы корпите над книгами, мужи учёные, всё-то вы поститесь да молитесь, святоши, а как чужие мощи присвоить — на это вы мастера куда как проворнее! Думаешь, не знаю я, откуда в Студийском монастыре столько реликвий? — Никита свернул в шёлковую тряпицу бледно-жёлтую, в лунном свете, кость, отправил свёрток обратно за пазуху, а взамен извлёк оттуда стеклянный кувшинчик.

— Попробуйте-ка лучше жидкого огню, — протянул он его спутникам, с силой вырвав деревянную пробку.

Епифаний отпрянул.

— Да нет же, это не тот жидкий огонь, которым мы жжём сарацинские корабли. Наоборот, это их ответ нам

— жидкий огонь из вина, его можно пить. Смотрите, как я его сейчас глотну... Кхе-кхе-кхе... Святая Евфимия! Воистину обжигает! И действие его, заметьте, куда сильнее, чем у вина.

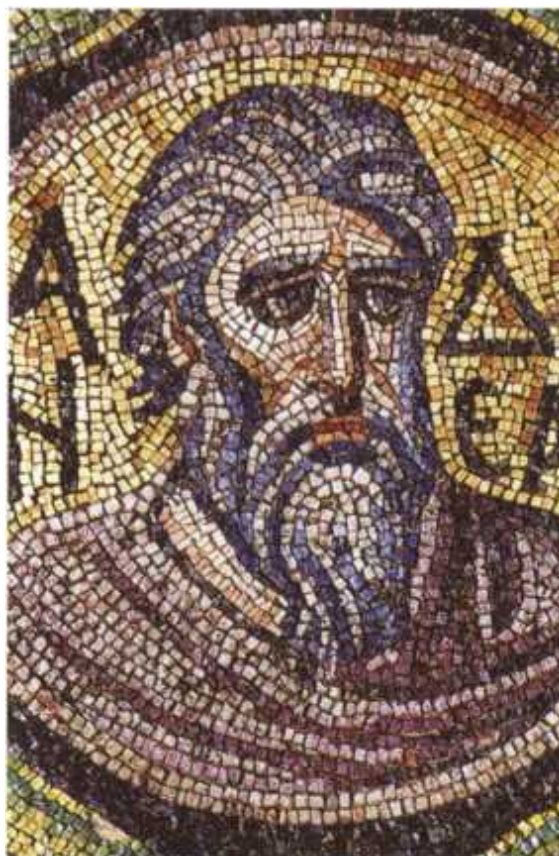
Иаков протянул руку к кувшинчику Никиты, но Епифаний строго одёрнул его:

— Не смей, Иаков, прикасаться к этому сатанинскому зелью! Разве не видишь ты, как оно затуманило разум брату нашему Никифору? Не может быть ничего доброго от безбожнейших сарацин.

— Зря отказываетесь, — промямлил Никита и, пошатываясь, ушёл на нос корабля.

Апостол Андрей Первозванный. *Икона. Ростов. XV в.*

Апостол Андрей. *Мозаика.*
Базилика монастыря Святой Екатерины на Синае.
VI в.

Апостол Андрей. Мозаика.
Архиепископская капелла, Равенна. Рубеж V—VI вв.

Апостолы собирают колосья.
*Миниатюра рукописи Дионисиу 587. Афон. Конец
XI в.*

Призвание первых четырёх апостолов.
Фреска из церкви Токалы-Килисе, Гёреме,
Каппадокия. Середина X в.

Геннисаретское озеро

Апостол Андрей. Мозаика из церкви Сан-Витале, Равенна. VI в.

Омовение ног.

Мозаика. Кафоликон Неа Мони, Хиос. 1042-1054 гг.

Причащение апостолов. Мозаика церкви Святой Софии в Киеве. 1030-е гг.

Моление о чаше.

Миниатюра рукописи Дионисиу 587. Афон. Конец XI в.

*Апостол Андрей.
Мозаика из церкви Святой Софии в Фессалониках.
880-890-е гг.*

Чудесный лов рыбы.

*Мозаика из церкви Сант-Аполлинаре-Нуово, Равенна.
Начало VI в.*

Апостолы перед Христом.
Миниатюра Гелатского Евангелия. Грузия. XII в.

Отослание апостолов на проповедь.
Фреска из церкви Токалы-Килисе, Гёреме,
Каппадокия. Середина X в.

Сошествие Святого Духа. Миниатюра из Евангелия Раввулы. VI в.

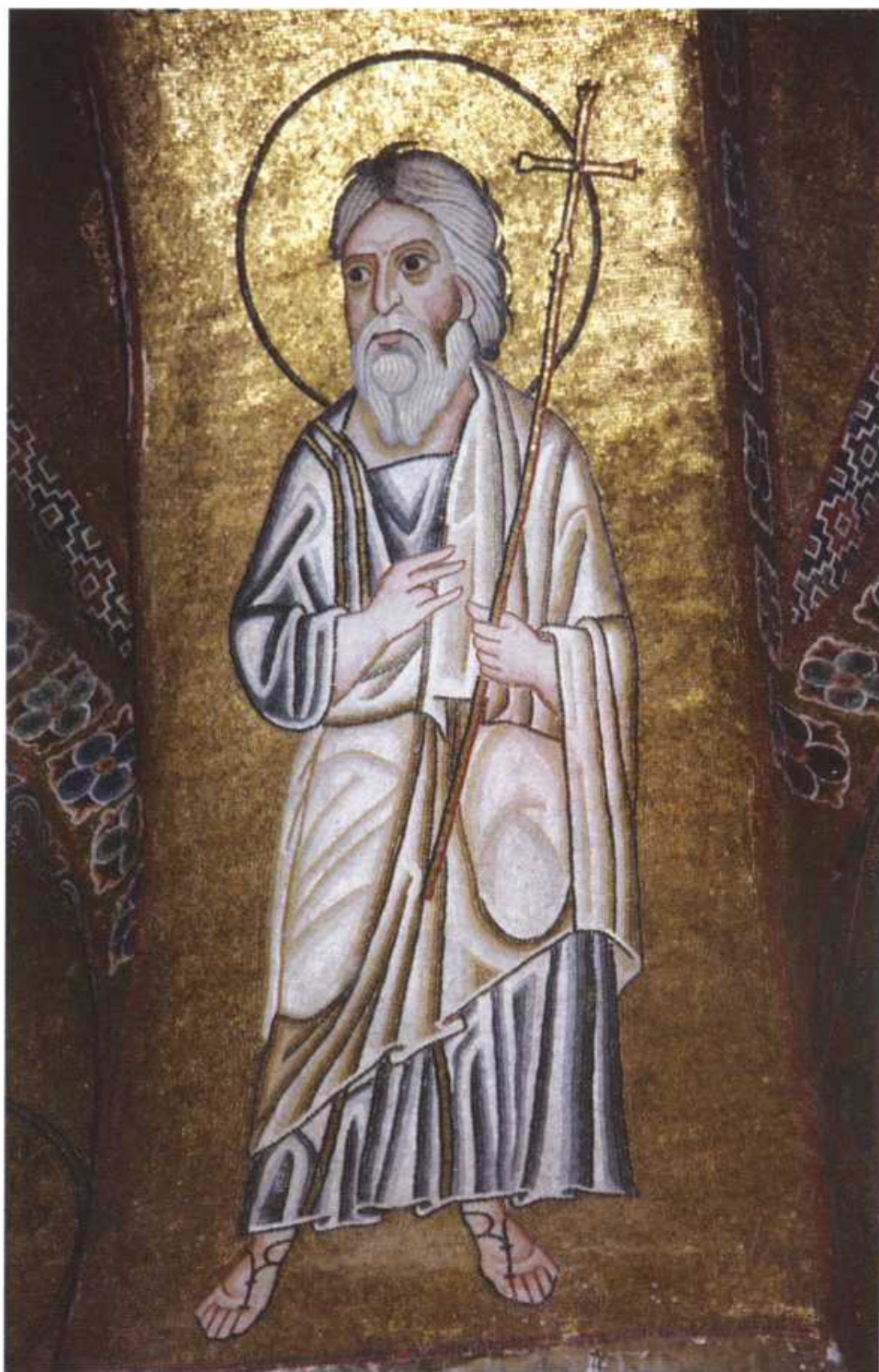

Богородица и апостолы.
Фреска из Бауита, Коптский музей, Каир. Vie.

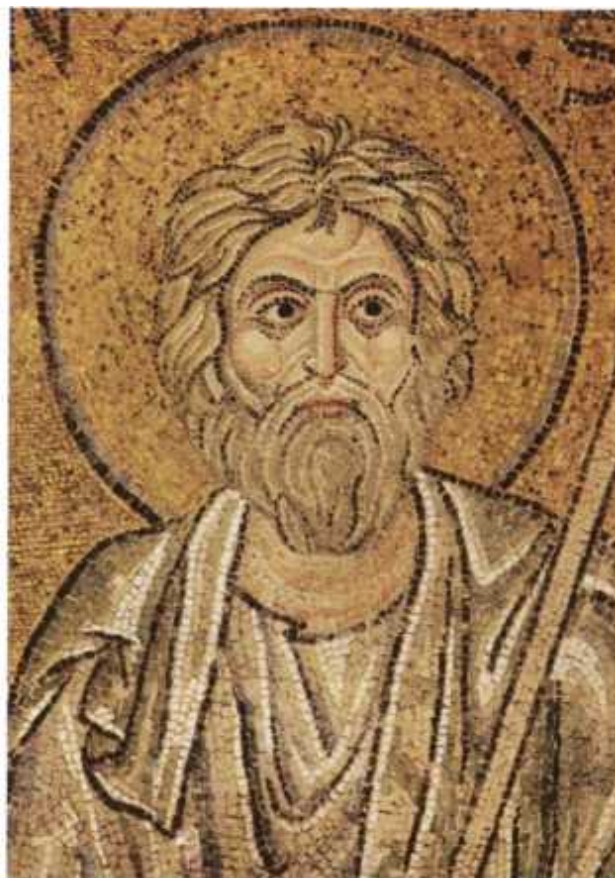

Успение.

Роспись храма в Асину, Кипр. 1105–1106 гг.

Апостол Андрей.
Мозаика. Кафоликон монастыря Осиос Лукас. 1030-1040-е гг.

Апостол Андрей.
Фреска из церкви Санта-Мария Антиква, Рим. VIII в.
Апостол Андрей.
Мозаика. Собор в Торчелло, Сицилия. Конец XI в.

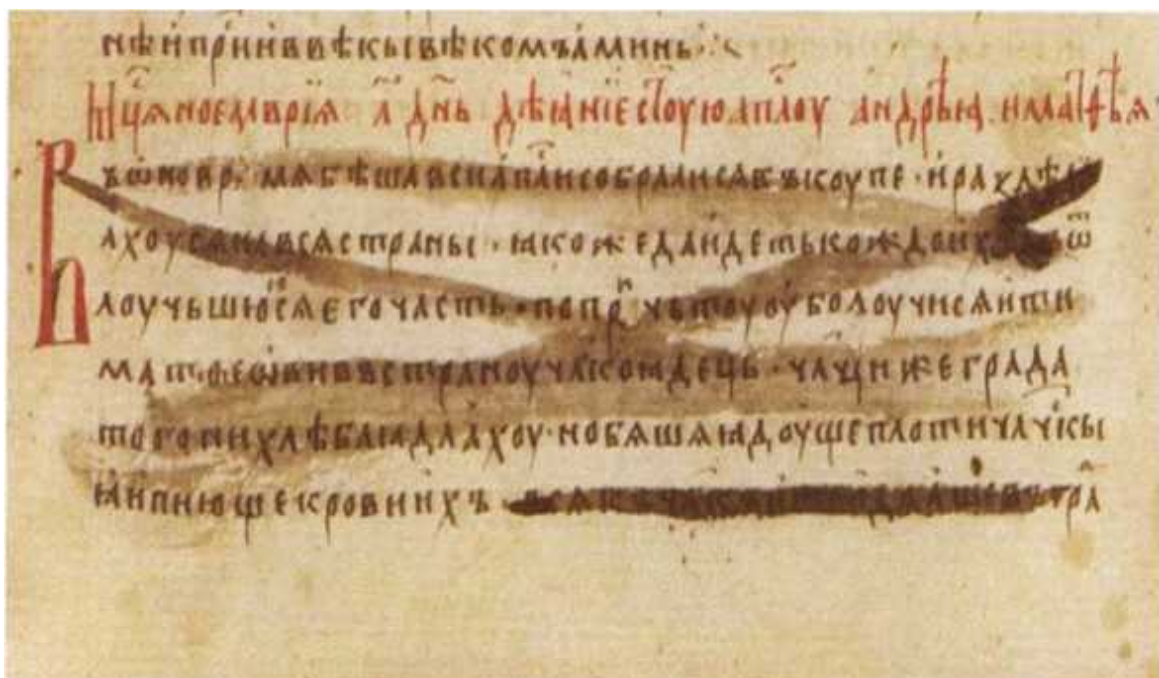

Поцелуй апостолов Петра и Андрея.
Роспись храма в Не рези, Македония. 1164 г.

Миниатюра Радзивилловской летописи. XV в.

Крепостная стена Синопы

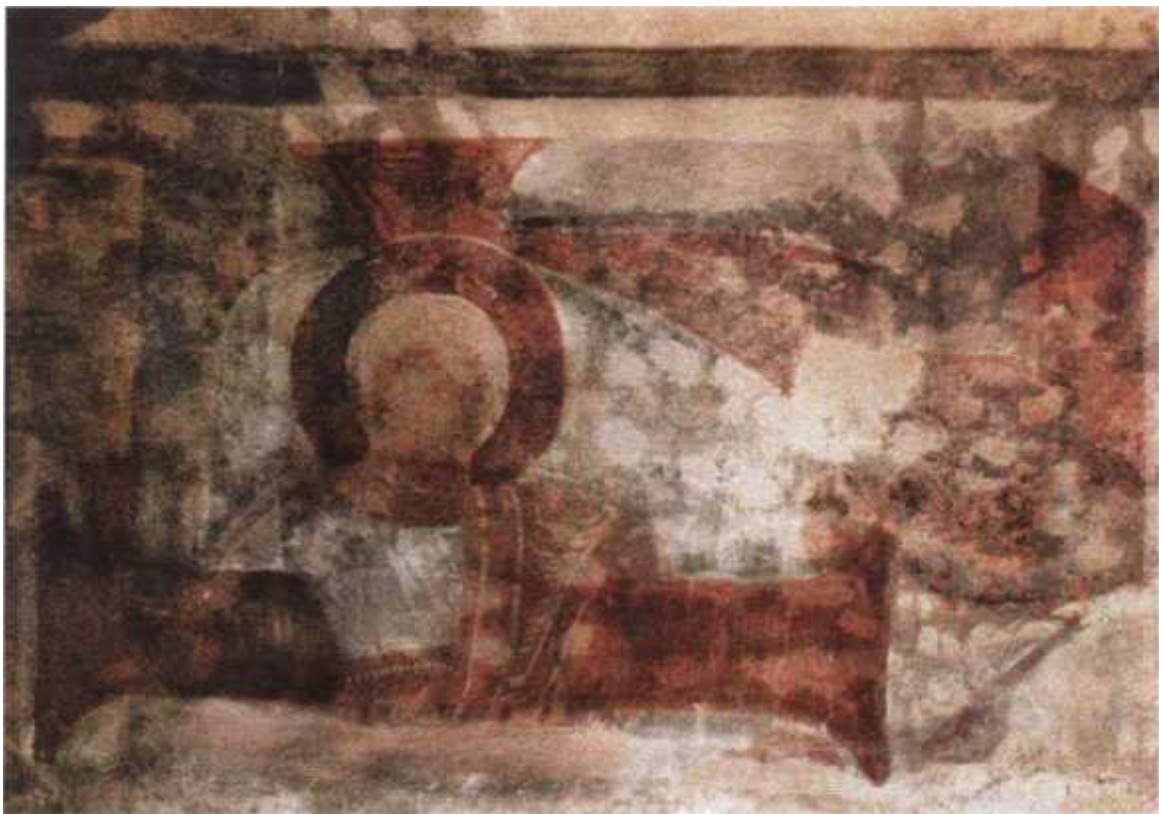

Перечёркнутое начало славянского перевода Деяний
Андрея и Матфия.

Ноябрьская минея, Троице-Сергиева лавра. 1420 г.
Писец Евсевий (РГБ. Ф. 304. /.)

Распятие апостола Андрея.
Миниатюра из Минология Василия II. Ватикан. Начало XI в.

Древнейшее изображение распятия апостола Андрея
из храма в Мюстайре, Швейцария.
Фреска. Около 800 г.

Храм Святых Апостолов.
Миниатюра из Гомилии Иакова Коккиновафского,
Париж. Начало XII в.

Старейшее печатное изображение распятия
апостола Андрея на косом кресте.

Миниатюра Нюрнбергской хроники. 1493 г.

Гробница апостола Андрея в Амальфи, Италия

А перед рассветом разбушевалась буря. Корабль приближался уже к Синопе, которая стоит на глубоко вдавшемся в море мысу, как резкий северо-западный ветер понёс судно сначала на отвесные скалы и прибрежные камни, венчающие Синопский мыс, затем кормчий попытался увести корабль подальше от гавани, чтобы не разбиться о мол и портовые башни, и направил в сторону более пологого берега залива — но тут неимоверно высокая волна опрокинула корабль на правый борт, и, черпая воду, он, к счастью, не затонул, а лёг тем же боком на мель. Тем временем всех мореплавателей бросало из стороны в сторону, многие схватились за мачты и истово молились Господу Иисусу, Божьей Матери и всем святым. Ошалевший Никита Мономах, прижав руки к груди, катался по палубе, не в силах за что-либо уцепиться, — и, ударившись о борт, не удержал своего драгоценного свёртка: тряпица, разворачиваясь, вдруг покатила в противоположную от него сторону, и косточка, которая выскочила из неё, поскакала вверх по накрёнённой палубе, прямо в руки Епифанию.

Епифаний, ничего не понимая и не видя, где верх, где низ, схватил скакавшую на него кость и, зажмурившись, с ещё большей силой уцепился в мачту. Когда он открыл глаза через несколько мгновений, корабль уже лежал на боку. Никиты нигде не было, а на востоке, в лучах восходящего солнца, спокойно и плавно шёл по бушующим волнам высокорослый муж в сияющем хитоне, белая его борода и всклокоченные волосы развевались на ветру.

5. СИНОПСКИЕ ЧУДЕСА

Очнулся Епифаний уже на берегу. Над ним склонился испуганный Иаков:

— Хвала Иисусу, ты жив! Я еле вытащил тебя с этого корабля.

Епифаний почувствовал, что крепко сжимает в руке что-то твёрдое, и тут же вспомнил всё, что с ними приключилось. Разжав руку и облобызав чудом доставшуюся ему косточку, он вдруг воскликнул:

— А наши книги, Иаков?..

— Ещё одно чудо, отче! Даже не намокли. Вот они, в нашей суме.

— Там у нас был ларчик с ладаном. Сложи-ка туда и эти мощи. Да будь поосторожней. — И Епифаний протянул Иакову пятку апостола Андрея.

Оказалось, что корабль выбросило на песчаную отмель милях в трёх от приморского городка Каруса. Прибрежные воды источали диковинную смесь пряных и сладких ароматов, покуда ценный груз ещё не был полностью смыт течением. Вместе с дюжиной спасшихся моряков, — но среди них, увы, не было Георгия, — студиты дошли до Карусы, где нашли приют при церкви Святого Ипатия Гангрского, в которой хранилась его десница. На их расспросы о том, что происходит в соседней Синопе, добрались ли до неё иконоборцы, настоятель, молодой ещё пресвитер Иоанн отвечал:

— Смотря как посмотреть. Епископ-то синопский Павел как был, так и остался на месте, никуда не ссылали его. Но ничего дурного не могу сказать про него...

Итак, в надежде, что в Синопе пока не зверствуют иконоборцы, Епифаний с Иаковом на следующее утро отправились туда и прибыли к вечеру под воскресный день, попав на всенощное бдение в соборе Святого Фоки, где служил епископ. Иконы из собора не убрали, но развесили их по стенам так высоко, что приложиться к ним было совершенно невозможно; на одеяниях же

духовенства и на завесах лики Христа, Богородицы и святых отсутствовали; на ектеньях возносилось имя лжепатриарха Феодота, — так что не шла студитам молитва на ум и сердца их не умилялись божественным песнопениям. Епифаний, словно предчувствуя беду, старался держаться подальше от алтаря, прячась за колонной, но в конце службы услышал знакомый писклявый голосок:

— Вот они! Держите их, изменников государевых! — вопил, тыча пальцем в сторону Епифания, Никита Мономах. — Это беглые иконопоклонники, студиты, святотатцы! Это они навлекли гнев Божий на наш корабль!

Сотни настороженных взглядов устремились на Епифания и Иакова.

— Ловите скорей, а не то убегут! — верещал евнух. — Это ж соглядатаи Никифора, письмоноши, отравители колодцев, пособники сарацин!

Стоявший среди знати военачальник, по важном виду — сам синопский дука, недовольно кивнул своим отрокам, и те нехотя стали протискиваться сквозь ряды прихожан, стараясь добраться до тех, на кого указывал Никита. Но оцепеневшие студиты и не думали бежать.

— Передайте их людям епископа, — приказал дука. — Раз они монахи, пусть он с ними сам и разбирается.

Подхваченные под руки, Епифаний и Иаков были через тёмные переходы выведены из церкви в епископские покои, где под присмотром какого-то глухонемого скифа звериной наружности, по повадкам носильщика, до полуночи дожидались, пока с ними кто-нибудь разберётся. Когда же пришёл епископ Павел, утомлённый, по-видимому, обильной трапезой, он не сразу заметил забившихся в угол черноризцев.

— А, это всё ещё вы? — осмотревшись в келье, удивился он. — Подлец Никита весь вечер не давал мне

покоя из-за вас...

— Не верь ему, господин! — воскликнул Епифаний. — Знал бы ты, каков он был с нами. Ведь задумывал он нечто такое... — Но тут Епифаний умолк.

— Успокойся, брат. Как там тебя звать? Епифаний? Так вот, брат Епифаний, вы же впервые в Сипопе, так? Отвечай епископу, как отцу твоему и наставнику. Вот, — и Павел, отдёрнув занавесь от ниши в стене, зажёл свечой стоявшую в ней лампаду, которая высветила образ Спасителя, — вот святая икона Христа, Господа нашего. Не солги пред нею!

Студиты при виде этого радостно пали на колени.

— Вы ведь ничего не успели тут натворить? — расспрашивал их епископ, позёвывая. — И есть ли на вас какие-либо канонические провинности? Преследуют ли вас власти того города, откуда вы бежите?

Епифаний отрицательно мотал головой.

— Вот и помалкивайте, — строго сказал Павел. — Мономахи в нашем городе люди важные, и очень. Ну, не могу я вас вот так сразу отпустить. А этот Никита, он ещё какое-то время побеснуется, да и успокоится. Уедет, наверное. Он надолго нигде не задерживается. Тогда и вы можете идти, куда вам вздумается. А пока, как бы под охраной, проживёте при церкви Святого апостола Андрея...

— Андрея?! — воскликнул Иаков.

— Да, она на отшибе, за старыми стенами, у моря. Там спокойней. Благослови вас Бог... и пошли уже вон отсюда!

Отцы-монахи Феофаний и Симеон, клирики Андреевской церкви, хотя и были разбужены посреди ночи незванными гостями, которых они спросонья приняли за пучеглазых бесов, в итоге сердечно им обрадовались — и наутро Епифаний уже сослужил им обедню. Феофанию было далеко за семьдесят, и он хорошо помнил времена первого иконоборчества.

Разоблачаясь после службы, он указал Епифанию на прислонённую к стене алтаря высокую мраморную доску, на которой в полный рост был изображён апостол Андрей:

— А при царе Навознике, при Лошаднике этом Константине, пришли сюда — тогда икона эта стояла ещё перед алтарём — пришли сюда палачи иконные и начали образ святой стёсывать... Прости, брат Епифаний, я до сих пор не могу без слёз вспоминать это... Так вот, стёсывали они, стёсывали — и отнялись у них руки по молитве Афанасия, тогдашнего настоятеля, по произволению блаженного апостола. Отнялись руки у них, и выронили они на пол свои топоры. А отец Афанасий сказал им: «Уходите прочь, нечестивцы!» И они ушли и не вернулись больше. Зато теперь другие пришли, сказали, чтоб мы припрятали святые иконы.

— Хотя бы не порубили, — вздохнул Епифаний. — Я же своими глазами видел, как один из светочей Церкви, благочестивейший архипастырь, разбивал лик Пресвятой Богородицы!

— А вернулась Она потом на место, Богородица?

— Как же Ей вернуться, если подчистую выбили всю мозаику из стены!

Лицо Феофания просияло, и он выпалил:

— А наш-то апостол Андрей, он вернулся! Смотри сам: каждая чёточка на месте. Глаза прямо в душу тебе направил. Волосы дыбом, аж светятся. Исцеления же творит чудесные, каждый месяц по несколько исцелений.

Присмотревшись к иконе, Епифаний в ужасе отпрянул: на него пристально глядел тот высокорослый муж в сияющем хитоне, который ходил по водам, когда их корабль терпел крушение.

— Моли о спасении душ наших, апостоле святой, — прошептал Феофаний и приложился к ноге Андрея, яркими красками выписанной на мраморе. — Моли о

помиловании нас многогрешных, спутешествуй нам в странствиях наших и не оставляй нас в злключениях наших, как не оставил ты соапостола своего Матфия, когда случилось ему учить в Городе людоедов.

Епифаний затряс старого пресвитера за плечи:

— Опомнись, отче! Каких ещё людоедов вы тут себе, синопцы-пальцееды, навоображали?! Верите детским сказкам?..

Феофаний на удивление спокойно ответил:

— Видишь сию икону? А ведь написана она при жизни блаженного и всехвального Андрея Первозванного, апостола Христова, прямо с него и написана, прямо в нашем городе, ибо Синопа — это и есть тот самый Город людоедов. Такие у нас в те времена жестокие были жители!

— Как же так... — затих студийский гость, так убедителен и твёрд в своей вере оказался Феофаний. — А я только несмыслёным мальчишкой думал, что всё это может быть правдой...

— Истинная правда, — подтвердил Феофаний. — Кое-что, конечно, со временем к этой истории присочинили, но в целом так оно всё и было. Хочешь, я покажу тебе сиденья апостолов Петра и Андрея и каменные их лежа? Бери с собой брата Иакова, пройдемся-ка вдоль берега в сторону мыса.

И Феофаний с Симеоном повели студитов по северному склону Синопского полуострова, отделённого от материка столь узкой полоской земли (на которой и располагался сам город, чудом уместившись на ней), что казался он островом, диким, гористым, поросшим дремучим лесом, с крутыми скальными обрывами.

— А правда ли, — расспрашивал по пути своих провожатых Епифаний, — что прибыл сюда святой апостол Андрей из Амасии? Так написано в «Деяниях» его и Матфия в Городе людоедов, да ещё в одной старинной книге...

— От Амасии до нас, — отвечал Симеон, — по горным дорогам дней шесть ходу. Вряд ли апостолы (а их сначала двое братьев было: Андрей и Пётр) пришли сюда сушей. Думаю, морем.

— Всё-то ты напутаешь, — возразил ему Феофаний. — С братом Петром, и Матфием, и другими апостолами святой Андрей приходил в Синопу первый раз. Тогда шли они из Анкиры Галатской, это ещё дальше, чем Амасия, недели две идти, через Гангру, потом Мерзифон, вниз по большой реке, иначе не обогнуть горный хребет, а это уже недалеко от Амасии, потому, наверное, и напутали в твоей старинной книге.

— А второй раз? — спросил Епифаний, которому мысль о нескольких путешествиях Андрея, а не об одном, как в «Деяниях», нравилась больше.

— Второй раз он уже сюда один вернулся, морем, из Амастриды, Гераклеи, с вашей стороны, одним словом. А сначала остановились апостолы не в самом городе, а как раз на этом краю, куда мы идём сейчас, но подальше, прямо на мысу, чтобы не добрались до них жестокие синопцы. Варварами и дикарями они были в те времена, потому и прослыли людоедами.

— И иудеев было много, — добавил Симеон.

— Да, пожалуй, сплошь одни иудеи тут и жили, — согласился с ним Феофаний. — Злые, жадные христопродавцы, сущие иконоборцы, и пребывали во тьме разных лжеучений, занимались волхованием и вызыванием бесов. И те самые бесы как услышали, что пришли к ним святые апостолы, воскликнули в ужасе: «Ученики Иисусовы пришли изгнать нас отсюда!» И услышали о том в городе, и стали приходить к апостолам. Много людей пришло туда, принесли бесноватых и неизлечимых больных. А апостолы вышли к народу и воззвали к ним: «Мужи синопские, зачем же вы, евреи, держитесь разных лжеучений и не следуете закону Моисееву? Почему не веруете во всё то, что

написал он и передал? Ведь именно это мы и проповедуем, ибо Пророка, Который, как говорите вы, восстанет, мы видели сами, а после совместной трапезы послал Он нас в мир проповедать во имя Его покаяние и оставление грехов, удерживаться от всякого легкомыслия и крестить всех во имя Его». Этими и многими другими словами святые апостолы укрепили и просветили народ, иудеев и язычников, возложили руки свои на тех, кто обещал пребывать в вере, и исцелили множество болящих, и отпустили тех с миром. Многих же из собравшихся крестили они во имя Отца и Сына и Святого Духа и преподали им божественных Христовых таинств.

Симеон перебил Феофания:

— Мы почти на месте. Только сейчас спуститься надо, под ноги смотрите. — И повёл вниз по крутой тропке вдоль края обрыва, из-под ног сыпался мелкий щебень, а Иаков, поскользнувшись, схватился за липкий фисташковый куст.

— Осторожней, — поддержал его за руку Симеон, — отсюда прямо в море можно скатиться, на скалы налететь... Сверху не видно, но у самого берега есть целая фиговая роща и пещера: там потом прятались апостолы от разгневанных синопцев. Но об этом пусть отец Феофаний дальше рассказывает.

— Так оно и было, — кивнул Феофаний. — Апостол Матфий спустился зачем-то в город, а иудеи схватили его, как вы, конечно, знаете, и бросили в темницу на три дня, чтобы потом убить его. Я вам потом, когда вернёмся в город, покажу эту темницу: там до сих пор держат воров и убийц, а тогда христиан в ней томили. Так вот, Андрей, возжелав спасти своего соапостола, спустился ночью с горы, пришёл в темницу, причём ворота города и тюрьма сами собой открылись перед ним. Вывел он оттуда Матфия и заключённых вместе с ним, которые

уверовали во Христа, и спрятал он их на семь дней вне города, вот именно здесь — поглядите.

Епифаний и Иаков огляделись: действительно, в укромном ущелье, спускавшемся к морю, располагалась довольно большая и труднопроходимая роща смоковниц, домашних и диких, которые уже начали плодоносить, а вглубь рощи вела хорошо протоптанная тропа. Пройдя по ней, монахи очутились у входа в просторный и светлый грот, в котором прямо в скале были выбиты два седалища и два ложа, и, указывая на них, Феофаний объявил:

— Вот они, престолы святых апостолов Петра и Андрея. Тот, что с запада, — Петров, восточный — Андреев. Ибо разделили два брата между собой весь мир пополам, как разделён он ныне между Первым и Вторым Римом. Сидя же здесь на своих престолах, учили апостолы неразумных синопцев, которые с каждым днём просвещались светом Христовой истины. И так оглашал их Андрей в течение семи дней, а затем крестил их ночью на берегу моря, а на восьмой смыл с них святое миро и отпустил восвояси. Но перед этим призвал их и стал увещевать такими словами: «Чада мои, лжеучений скифских избегайте, с язычниками не смешивайтесь на идольских трапезах, иудеям не внимайте. Ведь избрал же вас Бог, единый Святой, Благий и Человеколюбивый, и отметил вас именем и крещением Сына Своего Иисуса Христа, ибо водой и духом возрождены вы от смерти. Это значит, покрестил я вас во имя Отца и Сына и Святого Духа. Всего-то у нас Он один — Бог на небе, на земле и во всех безднах, и Ему одному поклоняйтесь и Ему одному служите, а закон Моисеев держите и храните твёрдо, и Бог мира будет с вами». И только тогда он их отпустил, а сам взял с собой Матфия и пошёл напрямик на восток, в Амис. Там вам тоже расскажут много чего о святом Андрее, если пойдёте мимо.

Вернувшись в город после посещения апостольской рощи, Епифаний сразу полез в свою суму с книгами, чтобы сравнить рассказ синопцев с тем, что было написано в «Деяниях Андрея», — и постигло его большое разочарование, потому что не совпадало в этих двух историях ни единого слова.

— Послушай, брат Иаков, — сказал он, — что написано о Синопе в той книге, что ты вынес из Патриаршей библиотеки:

«Был у знатного синопца Гратина малолетний сын, и, когда мылся тот в женской бане, то был тяжело, до потери сознания, поражён банным бесом — вот что значит потакание плотским слабостям, вот к чему ведёт языческая изнеженность и невоздержанность, особенно в столь густонаселённых бесами местах, как бани, изобретение дьявольское».

Иаков хмыкнул в недоумении. А Епифаний продолжал читать:

«И послал Гратин письмо к правителю Амасии, в котором просил, чтобы тот умолил Андрея приехать к нему в Синопу. Но и сам, охваченный лихорадкой, он тяжело заболел, а жена его распухла от водянки: раздулся у неё живот, как у беременной, но вместо младенца была во чреве одна вода. Тогда по просьбе правителя Андрей, сев на повозку, приехал в этот город. И когда он вступил в дом Гратина, злой дух начал трясти мальчика, и тот вскочил и бросился к ногам апостола. Он же, прикрикнув на него, сказал: «Изыди вон, враг рода человеческого, из слугителя Божия», — и тотчас же вышел из того бес с диким воплем. Подойдя к постели мужа, сказал ему Андрей: «На самом деле потому ты так тяжело заболел, что, оставив супружеское ложе, и без того скверное и нечистое, совокупился с любовницей. Встань во имя Господа Иисуса Христа, будь здоров и больше не греши, чтобы не впасть в худшую болезнь». И тот немедленно исцелился.

А жене Андрей сказал: «Совратила тебя, о блудливая женщина, похоть очей, так что, оставив супруга, сходилась ты беспорядочно с другими мужчинами и даже с животными». И добавил затем: «Господи Иисусе Христе, молю Твоё милостивое милосердие, услышь раба Своего и сделай так, чтобы женщина эта, если вновь обратится к своей грязной похоти, в которой она прежде жила, то не исцелилась вовеки. А если знаешь Ты,

Господи, Чьему могуществу известно даже будущее, что она действительно сможет удержаться от этой гнусности, то пусть исцелится с Твоей помощью». Когда он произнёс это, прорвалась у неё промежность и хлынула из неё вода, и вся вышла, и исцелилась женщина вместе со своим мужем.

А блаженный апостол разломил хлеб и дал ей, чтобы укрепить её силы. Она с благодарностью его приняла и уверовала в Господа вместе со всем своим домом. И запретил Андрей им обоим иметь между собою впредь телесные сношения, дабы жили с того дня в чистоте и воздержании, гнушаясь всего плотского, и дабы сына своего научили тому же. И никогда больше не прикасались они друг ко другу.

Послал затем Гратин множество даров святому апостолу через своих слуг, а позже последовал и сам со своею женой. И распростёршись перед ним, они просили его принять их дары. Но сказал он им: «Не принять их мне следует, любезнейшие, но скорее вам — раздать их нуждающимся». И не принял он ничего из того, что они ему принесли».

— Как тебе, брат Иаков, такие речи апостола?

Подумав, Иаков ответил:

— По мне, хоть и монах я, так ни за что бы святой апостол Андрей не наговорил подобного мужу и жене, не запретил бы им законное брачное общение. Наоборот, исцелив грех, он бы их благословил на спасительное

супружество, подобно тому как Господь наш Иисус благословил брак в Кане Галилейской. Вот что я думаю.

— Правильно говоришь, Иаков. Очень уж сомнительная эта книга — «Деяния Андрея». Недаром предостерегал нас библиотекарь Фома, что не следует читать её мирянам, да и духовенство она в большой соблазн вводит... То, что рассказал нам Феофаний, больше похоже на правду. Именно его историю ты запиши. А «Деяния» даже не упоминай, Христа ради, тем более здесь написано, что в Синопу Андрей прибыл из Амасии. А в Амасии произошли с ним ещё более соблазнительные события, о которых никак невозможно рассказать в житии. Вот послушай снова:

«Пришёл Андрей в Амасию. И когда он прогуливался со своими учениками, обратился к нему один слепой: «Андрей, апостол Христов, я знаю, что ты можешь вернуть мне зрение, но не хочу получать его, пока не упрошу тебя приказать тем, кто с тобою, собрать для меня деньги, на которые я купил бы достаточно одежды и пищи». Блаженный Андрей отвечает ему: «Я уверен, что не человека это голос, но самого дьявола, который не даёт этому человеку получить зрение». И, наклонившись к слепцу, коснулся Андрей его глаз, и тот сразу же увидел свет и прославил Бога. А поскольку на нём было простое и грубое платье, то апостол сказал: «Снимите с него ветхие одежды и дайте ему новое платье». И таким вот образом, получив одежду, он с благодарностью вернулся к себе домой».

— И что же здесь соблазнительного? — спросил Иаков.

— Пока ничего. Но слушай дальше:

«У Димитрия, первого человека в Амасии, был молодой египетский раб, которого он особенно любил, живя с ним в постыдной связи. Но из-за лихорадки тот испустил дух. Затем, услышав о тех знамениях, которые творил блаженный апостол, он пришёл к нему и, припав

со слезами к его стопам, сказал: «Я уверен, что нет для тебя ничего трудного, служитель Божий. Ибо вот мой раб, которого я особенно любил, лежит мёртвый, и я молю тебя прийти ко мне домой и вернуть его мне». Услышал это блаженный апостол и, хотя был разгневан на его греховную страсть, посочувствовал его рыданиям, пришёл в дом, где лежал тот раб, и после весьма долгой проповеди о том, что спасительно для народа, повернувшись к погребальным носилкам, сказал: «Тебе говорю, отрок, во имя Иисуса Христа, сына Божия, поднимись и встань здоровым!» И тотчас воскрес египетский раб, и вернул Андрей его господину. Тогда все, кто был прежде неверующим, уверовали в Бога и были крещены святым апостолом. А блаженный Андрей строго-настрого запретил Димитрию не только блудить с мальчиками, но и с супругой своей вступать в смешение, предсказав, что родятся от этого одни только змеи и крокодилы, ибо любовник его был египтянином, а египетские бесы — самые злые из бесов».

— И снова, — воскликнул Иаков, — Андрей осуждает законный брак! Быть того не может, отче!

— А ты дальше послушай. Дальше ещё более дикая история:

«Некий юноша-христианин, по имени Сострат, тайком пришёл к блаженному Андрею со словами: «Вот собрался я жениться на доброй девушке, также христианке, но моя мать соблазнилась красотой моего лица и непрерывно преследует меня, дабы я сожительствовал с ней. Я бежал этого, осуждая, как нечестие. Она же, движимая гневом, пришла к правителю города, чтобы переложить свою вину на меня. И я знаю, что буду осуждён, так как ничего на это не отвечу, ведь считаю, что лучше потерять жизнь, чем открыть грех матери. Теперь же я доверяю тебе это, дабы ты удостоил меня молитвы ко Господу о том, чтобы сохраниться мне невинным в нынешней жизни».

Как только сказал он это, явились слуги правителя, требуя его на суд. Блаженный апостол, сотворив молитву, поднялся и отправился вместе с юношей, наставляя его: «О неразумное чадо! Разве не понял ты, что за похоть твою к невесте послал тебе Господь испытание в виде матери, возжаждавшей мерзкого кровосмешения? Разве не знаешь ты, что недостойно христианину вступать в брак, поддавшись нечистым помыслам?»

Устыдился тогда юноша и горько заплакал, а мать его непрестанно нападала на него пред лицом правителя со словами: «Он, господин, забыв о чувстве почтения к матери, бесстыдно набросился на меня, так что я едва смогла вырваться, ибо хотел он меня изнасиловать». Правитель же спросил его: «Скажи, юноша, верно ли то, что рассказывает твоя мать?» Но тот молчал. Снова и снова спрашивал правитель, а тот не отвечал. Поскольку же продолжал он молчать, то правитель устроил совет со своими людьми, что ему делать, а мать юноши не переставала рыдать.

И говорит ей блаженный Андрей: «О несчастная, что проливаешь ты горькие слёзы о своём бесчестии, в которое ты хотела вовлечь собственного сына! Ведь это развращённость твоя довела тебя до того, что, разжигаемая похотью, ты не боишься потерять единственного сына». После этих слов сказала женщина правителю: «Послушай, господин, после того как мой сын захотел совершить это, он пристал к этому человеку и не разлучается с ним. Не ждите от него ничего доброго!» Правитель же пришёл от этого в ярость, приказал палачам связать юношу, засунуть в мешок и бросить в реку, а Андрея отвести в темницу, пока он не выдумал казнь пострашнее, чтобы и его погубить.

Но по молитве блаженного апостола случилось вдруг сильное землетрясение с ужасным громом, и правитель рухнул со своего кресла, а все попадали на землю. Мать

же бедного юноши, поражённая гневом Божиим, иссохла и умерла в мучениях. Тогда правитель города, распростёршись у ног святого апостола, говорит ему: «Помилуй погибающих, служитель Божий, дабы не поглотила нас земля». И по молитве апостола землетрясение немедленно прекратилось, и молнии с громами также стихли. Сам обойдя тех, кто лежал в смятении, он всех поднял в целости и сохранности. А правитель, приняв слово Божие, уверовал в Господа вместе со всем своим домом, и крестил их апостол Божий. Юноша же Сострат с невестой своей стал жить как брат и сестра, и творили они в своём городе дела милосердия».

— И что же, — спросил Иаков после всего услышанного от своего наставника, — нам придётся теперь идти в Амасию, чтобы узнать, где правда?

— Конечно нет. Амасию мы, пожалуй, совсем исключим из жития святого Андрея, потому-то идти туда самим не вижу никаких причин. Нам же нужно в Таврику, отсюда ходят суда до Херсона, а там придётся искать брата покойного нашего Фаддея Скифянина. Недаром ведь говорят, что и апостол Андрей учил скифов. Ведь это он нас туда направляет! Только бы скорее вырваться из Синопы, хотя тех же синопцев некоторые называют «скифами»...

Но в Синопе студитам пришлось пробыть ещё почти семь месяцев, без разрешения епископа и дуки никто не решался брать их собой на борт, и только к Рождеству рассерженный Никита Мономах покинул город, но было уже слишком поздно: выходить в море в это время года было опасно, на Понте, с северной стороны, каждый день вздымались волны до небес, и казалось, что они смывают весь город, в южной же части, где была гавань, море волновалось чуть меньше, но никто даже и не думал о том, чтобы отправиться в плавание хотя бы в

соседний город, так что и до близлежащей Карусы все добирались по суше.

— Идите, братья, вдоль берега, — советовал гостям Симеон. — Посетите Амис, место, как известно, чрезвычайно приятное, вовсе не противное, и, как у нас говорят, такое желанное место, что его каждый бы с-а-ам и съ-ел бы. Вот как забавно говорят у нас про этот Амис!

Старый Феофаний поддакнул:

— И встретят вас там хорошо. Амисцы народ гостеприимный, до самого Трапезунта проводят, а я записку с вами передам пресвитеру Макарию из церкви Пресвятой Богородицы, которую тоже святой апостол Андрей заложил. В Трапезунте сейчас запустение, но много армян и встречаются иверийцы, они вас могут через свою Иверию вывести в Скифию, а где-то там ваша Таврика и есть.

— Иверия так Иверия, — согласился Епифаний. — Там-то точно никакого иконоборчества нет, туда власть нашего безбожного василевса не распространяется.

После целого дневного перехода (а шли они вдоль берега моря) Епифаний с Иаковом остановились на несколько дней в Залике, или Леонтополе, где был даже свой епископ, но настолько старый, что иконоборцы с ним ничего не смогли сделать, да чем дальше на восток, тем слабее ощущалось иконоборческое влияние: в Амисе даже икон в главном соборе никто не прятал, а всё иконоборчество сводилось лишь к тому, что местные чиновники и епископ убрали со своих печатей изображения святых. Кроме того, амисцы оказались действительно гостеприимны, и радостно было пребывание с ними до Богоявления. Епифаний, собравшись с мыслями и вспомнив все рассказы синопцев, успел записать историю второго путешествия апостола Андрея в Синопу, но людоедов пришлось

заменить на иудеев, благо там до сих пор сохранялась небольшая их община.

«Войдя в город, — диктовал Епифаний Иакову, — Андрей нашёл там немногих учеников и остался у них. А город полон одних иудеев. Услышав, что прибыл Андрей, открывший тюрьму и выведший узников, они собрались вместе, напали на него и хотели даже дом его поджечь и, вытащив Андрея на улицу, стали, словно собаки, кусать его плоть и побивали камнями. И один из них так укусил его за палец на руке, что палец оказался начисто отгрызен: и по сей день зовутся синопцы пальцеедами. Протащив Андрея на виду у всех через весь город, избивая, швыряя камнями, не переставая кусать его, они, наконец, бросили его полумёртвое тело вне города. Тотчас явился ему Господь со словами: «Встань, ученик Мой, войди к ним и не бойся их, ведь Я с тобою», — и восстановил его палец здоровым.

И вот, укреплённый, Андрей, встал и вошёл в город. Увидев его, жители изумились и, уразумев его терпение и кротость и то, как он утешает их, сокрушились, начали слушать его и, услышав его учение, поразились. Ибо, поднявшись на возвышение в центре города, сказал он им: «Мужи синопские, я вижу, что вы во всём испытаны и мудры. Так зачем господствует над вами гнев? Я пришёл утешить вас, а не порицать, исцелить немощных, проповедать слово жизни. И если вы хотите войти вместе в единую веру, которую передали Авраам, Исаак и Иаков, Моисей и все пророки (а я вижу, что вы сведущи в них), то я не прибавлю ничего к тому, что они сказали: я проповедую закон Моисеев и пророков. Предпророчества исполнились, Христос пришёл, истина явилась, о чём свидетельствуют знамения». Он толковал им Писания и подтвердил все свои слова примерами из Писаний, и приняли они слово Христово, собираясь во множестве с утра и принося немощных, которых Андрей, возлагая руку, всех исцелил призыванием Христа. Когда

же посреди города был найден убитый человек и искали убийцу, а жена его рыдала и собрался народ, то Андрей пришёл на зов и, помолившись, воскресил его призыванием Христа. Тогда многие уверовали в Господа. Когда слово Божие так умножилось и распространилось, он рукоположил из них пресвитеров и диаконов, передав им всё предание и церковное устройство.

Прожив там семь месяцев, он вышел, двигаясь вдоль побережья, и, придя в Залик, пробыл там несколько дней. Услышав об этом, амисцы заранее встретили его с радостными приветствиями и отвели к себе в гости. А из Амиса его проводили в Трапезунт. Люди же там неразумны: только некоторые восприняли слово Божие. И, вернувшись немного назад, в сторону Амиса, пошёл он затем на юг, в Неокесарию, и после того, как он проповедал слово Евангельское тамошним жителям, лишь немногие приняли его.

Выйдя оттуда, пошёл он ещё дальше, поднялся в большой парфянский город Самосату, и там многочисленные языческие философы стали возражать Андрею. Но сказал он им: «Уразумейте сами ничтожность ваших богов, так как враждуют они друг с другом, а всё враждующее друг с другом — тленно. Единый же Бог, будучи благ, производит лишь блага. Уразумейте, кто сотворил и объединил стихии и из них составил всю земную тварь. Уразумейте ход светил и звёзд и то, кто устроил их непрерывный и равный ход, так как они бездушны и движутся не сами по себе и так как многоначальное неустроенно и несостоятельно. Примите благой путь посредством закона Моисеева, так как он дарует мир держащимся его; примите пророков, так как истине и мирной и вечной жизни учат они и Тот Христос, Которого они возвестили, ибо Он есть Жизнодавец. Смотрите и слушайте, как Его именем мёртвые воскрешаются, а бесы и страдания изгоняются прочь». Проведя среди самосатцев много дней и

наставив многих, он оставил их и поднялся к Пасхе в Иерусалим».

Оказавшись в трапезунтском порту, зажато в узком ущелье у гавани двумя речными рукавами, а потому заболоченном и грязном, наполненном разноречивыми восточными варварами, православными и еретиками, Епифаний стал ощущать, что приближается к самому краю земли, но горы над городом вздымались всё выше и выше, а за ними были ещё более высокие горы, а там наверняка жили люди, неведомые и страшные — пусть не иконоборцы вовсе, но Епифанию не хотелось отдаляться от берега, чтобы случайно не столкнуться с ними. Но и здесь ступала нога святого апостола Андрея, не убоаясь он тех диких людей, неся им слово Христово, — и Епифаний изо всех сил старался следовать ему. Остановившись на неделю в Трапезуите, перед дальней дорогой в Иверию, он решил запечатлеть рассказы жителей Амиса об Андрее, который, по всей видимости, посетил тот город ещё в первое своё путешествие, вместе с Петром и Матфием. Несколько пергаменных тетрадей с этими и всеми другими рассказами, чётко и аккуратно записанными Иаковом, Епифаний оставил на сохранение в монастыре Святого Евгения, с тем чтобы, если он не вернётся сюда в течение года, они были отправлены в Никомидию, в странноприимный дом спафария Иакова, а тот уже разберётся, жив Епифаний или нет и что дальше делать с его рукописями. А частицу мощей апостола Андрея и свиток с сомнительными, но прелюбопытнейшими «Деяниями» студиты взяли с собой: монахи были уверены, что они сохранят их от бед в полном лишений пути, и если угодно будет Первозванному апостолу, чтобы вернулись эти чудом доставшиеся им предметы в Константинополь, то и сами монахи вернутся туда в целости и сохранности; а если нет — на то и воля Божия, спорить с которой никак невозможно.

Вот что заключалось в одной из тех пергаменных тетрадей:

«Расстались друг с другом Андрей и Пётр, Андрей же, выйдя из Синопы вместе с учениками и Матфием, отправился в приморский город Амис и вошёл к некоему иудею Дометиану, а в субботу пошёл с ним в синагогу. Местные жители же — люди простые и добрые, держащиеся многих вер, иудеи и язычники, незлобивые по природе, гостеприимные и любящие добро, а место это поистине неотвратительное, богатое оливками и всяческими плодами.

Когда же Андрей вместе с учениками вошёл в синагогу, стали расспрашивать их, откуда они и что у них за учение. И говорит им Андрей: «Иисуса Галилеянина мы ученики: вы, конечно, слышали вышедшую из Иерусалима весть о Христе». Присутствовали там иродиане и отвечают: «Об Иисусе-то мы слышали, но Христом считаем царя Ирода, который, низвергнув Гиркана, возложил на себя первосвященство и венец, и воздвиг он также множество трофеев». Андрей же говорит им: «Ирод ваш был иноплеменник, сын Антипатра, раба аскалонского жреца. Ирод был кровожадным детоубийцей и женоубийцей, мужем кровей и женолюбцем. Не был он иудеем, а ведь о колене Иуды возвещали пророки». Возразили ему другие и сказали, что из колена Иуды был Иоанн, сын первосвященника Захарии.

Тогда Андрей сказал: «Мужи братья, послушайте меня. Я первый ученик Иоанна; сперва учился я у Иоанна вместе с другими. Проповедуя крещение покаяния, увидел как-то Иоанн Иисуса, идущего к нему, и, указывая перстом, сказал об Иисусе: 'Вот Агнец Божий, Который берёт на Себя грех мира'. Сказал он тогда Иисусу: 'Это мне надобно креститься от Тебя, и Ты ли приходишь ко мне?' И свидетельствовал Иоанн об Иисусе, что, мол, видел я Духа, сходящего и

пребывающего на Нём; я не знал Его, но Пославший меня крестить сказал мне: 'На Кого увидишь Духа сходящего и пребывающего на Нём, Тот есть Сын Бога Живого'. Услышав это от Иоанна, я, Андрей, оставил его и три года следовал за Иисусом, и превыше чудес Моисеевых сотворил перед нами Иисус. Но согласно предсказанному о Нём пророками, первосвященники позавидовали и предали Его Пилату, игемону Иудеи, и распяли Его, а Пилат умыл свои руки, как невинный. А после того как положили Его в новом гробу, Он на третий день перед рассветом воскрес и являлся нам в Галилее в течение сорока дней и заповедал нам проповедать покаяние и оставление грехов во имя Его всем народам, отпуская прегрешения и крестя их чистой водой во имя Отца и Сына и Святого Духа в наследников Небесного Царства. И на наших глазах взошёл Он на небо и сел одесную Бога, и Он должен прийти судить живых и мёртвых по заповедям Своим».

Выйдя из синагоги, увидел Андрей кругом большую толпу — тех, кто нёс больных и обуреваемых нечистыми духами, которые и закричали, что, дескать, «ученики Иисуса Галилеянина пришли изгнать нас». И люди припадали к нему, взывая: «Помилуй нас, слугитель Божий! Через тебя же да помилует нас Бог». Андрей, взобравшись на высокий камень и потрясши рукой, успокоил их и сам начал говорить: «Мужи, имеющие уши слышать, услышьте слово жизни; услышьте, внимлите и уверуйте, чтобы жить жизнью бессмертной. Отступите от множества своих учений и, уверовав, обратитесь к единому Богу, Живому и Истинному, Богу евреев. Ведь Он Единый, Истинный и Благой Создатель всякой твари, Испытующий сердца и утробы каждого человека, Знающий всё прежде происхождения его, как Творец всего. К Нему одному, взирая на небо, припадайте вечером, утром и в полдень, Ему одному приносите жертву хваления и благодарите, удерживаясь от того,

что вы сами ненавидите, как то: 'Не хочешь лишиться — не кради; не хочешь быть обижен — не обижай; не хочешь, чтобы жена твоя блудила, — не делай этого с чужой'. Что вы ненавидите, того другим не делайте. Являйте дела покаяния: милость к рабам и чужестранцам, простую любовь ко всем, бесхитростность и незлопамятность, послушание благому. И если вы исполните сказанное мною, то и от болезней и бесовского вреда избавитесь, и в мире проведёте остаток дней своих. Теперь ступайте и соберитесь завтра, чтобы и исцеления сподобиться, и душою просветиться». И отпустил их восвояси.

А сам, войдя с учениками в дом, поел и отдохнул. Было же с ним восемь учеников: Фаддей и Матфий, Тихик и Астахий, Еводий и Симон, Агапит и Дометий, хозяин того дома. Приносили им амисцы много денег и пожертвований, но Андрей всё раздавал нищим и основывал церкви и нищепитательницы. Сами же они ходили в одном хитоне и босые, без сандалий, питаясь раз в день хлебом, водой и овощами и довольствуясь сном на голой земле.

Когда же на следующий день собрался народ, вышел Андрей на уступ, чтобы видно его было всем (впрочем, ростом он был не мал, но, напротив, велик, хотя и немного согбен, носат и броваст) — и говорит: «Отделите беснующихся на одну сторону». Когда это было сделано, бесы зашумели. Но Андрей, обратившись к ним, приказал: «Умолкните!» — и те тотчас затихли. Сказал он тогда народу: «Мир вам, братия!» — а они ему в ответ: «И с тобою!»

И начал он кротко проповедовать: «Один Бог, Безначальный, Вечный и Благой, Создатель всей твари, небесных, земных и преисподних. Он один устроил небеса и землю, Он один сотворил десять чинов ангельских: будучи светом — светлыми, будучи огнём — огнегорящими, будучи благим — благими, незлобивыми,

разумными, самовластными и песнословящими, не лишёнными никакого блага. Ведь ни маслина не приносит смоквы, ни огонь — воду, ни свет — тьму. Один же из десяти чинов, предводитель своего чина, не вынеся обилия таких благ, добровольно, как самовластный, обратился ко злу и вместо светлого стал тёмным, вместо благого — злым, вместо благоухания превратился в зловоние, вместо чистого и святого — нечистым и бесчестным. И пусть не говорит никто, что будто с самого начала существовала тьма, ведь Бог — свет вечный, безначальный, а тьма — это всего лишь затенение света. Если прежде небесного места не было ничего, производящего тень, то как могла сама по себе возникнуть тьма? А диавол, ожесточившись против Творца, не желая петь вместе с остальными и добровольно замолчав, лишился божественного света и вместо многих благ стал виновником многих зол, обманщиком и лжецом. Тогда после отпадения его вместе с его присными решил Благой Бог и Создатель сотворить вместо него человека по Своему образу и подобию: самовластного, световидного, мудрого, предведающего, пророчествующего, незлокозненного, благого, песнословящего, господина сущих на земле, таинника небесных, нетленного и бессмертного. Тогда лукавый сатана, увидев, что человек так почтён Создателем вместо него, позавидовал тому и поспешил совратить его. А Благой Бог, зная злокозненность лукавого и то, что человек самовластен и прост, дал ему в подкрепление и как жезл помощи древо снеди, сказав: 'Всего на свете ты господин, лишь этого одного не касайся, и тогда точно не умрёшь, не соблазнишься и никогда не удалишься от Меня, ибо это — смерть'. А дьявол знал, что человек должен родить нетленный плод и что если он прельстит первого, то второй спасётся нетленным, и поспешил, чтобы тот, прежде чем родит, по гордости ослушался Сотворившего его Бога, и

прельстил жену, а жена — мужа. Вкусив от того древа, лишились они множества благ, Бога и ангельской беседы и, обнажившись, познали свой срам и смерть. И родили сына ослушания — Каина, который проявил в себе коварный замысел диавола. А родился Каин неблагодарным, лукавым, завистливым, лживым, несправедливым, ненасытным человеконенавистником, братоубийцей, гневливым виновником всех зол, от которых я призываю вас отступить. И когда умножились люди, он стал учить их делать подобное. И не ограничившись этим, лукавый научил их идолослужению, вплоть до сего дня отвратив их от служения Богу Творцу; научил также почитать своих бесов, так что обитает в них, как в собственных рабах, и вносит всякую немощь. Итак, если оставите вы идолов, гнусные пиршества и свои нечестивые деяния и уверуете в Сотворившего вас Бога, то и от болезней вы избавитесь, и бесы убегут от вас, и водой святого крещения омоетесь вы от своих древних скверн и станете сопричастниками небесных ангелов».

Сказав это, Андрей велел толпе подойти к нему и, возложив на каждого руку, исцелил всех недужных, бесов же, лишь грозно сверкнув очами, изгнал вон, а прокажённых, омыв чистой водою, сделал здоровыми, как малое дитя. Возлагая руки на хромым, сухим, увечным, кривым, согбенным, расслабленным и разбитым, всех он их избавил от страданий.

А люди, видя, что апостолы скромны, худы, бледны, не обуты в сандалии, одеты в один хитон и говорят богодухновенные речи, даруют исцеления и совершают воспевание Бога вечером, утром и каждый час, поражались и не хотели отступать от них. И каждый день прилагались верующие ко Господу, множество мужей и жён. Андрей велел своим ученикам оглашать народ, а сам с двумя учениками ходил по окрестным сёлам к тем, кто не мог прийти к нему. Огласив их в

течение многих дней, они крестили великое множество людей, и даже из начальствующих многие веровали и крестились, ведь тогдашние императоры Тиберий, Гай, Клавдий и Нерон (до двенадцатого года своего царствования) не препятствовали вере Христовой, но и из благородных женщин, и из иудеек многие уверовали и крестились.

Андрей же, крестив их во имя Отца и Сына и Святого Духа, освятил престол и храм Святой Богородицы (и по сей день он виден всем), рукоположил многих из амисцев в пресвитеры и дьяконы, а Дометиана — во епископы. И случилась великая радость в этом городе, ведь преподавал им Андрей божественных Христовых Таинств и передал литургию и чин псалмопения: собираться вечером и утром, преклонять колени на восток и, став так, молиться с непокрытой головой, петь Псалтирь Давидову со страхом Божиим, стоять в церкви со сложенными руками, почитать священников и поститься, не языческим басням внимать, но пророкам, следовать закону Моисееву и установленному апостолами в Иерусалиме. Так творя и уча, привёл Андрей многие города и области Понта ко Христу И, выйдя из Амиса, отправился он в Трапезунт».

На этом Епифаний окончил свой рассказ о путешествии апостола Андрея по припонтийским городам, и перевод этой части жития, который Григорий Фоменко, научный сотрудник Отдела апокрифов Института древнерусской культуры, только-только завершил, готовясь к поездке на большую конференцию в Херсонес, был уверенным нажатием левой кнопки мыши сохранён на его рабочем компьютере. Теперь оставалось проследить судьбу Епифаниева жития в славянской книжной традиции, а для этого — снова в Государственную рукописную библиотеку, снова стоять в утренней очереди, но, к счастью, уже не на морозе, а под нежными лучами первого весеннего солнца, столь

необычного в только что оттаявшей Москве, серой и мокрой.

ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ НА ХОЛМАХ ГРУЗИИ

1. ОТ ТРАПЕЗУНТА ДО СЕВАСТОПОЛЯ ВЕЛИКОГО

«Андреа и Симон Кананитский и Матфеа и Фадей с прочими ученики снидоша в Едес. И Фадей же оста ту у Лудра. А друзии по грады ходяще и учаще и чюдеса деюще, снидоша в Иверию и к Фасу, и потом в Сусанин). Мужи же языка того под женьскою властью беаху, вероимьна бо женьска вещь, и скоро послушаша. И придоша в Химар град, иже днесь есть покой многострадальцю Максиму. Оста же Матфеа в странах с ученики, творя чюдеса многа. Симон же и Андреа идоста в Аланию и в Фуст град. И многа чюдеса створивша и многы научьша, идоста в Авазгию. И влезоша в Севастграду и учаща Слово Божию, и мнози прияша».

Нужное место Гриша отыскал не без труда: вначале он даже не мог понять, что приключилось с рукописью, так перемешаны были фрагменты жития. Лишь через некоторое время ему стало ясно, что монах Евсевий списывал текст с кодекса, в котором уже были перепутаны при переплёте листы, но по неразумию или за послушание, не обращая внимания на содержание, списал всё так, как было. Интересно, что за рукопись лежала перед Евсевием? Может, это и был оригинал славянского перевода, выполненного каким-то болгаринном лет за триста — четыреста до того? Забавный человек был этот Евсевий: вместе с другим братом, Ефремом, он переписывал рукописи в Константинополе в 1420 году, а потом оказался в Троице-Сергиевом монастыре с рукописью Миней. Там,

видать, стал он келарем, или обидел его тамошний келарь, так что приписал он внизу страницы: «О келарю, внимайте, преподобный Сергей сам келарит».

Но сейчас Грише было не до Евсевия. Перечитав ещё раз весь отрывок, он полез в любимый кожаный портфель, подаренный друзьями на тридцатилетие, и вытащил оттуда пачку ксерокопий. Это была диссертация по исторической географии, защищённая недавно в Штутгарте, её копию заботливо прислал ему отец Ампелий. Автор диссертации — он представлялся Грише немолодым, полысевшим уже мужчиной — как и подобает настоящему немецкому учёному, досконально изучил все географические названия в греческом житии апостола, написанном Епифанием Монахом, включая их орфографические варианты, и оценил их достоверность, но пришёл к неутешительному выводу, что текст его — всё равно подделка, так как аланы были крещены не в начале девятого столетия, а лишь век спустя, то ли в первое, то ли во второе патриаршество Николая Мистика. Впрочем, до этого более чем спорного вывода Грише теперь не было дела — его интересовали греческие оригиналы имён из жития.

«Так, *Лудр* — это *Авгарь*. Странная ошибка... Видать, славянский переводчик перепутал первую «альфу» с «лямбдой», а вторую — с «дельтой», потерял к тому же где-то целую «гамму»: «АУГАР-» — «ЛУДР-», значит, переводил он с унциального списка, если это только не ошибка ещё греческого писца. С Иверией и Фасом-Фасисом тоже всё более или менее понятно: судя по тому, что при Фасисе в греческом оригинале стоит артикль мужского рода, то это не город, а река — нынешний Риони, и тогда Иверия здесь — это Западная Грузия, а не Восточная, как обычно. А вот с Сусанией беда: не было такой страны. Хотя... Ага, в самом начале жития Епифаний упоминает загадочный народ сусов — значит, Сусанин и есть их страна. Но что это за сусы за

такие? Сузы в Персии никак не подходят. А на иврите «сус» — это конь. Кавказские жеребцы? Ладно, пока оставим...

Что там дальше? Многострадальный Максим, покоящийся в Химаре, или, по-гречески, Схимаре, — ох уж эта приставная «сигма» в византийских названиях, пойми тут, какая форма древнее! — это, конечно, преподобный Максим Исповедник, сосланный на Кавказ за отказ признать монофелитское вероисповедание. А где был сам Химар-Схимар — вот ещё одна большая загадка. Может, тут контекст поможет? Так, посмотрим...

Оттуда апостол идёт в Аланию. Вот и географическая привязка: аланы жили во времена Епифания по всему центру Северного Кавказа, однако из Западной Грузии Андрей мог попасть только в Западную Аланию, то есть современную Кабардино-Балкарию и Карачаево-Черкессию. Интересно, а сам Епифаний-то был в Алании? Мощам святого Максима он бы обязательно поклонился: тот тоже пострадал от еретиков века за полтора до него, а вот в Аланию какой резон был идти Епифанию? Церквей там не было, послание императора-ико-ноборца он тоже нести не мог. Наверное, услышал от кого-то, что в Алании есть христиане, и решил, что и там бывал апостол Андрей. Так, пока всё складывается... Ну а куда он идёт дальше? В Фусту. Что за город такой?»

Тут Гриша не выдержал и, хотя понимал, что день грозит пропасть зря, снова полез в портфель. На сей раз он вытащил оттуда пухлый том в твёрдом, приятном на ощупь переплёте. Книгу эту Гриша должен был передать от того же отца Ампелия некоему загадочному Ерофею, то ли монаху, то ли послушнику некой тайной обители иноков-исихастов. Но раз уж подвернулась такая оказия, Гриша решился всё же заглянуть в оказавшееся у него под рукой издание текстов с описанием ссылки преподобного Максима и его

спутников. Слева оригиналы шли то по-гречески, то на латыни, а поскольку в последней Гриша не был силен, то подглядывал в напечатанный справа английский перевод.

По указателю он быстро нашёл Фусту, а точнее, «castrum Phustensium» — «крепость фустцев», куда сослали спутника преподобного — Анастасия Апокристиария. Это была не первая ссылка Анастасия. Если измученного и изуродованного Максима сразу по прибытии в Лазику отправили на носилках в Схимар, что «близ народа, называемого аланами», то Анастасия сослали в крепость Букол на самой границе с аланами, а его тёзку дьякона — в крепость Скоторий, что в Апсилии и близ Аवासгии. Потом через Мукурисий их перевели соответственно в некую «крепость Факирии» и некую «крепость Суании», где дьякон Анастасий и умер. Несчастливого же Анастасия Апокристиария снова погнали «в края Апсилии и Мисимиании» — в эту несчастную Фусту. Но и тут не конец: его должны были перевести в тот самый Схимар, однако в это время был свергнут «princeps» Лазики, а новый князь Анастасия «отвёл обратно с пути в вышеупомянутую крепость Схимар» и поместил в «место, поистине подходящее для монахов», которое находилось в пяти милях от его поместья. Иерусалимский монах Феодор Спудей, посетивший эти места через три года после смерти Анастасия, уточняет, что это была крепость Фусумий над селением Мохой, в пяти милях от Зихахория, резиденции местного правителя. Так, значит, Фуста находилась где-то в Апсилии или Мисимиании, то есть в Кодорской долине.

Гриша невольно прикрыл усталые глаза, и внезапно перед ним поплыли картины из детства. Военный пансионат на окраине Сухуми, волшебные пицундские сосны, прозрачное озеро Рица, обезьяний питомник, сладкая чурчхела. А вот они с дедом едут на армейском «уазике» куда-то в горы, вдоль бурной, словно

всклокоченной реки. Дорога становится всё хуже, долина — всё уже, они поднимаются ещё выше, и вот перед ними могучие каменные стены, сложенные из идеально отёсанных блоков. Гриша прыгает по кладкам и забирается в башни, а дед разговаривает с высоким бородатым мужчиной, который показывает рукой на далёкие горы и словно рисует пальцами карту какой-то неведомой страны.

После той поездки мальчик Гриша прямо-таки заболел Кавказом. Вначале он запоем стал читать книжечки этого самого бородача, оказавшегося потомком сосланных в Абхазию дворян-революционеров и неутомимым исследователем местных древностей. А потом в потайном ящике дедовского стола он случайно нашёл пачку засекреченных километровых карт и днями напролёт изучал изгибы бухт, извивы хребтов, петли горных троп. Как ни странно, именно тогда в нём и проснулся будущий филолог: его манили загадочные абхазские и грузинские названия, ему ужасно хотелось понять, что же значат эти имена, которые он выучил наизусть и которые волновали его в тысячу раз сильнее, чем названия выдуманных островов с пиратскими сокровищами. Поэтому здесь, в маленьком читальном зале Государственной рукописной библиотеки, Грише не было нужды в карте: он помнил её наизусть.

«Так, так... Самая дальняя крепость в Кодорской долине — Клычская, почти у Клухорского перевала, ведущего в Карачай. Наверное, это и есть Букол, который Агафий Миринейский называет Бухлоем и который постоянно переходил от мисимиан к аланам. Есть ещё, конечно, Сакенская крепость неподалёку, но она, судя по циклопической кладке, бронзового века, да и дорога оттуда идёт не к аланам, а к сванам. Ниже по течению — большая Чхалтинская крепость, полностью перегородившая проход к морю, но это, скорее всего, Цахар или Железная крепость. Дальше непроходимые

Багадские скалы, а потом река вырывается на равнину. Судя по тому, что Анастасий жалуется на Фусту, откуда его перевели в «приятный» Фусумий, который расположен ближе к равнине, над сёлами, она должна была находиться где-то выше в горах».

Гриша мысленно шарил глазами по карте, и вдруг его осенило: «Алушта! Урочище на западном склоне горы Пшоу. Да, и крепость там есть! Правда, маленькая она, не тянет на город Фусту, как называет её Епифаний Монах. Хотя — стоп: на другом склоне Пшоу есть большая крепость Пал, с двойной стеной, рвом и посадом, которую уж точно никак нельзя миновать, выходя из Кодорской теснины на равнину. Ну конечно, апостол Андрей по дороге из Алании в Севастополь Великий, то есть в нынешний Сухуми, не мог пройти мимо Пала! Но как об этом узнал Епифаний? Только если он сам и проходил через эти места, то есть тоже спускался из верховьев Кодори к морю. Что же он там делал?»

Мысль Гриши, летевшая прежде стрелой, словно наткнулась на непробиваемую стену. Он то открывал глаза и смотрел в рукопись, то закрывал их и глядел в незримую карту, но ответа нигде не находил. Имя «Фуста» вдруг стало походить на слово «пусто». «Фуста, пусто, мимо, мимо, опять мимо... Фуста, пусто, фусты... Стой, а ведь в начале Епифаниева жития, там, где сусы, есть и народ фустов. Значит, и правда был такой народ — фустцы! Однако их имя явно произведено от названия крепости. То есть не топоним от этнонима, а этноним от топонима. Но тогда и Сусания не от сусов, а сусы — от Сусанин. Что же это за страна такая — Сусания?»

Теперь Гриша застопорился на Сусании. Но тут у него не возникало никаких ассоциаций, кроме пожилой и властной Сусанны Яковлевны, которая вела у них в университете культуру речи. «Сусания, Сушания, Шушания... А если так? Сусания, Сисания, Сизания...

Опять не то. Сусания, Ссания, Суания... Ну ясен пень, Суания — так же, как у Анастасия Апокрисиария! Какой же я дурак! Конечно, апостол поднялся по Риони в Суанию-Сванию-Сванетию, откуда перевалил в Аланию, а оттуда спустился в Фусту. Но Епифаний-то, верно, не был в Алании... Зато, зато... он был в Схимаре!

Ура, всё сходится! Епифаний добрался из Трапезунта до Фасиса — не реки, а одноимённого города: он упоминает его во втором путешествии Андрея. Фасис — это около нынешнего Поты, где-то на дне Палеостомского озера. Оттуда он по Риони поднялся к сванам. Странно, конечно, что, по Епифанию, над ними господствуют женщины, — сейчас там всё наоборот. Впрочем, что тут гадать? Ведь это древняя легенда о народе «женоуправляемых» мужчин: античные авторы рассказывают её и об истрийцах на Адриатике, и о варварах в Ливии, и о части сарматов, и о пиренейских иверах. Наверное, Епифаний просто перенёс это предание на иберов кавказских, называет же их преспокойно Геродот — а вслед за ним и Псевдо-Епифаний — эфиопами.

А потом Епифаний пошёл в Схимар. Где же был этот Схимар? Анастасий Апокрисиарий сообщает: «близ народа алан», Феодор Спудей: «близ вершины Кавказа, выше которой нет горы на земле». Пусть это и не обязательно Эльбрус, но уж точно Главный Кавказский хребет, на что указывает и соседство с аланами. Что же мы имеем к югу от хребта? Поскольку в Сванетии точно нет византийских крепостей, то остаются опять только верховья Кодори. Клычская, Сакенская, Чхалтинская крепости не подходят... Что же остаётся?»

Только Гриша закрыл глаза, чтобы ещё раз пробежаться памятью по дедовской километровке, как вдруг его вырвал из раздумий резкий голос, переходящий почти в крик:

— Сдаём рукописи!

2. ЗИХИЯ И БОСПОР, ИЛИ В ЛАБИРИНТЕ ИМЁН

— Да подождите же! Полчаса ведь почти до закрытия! — раздались с разных сторон голоса читателей.

— Я что, до семи часов за такую-то зарплату сидеть тут с вами буду?! — громогласно парировала блондинка-библиотекарша и, собрав свои пожитки, гордо покинула читальный зал.

Через пару минут на её смену пришла кроткая седая старушка. Возмущённые жалобы читателей на вконец охамевшую сотрудницу она восприняла с грустным вздохом:

— Что ж я с ней с такой поделаю! Нашли б вы мужа нашей Саше!

Грише стало обидно, что за целый день он так почти и не продвинулся в чтении славянского жития, и в оставшиеся минуты решил глянуть, много ли там ещё осталось:

«Андреа же, оставив Симона с ученики, сам иде в Зихию. Жестоци же человеци илюти, и доньне неверии полма. Хотяаху Андреа убити, аще быта не ведали его не имуща имения и кротость и страсть ему. Таче оставив я, иде в Сегду горнюю. Человеци же ти смерни, кротци, с радостию прията слово».

Лаврская рукопись оказалась исправнее той, что пользовался в конце девятнадцатого века академик Васильевский: в той на месте Зихии стояла загадочная Горавазгусия. Сложнее дело обстояло с «Сегдой горней». В греческом тексте на этом месте были «верхние сугдаи», но и они не решали проблемы. Ведь иранское племя согдов или согдиан жило не на Северном Кавказе, а в далёкой Средней Азии. Грише припомнились потомки этих согдиан в Бухаре — завёрнутые в драные халаты старики, беспрестанно

пьющие зелёный чай и курящие дурман-траву, чтобы спастись от всепроницающего летнего зноя; накуривались они так, что их в самую жару трясло от холода, и они всё сильнее и сильнее кутались в свои ватные чапаны.

Правда, были ещё крымский город Сугдея — нынешний Судак да разрозненные упоминания неких сугдов-сугдеев-сугдаев в «Романе об Александре», в списках епархий Константинопольской церкви и в славянском житии Константина Философа и его «Похвале Богородице», где сугды упомянуты среди народов, славящих Христа и Богоматерь на своём языке. Вон и греческий писец Ватиканской рукописи Епифаниева жития переделал согдиан в косогдиан, похожих на касогов русских летописей.

«А может, Епифаний просто хотел поместить куда-нибудь согдиан из апостольского списка Псевдо-Епифания? У Псевдо-Епифания были «согдианой», а наш Епифаний, допустим, переделал их в «сугдаи ано», то есть «сугдаи сверху»... Ведь поместил он скифов в Синопе, где их от роду не было? Да ещё с людоедами сопоставил...

Впрочем, саков из того же апостольского списка у Епифания-то нигде нет! Хотя во второй редакции жития он и заменил их на понятных «горсинов», то есть грузин... И откуда взял он кротость «верхних сугдаев»? С дикими зихами-то всё понятно: они издревле считались разбойниками и пиратами. А вот сугдаи?.. Да и существовали ли они вообще? Может быть, они такие кроткие и христоролюбивые от близости к Боспору, где издревле была епископия? Кстати, анонимный перипл Понта Эвксинского в середине шестого века — наверное, с таким или примерно таким дорожным указателем и путешествовал сам Епифаний, — так вот, этот перипл помещает здесь неких евдусиан, а это германское племя упоминается уже у Тацита. А говорили эти самые

евдусиане на готском и таврском языках. Наверняка это те загадочные готы-тетракситы, которых крестили при императоре Юстиниане.

Но что это ещё за таврский язык? Тавры, древнейшие обитатели Крыма, приносившие человеческие жертвы, давно ведь уже вымерли или ассимилировались. Может быть, таврский язык — это какой-то тюркский? Ага, а крымские татары — это потомки тавров! Тавры-татавры...»

Понимая, что уже надо сдавать рукопись, Гриша решил всё же бросить беглый взгляд на дальнейшее повествование:

«Иприде в Оспор. Ши же народи...» — «Тьфу, опять перепутаны листы! Это ж надо было так невнимательно переписывать...» — подумал он с тоской и стал судорожно искать продолжение, которое нашлось через целый лист:

«И приде в Оспор... град обону страну Понта, противу Амису, едеже и мы додохом, и Колупадиа епископа...» — «Стоп. Во всех греческих рукописях епископа зовут Колимвадий. В издании Васильевского тут: «Иколипадиа епископа». Как же именно славянский переводчик прочёл это имя: «Иколупадий» или просто «Колупадий»? Хм... Тёмное какое-то место получается в славянском переводе. В греческом всё просто: «Оттуда пришёл он в Воспор, город на том берегу Понта, напротив Амиса, где и мы застали епископа Колимвадия, который знал десять языков». А вот это последнее место, о десяти языках, в славянском тексте пропущено». — *«...и Колупадиа епископа, и Георгия наместника, иже от предания поведоаху нам многа нюдеса Андрева, яже Оспорови же видевшие нюдеса, яже творяше Андреа, скоро послу шаша, яко и ти нам с поведоаху. И никогда же раскол о вере прияша, показаша же нам иконы Исус-Христовы, и многы святых, воском лияны, зело дивны, яко рещи: не сътворишася от*

руку неловенеску. Илам, написание имущъ...» — «Что ещё за «лам»?.. В греческом оригинале здесь «ларнака», то есть «гроб». У Васильевского вообще «нам», но в скобках он дописал гадательно: “ларь”. Может, действительно, “ларь”, “ларец”?» — «...написание имущ: Симона апостола, в основании погребен в церкви Святых Апостол, имуще мощи, и дядя нам от них. Есть же и другии гроб в Никопса Зихиисте, написание имуще: Симона Хананитьскааго, и ть имьи мощи. Андреа же от Востра спиде в Федесию граду, имуща царя Саромата...» — «И снова пропуск! В греческом: “...спустился в Феодосию, город многолюдный и любомудрый”. Дальше оказалось, что в Феодосии жителей уверовало немного...» — «...мало же от них вероваша. И оставив я, спиде в Херсон град, якоже и ти нам поведааху. А Феудесия днесь град ни стопа человекъска в ней есть. Худоверно же племя херсоняне...» — «Ладно, уже о Херсоне началось. Но загадок тут ещё больше. Впрочем, кое-что понятно: Оспор — это Воспор, он же Пантикапей, он же древнерусский Корчев, он же нынешняя Керчь. Но с чего Епифаний решил, что Воспор лежит напротив Амиса? Он же вроде так не плавал? Воспоряне подсказали? Или амиссцы? А вот интересно, на каких же десяти языках говорил епископ Колимвадий? И почему славянский переводчик, а может, и просто переписчик, потерял эту прелюбопытнейшую подробность? А Георгий — это, конечно, никакой не наместник Воспора, а ипопсикий, как в греческом тексте, то есть выбранный, но ещё не рукоположенный епископ. На какую же кафедру его избрали? На Воспорскую, вместо старого Колимвадия-Иколампадия, или на какую-то другую, например Готскую или Фульскую? И куда пропали из Керчи те чудесные энкаустические (“воском лияны”!) иконы? А что были они там, не удивительно: город-то находился под властью хазар, которым всё, что византийскому императору поперёк горла, было в жилу.

Но почему же Епифаний думает, что царь Савромат — не важно, какой по счёту — был именно в Феодосии, хотя столица его находилась-то как раз в Воспоре-Пантикапее? Может, он нашёл в развалинах города надпись с именем этого царя?..»

Все эти вопросы навалились на Гришу тяжким грузом: он вдруг понял, что работает уже целый день, с раннего утра, когда отстоял очередь в библиотеку, и оттого страшно устал. Он открыл глаза и обнаружил, что в читальном зале остался один: все его коллеги уже сдали рукописи и разошлись по домам. Испугавшись, как бы его не лишили читательского билета за несвоевременный возврат рукописей, Гриша быстро собрал вещи, аккуратно щёлкнул медными застёжками на толстом кодексе, прикрепил к нему бумажку со своей фамилией, положил на полочку в шкаф и спешно, позабыв даже выключить свет в зале, спустился к выходу.

И тут Гришу поджидала самая большая за день неожиданность. Дверь оказалась закрыта, равно как и нелепая, неаккуратно выкрашенная мерзостной коричневой краской решётка перед ней. Вначале Гриша решил, что дежурный милиционер куда-то ненадолго отошёл и закрыл, как полагалось, решётку на замок. Впрочем, после минутного ожидания Гриша решил подёргать решётку, надеясь, что замок на неё просто накинута. Нет, замок был защёлкнут, а по внимательном осмотре он обнаружил с внешней стороны и второй замок — контрольку. Значит, хранители закрыли здание, а его просто позабыли. Что неудивительно — при таком-то отношении к читателям...

Но бардак бардаком, а Грише надо было что-то предпринимать, чтобы не остаться на ночь в плохо отапливаемом здании библиотеки. Между тем за окнами уже заметно смеркалось, от чего ему становилось ещё более не по себе в коридорах этого старого, ещё

допетровского особняка. Первым делом Гриша решил поискать запасной выход, который обязательно должен здесь быть на случай пожара. После долгих поисков, пройдя тёмными извилистыми коридорами, он увидел-таки зелёную табличку с надписью: «Выход». Впрочем, радость находки оказалась недолгой, ибо дверь, как и следовало ожидать, оказалась также заперта.

Пережив первую неудачу, Гриша пришёл к мысли вылезти из здания через какое-нибудь окно. Однако все окошки в старом доме, низенькие и узкие, что на первом, что на втором этаже, оказались зарешёчены, а мысль о том, что сработает сигнализация и его схватят как похитителя рукописных сокровищ, окончательно отвратила Гришу от столь безрассудного шага. Других выходов, увы, не было. Гриша на всякий случай поискал даже лаз на чердак, и от мысли о таком выходе ему стало как-то не по себе. Он вдруг почувствовал, будто оказался в каком-то романе Эко: один в лабиринте запутанных ходов и потайных комнат с таинственными манускриптами.

От отчаяния Гриша стал барабанить по запертой двери, крича в щель:

— Помогите! Я заперт! Откройте! Выпустите меня!

Но только гулкое эхо разнесло его жалобные всхлипы по низким сводчатым коридорам тёмного дома.

«Никто не услышит!» — И тут Гришу озарило. Он улыбнулся: вот дурень, вообразил себе, что оказался в средневековом книгохранилище, а ведь на дворе уже даже не двадцатый, а двадцать первый век! Гриша взял трубку телефона, стоявшего на милицейском столе, и позвонил.

Примерно полчаса ушло на то, чтобы набрать все возможные номера: своего читального зала — из читательского билета, справочных и технических служб — из книжки, лежавшей на столе. Все найденные там внутренние номера библиотеки не отвечали.

Собственный его мобильный телефон с интернетом как назло разрядился. Других часов у него не было, и Гриша не мог понять даже, сколько сейчас времени: за окнами было темно, холодный обложной дождь целый день заливал задний двор Государственной рукописной библиотеки и барабанил по стёклам.

Гриша уже не мог придумать других планов спасения из каменной западни и решил хотя бы поискать, где тут поудобнее скоротать остаток ночи. Ужас заключался ещё и в том, что завтра выходной, — а вдруг утром сюда не придёт милиционер, который казался теперь Грише кем-то вроде спасителя. С этой тревожной мыслью он поднялся по шаткой деревянной лестнице обратно на второй этаж, где топили чуть получше — скорее ради рукописей, чем для читателей. Скрип ступенек и отзвук собственных шагов в тёмном коридоре не то чтобы пугали его, но всё же вселяли некоторую смутную тревогу. Продвигаясь почти на ощупь, наталкиваясь на запертые железные двери, Гриша вдруг заметил тонкую полоску света, пробивавшуюся сквозь узкую щель. Он радостно рванулся вперёд, но почти сразу остановился, догадавшись, что это не погашенная им же самим лампа в читальном зале.

Открыв дверь, из-за которой струился тёплый электрический свет, Гриша обнаружил, что это, однако, совсем не читальный зал, а одна из соседних комнат: судя по старым корешкам на стеллажах, коими была заставлена большая зала, это были кабинеты хранителей. Свет был словно зеленоватым и лился притом не сверху, а откуда-то из-за шкафов. Следуя за его отблесками, Гриша с трудом протиснулся в узкий проход между книгами и увидел наконец краешек заваленного бумагами стола с той самой путеводной настольной лампой в старинном зелёном колпаке. «Кто-то из хранителей забыл выключить свет», — только

подумал разочарованно Гриша, как через мгновение заметил за столом закутанную в нечто тёмное фигуру, словно забившуюся в угол кабинета.

3. СНОВА В ГРУЗИЮ

— Э-э-э-хмм... Простите...

— Простите! Я вовсе не...

— Я совсем не хотел...

— А я даже никак...

Гриша не сразу узнал в чёрной фигуре «грузинскую княжну», которой он пытался уступить своё место в очереди сюда с месяц назад и которую почему-то с тех пор не видал. Теперь же он решил, что она сотрудница библиотеки. А «княжна» приняла Гришу за хранителя рукописей.

— Разве библиотека уже закрылась? — спросила она с тем же своим акцентом, который придавал её речи ещё большее очарование.

Гриша собрался было ответить, но запнулся — так поразила его едва подмеченная тогда, но сейчас ставшая совершенно очевидной красота незнакомки, неземная, захватывавшая дух. О, этот изысканный изгиб носа с лёгкой горбинкой и тонкими крыльями; о, эти чёрные как смоль, тонкие как стрела, изогнутые как лук брови; о, эти алые, без намёка на помаду, изящно очерченные губы; о, эта гладкая, шелковистая кожа и — невыносимо трогательная ямочка на подбородке!.. А ещё — со вкусом подобранные серьги с бирюзой и бусы из ляпис-лазури на тонкой, поистине лебединой шее, обрамлённой причудливым вырезом тёмно-зелёного платья. О да, Гриша, конечно, чувствовал, что в голове его закрутились сплошные штампы, что ему не хватило бы каких-то настоящих, подлинных слов, чтобы описать представшую перед ним красоту...

— Недавно, да нет... давно! Впрочем, не знаю, когда закрылась... Двери, представьте себе, заперты. А этот, как его, милиционер совсем ушёл, знаете ли... — еле выщавил из себя он.

Ему вовсе не хотелось говорить, напротив, непреодолимо хотелось молчать и в этой сумеречной тишине наслаждаться явленным ему совершенством. Григорий разом позабыл и про ночной холод, и про запертые двери, и тем паче про недочитанную рукопись. Он словно тонул в этом лице, в этих бездонных очах. Ему почему-то вдруг вспомнился эпизод из биографии Маяковского, когда тот сдавал экзамен в гимназию и на вопрос священника: «Что значит слово «око»?» — ответил: «Три фунта», — так вроде бы по-грузински... А ещё он читал где-то, что слово «око» обозначает и глубокое место в реке, и не было для него в этот момент ничего желаннее, чем раствориться в этом омуте.

Глаза «княжны» смотрели на Григория действительно удивлённо, но вдруг ему подумалось, что, должно быть, удивление это вызвано его странным косноязычием и чудаковатым поведением, — не дай бог, ещё примет его за ненормального, коих, сказать по чести, в Государственной рукописной библиотеке водилось немало... Гриша взял себя в руки и твёрдым, почти торжественным голосом заявил:

— Раз уж нам предстоит вместе с вами коротать здесь эту тоскливую ночь, давайте хотя бы познакомимся. Меня зовут Григорий Фоменко, научный сотрудник Отдела апокрифической литературы Института древнерусской культуры.

Выпалив это, Гриша замялся и сник, подумав, что его слова про «коротать вместе ночь» могут быть поняты неправильно... то есть на самом-то деле правильно, но не говорить же об этом вот так прямо... Однако незнакомка отреагировала на Гришину тираду совершенно невозмутимо:

— Очень приятно, Григорий. Я Нина. Нина Туманишвили. Я работаю в Тбилиси, в Институте древних рукописей.

— А, это как Матенадаран в Ереване? — перебил её Гриша и снова осёкся: какую же он глупость сморозил!

— Да, примерно так, — столь же невозмутимо ответила Нина и замолчала.

Беседа пока не клеилась, но Гриша решил не отступать и продолжил:

— А позвольте поинтересоваться: чем именно вы занимаетесь? Я вот изучаю древние апокрифы, а здесь работаю над славянским переводом жития апостола Андрея. Но это по просьбе одного своего афонского коллеги. — Гриша опять запнулся, подумав, не слишком ли бесцеремонно он полез к Нине в душу.

Но та лишь слегка улыбнулась и, к удивлению Гриши, — может, из-за упоминания Афона — ответила. Говорила она как-то по-особенному, так что всё в Гришиной душе ежесекундно переворачивалось:

— Раз уж вы и вправду считаете, что нам предстоит здесь коротать всю ночь, то отчего бы и не рассказать. То есть, знаете, не хочу показаться невежливой, но, может быть, другому человеку и не рассказала бы. Дело вовсе не в вас лично, просто то, чем я сейчас здесь занята, — вещь некоторым образом странная и несколько даже тайная. Однако вы только что упомянули имя апостола Андрея, и теперь я надеюсь не только на его, но и на вашу помощь!

— Да, конечно. Продолжайте. Я весь внимание...

— Итак, я уже давно занимаюсь историей своей святой покровительницы — равноапостольной Нины, просветительницы Грузии, и её житиями. Вы, наверное, не очень в курсе этого вопроса, так что позвольте немного погрузить вас в него.

— Очень обяжете.

— Первым о святой Нине, точнее, о некоей безымянной монахине — «поппа» по-латыни, упоминает Руфин Аквилейский в начале пятого века со слов иверийского принца Бакура. По его рассказу, захваченная в плен и отведённая в Иверию, то есть в Восточную Грузию, она обратила ко Христу её царя и весь народ. Следующие по времени сведения о святой Нине, названной уже по имени, содержатся в древнем грузинском памятнике, известном как «Мокцеваи Картлисай», то есть «Обращение Картли». Здесь о ней рассказывается в разы больше, в том числе подробно описываются её деяния в самой Грузии. На этом «Обращении Картли» основываются все позднейшие рассказы о святой Нине. Текст этот открыл ещё Эквтимэ Такайшвили. Вы, конечно, знаете об этом знаменитом учёном?

— К стыду своему, нет.

— О, это был человек великого дара и особой судьбы! Археолог, историк искусства, специалист по рукописям, министр правительства меньшевиков в Грузии. Когда под напором Советов это правительство бежало во Францию, Такайшвили вывез туда все исторические драгоценности. После его отъезда в Грузии почти не осталось настоящих учёных, и на их место пришли всякие самоучки. А уже после Второй мировой войны Сталин договорился с де Голлем, и сокровища эти вместе с Такайшвили вернулись в Грузию. Его самого выбрали в академики — и сразу же посадили под домашний арест.

— И рукопись «Мокце-це...» — «Обращения Грузии» тоже вернули?

— Ещё бы! «Обращение Картли» было создано в его нынешнем виде в середине девятого столетия, и оно долго было известно только в двух сильно отличающихся друг от друга рукописях, древнейшая из них датируется десятым веком и происходит из

Шатбердского монастыря в Кларджети. Недавно наш директор нашёл в монастыре Святой Екатерины на Синае, представьте себе, ещё два древних списка, в которых обнаружили новые, очень важные разночтения. Но я-то думаю, хотя этого пока не говорила никому, даже в своём институте, что должна существовать ещё одна рукопись «Обращения Картли». Один учёный афонский монах передал мне со слов своего коллеги из Швейцарии, что копия этого списка может храниться в бумагах Николая Яковлевича Марра.

Гриша, услышав эту фамилию, хмыкнул, а сам подумал: «Уж не отец ли Ампелий этот её учёный монах? Да нет, откуда...», — Нина же сразу вспыхнула:

— Да-да-да, именно Марра! У вас его имя сейчас — как это по-русски? — прямо какой-то жупел. Однако смею вам напомнить, что это был крупный, настоящий — да-да, не смейтесь! — большой учёный. Не только лингвист, но и археолог, историк, этнограф и, наконец, знаток рукописей. Он много раз бывал на бывших грузинских землях Тао, Кларджети и Шавшети, которые захватили сейчас турки, и вот именно там он мог обнаружить не что иное, как подлинник «Обращения Картли». Я полагаю, и небезосновательно, что эта книга была заказана для правителя этих областей — Гуарамампала, сына куропалата Ашота Багратуниани. Именно он упомянут там последним в списке правителей Картли.

— Так чем же я вам здесь помогу?

— Конечно, не в поисках бумаг Марра. Тут уж я сама буду разбираться. В Москве вряд ли что найду, потому что основной его архив находится в Петербурге. Однако интересуют меня не только новые списки «Обращения», но и его загадки. Например, я так и не могу понять, почему там совсем ничего не говорится о проповеди апостола Андрея в Грузии до святой Нины, а ведь о его проповеди сообщают многие древние грузинские

источники. И вот здесь я очень надеюсь на вас. Знаете, мне даже кажется, что это апостол Андрей послал мне вас.

— Спасибо, конечно, за лестные слова, но я... как бы вам объяснить, не совсем... Просто, понимаете, ещё полчаса назад я думал, что хорошо разбираюсь в истории и географии Кавказа... Но вы обрушили на меня такую Ниагару неведомых имён — все эти, простите, Такайшвили-Багратуниани... Честно говоря, трудновато поспевать за вашей мыслью, прямо-таки летящей стрелой. Мне бы сперва ясней во всём этом разобраться, а то пока оно как в тумане — и ваша фамилия на него словно намекает....

Шутку Гриши Нина восприняла со всей серьёзностью и пустилась в долгие разъяснения:

— Вы ошибаетесь. Фамилия моя к слову *туман* имеет весьма туманное отношение. Впрочем, она тоже тюркского происхождения — от слова *туман*, *ту мен*, то есть «десять тысяч». Оттуда же, кажется, и русская «тьма». Мой далёкий предок по имени Туман — он был из славного рода Мамиконянов — перешёл в тринадцатом веке из Киликии на службу к грузинским царям, стал мдиван-мцигнобаром, то есть государственным секретарём. Его потомки получили фамилию Туманишвили, а та его родня, что осталась в Армении, носит фамилию Туманян. Туманишвили подписывали, между прочим, Георгиевский трактат, а потом один из них перешёл на русскую службу и стал носить фамилию Туманов. Кстати, его потомок стал видным учёным-кавказоведом — это Кирилл Туманов. Слышали о таком?

— Увы, опять же нет.

— Его мать убили большевики, и он с отцом из Астрахани бежал в Иран, а оттуда — в Америку. Окончил там университет, потом переехал в Рим и стал католиком, за что отец его проклял, так что помирились

они только на смертном одре родителя. Так вот, этот Кирилл Туманов также занимался вопросами христианизации Грузии, но главное — составил генеалогии всей кавказской знати и справочники по грузинской истории, откуда я и черпаю сведения обо всех этих незнакомых вам Багратуниани, они же Багратуни, они же Багратиони...

— А я как раз живу у станции метро «Багратионовская»... Да, тут и правда голова кругом пойдёт. Вот я дальше прадеда никого по отцовской линии и не знаю: его съели в голодомор на юге нынешней Украины, так что никакой семейной истории нет. Впрочем, оставим эти ужасы, тем более в такую странную ночь. Поведайте мне, о прекрасная южная гостья, какие же сведения об апостоле Андрее содержатся в грузинских источниках?

— Вы серьёзно хотите узнать об этом? Тогда давайте я сначала найду нужные файлы в своём ноутбуке... — И Нина, открыв компьютер, стала одну за другой открывать папки, в чьих названиях мелькали весёлые завитки грузинских слов, более похожие на узор, чем на буквы.

— Преподобный Евфимий Святогорец, подвизавшийся в начале одиннадцатого века, — попутно продолжала она, — переложил с греческого языка житие Первозванного апостола, написанное неким Никитой Философом. Вот что говорится там о проповеди святого Андрея в Грузии... Так, нашла. Цитирую перевод великого грузинского учёного Иванэ Джавахишвили по рукописи Давид-Гареджийской обители:

«Святой апостол посетил Трапезунт, город, лежащий в земле мингрельцев, и после краткого там пребывания, заметив грубое невежество жителей, отправился в Картли. Там, находясь долгое время в городах её, в Нигали, Кларджети и Артапанколосе, просветил многих святым крещением».

— И чуть ниже, слушайте: «По совершении праздника апостол вышел из Иерусалима, в сопровождении Симона Кананита, Матфия, поставленного на место Иуды Искаротского, и Фаддея, в город Эдессу. Там остался Фаддей у владельца Авгаря, которому послан был нерукотворенный образ Господа нашего Иисуса Христа, чудодейственной силою возвративший царю здоровье телесное и душевное. Блаженный Андрей с остальными спутниками посещал города и сёла. Они везде поучали народ и творили чудеса; наконец достигли земли Картлийской, прошли часть земли Тиулетской до реки, называемой Чорохи, беспрестанно проповедуя Христа Спасителя. Апостолы посетили Сванетию, в княжение некоей жены, которая приняла их проповедь. Здесь остался Матфий с прочими учениками, а великий Андрей с Симоном отправился в землю осетинцев и достиг города, Фостофором называемого, где они после дивных чудес обратили и просветили многих. Оставив Осетию, они посетили Абхазию и остановились в городе Севасте, называемом ныне Сухумом, жители которого приняли Слово Божие. Блаженный Андрей в сем городе оставил Симона Кананита с прочими учениками, а сам отправился в землю джиков. Обитатели этой страны джики были жестоки сердцем, погружены в делах нечестия и поэтому не приняли проповеди апостола, а искали случая умертвить его, но благодать Божия сохранила его. Блаженный, видя их грубость, жестокосердие и непреклонность, удалился; посему джики до сего времени остаются в неверии. Отселе отправился апостол Христов в страну, называемую верхним Суадагом, ныне необитаемую; жители её с радостью приняли проповедь апостола и уверовали в Иисуса Христа».

— Скажите, Нина, а нет ли в этом житии чего-нибудь о городе Хараксе? Только это не в Грузии, а в ромейских землях.

— Сейчас посмотрим... Вы, наверное, имеете в виду это место? Вот, послушайте: «Из Амастриды апостол отправился рекою, Парфением называемою, в город Харакон, который окружён двумя реками: с южной стороны так называемая река Лик, или Волк, по вредной быстроте её течения, а с северной река Лусия. Обе эти реки соединяются вместе и образуют Парфений, реку глубокую, широкую и удобную для судоходства. Здесь, в особенности в летнее время, бывало большое стечение народа. Святой проповедник Христова Евангелия начал возвещать слово истины, обращая многих. Для верных он избрал место молитвы и воздвиг знамение животворящего Креста, а впоследствии жители соорудили церковь во имя апостола с изображением на стене его образа, совершенно сходного с подлинником, у которого совершаются многие чудеса и доныне. Впоследствии первая церковь разрушилась, но боголюбивые жители воздвигли новую ещё больше первой. По крещении обитателей Харакона и утверждении их в вере, славный апостол отправился в город Синоп».

— Значит, Харакон, говорите? Это очень и очень любопытно... А что ещё сообщается о проповеди апостола в Грузии?

— В житии больше ничего. Зато Леонтий Мровели, знаменитый книжник конца одиннадцатого столетия, упоминает об этом в «Жизни картлийских царей». Здесь есть и новые подробности, вот они в переводе академика Роина Метревели: «В ту же пору царствования Адерки пришли в Абхазию и Эгриси Андрей и Свимон Кананит — двое из двенадцати святых апостолов. Святой Свимон Кананит преставился там же, в городе Никопсии, на рубежах Греции. Андрей же обратил мегрелов и удалился по Кларджетской дороге. Но когда Адерки узнал об отступлении мегрелов от веры, разгневался на них и отправил к ним своих

эристава, и снова насильно обратил мегрелов. Попрятали они иконы и кресты, и обрушился гневом царь Адерки на эристава Кларджетии, который с миром отпустил апостола Андрея».

— Не густо... То есть, я хотел сказать, очень интересно. Я потом вам всё объясню, а пока скажите: нет ли ещё чего-нибудь об Андрее в грузинских источниках?

— Не знаю даже, чем вам ещё можно угодить. В поздних, восемнадцатого века, списках «Жизни картлийских царей», составленных так называемой «Комиссией учёных мужей», проповедь апостола Андрея в Грузии изложена намного подробнее, и если вам действительно интересно, то я, конечно, найду для вас отрывки из неё. Только у меня нет её русского перевода, поэтому буду переводить прямо с экрана, так что не обессудьте... Вот какое известие предваряет здесь сообщение о приходе апостола в Грузию:

«После Вознесения Господня, когда апостолы бросили жребий, тогда Пресвятой Богородице досталась в удел для проповеди страна Грузинская. И Ей привиделся Сын Её, Господь наш, и изрёк: «О, Мать Моя, Я не оставляю народ этот, достойный Хлеба Небесного, более всех родов, предстательством Твоим за них. Но Ты отправь Первозванного Андрея в удел Твой, доставшийся по жребию, и пошли с ним Икону Свою, которая изобразится приложением к Лику Твоему. И вместо Тебя Образ Твой да будет защитницей их до скончания времён».

Тогда сказала Пресвятая апостолу Андрею: «Сын мой Андрей, великой видится духу моему проповедь Имени Сына Моего в стране, доставшейся Мне по жребию. Когда собралась для проповеди Сына Моего в стране той, жребием мне доставшейся, явился мне Милостивый Сын Мой и Бог и повелел Мне, чтобы в страну, доставшуюся Мне по жребию, отправился ты и взял с

собой образ Мой и Милостивого Сына Моего, чтобы Я управляла жизнью их, воздевала руки за них и была их Заступницей и никто из врагов не мог победить их».

Апостол ответил Ей: «Пресвятая, да пребудет воля Милостивого Сына Твоего и Твоя во веки веков». Тогда Пресвятая попросила доску, умыла Лик Свой, приложила к нему доску, и изобразился Образ Её с воплощённым Младенцем, Премилостивейшим Словом Божиим, на руках, который ныне все могут лицезреть, — икону Пресвятой Ацкурской Богоматери. И вручила Она Его апостолу Андрею и сказала ему: «Благодать и заступничество рождённого Мною Господа да будет сопутствовать тебе везде, где ты пройдёшь, и Я буду споспешествовать проповеди этой, и многим вспоможу уделу моему». И тогда упал апостол ниц, со слезами возблагодарил Пресвятую, с радостью вышел от неё и отправился проповедовать Евангелие».

Также содержится в этих списках и подробный рассказ о проповеди апостола Андрея в Южной Грузии:

«Прибыл Андрей в город Трапезунт, который находится в области Мегрельской, где он пробыл недолго и, так как увидел несмыслённость бессловесных жителей этого города, оставил его и вошёл в область Картлийскую, которую именуют Дид-Ачара, и стал проповедовать Евангелие. И так как мужи там были несмыслёнее бессловесных, не ведали Бога-Создателя и блюли всякие мерзкие и нечистые обычаи, о которых и говорить-то неудобно, множество бедствий и искушений претерпел он от них, но с помощью Божьей и святой иконы той, всё претерпел с благодарением, пока не обратил всех и привёл к вере, так как на месте, где была положена икона, истёк весьма прекрасный и обильный источник, который неоскудевающе истекает и по сей день. И собрались все жители со всех концов этого края, и он крестил их всех во имя Отца, Сына и Святаго Духа, поставил священников и диаконов и установил им

правила и границы веры. И построили они прекрасную церковь во имя Пресвятой Богородицы.

И когда святой апостол возжелал продолжить путь, просили остаться и не давали уйти, и говорили: «Если ты уходишь, то хотя бы оставь здесь эту икону Пресвятой Богородицы надеждою и защитницею нашей». Тогда святой апостол Андрей сделал доску схожих размеров и приложил её к иконе, и тотчас изобразилась на ней точная копия иконы — её и отдал им. Они же с радостью приняли её и с великою честью положили в церкви, где она покойся по сей день. А со святым апостолом попрощались с любовью и целованием и отпустили с миром.

Он же двинулся в путь и перешёл через гору, именуемую Ркинис-Джвари (то есть Железный Крест), сказано, что этот Крест водружён на горе самим блаженным Андреем. Когда он прошёл ущелье Одзрахе в пределах Самцхе, остановился в селении, именуемом Заден-гора. Осмотрелся апостол и увидел местных жителей, которые приносили жертву глухим идолам, помолился апостол перед иконою, и пали идолы и разрушились.

Святой же апостол продолжил путь и дошёл до Ацкури, который вначале именовался Сосангети, напротив Сакриси, и остановился в одном месте, где был идольский храм, который сейчас именуют Старою Церковью. Тогда правила одна женщина-вдова Самдзивари, у которой был единственный сын, и все чаяния её были к нему обращены. Именно в то время он скончался. И были плач безутешный и горе весьма великое. И ночью той видели они из крепости свечение великое на месте том, где была положена икона Пресвятой. Удивились, что бы это значило. И как только рассвело, немедля отправили людей, дабы увидеть, кто там или что это. И как только увидели они святого апостола и икону Пресвятой, не мешкая вернулись и

сообщили вдове той: «Чужие люди там, неведомого Бога проповедуют Творцом и Родителем, людям Жизнь Дарующим и мёртвых Воскрешающим, и есть у них прекрасная икона, которую они почитают».

И как услышала женщина та слово это о воскресении мёртвых, удивилась, и малая надежда затеплилась в сердце её, послала рабов своих призвать апостола, и как только пришёл он, сказала женщина: «Кто вы, откуда пришли, что это за учение ваше неведомое, которое вы проповедуете, так как нигде не слышали подобного сказания?» Святой апостол изрёк в ответ: «Иду я из святого града Иерусалима, где стояли стопы Господни на Голгофе и в Вифлееме, Небесам подобным, я раб и апостол Господа нашего Иисуса Христа, который вмиг воскрешает мёртвых, Его проповедую Богом и Господом и Вседержителем всякого рождённого. И кто уверует в Него и крестится во имя Отца, Сына и Святаго Духа, всё, чего попросит с верою, дано будет ему, и от всех болезней исцеление получит».

Услышав об этом, женщина пала на землю перед апостолом и со слезами молила его: «Милостив будь к вдовству моему и ничтожеству моему, ведь ты раб Воскресителя мёртвых. Помолись пред Богом своим, чтобы даровал Он сыну моему жизнь, и всё, что скажешь, исполню, не буду противиться, только бы увидеть мне сына моего живым, ведь, кроме него, нет у меня никого». Святой же рёк ей в ответ: «Ежели уверуешь в Иисуса Христа, Сына Божия, Бога Истинного, Которого я проповедую, что попросишь с верою, всё будет дано тебе». Слыша слова эти, женщина та исполнилась радостью и со слезами говорила апостолу: «Раб Бога Истинного, воистину верую и исповедую Иисуса Христа, Которого ты проповедуешь, но помоги моему неверию».

Апостол же вывел из горницы весь народ и заклинателей, никого не оставил там, кроме вдовы и

нескольких ближних её, и взял на руки икону Пресвятой Богородицы, и возложил её на постель, где возлежал мёртвый. И начал молиться, воздев руки кверху, и после молитвы взял мальчика за руку, и как проснувшегося ото сна воскресил его и отдал матери. Увидевши это неслыханное чудо, все дивились этому весьма, и не было сил у них произнести хоть слово. А женщина та, увидевши сына своего живым, встала от радости и со слезами пала пред ногами апостола, поклонилась ему и возблагодарила, и уверовала в Господа нашего Иисуса Христа, и крестилась женщина та вместе с сыном и всеми домашними своими.

Немедля отправила она рабов своих с посланиями к князьям Самцхийским, в которых было написано следующее: «Я вдова, братия, благовествую вам и всему народу радость великую. К нам пришёл человек из чужой страны, который проповедует неведомого Бога, и есть у него икона Небесная, которая сына моего мёртвого воскресила. А теперь срочно придите ко мне, дабы выбрать лучшее правило и закон, испытать и познать всё, как подобает». И как услышали месхи весть эту дивную, срочно собрались со всех концов, и было множество великое народа, так что заполнилось всё поле Сакрисское, и дивились все, видя сына вдовы, воскресшего из мёртвых.

И было в городе том капище идолов, в котором служили мерзким богам их, Артемиде и Аполлону, и, увидев всё это, жрецы лживые исполнились завистью и начали прекословить и противиться апостолу. Также и некоторые из народа говорили: «Подобает нам поклоняться Тому, Кто такое великое чудо совершил», — некоторые же говорили: «Аполлон и Артемида — великие боги». И было между ними пререкание и смута, пока после совещания и разбирательства дела всем миром не постановили следовать предложению апостола, который сказал: «Откройте двери вашего

капища, внесём туда икону и положим её между вашими идолами, затем запечатайте обе двери храма и поставьте охрану. И молитесь вы этой ночью вашим богам, а мы будем молиться Истинному Богу нашему Иисусу Христу, на рассвете же посмотрим: если победят боги ваши, им и будем поклоняться, если же Бог наш, то все Ему будем поклоняться».

Так и порешили. Внесли икону Пресвятой Богородицы и положили её между идолами, а затем запечатали двери и поставили охранников. И начали молиться жрецы лжи, а святой молился Христу, Богу Истинному. И когда рассвело и открыли двери капища, увидели все идолов их, поверженных на землю, с прахом и пылью смешавшихся. А икона Пресвятой Богородицы блистала, как солнце, величием и честью. Тогда жрецы идольские, исполненные стыда, просили прощения у апостола за своё неведение. И весь народ изрёк глас благодарения: «Велик Бог христиан, Которого проповедует апостол Андрей». И все уверовали в Господа нашего Иисуса Христа и с радостью крестились во имя Отца, Сына и Святаго Духа. И была радость великая в день тот во всём народе, и славили Бога, Который освободил их из рук дьявола.

Святой же апостол изволил вновь продолжить путь в другие города и деревни для проповеди Евангелия Христова. А женщина та и народ весь молили его не оставлять их и день за днём учить их Закону Божию и правилам церковным. Апостол внял мольбам их и на некоторое время остался у них, и учил их Закону Божию и вере. И поставил епископа, священников и диаконов, и вновь приготовился продолжить проповедь. И вновь молили его вдова та и все месхи, чтобы не оставил их. Апостол же Андрей сказал в ответ: «Я должен проповедовать Евангелие Господа». А они сказали: «Ежели уходишь, оставь нам эту икону Пресвятой — надеждою и заступницею нашею».

И сказал апостол в ответ им: «Образ сей явился приложением к лику Пресвятой Богородицы», — и по порядку рассказал всё, как после Вознесения Господа апостолы бросили жребий, кому в какой стране проповедовать, и как досталась жребием страна эта Самцхийская Пресвятой Богородице, и что Ею послана икона эта надеждою и защитницею доставшихся Ей по жребию, и что так и должно быть, чтобы покоилась она здесь всегда до скончания времён. И услышав всё это, апостолом сказанное, вдова та и месхи возрадовались ещё большею радостью, узнав об уделе Пресвятой Богородицы, воздали Христу и безгрешной Матери Его благодарение, и с большею любовью и к желанию желание прибавив, возжелали икону эту, и со слезами радости величали её. И положили великую икону Пресвятой Ацкурской Богородицы в малую часовню ту, которую ныне Старую церковь именуют.

Святой же апостол Андрей с кротостию и любовью попрощался со всеми, благословил с миром и отправился в другие края проповедовать Евангелие в Нигали, Кларджетии и Артаан-Кола, где пробыл довольно долго, и просвещал словом своего учения, и посвящал Богу святым крещением».

— И правда, очень интересно, прямо-таки захватывающе. И всё же скажите: это действительно всё?

— В каком смысле «всё»?

— Ну, есть ли ещё что-ю иное о проповеди апостола Андрея в Грузии?

— Есть ещё несколько поздних текстов, но они в целом передают сведения трёх упомянутых.

— Ну, тогда всё понятно...

— Что, простите, вам теперь понятно? Ведь ещё совсем, мягко говоря, недавно вы об этом, кажется, вообще ничего не знали.

— Не знал. Но теперь — знаю. А понятно мне стало, почему в вашем «Обращении Грузии» нет никакого Андрея Первозванного.

— И почему же, позвольте полюбопытствовать?

Внезапный грохот сотряс маленький кабинет, успевший за эти часы превратиться для Гриши в огромную сцену, на которой разыгрывался спектакль всей его жизни и за пределами которой его ничто уже не интересовало. Нина невольно вздрогнула.

«Не бойтесь, княжна, это салют. Кто-то подумает, что в честь Дня космонавтики, а я-то знаю: это салют в честь нашей встречи!»

4. ВГЛУБЬ ГОР КАВКАЗСКИХ

В Грише разом проснулась бурная активность, а точнее, горячая забота о Нине. Он вдруг понял, что за долгим разговором они ужасно замёрзли и оголодали. Из еды ему ничего кроме печенья добыть не удалось, зато он заварил свежий чай из хранительских запасов. У Нины же оказалось с собой вкуснейшее хачапури. Гриша быстро убрал бумаги со стола, протёр его, поставил чашки и подсел к Нине. Она выглядела теперь чуть расслабленнее, чем в начале их внезапной встречи, а лицо её словно просветлело.

В неверном свете зелёной лампы Гриша всё же смог разглядеть, что Нина не такая уж и молоденькая, как ему показалось сначала: возможно, даже ровесница ему. На её коже ещё не было видимых морщин, но едва заметная обострённость контуров всего тела, особенно рук, а главное — отрешённый покой в глубоких глазах — всё это выдавало в ней не столько возраст, сколько немалый жизненный опыт. Но в тех же глазах читалось и одиночество, только подтверждавшееся отсутствием кольца на безымянном пальце. «Да и кто ей — такой! —

окажется ровней, кто разбудит сердце княжны?» — подумал Гриша про себя, вслух же произнёс совсем иное:

— Честно признаюсь: я не люблю высокопарных фраз. Но для меня встреча с вами — словно перст судьбы. Ещё совсем недавно я почти ничего не знал об апостоле Андрее, а теперь смогу, пожалуй, написать о нём не одну статью, даже и диссертацию, если постараться. Быть может, мои слова о том, что теперь мне всё ясно с местом Первозванного апостола в грузинской традиции, показались вам пустой бравадой, но сейчас, если хотите, я постараюсь доказать вам свою, так сказать, состоятельность.

— Хочу, — с каким-то совершенно новым, до сих пор не примеченным Гришей движением голоса ответила Нина.

— Тогда смотрите. Вы же сами начали с того, что первое грузинское житие Андрея Первозванного было переведено в одиннадцатом веке с греческого языка на Афоне, так? Кто же такой этот загадочный «Никита философ»? Несомненно, это прекрасно известный нам Никита Давид Пафлагон, недооценённый писатель и ритор конца девятого — начала десятого века. Но речь идёт не о надписанном его именем похвальном слове апостолу — том, что начинается со слов: «Всем друзьям Бога-Слова», — нет, я говорю о другом, пространным энкомии, получившем в науке условное название «Laudatio» — «похвала» в переводе с латыни. В том, что это творение именно Никиты, нас убеждает не только уникальное сходство его с грузинским житием — для этого я и спросил вас про Харакс, который упоминается только у Никиты и более ни у кого. Есть и второе доказательство: три рукописи, содержащие «Laudatio», — это собрания похвальных слов Никиты Давида в честь апостолов.

— И что же из этого следует?

— Погодите, сейчас объясню... Дело в том, что один из этих кодексов с произведениями Никиты переписан рукой Феофана Ивирита — известного афонского писца, работавшего как раз для вашего Евфимия Святогорца. Причём список этот — он хранится сейчас у нас в Москве, где-то в недрах этой самой библиотеки, — совпадает в плане текста с остальными рукописями, тогда как другой список «Laudatio», который создан тем же Феофаном и находится в Кутлумушском монастыре на Афоне, напротив, содержит огромную редакторскую правку. Думаю, вам ещё предстоит выяснить, каким именно текстом энкомия пользовался преподобный Евфимий.

— Да, я этого не знала... Продолжайте же!

— Сам Никита следовал в своём «Laudatio» второй редакции жития апостола Андрея, написанного Епифанием Монахом, как то недавно достоверно установлено немецким исследователем Герхардом Калем. Этот Епифаний, живший в первой половине девятого века, спасаясь от иконоборцев, посетил в том числе и восточный берег Чёрного моря, а именно район Поти, Сванетию, Абхазию и Зихию, то есть побережье нынешнего Краснодарского края. Следовательно, грузинское житие апостола Андрея, которое вы мне прочли, несомненно, опирается на текст Епифания Монаха в переложении Никиты Давида Пафлагона. Единственное его отличие — упоминание трёх местностей в Кларджети, откуда Евфимий, если не ошибаюсь, сам был родом, тогда как в греческой, оригинальной традиции речь идёт только о землях Западной Грузии, Абхазии и древней Зихии, подвластных в то время царю абхазов. Итак, сведения о проповеди Андрея Первозванного в Западной Грузии и Абхазии, к которым Евфимий добавил также Кларджети на юге, стали известны в Грузии не ранее начала

одиннадцатого века. Так что автор вашего «Обращения Картли» ничего и не мог о ней знать!

— Как же это не мог? А Леонтий Мровели?

— А Леонтий Мровели в конце того же одиннадцатого столетия, как следует из приведенного вами отрывка, дополняет рассказ об Андрее сомнительной достоверности историей о гневе царя Адерки на кларджетцев и мегрелов, из-за чего те якобы попрятали иконы. А вот это уже интересно и означает, возможно, что к тому времени где-то в Грузии уже почиталась икона, связанная с именем апостола Андрея. Древняя икона — разве этого вам мало?

— Но ведь всё равно не та самая, которую послала с апостолом Богородица?

— Эх, Нина-Нина... Настоящую, не легендарную икону мы находим в Южной Грузии — в области Самцхе, в крепости Ацкури. Если только этот сюжет не заимствован из армянского предания о том, как апостол Варфоломей опоздал на погребение Богородицы, но в утешение получил Её икону, которую принёс на Кавказ... Очевидно, что в ацкурском предании преломилась история христианизации этого края с разрушением каких-то языческих святилищ и водружением на их местах крестов и храмов. А сама история нерукотворной Ацкурской иконы просто переписана с легенды о Нерукотворном образе Христа на убрусе, что и понятно, учитывая присутствие в житии апостола упоминания о царе Авгаре. Из той же легенды взят и рассказ о чудесном свечении образа. А вот повесть о Дид-Ачаре и воскрешении юноши взяты из апокрифических «Деяний Андрея и Матфия», причём, скорее всего, из второй их редакции, на что указывает и история с храмом Аполлона...

— Постойте-постойте, но ведь недавно один наш уважаемый археолог проводил раскопки в Ацкури и обнаружил там следы крепости римского времени!

— Что доказывает древность не Ацкурской иконы, но Ацкурской крепости. Правильно? Оно и неудивительно, учитывая стратегическое положение Ацкури при выходе из Боржомской теснины на равнину Куры.

— Да откуда вы всё это знаете?! Может, вы специалист по Грузии и просто морочите мне голову?! Или русский шпион?! Может, вы устроили этот розыгрыш, чтобы посмеяться надо мной?!

— Да нет же, Нина, дорогая, поверьте, такое бы мне даже и в голову не пришло. Просто, ну как объяснить... просто я неплохо знаю географию Кавказа. Всё, что мы тут обсуждаем, я услышал сегодня — точнее уже вчера — от вас впервые в жизни, и спасибо вам за это, да и не только за это... Послушайте, просто так получилось, что я сегодня работал как раз над кавказской частью путешествия Андрея у Епифания Монаха, да и диссертация Каля с разбором Никиты недавно подоспела. И тут вы как снег на голову — нет, скорее как утренняя роса! Ацкури же и прочее я и в глаза не видывал — просто в детстве любил изучать карты — вот и всё! Мне казалось, зря я этим занимался, ведь кавказоведом всё равно не стал. А сегодня вот пригодилось, ведь я не только с Андреем и Грузией разобрался, но и с Максимом Исповедником и Схимаром.

— Подождите, но с Химаром же всё давно ясно. Да, и почему вы говорите «Схимар»? Он находится в Цагери: мы туда ездили в паломничество, нам местный епископ Стефан показывал даже гробницу преподобного. А грузинская глосса двенадцатого века указывает, что Химар — это крепость Мури в Цагери. Вы на наши святыни, будьте уж любезны, не покушайтесь!

— Помилуйте, Нина, я ни на чьи святыни и не думаю покушаться. Я просто хочу узнать правду — вот и всё! Не важно, Схимар он или Химар, не важно, простите же меня, и то, что пишет глоссатор через полтысячелетия после смерти Максима Исповедника. Важно то, что

современники самого Максима, бывавшие в тех же краях, говорят, что он находился совсем рядом с «вершиной Кавказа, выше которой нет горы на земле», то есть с Главным Кавказским хребтом, причём вблизи от алан. А под властью патрикия Лазики это могла быть либо Верхняя Сванетия, либо верховья Кодори. Но в Сванетии нет византийских крепостей — а там был гарнизон во главе с комитом! Следовательно, остаются верховья Кодори. Я как раз перед сдачей рукописи об этом размышлял: Клычская крепость — это, верно, Букол-Бухлой, Чхалтинская — Цахар-Железная, Сакенская — бронзового века. Значит, остаётся... остаётся... Омаришарская крепость — вот что остается! Ну да, как раз рядом с Буколом, то есть с аланами, которые его взяли, и недалеко от Эльбруса. И название тогда понятно: Сгимар — это же по-свански «минеральные источники», правда? Вы ведь знаете сванский? Сам-то я — нет, просто вычитал где-то. А минеральные источники там и правда рядом есть, километрах в трёх. Значит, надо ехать туда, искать мощи преподобного Максима, ведь Епифаний Монах ещё в начале девятого века их там видел, а про их перенесение оттуда ничего достоверного не известно. Поедемте, правда, туда, Нина! Знаете, какая там красота?! Я был там в детстве... Колючие горы, страшные обрывы, снег пиками в небо. Ручьи с ума сходят, орлы летают, море видно. А небо, небо-то какое! Это не наше низкое небушко, это прямо небище какое-то, и звёзды ночью с кулак! Знаете, как здорово лежать там ночью на горе и угадывать созвездия, ждать, когда взойдёт Венера. Это такое счастье, которого нигде больше на свете нет. Поедемте!

Ответа не было. Размечтавшийся Гриша и не заметил, как за окнами стало понемножку светать, а вконец измотанная долгим разговором Нина заснула, слегка склонив свою прекрасную головку на его

костистое плечо. Гриша замер и боялся пошевелиться от обрушившегося на него счастья.

5. И СНОВА НА БОСПОР

Судя по итинерарию — указателю дорог, который был с собой у Епифания, они подошли к устью реки, впадавшей несколькими своими протоками и в Понт, и в Меотиду, и в Киммерийский пролив, образуя множество островков, так что им постоянно приходилось искать удобные броды, чтобы дойти наконец до какого-нибудь портового городка и переправиться на Таврический берег. У этой реки в дорожнике Епифания было сразу несколько названий: Ипанис, Антикит, Псатис, Куфис, Укрух. Было совершенно непонятно, называется так сразу вся река или какие-то из её рукавов каждый по отдельности носят эти причудливые имена. Ещё более диковинными были названия островов между ними: Турганирх, Царбаганий и ещё один, чьё имя ни один грек не смог бы произнести ни за какие деньги.

Осторожно двигаясь вдоль морского побережья, Епифаний и Иаков оказались на плоской равнине, покрытой уже полностью выжженной солнцем травой, хотя было только начало лета. После странствий по горам Пафлагонии и Понта, Иверии и Сусанин, Авасгии и Зихии студиты никак не могли привыкнуть к открытым до самого горизонта пространствам суши, но на островках Азиатского Востора, где в древности жили загадочные синды и меоты, и эта земля стала вдруг уходить из-под ног: острова сужались, сужались — и исчезали в море, поэтому монахи постоянно возвращались назад в поисках такого острова, который был бы населён людьми, лучше — христианами, а их тут не могло не быть, потому что в Никопсии, главном городе Зихии (его Епифаний с Иаковом покинули больше

недели назад), было несколько церквей и даже епископ, который не подчинялся иконоборцам, ибо племена зихов не были подвластны ромейскому василевсу, но платили дань царьку авасгов. Несомненно, эти варварские народы впервые услышали Слово Божие из апостольских уст, ибо не только апостол Андрей прошёл через их земли, но и Симон Кананит: в Никопсии местные монахи, из народа с загадочным именем «касахи», показывали им его гробницу и даже открывали раку, в которой действительно были его мощи. Что это именно его мощи, было несомненно, потому что на раке виднелась старая полустёртая надпись: «Симон Кананит».

— Что это за город там впереди, на севере? — радостно спросил Иакова Епифаний, когда после блужданий по одному из островов, где кругом булькали чёрной грязью холодные вулканы, они наконец достигли каких-то строений.

— Кто его знает, отче... В нашем дорожнике так путано всё описано, что никак не разберёшь, где в этих местах какие города. А городов тут много, и почти все греческие, будто это никакая не болотистая пустыня, а окрестности Константинополя! Слушай: Киммерик, Ахиллея, Патрей, Корокондама, Ермонасса, Апатур, Кипы...

Войдя в городишко, расположенный на берегу то ли пролива, то ли залива, студиты не сразу нашли кого-нибудь, кто бы смог ответить им по-гречески. Жили в том городе сплошь рослые аланы — несколько закованных в железную броню аланских всадников попались им по дороге в порт, — какие-то неведомые папаги да хазары — страшные, раскосые, надменные, от них пахло бараньим жиром и веяло необузданной варварской силой. Над портом, затерянная среди нагромождений глинобитных домов, стояла каменная, но сильно облупленная церквушка, в чьи двери Иаков никак не мог достучаться. Из соседнего домика,

прилепленного вплотную к церкви, такого же скособоченного, как и все остальные, вышел старый священник-алан, который сразу залепетал по-гречески, но оказалось, это были сплошь одни слова из богослужений, но что они значат, алан вряд ли понимал, да и на все вопросы Епифания отвечал то ектеньями, то отпустами.

— Вот неуч! — горестно воскликнул Епифаний. — Затвердил наизусть, как попугай! — И только одно простое слово слышали студиты из его уст, его он повторял между «Господи помилуй» и «Святый Боже»: «Сноха, сноха».

И действительно, через некоторое время из того же дома вышла молодая женщина с младенцем на руках: видимо, это и была его сноха, лазка, родом из окрестностей Трапезунта, потому и смогла она ответить на расспросы уставших путников.

— Как же называется, сестра, ваш город?

— Знаю только, как его теперь хазары зовут — Таматарха. А раньше, до хазар, тут, кажется, и греков было больше, сейчас вообще несколько старух осталось.

— Та Матарха? — переспросил Епифаний. — А где же эта?

— Да нет, ты не понял. Город так и называется: Таматарха.

— Это они точно что-то перепутали. Ох, Иаков, не указан в нашем дорожнике такой город... Уж не занесло ли нас с тобой на край света?

— Какой же это край света! — всплеснула руками лазка. — Край-то света дальше, туда на Север, где живут одноглазые люди в ледяной пустыне. А вон на том берегу пролива — видите противоположный берег? — там большой город Воспор — поглядите туда, его хорошо видать отсюда, — там есть греки, есть епископ... Замолчи, Андрей! — прикрикнула она на раскричавшегося младенца.

— Какое хорошее имя у твоего сына, — умилился Епифаний.

— Уж не знаю... Это отец его настоял, чтоб его так назвали. Чем ему так святой Андрей приглянулся, ума не приложу.

— Как чем! Первозванный апостол, обошёл вокруг весь Понт. И через ваши края проходил, между прочим.

Тут старый алан, воздев к небу палец, забормотал:

— Святой Андрее!.. Святой Андрее!.. Моли!.. Бога!.. А!.. Нас!.. Та-а-ман-Та-аркан!

— А это он уже на хазарский перешёл, — пояснила сноха. — Так хазары произносят название этого города.

Под вечер, в тумане, на утлом пароме студиты переправились на европейский берег Киммерийского пролива, в город Воспор, некогда славный, но ныне находившийся под игом хазар. Но именно поэтому там вовсе не оказалось иконоборцев. Старый епископ Колимвадий, поставленный на воспорскую кафедру ещё патриархом Тарасием, не принял посланцев иконоборческого патриарха из Константинополя, отъехав на богомолье в дальний монастырь на ту сторону пролива. Поскольку же тошно и страшно было посланникам оставаться надолго в этом полуварварском городишке, куда вот-вот нагрянет жестокий хазарский каган, то вернулись они восвояси, так и не объявив Колимвадию о запрете почитать иконы. Конечно, все в городе знали, зачем к ним прибыли константинопольские гости, но виду не подавали, а появление императорских гвардейцев, которые могли бы схватить епископа и верный ему клир, в хазарских владениях было невозможно.

В церкви Святых Апостолов Епифания встретил, словно зная о его прибытии, выбранный в новые епископы ипопсиций Георгий, которому предстояло рукоположение, ибо Колимвадий был уже очень стар. Но как тут рукоположишься, когда патриарх — еретик?

Впрочем, и Георгий, и весь клир очень любили старика, и воспоряне гордились его учёностью, поговаривая даже, что тот знает целых десять языков, но сосчитать их никто был не в силах, потому что столько и представить себе невозможно.

— Мир вам, братия студийские! — приветствовал гостей Георгий. — Были здесь незадолго до вас письмоносцы отца Феодора, с коими общались вы ещё в Никопсии, по пути в сей богохранимый град. И слышал я, что собираете вы предания о святом всехвальном апостоле Андрее, который ходил проповедовать к скифам. Сие занятие весьма похвально, и я удостоверяю, что воспоряне ревностно чтут память святого Андрея, коего проповедь евангельская навеки запечатлелась в сердцах наших.

Речь Георгия показалась Епифанию слишком напыщенной, но в целом приятной, особенно после месяцев странствий по варварским землям. Возможно, Георгий нарочно приукрашивал свой язык изысканными оборотами, произношение же у него было безупречным, пусть и старомодным, ведь в произношении самое главное — следование тому, как говорят старшие, а новомодного константинопольского блеяния, да ещё без падежей и залогов, здесь, на самой окраине христианского мира, конечно, никто ещё не слыхивал. Никогда Епифаний не забирался так далеко на север.

— Сотворил же здесь, — не останавливался Георгий, — святой Андрей немало чудес. Увидев их, воспоряне немедленно послушались его богодухновенного слова, крестились во имя Отца и Сына и Святаго Духа и до сего дня не впадали ни в одну из душевредных ересей, якоже вы сами и зрите воочию. Вот иконы святые, коим поклоняемся мы более пятисот лет. — И Георгий повёл студитов вдоль стен церкви, показывая им удивительные иконы Христа и святых, написанные восковыми красками, столь же прекрасные

образы стояли в алтарной преграде и в самом алтаре. Воистину написаны они были не руками человеческими, но самими ангелами! Ещё удивительнее было обнаружить это чудо в такой глуши, как Воспор.

— А в основание нашего храма, — торжественно объявил Георгий, указывая на плиту в полу алтаря, — вмурована рака святого апостола Симона Кананита. Воззрите на сию надпись: «Симона апостола», — гласит она.

— Погоди, отче, — остановил его Епифаний. — А чьи же тогда мощи покоятся в Никопсии Зихийской?

Георгию вопрос не очень понравился, и, задумываясь над каждым словом, он стал отвечать:

— Да, говорят, лежат там мощи апостола Симона, но немного... Это они... то есть зихи, неумытые варвары... получили от нас, егда приснопоминаемый василевс Юстиниан основал им епископию рукою нашего митрополита. А у нас мощей много: с древних времён, Константиновых ещё, они здесь, и в знак подлинности их я передам частицу от них святой обители Студийской.

Сказав так, Георгий приказал слугам сдвинуть крышку раки и, помолившись перед ней, спустился под пол. Через некоторое время он выбрался оттуда, высоко держа над собой мизинец святого. Епифаний пал на колени и облобызал частицу, а затем вложил её в свой дорожный ларец — туда, где уже были мощи другого апостола, и пообещал, что передаст их в хранилище Студийского монастыря, как только падёт иконоборческая власть и жизнь в обители будет восстановлена.

Именно об этом — о падении иконоборчества — горячо молился епископ Колимвадий на открытой террасе своего большого загородного дома, когда Георгий привёл к нему студитов. Дом стоял на высоком холме, который, к удивлению константинопольских гостей, оказался огромным курганом древнего царя: его

сводчатый склеп епископ приспособил под винный погреб. Принесли и вино, на столичный вкус чуть кисловатое и одновременно сладковатое, которое местные то ли в шутку, то ли всерьёз называли именем безбожной царицы Иезавели. С террасы открывался вид на Киммерийский пролив и все городки на его азиатском берегу, изрезанном протоками реки Ипанис.

— Поглядите, отцы-братья, — Колимвадий махнул в сторону моря, — на главное сокровище хазарское. Вот она, великая река, коей Меотийское бласто изливается в Понт! В юности я посвятил ей целую поэму, да... И уже тогда безбожные хазары держали в своих руках всю торговлю здесь. Видите Таматарху на том берегу — на самом крупном из островов? Там сидит великий тархан хазарский, владыка Воспора и Таврики, а с ним мириада войска — по-хазарски «тумен». Вот потому и называется так этот городишко Тументархан — «тархан тумена», а по-нашему Тагматарха, что то же самое — «начальник тагмы», — прескверный городишко, надо признаться. Меня там ещё при великом господине нашем Тарасии, истребившем было иконоборчество, как вы, конечно, помните, — тогда меня этот тархан держал в яме и чуть не уморил голодом, а потом его прихвостни хотели меня утопить, но Господь сжалился надо мною.

Георгий тихо перебил владыку:

— Не следует так говорить о хазарах, господин. Они защитили нас от лютых еретиков-иконожѣгцев.

— Знаю, знаю, Георгий. Хазарский язык трескучий, говоришь по-хазарски — словно палкой по частоколу ведёшь: тук-тук-тук-тук... Но разве не хазары жестоко истребляли готов-христиан в Таврике при блаженной памяти епископе их Иоанне? Разве не они грабят купцов в проливе? Правда, некоторые купцы успевают уйти от их поборов, проскальзывают незамеченными. Оттого-то тархан каждый год молит своих богов-бесов, чтобы сузили они пролив, и каждую зиму измеряет его ширину

по льду — от Таматархи до Воспора. А пролив-то только расширяется!..

— ... А что значит «от Тъматороканя до Кърчева»? — спросила вдруг Нина Гришу, глядя на знаменитый Тмутараканский камень.

Гриша не сразу понял:

— Как что? Ты не знаешь, что такое Тматорокань и Корчев?

— Очень приблизительно. Разве этот камень не подделка?

— Конечно нет. Хотя такие сомнения и были. Смотри, как хорошо в этом написании «Тъматорокань» отразилась тюркская форма «Туман-Тархан». Хотя изначально-то тут было «Таман-Тархан», откуда и нынешняя Тамань, а со словом «тюмен», кстати, то есть с «десятью тысячами», этот «таман», титул какой-то, никак не связан. Я специально выяснял у профессора Добродомова... В конце восемнадцатого века, когда этот камень нашли, ещё не смогли бы до такого додуматься.

— А Корчев — это где?

— Нынешняя Керчь. Тоже очень интересная форма. Многие считают, что слово «Керчь» появилось сильно позже, поэтому и надпись на этом камне — подделка. Форма и вправду странная, тем более что в то время Корчев звался Воспором, то есть в честь древнего названия пролива — Боспора Киммерийского. В античное время — Пантикапей. Кстати, фон Гутшмид ещё в конце девятнадцатого века предположил, что неподалёку от Пантикапея, сейчас в черте Керчи, располагался тот самый Город людоедов из «Деяний Андрея и Матфия». Помнишь ведь, как он назывался? В одних списках — Мирна, в других — Мирмена, где-то — Мирмидона. Так вот, рядом с Пантикапеем был античный городок Мирмекий, а тамошние скифы — это, стало быть, людоеды. Епифаний уже не мог знать об этом Мирмекии, потому что к его времени там был всего лишь убогий

хазарский посёлок. Иначе не пришлось бы ему идти на такую нелепую натяжку, как связывать со скифами Синопу. Откуда же в Синопе скифы!

Нина всё больше и больше погружалась в бархатистую глубину Гришиного голоса, который здесь, в залах Эрмитажа, звучал совсем по-особенному. Но что-то мешало ей окончательно потонуть в нём, и она снова и снова выныривала на поверхность.

— А зачем этот «Глеб-князь мерил море по леду»? И что за год там указан? «В лето...» — а дальше какие-то ваши старые цифры-буквы.

— «В лето 6576-е...» — это от Сотворения мира, то есть в 1068 году, — «...индикта шестого...» — ну, это ты знаешь: делим 6576 на пятнадцать, то есть на период индикта, и в остатке получаем именно шесть, — «...Глеб-князь мерил море по леду от Тмутороканя до Корчева» — но вот зачем?.., кто ж его знает... и получилось у него: «...четырнадцать тысяч сажень». Сколько это было на самом деле? Сейчас от Тамани до Керчи по прямой около двадцати трёх километров. Если разделить на четырнадцать тысяч, то окажется метр шестьдесят. Такая сажень тоже когда-то была, так что всё вроде сходится. Но нельзя исключать, что князем Глебом использовалась какая-то другая сажень, и тогда расстояние могло быть другим, ведь пролив-то становился то уже, то шире.

Гриша несколько дней водил Нину по одному только Эрмитажу, благо они поселились в академической гостинице по соседству, но, увы, в разных комнатах, на чём настояла именно она. В Петербург Нина прибыла по той же своей учёной нужде — в поисках архива Марра, в котором могла заваляться сделанная им копия с древнейшего, и без лакун, списка «Обращения Картли». А что могло оказаться в той копии... От предвкушения невиданного открытия у Нины захватывало дух, но она всё откладывала и откладывала свою работу, потому что

за ней последовал Гриша, бросивший все свои дела в Москве. С ним было интересно, он открывал перед ней какие-то неведомые горизонты и в науке, и в быту, рассеивал её старые предубеждения, ломал стереотипы. Благодаря ему, например, она вдруг поняла, что грузинское вино не самое вкусное в мире, как ей внушали с детства. При этом Нина держала его на некотором расстоянии от себя, а Гриша всеми силами его преодолевал, выбиваясь из сил. Но она всё не решалась рассказать ему о сокровенном — о том, почему она не мыслила своей жизни рядом с каким бы то ни было мужчиной.

В Петербурге они пробыли вместе недолго. Грише нужно было возвращаться в Москву, чтобы сразу же ехать на важную и давно запланированную конференцию в Херсонес. Да и Нине тоже требовалось время на работу и с архивом Марра, и с грузинскими рукописями в Публичке. Так они впервые расстались, пообещав писать другу.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

ВИЗАНТИЙ И ОКРЕСТНОСТИ

1. «ВЕЛЕГЛАСНЫЙ ОРЁЛ ЕВАНГЕЛЬСКОЙ ПРОПОВЕДИ»

«...Апостол Господень Андрей прибыл в то место на своём пути. И когда приблизился он к Поликсене, то понял сердцем, что внутри него происходит некое смятение. Став тогда на молитву и сложив у себя на груди руки крестом, он сказал: «Господи Иисусе Христе, Причастник света и Знатор тайн, от Которого не утаено ничто на земле. Сотвори со мной человеколюбие и милость, усмири это смятение и успокой мой рассудок, о Устанавливающий везде мир с теми, кто любит мир!»»

— Чем же его, интересно, так смутила эта Поликсена? Неужели своей красотой!.. — воскликнул он в сердцах, оторвавшись от чтения. — Ладно, посмотрим, чем у них там всё кончилось...

«Тогда Поликсена побежала к нему, и говорит ей апостол Господень Андрей: «Не приближайся ко мне, дитя моё, но скажи-ка лучше, кто ты и откуда». И ответила Поликсена: «Я, господин мой, чужеземка, но вижу, что лицо твоё приятно, а речи твои как речи Павла, и кажется мне, что и ты от того же Бога». Андрей догадался, что говорит она об апостоле Павле, и спросил её: «И откуда же ты знаешь Павла?» Та ответила: «Ещё на своей родине, в Испании, я общалась с ним, а он там оставался...»».

— Как же это в Испании? Разве апостол Павел добрался дотуда? Да, писал он в Послании своём к римлянам: «...с давних лет имея желание прийти к вам, как только предприиму путь в Испанию, приду к вам», —

и ещё ниже: «...я отправлюсь через ваши места в Испанию». Хотя и в списке апостольском Епифания Кипрского об этом говорится. Может, и вправду добрался...

«Говорит ей Андрей: «И как же ты здесь оказалась, в такой далёкой стране?» И ответила ему девица: «Как суждено мне было, так и случилось. Оказалась — и оказалась. Сейчас же припадаю к стопам твоим и молю: запечатлей меня, как и Павел запечатывает баней возрождения, баней вечной жизни, — святым крещением, чтобы и меня несчастную признал, наконец, всемогущий наш Бог! Ведь Он человеколюбив и многомилостив, ведь это Он, увидев мою беду и несчастье, послал тебя сжалиться надо мной». Тогда великий апостол Господень Андрей говорит ей: «Так пойдём же, дитя моё, туда, где есть вода»».

— Ах, вон оно что... Девица-то вполне целомудренна и жаждет крещения. Но отчего тогда смутился апостол?..

«И вот, пройдя немного далее, пришли они к одному источнику, весьма прозрачному и чистому. Когда же апостол Андрей встал помолиться над водами, то одна девушка по имени Ревекка из племени Израильского, пленница в этой стране, пришла к тому же источнику набрать воды. И увидев блаженного Андрея, узнала она его по облику и воскликнула: «О, это облик пророка! Он один из апостолов!» — и, поклонившись ему, взмолилась к нему: «Пожалей меня, раб Бога истинного, смилуйся над пленницей, уже трижды проданной, которую почитали некогда пророки, а теперь вот насмеются надо мною идолослужители. Вызволь меня, прошу тебя, посланного на вызволение многих несчастных и спасение многих грешников!» Отвечает ей апостол Христов Андрей: «И о тебе, дитя моё, позаботится Бог, как и об этой чужестранке. Примите же обе, наконец,

святое крещение — и будьте отныне как соплеменницы, вечно славя Бога».

Сказав так, продолжил апостол свою молитву над водами. И вот, приходит вдруг быстроногая львица и, остановившись близ него, наблюдает за ним. Апостол же Господень Андрей говорит ей: «Чего же ты хочешь, о дикий зверь?» А львица тут как открыла рот да как заговорила человеческим голосом: «О апостол Христов Андрей, достигла меня молитва той девицы, что стоит справа от тебя. Так укрепи же их, огласи и наставь их на прямой путь и к истинной вере Христовой, потому что сильно любят они имя Господне. И взгляни на чудеса и невысокомерие Бога: видишь, как на неразумных и диких зверей излил Он милость Свою». Заплакал тогда блаженный Андрей и стал сокрушаться: «Что сказать мне или что поведать о милости Твоей, Боже? Что так заступаешься ты всегда за несчастных и заботишься о тех, кто в неведении, о Невысокомерный и Многомилостивый?» И исполнив молитву, крестил он обеих девиц во имя Отца и Сына и Святого Духа».

— Так и есть, пустой апокриф... Говорящая львица, сейчас ещё какой-нибудь благовествующий орёл появится... О проповеди же и хождениях Андрея опять ни слова! Ну хоть бы сообщалось, где всё это происходит! Судя по тому, что там живут львы, это может быть и Ливия, и Кавказ... А, да вот и обрывается эта сказка, совсем короткая оказалась:

«Львица тотчас убежала на гору, а девицам апостол Андрей сказал: «Спешите, дети мои, стяжать добрую славу пред лицом Бога, праведно живя на чужбине, и не разлучайтесь отныне друг с другом. А Бог, Который всегда пребывает с призывающими Его, сохранит вас в святости, отгоняя от вас лукавого. Молитесь же и вы за меня!» Сказала тогда Поликсена: «Нет уж, последуем мы за тобой, куда бы ты ни отправился». Но возразил ей на то апостол Андрей: «Не указано мне о том, дети мои, от

Господа. Так что оставайтесь здесь в мире, надеясь на Господа, и сохранит Он вас до конца». И отправился Андрей своим путём, радуясь и славя Бога...»

— И это всё?! Стоило столько глаза ломать, чтобы прочесть эдакие басни! Неужели отец-библиотекарь не нашёл для меня ничего получше!

Разочарованный, он захлопнул книгу и вышел из библиотеки.

Перед Никитой стояла задача не столько сложная, сколько почётная: ему надлежало вскорости прочесть проповедь в своём родном селе, и не простую, а на торжественном освящении церкви во имя святого апостола Андрея Первозванного. Притом церковь эту, долго стоявшую в запустении, отстроил на свои деньги его родной дед. Вот и выходило, что и для Никиты, давно уже столичного жителя, это большой почёт и приятная обязанность.

Его столичным друзьям такое дело показалось бы пустяковым и даже плёвым. Ну что тут такого? Берёшь какое-нибудь слово Златоуста, меняешь имена людей и мест — и на тебе, пожалуйста, готовая проповедь! Кто из деревенских мужиков и баб поймёт её? Во всём его селе более или менее приличное образование только у старосты, у императорского коммеркиария, собирающего пошлины, да, может быть, у самого священника Андреевской церкви — оттого-то Никита и сбежал из этой глуши! А можно и так: вообще ни о чём конкретном не упоминаешь, а просто используешь заученные в школе риторические фигуры — и всё. Никита и сам порой не чурался такого способа, например, когда писал похвальные слова святым апостолам по заказу настоятеля их храма. Впрочем, некоторые места из своей похвалы апостолу Андрею Никита вспоминал не без удовольствия. Вот, к примеру, такое:

«Итак, посему нельзя предпочесть одного из боговидцев другому, что все они усовершенствованы единою благодатию, подобно многоценным жемчужинам или ценным камням, равноценно вплетённым Царём Небесным в единый сверхценный венец славы; поскольку же все они, как совершенные овны, суть вожди овец Пастыреначальника, равно по богонаначальному слову облеклись Святым Духом, то, каждый отсюда получив по жребию особую часть вселенной, отправились, служа благовестию, к своему апостольскому уделу.

Ты же, честнейший для меня Андрей, богодостойное дело, истинного мужества образец, алмаз твёрдости, образ терпения, камень после Камня, после Христа тотчас непоколебимое основание Церкви, получив себе в удел север, иверов и сарматов, тавров и скифов и обходя все страны и города, те, что к северу от Понта Эвксинского, и те, которые лежат к югу от него, ты тёк, славя в глуши Иисуса. Ты прекрасными стопами тёк, благовествуя о Христе — как полный света и будучи сам светом к омрачённейшим; как кротчайший — к необузданнейшим; как добрейший — к суровейшим и жесточайшим. Великолепие добродетели и слава святости твоей настолько превосходны, насколько известны свирепость и зверовидность этих народов.

«Познал, — ведь сказано, — Господь своих», — и зная, кто к какому служению способен, и вместе незримо заботясь о каждом с самого его зачатия и соответственно намерению каждого даруя Своё благоволение, Он направляет каждого к собственному совершенству. Он, пребывая и с тобой у отдалённых и омрачённейших, ниспослал им умственное озарение. Ибо, словно облаком света, облаком лёгким и таинственным, находясь в сознании и придя к этим непросвещённым народам, Он открыл им чрез тебя

соответственный им и, как было возможно, луч богопознания».

Или был у него ещё в проповеди такой изысканный пассаж:

«Но каков способ сосуществования человеколюбивейше-го с бесчеловечнейшими? Прежде всего языком, подобным их варварскому наречию, привлёк он к себе их грубый слух, ибо подобное по природе своей следует за подобным. Посему и Дух сошёл на апостолов в виде языков, и, прежде других знамений, у них произошло разделение языков — так дикие души смягчаются скорее словесным общением, нежели всеми другими чудесами. Таким образом, соединяя с тождеством речи благовидность нрава, нежность и кротость и смягчая их грубость, дикость и жестокость, он мало-помалу привлёк их к себе...

Так великий апостол, обходя северные края, насаждал среди них горы Сионские. Ибо у кого был след прямоты, у кого присутствовала частица здравого ума и смысла, видя человека, и светлостью разума и совершенством жизни превосходящего их настолько, насколько они сами считали себя выше зверей и тварей, приклонили свой рассудок и притекли к проповедуемому им свету и просвещаемые словом благодати, и очищаемые водою возрождения, и исполняемые Духом всыновления, — те образовались в святые церкви Всесвятому».

Да, что уж говорить, удавались Никите торжественные речи, и он, небогатый провинциал, даже научился зарабатывать себе этим на хлеб. Но сейчас дело обстояло иначе: требовалось не только прославить Первозванного ученика Христова, но и встроить в эту проповедь само родное село Никиты — затерянный в пафлагонской глуши Харакс. Похвалу этому селу, храму и своему деду Никита уже придумал и часто повторял в уме, постоянно оттачивая и шлифуя её стиль:

«Поскольку великий апостол благочестия старался останавливаться в многолюдных деревнях и городах: «Ведь в толпах, — говорил он, — обыкновенно находятся ищущие», — то, поплыв из Амастриды вверх по судоходной реке, называемой Парфений, он достиг селения Харакс, который называется так в соответствии со смыслом сего имени, ибо подобен некоему обстроенному и укреплённому отовсюду городу. Ведь он окружён и ограждён, словно изгородью и укреплениями, двумя реками: с юга — именуемой за её буйность Ликом (волком), а с северной стороны — называющейся за свою полноводность Лусой (омывающей); приятным и радостным для жителей делает он проживание там, особенно благодаря тому, что две эти реки соединяются и сливаются в одно русло у западного подножия этого селения и образуют вышеупомянутую реку Парфений. Большая по глубине, пространная по ширине и совершенно спокойная по тихому ходу течения, она от природы приспособлена для лёгкого движения большегрузных барок, наполненных всевозможными видами товаров, вверх, к одному плоскому и равнинному месту. К нему в определённое время каждого года, в месяц под названием лоос, или август, стекается множество людей от всех уделов Востока и Запада, собираясь словно на некое общее торжище, каждый продавая своё, обменивая и покупая необходимое. Однако не только тогда, но и во все другие времена года никогда не иссякает поток спешащих туда, ведущий же сюда тракт сохраняет подобие муравейника, так как одни приезжают, а другие уступают место прибывающим, и все они приносят обитателям немалую утешительную выгоду и пользу.

Прибыв сюда, высоко парящий и велегласный орёл евангельской проповеди возвестил слово благочестия и многих привлёк к познанию истины. Освятив здесь и некое молитвенное место, подходящее для устройства

престола, он водрузил на нём животворящее изображение спасительного Креста. Там спустя короткое время местными жителями был построен во имя его храм, а в самом месте воздвижения Животворящего Креста поставили они честной образ, во всём подобный тому первому, апостольскому, кресту, верно написав его на стене. Образ этот сотворил и множество чудес, как рассказывают люди, хорошо его знающие и помнящие то древнее святилище, ведь незадолго до этого оно разрушилось из-за сырости и ветхости. И сей ныне видимый благолепный храм был вместо него воздвигнут в честь апостола неким достопамятным и вернейшим мужем, соименным Божиему дару — так Никита зашифровал имя своего деда Феодосия, — который почтён достоинством иллюстрия и многих превосходит счастьем в жизни, равно как и украшен благородством нравов и отличается благочестием и набожностью».

Но похвала родному Хараксу выглядела бы не слишком убедительной, если бы Никита не вписал это селение в маршрут всего проповеднического странствия апостола Андрея. А вот с этим выходила загвоздка: ему никак не удавалось найти такое жизнеописание апостола, которое содержало бы упоминание его пафлагонской родины и которое можно было бы риторически переложить. Поэтому-то Никита и отправился сегодня в Патриаршую библиотеку: он знал от своего учителя Арефы, что там должен быть какой-то кодекс с древними деяниями святых апостолов — их покойный патриарх Фотий хоть и ругает за стиль и нелепости, но кроме них наверняка нигде более про его родную Пафлагонию и не говорится. А вместо этого бестолковый библиотекарь принёс ему какие-то байки о говорящих зверушках — будто во всей величайшей библиотеке мира нельзя было найти чего посерьёзнее!

По правде сказать, в церковной части книгохранилища Никита был не силён; другое дело — Октагон со «внешней мудростью». Сколько счастливых часов проведено здесь! Не только Гомер и Платон нашли здесь приют, но и такие редкие и малоизвестные писатели, как Скимн Хиосский или Скилак Кариандский. Их Никита переписывал собственноручно на листы белоснежного, «девичьего», пергамена, копируя текст со старого, рассыпавшегося на части папирусного свитка. «Метахарактеризмос» — так вычурно именовал это великое благодеяние для всего человечества Никитин учитель Арефа, ныне митрополит Кесарии Каппадокийской. После того как старые свитки, быть может, написанные ещё в апостольские времена, были бережно «мета-характеризованы» на свежий и прочный пергамен, они были уже никому не нужны и постепенно истлевали, крошились в труху и сыпались с полок на головы читателям.

Тусклое зимнее солнце едва перевалило за полдень, и, оказавшись на заполненной народом площади перед Святой Софией, Никита решил всё же ещё раз расспросить про древние деяния апостола своего учителя, который проводил большую часть года вдали от собственной кафедры, в просторном константинопольском доме. Никита свернул с Месы, нырнул в узкий переулок и исчез в пучине Города.

2. ЕПИСКОП ВТОРОГО РИМА

— Удалившись оттуда, то есть из Никомидии, апостол Господень поднялся на корабль и, войдя в Геллеспонтское море, поплыл так, чтобы достичь Византия. И вот море заволновалось, налетел на них сильный ветер, и корабль стал тонуть. Затем, когда над всеми нависла смертельная опасность, блаженный

Андрей помолился Господу и приказал ветру, и тот стих, а буря на море улеглась, и настал штиль. И все, избавившись от этой опасности, прибыли в Византий. Выйдя оттуда в направлении Фракии, они заметили издали множество людей с обнажёнными мечами, которые держали в руках копья, словно желая напасть на них. Когда апостол Андрей увидел это, то, осенив их крестным знамением, сказал: «Молю, Господи, пусть будет низвергнут их отец, который подстрекает их делать это. Пусть будут рассеяны они божественной силой, и пусть не потерпят вреда надеющиеся на Тебя». После этих слов ангел Господень, с великим сиянием шедший впереди, коснулся их мечей, и они упали на землю. И пройдя вместе со своими людьми, блаженный апостол не претерпел никакого вреда, ибо все, отбросив мечи, поклонялись ему. Тогда ангел Господень удалился от них в великом и светлом сиянии. — Тут мягкий и одновременно величественный голос умолк.

Но ему немедленно возразил другой голос, резкий, картавый, будто клекочущий — явно нездешний:

— И какое отношение это имеет к теме нашей беседы?

Мягкий голос ответил спокойно и с достоинством:

— Разве не обратил ты внимание на слова «прибыли в Византий»? Значит, святой апостол Андрей был в нашем городе и проповедовал здесь слово Христово.

Картавый оборвал его:

— И что же? Это ведь еретические писания, их осуждают наши святые отцы. Вспомни, что писали о них и Августин Иппонский, и Филастрий Брешианский, и Еводий Узальский, и Григорий Турский, и даже ваш покойный патриарх Фотий. Вспомни, как Вселенский собор, созванный при благочестивых императорах Константине и Ирине, отказался принимать от иконоборцев свидетельство еретических «Деяний Иоанна» против почитания священных образов!

Спокойный голос парировал:

— Еретическим писаниям не следует доверять тогда, когда они говорят ложь вместо правды. Однако как зло не существует само по себе, а есть лишь отступление от добра, так и еретики не выдумывают ничего своего, но только искажают правду. Ведь то, о чём я сейчас вам прочёл, подтверждается многими другими, полностью достойными доверия, писателями. Послушай, например, что говорит об этом великий учитель Церкви и главный борец с ересями — Епифаний, митрополит Константианы Кипрской: «Стахия, которого в том же послании упоминает Павел, поставил первым епископом Византия апостол Андрей в Аргирополе Фракийском». Ему вторит и священномученик Дорофей, епископ Тирский, исповедовавший Христа при злочестивом императоре Юлиане: «Ведь Андрей, переправляясь через Понт, захотел проповедать Христа жителям Византия. Но Зевксипп, господствовавший тогда над этим местом, будучи кровожаден, всех прибывавших в Византий чужестранцев допрашивал сперва о вере во Христа и лишь затем позволял войти. И если кто исповедовал Христа, того он потуже заключал в ковы и, вдобавок к этому, приказывал, связав им ноги и руки, топить в море. Итак, из-за такой жестокости Андрей проплыл мимо Византия и поселился на целых два года близ Византия, на фракийской стороне, примерно в одной стадии от Аргирополя, устраивая там собрания благочестивых и правдолюбивых мужей. И вот, приведя их ко Христу около двух тысяч, он воздвиг алтарь в Аргирополе и, поставив Стахия епископом, удалился в Синопу Понтийскую».

Но картавый не сдавался:

— Как же это Андрей поставил Стахия епископом в Аргирополе, когда этот самый Аргирополь — Среброград — получил своё имя лишь при патриархе Акакии, ибо

лежит он с другой стороны Босфора от древнего Хрисополя — Златограда?

Спокойный нисколько не затруднился с ответом:

— Из этого мы видим, что переписчик этих святых писаний заменил древнее, никому не памятное уже имя Аргирополя на новое, всем понятное. Но о древности этого места свидетельствует и «Мученичество святых мучеников Адриана и Наталии», где сообщается о погребении мощей святого Адриана в Аргирополе — там они почитаются и поныне. Почему же его благоверная супруга Наталия понесла его останки из Никомидии для погребения именно туда? Ясно почему: там издревле имели прибежище христиане, в отличие от языческого Византия, как нам то и сообщает блаженный Дорофей. И всё это, равно как и большую древность здешней Церкви, признал правдой и ваш папа Иоанн, когда при императоре Юстиниане прибыл в Константинополь и стал спорить о старшинстве в сослужении.

Не найдя, что возразить на эти аргументы, картавый промолчал, а полный достоинства голос продолжил:

— Память же о тиране Зевксиппе, на которого намекают и прочитанные мною «Деяния Андрея», если ты это только уразумел, и по сей день живёт в банях, носящих его имя. Только непросвещённые простолюдины могут полагать, что они названы так из-за Зевса Иппия — Конного. Но ты лишь пройдишь по улицам нашего Царственного града — и узришь воочию: сами храмы его свидетельствуют о проповеди здесь Первозванного ученика Христова.

Полный невыразимого восторга, Никита весь превратился в слух. Ещё час назад ему казалось, что нынешний день — память святых бессребреников и мучеников Кира и Иоанна в год 6415-й от Сотворения мира, от Рождества же Христова 907-й, — что день этот потрачен напрасно: слуга Арефы сказал, что митрополит не принимает. Лишь признав в Никите давнего ученика

своего хозяина, он таки сообщил тайком, что тот вызван по важному делу к самому патриарху. День всё равно не задался, и Никита решил дожидаться учителя у выхода из патриаршего дворца. Но митрополит долго не выходил, и, улучив момент, когда привратник отвлёкся на стаканчик принесённого ему ароматного отвара, Никита проскользнул внутрь и взлетел вверх по лестнице. У патриарших покоев стоял его старый знакомый — синкелл Евфимий: решив, что Никита должен прибыть вместе с Арефой, он проводил растерявшегося гостя до дверей патриаршего триклиния. Там уже и сам Никита неплохо ориентировался и, прокравшись за колоннами и завесами, затаился на жёсткой мраморной приступочке в нише с мозаичным изображением какого-то святителя, чей взгляд грозно поблёскивал в мерцающем свете горящих свечей, озарявших величественный сводчатый зал с наглухо закрытыми окнами. Отсюда, наблюдая за колышущимися по стенам тенями, никем не видимый, Никита мог наслаждаться подлинной мудростью своего наставника: не было равных тому в риторике, да настолько, что именно его выбрали наставником для наследника престола — нынешнего императора Льва, коего придворные льстецы прозвали Мудрым, но куда ему было в мудрости до своего учителя — их общего учителя!

— Смотри же, — гремел Арефа, — сколько церквей основал здесь Первозванный! По преданию, не чьей-нибудь, а его рукою заложен храм Пресвятой Богородицы в квартале Арматия, и это подтверждает нам тот же блаженнейший Дорофей, который говорит о проповеди апостола около старых стен. Да будет тебе известно, что снаружи от них и находится тот самый квартал Петрия, где учил Первозванный, а изнутри — квартал Арматия. Также передают, что святой Андрей основал и храм на месте нынешней Святой Ирины, и церковь в Неории-Ке-ратоэмволии, на южном берегу

Золотого Рога, и храм в Галате по ту сторону Рога, что носит ныне его имя, и церковь Пресвятой Богоматери на Акрополе.

«Но ведь на Акрополе нет храма Богоматери, — засомневался было Никита. — Ах да, наверное, митрополит имеет в виду храм Богородицы в соседнем квартале Евгения».

— Если же не веришь ты зримым свидетельствам и живому преданию нашей Церкви — так есть у нас и письменное им подтверждение. Блаженной памяти Игнатий, сподобившись сана епископа Константинопольского, возвёл Сатиров монастырь. Монастырь этот именуется также Восходящим, и названия свои он получил следующим образом. Сатаровым он именуется потому, что недалеко от него расположен древний Сатир, где находилось сооружённое язычниками святилище Сатиру, — из-за этой близости тем же именем был наречён и упомянутый монастырь. Восходящим же назван он по такой причине. Некогда, лет эдак сто назад, царь Никифор охотился в тех краях, где ныне расположен монастырь, а местность там лесистая, труднопроходимая, пригодная для охоты. Вдруг перед ним появился огромный олень, все пустились его преследовать и поймали как раз в том месте, где ныне возведён монастырский алтарь. И найден был там древний престол на колонне с такой надписью: «Это алтарь восходящего архистратига Михаила, воздвиг же его апостол Андрей».

Картавому пришлось отвечать, но голос его звучал теперь уже не так уверенно и нагло, а как будто поблёк и сник:

— Хорошо. Ты убедил меня, что святой апостол Андрей проповедал в древнем Византии, который стоял некогда на месте нынешнего Константинополя. И, может быть, он даже поставил в епископы здесь или где-то рядом Стахия. Но поскольку святой Пётр —

первоверховный апостол и старший брат Андрея, то и честь его кафедры должна быть несравненно выше!

Арефа продолжал с привычным достоинством и сдержанностью:

— Действительно, есть и такое мнение. Но нигде в древних писаниях не сказано, кто из двух братьев был старше — Андрей или Пётр. Зато хорошо известно, что Андрей не был женат, как Пётр, и первым стал из рыбака учеником Иоанна Предтечи, раньше брата пришёл ко Христу и даже привёл того ко Спасителю. Но и это не столь существенно. Важнее всего то, что они во всём были единодушны друг другу и даже вместе проповедовали! Ты спросишь меня, откуда это известно? Предваряя твой вопрос, скажу: в том же древнем кодексе, откуда я прочёл отрывок из «Деяний Андрея», есть и другое его деяние, которое я, с позволения вашего святейшества, прочту целиком, ибо есть в нём много наставительного и весьма подобающего для духовного назидания, особо приличного в канун святого праздника Сретения Господня, когда подобает нам приготовить себя ко встрече со Христом.

3. В ГОРОДЕ ВАРВАРОВ

— «Деяний святых апостолов Петра и Андрея» чтение! — велегласно объявил Арефа, и послышался приятный хруст сгибаемого и разгибаемого пергамена.

Арефа читал долго и протяжно, чтобы чужеземный гость вникал в каждое слово, хотя история, которую митрополит преподносил ему как некое значительное доказательство, показалась Никите не лучше того апокрифа, что он просматривал сегодня в Патриаршей библиотеке. Речь в ней шла о том, как после проповеди в Городе людоедов чудесное облако отнесло апостола Андрея на гору, где сидели брат его Пётр, а также

другие апостолы: Матфий, Александр и Руф; явившийся им в образе мальчика Христос отправил их на новую проповедь — в некий Город варваров, и вот, на подходе к нему застали апостолы земледельца, который пахал землю на волах, и решили испытать через него свою судьбу: если сжалится над ними земледелец, то ждут их в том Городе варваров победы над дьяволом, если же нет — то снова одни лишь мучения.

«А ведь апостол Андрей, обращаясь к Петру, называет его отцом, — заметил Никита, внимательно следивший за чтением. — Странно — почему... Как бы это не в пользу Рима вышло! Ну ничего, Арефа выкрутится». — И он ещё глубже забился в нишу.

Земледелец сжалился над апостолами и побежал в свою лачугу за хлебом для них, а в это время Пётр вместо него встал за плуг, Андрей начал разбрасывать зёрна, другие же апостолы своими молитвами призвали на землю благотворную влагу, так что зёрна тут же всходили и давали урожай сторицей.

«Вот у апостолов какое было смирение и любовь — не то что у нынешних пастырей! — подумалось Никите. — Сам первоверховный апостол не погнушался пахать землю. А брат его тоже не промах: захотел разделить тяготы единокровного!»

— Тогда этот земледелец, — продолжал читать Арефа, — взяв сноп пшеницы с поля, повесил его на своём посохе позади себя и, взяв плуг и волов, отправился в город. А когда он входил туда, увидели его некоторые из тамошних жителей и говорят старику: «Где нашёл ты сноп колосьев? Ведь сейчас только пора сева». Но он ещё быстрее направился к себе домой, весьма радуясь тому, что приготовит дом свой для апостолов. А первые люди города, услышав о случившемся, послали за стариком, позвали его и стали спрашивать: «Где нашёл ты колосья до того, как наступила жатва?» Но он не ответил им. Говорят они ему

снова: «Скажи нам правду. А если нет, то умрёшь дурной смертью!» Тогда ответил он им: «Не волнует меня ваша смерть, ведь я обрёл жизнь вечную. Если хотите знать правду, то подошли ко мне люди на моём поле, а я сеял. И спросили меня: «Есть у тебя хлеба, чтобы дать нам?» А я и говорю им: «Побудьте пока у волов, а я отправлюсь в город и принесу вам хлеба». Вернувшись же, я обнаружил, что посеяли они зерно на поле и взошли вот такие колосья. Увидев это необычайное чудо, я заставил их, чтобы, войдя в город, отдохнули они у меня дома. И если хотите вы увидеть их, то идите к ним с миром; а если нет, то подождите немного, пока я не приготовлю свой дом, чтобы вошли они туда, и тогда увидите их». Сказав так, он удалился от них.

— Что это за сомнительный такой Город варваров? — возмутился вдруг картавый. — На кого это намёк?

Арефа ответил:

— К сожалению, в моей книге не сказано, как именовался этот город и где он точно находился, но это был поистине Город варваров, что станет видно из дальнейшего повествования. Слушай же дальше...

...А ненавидящий добро дьявол вошёл в сердца самих первых горожан, и, собравшись, стали они говорить друг другу: «Горе нам: эти люди из тех двенадцати галилеян, что околдовывают людей. Ведь это те, кто удаляет людей от своих жён, а жён от своих мужей. Так что же нам делать? Ведь не хотим мы, чтобы вошли они в наш город и разлучили нас с нашими жёнами». А некоторые из них сказали: «Их пять человек — давайте выйдем и убьём их». Другие возразили: «Не можем мы убить их, ведь мы слышали, что есть у них некий Учитель по имени Иисус, и, если они что попросят, тотчас слушает Он их. И коль попросят потоп, послушает Он их, а если и огонь попросят, то сделает так. Итак, не можем мы ничего им сделать — как бы не попросили они и огонь, и сделают так, сожгут нас и город наш».

Заплакали они горько и сказали: «Что же другое нам предпринять?»

Один из них, исполнившись ярости и гнева, говорит им: «Если послушаетесь меня, не позволю я им войти сюда». Спрашивают они его: «Что ты хочешь сделать?» Он отвечает им: «Вы видите, что эти люди ненавидят женский род, а особенно блудниц. Поэтому теперь послушайте меня, и давайте найдём миловидную блудницу и поставим её у городских ворот голой, но притом накрасим её и завьём ей волосы. И, увидев её, не посмеют они войти в этот город». И тотчас нашли они такую блудницу и отвели её к городским воротам голой.

— Что за похабщину ты нам читаешь! — не унимался картавый.

— Видно, упоминание блудницы пробудило в тебе мысль о блуде? — После этих слов митрополита картавый надолго умолк и уже без возражений слушал его.

— Итак, братия, апостолы Христовы узрели духовными очами эту коварную засаду, и говорит Андрей Петру: «Видишь, от-че, бесстыдство этой женщины? Видишь, как вошёл в нее сатана, чтобы искусить нас? Прикажи нам, чтобы мы проучили её». Отвечает ему Пётр: «Есть у тебя власть над ней — делай что хочешь». Тогда Андрей помолился так: «Господи Иисусе Христе, пошли Своего архангела Михаила, чтобы подвесил он эту женщину за волосы в воздухе, между небом и землёй, — пускай повисит, пока мы не пройдем под нею, не видя такого соблазна. И будем мы в том городе проповедовать Слово Твоё. А когда мы пройдем внутрь, то пусть тогда она спускается вниз».

Тотчас же ангел схватил несчастную блудницу за волосы и подвесил её на облако — и все жители города увидели это. Тогда женщина завопила громким голосом: «Пусть не будет вовек покоя правителям этого города! Разве ж можно мне такую казнь устроить — не дать мне

увидеть, как апостолы Христовы входят в город! А то бы они и меня освободили от множества моих грехов, и убежала бы я от мрака и пришла к свету. Так выходите же вы, юноши города, с которыми обреталась я в пучине гибели до сего дня! Вот апостолы Христовы входят в город, прощая грехи тем, кто верит им, и исцеляя все болезни и все немощи. Помолитесь за меня, чтобы помиловал Он меня, и избавилась я от этого несчастья».

«Много и в Городе знавал я таких женщин, — отметил про себя Никита. — В том числе и тех, кто постоянно отирался у архиерейских покоев».

Многие из народа уверовали во Христа благодаря словам этой женщины и, припав к ногам апостолов, поклонились им. А те возлагали руки на них, так что недужных всех в том городе они исцелили, всем слепым даровали зрение, глухим — слух, да ещё и бесов поизгоняли. И весь народ славил Отца и Сына и Святого Духа.

Был же в городе один богач по имени Онисифор, здоровяк ростом с колонну. И вот, увидев знамения, совершённые апостолами, говорит он им: «Если я уверую в Бога вашего, то могу ли и я сотворить такое же знамение, как и вы?» Отвечает ему Андрей: «Если откажешься ты от всего своего имущества и от жены своей и детей, как и мы отказались, тогда, конечно, и ты сотворишь многие знамения». Услышав такое, Онисифор исполнился гнева и, взяв свой лентий, набросил его на шею Андрею, стал душить его и бить и приговаривать: «Ну и колдун же ты! Жену свою, детишек и всё добро — как же это можно просто так оставить!»

Тогда Пётр увидел, как тот бьёт Андрея, и говорит ему: «Эй, человек, прекрати, наконец, бить брата моего Андрея!» Отвечает ему Онисифор: «Вижу я, что ты поумнее его будешь. Так попробуй же и ты мне приказать, чтоб оставил я жену свою, деток и всё своё добро. Ну же! Или что иное ты мне скажешь?» Говорит

ему Пётр: «Я скажу тебе лишь одну вещь: легче верблюду пройти через игольное ушко, чем богатому войти в Царствие Божие». Услышав это, ещё сильнее распалился Онисифор, снял свой лентий с шеи Андрея и в дикой ярости и гневе набросил его на шею Петру, да как начал таскать его, приговаривая: «Вот уж точно, и ты большой колдун, сильнее этого оборванца! Ведь никак и ни за что не пройти верблюду через игольное ушко! Но если ты покажешь мне это чудо, то уверую я в Бога твоего, и не только я, но и весь город. А если же нет, то будешь ты презесток наказан посреди города».

Услышав это, Пётр сильно опечалился и, воздев руки к небу, помолился так: «Владыко Господи Боже наш, вонми мне в этот час. Ведь ловит он нас на Твоих словах. Ибо не пророк сказал это и не патриарх, чтобы можно было просто всё истолковать или прочесть где-нибудь об этом доходчивое толкование. Многие от нас теперь настойчиво требуют разъяснения словам Твоим. Поэтому Ты, Владыко, не презри нас, пожалуйста, ведь Ты Тот, Кого воспевают херувимы».

После этих его слов явился Спаситель в облике двенадцатилетнего мальчика в полотняной одежде, одинаковой внутри и снаружи, и говорит им: «Дерзайте и не страшитесь, избранные мои ученики, ведь Я с вами всегда. Так пусть доставят сюда иглу и живого верблюда!» Сказав так, удалился Он тут же на небеса. Был же в городе один мелочной торговец, который уверовал в Господа благодаря апостолу Филиппу. И, услышав об этом, он бегом бросился искать иглу с огромным ушком, чтобы сделать апостолам приятное. Узнав об этом, Пётр говорит ему: «Дитя моё, не ищи ты огромную иглу, ведь способен Бог совершенно на любое дело. Но лучше принеси нам обычную иголку, маленькую».

И вот, принесли иглу, и все жители города собрались на это необычное зрелище. Пётр увидел идущего мимо

верблюда и попросил подвести его к нему. Воткнул он иглу в землю и, воскликнув громким голосом, прикрикнул на животное: «Во имя Иисуса Христа, распятого при Понтийском Пилате, приказываю я тебе, о верблюд: пройди немедленно через игольное ушко!» Тогда дырка в игле вдруг неимоверно расширилась, словно ворота, и прошёл через неё преспокойно тот верблюд, и весь народ это видел. Снова говорит Пётр верблюду: «Пройди-ка теперь обратно через иглу», — и снова прошёл верблюд на глазах у изумлённой толпы.

«Любопытно, — подумал Никита. — То, о чём Христос говорит в притче, Его ученики совершают своими руками. Но даже и после этого трудно уверовать богачу!»

Увидев это, говорит Онисифор Петру: «И точно, ты великий колдун. Но я всё равно не поверю, пока не проверю ваше чудо на своей иголке и на своём верблюде. Ваши — какие-то не такие». И, подозвав одного из своих рабов, Онисифор говорит ему тайком: «Отправляйся домой и доставь мне сюда верблюда и иголку. Найди же и осквернённую женщину и посади её верхом на верблюда, а также кусок свинины. Хоть эти мужи и колдуны, мы их с тобой перехитрим!» Узнав же об этой тайне духовным зрением, Пётр вздохнул тяжело — и говорит Онисифору: «О человек тяжкосердый, посылай своего раба, пусть доставит сюда верблюда, женщину и иглу вместе с мясом».

Когда доставили всё это, Пётр снова взял иглу, воткнул её в землю вместе с мясом, а женщина при этом сидела верхом на верблюде. И воскликнул Пётр: «Во имя Господа нашего Иисуса Христа распятого — приказываю тебе, о верблюд: пройди немедленно через эту иголку!» Тотчас же расширилось игольное ушко и стало словно ворота — и преспокойно прошёл через него верблюд. Тогда снова приказал Пётр верблюду: «Пройди-ка теперь обратно, дабы увидели все славу Господа нашего

Иисуса Христа и дабы поверили в него самые маловерные!» И верблюд, конечно, снова прошёл невредимым через иглу.

«Прямо какие-то еврейские штучки: свинина, осквернённая женщина, — задумался Никита. — Интересно, что это ещё за скверная женщина: опять блудница или, может быть, в течении крови?»

Увидев это, Онисифор завопил громким голосом: «Воистину велик Бог Петра и Андрея, и отныне я верую во имя Господа вашего Иисуса Христа! И выслушай же теперь меня, о Пётр. Итак, есть у меня пашни, виноградники и поля; есть и двадцать семь литр золота и пятьдесят литр серебра; есть и множество рабов. Так вот, отдам я нищим имущество своё и всех рабов своих отпущу на свободу, чтобы и мне совершить хоть одно чудо, подобно вам». Отвечает ему на это Пётр: «Коли захочешь — совершишь какое угодно чудо именем Господа нашего Иисуса Христа».

Но лишь об одном печалился Пётр: как бы не оказались бездейственны силы Онисифора, ведь не принял он ещё печать Христову. Когда же размышлял он об этом, то голос с неба и говорит ему: «Прикажи ему сделать всё, что хочет, — так удостоверю Я его, как он желает». Говорит тогда Пётр бывшему богачу: «Давай, чадо, попробуй и ты сотворить что-нибудь подобное». Осмелел Онисифор и, подойдя к верблюду, приказал ему: «Во имя Господа Иисуса Христа и Его апостолов приказываю тебе, о верблюд, пройти через иголку!» И тотчас верблюд просунул в игольное ушко свою длинную шею... и застрял! Испугался тогда Онисифор и спросил апостола: «Почему же не прошёл он целиком, но только до шеи протиснулся?» И ответил Пётр: «А всё потому, что не крещён ты во имя Христово». И обратился к нему Онисифор: «Нет у меня нужды разузнавать о чудесах, ведь теперь я действительно верую во имя Христово. Итак, Пётр и вы, отцы-апостолы, войдите в дом мой и

отдохните с дороги». Когда же зашли они туда, крестилась в ту ночь целая тысяча душ.

А на следующий день та женщина-блудница, которая всё ещё висела, прицепленная к облаку, узнала о случившемся и стала плакаться: «О, как же я не оказалась достойной уверовать вместе со всем городом? Ведь всё своё имущество раздам я нищим, а в доме своём девичий монастырь обустрою». Услышав это благое волеизъявление, вышел к ней Пётр и говорит: «О женщина, приказывает Владыка Христос, чтобы спустилась ты с воздуха на землю». Тотчас же опустилась она на ноги, нисколько не пострадав, а затем имущество своё руками апостолов раздала она нищим, было же его четыре литры золота и множество одеяний, а дом свой, как и обещала, сделала девичьим монастырём.

Апостолы же Господа нашего Иисуса Христа учредили в просвещённом отныне Городе варваров Церковь Христа, Бога нашего, — всех верующих во имя Отца и Сына и Святого Духа. И, рукоположив епископа, пресвитеров и диаконов, предали они их Богу, в Которого те уверовали и Которому слава и держава во веки веков, аминь!

Никита так привык уже к размеренному и сладкозвучному голосу Арефы, что внезапный ответ оппонента показался ему вороньим карканьем:

— А какое все эти рассказы о верблюдах и блудницах, позвольте спросить, имеют отношение к вашему Византию?

— Очень даже прямое, — столь же бесстрастно ответил ему митрополит. — Не так давно, при благоверных царях Михаиле и Феодоре, здесь в Царствующем граде, в Каллистратовой обители, скончался исповедник иконопочитания — монах и пресвитер Епифаний. Убегая от общения с еретиками-иконо-борцами, он прошёл почти по всем берегам

Эвксинского Понта и собрал там сведения о проповеди святого апостола Андрея, которые и изложил в составленном им житии. Епифаний этот был человек простой и не очень учёный, что видно хотя бы по стилю его повествования, но был он честный и преданный правде монах, ради неё не побоялся он исповедать веру в божественные образы. Поэтому и писания его заслуживают полного доверия. Так вот что он сообщает:

«В Синопе местные жители показали нам и лежа, и сидения блаженных апостолов Петра и Андрея, и весьма удивительный образ апостола Андрея (о котором они свидетельствовали, что он сотворил множество чудес и что этот образ написан при его жизни и творил знамения), и темницу, которую он самостоятельно открыл, сотворив крест и выведя Матфия и заключённых с ним, что должны были на следующий день умереть, и смоковницы, где он их спрятал, и берег, где он их крестил (а было их, говорят, всего семнадцать), и о семи бесноватых, как они исцелились, и о диких нравах тогдашних, но более — нынешних людей. Амиссцы же, в свою очередь, рассказали нам другое, а также что, когда два брата, наконец, разделили между собой весь мир, Петру выпало просвещать страны Запада, а Андрею — Востока».

«Ничего себе! — чуть не воскликнул вслух Никита. — Оказывается, есть целое житие апостола, а митрополит мне ничего про это не говорил... Впрочем, понятно, его дело — общецерковной и даже государственной важности, не чета моей деревенской проповеди!»

— И всё же я не понимаю, как это может быть связано с Византием, — не унимался картавый.

— Сейчас поймёшь наконец, — отвечал ему уже не без недовольства митрополит. — Итак, из Амиса Пётр пошёл на запад, то есть в ветхий Рим, как потом и его брат Андрей — в Патры Ахейские, а следовательно, должен был также миновать Византий, чтобы

переправиться из Азии в Европу. Значит, и здесь побывал святой апостол Пётр, а где он бывал, там всегда проповедовал Христа.

— Но кафедры-то он здесь не основывал! — прокричал картавый.

Голос Арефы окончательно потерял прежнее спокойствие:

— Напомню тогда тебе, что, согласно Священному Писанию нашей Церкви, первую епископскую кафедру святой апостол Пётр основал вовсе не в Риме, а в Антиохии Сирийской, как повествуют...

— Остановитесь, братья, — прервал их вдруг третий, резкий и властный голос, в котором Никита сразу узнал голос святейшего патриарха Николая, носившего по своей прежней должности прозвище Мистик. Не время сейчас спорить, а не то, как это было во времена святейших патриархов Фотия и Игнатия, никогда не найти нам в этом деле согласия. Я пригласил вас сюда по другому, более важному делу, которое, словно адовы врата, грозит ниспровергнуть всю Святую Церковь Христову, чего да не будет!

И Арефа, и его противник, недовольно поглядывая друг на друга, всё же притихли.

— Ещё недавно казалось, — начал издалека патриарх, — миновало время всех губительных ересей, святые храмы заново украсились божественными образами, и даже далёкие варварские народы — болгары и росы — обратились ко свету Христовой веры. Вот и недавно мой доверенный человек, монах Евфимий, отправился к могущественному, но дикому племени алан, чтобы склонить сердце их правителя к послушанию Церкви и империи.

Для картавого эта новость была явно в диковинку. Николай же продолжил, воздев руки:

— Но вдруг, словно рыкающий лев, воздвиглась перед нами новая напасть, будто и вправду все беды

Церкви нашей грозят от львов! Лев Исавр воздвиг гонение на святые иконы, Лев Армянин возобновил его, и вот теперь Лев Македонянин дышит злобой на Святую Церковь. Уже сразу после восшествия на престол покусился он на власть церковную, низверг с престола патриарха Фотия и поставил вместо него своего брата Стефана. А теперь хочет он нарушить все церковные и гражданские уставы: взял себе уже четвёртую жену, прижил от неё сына и заставил своего дворцового пресвитера обвенчать себя с ней. Ладно, ради спасения державы согласился я крестить его сына — его же самого на великий праздник Рождества не допустил войти Царскими вратами в Великую Церковь, так что входит он туда теперь с правой стороны, в митаторий. И делает вид, что ему только и нужно, что причаститься Святых Таин, и слёзно молит всех иерархов: «Надеюсь, — говорит, — на Христа, Сына Божьего, Который сошёл с небес ради спасения нас грешных. Да сжалится Он надо мною, самым грешным из всех, и обнимет, как блудного сына, и вновь примет меня в Свою вселенскую апостольскую Церковь — благодаря молитвам общего отца нашего патриарха и всего вашего святого сонма» — вот чем он лукаво и льстиво мнит поколебать твёрдость нашего клира. На самом же деле требует он разрешить ему вход в церковь не без умысла, полагая, что тем самым я признаю законным его четвёртый брак, попирающий все устои божеские и человеческие.

— Надо же, — аж прищёлкнул языком папский посланник, — четвёртый брак! Куда катится...

— Да, четвёртый, — резко оборвал его патриарх. — Вот и три с половиной недели назад, на день Святых Светов, добивался он входа в храм, утверждая, что якобы обещал я ему это, и ссылаясь на какие-то каноны великого Афанасия. Мне пришлось ответить: «Я-де бессилен, когда нет согласия митрополитов и особенно

первопрестольного Арефы. Если же ты войдёшь самовольно, — говорю, — я тотчас же вместе со всеми моими людьми уйду отсюда прочь». И что вы думаете? Император решил прибегнуть к угрозам и говорит: «Кажется, владыка патриарх, — это он ко мне, — издеваешься ты над моей царственностью. Уж не презираешь ли ты нас, ожидая из Сирийской земли мятежника Дуку и надеясь на него?» — вот что он мне тогда сказал. Тогда я остановился в Царских вратах в молчании и скорби, так что Льву пришлось броситься на землю и со слезами сказать мне: «Войди, владыка, я не помешаю тебе. Из-за неизмеримого множества моих грехов, — говорит, — я справедливо и заслуженно страдаю». Значит, сдался. Но не окончательно.

— А от тебя, — Николай чуть не ткнул картавого пальцем в грудь, — посланник нашего святейшего римского собрата Сергия, ждём мы ныне помощи и поддержки в деле обличения этого нечестия! Поможешь ли ты нам?

Зазвучавший после небольшой, но тягостной паузы голос картавого приобрёл будто новую силу, он уже ощущал, как многое будет зависеть от его ответа, и потому подбирал слова очень медленно и осторожно:

— Наследник престола святого Петра, чьи благопожелания тебе я уже передавал, очень озабочен столь безнравственным желанием вашего императора и всячески его осуждает. Само Божество не признаёт законности четвёртого брака, который не может считаться браком, но лишь узаконенным блудом. Однако скажи мне: кто защитит святейшего папу от гнева вашего василевса, когда тот захочет отомстить ему за верность учению Христову? Господин мой лишён всякой власти, его угнетает князь тускуланский Феофилакт: он, представьте себе, провозгласил себя владыкой Рима! На Западе императора сейчас тоже нет: полтора года назад маркграф Беренгар, провозгласивший себя королём

Италии, ослепил императора Людовика. А теперь этот варвар и насильник Беренгар требует от святейшего папы императорскую корону для себя. Тяжёлый вопрос задаёшь ты мне, о епископ Нового Рима, не легче, чем те аргументы, коими осыпал меня твой митрополит. Я не буду спешить с ответом на него... Завтра, подожди до завтра, ибо сейчас моя голова переполнилась греческими софизмами, а душа жаждет ночного молитвенного успокоения. Доброй вам ночи, святое собрание!

Прошуршали шёлковые одеяния, заколебалось пламя свечей, которое затем будто вспыхнуло ещё сильнее, когда раздался тяжкий вздох патриарха:

— А не боишься ли ты, брат Арефа, мой верный друг, ты, отказавшийся идти даже на императорскую трапезу в торжественных покоях — акувитах, что предаст нас папский посланник?

— Боюсь, владыка. Наверняка предаст, — слышался усталый голос митрополита. — Все эти его слова о благонравии и законности — пустая болтовня, как у всех франков. Ведь его хозяин — папа Сергей небось сейчас валяется в объятиях своей любовницы Маросии или даже прижил уже с ней, как поговаривают, сына, которого хочет сделать своим наследником — наследником святого Петра. И первый помощник ему в том мерзком деле похуляемый ими же князь Феофилакт — отец этой самой Маросии. Да и сам этот посланник тоже небось сегодня ночью будет с кем-нибудь развлекаться. Заметил ты в его свите миловидного и сладкоголосого юношу, похожего на тех скопцов, что живут у нас в Тобах, в недавно устроенном монастыре Святого Лазаря? До чего же ниспала ты, древняя столица империи! До базара, где всё продается и покупается! До хлева, где иереи Божии спят с блудниками и блудницами!

Колеблющееся пламя свечей внезапно выхватило над головой Никиты лик святителя, и он, затихший на собрании мудрецов и вершителей судеб мира, вдруг узнал на мозаике образ особо почитаемого им патриарха Игнатия Нового, выложенный здесь совсем недавно, так же, как и под куполом храма Святой Софии. Глаза святителя будто загорелись золотым огнём и прямо буравили душу Никиты: «А ты — ты будешь ли верен Христу до конца?» Приведённый в смятение всеми событиями этого вечера, Никита воспринял взор святителя как знак — и, встав, внезапно выступил в круг света, пред очи собравшихся в триклинии патриарха и избранных митрополитов. И тут же из уст его, словно без его на то воли, полилась речь, дерзости коей он и сам поразился:

— Не бойся, достойный наследник Андрея Первозванного, первоиерарх Церкви Константинопольской! Господь наш Иисус Христос не оставит тебя по молитвам святого апостола, даст тебе силу устоять перед тираном. Правильно назвал ты его рыкающим львом, но на самом деле труслив он как заяц. Помнишь, как хотел он исподтишка убить на охоте своего отца, а потом, заточённый в темницу, жалко бормотал о том, что его оклеветали. Но, подобно зайцу, он и блудлив. Вначале оставил свою супругу, благочестивую Феофанию, и стал открыто жить с любовницей Зоей, дочерью патрикия Зауцы, а теперь построил в честь своей покойной праведной и кроткой жены храм и требует чтить её во святых. Потом, когда женился он на любовнице, её же родня хотела зарезать его; после её смерти нашли для неё саркофаг, а на нём оказалось вырезано: «Дщерь Вавилоня окаянная». Третья жена его — красавица Евдокия, из фемы Опсикия, умерла в родовых муках, а вслед за ней и сын Василий — чем не ясный знак Божией немилости! Наконец, сошёлся он в блуде с другой Зоей, что зовут

Углеокой, и прижил с ней сына, которого назвал священным именем Константина и почитает багрянородным наследником престола. А теперь нашёл он изменника — попа Фому, который обвенчал его с ней. Не поддавайся на его уговоры, не предавай закон Христов, как не предали его твои святые предшественники: Иоанн Златоуст, Никифор Исповедник, Игнатий Новый и сам апостол Андрей!

4. АПОСТОЛЫ ИЗ ЛАРЦА

Дерзость эта сошла ему с рук и даже вызвала некоторое одобрение у присутствующих, а особенно — у митрополита Арефы. Переполненный и ошеломлённый событиями долгого вечера, Никита вышел из патриаршего дворца, но идти домой ему всё равно не хотелось. Душа его словно требовала продолжения этого духовного пира.

И тут пришли ему на ум слова митрополита о житии апостола Андрея, которое написал некий простец — монах Епифаний. А ведь Арефа вскользь упомянул, что Епифаний этот умер здесь, в Городе, в Каллистратовой обители. Может быть, там сыщется ещё один список столь нужного Никите апостольского жизнеописания.

Никита зашагал на запад, где в величественной перспективе Месы перед ним отгорал последний краешек багряного заката, обливавшего червонным золотом статую императора на высокой колонне. В Каллистратовой обители у него был знакомый монах по имени Парфений. Каждый раз, вспоминая о нём, Никита как будто оказывался на берегу одноимённой реки, где прошло его счастливое отрочество. Парфения Никита не решился бы назвать другом, однако он был из тех, кого можно не видеть годами, но кто никогда не откажет тебе в помощи.

Когда Никита добрался до обители, уже совсем стемнело. Монастырские ворота были закрыты, как то и предписывал устав, но келья Парфения выходила окном на улицу, и, встав под ним, Никита негромко позвал того по имени. В окне было темно, и Никита решил, что братия уже спит. Но тут в щелях между ставнями замерцал свет, и Никита, подобрав маленький камушек, бросил его, как в детстве, в окно. Через мгновение ставни растворились, и оттуда появилась курчавая голова монаха.

— Брат Парфений?

— Давид, неужели ты? Видишь, я ещё помню твоё прозвище. Вот так гость! Подожди, сейчас отопру тебе калитку.

Меньше чем через минуту массивная калитка в воротах со скрипом открылась, и, наклонив голову, Никита ступил в монастырский дворик. Парфений заключил старого приятеля в объятия:

— Прости, мы только оттрапезовали после вечерни, и я как раз пошёл к себе.

Действительно, монастырь ещё не спал: здесь и там были слышны шаги, голоса и даже тихий смех.

— Что же привело тебя сюда, брат?

— У меня ворох новостей, — ответил Никита. — Но пока братья не улеглись, помоги мне с одним дельцем. Скажи, ты по-прежнему здесь библиотекарь?

— Ну да, уже лет десять как отец игумен держит меня на этом послушании.

— А нет ли в твоей сокровищнице какого-нибудь жизнеописания святого апостола Андрея?

— Ну, какая у меня сокровищница! Чулан, по сравнению с вашими богатствами. Это тебе в Патриаршей библиотеке надо было искать. Нет, точно нету у меня такого... Впрочем, правда, была одна книжица, не помню чья: благословил её отец игумен одолжить митрополиту Кесарийскому Арефе, да тот так

и не вернул. Так это ж твой учитель — попроси у него, да заодно и напomini, чтобы потом её нам воротил!

— Не до меня сейчас митрополиту. Потом, потом расскажу... А ответь тогда: кто у вас в обители самый старый из насельников?

— Самый старый? Ну и вопросы у тебя... Пожалуй, что отец Геронтий.

— Если древний старец ещё не спит, отведи меня, пожалуйста, к нему.

Они шли длинными монастырскими коридорами, по каменным и деревянным лесенкам, по внутренним галереям, пока не добрались, наконец, до маленькой дверцы в кирпичной стене. «Молитвами святейшего владыки нашего!..» — «Аминь, аминь!» — слышалось оттуда. Никита с Парфением вошли внутрь и увидели совсем седого старца с потерявшимся в буйной бороде лицом и чёрными, как древесные угольки, глазами.

— Благослови, старче, — обратился к нему Парфений. — Прости нас за столь поздний приход, нарушающий твой молитвенный покой. Но вот у товарища моего Никиты есть к тебе неотложное дело.

— Какое же неотложное дело может быть к дряхлому старику — разве что сообщить ему о радости скорой кончины? — Старец издала благословил склонившего голову Никиту и пригласил гостей сесть у еле тлеющего камина.

— Скажи, честной отец, давно ли ты пребываешь в этой священной обители? — начал издала свои расспросы Никита.

— Давно, очень давно, не счесть, сколько лет. Хотя, пожалуй, и сочту. Прошлый год сподобил меня Господь достичь восьмидесятилетия. Помните, как Псалмопевец говорит о жизни человеческой: «Седьдесят лет, аще же в силах осмьдесят лет, и множае их труд и болезнь...» А поступил я сюда в послушники семнадцатилетним юношей, по обету своих родителей,

как младший, Божий, сын, — как раз в тот год, когда благочестивая императрица Феодора восстановила почитание святых образов и выгнала отсюда мерзостных иконожѣгцев. Ведь обитель наша многострадальная: император Константин Навозник приказал разрушить её за верность иконопочитанию до самого основания. Но восстановилась она трудами патриарха Павла Исповедника, который и окончил здесь свои дни. А потом снова иконоборцы... Ну вот и считай, шестьдесят четыре года я в этих стенах.

— Если был ты здесь сразу после победы над нечестивыми еретиками, то не знал ли ты тут старого монаха и пресвитера именем Епифаний, который от них пострадал?

— Епифания, говоришь? Монаха и пресвитера? А ведь, пожалуй, что и знал. Ну не то чтобы он от иконоборцев-то тех пострадал, просто бегал от них всю жизнь: на дух их не выносил, как и все студиты. Помню его совсем глубоким старцем, ну совсем как я теперь. Прибыл он сюда, точнее говоря, привёз его брат Иаков, что вскоре погиб, откуда-то с Вифинского Олимпа, где тот прятался от императорских ищеек, да через год и он помер. Это с него, кстати, в нашей обители повелось совершать всенощное бдение на памяти тамошних учителей — преподобных Иоанникия и Авксентия. А больше о нем, чадца, ничего не помню: молод был я тогда, не до стариков мне было. — Геронтий весело подмигнул им своим чѣрным глазом.

— А не осталось ли от этого Епифания чего-нибудь, писаний каких, книг или свитков? — допытывался Никита.

— Ну, этого я знать и подавно не могу: не по книжной я части. То, что от монаха после смерти остаётся, делят на три части: душу — Богу, тело — в землю, а имущество — в монастырь. Обитель у нас не совсем общежительная, так что у каждого насельника

кое-что за душой, глядишь, и найдётся. Что обители пригодится, то забирают, остальное же раздают нищим или продают, а деньги — на милостыню.

— И что, совсем ничего другого не остаётся? — почти с отчаянием спросил Никита.

— А чего ты такого ищешь? Сокровищ точно не осталось, — усмехнулся старец. — Разве что и правда писульки какие, если не пускают на растопку в кухне, да иконы тёмные, что не отправляют в патриархию на мироварение, то относят в старый скевофилакый. Только там и днём с огнём ничего-то не отыскать.

— Спаси тебя Господи, отче. Не будем тебя больше утомлять, — поклонился старцу Никита и повлёк Парфения за собой прочь из кельи.

Мелкими стариковскими шажками Геронтий проводил их до двери, но не захлопнул её сразу, а стал на галерее и долго ещё смотрел вслед двум удаляющимся теням: «И вправду занятный старик был этот Епифаний. Ходить уже не мог, да всё рассказывал нам про свои странствия: про какие-то золотиносные реки, про диких людей, которыми управляют женщины, про замерзающее зимой море. А ведь точно, повторял он, чтобы после смерти его вещи отдали в патриархию — да кому они нужны там, монашеские обноски! Эх, жалко, я про это сразу не вспомнил. Да ладно, этим молодым не рассказы живых потребны, а книги мертвецов».

Монастырский кафоликон — храм Пресвятой Богородицы — был, по преданию, впрочем не слишком достоверному, построен при благоверном Константине Великом сенатором Каллистратом, перебравшимся сюда с императором из ветхого Рима. Впрочем, старую базилику — какой бы она ни была давности — помнили ещё монахи и помоложе отца Геронтия. Не так уж и давно, лет сорок с небольшим назад, при игумене Савве, что был родом из Малой Азии, отстроили собор по новой моде, с куполом на четырёх крещатых столпах. Всю

утварь из старого круглого сосудохранилища, стоявшего поодаль от храма, перенесли в новую ризницу, помещавшуюся с севера от святого алтаря; там же стали готовить хлеб и вино для Святой Евхаристии, что прежде забирали из скевофилаккия, по чину Великой церкви.

Войдя в старое сосудохранилище — благо ключи Парфений раздобыть успел, — Никита увидел, что оно превратилось в монастырский склад ненужных вещей: старые и бесполезные уже документы, расписки, счётные книги вначале расставляли по полкам, а затем уже стали сваливать где попало. Попадались здесь и негодные причудливые вещи, которые нельзя или невозможно было продать, — прежде всего поломанная богослужебная утварь: резные мраморные кивории, инкрустированные деревянные аналои, кованые металлические лампадофоры. Увидев такое поликандило, Никита сказал Парфению:

— Смотри, прям как то, за которое зацепилась недавно дубина заговорщика, вышедшего из-под амвона и поднявшего руку на императора Льва в храме Святого Мокия на Преполовление Пятидесятницы.

Парфений ответил Никите, продолжавшему рыться в священных обломках:

— Не знаю, правда или нет, но поговаривают, что император Лев сказал своим спальникам такие слова: «Никак нельзя не прогнать патриарха с престола — ведь душа моя при нём не успокоится. Как только он допустит меня во храм, я тотчас найду свидетелей, знающих дела мятежного Дуки, и изгоню Николая из церкви, обвинив его в оскорблении моей царственности. Ибо невозможно мне приходить к нему, моему врагу и неприятелю, замышляющему против меня, и у него причащаться пречистых Таин, в то время как я восстаю в глубине сердца и гневаюсь на него. Думаю я, и нападение на меня в храме Священномученика Мокия

произошло с его ведома. В этом убеждает меня то, что он не приказал никому из клириков наложить руку на злодея и схватить его, но сам убежал вместе с остальными. Наступит день, когда я отомщу за себя!» Так или примерно так мне передавали его слова. И говорят ещё, что патриарх знает это, так что решил пойти навстречу императору, ибо боится, как бы тот не пригласил римских епископов для решения этого дела.

Больше всего места в скевофилаксии занимали старые иконы: почерневшие от времени, с неразличимыми ликами святых, или вообще лишённые краски, — здесь Никита вспомнил об иконоборцах, которые просто соскабливали образы с икон.

В неярком свете двух светильников внутренность сосудохранилища выглядела прямо-таки зловеще, словно склеп с останками мертвецов.

— Ну и затеял ты дело, Никита! Где же ты собираешься этого Епифания искать? — тяжело вздохнул Парфений.

— Давай поразмыслим. Епифаний умер давно, вскоре после Торжества Православия. Значит, если что от него и осталось, это должно быть где-то на полках, ведь сперва всё ставили на них. Правильно? С какого только краю их начали заставлять? Давай посмотрим по годам счётных книг. Ага, вот царствование Льва, вот Василий Македонянин, снова Василий, а вот и Михаил Аморец. Так, счета, расписки, письма... Смотри сюда! Видишь, здесь на полках только документы, но на самой верхней — деревянный ларец. Может быть, там?

Перекрестившись и попросив прощения у честных угодников Божьих, Никита взобрался на груды старых икон, отодвинул полуистлевшую створку шкафа и, поднявшись на цыпочки, достал сверху заветный ларец. Однако тот оказался намного тяжелее, чем казался с виду, и Никита чуть не рухнул вместе с ним вниз, но всё

же как-то извернулся и с грохотом скатился вниз по огромной иконе.

— Ты что, с ума сошёл? Весь монастырь перебудишь, — зашептал Парфений.

Но Никита не обратил на это никакого внимания и, присев на колени, поднёс свой светильник к ларцу. Тот оказался окован по рёбрам и углам железом, а на металле вокруг замка сквозь пыль виднелась еле различимая, небрежно выцарапанная надпись. Никита сдул пыль, пододвинул светильник ещё ближе и, сильно прищурившись, прочёл: «Епифаниево».

— Нашёл, нашёл! — как сумасшедший закричал он и стал обнимать Парфения.

— Пойдём скорее отсюда, а то ещё греха не оберёмся, — оборвал его уже порядком испуганный и замёрзший монах, потащив незаметным путём в свою келью.

По дороге Никита разрывался на части: с одной стороны, ему нестерпимо хотелось открыть ларец Епифания, а с другой — он должен был побеседовать сперва с Парфением и рассказать ему все тяжкие новости. Но едва переступили они порог кельи, как откуда-то снизу раздался зычный рык:

— Парфений, где ты, дурень, шляешься? Игумен тебя уже полчаса как ищет!

— Бегу, бегу! — закричал в ответ Парфений и быстрее ветра умчался в темноту.

Никита внезапно оказался один. Он поставил свой светильник на стол, зажёл большую свечу и, присев на складной табурет, положил перед собой ларец. И тут Никита понял, что нет у него ключа, а окованный железом ящик просто так, без инструментов, не взломаешь — на то он и окован — да и как отвечать потом за взлом перед игуменом? Так и не придумав ничего, что бы предпринять, Никита решился, наконец, хотя бы обтереть ларец от пыли. Но едва он дотронулся

до того самого замка с надписью, как механизм вдруг щёлкнул, и крышка чуть-чуть поднялась: замок был уже то ли открыт, то ли взломан — видно, монахи искали там деньги.

Разбираться с этим у Никиты не было времени — он сразу же заглянул внутрь: вся внутренность плоского ларца оказалась завалена листками папируса и пергамена, маленькими тетрадками, восковыми дощечками и просто какими-то обрывками. Разбираться в этом пришлось бы не меньше дня, и Никита взял наугад попавшуюся ему на глаза папирусную тетрадку, исписанную наклонным заострённым унциалом, каким писали в Городе лет сто назад. Уж в чём в чём, а в почерках Никита разбирался: «Так, придыхания и ударения стоят, но не везде — значит, этому не больше лет ста пятидесяти, но и не меньше полусотни. И наклон не итальянский, а восточный — видать, Сирия или Палестина. Хотя кто тут разберёт: столько людей убежало на запад оттуда, от безбожных агарян!» Поправив свечу, Никита взялся за чтение:

«Проповедь блаженного апостола Андрея в городах...

(окончание заголовка было оборвано)

Во имя Отца и Сына и Святого Духа, Единого Бога! Проповедь блаженного апостола Андрея, ученика Иисуса Христа, который находился в... (опять оборвано) и в Лидде. С миром Господним. Аминь!

И когда апостолы отправились в мир проповедовать Евангелие Царства Небесного, Господь явился им и сказал: «Мир вам, братья мои возлюбленные, наследники Моего Царства! Знайте, что Я никогда не отделюсь от вас, но укреплю вас». И обратился Он к Матфию и приказал ему идти в Город людоедов; а брат его Андрей был направлен в Лидду, чтобы проповедовать там, — он и ученик его Филимон, сын Филиппа, — «Ибо есть у Меня там много людей, которых

Я избрал». Ответили апостолы: «Будь с нами, о Господи, во всяком месте, в которое приказал Ты нам идти!» И подал им Господь приветствие мира, и вознёсся на небеса, пока они смотрели на Него».

— Похоже на начало тех деяний, что были в Патриаршей библиотеке... Неужели опять такая же чушь? Хотя тут упоминается Город людоедов, а ведь он был и в тех деяниях, которые читал Арефа и которые тот считал достоверными. Ну, посмотрим!

5. АНДРЕЙ И ФИЛИМОН

«После сего пошёл Пётр в то место, куда направил его Господь. А Матфий спросил Андрея, позволит ли тот идти с ним в Титаран его ученику Руфу и Александру. И был у Филимона мелодичный голос, какого не бывало ни у кого, и был он научен мудрости силой Святого Духа, Который опочил на нём; и не было среди апостолов таких, кто бы превосходил его мудростью, кроме Петра и Иоанна».

— Ну, тут насчёт Филимона сказано, конечно, слишком сильно. «Не было среди апостолов таких, кто бы превосходил его мудростью» — надо же было такое написать! И что это за Титаран: не знаю я такого города. Вот если бы была Тиана, то это уже поближе к моему Хараксу...

«И когда апостолы собрались вместе, выбрали они этих двух мужей встать и воздать хвалу Богу за то, что могут они слышать сладость их голосов. Пошёл же Андрей в Лидду, а с ним и Филимон, ибо одна половина города уверовала благодаря Петру, а вторая половина оставалась неверующей. И пришёл Андрей в церковь назореев, которая была в Лидде; и они, ликуя, вышли ему навстречу с ветвями деревьев в руках; и он вошёл в церковь и сел в епископское кресло; и приказал он

Филимону взойти на кафедру и пропеть гимн Аллилуйя, и всё собрание повторяло его за ним».

— А ведь и правда, в Деяниях апостольских говорится о проповеди Петра в Лидде! Опять, получается, Андрей проповедует там же, где и Пётр. Знает ли об этих деяниях Арефа?..

«А когда языческие жрецы услышали голос толпы, стали они спрашивать друг у друга: «Что сегодня происходит в городе?» Народ отвечал им: «Это ученик Иисуса Христа учит назореев в их церкви и приказывает им отвергнуть богов и не появляться в святилище». Тогда взяли они мечи и ворвались в церковь, чтобы испытать, смогут ли христиане их убить, раз осквернили они их богов. Но услышали они сладкозвучный голос Филимона: «Боги язычников — золото и серебро, творение рук человеческих. Они с глазами, но не видят; с ушами, но не слышат; с носами, но не обоняют; и с ногами, но не ходят. У них есть уста, но они не говорят, а те, кто им поклоняется, им же и подобны».

И когда услышали жрецы те вещи, что говорил Филимон, и сладость его голоса, они зарыдали и вошли в церковь — и стали обнимать Филимону ноги. А собрание увидело их — сказали тогда все Андрею: «О наш отец! Это жрецы из святилища». И Андрей сделал знак собранию, чтобы все молчали, пока те не окончат хвалу, ибо они очень испугались их, когда увидели, что у них мечи; и все молчали, пока не была окончена хвалебная песнь.

И Андрей поднялся первым и помолился о них. А когда завершил он свою молитву, то сказал жрецам святилища: «Садитесь». И когда они сели, обратился он к ним: «О дети мои, коих я бы обнял, кого бы я снова пробудил к жизни, — как же вошли вы сегодня в эту церковь? Каждый день, когда назореи проходят мимо вас, вы кутаетесь в свои одежды, боясь, как бы не прикоснуться к ним». Ответило ему сборище жрецов: «О

наш отец Андрей! мы поведаем тебе правду. Когда мы узнали, что ты пришёл в этот город учить, и слышали голос толпы, то спросили мы, что происходит теперь в церкви назореев. А они сказали нам, что это ты пришёл к ним, и сговорились мы между собой (а всего нас пятьдесят тысяч), и пришли сюда. И узнали мы, что они могут осквернить наших богов, а ведь могли мы убить каждого, кто сейчас в церкви. И вот мы теперь перед тобой, какими ты видишь нас. А когда слышали мы сладостный голос этого юноши, наши сердца обратились к нему и мы подошли к тебе. Просим тебя, о апостол, чтобы даровал ты нам нынче то же, что уже дал сему собранию, — чтобы могли мы достойно приблизиться к твоему Богу, и мы будем рады, если не покинет нас этот юноша».

И когда узнал об этом Андрей, то поцеловал Филимона в голову, приговаривая: «Воистину ты тот, о ком прежде поведал Святой Дух, что многих к себе привлечёт сладкий голос. Воистину это встреча, на которой ты вправе называться спасителем душ. Как Господь сменил нам имена и сотворил нас иными, так же и с тобой поступил Он»».

— Всё же язычники и варвары и вправду лучше иудеев! Сердцем, а не умом принимают они Христа. Однако про Филимона всё-таки удивительно: мудрейший Павел хвалит его, конечно, в своём послании, но не так сильно, как возвеличивают здесь. Ничего себе — «спаситель душ»! Но самое странное — это про смену имён: да, Симон стал Петром, но кем тогда был Андрей? Неужели это Сам Иисус дал ему такое имя — Мужественный?..

«И когда Андрей увидел собрание, толпа окружила и его, и он приказал всем выйти на открытое место, и пошли они на берег моря. Спросил тогда Андрей уверовавших: «Кто из вас желает угодить Богу, пусть подходит и крестится от руки моей». И подошло их

множество, и он крестил их всех во имя Отца и Сына и Святого Духа, Единого Бога. А количество тех, кто был крещён, равнялось четырём тысячам четырёмстам душ. И также он крестил ещё пятьдесят жрецов.

После сего явился в тот город взбешённый сатана и нашёл двух играющих юношей. Один из них был сыном Иоанна, старейшины того города, а другой — сыном одного из вельмож. И пока они играли, юноша, который был сыном Иоанна, ударил другого, и тот сразу же упал мёртвым. А его отец схватил Иоанна и сказал ему: «Выдай мне своё дитя, и я убью его, как он убил моё дитя. А если нет, то я отправлю тебя к наместнику Равку, чтобы он убил тебя вместо моего сына, которого убил твой сын»».

— Да, жестокие тогда были нравы! Слава Богу, теперь законами милосердных императоров такая месть отменена и повсюду запрещена. Хотя, говорят, в восточных фемах и поныне такое случается, так что даже целые семьи погибают: люди строят там высокие башни, чтобы обороняться в них от мстителей. Избави нас Господь от такого!

«И зарыдал Иоанн великим плачем в присутствии народа, и сказали ему из толпы: «Если бы тебе нужны были деньги, мы бы заплатили за тебя, но тут требуется твоя жизнь». Ответил им Иоанн: «Не нужно мне от вас ни золота, ни серебра, а нужно, чтобы кто-нибудь поручился за меня, пока я не схожу за Андреем в Лидду, чтобы явился он сюда и воскресил из мёртвых сего убитого».

И многие тогда поручились перед отцом того юноши, чтобы Иоанн сходил в Лидду к Андрею, апостолу Иисуса Христа, и тот бы пришёл и оживил его сына. И принял он их поруку, и, сев рядом со своим мёртвым сыном, стал его горько оплакивать.

А Иоанн тем временем пошёл к Андрею и нашёл его, когда тот крестил народ. И упал он ниц, и поклонился

ему, и сказал: «Сжался над моими летами и не дай мне умереть». И поднял его Андрей и сказал ему: «Страшись только Бога, а меня не бойся. Расскажи мне обо всём, что с тобой стряслось». И рассказал ему Иоанн о своём несчастье, Андрей же отвечал так: «Не могу я пойти с тобой сейчас из-за того множества народу, которое крещу. Но возьми с собой Филимона, и пускай он воскресит вашего мертвеца».

И отправился с ним Филимон, чтобы явить чудо воскресения из мёртвых. И пошли оба в сторону города, а пока шли они, сатана принял облик старика и пришёл к самому правителю города, и завопил: «О Равк! Как ты можешь сидеть, когда убитые валяются на улицах города? Встань и разыщи убийцу, а если нет — смотри же: я пойду пожалуюсь царю и расскажу ему об этом»».

— Вот козни сатанинские! Точь-в-точь и здесь, в столице, поступают многие: угрожают нажаловаться императору. А с другой стороны, кому жаловаться, как не василевсу, когда ненасытные чиновники творят открытый произвол: вопреки законам продают за деньги судебные решения, обируют вдов и сирот, казну разворовывают. Другое дело — покойный император Феофил: хоть и был иконоборцем и гонителем монахов, но справедлив до крайности! В простонародье даже болтают, что будет он судьёй за гробом. Чушь, конечно, несусветная, да где б ещё найти таких судей...

«И когда услышал Равк эти слова, вскочил в большой ярости и приказал слугам оседлать его коня, и поскакал в дикой злобе. Когда узнали о том жители города, никого из них в нём не осталось, кроме мертвеца. Затем явились Иоанн и Филимон, посланные Андреем, и обнаружили вне города множество людей. И сказали они Иоанну: «Долго же ты ходил! А как напугались мы: погляди — правитель, кем-то наущённый, переполошил весь город!» А вельможа, отец убитого юноши, зарычал:

«Увы, что я наделал? Мёртвый не погребён, брошен посреди города»».

— Ну что за человек! Целый город погибает, а ему только и дела, что до похорон своего сына!

«Ответил Филимон убитому горем отцу: «Не рыдай, я пойду и воскрешу его». Толпа же предупредила его: «Не входи ты в город, а не то правитель убьёт тебя». Сказал на это Филимон: «Не могу я противиться моему наставнику — нет, я войду в город и воскрешу, кого мне следует, как повелел мне мой учитель. Оставайтесь на своих местах, а если услышите, что я убит, то сообщите моему наставнику, чтобы он явился сюда и воскресил меня, а заодно и того мертвеца»».

И вступил Филимон в город и пошёл туда, где был правитель, и воскликнул: «О Равк! Ты ведёшь этот город к опустошению. Где его жители? Почему они не встретили тебя у ворот?» Услышал правитель эти слова и приказал своим воинам схватить его и повесить его на месте казни. Сказал он им: «Наверное, это тот, кто убил того юношу, а потому не останется его убийство неотомщённым». Но возразил ему Филимон: «О правитель Равк! Не мучай меня, поскольку я ещё дитя и не согрешил, и не заслуживаю я осуждения. Я подобен отцу нашему Адаму, когда он был ещё в раю, до того как вышла из его ребра Ева. Где мой наставник Андрей, чтобы увидел он, что происходит с его учеником? Разве нет жалости в твоём сердце, о правитель, когда увидел ты, что я ребёнок? Есть ли у тебя сын, чтобы мог ты смиростивиться и надо мною? И как ты любишь своего сына, так и мой отец любит меня»».

— Ну это уж слишком! Я понимаю, беззаконие, конечно, вешать детей, хотя и сейчас такое случается, но — «подобен отцу нашему Адаму, когда он был ещё в раю»! Ох, чую, и здесь кроется какая-то ересь! Особенно смущает меня этот сладкоречивый мальчик: видал я таких в покаях и свитах архиереев. Делают из них

иподиаконов и чтецов, а потом, страшно сказать, — и пресвитеров. То ли дело было во времена императора Юстиниана: изобличил он разом всех таких же сладколицых, да и лишил сана, прогнав по ипподрому с тросточками, вставленными в то место, которым они грешат, а потом отправил их в ссылку, для острастки прочих развратников. Вот бы и сейчас хотя бы отодвинуть их от кормила церковного! Ну да ладно уж...

«Повернулся Филимон лицом к воинам и сказал: «Есть ли среди вас милосердный человек, который бы пожалел меня и сходил в Лидду, к наставнику моему Андрею, и рассказал ему, что его ученик готов к мукам?»»

И когда солдаты услышали это, то зарыдали они от сладости его речи и ничего толком не ответили. Тогда спросил Филимон: «Нет ли в этом городе какой-нибудь птицы, которую бы я послал в Лидду к наставнику моему Андрею, чтобы мне увидеть его перед смертью?» И как только произнёс он это, слетелось множество птиц, и стали рассказывать они ему, как помогали некогда Ною. И сказали они наконец: «Вот мы все перед тобою. Кого из нас ты хочешь послать?» А один воробышек подлетел к Филимону и чирикнул ему: «Тельцем я легче, чем они, давай-ка я полечу и принесу тебе твоего наставника». Но Филимон отверг воробья: «Нет уж, ты ещё тот похотун и не вернёшься назад, потому что как встретишь ты самку из своего племени, так останешься ты с нею и забудешь обо всём». И взмыл над Филимоном ворон, и каркнул ему: «А давай я полечу». «И ты мне не подходишь, — покачал головой Филимон. — В первый раз, когда тебя послали, не вернулся ты с вестью к Ною. Нет, не пошлю я тебя».

И вот, выбрал он голубку и сказал ей: «О благородное племя, которое Бог назвал кротчайшим из всех птиц, кто принёс вести Ною, когда он был в ковчеге во время потопа, и благословил тебя праведник, — лети же в Лидду к наставнику моему Андрею и скажи ему так:

приди и погляди на ученика твоего Филимона, ибо готов он к мукам». И голубка проворковала ему в ответ: «Крепись — придёт Андрей, непременно придёт! Считай, что он уже здесь и слышит твои слова»».

— Что за птицы? Откуда?.. Где-то я их уже встречал... В «Деяниях Павла и Андрея», некогда читанных, что ли? Эх, птицы, птицы... Вот и за окном они порхают — куда хотят, туда и летят, хоть на самые вершины гор Кавказских — захотели и воспарили. Как тучи вьются, бьются в окно, по келье мечутся... Или не птицы это уже, а у меня в глазах двоится, троится?..

«И когда услышал это Равк, то спешно встал и собственноручно освободил Филимона от пыток и сказал ему: «Воистину, если бы в этом городе оказалось десять мертвецов, я бы ради тебя одного прекратил расследование». И когда сатана понял, что Равк уверовал, он вызвал своих слуг и сказал им: «Горе нам! Равк уверовал, а он был нашим другом, и весь город теперь не верит в нас. И повелеваю я вам, чтобы один из вас пошёл в дом Равка и обуял его жену, чтобы сделалась она безумной, потеряла рассудок: и натравите её на детей, и пусть она убьёт их». И немедленно сделал один из бесов то, что приказал ему сатана, — пошёл в дом правителя и сделал его жену безумной, и принудил её к убийству собственных детей».

— Муж, жена, сатана, бесы — не разберешься тут! Кто кого куда послал, чем обуял, за что поубивал? Мать какая-то сына убивает — так это же про суд царя Соломона! Или не Соломона... Нет, какого-то Равка. Что за Равк? Или это Руф? Да нет, Руф — это рыжий бес... Ну хорошо, пусть будет Равк.

«И когда её слуги узнали, что она сделала, то схватили её, заточили в надёжное место и послали к своему господину гонцов, и те рассказали ему о её безумии и об убийстве детей. И сказал правитель тем,

кто был с ним, указывая на Филимона: «Даже если бы дом обрушился на моих домашних и все они погибли, я бы всё равно не покинул этого мальчика», — и обратился затем к самому Филимону: «О мой господин, не слышали ты, что сказал этот гонец? Я прошу тебя, пойдём со мною в моё жилище, а если ты откажешься, то я тоже не пойду туда». Ответил ему Филимон: «Дай мне сначала завершить то дело, зачем я здесь, а потом мы пойдём в дом».

И позвал Филимон голубку и сказал ей: «Лети в дом Равка и скажи тем, кто в его жилище: ничего не делайте в моём доме, покуда я тут нахожусь». И улетела голубка, и передала это послание. И когда услышала толпа, как разговаривает человеческим языком голубка, то все очень удивились.

А Филимон попросил правителя послать за жителями города и привести их сюда, чтобы мог на их глазах, без обмана, воскресить мертвеца. И послал своих солдат правитель привести народ. А когда все пришли, то направились они к тому месту, где лежал мертвец. И нашёлся вдруг в городе сам апостол Андрей. Сказал ему тогда Филимон: «Подойди сюда, о мой наставник, и воскреси мёртвого!» «Нет, — ответил ему на это Андрей, — воскресишь его ты!»

Делать нечего, подошёл Филимон к мертвецу, опустился на колени и взмолился ко Господу: «Услышь меня, Господи Боже наш, Добрый Пастырь, Который не покинет нас как залог в руках Врага и Который освободил нас Своею чистою кровью! Услышь меня, Твоего слугу! Я прошу, чтобы молитва моя была услышана от избытка Твоего милосердия и чтобы этот мертвец воскрес силою Твоего имени». Затем он воздел голову и воскликнул громким голосом: «Во имя Иисуса Христа Назарянина, восстань, о мертвец!» И мертвец немедленно воскрес.

И когда увидела толпа, что мертвец поднялся живым, тут же возросла их вера в Господа Иисуса Христа. И рассказал Филимон Андрею о безумии жены правителя и о том, что сотворила она со своими детьми. И все, кто был рядом с ними, пошли с Андреем и Филимоном в дом Равка: и последовали за ними вдовы и сироты, надеясь, что смогут получить подаяние. А когда вошёл Андрей в дом правителя, он нашёл его сына и большое собрание, оплакивающее его, и голубку, сидящую у него на голове. И спросил Андрей голубку: «Сколько тебе лет?» Она ему и отвечает: «Шестьдесят». Андрей ей на это: «Раз послушалась ты голоса ученика моего Филимона, отправляйся-ка ты в пустыню, и там освободишься от службы людям всей земли; ни один человек не будет иметь над тобой власти». И улетела она в пустыню, как он и повелел ей».

— Вот бы и мне туда, где никто не будет иметь надо мной власти! — воскликнул Никита. — Вольным степняком кочевать по пустыне... Верблюд, шатёр, кувшин — вот и всё, что потребно мудрецу! А книги? От книг одни скорби...

«И обратился Андрей к мертвецу: «Во имя Иисуса Христа, Который послал нас в мир проповедовать Его святое имя, встань и оживи!» И мертвец немедленно воскрес, и поклонился Андрею. И поднял его Андрей, и сказал ему: «Уверуй в Бога, сын мой!» И ответил воскресший: «Уверовал я. Но прошу я у тебя разрешения, отец мой Андрей, можно ли рассказать мне о том, что я видел в аду?»».

— Ну вот, пошло про какую-то преисподнюю! И правда, как в «Деяниях Павла и Андрея». Всем хочется заглянуть в эту преисподнюю! Да и кругом в Городе одни преисподние: с виду люди, а глянешь — бесы! Даже под красками икон, говорят, бывают намалёваны клыкастые черти. Что ж это так человека простого в ад-то тянет? Вынь да положи ему всю правду про

тамошнюю жизнь: отсюда и все угодники эти народные, умом негодные, отсюда видения, пророчества, некромантия... Ладно, о преисподней можно и пропустить: всё равно глупости одни. Что же дальше про апостолов?..

«Сказал Андрей Равку: «Послушай, что говорит твоё дитя. Ибо если бы какой-нибудь незнакомец рассказал тебе подобное, ты бы ему не поверил, но это говорит ТВОЙ СЫН»».

— И я бы не поверил... Решил бы, что умом тронулся, кто бы это ни был. Только б мне самому с ума не сойти!

«Равк ответил: «Андрей, прошу я тебя, о праведный муж, возьми ты всё, что принадлежит мне, и раздели между бедными и нищими». И сказал ему Андрей: «Лучше вставай, бери моего ученика к себе домой, пускай он исцелит от безумия твою жену». И послушался Филимон повеления Андрея, и пошёл с Руфом в его жилище. Оказалась жена Равка окаменелой, словно статуя, а в руках у неё сидел чёрненький волосатенький человечек, и, как завидел он Филимона, пустился было наутёк, но она крепко вцепилась в него. И взял её Филимон за правую руку, и привёл её к Андрею, а в левой руке она всё держала чёрного человечка. И когда толпа увидела этого зверовидного бесёнка, все сильно взволновались и заблеяли, как отара овец, когда среди них оказывается волк».

— О-го-го, вот уже и чёрные человечки появились! Странно, что это не рыжий или не чёрный пёс. Сейчас мы узнаем всю правду про этого человечка!

«И сказал всем Андрей: «Не бойтесь, подойдите ближе ко мне и укрепите свои сердца, пока мы не выясним, что это за существо». И повелел Андрей жене Равка отпустить чёрненького, и перекрестил ей лицо, а затем возложил ей на голову руку и возгласил: «Во имя Иисуса Назарянина, Чьё имя я проповедую, утихомирь свои чувства и позволь твоему разуму вернуться в

сердце!» И безумица немедленно успокоилась и села тихо перед апостолом. А он обратился к чёрному: «Как тебя зовут? И почему эта женщина вцепилась в тебя?» Чёрный отвечал ему: «Ладно, скажу я тебе всю правду. Когда сильный юноша, который живёт со слабым царём, идёт вместе с ним на войну и побеждает в той войне, то победа достаётся не ему, а царю. Так и у меня есть великая власть среди бесов — но, увы: я лишь постоялец в твоём доме».

И сказал ему Андрей: «Что же мне сделать-то теперь с тобой, о нечистый, и с твоей злобной сущностью? Ибо пришло сейчас время молитве. А завтра вышвырнут тебя из этого города». И начал Андрей молиться, а когда закончил молитву, преподал Святые Тайны верующим.

И вот, наступило завтра, и собралась толпа. И появился на площади Андрей, и подозвал чёрного человечка: «Пришло время разоблачить тебя, о мерзкий и нечистый бес, дух неправды! Явлю я твою суть этой толпе, чтобы все они могли увидеть тебя, каков ты есть». Чёрненький захихикал: «Не тебе меня судить и вытворять надо мной такие вещи. Дела мои — зло, ибо утратил я свою славу и погряз своё достоинство». Сказал ему Андрей: «О нечистый и лживый, было ли у тебя вообще какое-нибудь достоинство?» — а тот обиделся: «Вот ты всё говоришь, что я чёрен и лжив. Разве не знаешь ты мою изначальную природу? Разве не ведаешь, почему она такая? И если ты решишь показать этой толпе, кто я, — увы мне! Что спасёт меня в том положении, в котором я оказался?» — И начал он призывать имена высших бесов. Тогда приказал ему Андрей: «Замолчи сейчас же и оставь свои пустые заклатья! Скажи только одно этой толпе — кто ты такой». Ответил нехотя бесёнок: «Знайте, я один из двухсот ангелов, которые были посланы увидеть землю. И когда мы увидели её, то взволновали её, восстали и не вернулись к Тому, Кто послал нас. А имя моё Маган».

Отпустил его тогда Андрей: «Обида твоя велика, и скорбь твоя и бесчестие твоё ещё вернутся к тебе. И погибелью тебе будет твоя надменность. Во имя Господа Иисуса Христа — лети в Геенну и не показывайся больше никогда!» И с тех пор никто никогда его и не видал».

— Конечно, никто не видал этого Магана — бесовского кагана. Ибо бесы — это тонкие, невидимые сущности, а вовсе не чёрные волосатые человечки. Бесы — они хитрее, чем этот простачок, они подкрадываются незаметно, внушают тебе свои мысли, тянут твои руки к удовольствиям, смежают твои глаза на молитве... Ох, и правда, слипаются что-то глаза! Только сейчас не от бесов, а от чуши этой православнutoй...

«И сказал правитель Равк Андрею: «Прикажешь ли ты мне раздать всё моё имущество бедноте и нищим?» — и свалил он все свои сокровища в кучу перед Андреем и раздал их, как тот ему указал. И дошла весть до самого царя, что правитель Равк раздал своё имущество бедным и оставил свой пост, и не правит больше гражданами, и не судит их, а только приговаривет: «Самого себя бы мне рассудить! Ибо жил я невежественно и дико». И тогда Селевк, хитромудрый советник царя, понял, что тот хочет погибели Равка, и начал умолять его воздержаться от этого безрассудства. И сказал он царю наедине: «Если пошёл Равк за добрым человеком, одним из слуг Божьих, творящим чудеса, а родом он из городов еврейских, то ты не можешь ничего сделать против него. Но напиши ему, что раз он приверженец этой новой веры, то пусть отправит всё своё добро тебе — лучше уж ему быть в царской казне»».

— Так и есть: не волнует царя, кто какой веры! Денежки — в казну, и будешь лучший для него человек. Вот и при нашем дворе — агарянин Самона, тайный мусульманин, соглядатай неверных, изобличён, пойман с

поличным, а всё ему Лев прощает. Ох, конец, конец пришёл нашему благочестивому царству...

«И написал царь письмо правителю Равку, но не оказалось того в жилище его, и отправили гонцов туда, где тот был с Андреем, который проповедовал новое учение, а не учение римлян. И появились гонцы на улице города, и нашли Андрея и Равка, а тот уже вовсю изгонял дьявола из одного человека, который был одержим им семьдесят лет. И когда царские посланцы увидели это чудо, то и они уверовали в Бога, а письмо передали Равку.

И когда прочёл Равк, что всё его добро передаётся в царскую казну, то Андрей рассмеялся и спросил его: «Опечалено ли твоё сердце, ведь царь забирает все твои богатства?» Ответил ему Равк: «Знаешь ты, что с моим сердцем и что не покину я тебя отныне никогда, в какое бы место ты ни пошёл. Какая мне нужда в тех вещах, что истлевают? Из праха они сделаны и в прах обратятся». Андрей ответил на это притчей: «Все воды стекаются в море, но оно не переполняется, и всё, что попадает в живот, уходит в землю»».

— А вот это надо запомнить: «Все воды стекаются в море, но оно не переполняется, и всё, что попадает в живот, уходит в землю». Может, для проповеди какой сгодится, а может, и в жизни понадобится. Кто знает, как она завтра повернётся? Един Бог ведает...

«И пока Андрей беседовал с Равком, воззвал к нему голос, повелевая распустить собрание и идти в город, который был перед ним, где, он знал, его ждала большая община и высокое и славное служение. А после того он должен был вернуться в этот город, и было открыто ему, что предстоял ему ещё больший труд и ожидали его преследования от царя, разгневанного из-за того, что его гонцы уверовали. И был всем им голос с небес: «Укрепите сердца ваши именем Моим и знайте, что Я с вами и обитаю среди вас до скончания века!»

И благословил Андрей народ: «Да утвердит вас Господь в правой вере — вас и ваших сынов и дочерей до самого конца, аминь!» Ответил ему народ: «Иди с миром, но ненадолго, ибо услышали мы голос, обращённый к тебе и сообщивший, что этот город подвергнется большим гонениям от царя, потому что уверовали его гонцы». И укрепил Андрей их сердца и сказал напоследок: «Не бойтесь, чада мои. Господь, в Которого вы уверовали, крепок, и в Его власти не допустить до вас жестокого царя»».

— Па-а-а-следние времена-а-а!.. — размахисто, двумя перстами перекрестился владыка Горгоний, схиерономас Невский и Купчинский, он же прежде иеромонах Савва, он же некогда в крещении Викторин, он же в совсем далёком прошлом Витя Террорист.

— Невежество и мрак теснят маленький корабль верных, но не потопят его. Вот мы с вами, братия и сестры, совершаем сегодня память Агапии, Хионии и Ирины. Однако почти все вы помните, и я рассказывал вам в прошлом году, что это всего лишь имена, выдуманные в рамках антихалкидонской полемики, о чём прямо говорит и их мученичество, духовный же смысл настоящего праздника заключается в следовании словам апостола о добродетелях любви, мира и, главное, белоснежной чистоты — непорочности. Слышали вы сегодня и воскресное чтение из Послания к евреям. Чтец, конечно, возглашает: «Послания святаго апостола Павла чтение», — но это, как вы понимаете, есть лишь дань многовековой традиции. На самом же деле, как давно уже доказано ведущими мировыми библеистами, к апостолу Павлу оно не имеет ровным счётом никакого отношения. То есть это псевдоэпиграф или, иными словами, апокриф! Но тогда у вас может возникнуть справедливый вопрос: а почему же в нашей общине, состоящей не из невежд, не из простецов, не из пролетариев патриархийных подзаборных, читается

апокриф? Другой пастырь ответил бы вам, что за древность или ради пользы духовной, но я не обвиняю реку вам: ибо в апокрифах явлена нам истинная мудрость, сокрытая от непосвящённых, — оттого и зовутся они апокрифами. Много веков учителя внешней Церкви клеймят апокрифы как якобы нечто чуждое подлинному церковному преданию. Но тогда мы спросим их: а кто измыслил это предание? Христос, Дух Святой, Логос? Не они ли сами, мнимые первосвященники, чтобы сокрыть им свои собственные беззакония: симонию и содомию? Между тем писания древних христиан, хоть и называются тайными, однако прямо называют вещи своими именами и, самое главное, так называемый брак — узаконенным блудом. Все верные призваны подражать Христу, а мы, архиереи, — в первую очередь. Но часто ли думали вы действительно стать христами или хотя бы апостолами? Между тем именно об этом повествуют, например, деяния Иоанна Богослова, возлюбленного — подчеркну это слово — ученика Христова. Давайте же, ученики мои верные, встаньте вокруг меня, возьмитесь за руки и припевайте за мной, поющим гимн из этих чудных деяний: «Аминь, аллилуйя».

Все общинники разом вскочили со своих мест и поспешили образовать хоровод вокруг владыки Горгония, рослого мужчины с всклокоченной русой бородой, как новогодняя ёлка, возвышавшегося в своей митре над тесным кругом своих почитателей — преимущественно почитательниц. Когда члены общины наконец утихли, выяснив, кто с кем рядом хочет стоять, схиепископ запел чуть дребезжащим фальцетом: «Слава Тебе, Отче». И все, двигаясь по кругу, словно счастливые дети, стали нестройно припевать за Ним: «Аминь, аллилуйя»:

Слава Тебе, Слове,
слава Тебе, Милость.
Аминь, аллилуйя.
Слава Тебе, Душе,
слава Тебе, Святой,
слава Твоей славе.
Аминь, аллилуйя.
Хвалим Тебя, Отче,
благодарим Тебя, Свете,
в Коем мрак не живёт.
Аминь, аллилуйя.
Я скажу, зачем мы благодарим:
Спастись желаю
и спасти желаю.
Аминь, аллилуйя.
Избавиться желаю
и избавить желаю.
Аминь, аллилуйя.
Быть ранен желаю
и ранить желаю.
Аминь, аллилуйя.
Рождаться желаю
и родить желаю.
Аминь, аллилуйя.
Милость хороводит.
Свирять желаю —
пляшите же все вы.
Аминь, аллилуйя.
Рыдать желаю —
бейте себя все.
Аминь, аллилуйя.
Восьмёрка единая
ликует с нами.
Аминь, аллилуйя.
Двенадцать число
в выси кружит.

Аминь, аллилуйя.
Ему Всему
в выси кружить подобает.
Аминь, аллилуйя.
А кто не кружит,
тот творящегося не знает.
Аминь, аллилуйя.
Бежать желаю
и остаться желаю.
Аминь, аллилуйя.
Украсить желаю
и украшаться желаю.
Аминь, аллилуйя.
Соединиться желаю
и соединить желаю.
Аминь, аллилуйя.
Дома я не имею
и дома имею.
Аминь, аллилуйя.
Я для тебя светильник
видящего Меня.
Аминь, аллилуйя.
Я для тебя зеркало
мыслящего обо Мне.
Аминь, аллилуйя.
Я для тебя ворота
стучащегося в Меня.
Аминь, аллилуйя.
Я для тебя дорога
проходящего мимо.
Аминь, аллилуйя.
Припевая с Моим хороводом,
увидь себя во Мне, говорящем,
и, увидев то, что творю Я,
молчи о Моих тайнах.
Кружащий поймёт, что творю Я,

ибо твоё это человеческое страдание,
что претерплю Я.
Ведь ты не смог бы вовсе
понять, что ты терпишь,
если б тебе, как Слово,
Я Отцом не был послан.
Узрев, что творю Я,
узрел как страдальца,
и, узрев, не замер,
но весь подвигся,
подвигшись быть мудрым.
Постель для тебя Я —
на Мне отдохни ты.
Кто Я такой, узнаешь,
когда отойду Я.
Чем кажусь ныне,
тем не являюсь.
Кто Я, увидишь,
когда ты прибудешь.
Если познал бы страданье,
стяжал бы бесстрастье.
Познай же страдание
и стяжи бесстрастье.
Чего не знаешь,
тебя Сам научу Я.
Бог Я есмь Твой,
а не предателя.
Размерить желаю
души святые по Мне.
Мудрости слово узнай,
снова скажи Мне:
Слава Тебе, Отче,
слава Тебе, Слове,
слава Тебе, Душе.
Если же мой «аминь»
понять ты желаешь,

словом сыграл Я со всем
и не постыдился вовсе.
Вот Я заплясал,
а ты всё постигай,
и, постигнув, скажи:
Слава Тебе, Отче!
Аминь, аллилуйя!

Странный, ломаный ритм танца завораживал Нину, но она изо всех сил старалась сохранить самообладание, предпочитая наблюдать за членами общины. Мужчины двигались спокойно, явно стараясь вслушиваться в смысл слов. Но вот с женщинами происходило что-то необычное, напомнившее ей разве что читанное некогда о хлыстовских радениях. Одна словно пришла в экстаз, закатив глаза и пытаясь оторваться от земли. Другая будто оцепенела, двигаясь как сомнамбула и не отрывая взора от поющего. Иные же, напротив, чуть ли не извивались, как на дискотеке, в страстных конвульсиях. Но все вместе они, странные и словно неприкаянные, казались частицами одного мироздания, хороводом планет, вращающихся вокруг солнца. И Нина тоже чувствовала себя здесь маленькой звездой.

В храм преподобных Авраамия и Марии Нина направилась сразу после отъезда Гриши, отложив на время даже архив Марра. Но нашла его Нина по данному отцом Ампелием адресу не сразу, несмотря на многочисленные указывавшие на него рекламы-разножки: охрана госпиталя указала ей сперва на маленькую часовню с надписью «Русская Православная Церковь. Московский патриархат», где уже слегка пьяный, явно нанятый со стороны поп отпевал сразу человек пять покойников. Через полчаса, с трудом ворочая языком, он сказал ей, что главный здесь — владыка Гармоний и искать его надо в домовой церкви

на третьем этаже восьмого корпуса. В результате Нина попала только к концу литургии.

Впрочем, когда она подошла к кресту, схиерископ с радостью улыбнулся весточке от отца Ампелия и пригласил Нину остаться на собрании избранных. В небольшой домово́й церквушке было порядочно народу, но, как выяснилось, большинство пришло поклониться привезённым откуда-то из Австралии мощам святого старца Феодосия Кавказского. После проповеди епископа Горгония, воспевшего истинно христианский подвиг святых мучениц Агапии, Хионии и Ирины, паломники ринулись к маленькому ковчежцу. Пошла вслед за ними и Нина, но тут какая-то бойкая тётка схватила её за руку и сказала, что владыка благословил всем поклоняющимся святым мощам сперва купить за пятьсот рублей пакетик со свечками, молитовками и освящённой на святыне землицей.

Нина еле вырвалась из её рук и устремилась к малому стаду схиерископа, плотно обступившему своего наставника. Нина надеялась поговорить с владыкой Горгонием, но к нему было не пробиться: особенно наседа́ла бойкая инокиня, написавшая акафист некоему святому, которого по недоразумению считали монофелитом. Лишь через час с лишним, на особом собрании избранных, после окончания священного танца, когда большая часть горгониток в изнеможении рухнула прямо на пол, ей удалось улучшить мгновение и шепнуть схиерископу, что ей очень надо с ним поговорить и что её очень поразили его слова о древних христианах. Снявший софринскую митру и оказавшийся наполовину седым Горгоний взглянул на Нину как-то по-особому, вдруг широко улыбнулся и, быстро достав из кармана рясы, вручил ей какую-то брошюрку.

Выйдя из душного храма на свежий апрельский воздух, Нина присела на первую попавшуюся лавочку в больничном парке и раскрыла таинственный подарок.

Это оказалась книжечка самого владыки Горгония, надписанная ещё именем иеромонаха Саввы и именовавшаяся «Воззвание к Адаму, или Брак как узаконенный блуд». Нина ещё чувствовала на своей руке тепло от прикосновения владыки, нежного, но одновременно властного и очень, что ли, мужского. И уже с первой страницы Нина почувствовала: вот то, что она искала всю жизнь.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ ЧЕРЕЗ СКИФИЮ НА РУСЬ

1. СНЫ О ХЕРСОНЕСЕ

В Севастополь Гриша Фоменко и Лёва Никифоров, изрядно растрясённые дорогой и утомлённые вакхическими дискуссиями, прибыли ночным поездом, и встречала их на служебной машине музея-заповедника молоденькая сотрудница, которую Никифоров прямо из вагона, лишь заведя в окне, начал окутывать своими чарами. Зато Григорию по пути в Херсонес можно было отдохнуть от разговоров хотя бы четверть часа. Поселили их в финском домике на археологической базе, не очень благоустроенном, но со старым электрообогревателем, заботливо включённым, похоже, за полдня до приезда гостей. Поскольку Никифорову не удалось с первого раза соблазнить миловидную херсонеситку (чем он, признаться, не сильно расстроился), молодецкий сон немедленно свалил его полураздетого в кровать, а Фоменко, прихватив с собой спальный мешок, пошёл к морю.

Море лишь слегка штормило, и вообще ночь была на редкость тёплой даже для конца апреля. Гриша так соскучился по морю, что почти целый час просидел на обрывистом берегу, всматриваясь то в силуэты кораблей на рейде, то в огни Северной стороны. И почему из всех многочисленных здешних бухт и полуостровов древние гераклейцы с делосцами закрепились именно здесь? Чем не устроил их самый-самый кончик Таврики, на котором было основано первое поселение — Страбонов Херсонес, через несколько бухт к западу отсюда? Вероятно, он слишком выдавался в море и был открыт

всем ветрам, и было там грустно и неуютно, вечно на виду у проплывавших мимо судов. Конечно, к тому времени, когда сюда прибыл апостол Андрей (если только правду написал Епифаний Монах!), жизнь строптивного полиса вот уже полтысячи лет кипела прямо здесь, под ногами Григория, а порт был восточнее, в нынешней Карантинной бухте. Интересно, а как сам Епифаний оказался в Херсоне по пути от развалин Феодосии? Пишет же он, что Андрей «спустился» оттуда в Херсон, а поскольку Феодосия расположена никак не выше Херсона, значит, двигался он «вниз» по морю, то есть всё больше удаляясь от греческих земель в чужие края...

...Было это в конце августа, на закате субботнего дня. Корабль, гружённый отборной воспорской пшеницей, самой лёгкой из всех известных, по пути в Константинополь зашёл в Херсон. Перед тем как оказаться в гавани, судно медленно, с осторожностью огибая мыс, прошло мимо всего города, так что Епифаний успел его рассмотреть, и удивлению его, точнее — разочарованию, не было предела. Сколько он себя помнил, в Константинополе, произнося слово «Херсон», всегда как-то многозначительно поднимали к небу палец, потому что все знали: там, далеко на севере, впрочем, не так уж и далеко, есть верный ромеям город, который, хотя и признаёт власть не только василевса, но и хазарского кагана, служит надёжным тылом империи. Оттуда шли хлеб, много хлеба, сушёная рыба из великих рек, меха невиданных зверей, славянские рабы, германские наёмники, служившие прежде всего личными телохранителями императора, — и коли бы не они, верные господам до последней капли крови, василевсы менялись бы на троне ежегодно, если не каждый месяц. Конечно, ромейский островок на краю света, крепость Христовой веры в стране варваров-язычников, поклонявшихся деревьям тавроскифов или —

не важно — скифотавров, Епифаний представлял себе захолустным провинциальным городишком, вроде Трапезунта, но — не настолько же!

Над низенькими домиками, кое-где двухэтажными, чуть возвышалось, если смотреть с моря, несколько церквей, ничем, кроме размера, не отличавшихся от убогих строений вокруг. Самая большая из них, по-видимому кафедральная, располагалась недалеко от берега и представляла собой самую обыкновенную базилику. Во всём городе не было ни намёка на купол; из-под обваливающихся в море стен стекали нечистоты, а через многочисленные проломы в тех же стенах спускались прямо к воде мусорные насыпи, засиженные стаями чаек, и когда ветер дул от берега, то проходившие мимо корабли наполнялись зловонным духом и доносился невыносимый птичий гомон, перебиваемый воем собак, которые также во множестве рыскали по кучам отходов.

Епифаний и Иаков позажимали носы, а воспорские корабельщики не обращали ни на смрад, ни на мрачное зрелище никакого внимания, настолько они, видимо, ко всему этому привыкли. В порту оказалось несколько чище, хотя загромоздившие его возы с рыбой, почему-то несвежей, распространяли не менее сильную вонь.

— Почему же тут столько протухшей рыбы?! — воскликнул Епифаний, обращаясь к кормчему Михаилу, раскосому полу-скифу, а то и вообще хазарину.

— Э, почему же сразу протухшей? — искренне возмутился тот. — Да, она не сегодня выловлена, но так с неё налог меньше, понимаешь, да? Сегодняшнюю рыбу тут едят только архонты и епископы, остальным — зачем переплачивать?

— Налог на свежесть?

— Уж не знаю, как он называется, но ведь надо ж как-то зарабатывать и засольщикам. Это ж наш исконный таврический промысел, никак без него нельзя.

А когда высолишь её, рыбку эту, вымочишь в вине или рассоле с разными травками — знаешь, какая вкуснятина получается? И соус к ней можно сделать яичный, из желтков, масла, горчицы, уксуса, и главное — побольше его, пожирнее, переложить эту рыбку варёной свёклой, морковкой, луком, и тогда целыми тарелками можно уплетать. Царское блюдо! Сам каган хазарский каждый день его кушает, да. И тудуны его, которые сидят у нас в Воспоре и здесь в Херсоне, тоже такое кушают.

Епифаний поморщился, но не стал возражать Михаилу. Варвары — разве можно им что-нибудь объяснить?

И вот их корабль наконец причалил. Сбежав по сходням, Епифаний не удержался от того, чтобы вытащить из сумы шёлковый свёрток и с трепетом развернуть пятю святого апостола Андрея. Встав на колени и облобызав её, он приложил косточку к плите портовой набережной и взмолился еле слышным шёпотом: «Вот и вернулся ты, святой апостол Христов, на эту землю собственной своей стопой. Моли же Бога о нас, грешных, да сохранит Он невредимым наш путь по камням сего отдалённого града».

Из порта Епифаний с Иаковом сразу же поспешили в собор, надеясь успеть ко всеобщему бдению, но каково же было их удивление, когда все двери кафедральной базилики Святых Апостолов оказались закрытыми. Во внутреннем дворе перед притвором, на ступенях пересохшего фонтана и в тёмных боковых галереях, сидело несколько нищих, среди них — пара монахов.

— Скажи мне, брат, — обратился к одному из них, самому дружелюбному на вид, Епифаний, — что случилось? Почему ваша церковь закрыта и не слышно молитв?

Монах ничего не ответил, только отвернулся и с головой закутался в рубище. Тогда Епифания окликнул

другой монах, высокий германец с рыжей гривой, из-за которой почти не было видно его тонзуры:

— Глухонемой он. И писать не может. Мы даже не знаем, как его звать. А меня зовут Иоанн, как преподобного отца нашего Иоанна, епископа Готского.

— Что же случилось, брат Иоанн? Чужеземцы мы, только прибыли в город и хотели помолиться.

— Тогда вам не сюда. Епископ наш, а с ним и почти весь клир на охоте в горах, медведя выслеживают.

— Как так на охоте? — растерянно пробормотал Епифаний. — И никого не оставил служить?

— Никого. Все в горах. Это от моего родного села недалеко. Вот уж лет тридцать, как его хазары сожгли, я тогда совсем ребёнком был...

Епифаний отчаянно всплеснул руками и, перекрестившись на собор, собрался уже уходить, но Иоанн остановил его:

— Погоди. Если вы хотите помолиться в тишине и... — тут Иоанн шепнул Епифанию на ухо, — и поклониться святым иконам, то нужно идти на Западное кладбище, к брату Агапиту в церковь Святого Созонта. Только придётся поспешить, пока не закрыли городские ворота.

И монахи отправились через весь город, причём сворачивая почти через каждый квартал, к тому же многие улицы были так перекопаны, что по ним не только повозка не смогла бы проехать, но и человек бы никак не прошёл. От Иоанна студиты узнали, что всё дело в непрекращающемся ремонте всего городского водопровода, который затеял предыдущий архонт, а нынешний объявил, что в казне совсем нет денег на его продолжение. В итоге старое водохранилище, куда раньше бесперебойно поступала вода из источников, расположенных в нескольких милях от города, так и осталось засыпанным, весь город оказался перекопанным, так что воду теперь приходилось брать

из колодцев, вырытых прямо во дворах. Многие херсаки винили в том не столько своих нерадивых архонтов, сколько зловердных хазар, которых, по слухам, совратили в иудейство, вот они и начали пакостить благочестивым христианам. Но против хазар никто бунтовать не решался, да и в самом городе их почти не было, зато доставалось местным иудеям: каждое воскресенье чернь громила их лавки на Главной улице, без чего херсаки уже не мыслили выполнение своего христианского долга.

На Западное кладбище, где стояла небольшая, недавней постройки церковь Святого Созонта, монахи попали прямо перед закрытием Святых ворот, но служба начиналась именно тогда, когда никто из посторонних уже не мог выйти из города и увидеть, как тамошние священники достают из тайников святые иконы и служат перед ними, не поминая еретического фатриарха Феодота и блудливого пьяницу Евтихиана, епископа Херсонского. И ничего не оставалось немногочисленным прихожанам и нескольким священникам и диакону, как ночевать в заброшенных и давно разграбленных склепах, рядом с грудями костей, на циновках, укрывшись оленьими шкурами. Именно там Епифанию впервые приснился его дядя Григорий, который после изгнания из Студийского монастыря, перед тем как открыть свою школу, два года провёл в Херсоне, откуда вернулся грустным и постаревшим. Видимо, несладко ему тут пришлось, но никто из родных так и не узнал, что с ним приключилось в далёком городе. И снилось Епифанию, что дядя Григорий, так же, как и он, укутанный в шкуру, лежал на берегу моря, за городскими стенами. Светало... У Григория замёрзли ноги, потому что был ещё апрель.

...И кто-то пинками в бок начал его будить. Продрав глаза, Григорий увидел над собой мужчину в чёрной форме с надписью «Охорона». Замёрзли не только ноги,

но и уши. Болела голова, страшно хотелось пить. Охранник пнул его ещё раз и спросил:

— И шо ты тут разлѣгся, а? Надрался, скотина?

— Я? Нет... Просто заснул, понимаете? Я вообще-то на конференцию. Меня на базе поселили. Простите.

— А-а... Ну, тогда звиняй, браток. Неполезно тут спать, так сказать.

И только тут Гриша сообразил, что он полночи пролежал на холодной скале, пусть и в спальнике, и что сегодня ему делать доклад на тему «Апокрифы об апостоле Андрее в славяно-русской книжности», который ещё не дописан, и на это у него оставалась пара часов.

— Ты где был? — уставился на Гришу Никифоров, взъерошенный, опухший и ещё более невыспавшийся. — Только я уснул, меня разбудили питерцы, представляешь? Полчаса как ушли. Был ещё Федя Ризоположенский, одна его фамилия меня до такого состояния доводит... Ты бы их смог разогнать, был бы рядом со мной. А мне ещё доклад писать...

— И мне. А представь, каково тут было Епифанию Монаху в девятом веке? В восемьсот восемнадцатом году, а?

— Ты бредишь, Гриша? И где ты был, предатель?

— На тайной службе иконопочитателей в церкви Святого Созонта.

На это Никифоров ничего не ответил и лишь почесал в затылке, задумчиво глядя в сторону херсонесских развалин.

Руины древнего Херсонеса — Херсонеса Таврического, чтобы не путать с прочими, не нашими, а потому никому не нужными Херсонесами, — не только туристам-профанам, но и крупным спецам-историкам казались немыслимым чудом, «Русскими Помпеями», свалившимися на каменистую крымскую почву прямо с неба: подумать только — единственный найденный в

Северном Причерноморье античный театр; вертикально стоящие (настоящие!) мраморные (беломраморные!) колонны базилики 1935 года, пусть не античные (о чём не догадываются профаны), но зато как величественно они смотрятся в лучах заходящего солнца на фоне такого же, как в Античности, моря! Город, где проповедовал Константин Философ, будущий святой Кирилл, брат Мефодия, и где обрёл он мощи священномученика Климента, папы Римского; Корсунь русских летописей, где принял святое крещение будущий креститель Руси князь Владимир Святославич, которого школьные учебники истории почему-то именуют Владимиром Красно Солнышко. Но самое главное — в Херсонесе побывал сам апостол Андрей Первозванный, которому и была посвящена нынешняя большая международная конференция, устроенная Херсонесским музеем-заповедником.

Отец Ампелий на конференцию не приехал, о чём стало известно только на открытии, и никто не знал почему, хотя буквально накануне он сообщил организаторам, что непременно будет, и в программке Фоменко прочёл лишь тему его выступления: «Апостол Андрей и Чёрное море: Проблемы источниковедения». На открытие конференции Гриша чуть-чуть опоздал, но нельзя сказать, что он ожидал услышать от выступавших там «генералов» что-то новое.

Пленарное заседание проходило прямо в экспозиции средневекового отдела, в боковом зале с балконом, где до революции располагались покои настоятелей Свято-Владимирского монастыря. В зале собрались историки, искусствоведы, филологи самых разных мастей и направлений: античники, византилисты, слависты, древнерусистики; было и несколько священников, среди них — отец Андрей Епифанцев, радостно поприветствовавший Григория. Ни тени безумия не заметил на его лице Фоменко, зато в одном из местных

клириков Гриша, к своему изумлению и даже смущению, опознал семинариста-заочника, некогда изобличённого им в плагиате при написании курсовой работы.

К выступлению Фоменко подготовиться всё же успел, но свой доклад начал несколько издалека:

— Дорогие коллеги! Прежде чем обратиться непосредственно к теме своего доклада, я бы хотел напомнить вам, что даже в науке, деятельности рациональной и очищенной от всякого рода мутной мистики, мы часто движемся вперёд благодаря лишь тому, что мир вокруг нас наполнен знаками, даже переполнен, причём такими, коих появление на нашем пути совершенно необъяснимо. Признаюсь сразу: к исследованию апокрифических сюжетов об апостоле Андрее в славяно-русской книжности я пришёл не сразу, даже отказывался обращаться к ним под предлогом занятости другими, более важными, как мне тогда казалось, вещами, хотя один человек — его здесь сейчас нет, но я надеялся увидеть его в нашем собрании, — тот человек настойчиво направлял меня пройтись по следам Первозванного апостола. Сейчас я понимаю, что напрасно отнекивался, ибо апостол Андрей, ко всему прочему, — и покровитель нашей профессии: по преданию, он рукоположил в епископы Синопы святого Филолога! Но вернусь от шуток к сути дела. Итак, однажды, работая по своей теме с рукописью Хронографической Палеи 1517 года, я столкнулся с такого рода знаком: посреди древнерусского пересказа ветхозаветной истории, между рассказом о смерти Моисея и началом повествования об Иисусе Навине, я обнаружил — согласитесь, в совершенно невероятном месте! — коротенький текст под заголовком «О русском крещении». Там был ещё один заголовок, и именно под ним это сочинение известно в литературе: «Проявление крещения Русской земли святого апостола Андрея, како приходил в Русь». Ни к Моисею, ни к Иисусу Навину, да и

вообще ко всей Палее этот текст, конечно, не имеет никакого отношения. «Слово о проявлении крещения» не раз уже издавалось, содержится оно и в знаменитых макарьевских Великих Минеях Четых, и, безусловно, перед нами собственно русский апокриф, зависящий не только от сказания об Андрее Первозванном в «Повести временных лет», но и от других сочинений о нём. Так, в этом «Слове» упоминается мученическая смерть апостола на Пелопоннесе, от рук Агата, то есть Эгеата, чего нет в «Повести временных лет». Самое же интересное — что Андрей Первозванный соотносится здесь с князем Владимиром, крестителем Руси. Вот эти приветственные слова, цитирую их по старшему списку первой половины четырнадцатого века: *«Радуйся, апостоле святой Андрею, благословивый землю нашу и прообразивый нам святое крещение, еже мы прияхом от благочестивого Володимера! Радуйся, насеявый ученья вселенную всю! Радуйся, учениче Христов и учителю наш!»*

Первый день конференции прошёл достаточно спокойно: самая оживлённая дискуссия велась на балконе, куда участники выходили покурить и не только. Вечером Фоменко отказался идти с Никифоровым в домик к питерцам, куда тот отправлялся не без надежд на романтические приключения. Грише было не до того: он вдруг почувствовал, как сильно не хватает ему общества Нины, как невыносимо было бы ему сейчас идти туда, где празднуют и веселятся, но где нет её. И забылся он под тёплым одеялом, и снился ему высокий берег Днепра, а на нём, сидя в своей пещерной келье, изгрызенным пером строил ровные и нарядные буквы на грубоватом пергамене какой-то киевский черноризец, то ли Нестор, то ли Сильвестр, а Днепр тёк между холмами то ли вниз, то ли вверх; и снилась ему Нина, сидящая уже на холмах Грузии, откуда ей весь как на ладони был виден путь апостола Андрея; и снилась

ему та прибрежная скала неподалёку от калитки в городской стене и обломка башни, торчащего над водой, словно выщербленный каменный палец, — та скала у моря, где снились ему Епифаний Монах и сподручный его Иаков, укрывшиеся в старом склепе и спавшие на циновках рядом с разбросанными костями язычников и христиан, которые время перемешало так, что лишь на Страшном суде взметнутся они к небесам и соберутся каждый в свой особый человеческий пазл и предстанут пред лицом Судии...

...Отец Агапит разбудил Епифания и Иакова задолго до рассвета:

— Вставайте же, мы должны успеть отслужить Божественную евхаристию до открытия городских ворот. А потом пойду навещу Марка и Анастасия, благочестивых епископов. Их сослали сюда безбожные иконоборцы, но никто из Константинополя не отдавал приказа держать их под стражей! А наш Евтихиан (он сразу же переметнулся на сторону еретиков!) заточил их в Зионовой башне и не допускает к причастию. Вот я и ношу им тайно Святые Дары, под видом простой милостыни.

— А я-то думал, — говорил Епифаний, выходя из склепа, — что в Херсоне можно укрыться от нечестивцев, что здесь процветает монашество... Так ведь многие и считают до сих пор в Константинополе, в Никее, в Никомидии.

— Знаю, знаю, многие с тем сюда и приходят. А всё оттого, что написано так в Житии святого Стефана, Нового исповедника, который ещё когда жил — аж при Константине Навознике. А не застал ли ты случайно в Никее это страшилище Нигера? — спросил Епифания Агапит.

— Как не застать! На моих глазах он верхом на коне въехал в церковь!

— А я его ещё здесь, в Херсоне, знавал, когда командовал он гарнизоном и частенько отлучался в столицу. Там-то и свалилась на него беда. Не знаю, что было на самом деле, но поговаривали, что он то ли соблазнил, то ли чуть не соблазнил саму императрицу, кхе-кхе... А василевс узнал об этом и велел его тут же чпок — и оскопить. Потом Нигера этого отправили митрополитом в Никею.

— Чудны дела Твои, Господи! — воскликнул Епифаний и, почувствовав, что Агапиту можно доверить важное дело, тихо сказал: — У меня с собой послание... от Феодора Студита ссыльным епископам... Передавать им его в заточение опасно. Пожалуйста, выучи его наизусть и передай на словах, коли ты с ними общаешься.

Агапит в знак согласия молча стиснул Епифанию плечо и взмолился:

— Слава Тебе Господи! Не оставляешь Ты и нас, маловерных и грешных, заброшенных на край Земли, без утешения пастырей Твоих, стойких в вере!

— Аминь! — подтвердил Епифаний и продолжил: — А ещё хотели бы мы отыскать в Херсоне или его окрестностях брата Фаддея Скифянина, студита, пострадавшего от иконоборцев. Говорят, подвизается он где-то в горах Таврики.

— Про варваров этих, которые в горах, вы лучше брата Иоанна спросите. Он ведь сам оттуда, из готов. Они там даже в какой-то пещере себе целый монастырь устроили — ну не дикость ли, а?

Отслужив с Агапитом литургию, Епифаний передал ему послание Феодора, а когда тот ушёл в город, разговорился с готом Иоанном. Оказалось, милях в двадцати от Херсона, в готской крепости неподалёку от города Дорос, захваченного хазарами, был небольшой мужской монастырь, вырубленный прямо в скале, и населяли его верные иконопочитанию готы,

православные, хотя и читали они Священное Писание по-готски, в древнем, арианском ещё, переводе. Носил же этот монастырь имя святого апостола Андрея Первозванного. Узнав об этом, Епифаний неимоверно изумился:

— Уж не те ли вы самые, брат Иоанн, скифы, среди коих, по одному из тёмных преданий, проповедовал апостол Андрей?

— Как знать. Мы, конечно, вовсе никакие не скифы. Это почему-то вы, ромеи, нас так странно зовёте. И предки наши пришли в Таврику с далёкого севера, то ли от Сарматского океана, то ли из чудесной страны Ойум, но когда именно — уж и не помнит никто, конечно.

— Не хочешь ли ты сказать, что и склавины тоже не скифы?

— Да они такие же скифы, как и мы, брат Епифаний. Только совсем язычники. Кроме болгар, конечно. Среди болгар, надо признать, уже много христиан.

— А вот апостол Андрей, — не унимался Епифаний, — разве доходил он до Херсона?

— Ещё как доходил! И до Готии нашей доходил, иначе зачем там церковь его? И все херсаки расскажут тебе, как прибыл к ним из Феодосии святой Андрей.

— Да, заглядывали мы по пути сюда в эту Феодосию... В развалинах теперь лежит славная некогда Феодосия. Ни следа человеческого... Только надписи одни с именем некоего царя Савромата. Не поймёшь, то ли имя это такое, то ли родом он был ваш брат савромат.

И тут в разговор вступил брат Сампсоний, монах из Фессалоники, также решивший по неведению своему укрыться от иконоборцев в Херсоне:

— Херсаки ваши — дрянной народец, нестойкий. В вере не твёрды, вруны жуткие, всяким ветром ересей носимы. Но, однако ж, гостеприимны и нищелюбивы — этого-то у них не отнять, у херсаков этих. Когда б не они, лежать мне теперь, братия, на городской свалке с

проломленной башкой, и грызли бы меня сейчас голодные псы...

— И спаси их за то Господь, херсаков наших! — воскликнул Иоанн. — А мы, брат Епифаний, если ты, конечно, хочешь добраться до готской крепости, выдвинемся завтра на рассвете. Я зайду за вами в тот старый склеп, где вы укрываетесь. И увидите вы самое северное из мест, докуда доходил святой апостол Андрей Первозванный, когда вышел из Херсона, а Херсон тогда назывался ещё Херсонисом. Помяни моё слово: самое северное, дальше никто из апостолов не ходил, дальше на север в те стародавние времена до самого Северного океана были мрак и стужа, метели и льды, реки, навечно скованные льдом, и кровавые озёра, в которых жили гиперборейские крокодилы...

...«И седлают гипербореи своих крокодилов, — это уже снова снилось ему после тяжёлого дня, насыщенного встречами и разговорами, когда заснул он прямо с апокрифами в руках, — седлают они их, укутавшись в шкуры медведей и гигантских оленей, и пускаются в опасные походы прямо по льду своих северных рек — к Океану, где живут морские слоны, где выбрасывает на берег чудесный камень янтарь-электрон, горючий и целебный камень!

— А что будет, дедушка, если потерять этим электроном шкуру морского слона?

— Всё-то ты знаешь, Александр, — покачал головой старый Исаак, — и зачем спрашиваешь? Если потерять гладким куском электрона шкуру кого угодно — почему только морского слона? где ты их видел, этих морских слонов, а? — так вот, если потерять шкуру да хоть вон той дрянной кобылы, то посыплется из неё искры!

— Огонь и пламя?!

— Огонь и пламя, да.

— Прямо как на Содом и Гоморру, когда сжѐг их Господь?

— Как на Содом и Гоморру, правильно.

— И прямо можно будет сжечь тем чудесным электрическим огнём весь этот Херсонес, где одни язычники? — всё больше распалялся Александр.

С дедом Исааком он сидел в опустевшем к вечеру херсонесском порту и ждал корабль из Феодосии, на котором его отец, вольноотпущенник Фавст, казначей самого Аспурга, царя боспорского, вёз в родной Херсонес, ныне союзный город, пленных тавроскифов и тавроскифянок, чтобы вместе с другими рабами отправить их затем на невольничий рынок в Синопу и выручить за них для своего царя целое состояние, да и себя, конечно, не обидеть.

— Э, зачем же сразу весь Херсонес жечь? — отмахнулся от внука Исаак. — Когда Господу будет угодно, тогда и пожжёт. А нам тут пока есть чем заниматься, понятно тебе?

— Но ведь поём мы в псалмах: «Господь — царь вовек и в век века! Погибнете, язычники, от земли Его!»

— А ещё мы поём, — отвечал ему Исаак, — «Помянутся и обратятся ко Господу все концы земли, и поклонятся пред Ним все отечества язычников». Понимаешь? Нашему Господу поклонятся все страны, где одни язычники и живут, — нашему! Не видать ли ещё галеры?

— Не видать, дедушка. А скажи, как это может быть, чтобы отсюда кто добрался до самого Северного океана?

— А вот как, — сказал Исаак и, вытащив ножик, стал выцарапывать им на одной из плит вымостки геометрические фигуры. — Вот круг — это весь наш мир, за шесть дней сотворённый Богом, а вокруг него — ещё один круг: это, как говорят эллинские мудрецы, океан, и у меня нет основания им не верить, хоть они и язычники. Вот здесь, слева, Север, а значит, Северный океан, справа — Южный, снизу — Геркулесовы столпы, откуда

начинается Наше море... — И тут Исаак вписал во внутренний круг букву «Т».

— Внизу, где ножка буквы «тау», Испания и Африка? — переспросил Александр.

— Именно. Вот оно, Наше море, идёт на Восток и упирается в центр земли — в священный град Иерусалим, где стоит на горе наш Храм, а в нём — Жилище Бога. На Север — видишь левую половинку перекладкины? — идёт Эгеида, затем Пропонтида, затем Понт, где мы сейчас с тобой сидим, затем Меотида, смрадное болото, затем река Танаис, которая течёт до самого Северного океана. Теперь ясно?

— Ясно, дедушка. А правая половинка буквы «тау» — это что?

— Это, Александр, величайшая на свете река — Нил, в устье её стоит великий град Александрия, откуда я родом, а вытекает река Нил прямо из Южного океана. Никто не доходил до её истоков, как и до истоков Танаиса. А может, и Борисфена. Я не знаю точно, какая из этих рек впадает в Северный океан. Может, они обе и впадают.

— Впадают или вытекают? Отец рассказывал, что был как-то в устье Танаиса, и он там как раз впадает в эту вонючую Меотиду.

— Какая разница, впадает или вытекает... Да для таких больших рек, как эти, уже не важно: в одной своей части они могут впадать, а в другой и вытекать. Диалектика!

— Как же так, дедушка? Ты ничего не путаешь?

— Нет, меня этому александрийские мудрецы научили. Твоему папаше, которому ничего, кроме денег, не нужно, может, и показалось, что Танаис в том месте впадает в Меотиду, а окажись там я или ты — нам, кто знает, станет совершенно ясно, что наоборот — вытекает из Меотиды. Это смотря при каком ветре и с какой точки зрения смотреть, тут точка отсчёта важна...

— Гляди, дедушка, вот и галера наша! — воскликнул вдруг мальчик.

И действительно, в порт Херсонеса медленно, выбиваясь из последних сил, входила галера, и с вёсел её разлетались по сторонам испуганные крабы, и было уже с берега слышно, как в её чреве недовольно гудят пленные тавроскифы и стонут трепетные тавроскифянки, а мускулы гребцов скрипят громче, чем старые уключины. Первым на берег выскочил Фавст и, обняв сына и тестя, махнул рукой в сторону своего судна:

— Смотрите, кого я вам привёз! Это иудей из Галилеи, я подобрал его в Феодосии и хочу увезти на край света, чтобы он всем и повсюду рассказывал свои удивительные сказки. Эй, Андрей!.. — И на зов Фавста по пружинистым сходням нетвёрдой походкой вышел на берег высокорослый, слегка согбенный старик, замотанный в грязный гиматий: из-под накидки выбивались буйные белые кудри и всклокоченная борода, орлиный нос выдавался далеко вперёд, глаза под мохнатыми бровями сверкали и, казалось, освещали перед собой путь, так что даже пылающий закат мерк перед этим галилейским сказочником.

— Что же он такое рассказывает, твой галилеянин? — спросил Исаак.

— Что он был учеником Самого Машиаха! — гаркнул Фавст и дико расхохотался.

2. АНДРЕЙ И ПАВЕЛ

— Не заходил ли к вам в город Савл из Тарса, иначе называемый римским именем Павел? — первое, что спросил Андрей, оказавшись в херсонесском порту.

— Первый раз о таком слышу, — ответил Исаак.

— А я ищу его по всему Понту, обошёл ваше море с разных сторон и никак не могу его найти, увы... — И тут Андрей увидел, что к берегу на небольшой лодочке причалил юноша, а в руках у него был плащ, показавшийся Андрею очень знакомым.

— Эй, — окликнул он того моряка, — а не ты ли тогда увёз в море нашего Павла?

— Я. Вот его плащ, он велел передать его тебе, когда я высажусь в этом городе, а вокруг тебя, как он мне сказал, всегда собирается толпа иудеев.

Забирая из рук юноши плащ, Андрей сказал ему:

— Так где же сам Павел?

— Посреди моря он выбросился за борт и прокричал: «Я отправляюсь в самую преисподнюю! Туда ходил Господь, и хочу я посмотреть, как он там всё устроил». А тебе, Андрей, он велел передать вот что: «Прошу тебя, не забудь прийти за мною, чтобы не удержали меня в преисподней подземные силы».

— Возвращайся домой, — промолвил Андрей. — Что до меня, то мне ещё предстоит побороться со здешними иудеями. Видишь, сколько их собралось? И все говорят мне, что не мог быть Иисус Машиахом... А потом я вернусь туда, где находится Павел. Я ещё приду за тобой, жди меня здесь.

Толпа иудеев перегородила Андрею путь к городским воротам, но вдруг откуда ни возмись на него спустилось сияющее облако и окутало не только его, но и всех вокруг, и пошли они в город под его защитой, ободрённые и радостные, а в облаке порхали голуби и слышалось чьё-то мелодичное пение. Капли пота, падавшие с носа Андрея в дорожную пыль, прорастали цветущими побегами, на которые тут же слетались трудолюбивые пчёлы, к ногам его ластились белоснежные ягнята, а впереди, чуть в отдалении, грозными стражами бежали крепконогие барсы.

— Посланник Божий! — воскликнул один из горожан, по виду язычник. — Смилуйся над моим несчастьем! Нет у меня ни отца, ни матери. Есть у меня единственный сын двенадцати лет. Однажды он слёг и больше не ест и не пьёт. И вот мы уже готовим ему похороны, думая, что он мёртв. Но, посланник Божий, сжался над моей нищетой! Найди время прийти ко мне и прикоснуться к нему, чтобы исцелить. Ибо слышал я рассказы о чудесах, которые ты сотворил до прибытия в этот город, и видел я, как ты изгонял бесов.

Ответил ему Андрей:

— Вот войдём в город, и Иисус исцелит тебя и твоё дитя.

Но иудеи снова преградили им путь, а Исаак гневно топнул ногою и сказал:

— Кого ты к нам привёз, Фавст? Разве ты не понял, что он проповедует этого своего Иисуса? А ты, галилеянин, не войдёшь сюда. Не бывать тому, чтобы учил ты в нашей синагоге и близ неё исцелял кого бы то ни было! Знаю я таких, как ты. Сначала наисцеляешь, а потом совратишь всех наших людей в своё лживое учение.

— Помилуй меня и ты, Исаак! — взмолился к нему несчастный отец.

— Ладно... Можно немного и поисцелять. Только не в городе. Пусть галилеянин остаётся здесь или где-нибудь ещё, но за пределами городских стен, и пусть исцеляет дня два, а потом мы этого обманщика всё равно отсюда погоним.

— Нет обмана в моём учении, — возразил Исааку Андрей. — А вот вы-то как раз заблуждаетесь, и сильно. А пока, если вам не угодно, чтобы вошёл я в город, то я и не войду. Пока. Но если будет на то воля Господа, то введёт Он нас туда, хотите вы этого или нет. — Сказал так Андрей и развернулся обратно к морю, но несчастный снова окликнул его:

— Постой же! Сжался над моим горем, о апостол!

— Ступай и ты в город. Твой сын уже мёртв. Только не выноси его хоронить до рассвета завтрашнего дня, и тогда я возвращусь и воскрешу его, а сейчас ждёт меня дело Господне, которое нужно исполнить.

Увидев, что Андрей уходит, иудеи отправились в город, а вернувшись в свой квартал, обнаружили, что ребёнок оказался мёртв, как и сказал им апостол. Сели они вокруг мертвеца и стали оплакивать его по своему обычаю.

Андрей же нашёл в порту того моряка и спросил его:

— Сможешь ли ты отвезти меня на то место, где Павел бросился в море?

— Смогу.

— И как же звать тебя, добрый юноша?

Моряка звали Аполлонием, и он с радостью взял Андрея к себе в лодку и повёл её далеко в море, да так далеко, что берега Таврики скрылись за горизонтом.

— Вот здесь это было, — указал вдруг на море Аполлоний и остановился.

Тогда Андрей наполнил чашу пресной водой и стал молиться над нею:

— Господи мой Иисусе, Ты, Отделивший свет от тьмы, Ты, Разделивший землю, пока не появилась суша, во имя Твоё выливаю я эту чашу пресной воды в море, полное воды солёной, чтобы оно отступило, чтобы появилась суша, чтобы земля и преисподняя открылись и чтобы поднялся обратно брат мой Павел.

Сказав это, он вылил чашу пресной воды в море со словами:

— Отступи, вода солёная и горькая, перед водою пресной! — И появилась суша, и открылась преисподняя, а Павел выпрыгнул из воды с какой-то деревяшкой в руке. Он вскочил к Андрею в лодку и облобызал его.

— Откуда пришёл ты, брат мой, — спросил его Андрей, — в каком месте ты был?

— Прости меня, брат мой Андрей. Я затем только отправился в преисподнюю, чтобы увидеть место, куда спускался наш Господь.

— Ты поступил дерзостно. Да, мы великие апостолы, ходившие со Спасителем, Который после Своего воскресения научил нас всему, сделал нас владыками над всякой силой, но ни один из нас не осмелился сделать то, что ты сделал.

— Но ведь удалось же! Брат мой, прости меня и послушай, что я тебе расскажу. Видел я в аду обезлюдевшие дороги, а все двери там Господь наш разбил на мелкие кусочки. Видишь, брат мой Андрей, этот кусочек дерева, который я поднял с собой? Он от дверей ада, которые разрушил Господь.

И много чего ещё удивительного рассказывал Павел Андрею об аде, когда возвращались они в Херсонес, а причалив к берегу, Андрей воскликнул:

— Довольно разговоров! Пойдём скорее в город, ибо ожидает нас большая битва, и пусть имя Иисусово прославится в этом городе! Поистине, задумали против нас иудеи большую войну...

И действительно, поднявшись из порта к городским воротам, они увидели, что те крепко заперты, и прокричал Андрей, чтобы слышали его иудеи:

— Откройте! Мы вернулись за тем мертвецом, чей отец уверовал. Дайте нам воскресить его.

— Эх, Андрей, — раздался из-за ворот голос Исаака, — ты же не хочешь, чтобы из-за тебя пролилась здесь наша кровь? Уходите к язычникам, их обманывайте, у них оставайтесь, а нас оставьте в покое, не лишайте наших людей рассудка.

Тогда увидел Андрей у подножия стены хохлатого баклана, который долбил своим мощным клювом большую раковину, и приказал ему апостол:

— О птица праведная, хотя и крикливая! Летика в город, найди тот дом, где лежит мёртвый мальчик.

Вокруг него будет толпа, и скажи тем людям: «Говорят вам Андрей и Павел, слуги Божии: идите и открывайте ворота вашего города, чтобы мы вошли и воскресили мёртвого, ибо злобные иудеи заперли городские ворота и не пускают нас внутрь».

Баклан поначалу сделал вид, что не понял приказа, но побоялся не подчиниться апостолу и, бросив свою раковину, перелетел через городскую стену. Когда же люди услышали, что рассказала им дикая птица, то стали хвататься за камни, чтобы забросать ими иудеев, но сначала прибежали к правителю города и потребовали у него суда над ними.

— О могучий Эпимах, — обратился к правителю отец умершего мальчика, — под городскими воротами стоят люди, которые творят чудеса именем некоего Иисуса: слепые начинают видеть, хромые — ходить, а ещё они изгоняют бесов. Эти люди послали сюда птицу, которая рассказала нам человеческим голосом: иудеи, мол, заперли ворота и не дают нам войти, и некому воскресить мёртвого. Побьём мы иудеев камнями, а людей этих впустим в город.

Услышал это правитель и покачал головой.

— Не бывать войне. Пускай они входят в город: я разрешаю. — И отправился к воротам со свитой, среди которой был и Фавст, сам из иудеев. Иудеи же выжидали, что же будет, и сказал им Эпимах: — Зачем вы удерживаете ворота закрытыми?

— Да живёт вечно наш кесарь! — отвечал Исаак. — Не из пустой прихоти заперли мы ворота, а потому, что стоят за ними два чародея, которые хотят устроить в нашем городе беспорядки. В каждом городе, куда они входят, возмущаются сердца людей их колдовством. Но если скажут они: «Мы ученики Живого Бога», — то почему бы их Бог не открыл им ворота?

— И правда, — согласился Эпимах. — Эй, вы там, чужестранцы! Коли есть у вас Живой Бог, то с Его

помощью и отпирайте ворота.

Андрей и Павел молча переглянулись, и Андрей, словно прочитав мысли своего товарища, уверенно ему кивнул. Тогда Павел поднял над собой кусок адской деревяшки и с размаху ударил ею по воротам, приговаривая:

— Силою Господа моего Иисуса Христа, Который разнёс на мелкие кусочки врата адовы, пусть створки этих ворот распадутся и пусть поймут эти иудеи, что нет для Тебя ничего невозможного!

Только он это произнёс, как ворота Херсонеса рассыпались в мелкую пыль, взвившуюся тут же клубами, и Фавст, а с ним почти половина иудеев бросились к ногам апостолов, затем толпа подхватила их и с воплями восторга отнесла к дому умершего мальчика. Помолившись, Андрей и Павел воскресили его, но всё равно не все иудеи уверовали в Иисуса, а Исаак даже задумал посрамить Его учеников, устроив им ловушку с очередным покойником, на сей раз — подставным. За сдельную плату жестянщик Симон согласился притвориться мертвецом, и его туго спеленали в погребальный саван, а перед этим положили ему на лицо половинку кувшина, чтобы было чем дышать.

— Вот наш новый покойник, — сказал Исаак Эпимаху, — настоящий. Кто знает, был ли мёртв тот мальчик на самом деле... Пусть эти галилеяне попробуют воскресить иудея. А мы посмотрим, что у них из этого выйдет.

— Воскрешайте! — скомандовал Эпимах апостолам.

Но не успели они приблизиться к обёрнутому бинтами Симону, как бросился к нему маленький Александр, внук Исаака.

— Смотрите, смотрите! — зарыдал он. — Наш Симон действительно не дышит. Это ты, — тут он указал на деда, — убил его, ты! Наш Симон задохнулся!

— Что ты мелешь? — возмутился Исаак. — И тебя уже околдовали эти галилеяне?

— Да нет же, нет, — продолжал Александр. — Симон был только что жив. Убедитесь в этом сами.

И тогда приказал Эпимах своей страже развернуть саван. Иудеи плотной толпой окружили носилки с покойником, но стража оттеснила их, а когда размотали бинты и сняли полотно, то все горожане увидели, как их пытались обмануть иудеи. Симон же и вправду оказался мёртв.

— Встань же, — воскликнул Андрей, — ты, кто умер прежде срока! Встань и расскажи своему правителю, что случилось.

И Симон встал, стряхнул с лица глиняные черепки и пал со слезами к ногам апостолов:

— Простите меня, неразумного! — И рассказал всё, как было.

— Ну так кто же кого обманывает? — разъярился Эпимах. — Вы достойны смерти!

Испуганные иудеи бросились к Андрею и стали целовать ему ноги, моля о пощаде. И простил их Андрей:

— Не ведали вы, что творили, братья. Примите же крещение во имя Отца и Сына и Святого Духа, все вы и ты, Эпимах. Не гневайся на них, прошу тебя.

Время клонилось уже к полуночи, и вывел Андрей всех своих бывших врагов на берег моря близ Западных ворот города, и крестил их в водах. А совершивши таинство крещения, встал он на большой прибрежный камень, простёр руки в сторону Понта и, помолившись втайне, благословил его начертанным по воздуху изображением креста — и тут все собравшиеся заметили, что Андрей будто стал ниже ростом, а пригляделись — и увидели, что на самом деле его босые стопы оказались вто-плены в камень, словно в мягкий воск.

— Холодно тут у вас, даром что север... — смущённо пробормотал Андрей и поочерёдно вынул свои ноги из образовавшихся под ними углублений, в которых чётко и точно, как в форме для литья, отпечатались его следы. Набегавшие на камень волны в два приёма заполнили до краёв отпечатки стоп, и, увидев это, Фавст крикнул слугам:

— Что же вы стоите, идола! Принесите-ка сосудов и вычерпайте оттуда эту воду, и каждый раз вычерпывайте, ибо вода эта должна быть воистину чудесна!

Одна из служанок Фавста была крива на один глаз, и вот она первая подскочила к заполненным водой углублениям, с благоговением умылась ею — и больной её глаз немедленно исцелился. Тогда к чудесным отпечаткам бросилась целая толпа народу, все расталкивали друг друга, стараясь попасть в одну из лунок кто рукой, кто ногой, кто носом, а вновь и вновь накатывавшие волны всё заполняли и заполняли их солёной водой.

— А мне вновь пора проститься с тобою, — обратился к Андрею Павел. — Спешу я в Иллирик, где ждут меня другие варвары. До встречи в Риме, куда идёт и брат твой Пётр! Прощай... — И сияющее облако, снова спустившись с неба, подхватило Павла и унесло его в сторону моря, на запад.

3. ВВЕРХ ПО ДНЕПРУ

— Сколько чудес за один день! — вопил Фавст. — А водичку из твоих стопочек буду я как целебное снадобье поставлять царям Боспора и Скифии! А может, и самому кесарю, если ты, Эпимах, позволишь мне это.

Упал Андрей в рыданиях на землю при этих словах, а когда пришёл в себя, то тихо сказал Фавсту:

— Не для того родился Иисус в хлеву среди скота, не для того Он был распят, чтобы от чуда Его воскресения шла бойкая торговля чудесной водой. Если добра мне хотите, то отпустите с миром, а если не знаете, чем помочь, то дайте мне провожатых, чтобы указали мне путь к диким скифам, к далёкому Северному океану.

— Тогда тебе нужно поспешить, — уныло отвечал ему Фавст, — потому что сегодня на рассвете я отправляю в Синопу целый корабль скифских невольников. Есть среди них один вроде как философ, он и по-гречески хорошо говорит, и знает дальние страны, ведает пути вверх по великим рекам Скифии. Я дарю его тебе, а ты с ним делай, что пожелаешь. Будет плохо служить — убей без жалости, а коли выведет к Океану — одари своими чудесными дарами. Только спуску ему не давай, ибо скифы — народ необузданный и коварный, подчиняется одной лишь силе. С ними без пинков как без фиников.

На рассвете Фавст вывел из своего корабля обещанного тавроскифа-философа, имени коего никто не мог не только запомнить, но даже и выговорить — настолько оно было варварским и наполненным какими-то шипящими и булькающими звуками.

— Зови меня просто Сикстом, — сказал философ Андрею. — Так меня прозвали в Риме, когда я возил туда янтарь. Это потому, что на левой руке у меня тогда было шесть пальцев. А сейчас, погляди, четыре. Один мне пришлось себе отгрызть, чтобы не умереть с голоду в ледяной пустыне, а второй я принёс в жертву Аполлону, как вернулся живой из того похода.

— Не Аполлон тебя вывел оттуда, о Сикст, а Единый Живой Бог! А знаешь, зачем? Чтобы ты стал моим проводником и, возможно, крестился бы в жизнь вечную во имя Отца и Сына и Святого Духа.

— Если это три твои главных бога, то молись им крепко, а лучше принеси каждому по хорошей жертве,

перед тем как мы двинемся. Дорога нам предстоит долгая и опасная...

— И отвращать мне тебя от твоего невежества придётся долго, ох как долго... — заключил Андрей и, стиснув посох, быстро зашагал к Мёртвым воротам, откуда начинался путь вглубь Таврики.

Пробираясь сквозь ущелья на север, ночуя то в каменных гротах, то в чистом поле, Андрей и Сикст вышли в голые и унылые степи, по которым рыскали волки и шакалы и паслись табуны, а после Неаполя Скифского, называвшегося городом лишь по какому-то недоразумению, Сикст повернул к западу, и наконец через неделю странствий они снова оказались у моря — в некогда греческом, а теперь захваченном скифами селении под названием Прекрасная Гавань. Когда-то, возможно, она и была прекрасной, но сейчас от былой её красоты не осталось и следа: всё, к чему прикасались скифы, покрывалось толстым слоем грязи, дома косились набок, уступая место кибиткам кочевников, улицы немедленно превращались в непроходимые овраги, но самое страшное — вокруг была слышна одна только рыдающая варварская речь, которая не шла ни в какое сравнение ни с возвышенным греческим языком, ни с певучим еврейским или мягким арамейским, ни даже с суровой латынью, на которой лаяла в Кесарии римская солдатня.

Но Сикст Философ прекрасно понимал этот язык и не уставал переводить Андрею слова скифов, восхищавшихся одним только видом апостола: «Облик наш как у неразумных плотоедов, и мы целиком дикие, а вот у тебя лицо прекрасное, благообразное, светлое, и платье светлое, и ноги твои, руки и пальцы сложены соразмерно. Убелена голова твоя, и на бороду приятно смотреть, а голос у тебя как пение флейты или звук кифары. Поэтому-то мы и стыдимся самих себя. Твои вот зубы прикрыты губами, а наши зубы как у кабанов или

как у слона». Слова же Андрея, обращённые к ним, Сикст переводил с большим трудом, а иногда вообще отказывался это делать, объясняя, что в языке местных скифов нет таких слов, которые бы точно смогли передать смысл его речи.

— А есть ещё другие скифы, с иным языком? — удивлялся Андрей.

— Конечно есть. Это ведь только вы зовёте их скифами, а на самом деле — чем дальше на север, тем больше языков, которые вовсе не похожи друг на друга.

— И ты все их знаешь?

— На которых говорят вдоль Янтарного Пути, те знаю. А мы по одному из его ответвлений и пойдём, по восточному, вверх по великой реке Борисфен, как вы её зовёте, а по-нашему — река Данапр. Здесь у меня есть знакомый лодочник, он ходит под парусом прямо в его устье, к городу Ольбия. Это последний греческий город.

— А есть ли там иудеи? — с надеждой спросил Андрей.

— Куда ж без них! Но задерживаться там опасно. Сейчас город во власти разбойников гетов, они нас с тобою живо продадут куда-нибудь за Истр, а снова в рабство я, прости, не хочу.

Море выдалось на редкость приветливым, а ветер — попутным, и скифский кормчий всего за день довёз путников до острова Борисфен, где стояли шатры загорелых людей, с утра до ночи рывших глубокие ямы в поисках золота. Но, повстречав там своих старых приятелей со странными именами Зубр и Гегемон, кормчий так напился с ними вина, что Сикст не мог его растолкать к утру следующего дня.

— Вставай, Палак! — кричал он ему прямо в ухо. — Будь же ты проклят семью богами до седьмого колена! Чтоб тебе твоей Вонючей Гавани вовек больше не видать, чтоб тебя поймали геты и повесили на дубу за яйца. А знаешь, что делается после смерти с такими

пьяницами, как ты? Они пьют и пьют солёное море, и снова пьют, потому что оно солёное, а потом просцаться не могут, потому что им там всё крепко-накрепко зашивают тюленьими жилами, а ещё глаза замазывают волчьим дерьмом, а в нос запихивают мышиное сало, чтобы поджечь его, если задёргаешься. Вот что тебя ждёт.

Палак только пробормотал:

— Бреешь, выродок ты римский, раб шакалий, лягушачий сын, курицын племянник... — и снова погрузился в мертвецкий сон.

— Вот так всегда на Борисфене!.. — вздохнул Сикст и обратился к Андрею: — Не может не напиться здесь ни один из моих знакомых перевозчиков. Обычай, что ли, такой. Или место заколдованное. Расколдуй его, пожалуйста!

— Я не колдун и не творю чудес. Все чудеса — по воле Господней.

— Так пусть твой Бог изволит, раз Ему нужно, чтобы ты двигался дальше.

— Не могу я требовать — лишь молить... — И Андрей пал лицом на землю, неслышно молясь неведомому для Сикста Богу.

Сикст никогда не видел ничего подобного и решил уже, что на Борисфене они застряли надолго, с досады пнул лежащего над береговым откосом Палака — и тот вдруг, что бревно, покатился к морю. Когда Андрей и Сикст спрыгнули к нему, то увидели, что Палак барахтается на мелководье и никак не может встать, ибо вместо ног у него теперь извивался настоящий рыбий хвост, покрытый блестящей зелёной чешуёй! Чуть приподнявшись над водой, он что-то промычал на скифском языке, и глаза его были полны слёз, а когда воздел руки, то все увидели, что между пальцами на них натянулись тонкие перепонки.

— Чего он теперь хочет? — спросил Андрей.

— Чтобы ты расколдовал его обратно в человека.

— Пусть молит о том Господа Иисуса, истинного Христа! А коли хочет узнать о Нём, то я расскажу, но по пути к великой реке Данапр. Садись к нему на спину, брат мой Сикст!

И вот оба уселись к этому полускифу-полурыбе на спину, крепко сжав ему ногами костлявые бока, и Палак быстрее самой стремительной галеры поплыл от острова на восток, к широкой дельте великой реки Данапр. Андрей никогда не видал такой огромной реки, и, если бы не берега, казалось бы, что это море, которое течёт всегда в одну сторону. Возможно, Нил и полноводнее, но о нём Андрей был только наслышан, а в сравнении с его родным Иорданом любая большая река поражала обилием пресной воды и могла соперничать даже с реками Эдема: их он представлял себе гораздо более скромными. Но почему же окрестные земли похожи скорее на пустыню? Где цветущие сады? Где плодоносные поля и виноградники? И где же, наконец, жители этой величественной равнины?

Словно прочитав по смятённому лицу Андрея его мысли, Сикст Философ стал рассказывать о землях по берегам Борисфена:

— Не думай, Андрей, что здесь никто не живёт. Просто жизнь здесь тяжела, особенно зимою, когда весь Данапр, да и все прочие реки скованы льдом, и таким толстым, что по нему идут целые возы, запряжённые волами, даже не идут, а скользят как по маслу. Вокруг же всё-всё засыпано снегом. Видел ли ты когда-нибудь снег?

— Конечно видел. Только в наших краях он долго не лежит, тает быстро, кроме гор Ливана.

— А здесь он покрывает холмы и равнины на несколько месяцев, да что месяцев — полгода может лежать, и никто в это время не сеет и не жнёт, а скот, если съедает весь запас сена, голодает до смерти, так

что некоторые скифы предпочитают впадать в зимнюю спячку. Вот поэтому они и делают по весне набеги на южных своих соседей, и не только скифы-кочевники, но и скифы-пахари, также есть скифы лесные, болотные и луговые, а ещё скифы, живущие на деревьях, как птицы в гнёздах, и по рекам на бобровых плотинах, и скифы, которые вырубают себе пещеры прямо в снегу, едят сырых оленей и вытапливают тюлений жир. Мимо последних нам придётся пройти побыстрее, потому что они ловят чужеземцев, делают из них чучела и заставляют сторожить свои снежные хижины. Я видел у них пару болотных скифов, высушенных и набитых соломой: они стояли, раскрыв зубастые рты и с поднятыми руками, ибо их хозяева верят, что те именно так, а никак иначе лучше всего отгоняют злых духов. Да и добрых тоже. Снежные скифы вообще не любят духов. Никаких. Совершенно бездуховные существа. Я даже думаю, что они вовсе не люди, а помесь белого медведя с дикой женщиной...

И вдруг до сих пор молчавший Палак, на котором всё ещё сидели Андрей и Сикст, покачиваясь на волнах, — вдруг этот протрезвевший скиф заговорил, причём даже не по-гречески, а на чистейшем арамейском языке:

— Помилуй меня, блаженный Андрей! Я довезу вас на спине до верховий этой великой реки, и только тогда можешь меня расколдовать, а пока я готов служить вам верным судном, иначе как вы против течения поднимитесь до волока?

Подивившись чудесам, которыми усеял его путь Господь, Андрей с благодарностью принял службу Палака, и они продолжили свой ход вверх по Данапру. Андрей распевал псалмы и рассказывал своим скифским братьям о Христе Иисусе, Палак ловил рыбу (теперь у него это прекрасно получалось), а Сикст запекал её в углях на берегу. Так через несколько недель чудесного плавания, миновав и крутые излучины, и опасные

пороги, через которые Палака приходилось перетаскивать на себе по берегу, и острова, населённые хищными зверями, достигли они одного места, где над рекой вздымались высокие холмы, и заночевали там. И приснился Андрею юноша в Херсонесе, который читал ему какое-то сказание на скифском языке, и сказание это было о нём, об Андрее, и Андрей почему-то всё понимал:

«Когда отучил Андрей в Синопии и пришёл в Херсон, то захотел он пойти оттуда в Рим, потому что близ Херсона было устье Данапрское...»

«Но ведь я не прямо из Синопы пришёл к вам в Херсонес, о юноша. Нет, путь мой лежал через горы Кавказа, через Боспор Киммерийский и Феодосию», — возражал ему Андрей, также по-скифски.

«Не важно, — отвечал юноша, — здесь написано, что прямо из Синопии, и вошёл ты затем в устье Данапрское, и пошёл вверх по реке, и встал однажды под горами на берегу...»

«Где же тут горы? — удивился Андрей. — Так, холмы по сравнению с горами Ливанскими».

«Не важно. Здесь написано, что горы. А на тех горах будет построена Субботняя крепость».

«Почему Субботняя? Разве в Скифии есть иудеи?»

«Будут».

«И много?»

«Все утерянные десять колен Израилевых!»

«И что же в той крепости?»

«Она появится позже. Но ты уже тогда знал об этом и благословил её. Проснувшись, ты сказал своим ученикам...» — и тут Андрей действительно проснулся и, увидев, что ни Сикст на берегу, ни Палак, плескавшийся на отмели, уже не спят, воскликнул:

— Видите ли эти горы?

— Видим, учитель.

— Воссияет на них благодать Божия. Быть тут граду великому, и многие храмы будут в нём воздвигнуты! — сказав так, Андрей распростёр руки и благословил окрестные горы и могучий Данапр. Затем он увидел на берегу два удивительно ровных бревна — одно длинное, другое покороче, и велел своим ученикам поднять их к нему наверх. Там они связали из этих брёвен крест, который тут же и водрузили на вершине холма, крепко вкопав в землю и обложив камнями.

4. НОВГОРОДСКИЕ БАНИ И ОСТРОВ ВАЛААМ

Выше того места, которое благословил Андрей, Данапр становился всё более извилистым и узким, и окружали его уже одни только леса — густые, мрачные, безлюдные, лишь изредка выходили из них на берег реки олени размером с верблюда, с большим отвислым носом и длинной бородой, своими широкими и раскидистыми рогами, похожими на плуг, задевали они верхушки деревьев. Андрей сначала подумал, что это скифский верблюд, и указал на него Сиксту:

— Смотри, разве не могут приручить скифы этого лесного зверя, чтобы ездить на нём в далёкие южные страны?

— Этого зверя приручить нельзя. Он очень пугливый, медлительный и глупый, а ещё у него очень хрупкие ноги, и он вечно застревает между стволами поваленных деревьев. На нём далеко не уедешь, особенно по степи. Зато у него очень мягкая кожа, из которой лесные скифы делают себе штаны. На мне самом сейчас такие. А вот погляди на этих диких быков, — и Сикст показал на другой берег, — охота на них тяжела и опасна, но потом есть такого гиганта можно целый месяц, столько в нём мяса!

На противоположном берегу паслось стадо поистине чудовищных быков, обильно покрытых бурой шерстью, и если бы не рога, Андрей принял бы их за копытных медведей.

Иногда навстречу спускались плоты, гружённые мешками, на мешках сидели скифы и ещё издали махали Андрею и Сиксту руками, выкрикивая что-то на своём варварском наречии, но когда замечали, что те идут вверх по течению, сидя на быстроходном речном чудовище, старались скорее прибиться к берегу и бросались врассыпную. Через пару недель восхождения Данапр превратился в маленькую речушку и стал теряться в болотах и озерцах, так что Палак уже тёрся брюхом об илистое дно. Тогда Сикст сказал Андрею:

— Вот и пора нам выходить на берег и искать тропу к истокам другой реки, которая течёт прямо в Океан. Палака мы на себе не утащим: гляди, как отъелся на жирной данапрской рыбе. Отпустим-ка его вниз, пусть себе плавает в большой воде.

— Нет, брат мой Сикст, — отвечал ему Андрей, — Палак сослужил нам большую службу, и надо бы вернуть ему человеческий облик. Но совсем одичал я за время странствий, потерял счёт субботам и не постился, как положено. Боюсь, молитва моя не будет столь угодна Господу, как раньше, и не смогу я в одиночку исцелить Палака. Давай попробуем призвать брата моего Петра. — Андрей выбрался на болотистый берег и начал молиться, призывая первоверховного родственника.

Но случилось совсем не то чудо, которого ожидал Андрей: не Пётр явился к ним на парящем облаке, но, наоборот, светлое облако, словно соткавшись из болотного тумана, окутало его самого и его скифских спутников и отнесло их на сухое и возвышенное место, а когда рассеялось, то они увидели, что сидят рядом с апостолами Петром, Матфием, Александром и Руфом. Стали апостолы друг друга обнимать и целовать, и даже

скифы подскочили к ним, ибо оказалось, что у Палака снова ноги вместо рыбьего хвоста, и взмолился он к людям Божиим:

— Крестите же нас скорее во имя Отца и Сына и Святого Духа! Веруем мы в Иисуса — истинного Христа!

— погоди, Палак, — отвечал ему Пётр. — Не можем мы крестить тебя на сухой земле. Проводи нас к реке, что течёт к Океану, и в неё мы погрузим и тебя, и сородича твоего Сикста. А ты, брат Андрей, что случилось с тобой? Посеял ты уже слово истины в Стране людоедов или нет?

— Да, отец Пётр, твоими молитвами. Но много зла причинили мне жители Синопы — как есть людоеды! Таскали они меня по улицам три дня, и кровь моя залила весь город. А потом пустился я оттуда в плавание на северный берег Понта, к Таврике, в поисках брата нашего Павла, и явился мне Павел посреди моря из пучины преисподней, и боролись мы с иудеями в таврическом городе Херсонесе. И там крестили многих.

Говорит ему Пётр:

— Мужайся во Господе, брат Андрей, и отдохни от своих трудов. Ведь если хороший земледелец усердно возделал землю, то и плод она принесёт, и тотчас весь труд его превратится в радость. Если же устанет он, а земля его не принесёт плода, то вдвойне он устанет от того, что бесплодно его семя.

Только они сели отдохнуть, как явился им Господь Иисус Христос в облике мальчика-скифа и говорит:

— Радуйся, Пётр, епископ всей Моей Церкви! Радуйся, Андрей, славный борец Мой! Радуйтесь, сонаследники Мои, мужайтесь и сражайтесь за человечество! Воистину говорю Я вам: много трудов и много печалей испытаете вы в этом мире ради человечества, и в один час получите вы облегчение в Царстве Отца Моего. Рано вам пока отдыхать — вставайте же, идите в Город варваров и проповедуйте в

нём, а Я пребуду с вами в тех чудесах, которые совершат в нём ваши руки.

Лежавшие в это время лицом к земле Палак и Сикст думали: «Вот Он, наш Господь... Чем хуже мы тех варваров, куда Он посылает Своих апостолов? Пускай сначала нас крестят, а потом и всех остальных скифов». И благословил их Иисус, показав на них ученикам, попрощался и взмыл к небесам в сиянии и славе. Андрей же спросил Сикста Философа:

— Знаешь ли ты, где этот Город варваров?

— Откуда ж здесь города, святой апостол? Сам видишь: одни леса кругом. Хотя севернее, ниже по течению вон той Ловкой реки, которая впадает в Океан, живут скифы-логисты: так они себя называют, если переводить их имя на греческий, себя же они считают самыми разумными и словоохотливыми скифами, а всех остальных — немymi и глупыми. Скифы-логисты не живут в городах, но есть у них одно особенное племя палеонеаполитов, которое всё собирается выстроить Неаполь — Новый Город варваров, но никак не соберётся, ибо нет порядка и устройства во всём народе логистов, хотя земля у них богата и обильна.

— Веди же нас в эти земли, — сказал Сиксту Пётр, и все они двинулись к реке, связали из брёвен широкий плот и стали на нём спускаться.

Однако то ли река текла слишком медленно, то ли земли логистов находились слишком далеко, и Андрей придумал приделать к плоту плащ апостола Павла, который ещё в Херсонесе передал ему моряк Аполлоний. Плащ оказался чудесным, ибо как только его закрепили на мачте, то подул в него сильный ветер, а плот понёсся быстрее того ветра и через пять дней вынес апостолов в большое озеро, которое Сикст называл Илистым. Там и крестили его и Палака.

Наступала осень, поэтому Сикст торопил апостолов, призывал их чудесным образом перенести всех сразу к

Океану, пока реки не замёрзнут, а в лесах не иссякнут съедобные грибы и северный скифский виноград, растущий прямо в траве, красный и чёрный, хотя и кислый, но неимоверно вкусный и бодрящий. Андрей, Пётр и другие апостолы дивились тому, что в лесах Скифии растут такие большие грибы, похожие на морские губки, а самое главное — пригодные в пищу.

Но ещё сильнее апостолы удивились обычаям скифовло-гистов, живших вокруг Илистого озера. Зашёл однажды Андрей в их селение, а в нём все жители разом набились в низкие деревянные домики, из которых валил густой чёрный дым и раздавались дикие вопли. Оттуда скифы выскакивали голые и чёрные — сущие эфиопы, а затем сигали в холодное озеро и выбирались из него чистыми, и видно было, что кожа у них в действительности очень бела, хотя и сильно покраснелась.

— Вот она баня возрождения и обновления! — воскликнул удивлённый Андрей. — Не о ней ли писал брат наш во Христе Павел? Вот, чёрные люди погрязли в своих пороках, но, омывшись в купели очищения, выходят они оттуда светлыми и радостными. Это ли не прообраз святого крещения, о котором они и не знают ничего?

Но, к удивлению Андрея, обновлённые скифы снова бежали в свои жуткие каморки, а затем столь же чёрные, как были, выбегали прочь. Заглянул он в одну из них: там был огонь и пар, по углам как будто какие-то огромные мохнатые пауки, а скифы нещадно били и себя, и друг друга гибкими прутьями и обливались едким уксусом, от которого почему-то пахло хлебом, был же он, по всей видимости, таким кислым, что в нём можно было дубить кожи.

«Вот он какой — ад...» — подумал Андрей, а ему навстречу всё выползали и выползали на четвереньках обугленные, еле живые логисты и хрипели:

— Ничего-то ты не смыслишь в настоящей баньке. Попробуй сам — и поймёшь, как это здорово!

Решив, что его тоже хотят изжарить в той тесной каморке, избить прутьями и облить скифским уксусом, Андрей в ужасе побежал из этого селения и присоединился к другим апостолам, которые шли по берегу озера в поисках Города варваров.

— Брат мой, — окликнул он Петра, — а не ждут ли нас в этом Городе варваров такие же несчастья, что и в Стране людоедов? А то меня уже хотели высечь и запечь в дровяной бане! Кабы всех нас не ждала эта страшная участь...

— Не знаю, — отвечал Пётр. — Но погляди вон на того пахаря, который идёт за плугом. Давай испытаем, что нас ждёт? Если мы подойдём к нему и попросим дать нам хлеба, а он даст, то значит, что не прибьют нас в этом городе. А если он скажет: «Нет у меня хлеба», — то мы, значит, будем знать, что снова ждут нас великие трудности.

— Мир тебе, земледelec, — благословил его Андрей, подойдя ближе. — Как тебя звать?

Пахарь назвал какое-то невероятное длинное и непроизносимое имя, в котором Андрей не расслышал ничего, кроме еврейского слова «миква». Сикст истолковал его так:

— А зовите его по-вашему Николаем. Он сын селянина и сам селянин.

— Нет ли у тебя хлеба для нас? — спросил того Пётр. — А то голодны мы и идём издалека.

Отвечает ему Николай:

— Погодите немного и присмотрите за лошадкой и сохой, а я схожу домой за хлебом.

— А может, и в гости нас примешь? — говорит ему Пётр. — Тогда приглядим мы за упряжкой и за полем.

— Хорошо, — согласился Николай. — Только сначала я принесу вам хлеба, — и отправился к себе в деревню.

А Пётр подошёл к лошади, подпоясал свою драную эпендиту лентием и говорит Андрею:

— Хватит бездельничать! А то ведь это ради нас бросил Николай свою работу. Поможем ему, братья. — И, взявшись за соху, Пётр начал вспахивать поле и разбрасывать зёрна.

Следом пошёл Андрей:

— Что же ты, Пётр, взял весь труд на себя и не даёшь нам поработать? Ты нам общий отец и пастырь, а трудишься один, когда рядом мы. Неправильно это.

Сказал так Андрей и выхватил у Петра корзину с зерном, благословив его словами:

— О семя, падающее в эту землю, взойди на поле праведных!

Руф, Александр и Матфий тоже решили помочь, но по-своему.

— О роса сладчайшая! — воскликнули они. — О ветер добрый! Придите и напайте это поле. — И тотчас же всё поле заколосилось, а колос набух спелыми зёрнами.

Тем временем земледelec, вернувшись с хлебом и оглядевшись, увидел, что всё его поле полно колосьев. Положил он свой хлеб на землю к ногам апостолов и поклонился им:

— Господа мои хорошие, да неужто вы боги?

— Встань, человек, — отвечал ему Пётр. — Не боги мы, а посланцы Благого Бога. Он избрал нас — а нас двенадцать — и передал нам благое учение, дабы мы учили ему людей, дабы они, избавившись от смерти, унаследовали жизнь вечную. Вот и говорю тебе: возлюбив Господа Бога твоего от всей души и от всего сердца своего, не блуди, не воруй, не лжесвидетельствуй, воспитывай своих детей в страхе Божиим — и будешь жить хорошей жизнью и достигнешь своей славы.

Сказал ему на это Николай:

— Если соблюду я всё это, то смогу ли совершить такое чудо?

— Воистину говорю: если будешь так жить, то всё, что захочешь, совершишь. А пока войдём мы к тебе в дом и разделим с тобой нашу скромную трапезу. — С этим словами достал Пётр из своей сумы рыбы, сыра и оливок.

— Наверняка не ел ты таких плодов, Николай, — хитро прищурился Пётр. — Созрели они на моей родине, в далёкой Галилее. И рыба тоже оттуда, такая в вашем озере не водится. А сыр (овечий!) делала моя тёща. Не побрезгуй.

Нагостившись у доброго скифа, стали апостолы спускаться ещё ниже — по Волховной реке, вытекавшей из Илистого озера, и через три дня остановились они на правом берегу отдохнуть от непрерывного речного плавания. Был же у Андрея с собою посох с крестом наверху, и вот решил он взобраться на соседний холм, опираясь на него, а когда взобрался, взгляду его открылись просторы, так напомнившие ему родную Галилею, что залюбовался он и не заметил, как посох его врос в землю, и не смог он его никак оттуда выдернуть. Так и остался на том безымянном холме Андреев жезл, который с любовью к окрестной земле, пока ещё дикой и непросвещённой, водрузил святой апостол.

А ещё через три дня, подгоняемые ветром, который дул в чудесный плащ Павла, достигли они бескрайнего озера.

— Это и есть Океан? — восхитился Андрей. — Смотрите, как высоко вздымаются волны!

— Нет, Андрей, — промолвил ему на это Сикст. — Это ещё не Океан. Попробуй воду на вкус: пресная. Это пока Новое озеро, которое своим длинным устьем изливается уже в сам Сарматский океан. Когда-то, по рассказам местных скифов, это было просто озеро, никак не

соединённое с Океаном, но в несколько раз больше нынешнего, и боги... теперь-то я уже, конечно, знаю, что это были ложные боги... они начали войну между собой. Бог Большого озера решил покорить бога Океана и бросился на него со всего размаху. Но оказалось, что Океан бесконечен, и Новое озеро (так оно стало называться, потому что почти всё вытекло в Океан) вынуждено теперь питать его вечно. А ведь оно само хотело стать Океаном, поэтому бури на нём случаются престрашные. Вот и сейчас как-то нехорошо волнуется Новое озеро... Не попасть бы нам в руки самых свирепых и кровожадных из снежных скифов — озёрных укорителей...

— Почему ты их так назвал, Сикст? — осведомился Андрей.

— Потому что каждый, кого они смогут схватить, горько корит и оплакивает свою злую судьбу.

Не успели апостолы далеко отплыть от устья Волховной реки, как налетевшая буря разорвала чудесный парус-плащ, и плот закружило и понесло куда-то к северу. На таком утлом судёнышке, беззащитном перед бушующей стихией, оставалась одна надежда — на Господа, ибо, конечно, не обошлось тут без козней врага рода человеческого, иначе как бы обычный ветер смог побороть силу самого апостола Павла?

Целых два дня носился апостольский плотик по Новому озеру, пока не прибило его к скалистому острову, поросшему стройными соснами. Вконец выбившись из сил, апостолы и их спутники выбрались на долгожданную землю и прямо на берегу уснули. Андрею снова приснился тот юноша в Херсонесе, который читал ему скифское сказание о нём — об Андрее:

«Плывя величайшим озером, воззрел апостол на север и сказал: живут там новые хананеи — безбожные язычники волхвы...»

«Скифы-укорител и?»

«Они самые. Только не скифы никакие».

«И долго ещё будет продолжаться их безбожие?»

«Долго, очень долго. Пока не воссияют среди них два великих светила, и просвещена будет эта земля святым крещением».

Проснулся Андрей от громкого скрипа: это скрежетали доски плота, застрявшего в скалах. Но скрежет их был непростой, в нём Андрей услышал человеческий голос, который будто говорил: «Не послушались вы воли Божией, не нашли вы Города варваров! Возвращайтесь теперь обратно в Синопу, но не тем путём, которым пришли сюда, а плывите через Океан к городу Риму, а из Рима — в Понт».

Ужаснулся тогда Андрей этому знамению и разбудил своих спутников:

— Вставайте же, братья! Только что заговорил со мною наш плот, подобно тому как говорила с прорицателем Валааом его ослица. Давай же, брат Пётр, не проклинать будем эти дикие скифские земли и воды, а благословим их, ибо воссияет на них вера Христова, а волхвы-язычники бросят своё служение бесам и станут её величайшими подвижниками. И пускай теперь зовётся этот сумрачный остров в память о волхве Валаае — островом Валааомовым.

— Аминь! — подтвердил слова Андрея Пётр. — Да будет так. А мы, братья, давайте же двинемся к Риму.

5. ВОЗВРАЩЕНИЕ ЧЕРЕЗ РИМ

На Валааомовом острове Сикст и Палак наломали длинных и прочных веток, из которых получились сносные вёсла, и теперь уже все вместе погребли к устью Нового озера, которое короткой, но полноводной рекой изливалось в одно из морей Северного океана — Белое, то самое, на чей берег изо дня в день

выбрасывали волны белый горячий камень электрон. Перед выходом в море Новая река оказалась заполнена множеством островов, и, глядя на один из них, маленький островок справа по течению, апостол Пётр погрузился в думу.

— Что с тобой, брат мой? — спросил его Андрей.

— Много ты мест благословил по пути сюда, — отвечал Пётр, — и всем ты им предрёк великую славу. И много крестов ты поставил на разных холмах — и в Богом забытой пафлагонской деревушке Харакс, и на горе Ркинис-Джвари где-то в Иверии, и на берегах Данапра и Волховной реки, да и в городе Византии поставишь. Вот и я задумался: а не благословить ли и мне этот убогий островок? А вдруг и на нём процветёт великолепный город? Жаль только, нет с нами брата нашего Павла...

— Воистину будет так! — поддержал его Андрей. — Кто знает, может, потомки местных скифов назовут этот город твоим именем?..»

— ...Просыпайся же, брат Эпифани, просыпайся во имя Христа! — Кто-то больно толкал его и толкал в спину.

— Просыпайся, Григорий! — слышалось ему сквозь сон, да такой длинный и насыщенный событиями, что он его почти не запомнил. — А при чём тут Епифаний? Кто здесь?..

...Епифаний проснулся в траве, весь мокрый от утренней росы, сжимая в руке пергаменный свиток с апокрифами. Над ним склонился неведь откуда взявшийся глухонемой монах, которого они с Иаковом тщетно пытались разговорить ещё во дворе херсонской базилики в свой первый день в городе. За спиной у монаха, на вершине горы, виднелись стены и башни крепости Дорос. «Там хазары, — вспомнил Епифаний. — Но что я здесь делаю?..»

— Ни твой Якоб, ни Иоанн Готик не смогли тебя разбудить, так крепко ты уснул, — тараторил глухонемой с каким-то странным акцентом. — Они уже решили, что тебя одолел смертный сон, но я махнул им рукою, чтобы они шли дальше, в готскую крепость. Я показал им знаками, что разбудю тебя, потому что ты всего лишь спал. Ты, наверное, видел во сне далёкое прошлое и ещё более отдалённое будущее, да?

— Я не помню, что мне снилось... Какие-то бани, но не каменные, а почему-то деревянные... Разве такое бывает? И разве ты не глухонемой?

— Нет, конечно, — кротко улыбнулся монах. — Только вчера, когда увязался я с вами в поход к готской крепости, только тогда я узнал, что брат мой Таддеус, мой родной брат, которого зовёте вы Скифянином, предстал пред Богом.

— Так ты и есть его брат, которого мы ищем?! — чуть не вскричал Епифаний и бросился того обнимать.

— Паке тэкум, паке тэкум... — растроганно прошептал ему в ответ брат Фаддея Студита.

— Я не знаю латыни, прости.

— Хорошо, хорошо... Зовут меня Аврелий, и я действительно, как и брат мой Таддеус, происхожу из народа у устья Данубия, который вы считаете скифами. Не важно, что это за народ... Важно, что брат мой умер настоящим христианином, мучеником за истинную веру! Мы расстались с ним в юности: я пошёл искать постнического жития в Рим, а он — в Константинополь. Ты действительно подвизался с ним в одной обители, у отца нашего Теодора?

— Да-да, брат Аврелий. Но отец наш Феодор в ссылке, а обитель опустошена...

— Я слышал об этом. И несу братьям студитам послание от нового епископа Рима — папы Паскалия. Мне пришлось добираться сюда долгим северным путём, ибо я хорошо его знаю. Но здесь, в Керсоне, кругом

иконоборцы! Кому довериться, брат Эпифани? Теперь я понял, что тебе — можно, потому что ты верен святым иконам, ты чадо отца Теодора.

Епифаний немедленно выразил готовность помочь Аврелию, тем более что он уже собирался возвращаться в Никомидию, где в странноприимном доме спафария Иакова бывали монахи, ходившие к самому Феодору Студиту, — им-то и можно было слово в слово передать послание папы. Беда только в том, что Епифаний не знал латыни, и потребовалось твердить наизусть совершенно непонятную ему речь.

— Запоминай, — начал Аврелий. — «Индикус джерманэ каритати вэстрэ, домнэ фратэр...»

— «Эндихамос дзермано харитати уэстрэ, доне фратор...»

— Не «эндихамбс», а «индикус», заучивай без ошибок!

— Да-да, — сокрушался Епифаний. — Как же плохо, что не выучился я в своё время по-латински... «Индикус... индикус... индикус джерманэ...»

До пещерной церковки в готской крепости Епифаний с Аврелием добрались к самому концу литургии, когда читался отпуст по-готски, и звучал он не менее торжественно, чем по-гречески.

— Приветствую брата студита! — увидев Епифания, проговорил незнакомый ему рыжебородый священник. — Я слышал, ты собираешь предания о всехвальном апостоле Андрее, святом покровителе нашей скромной обители. У меня есть что тебе показать. Виддир! — тут он хлопнул в ладони. — Принеси-ка нашему гостю Андрееву книгу.

Высокий и широкоплечий диакон, чудом помещавшийся в тесной пещере, достал из ниши в алтаре небольшой пергаменный кодекс в кожаном переплёте и протянул его Епифанию. Первых листов в книге явно не хватало, но стоявший в самом начале

рассказ Епифаний сразу узнал — это были те самые «Деяния Андрея и Матфия в Городе людоедов», правда написанные каким-то забавным почерком, старинным и необычным, с множеством картинок, как будто детских: вот Андрей в кораблике, сам с большой головой и выпученными глазами, а кормчий Иисус растопырил пальцы и широко раскрыл рот; вот Андрея тащат по городу зубастые людоеды, все как один чёрные и кудрявые; вот изо рта статуи — мясистой женщины с толстым рыбьим хвостом — извергается яркосиняя струя воды. Следующие рассказы Епифанию не были знакомы, но представляли собой, конечно, такие же сомнительные апокрифы: «Деяния святых апостолов Петра и Андрея» (там изображалось, как апостолы, схватившись за плуг, идут за волами), «Деяния святых апостолов Андрея и Павла» (там старательный художник нарисовал, как апостол Павел выпрыгивает из моря), «Деяния святых апостолов Андрея и Филимона» (там Андрей выпускал из рук одутловатого белого голубя с короткими крылышками), «Деяния святых апостолов Андрея и Варфоломея» (там великан с волчьей головой разрывает пополам льва, а вокруг разбросаны переломанные надвое медведи и барсы).

Все эти «Деяния» были написаны по-гречески, и Епифаний попросил разрешения у рыжебородого, чтобы Иаков скопировал их себе, но в самом конце книги он наткнулся на какие-то стихи, написанные как будто греческими буквами, тем же самым крупным и округлым почерком, но совершенно нечитаемые. «Что за тарабарщина! — смутился Епифаний. — Похоже на писанину египетских еретиков — коптов...»

Увидев недоумение Епифания, рыжебородый поспешил объяснить:

— Это стихи по-готски, алфавитные. Об апостоле Андрее. Вот первая буква — «аза», с неё начинается имя апостола Андрея. Вторая — «беркна», третья — «геува»

и так далее, до конца нашего алфавита. В этих стихах прославляются подвиги святого апостола в Городе людоедов, в Городе варваров, в Таврике и Скифии, в Восточном море и в Каледонии.

— Хорошо, я понял, — поморщился Епифаний. — Пожалуй, эти стихи мы списывать не будем. А ты, Иаков, сделай у себя такую пометку: «Херсаки составили Андрею алфавитарий, где называют синопцев людоедами», — потому что Город людоедов — это, конечно, Синопа. Судя по всему, из Херсона Андрей вернулся туда через Воспор.

Готский священник с обидой в голосе стал возражать:

— Нет-нет, не херсаки, а готы, да и апостол Андрей из Херсона пошёл в нашу страну, на север. Не очень давно заглядывал к нам один весьма учёный монах, который так же, как и вы, собирал рассказы о святом апостоле...

— Учёный монах? — перебил его Епифаний и разозлился, вспомнив о своём неведомом сопернике. — Это который из Nikeи? Или из Никомидии? Или из Халкидона? А может, из Гераклеи Понтийской? Или даже из людоедской Синопы?!

— Не знаю, студийский брат. Отсюда тот монах собирался в Рим, да и сам он по выговору был скорее латинянином, чем ромеем. Имя у него тоже было какое-то западное, хотя и очень похожее на одно простое греческое слово. Вот только я забыл какое... Что-то вроде Аврелия, но не Аврелий...

При этих словах тайный папский посланник вздрогнул, но не подал виду, что понимает, о чём речь, точнее — что даже слышит.

— И что тебе ответил этот Аврелий, когда услышал твои байки о путешествиях апостола Андрея по Скифии?

— Он действительно очень учёный, не то что ты, студийский брат... Он свободно читал по-готски, хотя и

не говорил на нём, в совершенстве знал еврейский и сирийский языки, был знаком с иверийским и армянским наречиями, пожалуй, ещё владел даже египетским, эфиопским и арабским, а пройдя всю Таврику, успел освоить и хазарский. Только он вовсе никакой не Аврелий... Как же его звали-то?..

«Ампелий! — первое, что пришло в голову Григорию, когда он проснулся. — Почему не приехал на конференцию отец Ампелий? И вообще, куда он пропал? Почему не подаёт о себе никаких вестей?»

— Гриша, вставай! — тряс его Никифоров. — Мы и так уже засиделись под этим твоим Мангутом, а нам ещё надо в Севастополь успеть, на последнюю пленарку. После неё обещают роскошный фуршет!

— И-е, здесь покушайте, — возник из-за Лёвиной спины чайханщик. — А то не доживёте до фуршет-муршета.

Никифоров зашикал на него:

— Уйди, ради Аллаха, тавроскифская твоя рожа. Не видишь, и так плохо человеку. Может, из-за твоих чебуреков вчерашних... Или из-за той подозрительной селёдки под шубой, которую нам сунули в музейной кафешке?

Гриша приподнялся на локтях и оглядел двор чайханы. В изголовье у него лежал томик апокрифов из «Библиотеки Плеяд», который ему дала почитать Елизавета Андриановна.

— Ничего, со мной всё в порядке, — успокоил он татарина. — Просто сон какой-то снился... совсем дурманный... Наслушался этих докладов в Херсонесе — вот и перемешалось всё в голове. Встаём, Лёва, встаём, ибо мы не умерли, а только спали. Через два часа доклад отца Андрея Епифанцева.

После целого дня хождения по пещерным городам, после ночи у подножия Мангупа — раннесредневекового Дороса — возвращение к учёным материям показалось

Грише чем-то даже почти противоестественным, особенно же утомил его доклад отца Андрея, на котором тот его очень просил поприсутствовать. Что тут можно было сказать? Лучше всего — промолчать, так как отец Андрей совершенно искренне принимал на веру все свидетельства о самых экзотических перемещениях апостола Андрея — главное, чтобы перемещался он по Святой Руси.

— Да разве ж не мог же он, — вещал докладчик, — разве ж не было ж такой возможности в первом-то веке подняться вверх по Днепру? Жили ж ведь там какие-то люди? Неужели далёкие предки малороссов не помогли бы святому апостолу? И, как правильно пишет преподобный Нестор Летописец в «Повести временных лет», «восхоте пойти в Рим, и пройде в вустье Днепрское, и оттоле поиде по Днепру горе». Разве не мог он, как сообщает тот же Нестор, поставить крест, помолиться Богу, слезть с горы, где потом будет основан Киев, и пойти дальше «по Днепру горе» в Рим? Что, в Рим нельзя так попасть? Конечно можно!

Учёная братия ёрзала на стульях, громко перешёптывалась, переглядывалась с президиумом и снисходительно поглядывала на отца Андрея, ожидая, когда же он наконец кончит, чтобы разорвать его в клочья. Первым задал вопрос почтенный немецкий профессор-иезуит, говоривший по-русски отлично, но несколько медленно из-за мучившей его одышки:

— Дорогой коллега, вы, как я понял, избрали метод безоговорочного доверия всем источникам, касающимся посещения Руси апостолом Андреем. Не буду сейчас останавливаться на целесообразности этого метода, тем более что о достоверности рассматриваемого вами предания ещё в семидесятые годы достаточно чётко высказался Людольф Мюллер, да и сам я, чего греха таить, писал об этом в своей книге, переведённой, кстати, на русский... Так вот, как вы в этой связи

оцениваете упоминание в самом начале летописной легенды об апостоле Андрее его брата Петра? Есть мнение... кхм-кхм... что какая-то часть повествования об Андрее и Петре изъята из летописи. Так ли это, по-вашему?

Отец Андрей, несказанно ободрённый тем, что к нему с вопросом обратился один из столпов и светочей, да ещё иностранец, радостно ответил:

— Совершенно верно! В летописи явно не хватает более подробных сведений об апостоле Петре!

— Тогда позвольте, — лукаво продолжил профессор, — я вам подскажу, что там могло быть. Знакомы ли вам апокрифические «Деяния апостолов Петра и Андрея»?

— Что-то такое слышал... да-да, припоминаю... — замялся докладчик.

— В них содержится прямо-таки настоящий былинный сюжет — как апостолы, дескать, пашут землю, а потом проповедуют в Городе варваров. Где бы вы в таком случае поместили на Руси этот Город варваров?

Тут батюшка начал догадываться, что над ним издеваются, но решил до конца гнуть свою линию:

— Только не на Руси! Не было на Святой Руси никаких варваров!

Публика расхохоталась, кто-то зааплодировал, и лишь немецкий профессор сохранял невозмутимое спокойствие.

— Ладно, — кивнул он. — Значит, «Деяния Петра и Андрея» не подходят. А как быть с иным мнением летописца, высказанном им в другом месте, — о том, что апостолом Руси был не Андрей, а Павел? Помните? В статье под 898 годом сообщается, что просветителем Иллирика, то есть, по логике летописца, Моравии был апостол от семидесяти Андроник, ученик Павла, да и сам Павел как будто дошёл до тех земель. Раз в Моравии

живут славяне, а русь — племя славянское, значит, можно смело считать, что русское христианство восходит к апостолу Павлу. Тогда при чём здесь Андрей?

Докладчик и на это нашёлся чем ответить:

— А разве не мог вместе с Павлом просвещать славян и Андрей?

— Ещё как мог! Об этом тоже есть целый апокриф. Называется «Деяния апостолов Андрея и Павла». Правда, по-гречески эти «Деяния» не сохранились, зато известны в коптских фрагментах. Увы, славяне там не упомянуты. Так что я желаю вам всяческих успехов в поисках рукописей и тех и других «Деяний», где бы наверняка поминались славяне, а ещё лучше — сразу Русь. Хотя бы богатырский народ «Рос»...

— Спасибо, герр профессор... — процедил отец Андрей и вздохнул было с облегчением, но поднялся ещё лес рук и собрание оживлённо зашумело. Председательствующая дама-искусствовед призвала всех к порядку:

— Коллеги, давайте по очереди. И по возможности кратко и по существу. О том же прошу и докладчика.

— Ещё бы, водка стынет, — поделился с соседями Никифоров своей догадкой и вскочил задавать свой вопрос, так как его рука оказалась первой:

— Итак, отче, раз уж вы нас тут так расшевелили, то добейте, что ли, до конца. Иными словами, считаете ли вы соответствующими действительности предания о водружении апостолом Андреем креста в селе Грузино и о посещении им острова Валаам? Напомню, оба впервые зафиксированы лишь во второй половине шестнадцатого века: первое — в «Степенной книге», второе — в «Сказании о Валаамском монастыре».

Ἁγίου Ἰωάννου τοῦ Πρωτοτύπου

Ἁγίου Ἀποστόλου Ἀνδρέου

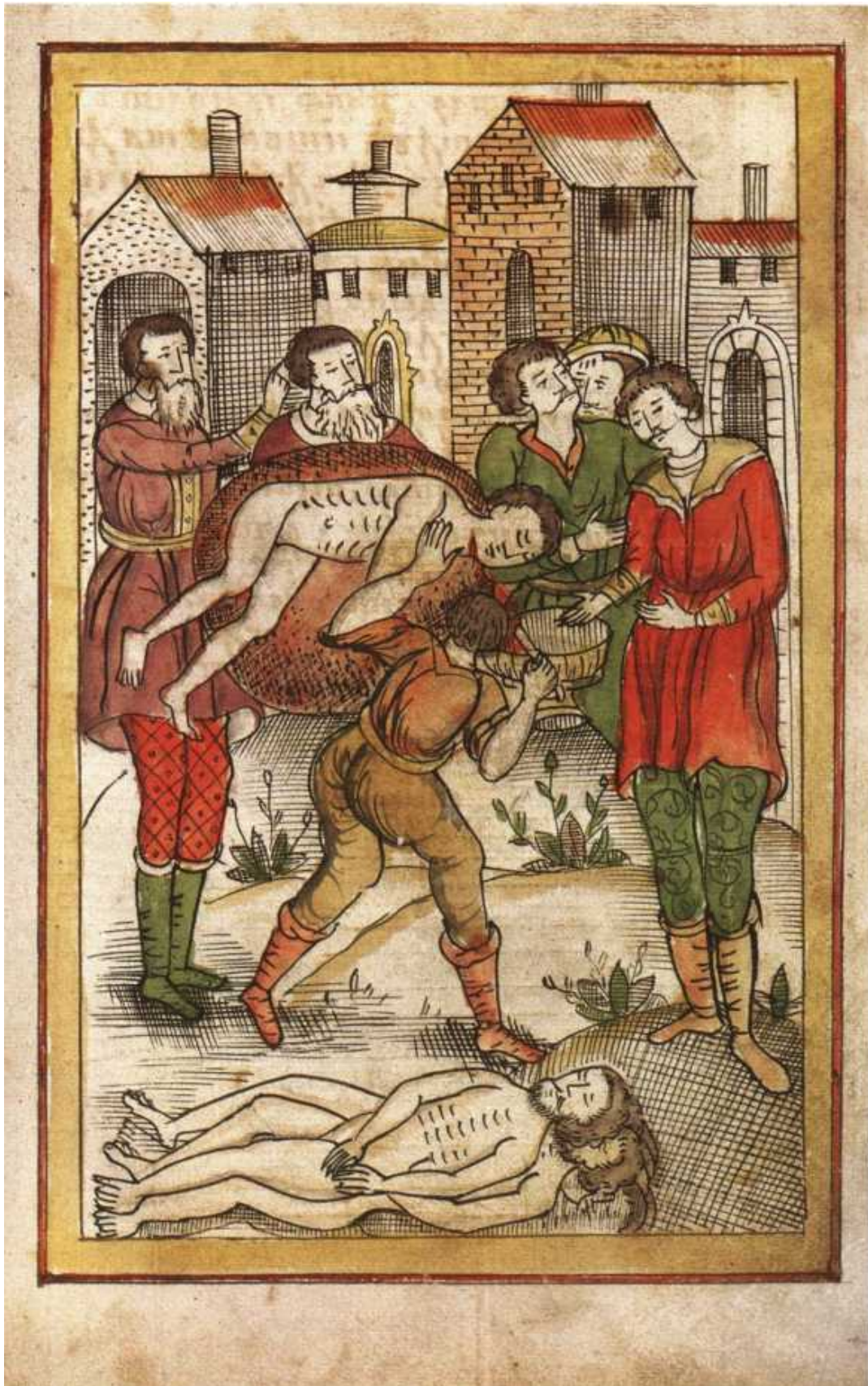

Миниатюры из уникального лицевого Жития апостола Андрея. Русский рукописный сборник конца XVII века: С.-Петербург, Российская национальная библиотека, ОЛДП.Е137 (публикуются впервые).

Иоанн Предтеча пророчествует своим ученикам о Христе. Призвание апостолов Андрея и Петра. *Лист 4*

Апостол Андрей отправляется в Город людоедов.
Лист 2

В Городе людоедов. Убийство пленников. *Лист 16*

В Городе людоедов. Побиение камнями апостола
Андрея. *Лист 20*

В Городе людоедов. Апостол Андрей и семь бесов.
Лист 21

В Городе людоедов. Апостол Андрей приказывает
статуе извергнуть воды. *Лист 23*

Изгнание змея из урочища Давкома близ Никеи. *Лист*
47

Апостол Андрей поставляет Стахия во епископы
Византия. *Лист 69*

Апостол Андрей водружает крест на горах Киевских.
Лист 72

Исцеление Максимииллы. *Лист 74*

Беседа Максимиллы и Эгеата.

Апостол Андрей наставляет Стратокла и братьев.

Лист 79

Мучение перед Эгеатом. *Лист 85*

Распятие апостола Андрея. *Лист 88*

Погребение апостола Андрея. *Лист 92*

«Тут лежат мощи апостола Андрея»
(храм Святых Апостолов в Константинополе?). *Лист*

93

Отец Андрей фыркнул в ответ:

— Странное у вас, москвичей, представление о научной этике... Конечно, я считаю, что оба этих предания не противоречат летописному рассказу, а потому могут быть вполне достоверными. Грузино, оно же Друзино, лежит на полпути от Новгорода до Ладоги вниз по течению Волхова. Почему бы апостолу Андрею не остановиться там и не благословить окрестности? Что в этом дурного-то? Тем более как иначе объяснить название Друзино? Ведь крест он там *во-дру-зил*! То же и с Валаамом: откуда, скажите на милость, у острова на Ладожском озере такое ветхозаветное имя? А ведь Ладожское озеро тоже было у Андрея по пути в Балтику!

— Что он там забыл? — выкрикнул Никифоров, давясь от смеха.

Председательствующая снова призвала зал к порядку. Со следующим вопросом поднялся въедливый питерский историк — Федя Ризоположенский:

— Оставим пока в стороне вопрос о реальности проповеди апостола Андрея на берегах Днепра и Волхова. Меня же интересует вот что: каким временем вы датируете появление сказания об Андрее в русской летописи?

— Самым ранним, — уверенно отвечал отец Андрей.

— То есть вы считаете, что оно было уже в Древнейшем летописном своде 1030-х годов, разделяя тем самым точку зрения Игоря Сергеевича Чичурова?

— Да, в Древнейшем. Но совершенно очевидно, что это предание присутствовало и в более ранних летописях.

— Ну, о более ранних вы уж поосторожней... А что вы в таком случае думаете о недавно высказанной гипотезе

иеромонаха Ампелия Симонопетрита?.. — Но Ризоположенский не успел договорить, в чём же состояла эта гипотеза, потому что отец Андрей подскочил как ужаленный.

— Вот она, цена вашей учёности! — завопил докладчик. — Знаете ли вы, что такое этот ваш отец Ампелий?! Думаете, почему его нет на этой конференции? Кто вывел его на чистую воду? Сначала он решил, что самое древнее житие апостола Андрея — еретическое, потом сам впал в ересь, потом я выяснил, что он тайный агент Ватикана. Представьте себе!

Тут зал окончательно всполошился. Кто-то требовал лишить отца Андрея слова, кто-то — вывести его вон из музея, кто-то — вызвать «скорую помощь». Впрочем, последнее — скорее для немецкого профессора, которому действительно стало плохо. Но отец Андрей не унимался и кричал, когда его пытались увести:

— Ваш любимый Ампелий — папский шпион! Это я сообщил куда следует, чтоб его не пускали в Украину, я! А сейчас он вообще арестован! Потому что он крал рукописи афонских монастырей! Православные рукописи! Для Ватиканской библиотеки!

Когда отца Андрея наконец вывели под руки из зала прибежавшие с балкона дюжие археологи, секретарь конференции, строгий севастопольский юноша с усиками, сообщил, что в словах обезумевшего батюшки есть доля правды, что отца Ампелия действительно не пустили на территорию Украины, о чём музей был уведомлён министерством закордонных справ. Но какова была дальнейшая судьба отца Ампелия, в Херсонесе уже не знали. Арестован он или это уже бред Епифанцева, пока никто не мог сказать. Разразившийся скандал так и сорвал заключительное пленарное заседание, хотя и не отменил долгожданного фуршета, куда Гриша, впрочем, не пошёл, сославшись на усталость.

Для него припадок отца Андрея, равно как и известия об афонском товарище стали настоящим ударом. Но не самым страшным за этот день. Вернувшись к себе в финский домик, он в очередной раз проверил электронную почту, надеясь обнаружить там долгожданное письмо от Нины, — и вот оно, это письмо:

«Дорогой Гриша!

Прости, что так долго тебе не отвечала. Ты мне действительно стал очень дорог, настолько, что я не сразу собралась с мыслями написать тебе о новом повороте, который я решила совершить в своей жизни. Только не вини себя в том, что я сейчас принимаю такое решение. Это именно моё решение.

Дело в том, что в Петербурге я нашла то, что давно и отчаянно искала, — истинно христианскую общину, где нет места ничему земному, особенно земной любви, — одно лишь чистое и неземное служение Богу и науке. Ты догадываешься, о ком и о чём я. Эти люди — не только крупные учёные, но и настоящие христиане, целомудренные и бескорыстные.

Возможно, и ты решишься присоединиться к нам. В любом случае тебя рады видеть здесь, зовут к сотрудничеству с журналом.

Мы непременно будем ещё видеться на конференциях, и я надеюсь, наша научная переписка не иссякнет.

Прими это как должное.

Твоя Нина Т».

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ В ПОСЛЕДНИЙ ПУТЬ НА ЗАПАД

1. САМЫЙ ПЛАМЕННЫЙ ИЗ АПОСТОЛОВ

Утром праздничного дня на большаке было совсем мало народу, и неудивительно, что немногочисленные путники сбились в одну кучку прямо на первой большой станции, у Седьмой мили. Оттуда они пошли на запад уже вместе. Собственно говоря, их было-то всего четверо.

Из них выделялся огромным ростом, не меньше четырёх с половиной локтей, и рыжими космами крестьянин с Халки-дики, поклонявшийся в Константинополе святыням, но срочно вызванный домой вестью о болезни матери.

— Ночевал в галереях при храмах, даже у Святого Диомида, только ничего удивительного со мной не случилось, — смеялся он, намекая на всем известную историю воцарения своего соотечественника Василия Македонянина.

Напротив, весьма малорослым и щуплым был другой спутник, по виду мелкий чиновник или торговец средней руки, болтавший без умолку с характерным итальянским или, даже скорее, сицилийским акцентом. Наибольшие подозрения внушал третий спутник — чернявый бродячий монах с горбатым носом и жёстким, каким-то гортанным выговором: таких много было переселено из Анатолии и Армении во Фракию, и много среди них оказывалось еретиков-павликиан.

Спутники добродушно шутили и весело болтали между собой, но Никита не участвовал в их беседе, а просто шёл вслед за ними, поражаясь тому, как

перевернулась его жизнь за один лишь день. Ведь вчера он ещё и помыслить не мог, что уйдёт налегке из единственного на земле Города в неизвестную даль. Как же так случилось? И теперь, на унылой дороге, в обществе простецов, с которыми и поговорить-то было не о чем, все события последнего дня были прокручены Никитой в памяти, словно свежеисписанный свиток, и наконец упорядочены, как расставлял он книги на библиотечной полке — каждую на своё законное место, откуда её можно было безошибочно взять даже в кромешной тьме.

...Свеча догорела только к утру, и расплавленный воск стал капать на стол, залив уголок папируса и рукав платья. Никита проснулся, впрочем, не от этого, а от смутного шума за окном. С трудом открыв глаза, он обнаружил вокруг себя сумерки и сначала было подумал, что Великий город уже пробуждается к новому дню. Ему захотелось есть, он открыл дверь и хотел было спуститься вниз, в церковь, чтобы после утрени пойти на трапезу с братией, но навстречу ему уже поднимался покрасневший от морозца Парфений, с большим блюдом в руках.

— Садись поешь, — засмеялся он. — Небось совсем тут оголодал.

— Что, утренняя уже отошла? — растерянно спросил Никита.

— Уже и вечерняя отошла. Заспался ты, брат: так и захрапел за столом, а я тебя уж не стал будить. Да и сам-то я вернулся только под утро: позвал меня игумен подновить ему платье для сегодняшнего обеда у императора. Не знаю, какие у тебя были для меня вчера новости, но мои вести, боюсь, поважней и пострашней твоих.

— Что же за беда стряслась? — спросил Никита, беря с блюда вяленую чёрную маслину из загородных монастырских угодий.

— Знаю я всё только со слов игумена, но что он говорит — говорит дело. Он сам, как бы это сказать, вхож куда надо, за ближним столом сидит... Слышишь, уже и народ на улицах гудит... В общем, сегодня на пиру в канун Сретения Господнего, на память святого Трифона, — во Влахернах было дело — ну вот, император в конце трапезы и говорит патриарху, ей-богу, так и говорит, поверь мне, как своими ушами слышал: «Доколе, владыка, задержки? Доколе, — говорит, — ложные посулы и пустые обещания? Доколе лживые, тобою вымышленные заботы? Ты дал мне знать, более того, ты сам сказал, чтобы я в праздник освящения Новой церкви пришёл и совершил вход вместе с тобою. Но, не зная ещё воли патриарших престолов и прежде всего заботясь о тебе, я медлил, боясь — если говорить твоими же словами — возмущения твоих сотоварищей против тебя. Когда впоследствии и они проявили попечение, ты обещал допустить меня в день Преображения Господнего. Затем, вновь отложив, обещал допустить нас в церковь на праздник Рождества Христова. И на этот раз оказалась бесплодной наша попытка: ты унизил и опозорил меня у самых царских врат в то время, как все там были — и священный чин, и весь священный синклит. В их присутствии ты извинялся передо мной и обещал допустить меня в день Богоявления. Затем, когда и он наступил, ты повёл себя так же и даже ещё хуже, отвергнув то, что в святом храме изрёк твой язык. Какое унижение ты нам причинил, ты и сам знаешь, ибо был при этом.

Но тщетно ты придумываешь предлоги и стараешься скрыть от меня своё коварство! Сколь злокозненным ты всегда был, я знаю по годам общего нашего учения. Объясни же мне, как это ты, прежде обещав допустить меня в храм, теперь медлишь и чинишь этому препятствия!»

Тут Парфений вопросительно поглядел на Никиту, философа и ритора, словно ожидая, что тот его похвалит за связный рассказ, — так он был собой доволен. Кто же ещё сможет столь точно передать слова василевса? Но Никита невозмутимо жевал оливку и только кивнул головой:

— Ну, старая песня... И что же патриарх?

— А патриарх отвечает: «О! — говорит, — я медлю только потому, что следую воле епископов. Вот если бы они дали согласие или, лучше сказать, выразили своё желание, тогда бы и я сам вместе со всеми позаботился о тебе и допустил бы тебя в храм. А без согласия моих братьев и сотоварищей — нет, это никак невозможно».

— Ну да, патриарх кивает на епископов, а вот что скажут сами епископы...

— В том-то всё и дело! Но дай дорасскажу, чем их тогдашний разговор закончился. Император, значит, возражает патриарху: «А как же быть с недавними донесениями твоей святости о том, что каждый из них говорит, и советами, что им отвечать? Это действительно делалось по воле твоих братьев и сотоварищей или же ты сам так решил? А когда ты злоумышлял против нашей царственности, побуждая и поощряя вероотступника Дуку, — с какими сотоварищами ты дерзнул на столь великое нечестие?»

— Дуку он к месту вспомнил. В этом деле патриарх оплошал так оплошал... И как только святой Андрей не спалил до сих пор этот Город, погрязший в нечестивой лжи и обмане!

— Да как же святой апостол может сжечь столь великий Город?

— Ты разве не знаешь, что Андрей был самым пламенным из апостолов? В одной старой книге я прочёл, что когда он входил в какой город на проповедь, то если люди не принимали его слова, сжигал он этот город пламенем. Тогда апостолы решили, что нельзя

пускать его на проповедь одного, и всё время отправляли с ним кого-нибудь от двенадцати или от семидесяти, чтобы тот, как возгорится гнев Андрея, мог его образумить: мы-де посланы в мир нести Слово Божие всем народам, а не жечь их попусту, но крестить их во имя Отца и Сына и Святого Духа.

— Аминь! Вот почему во всех деяниях Андрея, какие я только ни читывал, он всегда в сопровождении какого-то другого апостола — то Матфия, то Петра, то Павла, то ещё кого-нибудь...

— Так что же решил император?

— Вот и послушай дальше. Обратился тогда император ко всем присутствующим: «Согласно тому, что вы сами вначале мне предложили, я, господа мои и владыки, вручаю мои дела святому собору и с нетерпением ожидаю местоблюстителей патриарших престолов: ведь и общий отец наш патриарх часто говорил: «Когда придут местоблюстители с патриаршими посланиями, никто из нас не станет препятствовать, чтобы ты совершил вход во храм». Но уже пришли от них и сообщили: вот-де они приближаются. И Лев Хиросфакт писал нам, что едут вместе с ним местоблюстители, везущие послания из Антиохии, Александрии и Иерусалима. К тому же и Симеон, достойнейший и почтеннейший наш секретарь, привёз из Отранто посланников папы древнего Рима с письмами, содержащими соответствующие предложения. Пусть же всё утвердится так, как будет угодно решить мои дела Всемиловитому Богу и святому собору. Как ваша святость знает, завтра в праздничное утро мы справляем день Сретения Великого Господа и Спасителя нашего Иисуса Христа в святом храме Всепетой Богородицы во Влахернах. Допустите же меня внутрь храма, до священной преграды, чтобы я стоял у неё и, плача, каялся!»

— И что же епископы?

— А епископы сначала выждали, что ответит на это патриарх. Патриарх, конечно, сказал, что всё равно не допускает Льва в храм, а затем и все митрополиты высказались в том же духе. Кое-кто, впрочем, не сочувствовал им, в том числе и твой Арефа...

— Неужели Арефа? — изумился Никита. — Так ведь Арефа...

— Короче, взял Лев и рассвирепел, да и велел низложить Николая с патриаршества — разжаловать, так сказать, обратно в простые мистики — и выслать его из Города вместе с другими митрополитами. Такие вот новости.

— Арефа! Фотиево отродье! — вскричал Никита. — Тому тоже ничего кроме власти не было нужно. Знали об этом митрополиты и, прежде чем избрать Фотия патриархом, взяли с него письменную клятву никому не вредить — так он потом вырвал её из рук посланца, вывихнув ему палец, и порвал у всех на глазах. Но патриарх-то наш, даром что Фотиев племянник, а от учения Христова не отступил!

— Постой, ты что такое несёшь? — оборвал его Парфений. — Разве ты не знаешь, что обитель Каллистратова всегда была верна святейшему патриарху Фотию и памяти его? Когда тому нужно было назначить игумена в славный Студийский монастырь на место знаменитого Феодора Сантаварина, так он избрал не кого-нибудь, а нашего игумена Савву. Так что смотри, за такие речи тебе здесь не поздоровится!

Никита подавился косточкой и страшно закашлялся.

— Тебе что, плохо? — ласково промолвил Парфений. — Ты сиди, сиди, да поешь.

— Конец мне, брат... — прошептал, едва придя в себя, Никита.

— Какой конец? — удивлённо переспросил Парфений.

— Совершеннейший, конечный конец. Не до еды мне уже... Дай-ка мне, прошу, поскорей лист пергамена, чернил и стилос!

Ошарашенный Парфений тотчас принёс все письменные принадлежности, и Никита, схватив их, стал мелким почерком заполнять грубоватый монашеский пергамен ровными, твёрдыми строчками. Закончив, он подозвал Парфения:

— Подпишись здесь, брат, как свидетель! И подпишись также за старца Геронтия — нет времени и сил идти к нему.

Парфений, всё так же недоумевая, безропотно подписался, после чего Никита свернул пергамен в трубочку, перевязал её шнурком, разогрел на свече воск и запечатал грамоту своим перстнем.

— Последняя у меня просьба к тебе, брат Парфений: отнеси это завтра Константину, товарищу нашей юности — он теперь в звании этериарха, то бишь начальника императорской дружины, — пусть продаст он всё моё небольшое имущество, а деньги раздаст нуждающимся по своему усмотрению... Да, книг только жалко... книги пусть заберёт, если сможет, к себе на сохранение или раздаст моим ученикам.

— Как это раздать нищим? Ты что, в монастырь собрался? Коли собрался, так иди к нам!

— Нельзя мне к вам, пойми! И вообще, в Городе мне оставаться никак не возможно.

Остаток вечера и почти всю ночь провели Никита с Парфением в долгой беседе, такой, какая бывает, может, раз в жизни. До утра рассказывал Никита монаху о вечере у патриарха и своих дерзких словах, о грозящей ему каре от императора и о тягости расставания с Городом — обо всех своих бедах и сомнениях. Никому, даже священнику на исповеди, не рассказывал такого Никита, и к утру душа его словно очистилась от всей осевшей на неё мутной грязи. А

наутро, легонько поцеловав в голову заснувшего наконец Парфения, с первыми звуками клепала Никита выбрался в полумраке из монастыря к городской стене — благо монастырь был от неё неподалеку, — и как только открыли ворота, вылетел стрелой из Города, поправил за спиной тяжёлый мешок и двинулся на запад. Вот так он и оказался здесь, на древней Эгнатиевой дороге, которая вела из Нового в Ветхий Рим.

Досужую болтовню путников остановил разлившийся химаррий — бурный поток из воды и грязи, возникавший лишь зимой из-за обильных дождей. Никита и чернявый монашек не без труда, по камням, перебрались через него, а вот щуплый сицилиец никак не мог. Тогда верзила-македонянин посадил его себе на плечи и спокойно, в несколько гигантских шагов, пересёк бурные воды.

— Ну ты прямо как святой Христофор! — поблагодарил рыжего гиганта сицилиец, когда они продолжили свой путь.

— Почему это святой Христофор? — искренне удивился македонянин.

2. АНДРЕЙ И ВАРФОЛОМЕЙ

— Ну как же, разве не знаешь ты этого предания? Великану Христофору явился Спаситель в виде мальчика, и тот перенёс Его на плечах через бушующий поток. Его так и изображают — огромным, с маленьким Христом на плечах.

— Что за околесицу ты, брат, несёшь? — возмутился рыжий. — Знают все, даже дети малые, и у нас в Македонии, и на родине моих предков в Каппадокии, что Христофор был прекрасным юношей, в которого влюблялись все женщины. И чтоб не впасть ненароком с

ними в грех, взмолился он Богу, и даровал Он юноше вместо человеческой головы волчью. У нас так его и рисуют на иконах — с волчьей головой.

— А ты ничего, братец, не путаешь? — переспросил его сицилиец.

— Я уж точно не перепутаю: его одного из всех святых таким изображают.

— Не знаю, как у вас, братья, — вступил тут в спор молчавший до того чернявый монашек, — а вот в моих родных краях рассказывают о нём несколько иначе. Звали вашего Христофора на самом деле Христомеем, и тут вы оба правы: был он и великаном, и с головой собачьей, не волчьей, конечно. Если хотите, то я с удовольствием поведаю, в некотором сокращении, что слышал об этом Христомее ещё от своего деда. Заодно дорогу скоротаем приятно и душеполезно, ибо история эта о святых апостолах.

Путники согласились выслушать рассказ чернявого, и вот, вышагивая по стоптанным до блеска булыжникам, он начал:

— Было это давно, очень давно, во времена апостолов, когда ходили они ещё живьём по земле, а не являлись в видениях святым подвижникам. Ходили они, значит, по разным городам и проповедовали, многих городов уже тех и не осталось.

И вот однажды сидели в тени одной горы святые апостолы Варфоломей и Андрей с двумя своими учениками — Руфом и Александром. Сидели они и унывали из-за города парфян — был то народ навроде нынешних сарацин, — ведь не поверили апостолам эти парфяне. И вот один человек из Страны людоедов, сам великан и лицом вылитый пёс, рыскал поблизости и искал кого-нибудь себе в пищу, но так никого и не нашёл за целый день. Явился ему тогда ангел Господень и сказал: «Тебе, говорю, лютый псоглавец! Погляди: вон два мужа и двое чад сидят под скалой. Если

приблѣзишьсѣ к ним, то не смей их трогать, ибо рабы они Божии: как бы их Бог не разъярился и не поразил тебя. Так что предупредил я тебя, о чудѣще ненасытное». А тот и отвечает ангелу: «Да кто ты такой, чтобы учить меня? И кто тот Бог, о Котором ты говоришь?» И в ответ говорит ему ангел грозно: «То Бог, Сотворивший небо, землю и море, — вот это самое небо над тобой и землю, по которой ты ходишь. Он сотворил день и ночь, Он сотворил солнце и луну, Он сотворил зверей земных, Он сотворил реки, озёра, моря и живущих в них китов и всех рыб, — всё-всё это привёл Он из небытия в бытие». Разъярился на это людоед: «Хотел бы и я увидеть, — говорит, — Его славу, чтобы убедиться и поверить всему, что ты рассказал мне». И в тот же миг обрушилась прямо с небес огненная стена и окружила его со всех сторон. И оказался он зажат внутри и никак не мог выскочить из огненного полона, а пламя так и поджаривало его, что все волосы ему попалило. Испугался он тут, конечно, и громко крикнул ангелу: «Сжался надо мной, господин! Не знаю я, кто ты, но спаси ты меня из этой беды — поверю я тебе». Ангел же ему: «Вот, убедись: это Бог освобождает тебя от этого огня. Пойди-ка ты к святым апостолам и следуй за ними, куда бы они ни отправились, и слушайся их во всём, что бы они ни сказали тебе». Тот в ответ ангелу: «Господин мой, нет у меня свободного разума, не понимаю я речи человечьей — как мне тогда следовать за ними? Чем я буду кормиться, коли проголодаюсь? Ты ведь запретил мне причинять им зло, чтобы не поразил меня их Бог, а кого бы мне тогда съесть?» Говорит тогда ангел: «Не беспокойся: Бог даст тебе добрый рассудок и обратит твоё сердце к кротости», — и, схватив великана, вывел его ангел из огня невредимым и запечатал именем Отца и Сына и Святого Духа. Присмирел он тут же, никому уже и не думал причинить никакого зла. Это всё потому, что поселился в нём Святой Дух, укрепив его

сердце и сделав его кротким, и обратил бывшего людоеда к богопознанию. И говорит ему снова ангел: «Встань, ступай вдоль отрога этой горы, и найдёшь там людей, сидящих под её навесом. Смотри же, не причиняй им зла, потому что они рабы Божии, но следуй за ними, куда бы они ни отправились, и не прекословь им», — сказал так ангел и улетел.

— И что же, не испугались его апостолы? — встрял тут сицилиец. — Я бы испугался, повстречайся мне такое чудище!

— И как не испугаться! Конечно, он возрадовался и возликовал, что так просто пришёл к богопознанию, но обликом был ужасен. В целом как бы человек, но ростом в шесть локтей, лицо дикое, глаза навывкате и горят, как огненные площадки, зубы торчат изо рта, как у кабана, когти на руках изогнуты серпами, на ногах же — как у огромного льва когтищи. Короче говоря, никто, увидев его лица, не смог бы выжить — тут же бы и помер со страху.

— И что же апостолы? — не терпелось сицилийцу.

— А апостолы только-только проснулись и сидели в тени скалы, всё печалась о городе парфян: те, как вы помните, не поверили им и не обратились ко Христу. И говорит Варфоломей Андрею: «Встанем, брат апостол, помолимся Господу, и Он точно вонмет нашему молению». А в это время Александр, ученик Андрея, увидел того людоеда, который шёл к ним, — и рухнул от страха на землю, да так и замер безгласен. Апостолы же, увидев, что Александр упал, решили, что в нём нечистый дух, и запечатлели на нём имя Господне. Но тут Андрей заметил надвигавшееся на них чудище и встал как вкопанный, а сам одной рукою подал знак Варфоломею: погляди, мол, туда, — и оба так пустились бежать, что даже позабыли о своих учениках Руфе и Александре, да и бросили их под сводами грота.

— Как тут не сбежать! — одобрил апостолов македонянин. — И не сожрал их тот людоед?

— Не сожрал. Наоборот, спустился спокойно с горы, подошёл к чадам апостольским и поднял их за руку. «Не бойтесь, — говорит, — детки. Не ем я больше людей. Стал я добрей — да, добрей!» — и тотчас же Святой Дух опочил на чадах, и отступил от них страх. А великан стал их обнимать, стал их целовать и говорит: «Не бойтесь, позовите своих отцов. Расскажу я им, что сделал со мною Христос Бог наш».

— Вот повезло апостолам! — воскликнул снова македонянин. — А другой бы великан попался, так сожрал бы сразу. Вот и пришлось бы Иисусу их сначала вытаскивать из его брюха и воскрешать потом.

— И тогда, — продолжал монах, — обернулся Андрей и видит, что великан обнимает Руфа и Александра, удивился, конечно. Но явился им Господь и сказал с укором: «Эх вы, как же убежали вы, оставив своих учеников, которые ещё так малы! Ай-ай-ай, возвращайтесь к ним без страха, ведь это Я сотворил всякое обличье на земле, даже того уродца. Он тот, о ком Я сказывал вам, что пошлю к вам людоеда, дабы сопутствовал он вам в город парфян, ибо должно тому городу от страха перед ним обратиться к богопознанию, и великие чудеса случатся благодаря ему в том городе». Когда сказал так Господь, то подошёл к апостолам Руф со словами: «Да не бойтесь же, подойдите: зовёт вас человек, посланный к вам Самим Господом». Тогда вернулись апостолы к скале, но всё равно не могли без страха смотреть на него. А тот, увидев апостолов, растопырил свои когтистые руки и обнял их, и расцеловал, а когда они сели, то говорит им: «Что же вы боитесь, видя мой облик? Я такой же, как и вы, раб Бога Вышнего, и это Бог направил меня к вам. Быть мне с вами. Что прикажете, то я и сделаю». Подивились тут апостолы его учению. Андрей же отвечает ему радостно:

«Да благословит тебя Господь, дитя, творить волю Его, ибо великим знамениям должно совершиться благодаря тебе. Наконец, брат, скажи нам своё имя». Тот сказал: «Зовут меня Христомеем». «Ого! — говорит Андрей. — Великая тайна в твоём имени! Почтенно оно, ведь христианам привычно слушать его». После этих слов все единодушно встали и отправились в город парфян, а через три дня достигли их страны. И сели они рядом с городом, чтобы отдохнуть. Увидел их дьявол и, приняв вид кормчего, опередил их и вошёл в тот город. И отправился он к первым людям города и к префекту Таллину и говорит им: «Прогоняли вы много дней назад неких людей, а они пришли сюда снова, хотят они изгнать ваших богов из города. Двенадцать их ходят кругом и вводят в заблуждение всю вселенную. И вот, сидят их сотоварищи рядом с вашим городом, думая, как бы войти внутрь. И если узнают об этом ваши боги, то сбегут от них и не вернутся сюда вовеки. Эти люди — ваши враги, они и город разрушат, и вас пленят и ваших детей». Тогда велит Таллин прочно запереть городские ворота и объявить по всему городу, чтобы все собрались в театре и решили, что делать с этими людьми. Тут же собрался весь народ в театре, и говорит толпе Таллин: «Мы услышали, что мужи, которых мы побили и прогнали, ищут, как войти в наш город, и вот они сидят рядом с городом. Так ступайте же и будьте готовы убить их!»

— Вот оно, коварство дьявола! — покачал головой сицилиец. — Рассказывай дальше, братец. Славно у тебя выходит.

— А знаешь, сколько нашему брату монаху с этим дьяволом приходится бороться? Так и наседают на тебя бесы, особенно в постные дни! Ну так вот, встали наконец апостолы и пошли в город, а Христомей говорит им: «Закройте моё лицо, прежде чем войти в город. Пусть не видят горожане моего лица, а то как бы не

разбежались сразу». Накрыли его апостолы мешком и вошли в город. Простёр Андрей руки к небу и помолился на еврейском языке: «Боже, мой Боже, услышь молитву мою в этот час, и пусть развалятся городские ворота, чтобы вошли мы внутрь и прославилось имя Твоё святое в нас, рабах Твоих».

— Это на каком ещё таком еврейском языке? — с подозрением спросил сицилиец. — С чего ему, чистокровному христианину, вдруг по-еврейски молиться?

— Значит, нужно было так, — отрезал монах. — И вообще, как мне дед рассказывал, так я вам и передаю.

— Может, евреем был твой дед, а? — не унимался сицилиец. — Не из Испании он у тебя случайно?

— Нет, конечно. А при чём тут Испания?

— А при том, что у нас они, евреи, сплошь по-испански болтают, особенно купцы, которые от мавров к нам всякие сарацинские штуки привозят.

— Надоел ты со своими евреями! — прикрикнул на сицилийца рыжий детина. — Дай дослушать историю. Что там, брат, с воротами случилось?

— Обратился Андрей к воротам: «Вам говорю, закрытым перед нами: заклинаю вас Сошедшим в ад, Открывшим медные ворота и Сокрушившим железные запоры, откройтесь и повалитесь вместе со стенами! Пускай входят в город рабы Божии!» Тотчас обрушились и ворота, и стены, и апостолы преспокойно вошли через пролом и отправились напрямик в театр. А те, кто сторожил ворота, побежали и рассказали обо всём префекту, так что заволновался весь город и сбежались все: в руках у одних — колья, у других — палки, третьи — с мечами, ищут апостолов — и нашли их в театре. Приказал Таллин: «Приведите зверей и натравите на чужеземцев — пускай сожрут их!» А было там семь львов, четыре медведя, пять львиц и два барса — все они питались одной только человеческой плотью. И вот

привели служители зверей и схватили Андрея, чтобы бросить его на съедение зверям.

— Неужели растерзали они Андрея?! — ужаснулся македонянин.

— Конечно нет. Пришёл ему на помощь Христомей. Как увидел он это, так и говорит Андрею: «Отче, вели мне открыть своё лицо в силе Божьей». «Велю тебе, — отвечает Андрей, — чтобы совершил ты всё предсказанное тебе Богом через ангела!» И помолился Христомей Богу такими словами: «Господи Боже мой, Избравший меня из всей моей родни и Очистивший меня от моей нечистоты, Отделивший меня от дикой совести людоедов и Сделавший меня сопричастником Своих святых апостолов, услышь меня в этот час и верни мне мою прежнюю природу, которая была у меня до того, как пришёл я к богопознанию, дабы понял этот народ, что нет Бога кроме Тебя, Долготерпеливого и Многомилостивого!» И услышал Бог его молитву и вернул его сердцу и рассудку зверовидность, как было прежде. А когда толпа похватила апостолов, чтобы бросить их зверям, он в гнев сорвал со своей головы мешок и кинулся на зверей — стал голыми руками рвать на части львов, медведей, львиц и барсов. Тогда увидели горожане, что разорвал он зверей, сильно испугались, и великий трепет напал на них, так что все ринулись вон из театра. И началась страшная давка, подавили со страху все друг друга насмерть. Увидели апостолы, что все жители разбежались и оставили город, и подошёл Андрей к Христомею и возложил руку ему на голову со словами: «Велит тебе Святой Дух, чтобы отступила от тебя твоя дикая природа и пришла к тебе благодать Святого Духа. Хватит, дитя: ведь ты исполнил Божью волю, и отныне ты будешь зваться верным рабом Божиим, ибо ты поистине стал апостолом Христовым». И тотчас же вернулась к нему благая природа.

— Кому же теперь проповедовать, если разбежались все? — расстроился сицилиец. — Не надо было по-еврейски молиться... как чувствовал, ничем хорошим не кончится это!

— Да ладно тебе, — успокоил его чернявый. — Думаешь, Андрей не знал, что делает? Было у него одно проверенное средство, как задержать жителей в том городе. Простёр он руки свои к небу и помолился: «Господи Иисусе Христе, прикажи огню сойти с небес и окружить весь город, чтобы никто не смог выйти отсюда». Тут же сошёл огонь с неба и окружил весь город, так что не смог никто из горожан выйти наружу. И все они заплакали, приговаривая: «Горе нам сегодня! Сплошной огонь кругом!»

«Снова огонь! — задумался Никита. — Где Андрей, там всегда огонь...»

— И посоветовались друг с другом горожане и послали к апостолам с мольбой: «Смилуйтесь над нами, избавьте нас от этой беды, уберите от нас это страшное пламя — и поступим мы так, как вы повелите нам». Андрей, увидев, что готовы они обратиться к богопознанию, послал к ним Варфоломея, чтобы тот узнал их мысли и намерение. Пришёл к ним Варфоломей и говорит: «Если мы помолимся Богу, то уберёт Он огонь и спасёт вас от того страшилища. А вы оставьте своих рукотворных идолов и уверуйте в Господа нашего Иисуса Христа, Сына Божьего, Которого я вам проповедую ныне!» И весь народ отвечает ему едиными устами и единым сердцем: «Веруем в Иисуса Христа, о Котором ты говоришь! Но, пожалуйста, не дай нам умереть от страха перед тем чудовищем». А Варфоломей им: «Не бойтесь отныне, — говорит, — ведь милость Божья будет на вас». И подошли они к Варфоломею со словами: «Простите нас, согрешили мы против вас, но отныне, честное слово, веруем мы в Бога Живого». Варфоломей тут им: «Пусть, — говорит, — соберётся

весь город с женщинами и детьми в театре. Там отец наш Андрей — вот он и наставит вас окончательно в вере». И начали объявлять по всему городу: «Пусть соберутся все от мала до велика в театре». Взяли тогда все горожане в руки оливковые ветви и побежали навстречу Андрею. Как увидел их Андрей, то обрадовался несказанно, простёр руки к небу и говорит: «Господи Иисусе Христе, Боже наш, пусть огонь удалится в море». И тотчас унеслось пламя, и сильный страх пошёл по всему городу, а Андрей приказал толпе: «Пошлите людей за идолами: пусть снесут их в это место, узнаете вы их бессилие». Тогда пошли жрецы и принесли всех идолов. А бесы, сидевшие в них, жалобно заверещали: «Ой-ой, сейчас погонят нас!» Тогда Андрей стукнул рукой по земле, так что разверзлась она на большую глубину — и провалились в преисподнюю бездну все идолы. Увидела толпа, что случилось с идолами, и воскликнула: «Нет другого Бога, кроме Андреева и Варфоломеева!»

— Вот здорово! — густо захохотал македонянин. — Кто бы ещё нечестивых сарацинов обратил так ко Христу! А то притесняют кругом христиан, только огнём их и можно образумить.

— Подожди, ещё не покрестили парфян. А было это так. Увидели апостолы их веру и говорят: «Вставайте все и идите в театр — там обретёте окончание веры». А толпа отвечает в страхе: «Простите нас, но мы боимся идти туда из-за того зверовидного мужа, ведь многие из нас умерли от страха перед ним». А Варфоломей им: «Не бойтесь, — говорит, — следуйте за мной и увидите, что весел он и кроток». И последовала за ним толпа до театра. Увидев, что они идут вместе с апостолами, Христомей взял за руки Руфа и Александра и пошёл навстречу апостолам, поклонился и расцеловал их. И удивился весь народ и прославил Бога, видя, что облик Христомея стал совсем кротким. Был посередине входа в

театр алебастровый столп. И подошёл к тому столпу Христомей и ударил его своей громадной рукой — тот и раскололся пополам, и хлынула из него вода и наполнила всё вокруг. В той воде и крестились все во имя Отца и Сына и Святого Духа. А после того как крестился весь город, говорит Христомей Андрею: «Сжался теперь и над умершими и попроси Господа, чтобы ожили они и крестились вместе со своими согражданами. Пускай уверуют, что Бог имеет власть как умерщвлять, так и оживлять». Помолился об умерших Андрей, и вот — послышался с неба голос: «Христомей, Христомей, эти люди из-за тебя умерли — поэтому встань-ка ты и воскреси их сам». Услышал это Христомей, взял большой сосуд и, наполнив его из купели святого крещения, полил мёртвые тела — и тотчас воскресли все, крестились сами и прославили Бога, Сотворившего великие чудеса руками апостолов. Воскресли также и звери и, подбежав к апостолам, стали лизать их ноги. Много исцелений совершил Бог руками святых апостолов в том городе: слепых заставил видеть, хромых — ходить, глухих — слышать, а немых — говорить, прокажённые очистились, бесы из каждой щели были изгнаны — так и освободился весь тот город благодаря крещению от всякой нечистоты и мерзости. И построили горожане церковь, и поставили в ней апостолы, как полагается, епископа, пресвитеров, дьяконов и чтецов и научили их величию Божью. Настала великая и бесповоротная радость в том городе, а апостолы, укрепив горожан, чтобы пребывали они в вере в Господа нашего Иисуса Христа, удалились оттуда. А Христомей, договорившись с апостолами, удалился и сам, славя Господа нашего Иисуса Христа, Удостоившего его прийти к познанию истины непорочной веры. В конце концов, схваченный царём Дел ком и преданный им мучениям, добыл себе он нетленный венец во Христе

Иисусе, Ему же честь и поклонение, царство и слава во веки веков, аминь!

Когда монах закончил свой рассказ, перед путниками показались уже стены Перинфа. «С такими вот простецами и их баснями придётся коротать тебе век свой, Никита. Не услышишь ты ни риторически украшенного слова, ни тонко подобранных силлогизмов. А главное, и на родину, в Пафлагонию, вернуться-то тебе нельзя — там тебя в первую голову и будут искать, и кто-нибудь да выдаст! Придётся тебе учительствовать в какой-нибудь фракийской или эпирской дыре, наставляя уму-разуму отпрысков таких вот падких до диковин мужланов».

Впрочем, Перинф не был такой уж и дырой. Никита знал, что в древности город этот звался Гераклеей, причём Фракийской — чтобы отличать её от одноименного поселения на Понте. Отсюда родом была и преподобная Елисавета Чудотворица, основавшая в столице монастырь на Ксиролофском холме, где приняла постриг Анастасо — любовь Никитиной юности...

3. ЧЕРТОГИ НЕБЕСНОГО ДВОРЦА

Путники остановились в гостинице близ городских ворот и сразу потребовали себе ужин и вина, но Никита оставил их и поднялся наверх, в скромную комнатку с белёными, потрескавшимися стенами — единственную одноместную во всём доме. Опустив занавес на окне и запалив свечу, Никита осторожно достал из натёршего ему всю спину мешка Епифаниев ларец — единственную теперь у него память о прежней жизни. От долгого пути рукописи в ларце растряслись и ещё больше перемешались, так что Никите пришлось вынимать их одну за другой и раскладывать стопочками на грубом

деревянном столе. Наконец ларец опустел и показалось обитое тканью дно.

Теперь Никита смог приступить к внимательному разбору найденных сокровищ. Немногочисленные вощённые таблички оказались черновиками Епифаниевых писаний — как понял Никита, их было два: житие Богородицы и житие апостола Андрея, и написаны они были двумя разными почерками. Первый, похуже, наверное самого Епифания, был неровный, нервный, но для такого опытного писца, как Никита, вполне разборчивый, хотя писал монах-агиограф ещё по старинке, не минускулом, а деловым курсивом. Второй почерк на дощечках был минускульный — такой, каким владели лучшие писцы Студийской обители: видимо, эти фрагменты принадлежали секретарю Епифания, тот где-то упоминал некоего монаха Иакова, с которым они вместе путешествовали вокруг Понта. Но и там и там порой перечёркнуты были слова и целые фразы. Вчитавшись, Никита понял, что это не сами тексты житий, а записи, которые делали для них Епифаний и его секретарь. Иногда это были рассказы местных жителей, а иногда они выписывали целые страницы из нужных Епифанию книг: так, в одном из фрагментов Никита опознал древнее родословие Богородицы, в котором перечислялись все её предки.

Разобравшись с церами и папирусами (а такой был лишь один — с уже читанными им «Деяниями Андрея и Филимона»), Никита перешёл к пергаменам. Среди них выделялись аккуратные тетрадки-кватернионы, по восемь листов, шерстяной стороной наружу, «мясо» на «мясо», «шерсть» на «шерсть», исписанные тем же самым ровным и округлым студийским минускулом. В них Никита опознал житие Богородицы и два списка Андреева жития: один — более подробный, но вместо нормального начала стояли какие-то безумные апокрифические деяния, а другой начинался-то хорошо,

пересказом новозаветных событий, но тут были опущены многие подробности, например, не было упоминаний о том, какими источниками и как именно пользовался Епифаний.

Быстро отыскал он тут и Синопу, и Амастриду, но ни в том, ни в другом списке не было и следа его родного Харакса. Если это и расстроило Никиту, то не очень сильно, так как он сразу понял, что Епифаний написал лишь о тех местах, в которых сам побывал. Больше удивило его, что Епифаний совсем ничего не рассказал о проповеди и чудесах апостола в Амастриде — столице Пафлагонии. «Ничего, между Амастридой и Синопой как раз и Харакс поместится. Наверняка и он, и Амастрида должны были быть в древних деяниях — найти бы их только... Небось, были они в Амастридском архиве, который недавно сожгли мятежники», — досадовал Никита.

В последней стопке лежали разрозненные пергаменные листки, исписанные прямым унциалом: одни — библейским, а другие — александрийским. Первые — а их было большинство — содержали коротенькие заметки об апостолах — те самые, которые цитировал предатель Арефа на диспуте с папским посланником. Из вторых же, писанных александрийским или скорее даже коптским унциалом, худо-бедно читалось только пять крошечных листочков, исписанных малограмотною рукою, со множеством вопиющих орфографических ошибок. Нижние края их обгорели. «Вот как! — аж присвистнул Никита. — Будто из огня их вытаскивали. Кто ж их жёг, да и зачем?» Обходя взглядом большие дыры, Никита начал читать:

«Но когда Андрей, апостол Христов, услышал, что горожан схватили из-за него, он встал, вышел на середину улицы и сказал братьям, что нет смысла прятаться. И когда апостол сказал эти слова, среди четырёх воинов обнаружился один самый молодой, в

чьём теле обитал бес. Оказавшись рядом с апостолом Андреем, этот юноша закричал: «О Вирин, что такое я сделал тебе, что ты послал меня к этим благочестивым людям?» После этих слов юноши бес бросил его со всей силы об землю, и тот стал исходить пеной. Тогда его товарищи-воины взяли его и склонились к...

Но Андрей сжалился над юношей и сказал его товарищам-воинам: «Не стыдно вам предо мной смотреть, как ваша природа обличает вас? Почему уносите вы отсюда награду, чтобы он не мог воззвать к своему Царю, дабы получить помощь и быть в силах сражаться с бесом, который скрывается в его членах? Ведь он не только взывает к Нему об этом, но и говорит на языке Его двора, так что Его царь сразу его услышит. Я, действительно, слышу, как он говорит: О Вирин, что такое я сделал тебе, что ты послал меня к этим благочестивым людям?» Затем апостол Андрей...»

— Дальше ничего не разберёшь: нижний край листа оборван. А что на следующем?

«Ибо то, что я сделал, я сделал не сам, но это было возложено на меня. Итак, я расскажу тебе суть дела. У этого юноши, чьё тело поражено, есть сестра, девица, видная горожанка и подвижница. Воистину, говорю я, она близка к Богу благодаря своей чистоте, своим молитвам и своей любви. Короче говоря, был один человек, который жил близ её дома, и был он большим колдуном. Однажды он прибыл сюда. Вечером девушка поднялась на крышу для молитвы. Молодой маг увидел её за молитвой, и Семмаф вошёл в него, чтобы побороть эту великую подвижницу. Молодой колдун сказал себе: «Раз я провёл двадцать пять лет у своего учителя за изучением этого искусства, то теперь наступило время, для того чтобы наконец проявить себя. Если я не овладею этой девушкой, ни на что не буду я способен». И тогда молодой колдун призвал страшные силы против девушки и наслал их на неё. А когда бесы прибыли,

чтобы искусить её или даже совсем одолеть её, они приняли облик её брата и постучались в дверь. Она встала и спустилась, чтобы открыть, думая, что это её брат. Но перед этим она медленно помолилась, так что бесы стали как...

Они пали ниц и убежали...»

— Жалко, опять обрыв. Так и не узнаю, что случилось дальше. А нет, на следующем листе снова про эту девушку, только непонятно теперь, с кем она говорит:

«Девушка стала плакаться Ирессии. Ирессия сказала девушке: «Разве ты не знаешь, что те, кто приходит в это место, не должны плакать? Ведь это место... теперь эти силы...» Ирессия снова говорит ей: «Почему же ты плачешь тогда, когда печаль уже прошла? Но теперь, поскольку ты плачешь из-за своего брата, то, так как Бог пребудет с ним, я пошлю завтра за апостолом Андреем, чтобы он исцелил его. И я не только исцелю его, но и вооружу его для дворца»».

— Смотри-ка, здесь всё говорится иносказательно, ни слова в простоте: видная горожанка эта девушка наверняка в Небесном Иерусалиме, а дворец — это, очевидно, Царствие Небесное, как в «Деяниях Фомы». Правда, это всё бес говорит — а ему верить ох как опасно. Впрочем, и не бесу тоже...

«Когда бес сказал это, спросил его апостол: «Как узнал ты тайны, скрытые свыше? Когда воина изгоняют из дворца, он не вправе больше знать тайны дворца. Так откуда узнал ты тайны, скрытые свыше?» Бес ответил: «Этой ночью вселился я в этого юношу, в то же время, когда некая сила свыше вошла в...»»

Что ж за напасть! Так ничего и не узнаешь. И дальше всё какие-то обрывки: про подругу девушки, про какую-то силу свыше, что приходит ночью. Но это вот здорово сказано: «Когда воина изгоняют из дворца, он не вправе больше знать тайны дворца», — прямо про меня! А вот это явно Андрей говорит:

««Почему ты не трепещешь, когда говоришь о вышних таинствах? Я дрожу всеми своими членами и славлю Забирающего, Который ищет души святых. О подвижники добродетели, вы сражались не напрасно — вот Судия готовит для вас нетленный венец! О борцы, не напрасно вооружились вы оружием и щитами и не напрасно выдержали вы войну — Царь готовит для вас Дворец! О девы, не напрасно сохранили вы свою чистоту и не напрасно усердствовали вы в молитвах — ваш светильник сияет посреди ночи, пока голос не позовет вас: Вставайте, выходите навстречу Жениху!»

Когда апостол промолвил это, он обратился к бесу и сказал ему: «Теперь настало время выйти тебе из этого юноши, чтобы он вооружился для Небесного Дворца». Бес ответил апостолу: «Поистине, человек Божий, я не повредил ни одного его члена из-за святых рук его сестры. Но теперь я выйду из этого юноши, не причинив никакого вреда его членам». Сказав так, бес вышел из юноши».

— Опять лакуна. Но ничего, здесь хоть последовательность событий понятна:

«И когда он вышел из юноши, тот снял свою воинскую одежду и припал к апостолу с такими словами: «Человек Божий, истратил я двадцать золотых, чтобы приобрести эту мнимую одежду. Но теперь я раздам всё, что у меня есть, чтобы приобрести одежду твоего Бога». Его товарищи-воины сказали ему: «Несчастный юноша, если откажешься ты от царской одежды, то будешь наказан». Ответил им юноша: «Я действительно несчастен — из-за своих прежних грехов. Ах, если бы моё наказание было только за то, что я отказался от одежды этого царя, и не было бы за то, что я пренебрёг одеждой бессмертного Царя веков! О бессмысленные, разве вы не видите, что это за человек?! Ибо у него в руках нет ни меча, ни другого оружия, но эти великие чудеса совершены именно им!»

Деяние Андрея».

— Что же это такое — часть древних деяний или очередная поздняя выдумка?

Никита пересмотрел листки ещё раз: на последнем у слов «Деяние Андрея» стояла мелкая, еле заметная помета, выполненная, как теперь понимал Никита, почерком Епифания: «Смотри в свитке из Патриаршей библиотеки. Фессалоника». Так значит, Епифаний имел доступ к той самой знаменитой рукописи, что читал Фотий и что теперь в руках у коварного Арефы! Хотя — нет: и Фотий, и Арефа читали не из свитка, а из кодекса — наверное, из того, куда «Деяния» были кем-то позднее переписаны с древнего свитка... Но куда же тогда делся сам этот свиток, ведь Никита не нашёл его в Патриаршей библиотеке? И что значит слово «Фессалоника» в помете Епифания? Постой-постой, может быть, свиток лежит в Фессалонике? Но как он попал в Фессалонику? Думай, Никита, думай.

От постоянных мыслей о Фессалонике, а возможно, и от голода у Никиты стала кружиться голова. Но он не мог никуда уйти от свалившегося на него загадочного сокровища. Никита лёг на скрипучую деревянную кровать, застланную грубым шерстяным одеялом, заложил руки под голову и закрыл глаза. Тотчас перед ними поплыли все события последних двух дней: Патриаршая библиотека, триклиний во дворце, старый скевофилакий, ворота и улицы Города, Эгнатиева дорога, келья Геронтия...

— Та-а-а-к... а что там говорил старец о Епифании? «На дух не выносил иконоборцев, как и все студиты». Значит, Епифаний был студитом. Но опять же, при чём здесь Фессалоника? Ага, брат преподобного Феодора Иосиф был митрополитом Фессалоникийским. Тогда Епифаний мог передать свиток, например, ему, когда патриарх Никифор был низвержен, а в Городе оставлять рукопись было бы слишком опасно...

Хитросплетённые пути пропавшей рукописи окончательно запутали мысли Никиты. Словно змеи, копошились они в его голове, то высываясь из каких-то нор, то сплетаясь в клубок, то кусая себя за хвост. «Надо идти в Фессалонику, надо добраться до Фессалоники» — с этой мыслью Никита провалился в глубокий сон.

4. ИНЦЕСТ И ПОЖАР В ФИЛИППАХ

Ни на завтра, ни через день выдвинуться из Перинфа не удавалось. Всю землю накрыл непроглядный ливень, словно небеса гневались на человеческие грехи. Вода сплошным потоком катилась по мостовым, превратившимся в подобия ручьёв. В маленькой гостинице оказалось всего человек пять постояльцев, включая Никиту и его попутчиков — кроме рыжего великана, который вопреки всем уговорам поспешил к больной матери.

Несмотря на ливень, кое-какие новости из Города до Перинфа всё же доходили. Так, пришло известие, что патриархом стал синкелл Евфимий. На удивлённый вопрос Никиты, как же столь священнолепный, скромный и богобоязненный муж пошёл навстречу незаконному царю, принёсший эту весть монах ответил так:

— Говорят, что принял Евфимий патриаршество по божественному откровению, ведь император задумал издать мерзостный закон, что может муж иметь три или даже четыре жены, и многие учёные мужи содействовали ему в этом.

— Ох уж эти учёные мужи! — сокрушался Никита. — Столкнул они когда-нибудь наш мир в преисподнюю бездну!

Целые дни проводил он за чтением Епифаниевых рукописей. Он знал их уже почти наизусть. Житие, написанное монахом, оказалось не таким уж и дурным, как показалось сначала. Конечно, оно было лишено литературного изящества, зато переполнено упоминаниями проповедей, чудес и странствий апостола, среди которых, увы, не находилось места только несчастному Хараксу.

Никита даже пытался складывать воедино мелкие обрывки папируса, но ничего путного из этого не получалось, хотя однажды ему и удалось составить целую фразу:

«Иисус сказал Андрею: «Подойди ближе ко мне, Андрей: твоё имя — огонь; благословен ты среди людей»».

Ничего подобного в Новом Завете, конечно, не было, а упоминания об огненности Андрея уже не раз встречались Никите, и он никак не мог понять, откуда оно могло взяться, разве что приходили ему на ум похожие на пламя волосы апостола, как его изображали на иконах. И не о том ли самом говорилось и в других деяниях, где Христос менял апостолам имена? Но почему Андрей всё равно остался Андреем? Были бы два брата-апостола — Пётр и Пир...

Время отбивало свой сумасшедший ритм каплями дождя, падавшими на подоконник. Никакого просвета за окном видно не было, и, уставший не столько от бесконечного чтения, сколько от бесцельности своего сидения, Никита лёг на кровать. Его знобило. Надо было бы идти вниз, в залу, к камину, погреться, но одна мысль о том, что надо будет принимать участие в общей беседе и беззаботно шутить с мужиками, вызвала новый приступ дрожи. Левая рука безвольно свесилась вниз, коснувшись холодного кирпичного пола. Не было сил даже поднять её, и Никита поймал себя на том, что

пытается спрятать её под кровать от пронизывающего всё холода. Но и там царила застаревшая сырость.

Вдруг рука нащупала что-то мягкое и одновременно как будто твёрдое. Вначале Никите показалось, что он уже бредит или, хуже того, что наткнулся на какую-нибудь дохлую крысу, которые в изобилии встречаются в таких дырах, но потом он усмехнулся, сообразив, что это его собственный мешок, заброшенный им под кровать ещё позавчера. Изловчившись, Никита схватился озябшими пальцами за ляжку и вытащил его наружу.

Твёрдым же оказался ларец, замотанный в шерстяной плащ и запрятанный внутрь мешка. Не вставая с кровати, Никита достал ларец, открыл его, внимательно посмотрел внутрь, но не увидел там ничего, кроме складок на сукне, которым было обито дно. Их рисунок напоминал песчаные гребни у моря, куда мальчиком Никита иногда выбирался со старшими товарищами. Погладив их, он захлопнул крышку. Ларец лежал у него на груди и давил на неё страшной тяжестью, намного большей, чем вес деревянного ящика, пусть и с железной оковкой.

Медленно, не поднимая головы, Никита оглядел ларец с боков, словно ища какого-нибудь хитро запрятанного выдвижного ящичка. Сейчас ларец показался ему подозрительно толстым по сравнению с неглубоким дном — неужели у него такое толстенное днище? Повертев ларец в руках и ничего не найдя, Никита снова опустил его на пол и, силой воли заставив себя подняться, сел за стол и начал снова перебирать листки.

Но ни глаза, ни пальцы не хотели слушаться его. И тут внезапно сквозь дробь дождя и шум крови в висках он услышал голос почти угасающего разума. Дошедшего до грани отчаяния Никиту вдруг осенило: он вскочил, схватил ларец, открыл его, постучал по дну пальцем, и оно ответило ему гулким эхом — ну, конечно, под ним

был тайник! И теперь ничто уже не удерживало Никиту от взлома.

Он быстро, словно не было мгновение назад никакого бессилия, сбежал вниз и попросил у толстяка-хозяина нож; постояльцы всё сидели и шумно балагурили за столом, на котором ароматно дымилась обжаренная в специях баранья нога. Но Никита лишь сглотнул слюну и поднялся обратно. Он срезал сукно, воткнул лезвие в щель, поднажал, так что доска стала понемногу поддаваться, пока вдруг с треском не вылетела наружу, ударив Никиту по лбу. Потерев ссадину, Никита заглянул внутрь.

Там лежало всего два предмета: маленький матерчатый мешочек и кожаный футляр в виде продолговатого цилиндра. «Мешочек наверняка с золотом — потом пригодится», — решил Никита и взялся за футляр-пиргиск. В нём действительно лежал свиток, папирусный, причём с такой же пурпурной пергаменной биркой, какие бывают в Патриаршей библиотеке. Затаив дыхание, Никита стал осторожно разворачивать хрупкий свиток.

И вдруг его осенило во второй раз. Ни в какой не в Фессалонике свиток — он здесь, — а просто Епифаний записал, что история с молодым воином есть и в рукописи из Патриаршей библиотеки, а приключилась она в Фессалонике. А он-то, дурья башка, собирался уже мчаться в эту Фессалонику! Но где же здесь эта Фессалоника? Свиток разворачивался постепенно:

— Византий, Фракия, Перинф, Филиппы, снова Филиппы... Фессалоники пока не видать — как бы не пропустить её. Прочту-ка лучше отсюда:

«...а святой апостол пришёл в Перинф, приморский город Фракии, и нашёл там корабль, который отправлялся в Македонию. Ибо ему и во второй раз явился ангел Господень и приказал сесть на корабль. И после того как проповедал он на корабле Слово Божие,

уверовали в Господа Иисуса Христа корабельщик и все, кто был с ним, и прославил святой апостол Бога за то, что и в море не было недостатка в тех, кто слушал бы его проповедь или кто уверовал бы в Сына Бога Вседержителя.

Жили же в Филиппах, что в Македонии, два брата, и у одного из них было два сына, а у другого две дочери: оба они владели большим богатством, так как были очень знатны. И сказал один брат другому: «Вот у нас огромные состояния, и нет среди граждан никого, кто был бы достоин соединиться с нашим родом. Но давай, сделаем один дом из двух наших. Мои сыновья возьмут в жёны твоих дочерей, и тогда наши состояния легко соединятся». Понравилось это предложение его брату, и, заключив договор, подтвердили они это соглашение залогом, который дал отец юношей. И вот, когда уже назначили день свадьбы, было к ним Слово Божие: «Не жените детей ваших, покуда не приедет раб Мой Андрей. Он и объявит вам, что следует делать». А ведь при этом был уже приготовлен брачный чертог и позваны гости, и было устроено всё необходимое для свадьбы. Ждали Андрея целых два дня, не справляли свадьбы, а на третий прибыл в Филиппы блаженный апостол, и, увидев его, все обрадовались великой радостью и, выбежав навстречу ему с венками, припали к его ногам и сказали: «Тебя мы ждём не дожждёмся по извещению Господню, раб Божий. А коли ты наконец пришёл, то поведай нам, что делать. Ведь было нам сказано свыше ожидать тебя, и было нам указано не женить своих детей, пока ты не прибудешь». А лицо блаженного апостола сияло тогда подобно солнцу, так что все удивлялись и прославляли Бога. Отвечал им на это апостол: «Нет, дети мои, не оскверняйтесь, не совращайте этих молодых, у которых может родиться несправедливый плод, но лучше обратитесь к покаянию, потому что вы согрешили перед Господом, желая

соединить браком родственную кровь. Мы не отвергаем и не избегаем брака, так как с самого начала Бог приказал соединиться мужчине и женщине, но мы скорее осуждаем инцест». Потрясённые этими его словами, родители молодых сказали: «Пожалуйста, господин, помолись за нас своему Богу, ибо лишь по неведению совершили мы этот проступок». А юноши, видя, что лицо апостола сияет, словно лицо ангела Божьего, сказали: «Велико и непорочно твоё учение, блаженный муж, а мы не знали о нём ничего ранее. Но теперь мы действительно понимаем, что это Бог говорит через тебя». Ответил им святой апостол: «Так храните же незапятнанным то, что услышали от меня, дабы Бог всегда был с вами, и получите вы награду за свой труд — жизнь вечную, коей не будет конца». Сказав так и благословив их, апостол умолк».

— Подозрительная история... Неужели родителям и так было непонятно, что задуманный ими брак противоестествен и незаконен? Или тогда у язычников он был разрешён?.. Да нет, быть такого не может. Впрочем, какая разница. Странно только, что апостол так оправдывает законный брак, будто он нуждается в каком-то оправдании... Ага, вот и Фессалоника!

«Жил в Фессалонике весьма знатный и богатый юноша по имени Эксуй. Он пришёл в Филиппы к апостолу, причём втайне от своих родителей и, припав к его ногам, взмолился: «Укажи мне, пожалуйста, раб Божий, путь истинный! Ведь узнал я, что ты истинный слуга Того, Кто тебя послал». Святой апостол проповедал ему Господа Иисуса Христа, и уверовал тотчас юноша и прилепился к апостолу, нисколько ни вспоминая о родителях, ни выказывая какой-либо заботы о своём состоянии. Родители, разыскивая его, услышали, что он находится с апостолом в Филиппах, и, прибыв туда со слугами, попросили его оставить Андрея. Но тот не захотел, сказав: «О, если бы вы не владели этими

богатствами, то познали бы Творца мира, Который есть истинный Бог, и избавили бы тогда свои души от будущего гнева!» А святой апостол спустился с третьего этажа и проповедал им слово Божье. Но они всё равно не послушали его, и Андрей вернулся к юноше и крепко запер ворота дома. Тогда родители вызвали на подмогу целую когорту и решили сжечь дом, где укрылся их сын, говоря так: «Пусть погибнет этот несчастный юноша, который бросил родителей и предал родину!» И тогда схватили солдаты горящие пучки осоки и камыша и получившимися факелами начали поджигать дом. Когда пламя взмыло ввысь, юноша взял сосуд с водой и помолился: «Господи Иисусе Христе, в руке Которого находится природа всех стихий, Который увлажняет иссохшее и иссушает влажное, Который охлаждает раскалённое и зажигает потухшее, Ты Сам потуши этот огонь, чтобы не сгорели люди Твои, но ещё более укрепились в вере!» Сказав так, он плеснул на огонь водой из сосуда — и тотчас весь пожар потух, да так, как будто ничего в помине и не было. Увидев это, родители юноши воскликнули: «Вот уже и наш сын стал колдуном!» — и приказали солдатам приставить к стенам лестницы и влезть на третий этаж, чтобы поразить апостола и его учеников мечом. Однако Господь ослепил тех солдат, и не смогли они подняться по лестницам. И когда пребывали они в таком исступлении, Лисимах, один из горожан, сказал им: «Зачем, о мужи, занимаетесь вы напрасным делом? Ведь Бог сражается на стороне этих людей, а вы этого не понимаете и помогаете нечестивцам. Прекратите эти глупости, чтобы не поразил вас небесный гнев». После этих слов вся когорта сокрушилась сердцем, и возгласили воины: «Истинен Бог, Которого они почитают и Которого мы попытались преследовать!» После этих слов — а настали уже вечерние сумерки — внезапно засиял свет, и очи всех просветились. Войдя туда, где

был апостол Христов, они нашли его молящимся и, простёршись на полу, возопили: «Пожалуйста, господин, помолись за своих рабов, которые были соблазнены заблуждением». И до того дошло их сердечное сокрушение, что Лисимах не удержался от слов: «Воистину Христос — Сын Божий, и Ему молился раб Его Андрей!» Тогда апостол поднял их с пола и укрепил в вере, но только родители юноши не уверовали. Прокляли они сына и уехали к себе на родину, завещав всё своё имущество властям города. А ровно пятьдесят дней спустя умерли они в течение одного часа. Но так как все горожане любили того юношу за его доброту и кротость, власти уступили ему всё его наследство, и вступил он во владение всем, что было у его родителей. Однако не удалялся он от апостола, но тратил доходы от своих владений на нужды бедных и на попечение о нищих».

— Опять огонь! — Никита вспомнил вдруг, как ходил он некогда с Арефой в патриаршую темницу посмотреть на изобличённого клирика-манихея; тот сидел в цепях на каменном полу и пел странную песнь, где были такие слова: «Блажен святой Андрей, ибо под ним зажгли дом!»

«А однажды попросил тот юноша блаженного апостола отправиться с ним в Фессалонику. И когда они прибыли туда, собрались многие горожане у его дома, потому что очень рады были видеть юношу. Но народу стеклось так много, что решили все собраться в театре, где юноша проповедал им слово Божие так горячо и убедительно, что даже сам апостол умолк, а все только удивлялись его искущённости в вере. И стали просить из толпы: «Спаси сына Карпиана, нашего гражданина, так как он сильно болеет, и тогда мы поверим в Иисуса, Которого ты проповедуешь». Ответил им блаженный апостол: «Нет ничего невозможного для Бога. Однако, чтобы вы уверовали в Него, приведите болящего пред

наши очи, и исцелит его Господь Иисус Христос». Тогда пошёл Карпиан к себе домой и сказал юноше: «Сегодня же ты будешь здоров, любимейший мой сын Адимант!» Тот ответил отцу: «Воистину, исполнился мой сон, ибо видел я в видении того мужа, который вернёт мне здоровье». И сказав так, надел он своё платье, вскочил с кровати и бегом устремился к театру, так что его родители не поспевали за ним. Припав к ногам апостола, Адимант поблагодарил его за полученное исцеление. А народ пришёл в изумление, видя то, как тот двадцать три года спустя начал вдруг ходить, и прославили все Бога: «Нет подобного Богу Андрееву!»

Один из граждан Фессалоники, в чьём сыне обитал нечистый дух, попросил блаженного апостола: «Исцели, пожалуйста, муж Божий, и моего сына, который тяжело поражён злым бесом». А этот бес, зная, что будет изгнан, увёл юношу в тайную комнатку и задушил его там верёвкой, исторгнув из него душу. Отец мальчика нашёл его мёртвым, горько заплакал и сказал своим друзьям: «Отнесите труп в театр, ведь я уверен, что сможет воскресить его чужеземец, который проповедует истинного Бога». Когда его отнесли в театр и положили перед апостолом, то рассказал ему отец, как убил его сына бес, добавив: «Верю, человек Божий, что даже от смерти сможет он восстать благодаря тебе». Обратился тогда к народу апостол и спросил: «Какая вам будет польза, мужи фессалоникийские, когда вы увидите, что это случится, — увидите, но не уверуете?» «Не сомневайся, муж Божий, — отвечали они, — вот когда он воскреснет, тогда все мы точно уверуем». После этих слов согласился апостол на чудо: «Во имя Иисуса Христа, — говорит, — вставай, юноша», — и тот сразу же встал. А весь народ в изумлении воскликнул: «Хватит чудес! Уж теперь мы веруем все тому Богу, Которого ты проповедуешь, раб Божий». Проводив воскресшего юношу домой с факелами и светильниками, ибо

наступила уже ночь, его родные пригласили Андрея к себе, чтобы он три дня наставлял их в божественных вещах».

— Так-так-так, а ведь дальше почему-то снова про Филиппы! И где же история с молодым воином? Хотя... Если апостол двинулся дальше на запад, то он мог снова попасть в Фессалонику. Надо бы внимательней почитать:

«Пришёл к нему один муж из Филипп, по имени Мидий, сын его сильно страдал от неведомой и тяжкой болезни, и сказал он апостолу: «Пожалуйста, о человек Божий, верни мне моего сына, ибо недужен он телом», — сказал так и горькогорько заплакал. А блаженный апостол отёр слёзы с его щёк и погладил его по голове, говоря: «Мужайся, дитя моё. Только верь — и исполнится твоё желание». Затем взял его за руку и отправился с ним в Филиппы. А когда они вошли в ворота города, то встретился им старик, который просил Мидия за своих сыновей: оказывается, тот без всякой причины бросил их в тюрьму, и они живьём гнили там от ран. Обратился апостол к Мидию с укором: «Послушай меня хорошенько, человек. Вот ты просишь исцелить твоего сына, а у тебя самого сидят в оковах те, чья плоть уже гниёт. Итак, если хочешь ты, чтобы твоя просьба дошла до Бога, сними прежде с юношей цепи, дабы и твой сын избавился от болезни. Ведь чувствую я, что препятствие для моих молитв — то зло, которое ты совершаешь». Тогда Мидий припал к его ногам и, обнимая их, сказал: «Пусть же отпустят этих двоих и ещё семерых других — о них ты ничего не слышал, — только чтоб исцелился мой сын!» И приказал он вывести узников к блаженному апостолу. Возложил на них руки Андрей и три дня омывал их раны, вернул им наконец здоровье и даровал свободу. А на следующий день сказал он сыну Мидия: «Встань во имя Господа Иисуса Христа, Который послал меня, чтобы я исцелил твою немощь!» — и, взяв его за

руку, поднял на ноги. Тот сразу же вскочил и стал ходить, славя Бога. А звали того юношу Филионидием, и он был болен двадцать два года. И когда народ восклицал: «И нас исцели от всех недугов, раб Божий Андрей!» — сказал апостол юноше: «Пройди по домам больных и во имя Иисуса Христа, Которым ты сам был исцелён, прикажи им всем подняться». И тот, к удивлению народа, прошёл по домам больных и, призывая имя Христово, действительно вернул им здоровье. Уверовал же весь народ филиппийский, и стали приносить Андрею разные дары и просили научить Слову Божию. А блаженный апостол, проповедуя им истинного Бога, не принимал от них никаких даров».

— А вот святой апостол Павел с благодарностью принимал дары от филиппийцев... Но, вероятно, тогда была уже там большая община верных, а при Андрее — ещё нет, судя по тому, как ведут себя жители и как свободно жилось в тогдашних Филиппах бесам. Вот ещё чудеса и исцеления:

«Затем некто Николай, один из граждан, привёл к Андрею позолоченную колесницу с четырьмя белыми мулами и конями того же числа и цвета и преподнёс её блаженному апостолу с такими словами: «Прими это от меня в дар, раб Божий! Не нашёл я среди своих вещей ничего приятнее — пусть только исцелится моя дочь, которая страдает от сильной боли». Блаженный апостол отвечает ему с улыбкой: «Приму я твои дары,

Николай, но не эти — видимые. Ибо, если ради своей дочери пожертвовал ты самым драгоценным, что было у тебя в доме, то насколько больше должен ты за душу? Ведь хочу я добиться от тебя того, чтобы твой внутренний человек познал истинного Бога, своего Творца и Создателя всех, отказался от земного и возжелал вечного, преходящее отрицая, а вечное любя, отвергая то, что зримо, и к тому, что незримо, направляя ум в духовном созерцании, чтобы, когда преуспеешь ты

в этом при помощи возросшего в тебе чувства, сподобился ты последовать в жизнь вечную, а также и со своей дочерью, исцелённой ныне, наслаждаться этой вечной радостью». Сказал так апостол и убедил всех оставить идолов и уверовать в истинного Бога. И саму дочь Николая исцелил он от болезни, которой та страдала, и все граждане вновь и вновь возвеличили его, так что по всей Македонии прошла слава о чудесах, которые совершал он над недужными.

А на следующий день, когда Андрей поучал народ, некий юноша, проходя мимо, завопил диким голосом и заскрежетал зубами: «Что тебе до нас, Андрей, раб Божий? Ты ведь пришёл, чтобы согнать нас с наших мест, да?» Тогда блаженный апостол подозвал к себе этого юношу и сказал ему: «Поведай же нам, творец преступлений, что ты натворил». А тот: «Я в этом юноше обитал с детства, полагая, что никогда из него не уйду. А третьего дня услышал я, как его отец сказал своему другу: Пойду-ка я к человеку, рабу Божьему Андрею, и он исцелит моего сына. Теперь же страшусь я мучений, которые ты нам причиняешь, вот я и пришёл сам, чтобы безболезненно выйти из него перед твоим лицом». Сказал так злобный бес устами юноши, и простёрся он ниц перед ногами апостола — тут и вышел из юноши нечистый, а юноша исцелился и, поднявшись, прославил Бога. Такую благодать даровал Бог святому Своему апостолу, что все единодушно пришли послушать слово спасения и спросили: «Поведай нам, человек Божий, кто истинный Бог, Чьим именем ты исцеляешь наших больных». Пришли также и философы и спорили с ним, но никто не смог противостоять его учению».

5. НЕИСТОВЫЙ ПРОКОНСУЛ И ПОВЕРЖЕННЫЙ ЗМЕЙ

— Итак, всё это, похоже, происходило в Филиппах... Но вот снова упоминается Фессалоника! Надеюсь, апостол туда снова соберётся, иначе как ему двигаться дальше на запад?..

«Пока же творил апостол Андрей чудеса и проповедовал Слово Божие, озлился на него некий противник апостольской проповеди и пришёл к проконсулу Вирину с такими словами: «Знай, что объявился в Фессалонике дрянной человек, он подстрекает к разрушению храмов и учит презирать богов, отвергает обряды и призывает к отказу от всех установлений древнего закона. Вместо этого учит он почитать одного-един-ственного Бога, Чьим рабом он себя называет». Услышал это проконсул и послал пеших воинов вместе со всадниками, чтобы привели они апостола пред его очи. Подойдя к воротам квартала, спросили они, в каком доме остановился апостол, а войдя внутрь, увидели сильнейшее сияние: это лицо его так блистало, — ужаснулись они этому и повалились к нему в ноги. И стал блаженный апостол слово в слово рассказывать слушателям, что именно о нём было наговорено проконсулу. Тут народ, придя от его рассказа в страшный гнев, похватал мечи и палки и набросился на воинов, чтобы поубивать их, но запретил им это святой апостол. Пришёл тогда за ним сам проконсул, но не нашёл апостола в городской тюрьме. Поняв, что приказ его не исполнен, зарычал он, словно лев, и послал за Андреем ещё двадцать других воинов. И поднялись они к его дому, но как увидели блаженного апостола, всего в сиянии и славе, то смутились и ничего даже не сказали ему. Тогда проконсул, услышав об этом, сильно разгневался и послал целый легион, чтобы схватить его и привести силой. Увидев столько солдат, апостол спросил их: «Неужели ради одного меня вы пришли?» А те: «Ради тебя, — говорят, — если ты тот самый маг, который проповедует, чтобы не почитали

богов». Ответил он им: «Не маг я, но посланник Бога моего Иисуса Христа, Которого и проповедую».

Пока Андрей покорял своей кротостью воинов, один из них, охваченный бесом, вытащил меч из ножен и крикнул проконсулу: «Что тебе до меня, проконсул Бирин! Зачем ты посылаешь меня к человеку, который может не только изгнать меня из этого сосуда, но и даже сжечь меня своей силой? О, если бы ты сам выступил ему навстречу и не причинил ему никакого зла!» Как сказал он это, так вышел бес из него — и воин тут же упал замертво. От всего этого пришёл проконсул в великую ярость и, оказавшись спиной к святому апостолу, не смог его увидеть. Тот и говорит ему: «Вот он я — тот, кого ты ищешь, проконсул». И тотчас словно открылись глаза Бирина, и увидел он перед собой Андрея: «Что это за безумие, — вскричал, — презирать наш приказ и подчинять наших слуг своему влиянию?! Мне-то совершенно ясно, что ты маг и злодей. А теперь я брошу тебя на съедение зверям за насмешку над богами и над нами, и тогда поглядим, сможет ли избавить тебя Распятый, Которого ты проповедуешь». Блаженный апостол ответил ему: «Лучше бы тебе поверить, о проконсул, в Бога истинного, Который послал Своего Сына Иисуса Христа, ведь ты видишь, что один из твоих воинов погиб. Разве ты не хочешь, чтобы я воскресил его?» И пав на землю, святой апостол долго изливал Господу свои мольбы, а затем коснулся воина со словами: «Встань, убитый бесом! Воздвигает тебя Господь мой Иисус Христос, Которого я проповедую». И тотчас воскрес воин и встал здоровым и бодрым. Когда же народ воскликнул: «Слава Богу нашему!» — проконсул зарычал: «Не верьте ему, о люди! Не верьте магу!» А они крикнули в ответ: «Не магия это, неразумный проконсул, но здоровое и истинное учение». Тогда проконсул решил: «Этого человека предам я зверям, а о вас напишу цезарю, чтобы наказал он вас

всех смертью, ибо вы нарушили его закон». Разбушевалась от этих слов толпа, и схватились все за камни: «Напиши-напиши, — кричали они, — цезарю, что македоняне приняли Слово Божье, отвергли идолов и почитают истинного Бога». Тогда разгневанный проконсул удалился в преторий, а с наступлением рассвета вывел зверей на стадион и приказал притащить туда блаженного апостола. Получив такой приказ, солдаты потащили его за волосы, ударяя палками, а когда бросили его на арену, то выпустили дикого и ужасного кабана, который три раза обошёл вокруг святого апостола, но ничего плохого сделать ему не посмел. Увидев же это, народ воздал хвалу Богу. А проконсул приказал выпустить теперь быка, которого привели тридцать воинов и гнали двое охотников. Не коснулся бык Андрея, но растерзал в клочья охотников, а затем, издав рёв, упал и издох. И тотчас воскликнул народ: «Истинный Бог Христос!» Пока же одного за другим выводили на арену зверей, ангел Господень спустился с неба и стал укреплять святого апостола. Наконец проконсул, пылая гневом, приказал выпустить жесточайшего леопарда. Но леопард, миновав всю толпу, поднялся к месту проконсула, схватил его сына и выгрыз ему горло. И такое тогда безумие охватило проконсула, что несколько он об этом не опечалился и ничего не сказал, но только и делал что махал руками. Тогда блаженный Андрей обратился в слезах к народу: «Поймите же теперь, что истинного Бога вы почитаете, это Его силой побеждаются звери, это Его так упрямо не признаёт неистовый проконсул Вирин. Смотрите же, чтобы ещё легче уверовать вам, воскрешу я на ваших глазах сына его во имя Христа, Которого проповедую. Пусть же смутится его неразумнейший отец!» И простёршись на земле, он очень долго молился и, взяв за руку растерзанного отрока, воскресил его. Увидев это, народ возвеличил Бога и хотел было убить Вирину, но не

допустил этого апостол. Вирин же, смущённый и устыженный, удалился в свой преторий».

— Вот она и история о молодом воине, следом за посрамлением Вирина. Только ошибся Епифаний, ведь случилась она не в Фессалонике, а в Филиппах. Да тут и немудрено ошибиться: сколько всего наверчено! Но где же рассказ о сестре воина? Может, дальше?

«После всех этих чудесных событий один юноша, который уже был учеником апостола, рассказал обо всём своей матери и уговорил её выйти навстречу святому. Подойдя к нему, припала она к его ногам и попросила наставить её в Слове Божьем. Когда Андрей внял её мольбе и проповедал ей Христа, попросила она его сходить к ней на поле, где поселился змей удивительных размеров, который опустошал всю округу. И вот когда приблизился к тому полю апостол, страшный змей с громким шипением и поднятой головой выполз навстречу. В длину он был пятидесяти локтей, а в объёме как толстое бревно, так что все присутствовавшие задрожали от страха и попадали на землю. Тогда святой Божий прикрикнул на змея: «Опусти голову, мертвенный, которую поднял ты в начале времён на погибель роду человеческому! Подчинись слугам Божьим и умри!» И тотчас змей, испустив тяжкий стон, обвил большой дуб, стоявший рядом, выблевал поток яда вместе с кровью и издох. А святой апостол пришёл в имение женщины, где лежал мёртвый мальчик-слуга, которого ещё сегодня укусил тот чудовищный змей. И увидев, что его родители плачут, утешил их апостол: «Наш Бог, Который хочет, чтобы вы спаслись, послал меня сюда, дабы и вы уверовали в Него. Ступайте же и посмотрите на смерть убийцы вашего сына». А те отвечали: «Не будем мы скорбеть о смерти сына, если увидим отмщение врагу». Когда же они ушли поглядеть на мёртвого змея, апостол говорит жене проконсула: «Пойди же, подними

мальчика». И она, нисколько не сомневаясь, подошла к его телу и сказала: «Во имя Бога моего Иисуса Христа, встань, мальчик, живым и невредимым!» — и он тотчас воскрес. А родители его, вернувшись с поля радостные от того, что увидели смерть змея, обнаружили своего мальчика живым и, простёршись перед ногами апостола, поблагодарили его».

— Ох, и откуда здесь взялась жена проконсула, да ещё чудотворица?.. Или я что-то пропустил? И когда успела она уже уверовать? А дальше ни слова о проконсуле:

«На следующую ночь увидел блаженный апостол видение, которое затем поведал братьям: «Послушайте, возлюбленные, мой сон. Видел я, как большая гора поднялась ввысь, и не было на ней никаких земных вещей, кроме света, сиявшего так, что, казалось, он освещает весь мир. И вот предстали передо мной возлюбленные братья — апостолы Иоанн и Пётр. Иоанн, протянув руку апостолу Петру, поднял его на вершину горы и, обратившись ко мне, позвал подняться вслед за Петром: Андрей, выпьешь ты вскоре чашу Петра, — и, простёрши руки, сказал он мне ещё такое: приблизься, мол, ко мне и протяни свои руки, чтобы сплести их с моими руками и твою голову соединить с моей головой. Когда же сделал я это, то оказался рядом с Иоанном. Потом он спросил меня, хочу ли я узнать образ той вещи, которую я видел перед собою, и то, кто же говорит со мною. Я ответил: да, хочу. Он и говорит мне: я, мол, Слово креста, на котором ты будешь скоро распят за Его имя, которое проповедуешь. И много чего другого сказал он мне, о чём до поры до времени следует умолчать, однако всему свой черёд: ещё расскажу вам, когда приступлю к тому таинству. А теперь пусть соберутся все, кто принял Слово Божье, и поручу я их Господу Иисусу Христу, чтобы он сподобил их сохраниться непорочными в Своём учении. Ну а я

разлучаюсь уже с телом и иду к тому обещанию, которое сподобил даровать мне Царь неба и земли, Который есть Сын Бога Вседержителя, истинный Бог со Святым Своим Духом, Пребывающий в вечные веки». Услышав это, братья горько заплакали и стали бить себя ладонями по лицу со страшными стонами. Наконец, когда все собрались, снова сказал Андрей: «Знайте же, возлюбленные мои, что я удалюсь от вас, но верю Иисусу, Чьё слово проповедую, что Он сохранит вас от зла, что не уничтожит дьявол эту жатву, которую я посеял в вас, жатва же сия — познание и учение Иисуса Христа, Господа моего. А вы молитесь беспрестанно и твёрдо стойте в вере, чтобы, когда вырвет Господь все плевелы соблазна, сподобил Он, как чистое зерно, собрать вас в небесную житницу». И так он в течение пяти дней учил их и укреплял в заповедях Божиих. А после, простёрши руки, помолился он Господу: «Сохрани, прошу Тебя, о Господи, сие стадо, которое уже познало Твоё спасение! Да не одолеет его лукавый, но пусть то, что получило оно по Твоему велению и при моём посредничестве, сподобится сохранить неповреждённым во веки веков». «Аминь!» — ответили все присутствовавшие. И взяв хлеб и возблагодарив Господа, он преломил его и подал всем ученикам своим с такими словами: «Примите благодать, которую вам передал через меня, раба Своего, Христос Господь Бог наш».

Поцеловав каждого и вверив его Господу, отправился блаженный Андрей в Фессалонику и, учив там два дня, удалился от них. А многие верующие из Македонии решили отправиться вместе с ним, так что набралось их два корабля».

— Всё, ничего дальше нет про сестру... Может быть, в этом свитке из Патриаршей библиотеки совсем и не древние «Деяния Андрея», а такой же переделанный их текст, как перелицовывал и сам Епифаний? Взял этот

неизвестный и подправил древние деяния: ведь это, чай, был какой-нибудь апокриф, то есть текст не вполне православный. Так и Фотий пишет об этих «Деяниях». А что в таком случае сам Фотий читал: древние «Деяния» или, может, тот же самый текст? Половинка ключа, получается, здесь, а половинка теперь — у Арефы. Соединятся ли они когда?..

Никита стал разворачивать свиток дальше, но сил вчитываться в новые истории, приключившиеся с апостолом Андреем уже в Ахее, у него не оставалось. Перед глазами мелькали новые и новые имена: проконсул Лесбий, его жена и ещё какая-то странная женщина, затем другой проконсул — Эгеат, и снова жена проконсула, но тоже другая — некая Максимилла, а ещё какая-то Ифидама, Евклия — наградил же Господь именами! — сплошь одни женщины и длинные, длинные речи...

— Ну конечно переделал! — хлопнул себя по лбу Никита. — Вот и историю с сестрой воина он потому убрал, что бес там рассказывает вышние тайны, а откуда же бесу их знать? Да и правду ли он там говорит? И о браках расстроенных, опять же, подозрительно как-то: где это видано, чтобы братья на сёстрах женились. Это и в древности было запрещено. Видать, в самом апокрифе-то апостол вообще брак запрещал — зачем брак, когда скоро Царствие Небесное наступит? А оно, вишь, никак не наступает и не наступает. Наступает же на нас только тьма адская! А может, и вообще всё придумал этот древний еретик: и о проконсуле, и о воине, и о Фессалонике с Филиппами!

Тут Никита чуть не застонал:

— Да при чём здесь Фессалоника-то? Зачем мне всё это? Главное, где здесь Харакс! — И он стал отматывать свиток назад, к началу.

Византий, Никомидия, Никея, Синопа, Амасия... Всё? Ни Амастриды, ни родного Никитиногo Харакса нигде

так и не нашлось. Только за окном, в сгустившейся ночи, было слышно, как понемногу утихает дождь... И тут наступила вдруг такая пронзительная тишина, в которой не было места ни василевсам, ни патриархам, ни свиткам, ни кодексам — ничто уже не гудело и не шелестело, не кричало и не стонало, никому не было дела до Никиты, да и его всё сразу вдруг перестало волновать.

«Вот это, наверное, и есть смерть, — решил Никита. — А где же тогда адское пламя? О, вот и оно — округлые буковки пляшут по этому проклятому папирусу, плющатся, заостряются, съёживаются огненными завитушками. Как красиво оно разгорается, как завораживает! Слепит, подступает к волосам... Ай-ай, жжётся!» — Тут Никита проснулся, и прямо перед глазами его действительно пылал огонь.

На столе трескучим костром догорал древний свиток с «Деяниями Андрея», которые Никита так и не успел дочитать до конца. В языках пламени Никите померещились было седые извивающиеся локоны, но он тут же опомнился и, в ужасе вскочив, принялся его тушить. От свитка осталось обугленное крошево — ни одной строки не уцелело.

«Надо бежать отсюда скорее, — твёрдо решил Никита. — Куда угодно. Но лучше всё же морем. В Македонию, а оттуда в Элладу, на Пелопоннес!»

ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ

ПАТРЫ АХЕЙСКИЕ

1. УВЕРЕНИЕ ЛЕСБИЯ И МИЛОСЕРДИЕ ТРОФИМЫ

У берегов Македонии море волновалось куда сильнее, чем тогда в Пропонтиде, когда отчаливал он от Перинфа, и это стало ясно сразу на выходе из Геллеспонта. Только что зажатое между двух берегов, словно река, море вдруг выбилось на волю, распахнулось во все стороны, обнимая рассыпанные чьей-то щедрою рукою острова.

А уже из Македонии отправилось вместе с ним множество народу: не уместились все на один корабль, так что радушным фессалоникийцам пришлось нанимать и второй, причём каждый пытался сесть именно на тот корабль, на котором плыл он, желая послушать его речи, чтобы даже и среди волн не лишаться Слова Божия. Тогда он решил так:

— Я понимаю ваше желание, возлюбленные чада, но корабль этот слишком мал для всех вас. Поэтому пусть ваши рабы с поклажей сядут на большой корабль, а вы, так уж и быть, оставайтесь на этом, поменьше.

И дал он в утешение тем, кто пересел на другой корабль, ученика своего Анфима, но и тот корабль шёл с ними рядом, привязанный канатом, так что в итоге все видели его и внимали Слову Божию.

Как-то один из спутников задремал на корме и лёгким порывом ветра был сброшен в море. Спал и Андрей. Но бдительный Анфим тут же разбудил его:

— Помоги, наш добрый учитель! Утонул один из твоих рабов.

Проснувшись, апостол утихомирил ветер, а когда тот совсем стих и море успокоилось, то выпавший за борт человек послушною волной был возвращён к кораблю. Схватил его за руку Анфим и поднял на палубу, и дивились все силе апостола, ибо даже море повинуетя ему. И вот, на двенадцатый день плавания пристали они к Патрам Ахейским и, сойдя с корабля, стали искать себе пристанище.

Многие горожане стали приглашать апостола к себе домой, но тот отказывал всем наотрез:

— Жив Господь, не пойду я ни к кому, если только не прикажет мне Бог мой.

Проспав ночь на берегу накрытый от дождя парусом, он так и не получил никакого откровения. На другую же ночь, когда грустил он об этом, слышался голос, звучавший как бы отовсюду:

— Андрей, Андрей! Я всегда с тобою и нигде не оставлю тебя!

Услышав эти слова, он прославил Бога, а наутро получил и знамение: один из первых граждан Патр по имени Сосий находился уже у смертельного порога, но Андрей, услышав об этом, исцелил его и поселился у Сосия дома.

Молва об этом разнеслась по всему городу. Передавали из уст в уста, что прибылде в Патры некий чужеземец, скромный на вид старик, и нет с ним ничего — ни вещей, ни книг, ни сокровищ — одно только имя некоего Иисуса, которое он всегда несёт с собой и которым творит знамения и чудеса, воскрешает мёртвых, очищает прокажённых, изгоняет бесов, и бежит от этого имени всякая болезнь.

Дошла эта молва и до самого проконсула Лесбия и смутила его, одержимого языческим заблуждением.

— Колдун он и обманщик, этот ваш Андрей! — гневно сказал он своим прислужникам. — Не слушайте его, а

лучше бы искать нам благоволения у наших старых добрых богов. А этого смутьяна нужно схватить и убить.

Так и решили. Но наутро нашли слуги проконсула недвижимым и безгласным. Когда же он через несколько часов немного пришёл в себя и смог повернуть языком, то позвал своих верных воинов и со слезами прошептал им:

— В эту ночь явился мне ангел Господень во всём своём величии и сказал мне грозно: «Что тебе ужасного сделал чужестранец Андрей, чтобы ты так ополчился на него и презрел Бога, Которого он проповедует? И вот теперь рука Господа Бога его на тебе, и будешь ты бездвижен, пока не познаешь истину через гонимого тобой Андрея». И было слово ангела быстрее мысли — и поразило оно незримо меня. О, сжальтесь надо мною! Разыщите же скорее в городе этого чужестранца по имени Андрей, который проповедует какого-то чужого Бога, и приведите его ко мне. От него познаю я истину и спасусь от своей страшной болезни.

Слуги Лесбия немедленно бросились в город и нашли блаженного Андрея, проповедовавшего на площади. Привели они его к проконсулу, и, войдя в его спальню, увидел апостол, что лежит он с закрытыми глазами, словно мёртвый. Ткнув его в бок, приказал ему Андрей:

— Встань и поведай нам, что с тобой случилось, но только ничего не скрывай.

А тот, словно и не обмирал, ответил Андрею:

— Я возненавидел путь, которому ты учишь, и послал воинов на кораблях к проконсулу Македонии, чтобы он передал тебя мне, дабы осудить тебя на смерть. Но, потерпев кораблекрушение, они так и не смогли выполнить приказа. И когда пребывал я в намерении уничтожить тебя, явились мне два чёрных эфиопа, которые стали бить меня бичами, приговаривая: «Не будет у нас больше здесь власти, потому что идёт

человек, которого ты думал преследовать. И сей же ночью, покуда мы ещё в силе, отомстим мы тебе». И, сильно избив меня, они удалились восвояси. Божий человек, чужестранец, знаешь ты чужого Бога, пожалей же человека заблудшего, человека, далёкого от истины, человека, покрытого струпьями прегрешений! Сжался над человеком, который знает множество ложных богов, а единого Истинного Бога не ведаёт! Молю я твоего Бога протянуть мне руку помощи, открыть мне дверь познания, зажечь мне свет праведности!

Сокрушился от этих слов ученик Кроткого и Смиренного, прослезился и, возведя очи к небу, возложил свою правую руку на тело страждущего и стал молиться:

— Единый Боже Иисусе Христе, прежде не ведомый миру, а ныне являющийся через нас, Бога Отца Сын и единосущное Слово, прежде всех сущий и во всех действующий, коснись раба Твоего Лесбия Своей невидимой и спасительной рукою, сделай его Своим избранным сосудом, исцели его как внутренне, так и внешне, чтобы он был наконец сопричислен к овцам Твоего стада и стал проповедовать действенную силу Твою.

Сказав так и взяв проконсула за руку, Андрей тотчас поднял его на ноги. Не ожидал Лесбий столь скорого и полного исцеления, так что уверовал немедленно и стал исповедовать Бога, благодаря апостола:

— Поистине, о чужестранец, Бог, Которого ты проповедуешь, — единственный совершенный, и нет для Него ни часов, ни дней, ни лет. А посему присоединяюсь я отныне к тебе всем своим домом и верую в Того, Кто послал тебя к нам!

— Ты жаждал истины, — отвечал ему Андрей, — а теперь уверовал в Пославшего меня, а если уверовал твёрдо, то сполна познаешь её.

И узнал весь город об этом чуде исцеления и особенно о чуде обращения некогда закоренелого язычника Лесбия, и отовсюду стали стекаться толпы, неся своих немощных и охваченных различными болезнями. Молясь о них и призывая спасительное имя Господа Иисуса, возлагал Андрей свои руки на каждого из них — и тут же все исцелялись. Охваченные изумлением, горожане не могли удержаться от громких воплей и благодарили Господа, как могли.

— О, как же велика сила чужого Бога! — кричал один из исцелённых, пробегая по улицам города. — Велик Тот Бог, Которого проповедует чужестранец Андрей! Великие и чудные чудеса сотворил Он!

С этими словами выхватил он из кузницы огромный молот и, исполнившись неимоверной силы, ринулся на статуи богов, расставленные кругом. Вслед за ним ворвались в языческие храмы и другие горожане и стали крушить их кто чем мог, жечь и сбрасывать наземь безгласных идолов. Не смогли они тогда помочь своим служителям, и разбежались те в разные стороны, а кое-кто из жрецов, увидев бессилие своих богов, даже обратился к истинному Богу. Множество кумиров было в тот день разбито на мелкие кусочки, а толпа в небывалом воодушевлении топтала их и крошила в пыль. Только одного Бога — Бога Андрея — все призывали и величали в Патрах.

Проконсул Лесбий, увидев, что творится в городе, обрадовался и послал своих солдат со стенобитными машинами, чтобы те сломали ещё несколько идольских храмов и алтарей. Весть об этом событии не могла не дойти до цезаря, которому донесли, что его проконсул в Ахее поддался на уловки иудейского проповедника, рассказывающего небылицы о распятом сыне плотника, но самое главное — что Лесбий позволил толпе осквернить его, цезаря, статую. Тогда участь Лесбия была решена: прежде всего, его отстранили от власти и

лишили сенаторского достоинства, а немного спустя преемником ему был послан жестокий и самовластный Эгеат.

Другой, более суровый указ императора несколько задержался в пути, так что первым делом, с радостью приняв своё отстранение, Лесбий пришёл к блаженному Андрею и говорит ему:

— Наконец-то избавился я от никчёмной своей славы и отринул всякую суету — и теперь ещё горячей моя вера в Господа. Так возьми же меня себе в спутники, о человек Божий, прими меня, верного, ибо хочу я быть с верными и свидетельствовать всем людям об общем нашем Спасителе — Христе!

Была же некогда у Лесбия наложница по имени Трофима, бывшая его рабыня, но уже давно выдал он её замуж за одного своего вольноотпущенника, а сам сочетался законным браком со знатной и богатой Каллисто. И присоединилась в эти дни Трофима к апостольскому учению, мужа своего язычника бросила и часто приходила в дом проконсула, где постоянно учил апостол Андрей. Разгневанный муж Трофимы пришёл к Каллисто, своей госпоже, и нажаловался ей на жену:

— Трофима моя взялась за старое — снова по рукам пошла да к мужу твоему проконсулу вернулась. Приметь, сколько времени проводит она на его половине. А законное супружеское ложе совсем презрела!

Разгорелась тогда ревностью Каллисто:

— Вон оно что... Вот почему уже целых семь месяцев не приходит он ко мне на ложе. Оказывается-то, развлекается со своей бывшей наложницей!

И вызвала тут Каллисто своего прокуратора — распорядителя семейного имущества — и поскольку имела ещё полную власть над Трофимой, то приказала присудить её к проституции. В тот же день отвели её насильно в публичный дом и передали его содержателю,

Лесбию же ничего о том не сказали, а когда спросил он, куда пропала Трофима, то жена только рассмеялась в ответ.

Оказавшись в лупанаре, Трофима, по заповеди апостольской, непрестанно молилась, а когда пришли к ней похотливые клиенты, то прикрыла свою обнажённую грудь святым Евангелием — и никто из них не смог приблизиться к ней, потому что некая таинственная сила не давала им пошевелинуться. Но один из развратников, самый бесстыдный, распалившись, набросился на Трофиму, чтобы овладеть ею, содрал с неё одежду и, борясь с несчастной женщиной, уронил Евангелие на грязный пол. Зарыдала тогда Трофима и воздела к небу руки:

— Не попусти же мне оскверниться, Господи! Ради имени Твоего возлюбила я целомудрие!

И тотчас явился грозный ангел и поразил нечестивого юношу смертью. Упал он бездыханный к её ногам, а она, ободрённая этим знамением, благословила и прославила Господа, Который не допустил глумления над ней. Но сжалилась Трофима над юношей и воскресила его, и весь город сбегался посмотреть на это чудо.

А жена проконсула, ни о чём не подозревая, отправилась в баню вместе со своим приказчиком. И когда мылись они вместе, явился им вдруг чудовищнейший бес и поразил их в самое сердце, так что оба скончались на месте в страшных муках. Тут поднялся великий стон, и сообщили проконсулу, что жена его вместе с приказчиком внезапно умерла. А блаженный Андрей, услышав об этом, объявил собравшемуся у бани народу:

— Смотрите, возлюбленные мои чада, как могуществен враг. Сначала приговорила Каллисто Трофиму за её целомудрие к проституции, но теперь настал Божий суд — и наказана мать семейства,

отдавшая свою рабыню на поругание: только что, развлекаясь в бане со своим прокуратором, была она поражена, упала и умерла.

Не успел апостол договорить, как вынесли к нему старую кормилицу покойной Каллисто. У той уже не было сил ходить, и носили её на руках, и вот теперь в разодранных одеждах и с великим плачем положили её к ногам Андрея.

— О возлюбленный ученик Божий! — заголосила кормилица. — Знаем все мы, что, о чём ни попросишь ты у своего Бога, всё Он тебе даст. Сжался же, молю, над моею немощью и воскреси нашу милую Каллисто!

Посочувствовал тогда Андрей слезам старухи, но решил сначала испытать Лесбия.

— Хочешь ли, — спросил он его, — чтобы воскресла твоя жена?

— Нет! Недостойна она жизни, ибо допустила в моём доме нечестие и злобу.

— Не говори так, — оборвал его Андрей. — Нам следует миловать просящих, если сами хотим удостоиться милосердия от Бога.

Махнул на это рукой проконсул и отправился к себе в преторий, а святой апостол велел выставить посреди площади перед баней тело Каллисто и, подойдя к нему, помолился втайне: «Прошу Тебя, Милостивый Господи Иисусе, пусть воскреснет эта женщина, и узнают все, что Ты Господь Бог, единственный милосердный и справедливый — единственный, Кто не допустит гибели невинных», — после чего коснулся головы женщины и воскликнул:

— Встань во имя Иисуса Христа, Бога моего!

И тотчас же воскресла Каллисто, а затем, вспомнив о своих поступках, опустила от стыда лицо своё в землю, плача и стеля.

— Затворись в своей спальне, — сказал ей Андрей, — молись там втайне, пока не укрепит тебя Господь.

— Для начала помириться бы мне с Трофимой... Столько зла я ей причинила!

— Не бойся, Каллисто, не помнит Трофима твоего зла и не жаждет мести, но лишь благодарит Бога за всё, что с ней случилось.

И позвав Трофиму, примирил их Андрей с воскресшей женой проконсула. А сам Лесбий настолько преуспел в вере, что, подойдя однажды к апостолу, исповедал ему все свои грехи. Ответил ему на это святой апостол:

— Благодарю я Бога за то, что убоялся ты будущего Суда. Но води себя мужественно и утверждайся в Господе, в Которого ты веруешь, — и, взяв его за руку, пошёл гулять с ним по берегу моря.

Устав от долгой прогулки, сели все, кто был тогда с Андреем, на песок вокруг него и стали слушать Слово Божие. И вдруг море выбросило к ногам апостола чьё-то мёртвое тело. Покойник был недвижим и безгласен, а потому не мог рассказать, кто причинил ему смерть. Тогда Андрей возликовал, ибо представился ещё один случай для воскрешения человека и прославления Господа.

— Давайте же узнаем, отчего он погиб, — сказал апостол и, произнеся молитву, поднял утопленника за руку, а тот ожил и заговорил.

— Прикройте же мою наготу! — первым делом попросил он, а когда дали ему тунику, начал свой рассказ: — Ничего я от тебя не скрою, кто бы ты ни был, о человек. Я Филопатор, сын Сострата, македонский гражданин, недавно прибыл из Италии. Когда я вернулся домой, то услышал, что появилось новое учение, которого никто из людей прежде не слышал, а ещё — что знамения, чудеса и великие исцеления творятся проповедником этого учения, и сам он называет себя учеником Божиим. И вот, узнав об этом, я решил поскорее увидеть этого великого учителя. Через

кого, как не через Самого Бога, творит он такое? И когда плыл я вместе со своими рабами и друзьями к Патрам Ахейским, внезапно поднялась буря, море разбушевалось и накрыло нас волнами. О, если бы выбросило нас вместе, то воскресил бы ты их сразу всех, как и меня!

Рассказав о своих злоключениях, взволновался Филопатор сердцем и понял, что воскресивший его муж и есть тот апостол, которого он искал, поэтому припал со слезами к его ногам:

— Вижу я, что ты раб Бога истинного! Прошу я за тех, кто был со мной: пускай и они благодаря тебе удостоятся жизни, пусть познают Бога истинного, Которого ты проповедуешь!

Тогда блаженный апостол, исполнившись Духа Святого, стал непрестанно проповедовать ему Слово Божие, так что весьма удивился юноша его учению и, протянув к нему руки, попросил:

— Вызови, пожалуйста, сюда и остальных утопленников, чтобы и они познали истинного и единственного Бога.

Только он сказал это, как выбросили волны на берег ещё тридцать девять трупов, — и зарыдали все присутствовавшие вслед за юношей, увидев столько покойников, и стали умолять апостола, чтобы немедленно воскресил он и этих несчастных.

— Мой добрый родитель, — поведал Андрею Филопатор, — обеспечил меня большими деньгами, снарядил целый корабль и отправил меня сюда. Как же теперь я расскажу ему, что всё его богатство утонуло! Ведь проклянет он теперь твоего Бога и отвергнет Его учение... Можно ли сделать как-нибудь так, чтоб не случилось этого?..

— Воскресим сначала твоих спутников, — сказал Андрей и велел собрать в одну кучу все тела,

разбросанные вдоль берега, а затем спросил Филопатора: — Кого воскресить тебе первым?

— Вара, моего молочного брата.

— Хорошо, начнём с Вара. — И преклонил Андрей колени, воздев к небу руки. — Добрый Иисусе, воскреси сего мертвеца, который был вскормлен вместе с Филопатором, дабы познал он Твою славу, и да прославится имя Твоё среди всех народов!

Тотчас воскрес юноша, и удивились все, кто присутствовал тогда на берегу. Апостол же снова произнёс над каждым молитву:

— Прошу Тебя, Господи Иисусе, чтобы воскресли теперь остальные из тех, кто был принесён из пучины морской, — и приказал братьям, чтобы каждый, взяв по мертвецу, сказал ему: «Воскрешает тебя Иисус Христос, Сын Бога живого!»

Когда же это было исполнено, то воскресли оставшиеся тридцать восемь утопленников — и прославили все Бога: «Нет подобного Тебе, Господи!» А Лесбий преподнёс Филопатору множество подарков со словами:

— Пусть не печалит тебя потерянное богатство, только не удаляйся от раба Божьего.

И Филопатор с тех пор всегда сопровождал апостола, внимая всему, что тот говорил.

Пока ходил Андрей с учениками вдоль берега моря, проповедовал и воскрешал мертвецов, присоединилась к ним одна коринфянка, которая была наслышана о чудесах апостола и пришла к нему за помощью. Каллиопа, сестра этой женщины, незаконно сошлась с убийцей и зачала от него. Когда же ей пришло время родить, она стала страдать от тяжких болей и никак не могла произвести ребёнка на свет.

— Сходи, пожалуйста, в храм и призови богиню Артемиду-Илифию, чтобы та пощадила меня, ведь владеет она повивальным искусством.

Так и сделала её сестра, но явилась ей той же ночью дьяволица, которую почитали они за великую богиню, и заревела:

— Зачем ты призывала меня? Чем я могу тебе помочь? Бессильна я в повивальном искусстве. Ступай-ка лучше к апостолу Божьему Андрею, который бродит сейчас по Ахее, — пусть он и пожалеет твою Каллиопу.

Ведомая Господом, нашла сестра Каллиопы блаженного апостола, и тот без промедления выдвинулся в Коринф со многими своими учениками, последовал за ним и проконсул Лесбий. Вошли они в спальню несчастной Каллиопы и увидели, как жестоко страдает она от болей и никак не может разрешиться от бремени.

— Поделом тебе, — посетовал Андрей, взяв женщину за руку, — ибо и замуж ты вышла напрасно, и зачала неправедно от человекоубийцы — вот и мучишься теперь невыносимо. Хуже всего, что обратилась ты за помощью к бесам, которые не только тебе, но и самим себе не могут помочь. Уверуй же в Иисуса Христа, Сына Божия, и произведи на свет младенца. Но выйдет он мёртвым, увы, ибо незаконно ты его зачала.

Уверовала после этих слов роженица и, когда вышли все из её спальни, тут же родила мёртвого ребёнка, освободившись от своих мучений.

2. КОРИНФ И ВОЗВРАЩЕНИЕ В ПАТРЫ

Множество знамений и чудес сотворил блаженный Андрей в Коринфе, так что прослышал о них Сострат, отец Филопатора, и было ему указано в видении посетить апостола и увидеться с сыном. Обошёл он всю Ахею и обрёл апостола лишь в Коринфе, узнав его, когда тот прогуливался по городу вместе с Лесбием и другими

своими учениками. Узнал же его Сострат потому, что именно таким предстал ему в видении Андрей.

— Пощади меня, пожалуйста, — кинулся он в ноги апостолу, — как пощадил ты моего сына!

Обрадовался Филопатор, увидев отца, и говорит Андрею:

— Это мой отец. Теперь и он хочет знать, как ему дальше жить.

— Знаю, Филопатор, что ради познания истины прибыл он к нам. Возблагодарим же Господа нашего Иисуса Христа, Который соглашается явить Себя верующим!

И тут Леонтий, раб Сострата, говорит тихо своему господину, указав на апостола:

— Погляди, как сияет лицо этого человека!

— Вижу, дорогой, вижу. Давай же будем следовать за ним повсюду и слушать от него слова о жизни вечной.

А на следующий день преподнёс он апостолу множество даров, но отказался от них Андрей:

— Не следует мне принимать что-либо от вас, разве только вас самих сделать своей прибылью, когда уверуете вы в Иисуса, Который послал меня благовествовать в этом месте. Если бы жаждал я денег, то нашёл бы кого побогаче Лесбия и ещё сильнее обогатился бы. Вы же дарите мне лишь то, что поможет вашему спасению.

Ещё через несколько дней приказал Андрей приготовить себе баню и, когда вошел туда помыться, увидел там старика, одержимого бесом и потому сильно трясущегося. Пока дивился он старику, выскочил к нему из бассейна юный мальчик весьма соблазнительного вида и обвинил вокруг его ног со стоном:

— Что тебе до нас, Андрей? Зачем ты пришёл сюда? Чтобы согнать нас с насиженных мест?

Отцепил тогда Андрей от себя одержимого мальчика и сказал народу:

— Не бойтесь этих бесов, а верьте в Иисуса, Спасителя нашего!

И когда все воскликнули: «Веруем!» — прикрикнул он грозно на бесов, топнул в сердцах ногой — и тут же вылетели они из тел старца и юноши. И теперь, моясь в очищенной от бесов бане, поучал апостол так:

— Враг рода человеческого устраивает засады везде, но особенно в купальнях и в реках, где гнездятся зримые и незримые змии. И поэтому призывайте постоянно имя Господне, чтобы тот, кто хочет поймать вас в свои сети, не имел над вами никакой власти.

Увидев, что апостол учит и чудотворит в общественной бане, всё больше и больше горожан стекалось к нему, неся с собой больных, а уводя — здоровых. Приходили в Коринф с недужными и из соседних городов — и все немедленно исцелялись по молитве апостола и с большой охотой слушали Слово Божие.

И вот пришёл однажды за помощью к Андрею странного облика старик по имени Николай: вида он был вполне жизнерадостного и казался полным сил, но одежды на нём были разодраны, а лицо исцарапано.

— О раб Божий Андрей! — обратился он к блаженному апостолу. — Вот уже семьдесят четыре года живу я на свете, а всё никак не могу позабросить свои скверные дела: не успокаивается плоть моя, всё тянет и тянет меня на блуд, так что постоянно несёт меня по публичным домам, где днями и ночами напролёт развлекаюсь я со шлюхами. Бегу, бывало, к ним сломя голову, а потом еле жив возвращаюсь. Но сегодня третий день, как слушаю я твои проповеди и наблюдаю за твоими чудесами, — и вот что мне подумалось от слов твоих, полных жизни: дай-ка оставлю наконец свои мерзости, да и приду к тебе, чтобы указал ты мне путь к жизни вечной. Целых три дня воздерживаюсь я от блуда! Но пока рассуждал я так да раздумывал, пришла

ко мне противоположная мысль — забыть о благе и продолжать блудить. Боролись во мне две эти мысли, отчего чуть не помутился я рассудком, но схватил я тут Евангелие и помолился Господу, чтобы Он хоть когда-нибудь помог мне забыть об этих мучениях (а свиток с Евангелием повесил себе на шею и позабыл о том). Немного полегчало. Но снова потянуло меня на блуд, и снова воспламенился я от развратного помысла и отправился в лупанар. Только хотел я прикоснуться к блуднице, как оттолкнула та меня: пошёл вон, старик, ты ведь ангел Божий; не касайся, мол, меня и не входи сюда больше, ибо вижу я-де в тебе великое таинство. Какой такой ангел? Что за таинство? И только тут я вспомнил, что висит на мне до сих пор Евангелие, и это, конечно, оно не подпускало ко мне блудницу. Тогда выбежал я из лупанара и явился пред твои очи, раб Божий, чтоб пощадил ты меня и очистил от моих заблуждений. Очень уж не хочу я своей душе погибели... Помолись, пожалуйста, обо мне!

Услышав этот подробный и удивительный рассказ, блаженный Андрей стал много говорить против блуда и прелюбодеяния, а затем пал на колени, распростёр руки и стал молча молиться, издавая глухие стоны и роняя жгучие слёзы, и продолжалась его молитва с шестого часа дня до девятого. А затем он решительно поднялся, умыл лицо и не захотел ничего принимать из пищи.

— Не съем ни кусочка, — сказал апостол, — пока не узнаю, помилует ли Бог этого человека, сопричислен ли он к спасённым.

Весь следующий день провёл блаженный Андрей в совершенном посте, но так и не получил никакого откровения о блудливом, но раскаявшемся старике. И второй, и третий, и четвёртый день не вкушал он пищи, а на пятый — заплакал горько и воскликнул:

— Господи! Мёртвых ты милуешь, но вот перед Тобой — живой человек, который желает познать Твои чудеса.

Почему бы не исцелить его Тебе?

— О Андрей! — раздался голос с небес. — Получишь ты награду для старика. Но как выпрашивал ты её для него, так пусть он и сам поусердствует. Как не попоститься ради собственного спасения!

Возблагодарил тогда Андрей Господа и, призвав блудливого старика, строго-настрого приказал ему воздерживаться. А на другой день собрал блаженный апостол своих учеников и попросил всех помолиться за старика. Простёршись ниц, стали они молиться:

— Господи милостивый, милосердный, отпусти этому человеку его прегрешения!

После этого Андрей и сам поел, и другим разрешил вкусить пищи, ибо они тоже решили поститься. Николай же, вернувшись домой, всё, что у него было, раздал нищим и изнурял свою плоть ещё шесть месяцев: сидел на одной воде и сухом хлебе. Как только исполнил он должное покаяние, так и покинул сей мир. Не знал о том Андрей, потому что ушёл уже из Коринфа и учил в Спарте, но услышал он в тот миг голос:

— Ликуй, возлюбленный Мой Андрей, ибо Моим стал Николай, за которого ты ходатайствовал.

И воздал тогда апостол благодарение Господу, и поведал братьям, что Николай переселился из бренного тела в жизнь вечную, и заповедал им молиться, чтобы упокоился тот в мире.

Пришёл к Андрею в Спарту некий Антифан, мегарский гражданин, и говорит ему:

— Если есть в тебе, о блаженный Андрей, хоть капля доброты, согласно заповеди Спасителя, Которого ты проповедуешь, то яви её — освободи мой дом от козней, которые его мучат. Ибо вот он — в сильном смущении...

— Что же случилось с тобой, о человек по имени Антифан, мегарский гражданин?

— Горе мне, горе! — возопил Антифан. — Когда вернулся я домой из путешествия и ступил на порог

своего атриума, то услышал, как жалобно звучит голос моего привратника (а он у меня никогда не отличался какой-либо жалобностью!). А когда я спросил у домочадцев, почему это он так стонет, то рассказали мне, что сам он вместе с женой и сыном тяжело поражён бесом. Поднялся я тогда в верхнюю часть дома и увидел других рабов: они дико скрежетали зубами и бросились на меня с безумным хохотом. Убежал я от них и поднялся ещё выше — туда, где лежала моя супруга, которую они зверски избили. Она была так измучена тягостным беспамятством, что растрепала волосы и опустила их себе на глаза, так что ничего не видела вокруг и даже меня не признала. Пожалуйста, молю тебя, блаженный Андрей, её одну верни мне — остальных не жалко!

Нахмурился в ответ святой апостол, но, движимый милосердием, сказал:

— Ну уж нет, всех исцелю, ведь нет лицепрятия у Бога, Который затем и пришёл, чтобы спасти всех погибающих. Что ж, братия, пойдёмте-ка к нему домой.

И вот, покинули они все Спарту и прибыли в Мегару, а когда ступили на порог Антифанова дома, то все бесы переполошились и тотчас заверещали в ужасе:

— Что тебе до нас и до сего места? Зачем ты нас, о святой Андрей, преследуешь? Зачем приходишь в дом, не тебе предназначенный? Распоряжайся-ка лучше тем, что твоё, а туда, где наша власть, не суйся.

Но несколько не смутился святой апостол, а спокойно поднялся в спальню, где лежала избитая женщина, и, сотворив молитву, взял её за руку со словами:

— Исцеляет тебя Господь Иисус Христос! — И встала женщина с постели, и благословила со слезами Бога.

Подобным же образом возложил он руку на каждого, кто был поражён бесами, и всем вернул здоровье, так

что сделались Антифан и его жена надёжнейшими его помощниками в проповеди Слова Божия.

И так проповедовал блаженный Андрей Слово Божие по всей Ахее, а Лесбий, окончательно забросив все свои дела в претории и даже не дождавшись преемника своего Эгеата, следовал за апостолом и его учениками от одного города к другому, терпел вместе с ними все лишения, истоптал в клочья свои сандалии и отшвырнул их прочь.

Заночевав как-то в горах в окружении своих учеников, увидел Андрей во сне Самого Христа — или было это наяву, но никто другой не видел Его, так что казалось, что всё это сон, — и говорит Христос Своему ученику:

— Брат Мой Андрей, ждёт твоего Лесбия ссылка, мучение и смерть. Так пусть же умрёт он славно! Возложили вы на него Дух от своей благодати, и пусть он покуда проповедует сам, не тобой ведомый, но ведя ко спасению свою новую паству. А ты — ты следуй за Мною, ибо иду Я в Патры. Возьми свой крест и спеши туда, ведь скоро оставишь ты земную жизнь.

Проснувшись, апостол сразу же рассказал о своём видении спутникам. А Лесбий, узнав, что предстоит ему разлука с учителем, впал было в уныние, но Андрей утешил его и благословил, сам же повернул на Патры и к вечеру прибыл в город, где ожидали его великие дела.

Жена нового ахейского проконсула Эгеата по имени Максимилла узнала к этому времени об апостоле и совершённых им чудесах и подослала к нему свою верную служанку Ифидаму, чтобы та лично всё увидела и услышала и смогла бы сама поговорить с Андреем. И вот, пришла Ифидама в дом Сосия, ученика блаженного апостола, у которого тот остановился, и, заручившись его поддержкой, сумела поговорить с Андреем, а затем рассказала своей госпоже обо всём, что увидела и услышала.

Через некоторое время Максимилла тяжело заболела, и все самые опытные врачи не справлялись с её лечением. Тогда жена проконсула вновь послала к Андрею свою служанку, но на сей раз — чтобы та привела его к ним в дом. Апостол поспешил на помощь болящей, а когда вошёл к ней в спальню, то обнаружил её в полном отчаянии, а рядом стоял Эгеат с обнажённым мечом, готовясь убить себя в тот миг, когда умрёт его жена. И говорит ему Андрей кротко:

— Как сказал Иисус, «возврати меч твой в его место, ибо все, взявшие меч, мечом погибнут». Призови же имя Господа Бога неба и земли — и тогда, уверовав в Него, спасёшься!

Но тот стоял молча и ничего не отвечал. А слугитель истинного Врача душ и телес возложил свою руку на голову Максимилле и, словно послушной рабыне, приказал горячке:

— Отступи, болезнь, от этой женщины!

И тотчас та пропотела, освободившись от тяжести болезни, и встала, славя Бога за неожиданное исцеление, а затем приняла пищу, и многие присутствовавшие при этом чуде уверовали в Господа. Однако сам проконсул, увлечённый языческим обманом, не захотел слушать божественные слова, но отнёсся к апостолу как к обычному врачу и приказал выдать ему плату в тысячу золотых.

Тот же не согласился взять что-либо от него, но отвечал:

— Пусть эта награда останется у тебя, ведь она достойна тебя, а моя награда скоро придёт ко мне, — имея в виду при этом Максимиллу, но никто тогда этого не понял.

Когда выходил из дома Эгеата блаженный апостол, утомлённый старостью, поддерживали его верные ученики, ведь был он уже глубоким старцем, исполненным дней. Выйдя же оттуда, божественный

апостол встретил семью слепцов — мать вместе с сыном и отцом. Коснувшись их глаз, он тотчас заставил их прозреть, так что они стали обнимать его ноги, воссылая Богу благодарственные возгласы. Видя эти необычайные чудеса, народ был глубоко поражён, и множество верующих пришли в тот день ко Господу.

Тут какие-то люди подошли к Андрею и попросили его дойти до гавани, где ещё один патрский гражданин, из знатных, благородный и знаменитый, оказался, как они сказали, обезображен проказой и брошен на помойную кучу. Прохожие швыряют ему куски хлеба, как псу, не отваживаясь приблизиться к нему, ибо он с ног до головы покрыт страшными язвами. Весь город собрал денег ему на лечение, и много обещали врачам за его исцеление, потому что был он сыном одного известного судовладельца, но так и не смог он получить ни от кого никакого, хотя бы малого, утешения. Узнав, что сострадательнейший таинник Христов сжалился над несчастным и отправился к нему, многие горожане пошли за ним, чтобы посмотреть, что случится. Лишь один Андрей смог приблизиться к нему, остальные же не выносили зловония, исходившего от его гноя.

— Я пришёл к тебе на гноище, чтобы исцелить тебя, призвав на помощь своего Врача, — сказал ему блаженный апостол.

— Друг мой, — отвечал тот еле слышно, — разве твой Врач — Бог, а не человек?

— Так и есть. И ты действительно будешь спасён, ибо предстанет ныне пред тобою Сам Бог и сгонит тебя с этой зловонной кучи. Его призовут мои видимые возгласы, а их силу ты ощутишь на себе, когда здоровым пойдёшь вместе со мною.

Поразился прокажённый такому смелому обещанию, а святой апостол помолился и снял с недужного всё, что на нём было, — прогнившие лохмотья, которые сочились гноем и другими истекающими из старика жидкостями;

когда же они упали на землю, то в том месте сразу же закишело множество червей. От той кучи, где лежал прокажённый, до моря было совсем недалеко, поэтому Андрей приказал ему встать и идти за ним — к воде. И тот, поддерживаемый силой Господней, встал и без посторонней помощи пошёл с апостолом, и тянулись за ним мокрые зловонные следы, потому что вытекало из него много жидкости. А когда оба оказались у берега моря, сказал ему апостол:

— Сейчас я омою твоё тело, чтобы стало оно здоровым, а душу свою ты сам омоешь, — и окунул его в море.

А когда они вышли на сушу, то прокажённый оказался совершенно здоров, и на теле его не было ни пятнышка, ни струпа, ни язвы, ни раны — всё оно стало невредимо и полностью очистилось. Увидев его, все пришли в изумление и громким голосом прославили Бога прямо на берегу, так что проконсулу сразу же донесли о случившемся.

После чудесного исцеления апостол попросил дать бывшему больному плащ, но он не взял его, а, охваченный радостью, стал, как есть, голым бегать с воплями по городу: пусть, мол, смотрят все сограждане, что с ним теперь стало. Поднявшись на агору, он закричал:

— Благодарю Тебя, Боже, за то, что послал мне Своего человека! Благодарю Тебя — единственного, Кто помиловал меня, тогда как все люди отчаялись меня спасти. Ты один сжалился надо мною — над тем, к кому никто не отваживался подойти, а теперь пусть все подходят и глядят на меня во славу Твою!

Долго он ещё рассказывал о своём исцелении, носясь голышом по улицам и площадям, и лишь тогда согласился одеться, когда подошёл к нему апостол и вразумил его. Взяв плащ и одевшись, он тут же

последовал за Андреем. Все вокруг ясно видели, что стал он здоров, и не переставали поражаться тому.

И вот, всем Патрам стало известно об исцелении прокажённого, и сбежался народ туда, где учил блаженный Андрей, чтобы получить от него спасения.

И каждому воздал он по достоинству, и проповедовал так, чтобы каждый его понял. Очень много было приходящих, которым, получив дерзновение от Бога, он незамедлительно рассказывал о пришествии в мир Слова. Наставляя людей словом истины и благодати, оглашая их множеством увещаний и вразумлений и возлагая с призыванием Христова имени руки на всех немощных и больных, он тут же исцелял и излечивал их. Царила в Патрах и всей округе величайшая радость, и много денег приносили подателю вечных благ и таиннику Христову, но он через своих учеников раздавал их сиротам, вдовам и прочим нуждающимся, ничего из них сам не тратя, если только не случалось неотложной необходимости.

3. ПОБИВАНИЯ И ПРОРИЦАНИЯ

Был у Эгеата юный брат по имени Стратокл, который испросил разрешение у цезаря не служить в войске, потому что хотел изучать философию, и для того прибыл из Италии в Патры. Весь преторий взволновался из-за его приезда, да и сам Эгеат его уже очень давно не видел, а потому весьма обрадовался появлению брата. С великой радостью встретила Стратокла и Максимилла: она вышла ему навстречу из своих покоев и на правах хозяйки проводила в дом, — а Стратокл в ответ, как и было принято, приступил к исполнению своих дружеских обязанностей, учтиво обходя и приветствуя всех домочадцев и друзей дома.

Пока Стратокл осваивался в Патрах и навещал соседей, его любимый раб, юный и прекрасный Алкман, был внезапно поражён бесом: он в безумии содрал с себя все одежды, улёгся в отхожем месте и вывалился в нечистотах. Когда вернулся Стратокл в дом Эгеата и увидел это, то горю его не было предела.

— О, лучше бы мне было по пути сюда, — кричал он, — утонуть в пучине морской, чем видеть моего дорогого Алкмана в таком состоянии! Как же я теперь буду находиться рядом с ним, столь безумным и грязным! Нет мне без него никакой жизни! — И Стратокл при этих словах стал бить себя по лицу, расцарапал себе все щёки, взъерошил на голове волосы и со стонами побежал по дому, а слуги его решили пригласить для исцеления Алкмана всяких колдунов.

Услышала тогда Максимилла о несчастье Стратокла, вышла из своих покоев и, смутившись сама, говорит ему:

— Не волнуйся так, брат, за своего любимца: скоро он будет спасён! Поселился в нашем городе один благочестивейший муж, который не только изгоняет бесов, но и исцеляет любую самую отвратительную и ужасную болезнь. Я очень верю в него, — она, конечно, имела в виду блаженного Андрея, — потому что на себе испытала его силу.

Тут и служанка её Ифидама, обняв рыдающего Стратокла, стала заверять его в том же, а сама смотрела, как бы он не наложил на себя руки.

В это время как раз зашёл к Максимилле апостол Андрей со своими учениками: он уже давно договорился о встрече с Максимиллой. Только он переступил порог дома, как тревога овладела им:

— Поспешим же, братья! Какая-то нечистая сила бьётся внутри. — И, вбежав без спроса в комнаты рабов, он увидел, как, весь в пене, корчится на полу обезображенный Алкман.

Вокруг уже собралась плотная толпа, так что Андрею пришлось локтями прокладывать себе дорогу к бесноватому. Слуги Эгеата, знавшие Андрея, с благоговейным поклоном отступали в сторону, словно перед каким-то божеством, а рабы Стратокла, увидев, что сквозь них протискивается какой-то оборванец, надавали ему затрещин — но люди Эгеата тут же уняли их и объяснили, на кого те дерзнули поднять руку.

— Ладно, — успокоились рабы Стратокла, — поглядим, что он сейчас будет делать, — и в ожидании усталились на Андрея.

Тотчас доложили Максимилле о приходе блаженного апостола, и она радостно вскочила с места и бросилась к Стратоклу:

— Иди же погляди, как исцелится твой любимец!

Ободрённый, пошёл он к Алкману и, увидев, что тот окружён огромной толпой, сочинил по этому поводу гексаметр:

Зрелищем стал ты, Алкман, в Ахейские Патры
приидя!

Андрей же, завидев Максимиλλу, сказал ей ласково:

— Вот, чадо моё, самое чудесное и удивительное — взирать на то, как от страшного смятения и глубокого заблуждения обращаются к вере в Бога. Отрадно мне видеть, как излечиваются все те страдания, с коими уже смирились в отчаянии. Смотри же — это и происходит сейчас: стоят приглашённые Стратоклом знахари и колдуны, бессильные перед недугом Алкмана. А знаешь, почему не смогли они изгнать беса из несчастного раба? Потому что сами они охвачены бесами! Знайте же это, люди: ваши чародеи — сущие шарлатаны.

Все стоявшие вокруг подивились словам Андрея, а он продолжил такой молитвой:

Боже, злым колдунам не внемлющий;
Боже, обманщиков не приемлющий;
Боже, чуждых молитв избегающий;
Боже, рабов Своих верных слышащий;
Боже, Своих всегда одаряющий, —
Ныне исполни моё Ты прошение:
Беса сего из раба Стратоклова
Перед народом патрским выгони,
С чем не управились беса сородичи!

И пропищал тогда бес голосом Алкмана:

— Бегу я, бегу отсюда вон, раб Божий Андрей, и не только из этого миловидного юноши бегу, но и совсем из города. Где ты поселился, там нам уж нечего делать!

— Мало мне того, чтоб ты один этот город покинул! — прикрикнул на него Андрей. — Где ступала нога моих братьев-апо-столов, там тоже не смей появляться.

Ничего не ответив, вылетел бес из Алкмана, и тот, схватившись за руку святого апостола, твёрдо встал на ноги и пошёл.

К нему сполна вернулся его разум и членораздельная речь, но что с ним было всё это время, он не помнил, потому и спросил своего господина:

— Отчего здесь столько народу?

— Лучше тебе, милый мой, того не знать, — ответил ему тот. — Довольно с нас и того, что мы только что увидели.

Тут Максимилла взяла за руки Андрея и Стратокла и повела их в свой покой, последовали за ними и прочие ученики. Сев вокруг Андрея, все с замиранием сердца устремили на него свои взоры, дабы он сказал им что-нибудь. Максимилла, по правде говоря, уверовав сама, желала и Стратокла привести к вере и для этого старалась разговорить апостола, ведь смятённый юноша

находился пока под сильным влиянием брата, а тот погряз в богохульстве и презрении ко всему вышнему.

— О дитя моё Стратокл! — начал Андрей. — Прекрасно я вижу, как приведён ты весь в движение из-за всего произошедшего. Знаю я и то, что должен вывести на свет нового человека, покоящегося пока в тебе. Уже само то, что ты в полном недоумении размышляешь о случившемся — как, мол, такое могло быть, — важнейший признак того, что душа твоя пришла в смятение. Признаться, меня радует твоё недоумение, радуют твои сомнения, мне приятно твоё изумление. Разрешишь же чадом, которое носишь! К чему предаваться одним лишь родовым мукам! Знай, что не новичок я, подобно твоим эллинским философам, в искусстве не только повивальном, но и прорицальном. Рождаешь ты то, что мне любо; молчишь о том, что я говорю; а что у тебя сейчас внутри — я воспитаю. Ведь знаю я, кто молчит, и знаю, кто молча желает истины. Уже говорит со мною неслышно твой новый человек; уже видно мне всё то, что терпел он много лет: стыдится он своей прежней веры, горюет о своей прежней жизни, пустыми считает все свои прежние убеждения, недоумеая при этом, какова же настоящая вера, и смело порицает своих прежних пустых богов, и страдает, сделавшись ради учения неугомонным скитальцем, рабом своих привязанностей ко всему внешнему. Что теперь его прежняя философия? Теперь он понял, что она напрасна, видит, что она пуста и низменна! Теперь он знает, что не сулит она его душе никакой пользы. Так что же? Не это ли говорит, о Стратокл, тот человек, который уже выходит из тебя?

— О-о-о... — простонал Стратокл. — О прозорливейший человек! Воистину ты вестник Бога Живого. Теперь уж точно не отступлю я от тебя, пока не познаю самого себя, пока не смогу презреть всё то, в

чём ты обличил меня, — всё, в чём напрасно проводил я доселе время.

Ни днём ни ночью не покидал с тех пор Стратокл Андрея, всё спрашивал и спрашивал его, а получая ответы, успокаивался, наслаждался молча спасительными речами апостола. Отказался он от пирушек с друзьями, но всегда стремился остаться наедине с Андреем, потому что стеснялся беседовать с ним в присутствии кого бы то ни было. Он выжидал время, когда ученики Андрея или занимались своими делами, или спали, и не давал тогда заснуть апостолу своими расспросами, и радовался вновь и вновь его словам. Но однажды сказал ему Андрей:

— Не стоит таить ото всех свои вопросы, о Стратокл. Двойную пользу ты получишь, если поведаешь нашим братьям свои муки, а я буду отвечать тебе при них. Так вернее утвердится в тебе то, чего желаешь ты и ищешь. Это как женщина, которая рождает, — настигают её муки, и некая сила вытесняет её плод наружу. Смотри: все женщины, которые ходят к нам, прекрасно знают о том, для них это совершенно очевидно и вовсе никакая не тайна. Пойми: новорождённый прокричит лишь после того, как накричится его мать. А после родов берутся за младенца повитухи и помогают ему всем необходимым: на то они и посвящены в повивальное искусство. Помни, что и я в нём сведущ. Так и тебе, дитя моё Стратокл, не нужно стесняться выставлять на всеобщее обозрение то, что зачато в тебе. Не отказывайся от помощи своих мамок и нянек — пусть помогают, пусть и они подают тебе добрые советы, спасительные слова, в которых ты так нуждаешься.

В таких беседах Стратокл блаженно проводил время, укрепляясь столь понятными и близкими ему словами, и стяжал твёрдую душу и прочную и непоколебимую веру в Господа. И больше всех радовались этому Максимилла и Ифидама. Исцелённый Алкман также не отступал

более от веры. Ликуя беспрестанно, утверждаясь ежечасно во Христе, благодарные Стратокл и Максимилла, Ифидама и Алкман вместе со многими другими братьями сподобились наконец печати Господней — крестил их блаженный Андрей во имя Отца и Сына и Святого Духа, а по совершении таинства наставил их такой речью:

— Чада мои возлюбленные, сохраните на себе сей знак не запятнанным иными печатями — и похвалит вас Бог и примет к Себе. Сей образ ясно проявится в ваших душах, когда освободятся они от тел, — и тогда силы мучения, власти зла, ужасные правители, огненные ангелы, мерзостные бесы и прочие скверные сущности, чуждые печати света, не вынесут того, что вы их оставили, и побегут прочь от вас, и погрузятся в соприродный им мрак и огонь, и уничтожат себя в столь страшных муках, что и представить себе невозможно. Но если замараете вы сияние ниспосланного вам дара, то втянут они вас в свой хоровод и поглумятся над вами, хохоча и приплясывая. Каждая из этих вражеских сил будет требовать своего, словно некий обманщик и насильник, и тогда нисколько не поможет вам призыв к Богу вашей печати, которую вы осквернили, отступив от Него.

Внимая напутствиям Андрея, новообращённые христиане дивились и ужасались.

— Итак, дети мои, — продолжал апостол, — храните вверенный вам залог. Вернём же его незапятнанным Тому, Кто нам его оставил, и скажем Ему смело, представ пред Ним: «Вот, неповреждённым принесли мы Тебе Твой дар. Что даруешь Ты нам из Своих благ?» А Он тотчас ответит вам: «Дарую Я вам Себя, ибо всё, что есть у Меня, даю Я Своим людям. Если жаждете вы незатухающего света — это Я; если жизни, не подверженной изменению, — это Я; если отдыха от праздных трудов — то Я ваш Отдых; если друга,

дающего не земное, но небесное — то Я ваш Друг; если отца для нуждающихся на земле — Я ваш Отец; если родного брата, который освободит вас от неродных вам братьев, — Я ваш Брат. И если чего-то ещё, более любезного для вас, желаете вы и ищете, то есть у вас Я со всем, что у Меня, и всё Моё — с вами». Именно так, возлюбленные мои, ответит вам наш Господь, и возможна ли более высокая награда?

Когда сказал это Андрей, одни из братьев заплакали, а другие возликовали. Горячее же всех возгорелся душой Стратокл. Став новообращённым, устремился он умом своим ввысь, чтобы оставить всё тленное и прилепиться к нетленному Слову.

4. В СПАЛЬНЕ ПРОКОНСУЛА ЭГЕАТА

Великое ликование царило среди братьев во Христе, дни и ночи проводили они в молитвенных собраниях в претории у Максимиллы, пока проконсул был в отъезде. Так, в один из воскресных дней собрались ученики в его спальне, где слушали проповедь Андрея, но слуги вдруг сообщили Максимилле, что вернулся её муж и вот-вот войдёт в свою спальню. Макси-милла нимало не смутилась этому известию и стала спокойно ждать, что случится, когда застанет здесь Эгеат множество посторонних людей. Понял это Андрей и обратился ко Господу: — Господи Иисусе, пусть не входит в эту спальню Эгеат, пока безбоязненно не выйдут отсюда рабы Твои, собравшиеся ради Тебя. Знай, что Максимилла всегда старается ради нас, чтобы собирались мы здесь и отдыхали. Но раз Ты счёл её достойной стяжать Твоё Царство, то пусть она ещё более утвердится вместе со Стратоклом. Останови же натиск разъярённого льва, напавшего на нас, и спаси нас всех!

В тот самый миг проконсул Эгеат переступил порог своего дома — и внезапно занедужил животом, так что его всего скрутило прямо во дворе, и принесли ему тут же стульчак, на котором просидел он в мучениях несколько часов, ничего не замечая вокруг. Вот и не увидел он, как все братья вышли из его спальни и прошли мимо него, ибо Андрей перед тем возложил на каждого руку со словами:

— Да сокроет Иисус вашу видимую оболочку от свирепого Эгеата, а невидимая ваша сущность пусть утвердится в Нём! — И вышел за ними, осенив себя крестным знаменiem.

Зримо навстречу Эгеату вышел лишь Стратокл и обнял брата, которого давно не видел, но улыбался он ему одним только лицом, а душа его не радовалась. Столь же притворно поприветствовали хозяина рабы и вольноотпущенники, ведь в душе они его боялись.

Эгеат поспешил в спальню в надежде, что Максимилла ещё спит и что он овладеет ею спящей, ибо сильно желал её. Но она молилась, а когда в спальню вошёл распалённый муж, отвернулась от него и опустила глаза. Эгеат поначалу решил, что это она о нём молилась, а потому сказал ей:

— Дай мне прежде свою правую руку, и поцелую я ту, которую впредь не просто женою буду звать, но полноправной своею владычицей — вот как уверен я в твоём целомудрии и в твоей любви ко мне!

На самом же деле молилась Максимилла втайне так: «Избави меня, Господи, от нечистого соединения с Эгеатом и сохрани чистой и целомудренной служащую Тебе, моему Богу», — но Эгеат этих слов не слышал, и когда он приблизился к её устам, чтобы поцеловать их, она оттолкнула его:

— Не пристало, Эгеат, после молитвы мужским устам припадать к женским.

Поражённый её суровостью, проконсул молча отступил и, сняв дорожную одежду, прилёг отдохнуть и тут же заснул, так как устал от долгого пути.

— Ступай, сестра, к блаженному Андрею, — шепнула тут Максимилла Ифидаме, — пусть приходит сюда и возложит на меня руки с молитвой, пока Эгеат спит.

Андрей, узнав о постигшем Максимиллу несчастье, поспешил к ней, и были с ним также Стратокл, который следовал за апостолом всюду, и ещё один брат во Христе — Антифан. Вошли они в соседнюю с Эгеатом комнату — спальню Максимиллы, и возложил на неё Андрей руки с такой молитвой:

— Помоги нам, Боже мой, Господи Иисусе Христе, предвидящий всё наперёд! Тебе вверяю я свою добрую рабу Максимиллу. Пусть усилятся в ней Твоё слово и сила, пусть одолеет она укреплённым Тобою духом и насильника Эгеата, и враждебного змия, и пусть пребудет впредь, Господи, незапятнанной её душа, очищенная святым Твоим именем. Более же всего убереги её, Владыка, от мерзостной нечистоты плотского соития, усмири дичайшего и ничем не вразумляемого нашего врага, который исходит от видимого её мужа! Соедини же её с мужем внутренним и незримым, которого Ты лучше всех знаешь и ради которого свершается всё Твоё таинство домостроительства! Да получит она столь твёрдую веру в Тебя, что обретёт истинных своих родственников, от мнимых же избавится, ибо они лишь притворяются её друзьями, а на самом деле — враги ей.

Помолившись так и вверив Максимиллу Господу, удалился Андрей вместе со Стратоклом.

А Максимилла придумала вот что. Призвала она внешне весьма миловидную, но чрезвычайно испорченную по своей природе рабыню по имени Евклия и говорит ей:

— Буду благодетельницей тебе и одарю тебя всем, о чём ни попросишь, — только помоги мне в одном деле и сохрани его в тайне.

А Евклии того только и надо было — разделить ложе с Эгеатом, ведь именно это предложила её госпожа, желая оставаться впредь непорочной. Поскольку у женщин принято пользоваться уловками врага, украшая себя соблазнительными одеждами, подкрашивая своё лицо и завивая волосы — и тем самым ещё больше скрывая свою потаённую сущность, — то украсила Максимилла своими нарядами блудливую Евклию и отправила её в спальню к сонному Эгеату, а тот овладел ею, думая, что это Максимилла, и отправил обратно в её комнату, как это было у них заведено. Так получила Максимилла передышку от похотливых домогательств мужа и могла теперь тайком, радуясь о Господе, не отлучаться от Андрея.

И вот, в течение восьми месяцев Эгеат незаконно изливал своё злое семя в порочное лоно Евклии, и она понесла от этого, тогда как с чистой кровью Максимиллы, благой по своей изначальной природе, не могло оно никак соединиться, так что не было у них детей. И тогда потребовала Евклия от госпожи даровать ей свободу — и тут же получила её; ещё через несколько дней потребовала немало денег — и не отказала госпожа. С тех пор постоянно получала она от Максимиллы платья, ткани, повязки, но не могла никак насытиться, зато рассказала о своём сомнительном положении товарищам-ра-бам, кичась им и превозносясь над остальными. Те поначалу разгневались на хвастовство Евклии и заткнули ей рот бранью.

Но та, посмеиваясь, показала им множество подарков от госпожи, так что те пришли в недоумение и не знали, как им теперь быть. А Евклия, ещё больше возгордившись, решила воочию показать им, кем она предстаёт пред господином, — и вот, когда напился он

до беспамятства, вошла к нему в спальню с двумя из рабов и поставила их в изголовье кровати, а сама стала будить его непристойными ласками. Полуочнувшись, Эгеат крикнул ей:

— Эй, госпожа моя Максимилла, ну же, скорее!.. — и на глазах у изумлённых рабов соединился с Евклией; те же разнесли весть об увиденном и услышанном по всему дому.

Тем временем Максимилла в полной уверенности, что Евклия, щедро одаренная ею, строго хранит их тайну, вместе со Стратоклом проводила все ночи у апостола Андрея, где собирались и другие братья. Но однажды Андрей увидел некий тревожный сон и громко сказал при всех, да так, чтобы слышала и Максимилла:

— Берегитесь! Готовится ныне в доме Эгеата событие, полное смятения и ярости...

Максимилла попросила объяснить, что значат эти слова, но апостол лишь ответил:

— Не спеши, скоро и сама узнаешь.

Тогда Максимилла, как обычно, переоделась, чтобы остаться неузнанной, и побежала домой. Входя в преторий на глазах у слуг, закутанная с ног до головы, она и не ожидала, что те подстерегали её, словно какого-то чужака, потому что заметили они то время, в которое она уходила из дому, а затем возвращалась. И вот набросились они на свою госпожу и сорвали с неё покрывало. Одни решили немедленно доложить об этом Эгеату, другие же, лицемерно выказывая любовь к госпоже, заткнули рот своим товарищам и даже поколотили их, словно сумасшедших. Пока они дрались, Максимилла незаметно вошла к себе в спальню, молясь Господу, чтобы отвратил Он от неё всякое зло.

Час спустя ворвались к ней те рабы, которые при входе в преторий сражались якобы за неё, и наговорили лестных слов, надеясь получить от неё что-нибудь в награду. Тогда Максимилла подозвала Ифидаму:

— Выдай им то, что заслужили по праву, — и велела наградить их тысячью динариев, наказав хранить молчание.

А те лишь притворялись лицемерно, что любят госпожу, и, хотя многократно пообещали ей молчать обо всём, тотчас же, направляемые отцом своим дьяволом, побежали к Эгеату, неся с собой выданные им деньги. И рассказали они ему всю историю о благом обмане Максимиллы: и о том, как сестра их по рабству Евклия под видом его супруги вступала с ним в связь, и о том, как госпожа их Максимилла устранилась тем самым от соединения с ним, словно от какого-то ужасного и мерзостного дела, и о том, как задаривала их всех, и о том, как отлучалась куда-то каждую ночь.

Более всего разозлило Эгеата то, что Евклии недостаточно оказалось ни делить с ним ложе, ни получать богатые подарки от госпожи, но похвасталась она этим перед ничтожными рабами. Поэтому допросил он её со всею строгостию, и та под пытками призналась во всём. Но Эгеат сделал вид, что не поверил ей, потому что хотел замолчать всю эту историю и всё ещё любил, пусть и животной любовью, свою супругу, — и объявил все слова Евклии и ещё трёх других рабов, которые донесли ему на Максимиллу, клеветой, достойной страшной кары. Евклии он велел отрезать язык и отрубить конечности, а затем выбросить её вон из дома, так что, оставшись совсем без пропитания, она через несколько дней сама стала пищей для бродячих псов. А трёх других рабов Эгеат приказал распять.

Ничего не поев в тот день от ярости, Эгеат впал в безумное недоумение: почему же так переменилась по отношению к нему его Максимилла? где её прежнее расположение? Долго проплакав наедине и выругав напоследок своих богов, он явился к ней и припал к её ногам со слезами:

— Вот у твоих ног тот, кто уже двенадцать лет зовёт тебя своим мужем, тот, кто всегда почитал тебя за некую богиню! О да, и до сих пор превозношу я тебя за целомудрие и кроткий нрав, который, конечно, может меняться, ибо ты всё же человек... Но чем объяснить твою перемену? Может, есть у тебя какой-то другой мужчина — ты лишь признайся в этом, и я прощу тебя, и не предаю это огласке, как ты и сама нередко извиняла мне мои безумства. А если причиной твоей перемены окажется нечто ещё более страшное, то и в этом признайся: помучаюсь я, но всё приму и, возможно, пойму, что совершенно ни в чём не должен тебе перечить.

И ответила Максимилла супругу на его долгие мольбы:

— Да, Эгеат, я люблю другого, люблю! И хотя нет его в этом мире, пойми, днём и ночью меня жжёт и воспламеняет любовь к нему — моему внутреннему мужу, сокрытому и незримому, моей истинной сущности, божественной и непостижимой. Тебе не увидеть его никогда, но и меня с ним тебе не разлучить. Так что позволь мне, молю, общаться лишь с ним, с ним одним разреши мне утешаться!

Выскочил тогда в безумии Эгеат от своей супруги, не зная, как ему теперь быть и что делать: поступить с ней неподобающим образом он не мог, ведь она была намного знатнее его по происхождению. И тут встретился ему Стратокл, к нему он и обратился за помощью:

— О мой дорогой брат, мой единственный родной человек, последний в нашем роду! Я никак не могу понять, в какое такое исступление впала моя Максимилла и как с ней мне теперь себя вести...

Много чего ещё наговорил ему в отчаянии Эгеат, но один из подслушавших их беседу юных рабов шепнул ему на ухо:

— Господин, всё, о чём бы ты хотел знать, знает Стратокл — расспроси-ка его. А ещё лучше, если я тебе расскажу. — И, отведя его в сторону, сказал уже наедине, пока шли они по городу: — Поселился в нашем городе один чужеземец, знаменитый не только у нас, но и по всей Ахее. Совершает он дивные чудеса и исцеления, превосходящие все человеческие силы. Я и сам однажды оказался свидетелем того, как он воскрешает мёртвых. Если хочешь знать всё, то проповедует он некое богочитание, но вовсе не наших богов, и действительно проявляет большую набожность. Так вот, с этим-то чужеземцем и познакомилась моя госпожа через Ифидаму. И настолько далеко она зашла в своей любви к нему, что никого другого больше вообще не любит — даже тебя, мой господин. И не только сама она привязалась к этому мужу, но и твоего брата Стратокла сковала той же любовью, которой и сама скована. Исповедуют они некоего Единого Бога, Которого они узнали благодаря тому чужеземцу, а других богов на земле они не признают. А знаешь ли ты, до какого безумия и бесчестия дошёл твой брат Стратокл? Представь же: он, известный всем в Ахее, знаменитейший брат проконсула Эгеата, сам себе носит лекиф в гимнасий! Владея множеством рабов, он сам себе оказывается слугой: закупит овощей, хлеба и других съестных припасов — и несёт всё сам, шагая через весь город. Многие считают его поведение совершенно бесстыдным.

Шли они по Патрам, ведя такие разговоры, а хозяин со скорбью глядел в землю, как вдруг юноша увидел издали блаженного Андрея и крикнул во всеуслышание:

— Эй, господин, да вон же тот человек, из-за которого пришёл твой дом в смятение!

Тут множество народу сбегалось на крик этого раба — и тот, похожий своим нечестием на проконсула, как на брата, бросился, ни слова больше не говоря, на

Андрея, схватил его, накинул на шею ему плащ, который блаженный носил на плечах, и привёл его к Эгеату.

Увидел его Эгеат и сразу же узнал:

— А, это ты! Ты ведь тот, кто некогда исцелил мою жену и кому я хотел дать достаточно денег, а ты не захотел? Что же это у тебя за слава такая, объясни-ка мне. Что это у тебя за сила такая? Ведь выглядишь ты нищим и убогим, да ещё и старик, а у тебя столько богатых поклонников, и бедных тоже, и даже младенцев. Ну же?

Собравшийся вокруг них народ, с любовью расположенный к апостолу, обступил Андрея и Эгеата, недоумевая о причинах их ссоры. Но Эгеат, не обращая никакого внимания на толпу, без промедления приказал заключить блаженного под стражу, сказав при этом:

— Вот теперь-то увидишь ты, осквернитель, какую за твои благодеяния Максимилле воздам я тебе благодарность!

5. ВО ТЬМЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Заклучив блаженного Андрея в темницу, Эгеат в радости от своего злодеяния отправился к Максимилле и застал её с Ифидамой: обе ели простой хлеб с маслинами, запивая водой. Подивился тому Эгеат и говорит жене:

— Разыскал я, Максимилла, твоего учителя и бросил его в тюрьму. Клянусь, не избежать ему моего возмездия и мучительной смерти!

— Невозможно это, — спокойно отвечала та, — запереть моего истинного учителя, ибо он ни осязаем руками, ни видим очами. Оставь, Эгеат, свою пустую похвальбу.

Дико расхохотался проконсул на эти слова и ушёл прочь. А Максимилла бросилась в слезах к Ифидаме:

— О сестра, как мы можем теперь есть, когда наш учитель — наш главнейший после Бога благодетель — заперт во тьме заключения. Именем Господним прошу тебя: сходи в крепость и разузнай, где находится эта ужасная тюрьма, полная страданий. Верю я, что уже этим вечером увидим мы святого апостола — и никто не помешает нам, ибо помощь Иисусова будет с нами!

И верная Ифидама, переодевшись в другое платье, чтобы не быть узнанной, пошла к крепости и, найдя в ней тюрьму, обнаружила, что перед её воротами собралась большая толпа.

— Отчего здесь столько народу? — спросила она.

— Оттого что заключён здесь злочестивейшим Эгеатом благочестивейший Андрей.

В ожидании чуда простояла Ифидама у тюремных врат несколько часов. Когда толпа, отчаявшись, разошлась, растворились врата сами собою и впустили внутрь Ифидаму, которая взмолилась:

— Иисусе благий, войди со мною к рабу Своему, прошу Тебя! — И, никем не замеченная, вошла она в темницу и застала апостола беседующим с другими заключёнными, которых утверждал он в вере божественным увещанием.

Увидев Ифидаму, возликовал он душой и воскликнул:

— Слава Тебе, Иисусе Христе, Властитель истинных слов и обещаний, Давший совместно служащим Тебе рабам дерзновение, что, прибегая к одному Тебе, одолеют они неприятелей! Вот раба Твоя Ифидама — она с госпожою своею под стражей, но пришла сюда, ведомая любовью к нам. Осени её Своим благим покровом и помоги им сегодня же вечером пройти незамеченными мимо врагов — да поспешат они ко мне, Тобою, Господи, хранимые в любвеобилии и боголюбии! Иди же, чадо моё Ифидама: снова найдёшь ты врата темницы отворёнными, а когда придёте вы с госпожою

под вечер, то вновь они откроются перед вами, и возрадуетесь вы о Господе.

И действительно, так же беспрепятственно, как вошла, вышла Ифидама из тюрьмы и, поспешив к Максимилле, поведала ей о душевном мужестве блаженного, который и в оковах не бездействует, но проповедует заключённым, и обо всех чудесах, свершившихся и грядущих, рассказала ей верная служанка.

— Слава тебе, о Господи! — возликовала духом Максимилла. — Снова смогу я безбоязненно увидеть Твоего апостола. Охраняй меня целый легион солдат, не справиться им всё равно со светлым ликом Господним, ибо поразит Он их!

Сказала так она и стала ждать, когда начнут зажигать светильники, чтобы выйти незамеченной.

А проконсул не терял времени даром и призвал своих слуг:

— На всё готова моя Максимилла, ведь до сих пор пренебрегает она мною... Так что пусть охраняются не только двери претория, но и ворота тюрьмы пусть будут под особым наблюдением. Передайте тюремному начальнику, чтобы стерёг он их пуще прежнего, чтобы никому из самых влиятельных людей города не посмел их отпереть — даже мне, иначе не сносить ему головы. А вы четверо — стойте, не смыкая глаз, у дверей Максимиллы и не выпускайте её из спальни.

Все приказания проклятого богохульника Эгеата были немедленно исполнены, а сам он отправился на пир, чтобы в обжорстве и пьянстве забыть о своём горе.

Долго молились Господу Максимилла с Ифидамой, но пришло наконец время для бегства.

— С нами будь, Господи, — воскликнула Максимилла, — а слуг моего мужа, стерегущих меня, оставь в неведении!

И тут на зов её явился прекрасный отрок: лицо его сияло, и приказал он женщинам безбоязненно идти к апостолу, а сам остался в спальне и их голосами стал сетовать о скорбях женского пола, так что стражники пребывали в уверенности, что Максимилла и Ифидама не покидают своих покоев.

Те же как на крыльях перенесли к воротам тюрьмы — и видят: стоит перед ними благообразный мальчик, открывает их взмахом руки и говорит:

— Входите же обе к своему апостолу. Ждёт он вас, — а сам, проводив их во глубину темницы, покидает её со словами: — Возликуй о Господе твоём, Андрей, ибо пришли к тебе твои верные ученицы, чтобы утвердиться в Нём, беседуя с тобою.

Заметив их, Андрей возликовал великой радостью, но проповеди своей не прервал и продолжил говорить собравшимся:

— Откуда в вас, чада, вся ваша слабость? Почему не обличаете вы себя, всё ещё словно не вынося Господней благодати? Устыдитесь! Но и возрадуйтесь вместе со мною о щедром общении с Ним! Скажем сами себе: блажен наш род — но Кем он возлюблен? Блаженно наше бытие — но Кем оно помиловано? Познанные столь горней высотой, разве уже низменны мы? Не принадлежим мы более времени — и не разрушимся от него. Не зависим мы более от перемен, не уничтожаем себя, не подлежим обезличивающему нас тлению. Стремимся мы к величию, принадлежим мы Милующему и Лучшему, избегая худшего. Принадлежа Прекрасному — отвергаем мерзостное; Праведному принадлежа — отмечаем несправедливое; оказавшись во власти Милостивого — оставляем немилость; в руках Спасающего — познаём тщету погибели; устремившись к Свету — отбросили мрак; упокоившись в Едином — отвратились от множественности; взойдя к Наднебесному — извели земное; приблизившись к

Сущему — постигли несущее, — а посему предпочтём же ныне достойно произнести своё благодарение, выказать своё дерзновение, пропеть свою песнь и воздать славословие Ему — Помиловавшему нас, дабы возвестить Ему о себе.

В избытке насытились благими апостольскими речами и Максимилла с Ифидамой, и все чудесно пришедшие в темницу ученики. Тогда отослал их всех блаженный восвояси:

— Ни вы не лишитесь меня никогда, о Христовы рабы, ибо любовь Его с вами вовек, ни я не лишусь вас с Его помощью. — И все разошлись по своим домам.

Много дней продолжалась светоносная апостольская проповедь в самом глубоком и тёмном тюремном подземелье, подобном склепу, — и ликовали вместе с Андреем все его ученики, приходя к нему незримо для стражников, а Эгеат всё никак не мог измыслить для Андрея казни помучительнее. Даже заключённый в темнице, причинял ему Андрей невыразимые страдания, так что однажды, охваченный приступом безумной ненависти к нему, он вскочил с трибунала прямо во время судебного процесса и бросился бегом в преторий, чтобы и гневом своим устроить благочестивую Максимиллу, и задобрить её лаской — в надежде, что склонится она на его сторону.

А та, успев перед его приходом вернуться в очередной раз из тюрьмы, выслушала речь, полную смятения и ярости.

— О моя Максимилла, — простонал Эгеат, — твои почтенные родители сочли меня достойным тебя, доверили мне тебя, хотя были они намного меня богаче и знатнее, — нет же, покорило их благородство моей души. Помня о благодеяниях твоих родителей, окружил я тебя почестями и заботой и признавал полновластной своей госпожой, — и потому достоин я, наконец, получить от тебя ответ на вопрос, который так измучил

меня, что прервал я судебное заседание и устремился к тебе: будешь ли ты прежней моей Максимиллой?! Если да — если вернёшься ты на законное супружеское ложе, если будешь постоянно сходиться со мною в надежде зачать долгожданных детей, — то будешь ты купаться в моих благах, а того чужеземца, которого заточил в темницу, я отпущу. А если нет — то тебе, так уж и быть, ничего дурного не сделаю я, да и не посмею, но опечалю тебя, клянусь, лютой скорбью — через гибель того, кого любишь ты более меня. Вот и подумай пока, Максимилла, что ты выберешь, и ответь мне не позже завтрашнего утра. Я всё сказал, и решение моё твёрдо.

Сказал так Эгеат и удалился. А Максимилла, взяв с собой Ифидаму, вновь отправилась к апостолу Андрею. Оказавшись во тьме подземелья, встала она перед ним на колени, возложила себе на лицо его руки и покрыла их поцелуями. Не дрогнул Андрей, когда узнал о том, чем грозил Эгеат, и ответил Максимилле:

— Знал я, о дитя моё Максимилла, что с негодованием отвергнешь ты призывы к супружескому сожителству, всей душою желая удалиться мерзостной и нечистой жизни, — в этом я уже давно был уверен. Потому и свидетельствую я пред всеми, Максимилла, что целиком поддерживаю тебя в твоём благом стремлении: не уступай угрозам Эгеата, не склоняйся к его увещаниям, не страшись его постыдных посулов, не поддавайся его искусной лести, не соглашайся предать себя его мерзостным и злым козням! Терпи его насилие — и приглядишься к нему: ведь он весь окоченел от злобы и иссох от снедающей его похоти, — в отличие от тебя самой и наших братьев во Христе, которые полны жизни.

И действительно, несмотря на свой преклонный возраст и одолевавшую его телесную немощь, блаженный апостол был бодр духом и светел взглядом.

— Вот что, дочь моя, — продолжал он, — хочу я сказать тебе прежде всего, вот что пришло мне сейчас

на ум: вижу я теперь отчётливо, как в тебе кается Ева, а во мне Адам обращается к безгрешному своему бытию. Ведь то, что праматерь наша претерпела по своему неведению и неразумию, — то исправляешь ты добровольно своим обращением к благу. А то, что претерпел по её вине низведённый во мрак и лишившийся сам себя разум человеческий, — то исправляю я вместе с тобой, познавая своё возведение к свету. Исцелила ты болезнь Евину, не испытав её мук, а я, прибегнув к Богу, устранил несовершенство Адамово. Того, чего она ослушалась, ты послушалась, а я избег того, на что он согласился. Исправление каждым собственного своего греха — вот средство к улучшению нашей природы. Итак, повторяй за мною моё славословие:

Ликуй, о природа спасённая,
Себя не убившая и не сокрывшая!
Ликуй, о душа вопиющая,
Ты, всё претерпев, к себе возвращаешься!
Ликуй, человек, чужое отвергнувший,
Но к сути своей блаженно стремящийся!
Ликуй же, ясно слова мои слышащий:
Ты больше того, что речётся и мыслится,
Сильнее всего, что владыками кажется:
Поистине нет над тобой их — достойнее
Ты тех, кем позоришься ты и пленяешься.
Познай же сущность свою бесплотную,
Познай, что ты свет светозарно-сиятельный,
Что чист ты, что выше тела ты бренного,
Что выше ты мира, властей и начальников —
Над ними стоишь ты в великом стоянии.
Узри же лицо своё в истинной сущности!
Порви же все узы земного вращения!
Увидеть желай лишь того, кто является
Тебе, но не стал ещё тем, кто становится,

Которого ты познаёшь в дерзновении!

Запомни же эти слова, Максимилла, и растопчи бесстрашно все пустые угрозы Эгеата. Да не смутят тебя более его безумные вопли, лишь бы оставаться тебе непорочной. А меня — меня пускай казнит он любыми пытками, хоть к зверям разъярённым бросает, жжёт адским пламенем и столкнёт наконец с высокой скалы, — что мне с того? Погляди на меня: это всего только тело — пусть он пользуется им, как ему угодно, ибо сам он такое же тленное тело, которое сгниёт в бесчестии. А моё тело — моя самая страшная темница, не эта, зримая ныне, — но поистине чудовищная тюрьма для моей сродной Господу души, ведь слышал я слова от Него: «Диавол, отец Эгеата, освободит тебя, о Андрей, из этой темницы его нечистыми руками», — не мешай же этому освобождению! Храни же себя впредь непорочной и чистой, святой и незапятнанной, неосквернённой и неблудной, неиспорченной и непоражённой, несломленной и неранимой, несмущённой и неделимой, несоблазнимой и не сочувствующей делам Каина. Ведь если не предашься ты, о Максимилла, ухищрениям вражеским, то и сам я обрету покой. А если уступишь врагу рода человеческого, то буду я проклят и наказан свыше, пока не одумаешься ты и не поймёшь, что ради недостойной твоей души презрел я эту низменную жизнь.

При этих словах зарыдала Максимилла и затряслась всем телом, а блаженный апостол обратился к присутствующему здесь же Стратоклу:

— А ты, дитя моё, что же так часто плачешь и стенаешь во всеуслышание? Откуда в тебе отчаяние? Что за боль в тебе или что за скорбь? Ты ведь сам знаешь, что должно всему тому свершиться, так что держи себя, прошу, в руках. Кому всё это было сказано?

Коснулось ли оно всецело твоего сознания? Задело ли разумную твою часть? Достоин ли ты быть моим слушателем? Найду ли в тебе себя самого? Беседовал ли в тебе тот, кого вижу я принадлежащим мне? Любит ли он говорящего во мне и хочет ли общаться с ним? И желает ли с ним объединиться? Стремится ли сдружиться с ним? Находит ли в нём успокоение? Имеет ли куда приклонить голову? Не противно ли ему что-то во мне? Не задет ли он чем? Не противоречит? Не ненавидит? Не избегает? Не раздражается? Не отклоняется? Не отстраняется? Не возбуждается? Не тяготится? Не враждует? Не беседует с другими? Не прельщается другими? Не соглашается с другими? Не мешает ему прочее? Нет ли внутри его кого-то чуждого мне? Противника? Губителя? Врага? Лжеца? Шарлатана? Кознодея? Притворщика? Хитреца? Человеконенавистника? Ненавистника Слова? Насильника? Хвастуна? Гордеца? Безумца? Змеиноного сродника? Орудия дьявольского? Огня сатанинского единомышленника? Тьмы сторонника? Нет ли в тебе никого, кто не принимал бы, о Стратокл, меня, который говорит это? Так что же? Отвечай! Не напрасно ли я говорю с тобою? Не говорит ли в тебе, о Стратокл, вечно унывающий человек?

Тогда схватил Андрей Стратокла за руку и сказал ему твёрдо:

— Есть у меня, есть — тот, кого я искал. Обрёл я того, кого желал. Держу за руку того, кого возлюбил. Успокоился я с тем, кого ожидал. Ибо, видя, как всё сильнее и сильнее ты стенаешь, понял я, что не напрасны были мои слова к тебе, и успокоился я сам.

— Не думай, о блаженнейший Андрей, — отвечал ему в горести Стратокл, — что скорблю я из-за чего-то иного, кроме тебя. Каждое слово, которое роняешь ты мне в душу, словно уголь, обжигает её и воспламеняет любовь к тебе. Оттого и страждет чувственная часть моей души,

получая от тебя столь страшное пророчество. Сам-то ты свободен, а я — когда потеряю я тебя в этом мире, — в ком найду я такую заботу и любовь, в ком обрету я тогда свою свободу? Пали на почву души моей спасительные семена твоих слов, о добрый сеятель мой! Но как им взойти теперь, если покинешь ты меня, о блаженнейший Андрей? Прорастут они лишь тогда невредимыми и явятся на свет, если захочешь ты этого и помолишься о них и обо мне.

— Уже проросли они, о Стратокл, и готовы сами плодоносить! И славлю я Господа моего за то, что не ошибся в тебе и на добрую почву посеял слова благодати! Знайте же, друзья мои и чада возлюбленные, что завтра возмутит сестра наша Максимилла дикого зверя, обитающего в злосчастном Эгеате, и набросится тот на меня, рыча и брызжа ядом, — ибо не согласится она на противные Господу дела. А восставший зверь, надеясь утешить свою неизбывную адскую боль, обратит на меня всю свою ярость — будьте же готовы к тому и молитесь обо мне.

Когда говорил это блаженный апостол, не было уже рядом с ним Максимиллы, потому что поспешила она домой, оставив в мрачной темнице всё своё смущение и смятение. И отреклась она от всей этой временной жизни с её злобой, матерью плоти, и от всего плотского, решительно отказавшись от предложенного ей Эгеатом. Тогда обратился он к казни Андрея и весь погрузился в мысли о том, какой бы смерти его предать. И когда понял он, что самое лучшее — это распять его, то отправился вместе со своими развращёнными приспешниками к дымящимся идольским алтарям, чтобы наесться жертвенного мяса и насытиться предназначенной демонам кровью, а затем упиться вином до забвения рассудка.

Максимилла же под водительством Самого Господа, принявшего облик сияющего мальчика, снова пришла

вместе с Ифидамой к святому апостолу и снова застала его в беседах с братьями.

— Направлен я, чада мои, — вещал он громко, озаряя своими словами тьму подземелья, — посланником во многие страны, но не столько учить, сколько напомнить каждому, кто имеет родственные мне души, что пребывают они во зле, наслаждаясь пагубными призраками, от коих и вас призываю я навсегда отступить и побуждаю устремиться к вечному, обратиться в бегство от всего преходящего. Никто из вас не устойчив, а в мире всё течёт и меняется, как учат языческие мудрецы, но не знают они, что происходит это из-за невежества души, заблуждающейся относительно природы. Заповедую я вам, возлюбленные чада мои, твёрдо выстроить себя на предложенном вам основании, непоколебимом и недоступном для всякого творящего зло. Укоренитесь на этом основании; утвердитесь, помня обо всём том, что случилось, пока я находился с вами; взирайте на совершённые мною дела и на данные вам знамения, ведь и бессловесная природа, вероятно, удивится им, так что и камни завопят. А то, что должно случиться со мною, пусть не смущает вас. Потому что раб Божий, которому многое преподал Сам Бог на словах и в делах, изгнан будет из этой временной жизни. И случится это не только со мной, но и со всеми, кто возлюбил Иисуса, уверовал в Него и исповедует Его. Бесстыдный диавол вооружит против них своих чад, чтобы они подчинились ему, но не получит того, чего желает. Так зачем же ему всё это? А затем, что с начала всего сущего, а точнее — в тот самый миг, как Безначальный сошёл со своими начинаниями в мир, бежал враг, противник мира, так что стало ясно: не владыка он ему, но бессильное ничто. Но понимает он это, а потому воюет с Господом, слугами Его и со всем миром. Решив, что вовек воцарился он в мире и безраздельно господствует над ним, он объявил

свою вражду с ним неким подобием дружбы, на самом же деле это ложь! Но когда воссияло таинство благодати, когда проявился замысел упокоения, показался свет Слова и спасаемый род был обличён в том, что прежде пребывал в наслаждениях, — тогда враг, увидев, что из-за благодати Помиловавшего он презрен и что осмеяны его дары, посредством которых думал покичиться над нашим миром, начал он сплести против нас ненависть, вражду и противостояние. Но то, что скрывал он в своей природе, обличило его самого и заставило поведать о себе, ибо это — сама смерть, братья!

И вот последние слова, сказанные блаженным Андреем своим ученикам, прежде чем повели его на распятие:

— Итак, чада мои и братья, зная, чему должно случиться, пробудимся и освободимся от нашего коварного врага, ни тяготясь, ни колеблясь, ни допуская его следов в свои души. Но, целиком возвысившись в Слове, встретим же радостно свою кончину, а он — пусть он покажется, каков он по природе, в то время как мы отлетим к тому, что поистине наше.

Всю ночь провёл блаженный Андрей в безмолвной молитве, а братья его ликовали вместе с ним и утверждались во Господе.

6. НА КРЕСТЕ

Под утро приказал Эгеат вывести Андрея из темницы и доставить к нему в судилище.

— Вот и конец твоему делу! — сказал ему грозно Эгеат. — Чужеземец, противник всему живому, враг моего дома и осквернитель всей моей жизни — что заставило тебя прийти в далёкие земли и развратить женщину, угождавшую мне во всём и никому другому

доселе не радовавшуюся? Убеждённая в силе твоего лжеучения, она теперь радуется только тебе и твоему Богу. Итак, чужеземец Андрей, за соращение добродетельной жены, за оскорбление богов и цезаря — ты повинен смерти!

Огласив свой приговор, Эгеат повелел бичевать апостола семью кнутами, пока тот не потеряет сознание, а затем послал его на распятие и приказал палачам не перебивать ему колени, чтобы, имея на кресте твёрдую опору, он до бесконечности продлевал свои мучения. И тотчас же по всем Патрам разнёсся слух о том, что нечестивый Эгеат распинает праведного чужеземца, который проповедовал Единого Бога и никому не сделал ничего дурного, — и вознегодовали тогда все граждане, но убоялись восстать против жестокого властителя.

А когда палачи вели блаженного апостола на место казни, то нагнал их Стратокл и увидел, что тащат апостола силой, словно какого-то разбойника. Тогда набросился Стратокл на палачей и разодрал в клочья их хитоны, а блаженного Андрея вырвал из их рук, завопив:

— А за то, что не убил я вас, благодарите раба Божия Андрея, научившего меня сдерживать безумный гнев! А не то бы показал я вам... — и, взяв апостола за руку, повёл его к берегу моря, где уготовано было место казни.

А избитые палачи прибежали к Эгеату и пожаловались на его брата, и отвечал им проконсул:

— Переоденьтесь и ступайте назад, но не возвращайтесь, пока не исполните моего приказа. Если же будут вступаться за осуждённого его друзья, то давайте им самый жестокий отпор, — одного лишь Стратокла не троньте даже пальцем! И не показывайтесь ему вовсе, насколько это будет возможно, и не перечьте ему, ибо знаю я благородство его души: не только вас, но и меня он не пощадит, если разъярится.

Тем временем Стратокл шёл с апостолом навстречу его жребию, негодуя на брата и понося его чуть слышно.

— Чадо моё Стратокл, — обратился к нему Андрей, — хочу я, чтобы стяжал ты впредь спокойный ум и не ждал, пока вразумит тебя кто-нибудь другой, — нет, достигай спокойствия сам и не обращай внимания на тяготы. Пойми, что рабу Иисуса следует быть достойным Иисуса. И вот что ещё скажу я тебе и всем остальным братьям, которые идут с нами. Если бесовская природа не получает своей кровавой пищи, если не добудет она себе свежей жертвы, то ослабевает она и, омертвев, изничтожается. А если получит она, чего хочет, то укрепляется и ширится, воскресает и возрастает от того, чем наслаждается, а наслаждается она прежде всего нашим гневом. Будем же, чада, постоянно держать в узде нашего врага, умеряя свой гнев, иначе покончит он с нами, если позволим мы ему овладеть нами. Но вот мы и пришли, вот и конец моему наставлению. Поглядите же на вбитый в землю крест!

И оставив всех, приблизился Андрей ко кресту и вознёс ему громким голосом своё славословие:

Крест мой, возрадуйся! Искренне радуйся!
Ты упокоишь и сильно уставшего —
Вкопанный в землю, меня ожидающий.
Вот он я — твой, что, о крест мой, предвидел ты.
Вот он я — тот, кого, крест мой, возжаждал ты.
Ведаю таинство, ради которого
В землю ты вбит, одолев неустойчивость.
В небо твоя голова упирается,
Будучи знаменьем Слова Небесного;
Средняя часть — руки левая, правая
Превозмогают губительный замысел,
Козни и тлен супостата лукавого,
Чтобы собрать воедино рассеянных;
Ноги твои в глубине утверждаются,

Чтобы из ада воззвать преисподнего
Праотцев, в сени неся их небесные.
Крест мой, о крест мой, орудие крепкое,
Данное свыше нам всем во спасение!
Крест мой, Христово ты знамя победное!
Крест — живоносное древо чудесное,
Корни под землю глубоко пустившее,
Господу плод в небесах приносящее!
Сладкое дело и имя сладчайшее!
Зрелище чудное, мне соименное!
Радуйся, крест, преисполненный силою!
Радуйся, образ разумный, разумного
Слова предвечного милое детище!
Радуйся, крест мой, конец разномыслию!
Радуйся, силы пресильной видение,
Силу насильников сильно осилившей!
Радуйся, слава небесного разума,
Образ безобразному преподавшая!
Радуйся, связь несвязуемо-вольная
И Неповязанного повязавшая!
Радуйся, кара безмолвно-незримая,
Ведь, посрамив многобожное знание,
Ты изгнала его изобретателя!
Крест мой — Лозы основание Истинной,
Крест — исповеданье злого разбойника,
Сквозь покаяние верой процветшего,
К Богу ведущее через познание
И приводящее к Господу грешников, —
Крест мой, о крест мой, скорее прими меня!
Чистый и светлый, живой и сияющий,
Вскинь на себя ты меня утомлённого —
Только в тебе обрету я прибежище.
Медлю, о крест мой... Но дай обниму тебя,
Чтобы ожить на тебе после гибели!
Так приступите, отрады служители,
Ибо желанье не только проконсула

Выполнить сможете, если привяжете
Агнца ко древу, отправив к Создателю
Душу его и к благому Подателю.

После этих слов, постояв на земле несколько мгновений и в последний раз пристально взглянув на крест, блаженнейший Андрей сам поднялся на него и велел братьям подпустить палачей, дабы исполнили они своё дело. Те стояли поодаль, боясь приблизиться к Стратоклу, но тот сам подозвал их, и тогда подошли они ко кресту и привязали Андрея за ступни и подмышки, а колен ему не перебили, как и приказывал им жестокосердый проконсул. Тот хотел, чтобы длилось мучение казнимого до ночи, пока не сожрут его псы.

Стоявшие кругом братья — а было их так много, что невозможно исчислить, — увидели, что не сделали с их учителем палачи того, что обычно делают с распинаемыми, и понадеялись снова услышать его проповедь, а тот, висая на кресте, покачивал головой и радостно улыбался.

— Чему улыбаешься ты, раб Божий Андрей? — спросил его Стратокл. — Твой смех разрывает на части мою душу! Увы, мы лишаемся тебя!

Отвечал ему тогда блаженный Андрей:

— Как же не смеяться мне, дитя моё Стратокл, если напрасны все уловки Эгеата, коими старается он нас покарать! Он так и не понял, что не одолеть ему нас своими ухищрениями. Не желает он и слышать об этом. А ведь если бы захотел, то узнал бы, что человеку Иисусову не страшны его казни.

Сказав так Стратоклу, обратился Андрей ко всем собравшимся, которые негодовали на несправедливый приговор Эгеата:

— Мужи, стоящие рядом со мною, женщины и дети, старцы и рабы, свободные и все прочие, кто хочет меня

послушать! Если вы полагаете смерть концом вашей жизни, то сейчас же уходите отсюда! И если вы считаете соединение души и тела самой душой, как будто после их разлучения ничего нет, то мыслите вы, как звери, и придётся вас причислить к диким зверям. И если вы любите здешние наслаждения и всячески к ним стремитесь, получая только от них выгоду, то вы подобны разбойникам. И если вы думаете, что вы — это лишь видимое, а кроме него ничего нет, то вы рабы незнания и невежества. И если вы полагаете, что этот полуночный мир только один и существует, а кроме него нет ничего, то вы сородичи этой ночи. И если вы считаете, что ваша земная пища придаёт вес телу и силу крови, то сами вы земля. И если вы, обладая убогим телом, думаете, что счастливы, то вы поистине несчастны. И если ваши внешние успехи делают вас блаженными, то достойны вы жалости. И если остальные ваши богатства порабащают вас себе, то пусть вас обличит их преходящность!

Услышав эти слова, некоторые жители Патр, нетвёрдые в вере, но падкие до зрелищ, разошлись в разочаровании — да получают они достойную себя награду. А другие, оставшиеся у ног блаженного Андрея, удостоятся Царства Небесного, ибо слышали они его спасительную проповедь:

— Что пользы вам, если приобрели вы внешнее, а себя самих — нет? Или какая вам выгода от внешних вещей, когда душа ваша продана в рабство страстям? Или какая вообще может быть забота о внешнем, когда пренебрегаете вы тем, чем являетесь на самом деле? Измените же, прошу я всех вас, свою тягостную жизнь — напрасную и безумную, кичливую и пустую, брентную и преходящую, подругу удовольствий и рабыню времени, дитя пьянства и приживалку распутства, спутницу сребролюбия и зачинщицу коварства, союзницу убийств и сторонницу вражды, предводительницу вожделения и

начальницу прелюбодеяний, посредницу ревности и устроительницу убийств! Пожалуйста, оставьте её, собравшиеся здесь ради меня, и поспешите постичь мою душу, которая устремляется к тому, что превышает времени, превышает закона, превышает слова, превышает тела, превышает удовольствий — горьких, нечестивых и полных всяких тягот. Увидьте же теперь и сами то, о чём я говорю, своими душевными очами; последуйте за устроенной мною дружбой; познайте наши труды, о которых я сейчас беседую с вами; возьмите в залог мой ум; приобщитесь к новому для вас общению; подчинитесь моим благим вожжам; очистите свой слух, дабы слышать то, что я говорю, — одним словом, отвратитесь от всего преходящего, а за мной поспешите.

Великое множество людей устремляло свои взоры к вершине креста, откуда вещал Андрей, продолжая:

— Но и теперь, как я знаю, не глухи вы к моим словам: так мало-помалу отваживаются люди на познание нашего Бога. Я ухожу туда, где приготовлю путь для согласных со мною и тех, кто стал совершенными через чистую веру и любовь к Нему, кто успокаивает огонь и прогоняет мрак, тушит печи и умерщвляет червя, отсекает угрозу и затыкает рты бесам, разрушает начальственные силы и овладевает властями, ниспровергает диавола и отражает сатану, наказывая их злобу. А у тех, кто пришёл сюда не с любовью к Богу, но с лицемерием, и ради бесплодных удовольствий предался шарлатанству, безверию и прочему невежеству, решив, что нет ничего иного после разрушения здешнего, что всё это уходит и уносится, улетает и убегает, враждует и правит, наказывает и опаляет, напоминает и гонит, а также жжёт, мучит и одновременно ни отступает, ни уступает, — у них не будет ничего общего с теми, кто радуется и ликует, улыбается и смеётся, успокаивается и наслаждается.

Так что выбирайте, мужи и братия, чего хотите — всё в вашей воле!

Толпа, услышав всё сказанное Андреем, остолбенела от изумления и не отходила от креста, чтобы ещё и ещё слушать его слова, а блаженный всё продолжал говорить и говорил, не зная устали, три дня и три ночи. Когда же на четвёртый день, поражённые его мужеством, непреклонностью его мысли, обилием божественных слов, полезностью его увещания, стойкостью его души, мудростью его духа, твёрдостью его ума и чистотой рассудка, — вознегодовали граждане Патр на своего проконсула и ринулись толпой к трибуналу, где тот заседал, творя несправедный суд, и кричали ему:

— Что за приговор ты вынес, о проконсул? Судил ты Андрея дурно и приговорил его несправедливо! Нечестив твой суд!

— Чем провинился сей муж? Что плохого он сделал? Весь город взволновался из-за его казни, ибо всех нас ты огорчаешь, всех нас обижаешь.

— Не предавай Цезарева города! Верни ахейцам мужа праведного, верни нам мужа, чтущего Бога. Не убивай мужа божественного, не умерщвляй мужа благочестивого.

— Висит он четыре дня и всё ещё жив. Сам ничего не ест, а нас насыщает своими словами!

— Сними же со креста — и успокоимся мы!

— Отпусти целомудренного — и все Патры останутся праведны!

— Освободи разумного — и всю Ахею пощади!

Поначалу Эгеат не обращал на крики толпы никакого внимания и рукою давал знаки убраться вон от трибунала и не мешать ему, тогда все, исполнившись гнева, ворвались в трибунал и попытались наброситься на него, было же их около двух тысяч. Испугавшись, что обезумевшая толпа разорвёт его на куски, Эгеат вскочил

с места и пообещал отпустить блаженного Андрея — и тогда подхватили его на руки и понесли к месту казни.

Ликующая толпа поспешила возвестить апостолу, что ждёт его освобождение от мук, и прибыли к нему Эгеат и Стратокл,

Максимилла и Ифидама. Но, узнав об этом, тяжко сокрушился Андрей:

— Увы неразумию моих учеников! Увы туману, что окутал вас, воспринявших множество таинств! О, сколько же говорил я ныне — и всё напрасно! О, сколько совершил я всего, дабы избежать земного! Откуда же в вас столь дикая любовь к плоти? Откуда эта привязанность ко всему телесному? Зачем вы просите меня задержаться в этом преходящем мире? О, если бы вы знали, что избавился я от пут и привязался к самому себе, то и сами поспешили бы избавиться от многого и привязаться к единому! Что же мне теперь сказать вам?.. Что непременно случится моё и ваше освобождение, что соединимся мы с Тем, Кто существует ради всех и Кто превыше всех.

Увидев у ног своих распростёртого Эгеата, горестно воскликнул блаженный Андрей:

— А, вот и сам Эгеат подходит ко мне! Что мне сказать ему, пообещавшему освободить меня? Зачем пришёл ты сюда, чуждый всему благому? Что задумал ты на сей раз? Что предложишь нам? Неужели раскаялся ты и пришёл меня освободить? Но даже если и раскаялся, то не уступлю я тебе, Эгеат! Даже если всю свою власть сложишь ты к моим ногам, не отступлюсь я от себя! Даже если назовёшь себя моим учеником, не поверю я тебе! Освободишь ли ты, о проконсул, развязанного? Освободишь ли убежавшего? Освободишь ли избавленного? Освободишь ли узванного Родственником, помилованного, возлюбленного Им, враждебного тебе? Есть у меня Тот, с Кем я пребуду вечно; есть Тот, с Кем буду жить в бесконечные веки. К

Нему я ухожу, к Нему направляюсь, это Он указал мне на тебя и сказал: «Познай Эгеата и его дары. Пусть не пугает тебя этот ужасный муж и пусть не думает завладеть тобою, ибо ты Мой. Враг он тебе — осквернитель и обманщик, развратник и клеветник, безумец и сумасшедший, шарлатан и убийца, гордец и льстец, ужасный и гневливый обманщик, нисколько не сострадательный и запятнанный всею скверною своей материальной оболочки!» И вот, познав тебя благодаря Обратившемуся ко мне, наконец-то удаляюсь я от тебя. О ты, называемый проконсулом, а на деле ничтожнейший из смертных — ты, как вижу я, сокрушён и опечален, ибо убежал я от тебя к Тому, Кто бесконечно выше и могущественней тебя. Будешь ты плакать и биться в безумии, стонать и печалиться, отчаиваться и сокрушаться, скорбеть и уподобляться сородичу твоему морю — погляди, как бушует оно во гневе, разъярясь оттого, что избавляюсь я от вас.

Услышав эти слова, поистине страшные для него, проконсул застыл в изумлении и пришёл в исступление, не зная, что ответить и что сделать. Снова взглянул на него Андрей и сказал:

— Вот стоишь ты перед нами, Эгеат, и видим мы все, что ты нам враг, но недвижим и безгласен и не в силах сделать ничего. Я же и собратья мои — мы уходим от тебя, оставляя тебя с самим собой наедине — таким, каков ты есть, хотя ещё многого ты не знаешь о себе.

Тогда Эгеат, набравшись решительности, дерзнул подойти ко кресту, чтобы снять с него Андрея, — но тут уже весь город возмутился и оттащил его прочь, Андрей же завопил гласом великим:

— Андрея, привязанного к древу Твоему, о Владыка, не дай отвязать! Пребывающего в таинстве Твоём, о Иисусе, не отдавай бесстыдному диаволу! Подвешенного надаре Твоём, Отче, да не отвяжет Твой враг! Познавшего величие Твоё пусть малое не смиряет! Но

Сам Ты меня прими, о Христе, Которого я возжелал, Которого возлюбил, Которого знаю, Которого имею, Которого люблю, Которому принадлежу, — и уход мой к Тебе пусть да соединит множество братьев моих, дабы и они упокоились в Твоём величии!

Сказав так и прославив Господа, предал Ему свой могучий дух святой и всехвальный блаженный апостол Андрей, сын Ионин, брат Петров, первый из людей призванный к святому Христову служению.

И вот, видя это, заплакали мы, стоявшие у его ног, и восскорбели великою скорбью, расставаясь с нашим учителем и наставником. Не видя ничего вокруг, слепая от слёз и нечувственная от воплей, подошла ко кресту Максимиλλα и, поддерживаемая Стратоклом, отвязала честные останки блаженного апостола и с наступлением вечера, воздав им должные почести, погребла.

Навсегда ушла она от мужа своего Эгеата, яростного зверя и беззаконного нечестивца, и больше не возвращалась к нему, сколько ни уговаривал он её, сколько ни обольщал своими богатствами, — нет, избрала она жизнь достойную и уединенную, окончательно утвердилась в любви ко Христу и пребывала в блаженстве вместе с братьями. Эгеат же одной мрачной и зловещей ночью, когда гроыхала гроза и сверкали чудовищные молнии, в полном отчаянии забрался на самую высокую башню своего претория и, бросившись оттуда на каменные плиты агоры, погиб горькой смертью.

Удручённый Стратокл, родной его брат, не посмел прикоснуться к оставленному ему состоянию, хотя и оказался единственным его наследником.

— Твоё, злосчастный брат мой Эгеат, — сказал он, — пусть отправляется с тобой — в вечную тьму и муку. Мне же другом будет один Иисус, и я буду Ему другом. Велико же множество внешних и внутренних зол — отвратительны мне они! Предпочту я им то, что

принадлежит только мне, и отвергаю я всё иное — пусть оно сгорит в вечном огне.

ЧАСТЬ ДЕВЯТАЯ

ЖИЗНЬ ПОСЛЕ СМЕРТИ

1. МИССИЯ СВЯТОГО АРТЕМИЯ

«Констанций воздвиг в Константинополе церковь, великую и по размеру, и по имени. И апостола Андрея перенёс из Ахеи в построенный им храм, носящий имя всех апостолов. Близ него и отцовский гроб воздвиг, а также перенёс в этот же храм и евангелиста Луку из той же Ахеи, равно как перенёс и апостола Тимофея из Эфеса в Ионии в тот же славный и честной храм».

Епифаний ещё раз перечитал лишённый заглавия листочек и, отложив его в сторону, вышел из кельи, чтобы глотнуть свежего воздуха. Занесённая утренним снегом петлистая тропинка была девственно бела: ни звериного, ни человеческого следа. А Епифаний так ждал сегодня Иакова...

Тот ушёл уже больше трёх недель назад, сразу после праздника Святых Светов. В Городе Иаков добывал для других братьев нужные им вещи, а для Епифания — тексты из разных библиотек. Сперва дело шло худо: мало кто из настоятелей и даже частных лиц соглашался допустить к своим книгам беглого иконопочитателя. С большим трудом Иакову удавалось списать то здесь, то там по несколько страничек или даже строк.

Но потом Епифанию, вспомнившему вдруг, как Иисус притворялся кормчим, пришла в голову мудрая мысль устроить благой обман. Иаков прикинулся учёным сицилийцем — благо он и правда был родом из Панорма, — который собирает из древних книг всякие старинные слова, дабы создать словарь с их

истолкованием. Каждому, кто пускал его в своё книгохранилище, Иаков обещал прислать с Сицилии свой труд, и почти все радостно на это соглашались, ибо в произведениях древних писателей и вправду было много диговинных слов, непонятных нынешним людям, так что даже приходилось частенько выписывать их толкования на полях книг. Теперь Иаков получил доступ почти ко всем библиотекам Города, за исключением разве что Императорской и Патриаршей, которую ревниво, словно зеницу ока, оберегал патриарх-иконоборец Иоанн Грамматик — в одном лице новый Ианний и Иамврий, волхвы египетские.

Епифаний в последний раз вдохнул грудью морозный воздух и вернулся за свой аналой. Погрев озябшие руки над жаровней, он взялся за другие листки — бесценный дар, принесённый Иаковом незадолго до Рождества.

«Мученичество и страдания святого и славного великомученика Артемия, умученного Юлианом Отступником», — гласило надписание на первом из листков. Епифаний уже собрался было приступить к чтению мученичества, но решил сначала сравнить это заглавие с другими, разбросанными по иным листкам. Мысль эта оказалась ненапрасной, ибо вторая тетрадь, переписанная Иаковом, была озаглавлена иначе: «Исторический рассказ, собранный из различных историографов, о жизни, славе и разуме святого великомученика Артемия и о его многострадальном исповедании».

Такое заглавие было уже много любопытнее и содержательнее, а главное — давало Епифанию надежду отыскать, кому же из церковных писателей принадлежат эти самые строки, над которыми он ломал голову с утра. Быть может, об этом будет сказано во второй тетради? Епифаний погрузился в чтение:

«О священный собор и Богом собранное собрание! Собираясь рассказать о подвигах и страданиях великого

и славного мученика Артемия, а также и о его благородном происхождении как свыше, так и от предков, я призываю самого этого мученика и осенявшую его благодать Духа стать помощником и спутником мне в моём рассказе. И вас самих я также прошу ободрить меня, нуждающегося в ваших молитвах, чтобы удобопроходимым и беспреткновенным стало для меня настоящее предприятие и чтобы преуспел я в намеченном рассказе о его мученичестве и исповедании...»

Епифаний перевернул лист и собрался было читать на обороте, как вдруг взгляд его упал на страницу справа: на ней снова стоял заголовок. Быстро догадавшись, что внутри второй тетради попала третья из снятых Иаковом копий мученичества, он прочёл и её надписание: «Воспоминания, то есть изложение мученичества святого и славного великомученика и чудотворца Артемия, собранное из «Церковной истории» Филосторгия и из некоторых других монахом Иоанном Родосцем».

Кто такой Иоанн с Родоса, Епифанию было неизвестно, а вот о Филосторгии он, конечно же, знал. Автор «Церковной истории», тот слыл приверженцем арианской ереси, искажавшим факты в угоду своему нечестию, так что писания его отовсюду исчезли. Поговаривали, правда, что целый том Филосторгия хранится в Патриаршей библиотеке, но что уж мечтать о несбыточном...

Епифаний стал судорожно искать в последней тетради имя Филосторгия и на удивление быстро нашёл его: «А Филосторгий, хоть и является пламенным приверженцем ереси Евномия, однако же паче всех обожествил мученика, составив пространное и точное описание его деяний, упомянув о присущем мученику с давних времён благородстве до того, как коснуться его исповеднических подвигов».

Чуть ниже нашлись наконец и мучившие его строки: «Великий Артемий был с Констанцием рядом во всякое время и во всяком деле, как лучший друг, блиставший доблестью и образованием, и горячий поборник веры Христовой. Но письменного упоминания о его родине и роде нам никто не оставил, кроме того, что триблаженный был из знатных и видных граждан. Также написано о нём, что перенести всесвятые мощи Христовых апостолов Андрея, Луки и Тимофея было ему приказано Констанцием, о чём поведает последующий рассказ».

Так значит, это именно Филосторгию, а никому иному, и принадлежит принесённый Иаковом краткий рассказ о перенесении апостольских мощей! Но всё же можно ли доверять еретику?.. Не привнёс ли он и сюда какого лукавства? Ведь в одной древней хронике, датирующей все события строго по пасхалии, Епифаний читал, что мощи святых апостолов перенёс не Константин, а его отец — святой Константин Великий. Быть может, Филосторгий специально приписал ариану Констанцию великое деяние его отца? Ведь, как сообщает Евсевий Кесарийский, Константин и храм в честь Святых Апостолов построил. Хотя и сам Евсевий тоже был не чужд арианству...

Цепь размышлений Епифания внезапно прервал краткий прерывистый стук. Он вскочил и распахнул дверь, но за ней никого не было. Верно, это проказник-ветер сбросил с высокой сосны над кельей шишку и та покатилась по крыше. Да и кого Епифанию было ждать в такую пору?

На целых два года застряли они с Иаковом в гостеприимном, но полуварварском и полуеретическом Херсоне, хотя поначалу и не думали там задерживаться, так что стали уже потихоньку сами дичать, как вдруг всё вновь разом переменялось. Господь покарал императора Льва Армянина, оскорбившего Его честной

Халкинский образ: ночью, на праздник Рождества переодетые клириками заговорщики зарубили василевса во дворцовом храме. На престол они немедленно посадили, вытащив из темницы, ещё находившегося в оковах своего товарища Михаила Заику, который грозился выдать их имена Льву. Михаил иконопочитателей не преследовал, но все споры о вере просто-напросто запретил.

Тут и выпал им случай вернуться в Город. О том, чтобы возвратиться в родную Студийскую обитель, и речи не было, да и другие столичные монастыри захватили еретики. Но всё это покрывала радость от долгожданной встречи с игуменом Феодором. Когда же тот всё-таки вынужден был удалиться из Города, то Епифания вместе с некоторыми другими братьями благословил остаться в столице — для укрепления верных. Поселились они в запустевшей Каллистратовой обители: у неё, конечно, был настоятель-иконоборец, однако из-за отсутствия братии он ошивался в патриархии и в монастырь носу не казал. Жили они на пожертвования доброхотов, да немного промышляли кто каким умел ремеслом.

Так обстояли дела до воцарения Михайлова сына Феофила. А как начал этот лютый зверь новое гонение на почитающих святые образы, так снова пришлось бежать им из столицы, теперь — на Вифинский Олимп, где в разбросанных над пропастями монастырях можно было спрятаться от императорских ищеек. Обойдя обители в Синаосе, Пандиме и Дагуте, Епифаний остановился, наконец, в монастыре на Авксентиевой горе, под началом игумена-тёзки. После смерти последнего братия захотела избрать Епифания в настоятели, но он отговорился, ссылаясь на предстоящие ему путешествия. Впрочем, стен обители он почти не покидал, а для общения с миром ему служил Иаков, уходивший по монастырским делам в Город,

причём порой и на несколько месяцев. Вот и теперь он куда-то пропал, хотя вроде бы обещался вернуться к празднику...

Стоя у распахнутой двери, Епифаний и не заметил, как продрог. Вернувшись внутрь кельи, он продолжил читать «Мученичество святого Артемия»: «Когда случилось оказаться ему в земле одрисов, где император Адриан основал город и дал этому месту своё имя, узнал он от одного из епископов, что тела Христовых апостолов Андрея и Луки лежат в Ахее: Андрея — в Патрах, а Луки — в Фивах Беотийских. И вот, когда услышал это император Констанций, то громко воскликнул и говорит присутствующим: «Позовите ко мне Артемия». А когда тот быстро прибыл, сказал: «Радуюсь я вместе с тобой, о самый боголюбивый из всех мужей». Тот ему в ответ: «И ты радуйся, о император, обо мне всегда, и пусть никогда не коснётся тебя что-либо неприятное». А император: «Найдёшь ли ты, о лучший из моих друзей, что-то лучше обретения тел Христовых апостолов?» Великий Артемий: «Кто и откуда, о владыка, явил нам сегодня это сокровище?» Констанций: «Епископ Ахеи, что надзирает ныне в Патрах. Но ступай, о лучший из мужей, и поскорей устрой их приход в Константинополь». Услышав это от императора, великий Артемий отправился в путь к апостолам, чтобы перенести их всесвятые мощи в Константинополь».

К сожалению, в мученичестве ничего не рассказывалось о том, как именно Артемий обрёл и перенёс святые мощи, ибо дальше читался лишь краткий пересказ Филосторгия: «Писатель истории говорит о Констанции и мученике следующее. О Констанции он сообщает, что тот ревновал и радел о делах божественных, хоть и склонялся к арианской ереси, увлечённый в неё нечестивым и безбожнейшим Евсевием, епископом Никомидийским. Поскольку он и во

многом другом был умерен и весьма заботился о благообразии и крайне стремился к целомудрию и в образе жизни и в прочих делах, то он выказывал величайшую заботу и о церквях, стараясь в рвении об этом далеко превзойти своего отца. И Великую церковь построил он в отцовском городе, близ сената, начав постройку от самого низа и основания. И отцовский гроб почитая, воздвиг он на его месте величайший храм и, перенеся из Ахеи апостола Андрея, как я сказал выше, положил там, а также перенёс евангелиста Луку из той же Ахеи и Тимофея из Эфеса, что в Ионии».

Ниже загадочный Иоанн Родосский упоминал награду Артемию в виде должности дуки Египта, а затем сразу переходил к описанию его мученичества. Что-то не нравилось здесь Епифанию, ох как не нравилось... И дело было даже не в Филосторгии: тот, понятное дело, был еретик, но вряд ли придумал бы целое перенесение мощей. Да и Артемий вроде бы жил именно при Констанции. Но что-то было здесь не так...

Сквозь промасленный пергамен на окне пробивался слабый луч зимнего вифинского солнца. Ветер тихо качал верхушки сосен. Епифаний откинулся в своем кресле и глубоко задумался.

Ещё в Городе, поселившись в Каллистратовой обители, написал он на основе древних источников и своих путевых заметок житие Первозванного ученика Христова. Так и не справившись с согласованием евангелистов, решил он просто-напросто продолжить рассказ о деяниях апостолов Андрея и Матфия в Синопе, бывшего в древности Городом людоедов. Труд свой, вкупе с житием Богородицы, послал он игумену Феодору, жившему тогда на Принцевых островах, и получил от него благословение переделать житие: убрать апокрифические и не относящиеся к апостолу места и дописать начало, а повествование о Богоматери переписать целиком.

Выполнить этот наказ Епифаний смог только здесь, обретя долгожданный покой на Олимпе. Житие Богородицы, слишком ещё сырое, он решил покуда отложить, а взялся за апостола Андрея. По Новому Завету и церковным писателям дописал-таки он палестинскую историю апостола до его прибытия в Синопу. А вот конец жития решил он дополнить рассказом о перенесении мощей святого из Патр в Константинополь. Тут-то и пригодился ему неутомимый Иаков, делавший в Городе выписки из нужных книг. Жаль, нет его здесь рядом, а то, глядишь, и посоветовал бы что дельное.

Вообще, жизнь на Олимпе была не слишком лёгкой, и даже не из-за суровых зим. Уж больно разношёрстой была братия обители, состоявшая преимущественно из монахов-беглецов разного возраста, происхождения и образования. Большая часть их ничего не читала, а если и читала, то разве что откровения лже-Мефодия Патарского, и все наперебой обсуждали скорый конец света: главное разногласие среди них было в том, антихрист ли император Феофил или только его предтеча.

Учёных монахов было мало. Чуть ли не единственным душевным утешением было общение с братом Синетом, тоже студитом и знатоком церковных писаний. Епифаний с удовольствием слушал его рассуждения о мнимых и подлинных расхождениях между Отцами, а тот охотно внимал его рассказам о дальних странах. Недавно же, услышав об интересе Епифания к великомученику Артемию, он передал ему две книги: собрание чудес святого и, как ни удивительно, «Праздничные послания» святителя Афанасия Великого. «Там, — говорил Синет, — помнится, была речь о каком-то дуке Египта по имени Артемий».

Чудеса святого оказались диковатыми народными байками, и Епифаний сразу вернул их брату. А вот до

пасхальных посланий святого Афанасия руки у него никак не доходили: это был увесистый том в тридцать девять писем. Наконец Епифаний открыл кодекс: он начинался «Показанием месяцев каждого года, дней, индиктионов, консульств и префектур в Александрии, а также всех эпактов и всех дней недели, называемых по именам богов, с объяснением причин, по которым не было писано послание и почему обращения из чужбины, — извлечено из праздничных посланий епископа Афанасия». Может, здесь прояснится, где искать этого Артемия.

Епифаний даже увлёкся чтением указателя: перед ним мелькали годы, месяцы, имена наместников Египта, за которыми стояли деяния и страдания бесстрашного иерарха. Но внезапно взгляд его словно запнулся: «В следующем году: воскресенье Пасхи 28-го фармуфа, в 9-й день майских календ; возраст луны 21-й, эпакт 18-й, седмичный день 6-й; в третий год индиктиона, в десятый год консульства Констанция Августа и третий Юлиана Кесаря; при управлении Египтом того же епарха Фавстина из Халкидона. Этот епарх и Артемий дука, разыскивая епископа Афанасия, вторглись в один частный дом — в келейку девственницы Евдемонии и жестоко мучили её. Поэтому опять он не писал».

Ну конечно! Раз Артемий был другом Констанция, значит, и он был арианином. И по годам всё сходится: мощи он перенёс в первый индикт, за что был назначен военачальником всего Египта, а в третий индикт гнал приверженцев истинного православия. Вот кто такой, оказывается, этот хвалёный Артемий!

И тогда, значит, гнали, и сейчас православных гонят! Вот лет с пять тому назад попали в Амории в плен к сарацинам сорок два ромейских военачальника — все сплошь иконоборцы, друзья Феофила, все, чай, гнали нашего брата-монаха. Увели их, говорят, в агарянский Вавилон, всё держат там в темнице да принуждают

принять магометанское исповедание — и если казнят их за отказ отречься от своей веры, то, выходит, станут они святыми мучениками?! Но они-то ладно — вояки, в тонкостях вероучения не сильны. А Артемий? Артемий-то что? Так и он военный: откуда же ему знать, из тварных Сын или нет? Ох, зря я взялся за такое дело... Лучше уберу-ка всё это перенесение от греха подальше...

И, взяв нож с узким лезвием, Епифаний выскоблил с пергамена начатую им фразу: «Много исцелений случилось, когда скончался блаженный апостол Андрей, и поныне совершается у его гробницы...» Затем, окунув стилос в чернильницу, твёрдой рукой он стал выводить конец апостольского жития:

«А Максимилла и Ифидама не отходили от его гроба до конца своей жизни, большое своё состояние вместе с деверем и епископом Стратоклом раздали нищим и на устройство епископии, основав мужские и женские монастыри, и прожили ещё довольно много лет, благодаря и славя Отца, Сына и Святого Духа, Которому слава и держава, ныне и присно и во веки веков, аминь».

Снова послышался стук. Вот его Епифаний ни с чем бы не перепутал: это брат-будильник стучал молотком в деревянное било, созывая монахов на праздничную всенощную. Он быстро — насколько мог — встал, накинул мантию, схватил книгу для Синета и вышел за порог. Солнце почти село за горы, затягивая снег розовой патиной. Епифаний стал подниматься по заиндеветой лестнице в храм, как вдруг заметил внизу, на дорожке, чьи-то следы: большие, крупнее звериных. И тут внезапно из-за поворота, заслоняя солнце, явилась огромная чёрная тень. Ему чуть ли не летел навстречу разбурлявшийся от морозца Иаков.

— Вот и встретились мы на Сретение! — поприветствовал его Епифаний давно заготовленной фразой.

— Радость-то какая, отче! — с несвойственной ему горячностью бросился обнимать Иаков старшего товарища. — Ты прости меня грешного за опоздание! Но радость случилась, истинная радость... Десять дней как издох тиран Феофил. А супруга его, благочестивая Феодора, говорят, и прежде прятала под подушкой иконы, выдавая за куклы, а теперь, верно, восстановит их почитание. Оттого и задержался я в Городе. Представляешь, вернёмся, мы, отче, снова в наш Студий или хоть в Каллистратову обитель — эх, куда Господь приведёт. А ты закончишь с миром житие апостола: все библиотеки тебе откроются! Представляешь!

— За вести твои радостные и за заботы обо мне недостойном — спаси тебя Христос, брат Иаков! Но я уже закончил то житие.

2. ИЗ ПАТР

Милостивый Государь Григорій Александровичъ!

Покорно прошу прощения у Васъ за то, что такъ медлилъ съ этимъ, быть можетъ, послѣднимъ письмомъ къ Вамъ. Но прошу также и повѣрить мнѣ, что препятствіемъ тому были непреодолимая обстоятельства. Вѣрно, до Васъ дошли уже вѣсти или, скорѣе, слухи о моихъ злоключеніяхъ. Поэтому я почитаю необходимымъ объясниться, не столько чтобы оправдаться въ Вашихъ глазахъ, сколько къ тому, чтобы Вы не поминали меня лихомъ.

Я вполнѣ сознаю, что первое явленіе мое передъ Вами и дальнѣйшее пунктирное общеніе наше могло оставить Васъ въ недоумѣніи относительно моего происхожденія и даже родного языка. Спѣшу завѣрить Васъ, что я не имѣлъ никогда намѣренія сознательно ввести Васъ въ заблужденіе, но лишь вынужденъ былъ порою дѣйствовать такъ въ силу обстоятельствъ. Нынѣ

же я почитаю необходимымъ и даже обязательнымъ открыть Вамъ, Милостивый Государь, исторію своей жизни, приведшей меня къ столь плачевному финалу.

Родился я въ семьѣ потомственныхъ востокѣдовъ въ Одессѣ, отсюда, кстати, и мой акцентъ, который многіе принимаютъ за иностранный: что жъ подѣлать, если въ говорѣ моего родного города слилось столько языковъ и нарѣчій; кромѣ того, ребенкомъ я сломалъ себѣ носъ, отчего только усилилась странность моего произношенія. Итак, книги окружали меня съ самаго раннего дѣтства: я помню ихъ едва ли не раньше, чемъ игрушки. Лишь только научился я читать въ четыре года, какъ книги стали всей моей жизнью. Я медленно терялъ зрѣніе, но не могъ отказаться отъ чтенія: ничто другое не будило такъ моего воображенія, не заставляло содрогаться мое сердце и душу.

Но среди всего многообразія литературы, обрѣтавшейся въ нѣдрахъ родительской квартиры, болѣе всего влекли меня къ себѣ книги объ открытіяхъ — неважно чего, новыхъ земель или древнихъ рукописей. Мнѣ ужасно хотѣлось стать открывателемъ какого-то новаго закона природы или утерянной письменности.

Впрочемъ, съ теченіемъ времени ко мнѣ стало приходить пониманіе несбыточности тѣхъ мечтаній, коимъ я съ такой страстію предавался. И тутъ же сталъ я замѣчать въ себѣ особый интересъ къ мнимымъ открытіямъ, иначе говоря, къ поддѣлкамъ и мистификаціямъ, притомъ не только книжнымъ, но и житейскимъ. Не разъ за это изгоняли меня изъ школъ, наказывали и родители, и учителя. Думается, что такъ отразилось во мнѣ крушеніе моихъ дѣтскихъ грезъ объ открытіяхъ подлинныхъ.

Однако жизнь текла своимъ чередомъ, и, какъ сынъ и внукъ видныхъ ученыхъ, по окончаніи школы поступилъ я въ бывшій Императорскій Новороссійскій университетъ, но долго тамъ за продѣлки свои не

продержался. Смѣнивъ рядъ университетовъ, въ томъ числѣ и европейскихъ (благо такая возможность намъ тогда только-только открылась), я убѣдился въ томъ, что моему горячему черноморскому темпераменту слишкомъ узко въ рамкахъ строгой академической науки. Всѣ великія открытія въ области древней исторіи и филологіи были уже сдѣланы, а единственное перспективное въ нихъ направленіе — лингвистика — требовало большей усидчивости и математической одаренности. На три года даже оставилъ я научныя занятія и сталъ обучаться профессіи художника-шрифтовика, однако и она мнѣ также прискучила.

Фантазія моя, черпая пищу себѣ въ прочитанныхъ книгахъ, теперь уже не дѣтскихъ, а вполне ученыхъ, парила въ поискѣ утраченныхъ древнихъ текстовъ: я безпрестанно думалъ о не дошедшихъ до насъ комедіяхъ Менандра, до-Несторовыхъ лѣтописяхъ, черновикахъ Гоголя... Потихоньку я началъ возстановливать ихъ на основѣ сохранившихся обрывковъ и свидѣтельствъ, но такой путь слишкомъ сковывалъ полетъ моей мысли, стремившейся зримо объять древній текстъ во всей его полнотѣ.

Вѣроятно, мнѣ слѣдовало бы стать литераторомъ, и я, думаю, преуспѣлъ бы на этомъ поприщѣ, однако воспитаніе семьи, занимавшейся всегда лишь древними текстами, наложило на меня свой отпечатокъ: сочинительство современныхъ авторовъ представлялось мнѣ какимъ-то низменнымъ ремесломъ, произвольной и безотвѣтственной игрой со словомъ. Изъ этого межеумочнаго состоянія вывела меня на нѣкоторое время новая идея: вернувшись ненадолго въ науку, я занялся интереснымъ и малоизученнымъ вопросомъ о томъ, какимъ образомъ древній авторъ сочинялъ свой текстъ. Насколько воленъ онъ былъ въ своемъ писаніи? Видѣлъ ли онъ текстъ линейно, какъ мы, или пространственно? Изыскивалъ онъ для продолженія

повѣствованія какіе-либо внутренніе ресурсы сюжета или въ дѣло вступалъ беш ех тасыпа?

Однако и такое увлеченіе быстро во мнѣ изсякло, и, напечатавъ пару статейъ на сію тему, я вновь вернулся къ прежнимъ мечтаніямъ. Я былъ уже близокъ къ тому, чтобы начать просто поддѣлывать древніе тексты. Занятіе это не такъ рѣдко въ ученomъ мѣрѣ, какъ Вамъ можетъ показаться на первый взглядъ. Мой Московскій знакомецъ — извѣстный и Вамъ — Іерооѣй однажды обронилъ даже: «Кто изъ насъ не грѣшенъ грѣхомъ Симонидиса?»

Но именно знакомство съ біографіей Константина Симонидиса и отвлекло меня отъ мысли о грубой поддѣлкѣ и натолкнуло на другой, казалось бы, давно уже забытый путь. Исторія Симонидиса, впрочемъ какъ и другихъ мистификаторовъ и фальсификаторовъ древнихъ рукописей, заняла бы не одинъ томъ: этой темой я также сталъ въ то время безумно интересоваться и даже думалъ сдѣлать ее своимъ основнымъ занятіемъ.

И вотъ, видя передъ собой безконечные примѣры поддѣлки, кражи и расчлененія рукописей, я пришелъ внезапно къ странной мысли. Большая часть поддѣлокъ всегда разоблачалась по техническимъ основаніямъ: несоотвѣтствіе бумаги, шрифта и тому подобнаго. Другая же, меньшая часть фальсификаторовъ попадалась на неспособности создать на подлинномъ матеріалѣ правдоподобный текстъ. Наконецъ, самые удачливые поддѣлыцики не выдерживали бремени похвалъ, достававшихся вмѣсто нихъ кому-то другому: помню, какъ одинъ нашъ Одесскій скрипачъ и композиторъ-любитель, отчаявшись въ признаніи своихъ произведеній, записалъ ихъ на старой нотной бумагѣ и приписалъ одному просвѣщенному помѣщику XVIII вѣка, но, когда музыка его получила блестящіе отклики, признался во всемъ, не вынеся мнимой чужой славы.

Намного болѣе привлекательнѣй показалась мнѣ идея, исповѣдовавшаяся путешественниками XIX столѣтія: они просто вырывали листы изъ ненужныхъ монахамъ рукописей и увозили ихъ въ Европу; самые честные изъ нихъ даже писали въ обезображенныхъ книгахъ, кто вырѣзалъ страницы. Съ тѣхъ поръ полная безприглядность Греческихъ монастырей смѣнилась, напротивъ, крайней закрытостью: въ ихъ книгохранилища не стали пускать почти никого, кромѣ Греческихъ же иноковъ.

Такъ пришелъ я къ мысли облечься для воплощенія своей идеи въ монашескія одѣянія и при этомъ потерять всякую связь со своей семьей и тѣмъ болѣе съ какой бы то ни было страной: родители мои къ тому времени уже умерли (фамиліи ихъ я не буду Вамъ называть, поскольку она слишкомъ извѣстна и уважаема, чтобы мнѣ пятнать ее своимъ нынѣшнимъ позоромъ), а развалившаяся на жалкіе обломки совѣтская псевдо-имперія дала тогда возможность многимъ своимъ бывшимъ подданнымъ расползтись по свѣту. Но становится полноцѣннымъ подданнымъ другого государства — *sich einbürgern* «вогражданиться», как говорятъ въ Германіи, — я также не желалъ, а потому идеальнымъ мѣстопробываніемъ для меня оказался именно Аѳонъ. Тамъ почти никто не спрашиваетъ, откуда кто родомъ, и потому я легко растворился въ разноразноязыкомъ и разноразноплеменномъ морѣ этой монашеской республики. Правда, пришлось выдать себя за потомка послѣреволюціонныхъ Русскихъ эмигрантовъ, для чего я даже освоилъ нашу старую орфографію, къ коей такъ прикипѣлъ душою, что не могу впредь писать никакъ иначе.

Итакъ, я избралъ одинъ изъ самыхъ уважаемыхъ Аѳонскихъ монастырей. Довольно быстро, благодаря нѣкоторымъ своимъ талантамъ, пройдя тамъ послушническій искусь, я былъ постриженъ въ иноческій

санъ, и старое имя мое кануло, казалось, навсегда въ Лету. Понемногу я получилъ въ той ученой обители свободу дѣйствій, а поскольку библіотека моего монастыря сгорѣла въ давнемъ пожарѣ, то я сталъ навѣщать другія книгохранилища Святой Горы. Сейчасъ дѣла въ нихъ обстоятъ нѣсколько лучше, но если бы Вы знали, Милостивый Государь, какъ грустны были они еще совсемъ недавно, а сколько некаталогизированныхъ рукописей хранится въ нихъ!

Средь этихъ-то манускриптовъ и сдѣлалъ я свои первыя, пусть пока и небольшія находки. Я сталъ аккуратно вынимать тетради съ обнаруженными мною сокровищами. Такъ стала собираться моя тайная библіотека. Много больше удалось мнѣ обрести, путешествуя по патріархатамъ и монастырямъ Христіанскаго Востока. Легко проникая въ ихъ библіотеки, я натыкался среди неописанныхъ рукописей на истинные шедевры книгописанія. Кое-гдѣ кто-то уже до меня довольно грубо вырѣзалъ мініатюры и заставки. Но не они влекли меня — я понемногу сталъ обретать смутные контуры своего великаго проекта. Оставался одинъ, самый важный и одновременно самый сложный, шагъ.

Замыселъ мой былъ довольно простъ. За много лѣтъ въ разныхъ книгохранилищахъ я набралъ фрагменты апокрифическихъ дѣяній апостоловъ, взятые изъ рукописей Средневизантійскаго періода и зачастую совершенно не извѣстные ученымъ. На основѣ этихъ отрывковъ, а также используя всевозможныя изданія Греческихъ и переводныхъ текстовъ, тщательно изучая ихъ языкъ и стилистику, возстановливалъ я утраченный текстъ корпуса Левкія Харина, который включалъ въ себя древнія дѣянія Петра, Павла, Андрея, Иоанна и Ѳомы и который одинъ изъ послѣднихъ держалъ въ рукахъ патріархъ Фотій въ IX вѣкѣ — для того мнѣ и

понадобилась Ваша помощь. Прошу у Васъ покорно прощенія за этотъ «благой обманъ».

Прежде всего я собирался предъявить ученому міру собранные мною отрывки какъ доказательство существованія нѣкой Византійской апокрифической библіотеки XI столѣтія, остатки коей я обнаружилъ въ одномъ изъ Аѳонскихъ монастырей. Расчетъ былъ безошибочнымъ: всѣ рукописи были подлинными, и никто не смогъ бы заподозрить меня въ обманѣ, а оставленныхъ мною лакунъ было не найти, такъ какъ рукописи эти были никому не извѣстны. Болѣе того, благодаря этой находкѣ выросъ бы и авторитетъ монастыря, и моя репутація.

Возстановленный мною текстъ дѣяній былъ уже полностью готовъ, всѣ слова и выраженія многократно проверены по словарямъ и databases — не знаю, какъ вѣрно назвать ихъ по-Русски. Я, правда, нѣсколько боялся реакціи православныхъ, особенно моихъ Аѳонскихъ собратьевъ, однако для нихъ я придумалъ особый аргументъ: дѣскать, древніе акты проповѣдуютъ безбрачіе, то есть являются тайными писаніями раннехристіанскихъ подвижниковъ, въ существованіи коихъ такъ сомнѣвается свѣтская Западная наука. Впрочемъ, меня самого, когда я углубился въ изученіе сохранившихся фрагментовъ дѣяній, стали терзать сильныя сомнѣнія въ ихъ подлинности, точнѣе — въ томъ, что они имѣли хоть какое-то отдаленное отношеніе къ реальной жизни апостоловъ. Такъ, напримѣръ, свою земную жизнь св. апостоль Андрей, чье имя носилъ я въ міру, окончилъ въ Патрахъ, гдѣ, судя по его «Дѣяніямъ», находилась резиденція Ахейскаго проконсула. Однако этого быть никакъ не могло: столицей Римской провинціи Ахея на протяженіи нѣсколькихъ вѣковъ — и, ужъ конечно, во времена апостольской проповѣди — былъ Коринѣъ, но никакъ не Патры! Значить ли это, что вся мелодраматическая

исторія ажъ съ двумя Ахейскими проконсулами, управлявшими своей провинціей изъ Патрсакаго преторія, — полная выдумка, я рѣшительно не знаю.

Болѣе того, чемъ дальше я углублялся въ изученіе житійной традиціи св. апостола Андрея, тѣмъ сильнѣе убѣждался въ томъ, что, кромѣ извѣстнаго намъ по Новому Завѣту, въ ней нѣтъ ничего подлиннаго, увѣ. Уже самыя раннія его дѣянія — плодъ болезненной фантазіи бродячихъ «апостоловъ» II вѣка отъ Р. Х., которые считали свое ученіе ничемъ не уступающимъ, а возможно, и превосходящимъ ученіе Самого Христа и непосредственныхъ Его учениковъ. Въ основномъ это были такъ называемые энкратиты — воздержанники, проповѣдовавшіе полное безбрачіе: оттого-то и «Дѣянія Андрея», реконструированныя мною по крупіцамъ, содержатъ столько призывовъ къ расторженію браковъ. Конечно, ихъ общины не могли существовать длительное время, такъ какъ въ нихъ невозможно было дѣторожденіе, и движеніе ихъ постепенно сошло на нѣтъ, оставивъ послѣ себя лишь сомнительныя сочиненія.

Много позднѣе, въ IX вѣкѣ, какъ Вы уже знаете, недалекій, но вѣрный ортодоксіи Епифаній Монахъ столкнулся съ неразрѣшимой на первый взглядъ проблемой — усвоить православной традиціи эти странныя дѣянія и превратить ихъ въ полноцѣнное житіе. Какъ ни странно, Епифанію это удалось, хотя то ли параллельно съ нимъ, то ли нѣсколько раньше его (а можетъ, и позже) то же самое пытался сдѣлать какой-то неизвестный намъ авторъ, сочинившій «Мученичество св. апостола Андрея», которое извѣстно въ ученыхъ кругахъ подъ условнымъ названіемъ «Narratio». О немъ мало кто зналъ, его мало переписывали, въ отличіе отъ Епифаніева творенія, которое переиначивали на свой ладъ всѣ кому не лѣнь. Уже самъ Епифаній зачѣмъ-то переписалъ свое изначальное житіе, Епифанія же

переписалъ Никита-Давидъ Пафлагонъ, добавивъ отъ себя массу риторической патоки и вставивъ въ текстъ большой кусокъ о городишкѣ Хараксъ, а Никиту-Давида Пафлагона стали переписывать уже Грузинскіе книжники, не забывъ присовокупить къ его передѣлкѣ описаніе проповѣди апостола Андрея въ Грузіи. Въ концѣ концовъ дошло до того, что Андрей оказался на берегахъ Днѣпра, Волхова и даже на островѣ Валаамъ.

Но — сомнѣнія сомнѣніями — а я всё же приступилъ къ изготовленію рукописи дѣяній: я хотѣлъ представить ее публикѣ немного спустя какъ кодексъ, который я купилъ у одного уже умершаго торговца древностями въ Іерусалимѣ и на дешифровку коего ушло много времени. Въ дальнѣйшемъ я намѣревался продать эту рукопись какому-нибудь богатому Американскому протестанту и получить, кромѣ славы, также средства на всю оставшуюся жизнь. Правда, о томъ, гдѣ я ее проведу и на что я эти средства потрачу, я даже не думалъ, настолько увлеченъ я былъ самой идеею своего предпріятія. Кромѣ того, я попытался было привлечь къ нему еще и нашего общего знакома — о. Андрея Епифанцева, который оказался настолько непроходимо дремучъ и непробиваемо косенъ, что я сильно потомъ пожалѣлъ даже о самомъ знакомствѣ съ нимъ. Впрочемъ, не желаю болѣе писать о немъ ничего.

Какъ Вы понимаете, изготовленіе столь замѣтной и обсуждаемой рукописи требуетъ большой осторожности. Я рѣшилъ эту проблему на удивленіе просто: укралъ изъ одной Восточной бібліотеки неописанную mineю конца VIII вѣка безъ переплета, подмѣнивъ ее на полкѣ старопечатной книгой съ оторванной обложкой, и смыслъ с нея текстъ — теперь сомнѣваться въ подлинности рукописи ни у кого не могло быть основаній. Затѣмъ я задумалъ написать свой текстъ поверхъ смытаго чернилами на чисто минеральной, желѣзо-галловой — не датируемой химически — основѣ, пользуясь

библейскимъ, крайне стандартнымъ унціаломъ, коимъ я, благодаря навыкамъ шрифтовика и долгому упражненію, потихоньку в совершенствѣ овладѣлъ, и, наконецъ, смыть и этотъ текстъ. Не буду погружать Васъ во всѣ подробности моего предпріятія, какъ стариль я новый текстъ въ печи, утюгомъ, подѣ землею... Задумка была въ томъ, чтобы представить найденный мною кодексъ какъ рукопись IX вѣка — не обязательно Фотіеву, но воспроизводящую тотъ же текстъ древнихъ актовъ, что и списокъ изъ Патріаршей бібліотеки. Еретическія сочиненія были якобы смыты для новаго текста, но тотъ по какой-то причинѣ такъ и не нанесли.

Въ моемъ планѣ оказалось только одно слабое звено: не въ самомъ производствѣ рукописи или текста — они безупречны, — а въ моей аккуратности. Нѣкій Нѣмецкій ученый, составляя каталогъ неописанныхъ рукописей одного изъ Аѳонскихъ монастырей, обнаружилъ, что кто-то сравнительно недавно вынулъ изъ трехъ кодексовъ тетради, такъ какъ въ нихъ появился замѣтный перерывъ въ нумераціи листовъ, произведенной два-три вѣка назадъ. Въ принципѣ, такое часто случается съ рукописями на Востокѣ, но монастырскій бібліотекарь выяснилъ, что всѣ три рукописи смотрѣлъ за послѣдніе годы я одинъ. И хотя явныхъ уликъ противъ меня не было, теперь мнѣ надо было быть весьма осторожнымъ при первой публикаціи своихъ фрагментовъ.

Тогда я отказался отъ изданія именно этихъ тетрадей, хотя текстъ ихъ былъ весьма цѣненъ, и сосредоточился на кодексѣ съ актами, но, чтобы не пробуждать лишняго интереса къ своей персонѣ, предпочелъ повременить и съ обнародованіемъ всего своего апокрифическаго «архива». Однакоже я продолжилъ работу въ бібліотекахъ Святой Горы, стараясь теперь ничемъ себя не скомпрометировать.

Дѣло рѣшилъ, какъ обыкновенно и бываетъ, случай. Въ одной обители я потерялъ свою записную книжку, гдѣ отмѣчалъ просмотренныя мною рукописи, въ томъ числѣ и тѣ, откуда я вынималъ тетради. *Книжка*, естественно, никакъ не была надписана, и, стараясь отыскать владельца столь цѣнныхъ записей, монастырскій библіотекаръ обнаружилъ упоминанія манускриптовъ и своей библіотеки. Провѣривъ эти рукописи — а читалъ ихъ опять лишь одинъ я — онъ, наслышанный о «находкѣ» того Нѣмецкаго ученаго, также выявилъ въ нихъ пропажу цѣлыхъ тетрадей и сообщилъ объ этомъ игумену. Тотъ незамедлительно снесся съ настоятелемъ моего монастыря — въ моей кельѣ былъ проведенъ негласный обыскъ и обнаружена часть вынутыхъ мною тетрадей: другую часть я спряталъ въ тайникъ внѣ Аѳона. Смытую mineю тоже нашли, но замысль мой пока не разгаданъ.

Во время обыска я находился за предѣлами Аѳона, но по представленію Протата, который рѣшилъ не защищать вора-чужеземца, былъ арестованъ и нахожусь теперь въ тюрьмѣ города Патры — по горькой ироніи судьбы или, скорѣе, Божественнаго промысла, именно тамъ, гдѣ, согласно древнимъ дѣяніямъ, и закончилъ свой путь св. апостолъ Андрей. И чувствую я себя, Милостивый Государь, подобно герою того вздорнаго апокрифическаго житія, основной текстъ коего я Вамъ какъ-то уже посылалъ. Вотъ что говорится въ самомъ его концѣ:

«Черезъ сто двадцать лѣтъ после кончины апостола воцарился христолюбивый Императоръ Константинъ [*т. е. выходитъ полная чушь — что св. апостолъ Андрей скончался ажъ въ 186-мъ году!*] и, основавъ на мѣстѣ Византія городъ своего имени, попытался свезти святыя мощи преподобныхъ апостоловъ и мучениковъ въ основанный имъ городъ, думая, что мощи скончавшихся за Христа станутъ оберегомъ и огражденіемъ для сего

города и отгонять отъ него всякаго врага. И вотъ, онъ послалъ за этимъ по всѣмъ провинціямъ и собралъ съ великой честью мощи святыхъ.

Пришли же и въ Патры Ахейскіе за апостоломъ. Тутъ начался ужасный плачъ и стонъ, вѣдь всѣ люди кричали со слезами: “Если хотите сокровище наше забрать, то сначала насъ умертвите! Если врача нашего хотите забрать, то сначала насъ убейте или живыми отправьте въ адъ”. И тысячу другихъ вещей кричали они Императорскимъ слугамъ. А архіепископъ, человекъ благочестивый и украшенный всеми добродѣтелями, спокойно и безъ волненія обратился къ толпѣ: “Мужи братія и сограждане, какъ мы желаемъ покровительства и заступничества Первозванного, такъ и могущественный и непобѣдимый нашъ Императоръ хочетъ его защиты. Поэтому если угодно апостолу и любить онъ нашего могущественнаго Императора больше насъ, то пусть взойдетъ на повозку, а если насъ любить больше Императора, то не взойдетъ”. И замолчалъ народъ.

Тогда попросили, чтобы мощи положили на ложе и всѣ ихъ поцѣловали, что всѣ и сдѣлали. Ибо, разстеливъ пурпурное ложе, помѣстили сверху мощи святого, и всѣ ихъ облобызали, отъ мала до велика. А одинъ изъ отцовъ города, человекъ весьма родовитый и неудержимо вѣрившій въ апостола, пришелъ и, начавъ отъ головы лобызать и обливать слезами мощи, дошелъ до ногъ. И какъ добрался онъ до правой ноги святого, то положилъ мизинецъ его ноги себѣ въ ротъ и откусилъ его зубами, думая про себя: “По горячей и искренней вѣрѣ хоть немножко заберу я отъ членовъ святого, чтобы было у насъ это какъ память и оберегъ”.

А когда взялъ онъ это, Императорскіе слуги, поднявъ святые мощи и положивъ ихъ на повозку, довели въ сохранности до Константинополя. И вотъ Императоръ, съ великой радостью принявъ честныя мощи святого и

всеславнаго апостола и построивъ храмъ во имя апостола (sic!), положилъ его тамъ съ величайшимъ славословіемъ. Многія исцѣленія случились по пути и случаются въ Константинополь и по сей день во славу Господа нашего Іисуса Христа, Коему слава и держава съ Безначальнымъ Отцомъ и Святымъ Духомъ, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь».

Вотъ такъ и я, словно съ апостольскимъ мизинцемъ во рту, сижу теперь и думаю: а чего надобно мнѣ было такого, что рѣшился я на такой шагъ? Славы? Денегъ? Удовольствія отъ осознанія своего превосходства? Не знаю! Знаю лишь одно — что міръ этотъ, въ которомъ я столько лѣтъ уже прожилъ и надъ которымъ я такъ глупо надругался, много милѣе мнѣ теперь всѣхъ моихъ хитросплетеній и прежнихъ мечтаній. И дастъ Господь, вернусь я когда-нибудь въ монастырь, уже не Аѳонскій, конечно, не богатый древними рукописями, а простой и безыскусный, который до самыхъ оконъ засыпаетъ снѣгомъ, гдѣ рѣдкій солнечный лучъ есть величайшая на свѣтѣ радость.

Засимъ остаюсь искренне Вашъ
худѣйший священноинокъ Ампелій +

Р. С. И вотъ что еще, дорогой Григорій Александровичъ. Ваша якобы случайная встрѣча съ нашей прекрасной и удивительной Ниной Туманишвили осуществилась не безъ моего участія, ибо я заранѣе вычислилъ, что вы въ одно и то же время окажетесь въ стѣнахъ Государственной рукописной библіотеки, хотя и не могъ предполагать всѣхъ обстоятельствъ. Въ дальнѣйшемъ я предуготовлялъ вашему союзу (въ появленіи коего ни минуты не сомнѣвался) одну изъ самыхъ значительныхъ ролей въ своей авантюрѣ, но, какъ видите, ни ей не пришлось осуществиться, ни ваши отношенія, увы, пока далеко не продвинулись. И въ этомъ также есть моя вина: я не взялъ въ соображеніе,

что, посылая Нину къ этому презабавному «схіепископу» (какъ онъ самъ себя величаетъ) Горгонію, дабы добыть у того записи одного покойнаго іезуита-оріенталиста, я тѣмъ самымъ толкаю ее въ лапы горгонитовъ, куда такъ часто попадаютъ не устроенныя въ жизни ученые барышни. Но видитъ Богъ, я не хотѣлъ этого! Простите меня великодушно и постарайтесь всеми силами, какія въ Васъ только имѣются, выволить оттуда Нину, если она, конечно, такъ дорога Вамъ, какъ она мнѣ сама о томъ писала.

3. В ХРАМ АПОСТОЛОВ

— Отец игумен, прибыли паломники из какой-то глухой деревни, требуют выставить все наши святыни для поклонения.

— Вынеси им три или четыре, а про остальные просто расскажи, отец Евлалій, как ты умеешь.

— Отец настоятель, не могу идти на послушание: спина болит.

— Ступай, чадо, к отцу Ферапонту: он даст тебе ревматической мази.

— Отец настоятель, большой аналой в храме сломался.

— Отец игумен, предлагают муку по сходной цене, и ещё...

— Отче, свежие новости о патриархе...

— Отче, такое дело...

— Отцы! Братия! Чада! Сегодня ведь праздник, и праздник великий — Сретение Господне! Отец Евфросин приготовил нам достойное его угощение, а вы своей суетой испортите мне всё пищеварение. Завтра, завтра все дела и будем решать. Аты, отец Мелетій, зайди по хозяйственным вопросам ко мне попозже. Пойдём, брат Иринарх, расскажешь мне свои новости...

Поднявшись в настоятельский покой, отец игумен поудобнее устроился в резном кресле с подлокотниками в виде львиных морд, снял стоптанные башмаки, вытянул уставшие ноги, глотнул из чаши травяного настоя и лишь тогда обратился к примостившемуся на низеньком табурете молодому рыжеватому монаху:

— Ну что, брат Иринарх, выкладывай, какие у тебя там новости.

— Город гудит, отче. Во-первых, все обсуждают сегодняшнее чудо с калекой у Святого Иулиана.

— Про чудо потом расскажешь. Что там с патриархом?

— Как знает твоё степенство, патриарх Николай после жалкой смерти возвратившего его на престол Александра, брата императора Льва, стал по его завещанию регентом при малолетнем багрянородном Константине вместе с магистрами Стефаном и Иоанном Эладой. После же бесславного окончания мятежа доместика схол Константина из рода Дук патриарх, как говорят, испугался, что вскроется его неблагоприятная роль в этом восстании: он-де и пригласил Дуку через Артавасда, протопресвитера Великой церкви. А тут ещё приключилась беда — нашествие Симеона Болгарского, который потребовал его короновать, но патриарх, говорят, обманул варвара, возложив на его склонённую голову вместо венца свой монашеский намёт. Вдобавок ко всему, и восьмилетний император попросил вернуть во дворец свою мать — императрицу Зою Карвонопсину, которую патриарх выслал ещё при императоре Александре. Впрочем, он заставил её принять монашество с именем Анна, над каковым она надругалась уже в день пострига, вкусив под предлогом болезни мясной пищи.

— Что ж ты мне, брат Иринарх, прошлогодние вести-то рассказываешь? К чему клонишь?

— А к тому, отец игумен, что теперь, хоть эта Зоя-Анна и стала духовной дочерью патриарха, но всё время искала удобный случай, чтобы выгнать его не только из дворца, но и из Города. И вот, намедни посылает она в его опочивальню пятьдесят человек с обнажёнными мечами, чтобы припугнуть. А тот вскочил с постели и с перепугу убежал по верхним переходам в Великую церковь, где не был уже около восьми месяцев, так как всё время торчал во Дворце. И теперь он сидит уже который день в алтаре как в убежище. В отличие от участников мятежа Дуки его из храма не вытаскивают, но, похоже, Зое того и не нужно, а надобно лишь удалить его от дел. Каждый день просит он свою духовную дочь о разрешении вернуться во Дворец, а она тем временем, по слухам, послала к бывшему патриарху Евфимию с предложением тому вернуться на престол. Ведь тот должен быть сильно обижен на Николая, который с бесчестием прогнал его с кафедры. И теперь к Евфимию в монастырь стекаются толпы епископов и священников, изгнанных Николаем из Церкви. К патриарху в Святую Софию не попасть, и вести о нём у меня от архиепископа Петра, который уехал сегодня в далёкую Аланию. Может, оттуда патриарх надеется получить себе помощь...

На лестнице слышались тяжёлые шаги. Дверь скрипнула и приоткрылась: «Молитвами святых отец...»

— Так что ты там, брат Иринарх, начал рассказывать о сегодняшнем чуде? Это и тебе, отец Мелетий, приятно будет послушать, чтоб хоть чуток отвлечься от хозяйственных попечений. Садись, отче.

— Так вот, у храма Святого Иулиана близ Куропатки — ну, у бронзовой её статуи, что рядом с форумом Константина... В общем, там рядом стоит дом схоластика Иоанна — вы должны помнить его: он был у нас в монастыре на собор в день памяти святого Авксентия. А над входом в дом того Иоанна образ

святого апостола Андрея висит. Под этим образом всё время торчал нищий: он ползал на карачках либо сидел то на коленях, то на сидушке. А перед образом горела лампада. И вот, представьте себе, сегодня ночью по промыслу Божию случилось ей погаснуть. Тогда калеке является во сне апостол и говорит, грозно так: «Встань и зажги лампаду!» А тот в ответ: «Погляди: я ползаю на карачках — как же мне сделать это?» Снова, во второй раз, явился ему апостол и сказал, ещё суровей: «Встань и зажги лампаду!» Но тот упёрся в своё: «Я ползаю на карачках и не могу сделать этого». Тогда в третий раз является ему апостол и говорит: «Я же сказал тебе, глупец: встань скорее, сломай свой посох и зажги лампаду!» Тогда тот как ни в чём не бывало встал, зажёл лампаду и, улёгшись, снова заснул у ворот, не ведая о своём исцелении. А с наступлением утра, то есть сегодня, калека решил, что всё осталось, как прежде. Но придя в себя и почувствовав выздоровление, начал он понемногу подниматься. Когда же он окончательно встал, то завопил громким голосом: «Господи, помилуй!» — так что собралось вокруг него множество горожан. И тогда он узнал на образе того, кто ночью разбудил его. А я слышал всё это утром, когда шёл сюда из Святой Софии, узнав новости про патриарха.

— Спаси тебя Христос, брат Иринарх. Будет, устал ты сказываючи, ступай с миром! А ты, отец Мелетий, по какому делу? Опять про муку?

— Нет, прости покорно, отче. С мукой я уже разобрался: порченная она. А дело у меня вот какое: пришёл крестьянин из Аплоннеса и утверждает, что наш участок там дед его уступил Каллистратовой обители только на пятьдесят лет, и требует вернуть его обратно или платить за него по две тысячи миллиарисиев в год. Что делать, я и ума не приложу.

— Надо будет проверить, отче, в наших документах. Подожди меня у старого скевофилакиса: я спущусь туда

через четверть часа.

Грузно ступая, отец Мелетий вышел, а игумена с новой силой охватили раздумья о превратностях человеческой судьбы. Он обулся, подошёл к окну, распахнул ставни и стал вглядываться вдаль, в сторону золотого купола Святой Софии, под которым страдал сейчас его патриарх. Но Город затянуло густым февральским туманом, поднявшимся от Золотого Рога и сочившимся мелкой моросью на черепичные крыши. И воспоминания о том злосчастном дне, когда сгорел перед ним свиток с этими странными «Деяниями Андрея», вдруг нахлынули на него...

...К утру того дня затянувшийся дождь наконец стих, и слабость отступила. Ни завтра, ни через день никто Никиту не искал: то ли не до него было, то ли Арефа благоразумно промолчал о роли своего ученика в том злополучном вечере. Никита ещё дважды пытался узнать через проезжих монахов, не объявлен ли он в розыск, но и они не принесли ему никаких вестей. Отчаяние сменилось неопределённостью, отчего на душе у Никиты было не лучше, если не хуже.

К этому времени Никита выехал уже из убогой гостиницы у городских ворот Перинфа и снял просторное жильё при храме Святого Георгия над восточной гаванью. Но захваченные из Города деньги понемногу таяли, и Никита задумался над своей дальнейшей жизнью, которая недавно казалась ему просто подарком небес. Учителем в Фракии дыре ему решительно не хотелось, да и опасно было оставаться в такой близости от столицы. Двинуться дальше на запад, как думалось ему вначале, Никита не решался: не был он никогда ни в Македонии, ни в Элладе, ни тем паче на Сицилии, да и друзей там у него не водилось. Правда, можно было податься ко двору болгарского царя Симеона, привечавшего у себя учёных людей. Но мысль о том, что ему придётся ежедневно льстить

самолюбие варвара, возмнившего себя василевсом болгар и ромеев, сводила Никиту с ума. Да и перейдя на службу к болгарину, он стал бы для единственного подлинного императора изменником и навсегда отрезал бы себе путь назад.

Поэтому после некоторых раздумий Никита решил остаться пока во Фракии, только найти себе убежище где-нибудь поближе к болгарской границе, там, куда, опасаясь внезапного набега, бояться заходить императорские чиновники. Страшась селиться в людном месте, он обосновался в маленькой пещере на берегу Эвксинского Понта, изредка покупая самую простую еду у пастухов. Здесь через два года наткнулись на него случайно императорские воины, принявшие его за болгарского шпиона, и отправили к стратигу Фракии, а тот — к императору Льву. Сразу же кто-то, видимо предатель Арефа, передал императору свиток с его давнишней речью у патриарха, выдав за собственноручное Никитино писание, которое якобы тайком умыкнул у того некий ученик. Много и других поклёпов было приписано ему — и против нынешнего патриарха, и даже что Никита в одном давнем богословском диспуте якобы называл себя Христом, трактуя так слова Псалмопевца: «Я сказал: вы — боги и сыны Всевышнего — все вы». Наказания для Никиты требовали и Арефа, и даже его собственный дядя Павел, игумен столичной обители Святого Фоки и патриарший ризничий, не без основания опасавшийся потерять из-за племянника-мятежника свой высокий пост. Но совершенно неожиданно — Бог весть отчего — вступился за него патриарх Евфимий, и хотя император Лев возражал, что Никита оскорбил не лично василевса и патриарха, а святую Церковь, патриарх выпросил для того пощады и даже спрятал его в пригородном имении своего Псамафийского монастыря.

Опять Никите пришлось затаиться, ибо императорский гнев всё не стихал. Наконец он решил тайком двинуться к себе на родину, в Пафлагонию. О том, чтобы ехать через Босфор, и речи не было: слишком легко там можно было попасться в лапы императорских соглядатаев. Дорога через Геллеспонт тоже страшила его как неизведанностью, так и необходимостью придумывать для попутчиков объяснение столь странного маршрута. И Никита выбрал третий путь.

Добравшись до Селимврии, он сел на корабль, шедший в Херсон. Через несколько дней странствий по бурному морю сильным весенним ветром их отнесло к устью Данапра или, как его называли древние, Борисфена. Здесь он наблюдал за передвижением росов на их лодках-однодеревках, собиравшихся, похоже, напасть на Город, и даже похороны одного из них — над его могилой товарищи поставили камень с письменами на неведомом Никите языке, похожими на трещины в бараньей лопатке для гадания. Наконец он добрался до Херсона, и здесь выбранное им для прикрытия ремесло переписчика филактериев-оберегов вдруг принесло Никите немалую выгоду. Невежественные херсаки охотно покупали кусочки пергамена с заклетьями против всевозможных болезней, особенно против порчи и сглаза. Через месяц Никита отплыл в Воспор, где наблюдал большой пожар, пожравший базилику Святых Апостолов со всем её убранством: горожане искали и не могли найти в обгоревших руинах мощи апостола Симона, отчего вопли их стояли по всему городу несколько дней. Страна верхних сугдаев, описанная Епифанием, совсем запустела, а земля зихов была унылой, но плодородной: именно тогда Никита понял, что их имя — «зикхой» — происходит от «зин эк хоос», то есть «жить от праха». Сами они себя, впрочем, называли азыгхами, не умея, по всей видимости, начинать слова не с буквы «а».

Рассказ же Епифания о их дикости подтвердился: Никита со спутниками еле успел бежать из Никопсии, благо за одноимённой рекой уже начиналось дружественное грекам царство авасгского магистра. Оттуда он достиг Фасиса, но так и не увидал тех судов, что плывут медленно, как рассказывает Арриан, неся внутри себя воду. Наконец трапезунтский торговый корабль причалил к устью Парфения, и Никита чудесным образом успел-таки на освящение храма в честь апостола Андрея, отложившееся на два года из-за нерадения живописцев.

Впрочем, после августовской ярмарки жизнь в Хараксе сильно поскучилась: Никите надоело отвечать на расспросы местных крестьян о том, как живёт император в своём золотом дворце и почему не видит разгула чиновничьей хищности, и поэтому на зиму Никита перебрался в Амастриду, где так и осел. От безделья он взялся преподавать сыну своих друзей риторику, да и стал учительствовать, открыв свою школу прямо при часовне Святого Иакинфа.

Летом Никита наезжал в Харакс, где продолжал в храме рассказывать дальше о житии апостола самыми изысканными словами — не столько для услаждения невзыскательной аудитории, сколько чтобы самому не потерять риторический навык:

«Вы, конечно, помните, о внимательные и верные слушатели, на чём мы прежде остановили наше слово, повествуя как об учении, так и о чудесах всехвального и первозванного апостола Андрея, чтобы, взявшись здесь снова за рассказ, соединить грядущее с предшествующим. Ибо вот мы, как и обещали, пришли к вам, чтобы благоразумно исполнить словесный долг, который, я думаю, ваша любовь тщательно держит в памяти. Ведь как одолжившие у кого-либо золото или серебро на письме и при свидетелях с большой тщательностью указывают количество и того, что

отдают, и того, что должны, дабы по прошествии долгого времени в глубинах забвения не потерялся уговор об этом, так же перед вашими внимательными ушами и я теперь намереваюсь поступить. Впрочем, если и вы случайно забыли (ведь это свойственно людям), то вот я с благоразумием пришёл сегодня, дабы и уже забытое в памяти возобновить, и долг свой исполнить».

За три неполных года Никита так привык к жизни в провинции, что послание от патриарха словно вернуло его в какой-то иной мир. Возвратившись на престол, Николай не забыл смелой речи Никиты и звал его к себе в Константинополь. Никита долго колебался и никак не мог решиться на отъезд, а когда всё же прибыл в столицу, то оказалось, что лучшие места патриарх уже раздал своим людям. Да и не до Никиты теперь было ему, занятому государственными делами. Решив покончить с неопределённостью, Никита принял монашеский постриг и обосновался в той самой Каллистратовой обители: жили там монахи сами по себе, да и игумен был ветхий и никому не докучал. Даже имя мирское патриарх дозволил Никите оставить.

Старый друг его Парфений из монастыря, однако, исчез: рассказывали, что после низложения патриарха Николая он словно тронулся умом, стал нести какую-то околесицу про епископов и самого императора, а потом куда-то пропал. Впрочем, судьба Никитина ещё раз неожиданно повернулась, теперь счастливой стороной: после скорой смерти настоятеля монахи, по представлению патриарха, с удовольствием выбрали учёного сотоварища в игумены. Отныне жизнь потекла по-иному: как настоятель он получал подарки на всех важных императорских и патриарших торжествах, стал вхож во дворец и в патриархию. Впрочем, теперь его больше заботило благоустройство храма, пополнение закровов, обучение братии хорошему пению. Прошлая жизнь философа и ритора словно растаяла в тумане...

...Да и тот туман развеяло уже, как сегодняшнюю дымку над Городом разогнал после обеда холодный северный ветер. Выглянуло солнце, и, вспомнив о данном отцу Мелетию обещании, игумен спустился вниз и вышел на двор, где его ждал порядком уже продрогший иконом. Старый скевофилакый был гордостью игумена: он починил его крышу, освободил от всего хлама, расставил документы аккуратно по полкам — и места внутри оказалось ещё предостаточно. Тогда он решил использовать прекрасное старое здание для своего нового увлечения.

После Торжества Православия в Городе снова появилось множество прекрасных икон, как новых, так и старых. Однако со временем олифа на них темнела, священные образы переставали быть видны, и тогда почти все они — за исключением чудотворных — быстро теряли свою ценность. Их за бесценок, а то и просто даром отдавали отцу Никите настоятели храмов и игумены монастырей. Он часами вглядывался в угасающие лики на тёмных досках, и душу его охватывали одновременно невыразимая радость и неутолимая печаль.

И вот как-то приютил он на зиму бродячего монаха из Сирии. Тот хоть и плохо говорил по-гречески, но смог объяснить секрет производства сарацинской жидкости, именуемой алькухоль. Жидкость эту тот монашек использовал преимущественно для внутреннего потребления, так что свечи вспыхивали порой с двойной силой, когда он пытался их задуть, а пролитые трясущимися руками капли оставляли на его ветхой одежде заметные пятна или даже дыры. Приметив это удивительное свойство восточного снадобья, игумен попробовал натирать ею бронзовую утварь, отчего та стала ярко блестеть, а затем отважился потереть и старую икону. И совершенно внезапно краски на ней ожили, заиграли, засияли. Никита хранил своё зелье в

великой тайне: лучшие иконы он помещал в храме, а остальные держал в скевофилакии. Настоятели же окрестных монастырей только и гадали, откуда у Каллистратова игумена появился такой искусный иконописец.

— Так как ты говоришь, отец Мелетий: пятьдесят лет назад передал он участок в Апломонесе нам в пользование? Это значит, пятнадцатый год Михаила Аморийца... Так, за этот год ничего нет, за следующий тоже... Ага, нашлось за первый год Василия Македонянина — вот жадный народец, даже пятидесяти лет подождать не могут. Держи. Покажи и скажи своему апломонесцу, чтобы приходил через два года... Постой, отче! У меня есть важное дело в городе: не знаю, успею ли вернуться к вечерне. Так что если вдруг что, ты за меня!

При возобновлении скевофилаксия отец Никита наткнулся и на нечто неожиданное — на спрятанную за шкафами небольшую нишу-тайник. Притом, судя по грубым сколам на кирпиче и отсутствию штукатурки, ниша эта была вырублена позже, дабы спрятать нечто, не предназначавшееся для посторонних глаз. Никаких сокровищ в тайнике игумен не нашёл — там лежали только тонкие листки пергамента, исчерканные загадочными значками. Лишь старый Никитин друг, императорский библиотекарь, опознал в них древние астрологические схемы. Игумен уже думал сжечь богомерзкие писания, как вдруг поздно вечером к нему явился неизвестный посетитель, тщательно прятавший своё лицо в глубине высокого капюшона, и предложил за них такие деньги, что Никита не смог отказаться, тем паче что собор монастыря тоже настоятельно требовал перестройки.

Итак, отодвинув несколько книг, игумен легонько нажал на заднюю стенку шкафа — та бесшумно открылась, и он достал из потайной ниши маленький

мешочек. Последний долг оставалось отдать ему, и тогда надеялся он найти окончательное успокоение и прощение от Господа, а сегодняшнее чудо только утвердило его в необходимости сделать это именно сейчас. На улице Никиту словно обступил тот февральский вечер семилетней давности: только теперь спешил он не от Святой Софии в Каллистратов монастырь, а, наоборот, оттуда — в церковь Святых Апостолов. Закутавшись от пронизывающего борея в тёплый шерстяной плащ, игумен решил идти коротким, пусть и более грязным путём — через Мердосагар, где он без нужды старался не бывать. Вот справа осталась женская Эримиева обитель, где лежит тело треклятого Фотия. А это что за новая церковь?

Никите сразу приглянулся ладный, высокий храм с пятью куполами за невысокой оградой. Ворота были открыты, во дворе не было никого, кроме нищего на церковных ступенях, и он решил обойти кругом собор, выстроенный явно по новой моде: похожий на пирамиду, поднимающуюся от галерей через рукава креста к куполу, он казался удивительно лёгким и грациозным благодаря большим окнам, изысканной мраморной резьбе и небольшим нишкам на фасаде: плоским, вогнутым, круглым. Над углами храма были расположены какие-то тесные каморки с наружным входом. «Интересно, для чего они здесь: может быть, кельи для отшельников?» — подумал Никита. По мраморному карнизу кругом шла стихотворная надпись позолоченными медными буквами, прославлявшая заказчика — некоего Константина.

Отец игумен обогнул храм и собирался было уйти, как вдруг сидевший на паперти нищий вскочил и, брызжа слюной, начал поносить Никиту:

— Ну что, дармоед? Довольный ходишь, пузо чешешь... Чай, себе хочешь такую церковочку отгрохать? А воровать-то бросишь, чужое добро к себе в

келью таскать, а? Думаешь, раз перед патриархом пресмыкаешься, всё тебе можно, да?!

Таких бесноватых кликуш в Городе было великое множество, и обычно никто внимания на них не обращал. Они во множестве стекались в праздничные дни к большим храмам и поносили священнослужителей, особенно толстых, пока их не прогоняли. И сейчас Никита спокойно ушёл бы прочь, но мысль о том, что этот вонючий безумец кинется за ним и ославит его на весь квартал, остановила его: для сегодняшнего предприятия лишняя огласка была ему ни к чему. Поэтому он решил укрыться в храме и быстро взлетел по ступенькам к двери, но та оказалась закрыта.

— От людей спрятаться хочешь? А от Бога-то куда убежишь? Как Ему объяснишь, что крестьян обдирал, плоть свою тешил да подписи подделывал? — бешено вращая глазами, не унимался похаб.

Последние слова особенно задели игумена. Ну ладно, про жадность и про воровство — это обычный их поклёп, хотя Никита и вправду пару раз воровал: украл как-то старые иконы, покрытые пылью и заброшенные на шкафы тупыми настоятелями. А вот про подписи-то откуда? Не сболтнул ли чего тогда Парфений?..

Наконец на его стук открыли, и к лицу ступившего в тёмный притвор Никиты приблизился зажжённый светильник. Какой-то бородач внимательно оглядывал его.

— Ой... Это ж Никита... То есть, прости, отец Никита, или как теперь тебя звать-величать? Жив-здоров! Благослови, отче!

— Бог благословит! Никита, Никита, да... А как твоё святое имя?

— Неужто не признал меня?

— Да уж как тут признаешь, в темноте-то такой?

— Прости, отче. Артемий я, Артемий! Учился у тебя много лет назад.

— В Амастриде, что ли?

— Зачем в Амастриде? Я что, на пафлагонского мужика похож? Да нет, здесь, в Городе, учился: риторике и диалектике, когда ты владыку Арефу замещал.

— А, вспомнил, вспомнил. А что ты здесь, в монастыре, делаешь? Ты же вроде бы собирался по чиновничьей стезе?

— И пошёл, и ходил по ней, отче! У логофета общественных имуществ секретарём был. Потом служил у этериарха Константина Лива, да как он в мятеже Дукином провинился, так я в его монастырь и сбежал. Послушник я здесь пока. А сам-то он спрятался куда-то, но коли возвратится и прежнюю силу себе вернёт, то и я, глядишь, отсюда выберусь.

— Понятно. Видишь, и я теперь остепенился. А скажи мне, чадо Артемий, нищий этот одержимый — он вообще кто такой?

— Да безобидный он, часто здесь на паперти сидит, тихий-претихий. А как найдёт на него что-то, вдруг как взбрыкнёт, да пойдёт поносить епископов и самого василевса! Даже на цепь его пару раз сажали. Но некоторые почитают его за истинного юродивого и советов у него просят. Несчастный он: говорят, жил где-то неподалёку в монастыре, да с чего-то взял и спятил.

Никита рванулся обратно к двери, но на дворе не было уже ни души. Проклиная себя за недогадливость, игумен присел на ступеньку.

— Ты, отче, сам дёрганный какой-то стал: то сюда, то туда норовишь! А обличения и от таких вот с виду безумцев на пользу бывают. Вот какую повесть душеспасительную нам сегодня на трапезе, к примеру, читали.

— А ну-ка Расскажи. А то что-то тошно мне стало, дай передохну тут у вас немного...

— Итак, жил в одном городе весовщик. Раз приходит к нему какой-то горожанин с запечатанным мешком в пятьсот номисм и просит: «Возьми ты этот мешок на хранение и, как будет у меня нужда, выдавай мне по частям». Не было же никого там, когда отдавал он ему мешок. Но один из знатных граждан, проходя снаружи, услышал и заметил, как тот передал ему мешок, а весовщик не знал, что тот это слышал. А через несколько дней приходит тот человек, кто отдал мешок, и говорит весовщику: «Дай-ка мне из моего мешка, потому что возникла у меня в том нужда». Но тот, обнаглев от того, что не было свидетелей, когда передавали ему этот мешок, стал от всего отказываться: «Не давал ты мне, мол, ничего никогда». И когда обманутый человек вышел оттуда смущённый, встречает его этот знатный горожанин и говорит: «Что случилось?» Тот рассказал ему своё дело. Он спрашивает: «Ты точно ему давал?» Тот отвечает: «Точно». Тогда он и говорит тому: «Скажи ему: пойдём, мол, подтвердишь мне это перед святым Андреем, и будет с тебя довольно». А была там поблизости часовня Святого Андрея... Ты в порядке там, отче?

— Ну-ну, рассказывай дальше.

— Так вот, только тот весовщик собрался поклясться, как берёт этот знатный человек своего раба, поднимается в храм Святого Андрея и говорит рабу: «Если я чего сегодня сделаю, ты не смущайся, но терпи». И войдя в храм, он снял свой плащ и начал прикидываться бесноватым, бесчинно вопя и крича. А когда те вошли, он заорал: «Святой Андрей говорит мне: вот, мол, этот злодей взял пятьсот номисм у того человека и хочет обмануть меня клятвой». Тут он бросается на весовщика и начинает его душить, приговаривая: «Святой Андрей говорит: отдай человеку пятьсот его номисм, отдай!» А весовщик, смутившись и испугавшись, стал заверять: «Да принесу ему я их». Но

тот не унимается: «Нет, сейчас неси!» Так и так, пошёл весовщик и принёс их, и говорит мнимый одержимый хозяину денег: «Говорит святой Андрей: положи, мол, на престол шесть номисм». И тот положил с радостью.

— И вся твоя притча?

— Нет, ещё немного осталось. Когда все разошлись, взял тот знатный горожанин свой плащ, прилично оделся и снова отправился на прогулку мимо весовщика, как обычно. Весовщик, увидев его, стал вглядываться в него и сверху, и снизу. Говорит ему этот знатный человек: «Что ж ты вглядываешься в меня, приятель? Поверь, по благодати Христовой нет во мне беса, но поскольку, когда отдавал тебе мешок с печатью тот человек, был я снаружи и слышал и видел всё точно, так что решил устроить это представление, чтобы не погубил ты свою душу, а человек тот не лишился безвинно своего имущества». Вот и всё.

— Ну, спаси тебя Господь за наставление, чадо! А как называется-то ваш храм?

— Церковь Пресвятой Богородицы монастыря Константина по прозвищу Лив. Ведь когда шесть лет назад пригласил он императора и других гостей на освящение этого святого храма, подул такой сильный ветер из Ливии, что даже здания падали, и люди решили, что настал конец света, пока не пошёл проливной дождь.

— Шесть лет назад... Это я уже покинул Город. Постой, как ты сказал: Константина этериарха?

— Да. Ты ведь, небось, знал его? Ну конечно знаешь, ведь он твой душеприказчик: вещи твои продавал и деньги роздал нищим, всё по завещанию. Я ведь сам этим тогда занимался.

— А книги, книги-то мои тоже продали?

— Нет, книги, как в завещании, сохранили. Здесь они лежат. Показать тебе их?

Они поднялись по узкой лесенке на балкон над галереей и по нему прошли к комнатке над углом храма. Маленькое помещение было хорошо освещено лившимся из купола светом, и Никита с любовью и тоской стал разглядывать свои, казалось, навеки потерянные сокровища. Может, и немного их было, но каждая из этих книг была ему родной: какая подарена учителем, какая куплена на рынке, а какая и переписана собственной рукой. Плутарх и Фукидид, Гомер и Менандр, Арриан и Страбон...

— Мы их тут особливо держим. А под соседним куполом у нас придельный храм: мы там и тебя поминаем среди усопших благодетелей и вкладчиков. Если прикажешь, отче, пришли за ними или сами отвезём их тебе в...

— Покуда не надобно. Не до них мне пока, чадо. А меня поминайте и дальше, но только за здоровье.

К Святым Апостолам игумен добрался уже ближе к закату. В полутёмном храме царила тишина, но откуда-то справа Никита расслышал тихий шум голосов. Ожидания не обманули его: в южной галерее он обнаружил кучку паломников, к которой незаметно и присоединился.

— Так, братия, — монотонно гнусавил их провожатый. — Сейчас мы с вами стоим в южном преддверии храма. Здесь лежат саркофаги Аркадия, его сына Феодосия и матери последнего — Евдоксии. Гробница Аркадия находится к югу, Феодосия — к северу, а Евдоксии — восточнее, все порфирные. А напротив, в северном портике, находится округлый саркофаг, где лежит злосчастное и мерзостнейшее тело Юлиана Отступника, и другой саркофаг, где лежит тело Иовиана, воцарившегося после Юлиана. Туда мы не пойдём, а пройдем с вами в мавзолей великого Юстиниана.

Толпа паломников, шурша друг о друга одеждой и гулко стуча деревянными подошвами, двинулась вслед за ним.

— У самой апсиды, на востоке, первый тот саркофаг, где лежит тело Юстиниана, из странного и необычного камня, имеющего цвет средний между вифинским и халкидонским, близкий к острийскому. Другой саркофаг, из иерапольского камня, где лежит Феодора, жена великого Юстиниана. Дальше к западу, с правой стороны, саркофаг пёстрого розового цвета, докиминский, где лежит Евдокия, жена Юстиниана Великого. Дальше саркофаг белый, проконесский, где лежит Юстиниан Младший. Дальше саркофаг из проконесского камня, где лежит София, жена Юстина. Дальше саркофаг из белого камня, докиминского оникса, где лежит Ираклий Великий. Дальше саркофаг зелёный фессалийский, где лежит Фавия, жена Ираклия. Дальше саркофаг проконесский, Константина Погоната. Дальше саркофаг из зелёного фессалийского камня, где лежит Фавста, жена Константина Погоната. Дальше саркофаг сагаринский, где лежит Константин, внук Ираклия, сын Константина Погоната. Дальше саркофаг тоже из сагаринского камня, состоящий из сотен кусочков, где лежит Анастасий, он же Артемий. Дальше саркофаг из иерапольского камня, где лежит жена Анастасия, он же Артемий. Дальше саркофаг из проконесского камня, где лежит Лев Исавр. Дальше стоял когда-то саркофаг из зелёного фессалийского камня, где был погребён Константин, сын Исавра, по прозвищу Лошадник, но потом его злосчастное тело было вытащено императорами Михаилом и Феодорой и сожжено, а саркофаг его также был вытащен, распилен и использован на обустройство Фаросского храма во Дворце: большие плиты, находящиеся в Фаросе, сделаны из этого саркофага, но вам их всё равно никогда не увидеть. Дальше саркофаг из проконесского

камня, где лежит Ирина, жена Константина Лошадника. Дальше саркофаг зелёный фессалийский, где лежит другая жена Лошадника. Гроб из проконесского камня, где лежат Космо и Ирина, сёстры Лошадника. Дальше саркофаг, проконесский, где лежит Лев Хазар, сын Константина Лошадника. Дальше саркофаг, из проконесского камня, где лежит Ирина, жена Льва Хазара. Дальше саркофаг зелёный фессалийский, где лежит Михаил Заика. Дальше саркофаг из сагаринского камня, где лежит Фёкла, жена Михаила Заики. Дальше саркофаг из зелёного камня, где лежит император Феофил. Дальше небольшой саркофаг, зелёный, где лежит Константин, сын Феофила. Дальше небольшой саркофаг из сагаринского камня, где лежит Мария, дочь Феофила.

— Ну и тараторит, — вздохнул один из паломников. — Где нам все эти гробы с их цветами рассмотреть...

— Пройдёмте теперь в мавзолей святого и великого Константина. Так, первым на востоке стоит саркофаг самого святого Константина, порфирный, где лежит он со своей блаженной матерью Еленой. Можете приложиться. Только побыстрее, побыстрее, не задерживаемся... Дальше порфирный саркофаг, где лежит Констанций, сын великого Константина. Дальше порфирный саркофаг, где лежит Феодосий Великий. Дальше саркофаг зелёный, иеракский, где лежит Лев Великий. Дальше саркофаг порфирный, где лежит Маркиан со своей женой Пульхерией. Дальше саркофаг зелёный фессалийский, где лежит император Зинон. Дальше саркофаг аквитанский, где лежит Анастасий Дикор со своей женой Ариадной. Дальше саркофаг из зелёного фессалийского камня, где лежит император Михаил, сын Феофила. Тут следует сказать, что этот саркофаг императора Михаила был прежде Юстиниана Великого. Лежал он в монастыре Августы, ниже святого

апостола Фомы, где были обретены и платья апостолов, о чём я вам рассказывал. Взял же его господин император Лев и положил его здесь, для погребения тела этого Михаила. Говорят, что он был на самом деле его сыном, а не Василия Македонянина. Но двинулись дальше... Вон там саркофаг зелёный фессалийский, где лежит Василий с Евдокией и своим сыном Александром. Дальше сагаринский, то есть пневмонусийский саркофаг, где лежит славный Лев. Дальше белый саркофаг, называемый василикием, где лежит Константин, сын Василия. Дальше саркофаг зелёный фессалийский, где лежит святая Феофано, первая жена блаженной памяти Льва, со своей дочерью Евдокией. Дальше саркофаг вифинский, где погребена Зоя, вторая жена этого Льва. Дальше саркофаг зелёный фессалийский, где лежит Евдокия, третья жена господина Льва, по прозвищу Ваина. Дальше саркофаг проконесский...

— Прости покорно, отче, — раздался голос другого паломника, — а почему же великий наш император Константин, который и построил храм Святых Апостолов себе для погребения, лежит здесь в дальнем его углу среди прочих императоров, в том числе и нечестивых?

— Хороший, понимаешь ли, мудрый, можно сказать, вопрос! На него отвечает нам святитель Иоанн Златоуст, чью гробницу мы с вами уже видели, в своем толковании на Второе послание апостола Павла к коринфянам: «Ведь и здесь дитя Константина Великого сочло, что почтило его великой честью, положив в преддверии у рыбака. И что привратники у царей во дворце, то же и в гробнице цари у рыбаков. И эти, словно владыки, лежат внутри, а те, словно чужеземцы и соседи, обрадовались тому, что отведена им дверь во двор, тем самым показывая и неверующим, что и в воскресении большим будет значение рыбаков».

— И что же это значит?

— А то, что при сыне великого Константина Констанции, вскоре после перенесения апостольских мощей, храм наш был повреждён сильным землетрясением и грозил рухнуть. Императора же не было тогда в Городе, и злочестивый патриарх-духоборец Македоний самочинно перенёс тело Константиново в храм Святого Акакия. Из-за этого разгорелась там во дворе драка между православными и еретиками, и кровь выливалась оттуда на улицы. Вернувшись в столицу, Констанций велел низложить Македония, но храм ещё восстановлен не был, так что освятили его лишь через тринадцать лет после того, при императоре Валенте. Так или иначе, а оказалось, что останки апостолов легли внутри храма, а императора — в его преддверии.

— А куда же Констанций положил пока тело своего отца?

— Доподлинно неизвестно. Неясно и то, каким был первый храм: круглым, восьмиугольным или имел форму креста, каковым поминает его святитель Григорий Богослов: «Прощай и ты, славный храм Христовых учеников с крестообразными сторонами». Некоторые же полагают, что Константинов храм, где гроб его стоял посреди стел с именами двенадцати апостолов, и есть этот его мавзолей, а крестообразный храм построил Констанций, а затем перестроил великий Юстианиан. Но всё это не более чем догадки — рассуждения, пользы душе не приносящие. А теперь, братия, берите свечи и пойдёйте живей в крипту, к мощам святых апостолов.

Паломники гуськом по узкой боковой лесенке спустились под алтарь храма. Здесь огонь свечей озарил большой порфирный саркофаг с останками апостолов Андрея, Луки и Тимофея.

— Как я вам уже рассказывал, братия, мощи всечестных апостолов были перенесены сюда при императоре Констанции святым мучеником Артемием Стратилатом. Затем они пришли в безвестность — быть

может, от случившегося вскоре землетрясения — и были обретены при императоре Юстиниане, когда рабочие разбивали пол храма, и положены под Святым престолом. А теперь, пока вы лобызаете их святой гроб, я расскажу вам о случившемся древле чуде.

Тут провожатый встал у саркофага и чёткими, отработанными движениями подпускал по очереди каждого из паломников, на миг удерживал его, чтобы тот лишь краем губ успел коснуться камня, и быстро отставлял его в сторону, при этом успевая вести рассказ:

— Когда многострадальные и святые мощи триблаженного апостола Андрея были перенесены святым Артемием из Ахеи и был открыт святой гроб для его погребения, тогда положенные там ранее апостольские и святые мощи, лежавшие рядом, породили у занимавшихся погребением честных мощей святого и Первозванного апостола Андрея намерение положить их с одной из сторон и больше не устраивать изъятия апостольских и святых мощей. Когда они так рассудили и архиереи взяли на руки святые мощи и спустились для их положения, тотчас перед собравшимися там открылось потрясающее зрелище, ибо положенные там ранее святые мощи сами собой раздвинулись и уступили место между собой для положения честных мощей триблаженного Андрея, этим — вечно живые и по смерти — почитая величайшего и первозванного в их апостольстве проповедника Андрея, аминь. Ну всё, братия, все приложились, поднимайтесь теперь по противоположной лестнице наверх. Освящённое на мощах масло в ампулах можно будет за пожертвование получить в лавке в правом углу храмового двора. Там же и прочая утварь, в том числе лжицы с именами двенадцати учеников Христовых: можно брать по отдельности, а можно и вместе — так, кстати, выгодней.

Никита потушил свою свечу и спрятался за колонной. Когда шаги паломников стихли и клацнула решётка, он подождал ещё немного, а затем подошёл к лампаде над гробом и снова запалил свечу. Скинув плащ и мантию, игумен подошёл сбоку к украшенному замысловатой резьбой порфирному саркофагу, какой полагался только императору, и стал внимательно осматривать его крышку. Вот дырочки для заливания масла, которое потом сливают снизу и раздают паломникам, а вот и незаметное искомое углубление. Никита взял свой тяжёлый игуменский посох из прочного металла и засунул его острый кончик в отверстие. Любой жезл сломался бы под тяжестью порфирной крышки, но отец игумен, присутствовавший при открытии раки на июньский праздник святых апостолов, знал, что каменное навершие было разбито ещё иконоборцами, искавшими там драгоценные украшения, и заменено впоследствии на деревянную крышку, удачно покрашенную под порфир.

Крышка скрипнула и немного подалась. Никита ещё сильнее нажал на посох, тот слегка изогнулся, но крышка всё-таки сдвинулась с места. Подтолкнув её ещё чуток руками, игумен, наконец, смог перевести дух. Засунув руку за пазуху, он снял с шеи маленький мешочек, развязал шнурок и достал изнутри содержимое. В этом мешочке, который Никита впервые открыл через несколько дней после бегства из Города, оказались, вопреки ожиданиям, не деньги, а маленькая пяточная кость апостола Андрея, завёрнутая в листок пергамена с записью монаха Епифания. В ней тот сообщал, что косточка эта досталась ему от распутного евнуха Никиты, который похитил её из храма Святых Апостолов, и что он просит вернуть её на место после восстановления иконопочитания. Тёзка развратного вора, Никита решил возвратить святыню на место, чая этим добрым делом прервать цепь своих злоключений.

В свете свечи заглянул он внутрь саркофага: там лежала златотканая пелена. Отодвинув её в сторонку, игумен увидел плотно прилегающие друг ко другу кости. «И где же тут лежит Андрей?.. — задумался он на миг, но почти сразу вспомнил рассказ местного клирика. — Конечно же, на самом почётном, среднем, месте. Вот рёбра, вот таз, вот бёдра, вот стопы».

И тут Никита замер от изумления: обе пятки были на месте! Он ещё раз недоверчиво оглядел мощи, и вдруг почудилось ему, что одна из пяток немного другого, чем остальные кости, цвета. Игумен перегнулся через бортик, опустил внутрь руку и вытащил наружу пяточную кость апостола. Благоговейно поцеловав её, Никита неожиданно рассмеялся: пятка была выточена из слоновой кости.

ЭПИЛОГ

— Па-а-а-п, ну папа, долго нам ещё тут стоя-а-а-ть? Ноги замёрзли, кушать хочу, хочу пи-и-и-ть.

— Ну чуть-чуть потерпи ещё, сынок. Видишь там двери — мы войдём туда, и всё, и сразу домой.

— Господи Иисусе, помилуй мя грешную!

— Извините, пожалуйста, вы случайно не на Вермеера в Пушкинский стоите?

— На какого такого Бер-Меира? Проваливай отсюда, нехристь!

— А куда, простите, такая очередь огромная?

— К мощам, к чему ж ещё — разве не видно-то? — к самого апостола Андрея Первозванного честной главе!

— Ничего себе! После войны, помню, за селёдочными головами очереди выстаивали, а теперь, надо же, к святым головам...

— Вали отсюда, говорят же! Не мешай людям молиться!

— Па-а-а-п, а где мама? Почему её так долго нет?

— Я же тебе говорил: мама в музее, скоро придёт. Хочешь, посиди у меня на закорках.

— Вы это чего, мужчина, с ума сошли, что ли, на закорках, а? В зоопарк пришли, да? Идите-ка лучше к жене в этот свой музей бесовский, Бер-Меиру в ножки поклонитесь!

— Да чо вы пристали-то к мужику? Нормальный ведь мужик, с ребёнком ведь.

— Эй, вы, который с ребёночком, да, — может, вы прямо к милиционерам подойдёте? Говорят, они с детьми без очереди пускают.

— Ага, знаем мы таких, без очереди желающих. Инвалидами прикидываются. Духовные они инвалиды — вот кто они такие! Апостол Андрей — он такой, он всех

на чистую воду выведет. Потому что он по тому свету покойничков водит, вместе с апостолом Иоанном.

— Как это водит? Сами, что ли, не пройдем? Туда каждый запросто так попадает.

— А вот не знаете — и не говорите. А мне сам старец Евсевий сказывал, да.

— Это что ещё за старец такой?

— Эх вы, а ещё интеллигенция называется! Великого старца из Спасо-Омутнянской пустыни не знаете... Он ещё у старца Кузьмы келейником был. А старец Кузьма самому государю нашему царю-искупителю Николаю, умученному от жидов, во дворце служил!

— А при чём тут апостол Андрей?

— А вот при том. Тот старчик Кузьма, когда уже в Спасо-Омутнянской пустыни игуменом оказался, видение ему было, значит. Захворал он сильно, пять месяцев животом мучился, истощал весь, в былинку превратился, а через пять месяцев, как настал день Господень, в третьем часу очнулся от своего недуга, то есть как бы пришёл в себя, приподнялся так с постельки и присел, а с двух сторон поддерживали его монахи — они дежурили около него круглые сутки, чтобы не дать ему без покаяния скончаться. А один из тех молоденьких монашков наш батюшка Евсевьюшко и был, он всё своими глазами и видел, всё своими ушами слышал, а теперь рассказывает верным своим чадам. Так вот, сидит этот старчик Кузьма как обмерший, не здесь он уже, но ещё живой, потому что глаза открыты, но не моргают, и смотрит в потолок кельи, а сам лепечет что-то нечленораздельное. Никто тогда ничего не понял, что он говорил, а через несколько часов такого сидения и сказал чётко-чётко, ну прямо абсолютно ясно все слышали: «Дайте мне, — говорит, — два ломтя сухого хлеба, которые я получил от честного старца». Что за хлеб? Никто ничего не разберёт, а он лезет себе за пазуху, шарит там, хлебушек ищет. Все думают: бредит

старик, сейчас Богу душу отдаст — ан нет. Очнулся он от своего беспамятства и всё рассказал, что видел. *Там...*

— Где это «там»?

— Ну, *там...* Потому что всё, как было, он поведал. Сижу, говорит, на кровати, когда вы меня держали, а слева вдруг полезли какие-то чернявые — то ли негры, то ли кавказцы, то ли вообще какие-то чурки нерусские. Бесы, одним словом. Одни из них были косые, другие — с мёртвыми-премёртвыми зенками, а у третьих глазища кровью налились. У одних обе губы были налиты кровью, аж распухли, а у других — только одна: у кого верхняя, а у кого нижняя. И вот эти человечки начали, говорит, меня тащить с постельки, и совсем я подпал под их власть, хотя сперва их и не боялся-то. Но потом они как повязали меня по рукам и ногам, как исколотили до синяков, так и дотащили до какой-то жуткой расщелины: узенькая такая расщелина, а дна не видать, но где-то там, слышать, течёт адская река и вся скрежещет. На одном из склонов расщелины той была узенькая тропинка, на ней даже стопочка не помещалась, и по этой тропинке силком тащили бесы батюшку Кузьму Меня, говорил он, так и заваливало набок, чуть я не свалился в ту бездну, а потом меня, значит, притащили в самое начало этой страшной расщелины, там были огромные ворота, чуть приоткрытые, а у них сидел чёрный великан — сам сатана! Глазами косит, они у него кровью налиты и пламя пускают, а из носу дым валит, язык изо рта висит на локоть, правая рука у него совсем иссохла, а левая распухла — вот этой ручищей хватал он покойничков и швырял в бездну. А когда, говорит, привели меня к этому сатане, то он как рявкнет: «Это мой друг!» — и лапу свою протянул, чтоб схватить меня. Я весь задрожал и сжался...

— Страсти-то какие! Неужто так всё и было?

— Ещё бы! Старец Кузьма великий старец был, не чета нынешним, самого государя видел, а энергетика-то у него какая была — ой-ой-ой... Так вот, только хотел его хватануть этот сатана, как явились откуда ни возьмись два благообразных таких старца — сразу по ним видно, что святые апостолы Андрей и Иоанн, потому что именно так их и пишут на иконах. Как увидал их отец мрака и гибели, так и сбежал оттуда, а батюшку Кузьму взяли святые апостолы под белы ручки и повели через те ворота. За воротами был город, прошли через него и оказались вроде как на лугу, а там красотища такая... неопишуемая... Посреди того лужка сидел ещё один старец, благообразный-благолепный такой, а вокруг него толпы детишек скачут и резвятся. Кто бы это был, а? Сам праотец Авраам, а то место, где он сидел с детками, — это, значит, по-древнебиблейски Лона-Авраамля называется. Поклонился праотцу батюшка Кузьма, и пошли они дальше, через огромнейшую берёзовую рощу, а берёзок-то в ней, белых-белых — так и слепит глаза! — видимо-невидимо, и васильки кругом цветут, и ромашки какие-то, и гераньки. А у каждого деревца, у каждого кустика стоял шалашик, а перед шалашиком — столик со всякими вкусностями, прям как на рынке у метро. Сидят там все и пируют, и многих узнал батюшка Кузьма: кто из его собственного монастыря был, кто из села по соседству (благочестивое там, знаете ли, село), а кого он когда-то во дворце у государя встречал — и все как один покойнички.

— Что же это за роща была?

— А та, про которую сказано: «В дому Отца Моего обители многи суть».

— И далеко ль завели батюшку Кузьму святые апостолы?

— Ох, далеко. До такого прекрасного города довели, что слов нет выразить его красоту. Двенадцать стен окружало тот город, сияли они цветами двенадцати

драгоценных камней! А ворота в том городе — что не золотые, то серебряные. За воротами — площадь из чистого золота, вокруг неё — сплошь золотые дома. Во всём городе свет неопиcуемый, благоуханье божественное, но ни человека, ни животного, ни птички — как вымер город. А всё потому, что жители все на пиру — во дворце. Да, был там на краю города шикарный дворец, а в нём всё богато и роскошно, и внутри длинный-предлинный зал, в котором стоит огромный стол, весь из чистых рубинов и изумрудов, а за ним сидят сплошь одни святые Господни. На том краю стола был вроде как балкончик, а оттуда яркий-преяркий свет идёт, ничего не видать, кто там сидит. И вот, говорит батюшка Кузьма, подлетели ко мне ангелы Божии, видом ни мужчины, ни женщины, и говорят: садись, мол, с нами за стол, покушай, — а сами грозные, что молнии, блестят, сверкают. Святые апостолы, которые вели меня сюда, сами сели и начали пировать, а я пока в сторонке стою, жду, что решит Сам, потому что ангелы улетели к Нему, видать, спросить, что со мной дальше делать. А за тем столом много было знакомых — и миряне, и монахи, некоторые даже из Спасо-Омутнянской пустыни, такая святая обитель! И вот через пару часов вернулись ангелы: так, мол, и так, верните батюшку Кузьму назад, больно уж его оплакивают чада, пускай ещё поживёт, а вместо него заберём к себе батюшку Луку из соседней обители — Спасо-Кукоцкой.

— И какого же батюшку в итоге забрали?

— Конечно, как и обещали ангелы Божии, батюшку Луку. Это потом братья из Спасо-Омутнянской пустыни специально проверяли: послали они в Спасо-Кукоцкий монастырь узнать, скончался ли батюшка Лука. Так и есть, скончался, и как раз в то самое время, когда батюшка Кузьма якобы бредил. Ну так вот, подхватили сразу нашего богоносного старца Кузьму святые апостолы Андрей и Иоанн и повели назад. Вышли они,

значит, из того райского града другим путём, идут мимо семи озёр, а в тех озёрах жуткие казни и жестокие муки: в одном — мрак крошечный, в другом — огонь палящий, в третьем — туман вонючий, в четвёртом — черви кишат, а в оставшихся ещё что-то в том же роде. И все семь озёр были полны людей, которые жалостливо стонали и горестно рыдали. Миновали они эти озёра, потом ещё какую-то потустороннюю местность прошли и наконец очутились в той самой Лоне-Авраамле. Поздоровался батюшка Кузьма с Авраамом, а тут апостолы ему, Андрей да Иоанн, — на, мол, золотую чашу с вином, испей-ка, да смотри не захмелей, и бери ещё три ломтя хлеба. Один, говорит, я ломоть обмакнул в вино — сладкое-пресладкое! — и съел, а вино всё выпил и ни пьяниночки в голове не почувствовал, такое чудесное вино, а пьянство — страшный грех, если что, ох и страшный! Два же других куса хлеба сунул себе батюшка Кузьма за пазуху: их он потом и искал на себе, как очнулся в келье своей. А как именно очнулся, не помнит. Помнит только, что провели его святые апостолы мимо того сатаны, а он и скрипит зубами ему вслед: «Убежал, — вопит, — ты теперь от меня. Но ничего, уж я до тебя доберусь! Как начну теперь искушать и тебя, и твой монастырь!» Вот и всё. А на Спасо-Омутнянскую пустынь потом действительно искушения от патриархии посыпались, но это всё потому, что Господь попустил. Без Его-то попущения ничегошеньки не случается!

— Ого! А знаете ли вы, что вам такое этот ваш батюшка Евсевий рассказал, нет?

— Как что, я же сразу сказала: видение старца Кузьмы Спасо-Омутнянского. Очень духоносный старчик был...

— Да нет, это же известный греческий апокалипсис, который в рукописях озаглавлен «Видение Космы, блаженнейшего монаха, который прежде был спальничим императора Александра, а затем постригся

в обители Пресвятой Богородицы в феме Оптиматов, называемой Евсевиевой, страшное и весьма полезное». И жил этот Косма более тысячи лет тому назад, в середине десятого века. Само видение, кстати, точно датировано: третье июня 933 года. А так у вас, надо признать, очень близко к тексту пересказано — обычно много больше искажений. Связь же апостола Андрея с Иоанном известна ещё с так называемого Канона Муратори. Да и греческая традиция...

— Хватит православным голову морочить! Греки какие-то, Автоматы-Муратории — не наши это всё императоры!

— Нет, пусть ещё чего-нибудь расскажет. А то вот стоим мы тут за чем-то святым, а сами толком-то и не знаем. Слышал, что к главе Андрея Первозванного, а что за глава, откуда? Я вот к мощам собирался, а мне жена и говорит: мощи-то твои поддельные — настоящие, по телевизору говорят, в Шотландии лежат, в городе Сент-Эндрюс. Когда-то мол в древности их туда перенесли... Хотелось бы всё же правду знать.

— Тут не знать, тут верить надо!

— Па-а-а-п, ну расскажи им, а? Ты же знаешь сам, ты же мне рассказывал.

— Помолчи, Андрюша. Не видишь, смущаем, понимаешь ли, народ Божий...

— Нет, гражданин, зря вы так. Почему людям стесняетесь рассказать, раз знаете? Типа неинтеллигентно?

— Да нет, что вы! Если и правда интересно, я, конечно, могу рассказать...

— Уж обяжете. Всё равно без дела тут стоим: я вот даже и молиться толком-то не умею.

— Ну, глава... В общем, когда апостола Андрея распял в Патрах Ахейских проконсул Эгеат, то жена последнего Макси-милла и его брат Стратокл погребли останки Первозванного неподалёку от места казни.

Причём замечу, распяли апостола не на косом кресте, который у нас называют андреевским, а на прямом, только не гвоздями его прибили, а просто верёвками привязали. Андреевский же крест появился только веке в двенадцатом, в Бургундии.

— Вот это да. Значит, и на флаге, и на ордене крест у нас, выходит, неправильный?

— Ну не то чтобы неправильный, просто не очень древний, да и на Руси его не знали. Это уже потом его Пётр Первый из Европы заимствовал.

— Хорош уже крест наш хаять. Про мощи давай!

— Ладно-ладно, мощи Андрея так и лежали в этих Патрах, покуда император Констанций, сын Константина Великого, не перевёз их в Константинополь, в храм Святых Апостолов, где они навсегда и упокоились. Но в Патрах продолжали чтить Первозванного апостола. Так, один благочестивый монах при храме апостола предсказал царство будущему императору Василию Македонянину. А в начале девятого века апостол, по преданию, вообще чудесным образом спас город Патры от славянской осады. Но это уже не так интересно, а вот мощи...

— Как же это неинтересно?! Тем более про древних-то про славян. Я слышал, они всю эту древнюю греческую цивилизацию и основали. Расскажите, пожалуйста.

— Ну хорошо. Только ничего такого славяне не основывали, конечно. Но веке в восьмом — даже в начале девятого (от Рождества Христова, если что) славяне успели обосноваться в Греции, даже до конца её, до полуострова Пелопоннес дошли. О чуде же с апостолом Андреем сообщает в десятом веке Константин Багрянородный... Погодите, сейчас найду у себя на планшетнике, чтоб не соврать... Так-так... Константин Багрянородный, «Об управлении империей», перевод под редакцией покойного академика

Литаврина... Вот, нашёл — глава сорок девятая, описываются события, по всей видимости, 805 года: «Спрашивающий, каким образом славяне были поставлены на службу и в подчинение церкви Патр, пусть узнает из настоящего описания. Когда скипетр ромеев держал Никифор, они, находясь в феме Пелопоннес и задумав восстание, захватили сначала дома соседних греков и учинили грабёж. Затем же, двинувшись на жителей города Патр, они разорили равнины у его стен и осадили сам город, имея с собою также африканских сарацин. Когда прошло достаточно времени и у находящихся внутри стен начал сказываться недостаток необходимого, и в воде, и в пище, они вынесли решение вступить с врагами в соглашение, получить заверение в безопасности и тогда подчинить им город. Поскольку, впрочем, тогдашний стратиг — то есть генерал-губернатор — находился на границе фемы в крепости Коринф и была надежда, что он придёт и нападёт на народ славян, ибо заранее был оповещён архонтами об их набеге, жители города постановили — прежде всего отправить посланцев в находящиеся к востоку части гор, понаблюдать и узнать, не приближается ли стратиг, дав наказы и знак посланному, чтобы он, если увидит идущего стратига, при своём возвращении склонил знамя как свидетельство о приходе стратига, а если этого нет, то чтобы держал знамя прямо, дабы впредь они не надеялись на приход стратига. Итак, лазутчик, уйдя и узнав, что стратиг не приближается, вернулся, держа знамя прямо. Однако по благодати Божией, ради заступничества апостола Андрея, когда конь споткнулся и всадник покачнулся, знамя склонилось, и жители крепости, видя этот знак и с уверенностью полагая, что стратиг подходит, открыли ворота крепости и храбро бросились на славян. Воочию узрели они и Первозванного апостола, верхом на коне, вскачь

несущегося на варваров. Разгромив, разумеется, их наголову, рассеяв и отогнав далеко от крепости, он обратил их в бегство. А варвары, видя это, будучи поражены и ошеломлены неудержимым натиском против них непобедимого и неодолимого воина, стратига, таксиарха — то есть командира по-нашему, — триумфатора и победоносца, Первозванного апостола Андрея, пришли в замешательство, дрогнули, ибо страх обуял их, и бежали в его всесвятий храм...» Та-а-а-к, здесь чуть пропустим... Храм этот, кстати, был за стенами города. Читаю дальше: «Василеве же, узнав об этом, распорядился так: «Поскольку разгром и полная победа одержаны апостолом, долгом является отдать ему всё воинство неприятелей, добычу и доспехи». И он повелел, чтобы и сами враги со всеми их семьями, родичами и всеми им принадлежащими, а также и всё их имущество были уделены храму апостола в митрополии Патр, в которой Первозванный ученик Христа свершил подвиг в борьбе...» К чему же это привело? А к тому, что с тех пор «отданные митрополии славяне кормят стратегов, василиков — то есть царских людей — и всех отправляемых народами в качестве заложников посланцев, имея для этого собственных стольников, поваров и всяких приготовителей пищи для стола, тогда как митрополия ничем не отягчается для этого, а славяне сами доставляли эти припасы согласно распределению и соучастию своей общины».

— Так вот до сих пор их и кормим, тунеядцев... А мощи что же?

— Про мощи в Патрах никаких упоминаний нет, кроме одного пустого апокрифа. Там сказано, что, когда мощи увозили, некий благочестивый горожанин откусил от них мизинец.

— А что? Я знаю одного такого батюшку: он много частичек святых мощей так в свой храм насобирает.

— В общем, когда латинские рыцари заняли Константинополь в 1204 году, то и Патры перешли под власть крестоносцев и вошли в состав Ахейского княжества. В самих Патрах сидел латинский архиепископ. Но в 1432 году их отвоевал деспот — это титул такой — деспот Морей Фома Палеолог, сын императора Мануила. Однако в 1453 году, после взятия Константинополя турками, он вместе с женой и детьми бежал на остров Корфу. А с собой он забрал голову апостола Андрея, которого очень почитал, и даже назвал в его честь своего сына. Кстати, другая дочь его, София, вышла замуж за великого князя Московского Ивана Васильевича, который первым стал называть себя царём, сейчас он больше известен как Иван Третий. Но вернёмся к Фоме. С Корфу он перебрался в Рим и принял католичество, а голову апостола подарил папе, за что получил орден Золотой розы и пенсию в триста дукатов в месяц. В честь этого перенесения главы произнёс проповедь великий византийский интеллектуал — кардинал Виссарион.

— Как же это византийский — и кардинал? Что-то вы путаетесь в показаниях, гражданин.

— Он был митрополитом Никейским, но после Ферраро-Флорентийского собора перешёл в католичество и стал кардиналом.

— Вот иуда!

— Заканчиваю. С тех самых пор глава апостола покоилась в Риме. Её, правда, один раз украли, но потом нашли невредимой. А в шестидесятые годы прошлого века в знак примирения с Константинопольской церковью папа вернул её в Патры.

— А вы уверены, что католики голову... того... не подменили? Я им как-то не особо доверяю.

— Вот и один грек так думал. Взял молоток и хотел её разбить. Мол, не надобно нам ваших латинских подарков.

— Ужас какой вы рассказываете!

— Почему ужас? Обычная история, причём профессионально рассказанная. Сразу видно учёного! Позвольте познакомиться, коллега. Андрей Кефалиди, сотрудник Министерства иностранных дел.

— Очень приятно. Григорий Фоменко, филолог, сотрудник Института древнерусской культуры. Несколько неожиданно видеть в этой очереди работника МИДа. Вы не по Греции часом специализируетесь?

— Нам на работе, конечно, предлагали пропуска для прохода без очереди. Но я отказался: всё-таки согласитесь, мощи — это не дефицитные румынские гардеробы, тем более апостол Андрей — мой небесный покровитель, нельзя мне так с ним. А работаю я, кстати, в архиве министерства.

— А я вот сына в честь апостола назвал, потому что тот мне прямо всю жизнь перевернул. Никогда не думал, что буду заниматься житиями Андрея, а тут прямо как нечто судьбоносное... И не со мной ведь одним всё это приключилось. До сих пор не верится... А у вас, наверное, очень интересная работа, да?

— Как сказать... Хотя иногда что-то забавное и попадается. Вот тут недавно попало мне как раз одно дело, в котором было и про руку Андрея.

— Да что вы! Одолжите же рассказом.

— Куда уж мне до вашего красноречия! Вы, наверное, знаете руку апостола, что хранится сейчас в Елоховском, а раньше лежала в Кремле, в Успенском соборе?

— Мужчина, вы что тут такое рассказываете? Какая рука? Неужто у нас, в Москве, есть рука самого Первозванного? Что ж мы тогда здесь в очереди-то стоим, а?

— Представьте себе, есть. А привезли её в 1644 году монахи обители Святой Анастасии в Фессалонике, она же Солунь, нынешние Салоники. Это были, кстати, не

первые мощи апостола Андрея, привезённые на Русь: до того чуть ли не семь раз доставляли, но эти оказались самые крупные. У нас в архиве хранятся все документы Посольского приказа: и греческие грамоты, и русские столбцы. Если кратко, история такова...

— Расскажите-расскажите!

— В подворье того монастыря ворвались турецкие солдаты и устроили там бесчинства. Прибывший туда турецкий бей не сумел остановить разбой и был вынужден отдать своей страже приказ перебить грабителей. Однако претензии относительно их убийства родственники погибших предъявили монастырю, который должен был в результате заложить не только все свои имения, но даже и священные сосуды. Такое стеснённое положение заставило монахов отправить посольство к русскому царю с просьбой о милостыне. На момент его отъезда в монастыре не было, видимо, даже настоятеля, потому что грамоту к Михаилу Фёдоровичу подписал от лица братии некий Парфений. Впрочем, архимандрит Галактион и старец келарь Нифонт, иеромонах Савва, иеродиакон Христофор и другие отправившиеся вместе с ним насельники запаслись также письмами к русским царю и патриарху от Константинопольского патриарха Парфения.

— Господи, целая толпа греков за милостыней поехала... А к кому — к русскому царю, конечно!

— Да, именно такие посольства всегда возили подарки в виде святынь. А со святынями обитель испытывала, вероятно, сложности, поэтому они нашлись лишь в самый последний момент: вместо упоминания о мощах в тексте монастырской грамоты позже было дописано указание на них уже после слова «аминь» другими чернилами, но той же рукой. Речь там шла о частице ребра святой Анастасии. Затем, снова другими чернилами, но уже иной рукой сделана ещё одна запись — о деснице апостола Андрея и о мире от святого

Димитрия. Это обстоятельство не может не вызвать подозрений относительно происхождения этих реликвий... Впрочем, все три они упоминаются в грамоте патриарха Парфения царю Михаилу Фёдоровичу, так что они были у послов уже к моменту отъезда из Константинополя. Где же они их взяли? Ответ один — на стамбульском рынке реликвий.

— И что, много заплатили наши за те мощи? Ещё, небось, подделка турецкая...

— Сколько именно, уже не помню. Но знаете, что интересно? Хоть рука была и в серебряной оправе и с греческой надписью, русские, видимо, что-то заподозрили — и вскоре о руке апостола Андрея на Руси совершенно забыли. Впрочем, может, это связано со скорой сменой царя, а может, и с тем, что значительная часть мощей апостола (большая берцовая и часть плечевой кости) в Москве уже была: при Борисе Годунове для них изготовили ларец, который сейчас хранится в Благовещенском соборе. Так или иначе, а мощи отправили в патриаршую ризницу, где про них забыли.

— И надолго?

— Не очень. Их обнаружили спустя тридцать восемь лет, причём по счастливой случайности. В 1682 году патриарх Адриан, как сейчас помню эту формулировку, «раздаяния ради мощей на освящения вод Великого Пятка и священных антиминсов новопоставленным архиереем в новоучинённые епархии» вошёл в свою ризницу в церкви Апостола Филиппа — и там среди прочих святынь нашёл давно запечатанный ковчежец «из царских сокровищ», в котором наряду с другими мощами покоилась и рука апостола Андрея «с плотию». Тогда патриарх навёл справки и выяснил обстоятельства как появления святыни в России, так и жизни и кончины апостола. Больше всего ему понравилось троеперстное сложение пальцев на руке апостола. Для Адриана это

был один из важнейших аргументов в споре со старообрядцами. Сразу после своей находки патриарх с торжественной процессией переносит руку в Успенский собор...

— Женщина, не толкайтесь так! Не за огурцами ведь стоите!

— Да уж, давка страшная!

— А вот помнится, когда сюда стопу апостола Андрея из Пантелеймонова монастыря привозили, народу не меньше было, правда?

— Да чуть поменьше всё-таки.

— А вы откуда знаете? Были на тех мощах?

— Тогда не попал. Но видел афонский буклет. Там очень смешно фотографии перепутаны: под картинкой с омоновцами, которые толпу сдерживают, подписано: «Сотни священнослужителей возглавили крестный ход».

— Хорош уже похабствовать, а!

— Подождите, мужчина! Не вы, а вон вы — тот первый. Но я никак не пойму: если мощи апостола Андрея перенесли в Константинополь, то откуда же Фома ваш деспот взял голову?

— Ну, это точно неизвестно. Может быть, из Патр, а может, и из Константинополя: русские паломники упоминают главу Андрея перед самым падением города, в Манганском монастыре вроде видели её.

— Так вы же говорите, мощи всегда лежали в храме Святых Апостолов.

— Ну да. До 1214 года лежали. А потом кардинал Пётр Капуанский перенёс их в свой родной город Амальфи, это в Италии. Они там и доныне в соборе лежат. Даже миро источают. Кстати, об этом чуде от мощей апостола сообщал ещё в шестом веке Григорий Турский. По его рассказу, считалось, что обильное истечение мира — к хорошему урожаю...

— Позвольте, а глава же как?

— И глава там лежит. На месте.

— А как же эта, вот эта самая глава, а?..
Получается...

— Папа, папа, смотри, мы уже к дверям подходим. А почему мамы всё нет? Что делать, па-а-а-па?

— Смотрите, мужчина, там женщина сюда бежит. Не к вам?

— Мама!

— Нина, Ниночка! Ну где же ты так долго была?

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ПОСЛЕДУЮЩЕГО ПРОСЛАВЛЕНИЯ АПОСТОЛА АНДРЕЯ

I век, начало — рождение Андрея в Вифсаиде, в семье рыбака Ионы (или Иоанна).

Около 27-30 — ученичество Андрея у Иоанна Предтечи и призвание Иисусом.

Около 30-34 — начало проповеди апостола Андрея.

Середина — *вторая половина I века* — кончина апостола Андрея.

Середина — *вторая половина II века* — апокрифические «Деяния Андрея».

II— начало III века — упоминание апостола Андрея в связи с составлением Евангелия от Иоанна в «Каноне Муратори».

200-254 — упоминание проповеди апостола Андрея в Скифии в «Толковании на Бытие» Оригена.

III век — «Деяния Андрея» в составе корпуса Левкия Харина.

IV век, вторая четверть — *середина* — «Деяния Андрея и Матфия в Городе людоедов».

357 — перенесение мощей апостола Андрея из Патр в Константинополь и их положение в храме Святых Апостолов.

371 — переосвящение храма Святых Апостолов в Константинополе.

412-451 — Похвальное слово апостолу Андрею Исихия Иерусалимского.

420-447 — Похвальное слово апостолу Андрею патриарха Прокла Константинопольского.

V век — Вторая редакция «Деяний Андрея и Матфия в Городе людоедов».

V век (?) — отождествление Города людоедов из «Деяний Андрея и Матфия» с Синопой.

550-е годы — перестройка храма Святых Апостолов в Константинополе и положение мощей апостола Андрея под престолом церкви.

VI век, конец — «Книга о чудесах блаженного Андрея апостола» Григория Турского.

VI-VII века — «Список апостолов и учеников Господа» Псевдо-Епифания Кипрского, упоминающий в том числе поставление апостолом Андреем Стахия в епископы Византии в Аргирополе и отождествляющий Город людоедов из «Деяний Андрея и Матфия» с Исулименом (современный Сюрмене).

680-740 — Канон апостолу Андрею святителя Андрея Критского.

805 — чудо со спасением города Патр от славянской осады по заступничеству апостола Андрея.

815-843 — Житие апостола Андрея Епифания Монаха.

IX век, середина — патриарх Фотий критикует «Деяния Андрея» в своей «Библиотеке».

IX век (?) — «Список апостолов и учеников Господа» Псевдо-Дорофея Тирского, содержащий в том числе развёрнутое повествование о проповеди апостола Андрея в городе Византии.

IX век, конец — X век, начало — Никита Давид Пафлагон составляет Похвальное слово и энкомиастическое житие (*Laudatio*) апостола Андрея; последнее свидетельство знакомства с «Деяниями Андрея».

X век, первая половина — середина — память апостола Андрея в «Синаксаре Константинопольской Церкви».

Хвек, третья четверть — «Воспоминание об апостоле Андрее» Симеона Метафраста.

XI-XIIвека — «Апокрифическое житие» апостола Андрея.

1005-1019 — переложение *Laudatio* Никиты Давида Пафлагона на грузинский язык Евфимием Святогорцем.

1030 — наречение во святом крещении князя Всеволода Ярославина (будущего великого князя Киевского) именем апостола Андрея.

1034-1042— Житие апостола Андрея в «Императорском минологии».

1086 — великий князь Киевский Всеволод-Андрей закладывает в Киеве церковь и женскую обитель («Янчин монастырь») в честь апостола Андрея.

Конец XIвека — внесение легенды о путешествии апостола Андрея по Грузии в «Жизнь картлийских царей» Леонтия Мровели.

1113— внесение легенды о путешествии апостола Андрея по Руси в «Повесть временных лет».

1130 — переосвящение церкви Апостола Андрея в Киеве.

XII-XIIIвека — «Слово о проявлении крещения Русской земли».

1214 — перенесение мощей апостола Андрея в Амальфи кардиналом Петром Капуанским.

1462 — деспот Морей Фома Палеолог переносит главу апостола Андрея и частицы креста, на котором тот был распят, из Патр в Рим; похвальное слово кардинала Виссариона на это перенесение.

1537 — Житие преподобного Михаила Клопского (В. М. Тучков, Новгород) с упоминанием воздвижения апостолом Андреем своего жезла в селе Грузине.

1560-1563 — «Книга степенная царского родословия» (Афанасий, митрополит Московский) с упоминанием чуда в Херсоне от отпечатанной на камне стопы апостола Андрея.

*XVI*век, вторая половина — «Сказание о Валаамском монастыре» с упоминанием благословения апостолом Андреем будущих монастырей на севере Ладожского озера.

1698 (1699) — учреждение ордена Андрея Первозванного — высшего ордена Российской империи.

1962 — папа Павел VI возвращает вывезенную в 1462 году Фомой Палеологом честную главу апостола Андрея и частицы креста из Рима в Патры.

2003, июнь — стопа апостола Андрея, хранящаяся в Свято-Пантелеймоновом монастыре на горе Афон (Греция), привезена для поклонения в Россию.

2012, февраль — в Севастополе на территории Национального заповедника «Херсонес Таврический» обнаружен «отпечаток стопы апостола Андрея Первозванного».

2013, июль — в Россию для поклонения привезён «крест апостола Андрея», хранящийся в соборе Андрея Первозванного в Патрах (Греция).

Карта путешествий апостола Андрея (по Григорию
Турскому и Епифанию Монаху). *Составлена Д. В.
Белецким*

СПРАВОЧНЫЙ АППАРАТ И БИБЛИОГРАФИЯ

Все самые достоверные сведения об апостоле Андрее сообщаются в Евангелиях и Деяниях апостолов (см. комментарии к первой части).

Относительно дальнейшей проповеди Андрея в древности существовало две различные традиции. К середине II в. восходят т. н. «Деяния Андрея» (принятое в науке латинское название — *Acta Andreae*, далее АА), которые в своём первоначальном виде до нас не дошли: их содержание реконструируется прежде всего на основании «Книги о чудесах апостола Андрея» Григория Турского (591–592), отдельных фрагментов и переработок на греческом и коптском языках (см. комм, к гл. VII и VIII). Древнейшие АА имели не гностическую, как часто предполагалось ранее, а энкратическую (т. е. проповедующую максимальное воздержание) окраску с неоплатоническим влиянием. Примерно в III в. они были включены наряду с деяниями Петра, Павла, Иоанна и Фомы в т. н. корпус Левкия Харина, который многие церковные писатели осуждали как несомненно еретический. АА были уже достаточно рано переведены на латинский и коптский языки. Проповедь Андрея в деяниях начинается на южном берегу Чёрного моря (в Амасии), и затем апостол движется по побережью на запад через Понт и Вифинию. Возможно, что в основе этой традиции лежит связь Южного Причерноморья с апостолом Петром (1 Пет 1.1): о совместной проповеди братьев упоминают как позднейшие апокрифы («Деяния Петра и Андрея»), так и средневизантийские жития (Епифаний Монах, см. ниже). Затем, согласно деяниям, Андрей проходит через Македонию и Ахею, обращает в христианство проконсула Лесбия, наконец —

Максимиллу и Стратокла, жену и брата следующего проконсула Эгеата, за что принимает мученическую смерть на кресте, для больших страданий привязанный к нему верёвками. Начиная с IX в. кончину апостола датируют правлением императора Нерона (ок. 67 г.), тогда как дата его смерти (30 ноября) содержится в литургических календарях ещё ранневизантийского времени.

Наряду с АА как на греческой, так и на восточной почве возникали и другие апокрифы о проповеди апостола, носящие по большей части фантастический оттенок. Самое широкое распространение получили «Деяния Андрея и Матфия в Городе людоедов» (*Acta Andreae et Matthiae apud Anthropophagos*, далее ААМт) в различных редакциях. Действие этих актов было продолжено в «Деяниях Петра и Андрея», а их второй редакции — в «Мученичестве Матфия». Большинство остальных деяний Андрея (за исключением «Деяний Андрея и Варфоломея») сохранилось только на восточных (коптском, арабском и др.) языках: «Деяния Андрея и Филимона», «Деяния Павла и Андрея», «Мученичество Андрея у курдов».

Параллельно апокрифической традиции АА Евсевий (Церк. ист. III. 1) указывает, ссылаясь на «Толкование на Бытие» Оригена, на Скифию как апостольский удел Андрея. Эта тема получила развитие в т. н. «Списках апостолов и учеников Господа», восходящих к IV в. Вначале область проповеди Андрея была распространена на все кочевые ираноязычные племена — скифов, саков, согдиан, сарматов. Потом «скифская легенда» была соединена с патрской традицией в списке Псевдо-Епифания (VI-VII вв.), а затем сюда стал добавляться и понтийский материал в списке Псевдо-Дорофея (IX в.?). Судя по положению Скифии после Фракии, у Псевдо-Дорофея она соотнесена, по предположению Г. Каля, с провинцией Малая Скифия на

Нижнем Дунае, а последующее упоминание Севастополя Великого (совр. Сухуми) может указывать на циркумпонтийское (т. е. вокруг Понта — Чёрного моря) путешествие апостола по часовой стрелке.

У Псевдо-Епифания было впервые упомянуто, а у Псевдо-Дорофея — значительно расширено предание об основании Андреем епископской кафедры в пригороде Византия Аргирополе, которое со временем станет важным аргументом в полемике Константинополя с Римом.

Назревшая необходимость в создании полного православного жития Андрея находила отчасти неудачные, не получившие признания, решения (например, т. н. *Narratio*, пер. пол. VII в. или IX–X вв.). Наиболее удачную версию жития смог создать Епифаний Монах (пер. пол. IX в.), опиравшийся и на всю известную ему церковную традицию («Список апостолов» Псевдо-Епифания, «Псевдо-Клементины», «Житие Панкратия Тавроменийского»), и на переработанный материал апокрифов, и на местные предания причерноморских городов, которые он собрал в ходе своего путешествия вдоль берегов Понта Эвксинского. Весь маршрут Андрея сконструирован Епифанием во многом по образцу собственного путешествия вокруг Чёрного моря, на берегах которого он отыскивал следы памяти об апостоле. Проповедь Андрея происходит здесь трижды — причём апостол движется всегда против часовой стрелки — и заканчивается в Патрах. Епифаний Монах ввёл в жития Андрея упоминание о его проповеди на Кавказе (Лазика, Абхазия, Сванетия) и — впервые — в Крыму (Воспор, Феодосия, Херсон). Это житие сохранилось в двух редакциях, которые обе принадлежат, судя по всему, перу Епифания: первой, созданной как продолжение *ААМt*, и второй, дополненной палестинской и малоазийской частью

параллельно с сокращением объёма некоторых других частей.

На Епифания опирались все последующие авторы, писавшие об Андрее: Никита Давид Пафлагон в кон. IX — нач. X в. (похвальное слово и житие энкомиастического типа, т. н. *Laudatio*) — на вторую редакцию, Симеон Метафраст в тр. четв. X в. (на которого, в сокращённом вчетверо виде, опирается «Императорский минологий» 1034–1042 гг.) — на первую редакцию, автор «Апокрифического жития» в XI–XII вв., а также авторы многочисленных византийских энкомиев.

Схема Епифания Монаха, допускавшая включение в итинерарий (описание путешествия) апостола дальнейших мест проповеди в окрестностях Чёрного моря, была использована также в грузинской и русской агиографической традиции. В Грузии, уже давно связывавшейся с Андреем (упоминание горсинов-грузин в некоторых рукописях списка Псевдо-Епифания, пассажи об иверах у Епифания Монаха), в основу его житий легла *Laudatio* Никиты Пафлагона, дополненная подробностями о проповеди апостола в Юго-Западной Грузии. Формирование грузинской традиции связано с Евфимием Святогорцем. Русский летописец нач. XII в. включает в описание пути «из Варяг в Греки» рассказ о путешествии Андрея из Синопы и Херсона вверх по Днепру через Киев и Новгород в Рим и снова в Синопу. Эта версия со временем становится каноничной в русской литературе.

Источники общие

Библия: Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Русский Синодальный перевод (1816–1876) [любое издание]: приводятся только общепринятые

сокращённые названия библейских книг, номера глав и стихов.

Сказания о мучениках христианских, чтимых православною католическою Церковию (в русском переводе). Т. 2. Казань, 1867. С. 3—150.

Gregorius Turonensis episcopus. Liber de miraculis beati Andreae apostoli / Ed. M. Bonnet // *Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Merovingarum*, 1. Hannover, 1885. P. 821-846.

Acta apostolorum apocrypha / Ed. R. A. Lipsius et M. Bonnet. T. II, 1. Lipsiae — Paris, 1898.

Acta Andreae / Cura J.-M. Prieur // *Corpus Christianorum. Series Apocryphorum*, 5-6. Turnhout, 1989.

Деяния апостола Андрея / Предисл., пер. и коммент. А. Ю. Виноградова. М., 2004.

Греческие предания о св. апостоле Андрее. Т. 1. Жития / Изд. подг. А. Ю. Виноградов (= Библиотека «Христианского Востока», 3). СПб., 2005.

Литература общая

Lipsius R. A. Die apokryphen Apostelgeschichten und Apostellegenden, 1-3. Braunschweig, 1883-1887.

Flamion J. Les actes apocryphes de l'apotre Andre. Louvain, 1911.

Haase F. Apostel und Evangelisten in den orientalischen Uberlieferungen // *Neutestamentliche Abhandlungen*, IX, 1-3. Miinster. W., 1922.

Dvomik Fr. The idea of apostolity in Byzantium and the legend of the apostle Andrew. Cambridge/Mass., 1958.

Peterson P. M. Aiidrew, brother of Simon Petrus. His history and his legends. Leiden, 1958.

Виноградов А. Ю., Анохина Т. А., Лосева О. В., Сургуладзе М. Андрей Первозванный // Православная

энциклопедия. Т. 2. М., 2001. С. 370–376. Prosopographie der mittelbyzantinischen Zeit. Bd. I. Berlin, 1998.

The Apocryphal Acts of Andrew / Ed. J. N. Bremmer. Leuven, 2000.

ПРОЛОГ

1. Андреева ночь

Имя *Андрей* (известное ещё с архаической эпохи) выбивается из ряда других апостольских имён, семитских по своему происхождению. Греческое, как и у Филиппа, оно выглядит несколько странным для сына простого рыбака из галилейской Вифсаиды. Нельзя исключать, что у апостола было другое, еврейское имя, а Андрей — это его прозвище, связанное со знанием им греческого языка (см. ниже): каких-либо знаменитых или влиятельных Андреев, в честь которых мог быть назван апостол, в античности не было.

Кроме того, имя *Андрей*, несмотря на прозрачность своей этимологии («мужественный»), в христианской письменности иногда подвергалось перетолкованию. Так, один коптский апокриф устами Христа говорит: «Андрей, твоё имя — огонь».

Ист.:

Миняя ноябрь. Ч. 2. М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2002. С. 514–541;

Виноградова Л. Н., Толстая С. М. Андрей // Славянские древности: Энолингвистический словарь / Под ред. Н. И. Толстого / Ин-т славяноведения и балканистики РАН. Т. 1: А — Г. М., 1995. С. 109–111.

2. «Мы нашли Мессию»

По меньшей мере с VIII в. (впервые — у Андрея Критского в каноне апостолу Андрею) Андрей называется в греческой христианской литературе

Πρωτόκλητος «Первозванный», так как его, согласно Ин 1.35–40, Иисус первым призвал следовать за Собой. Однако большие проблемы при этом вызывало согласование слов Иоанна с другими евангелистами — синоптиками (см. ниже), а также проблема ученичества Андрея у Иоанна Предтечи, в т. ч. отождествление второго ученика, призванного Иисусом вместе с Андреем. При согласовании синоптиков с Иоанном это призвание у экзегетов обычно считается вторичным, произошедшим после возвращения Иисуса из пустыни.

Ист.: Похвальное слово святому апостолу Андрею Первозванному святого Иоанна Златоустого // Жития святых на русском языке, изложенные по руководству Четьих-Миней св. Димитрия Ростовского с дополнениями, объяснительными примечаниями и изображениями святых. Т. 3: Месяц ноябрь. М., 1902. С. 819–824; *Прокла, архиепископа Костянти-награда, Слово похвално святому апостолу Андрею* [в описании рукописи ГИМ Син. 988 — из Успенского комплекта Великих Четьих Миней, сер. XVI в., л. 1281] // <Иосиф (Левицкий), архимандрит. Подробное оглавление Великих Четьих Миней всероссийского митрополита Макария, хранящихся в Московской Патриаршей (ныне Синодальной) библиотеке. М., 1892. Стлб.210.

3. Мать всех ересей

Существенной проблемой для церковных писателей было различие между важной ролью апостола Андрея в Новом Завете и практически полным отсутствием достоверных сведений о его дальнейшей судьбе. Особенно остро этот вопрос встал в средневизантийский период, когда Андрей стал «апостолом Византии». Дело в том, что, за исключением кратчайшего упоминания о его проповеди скифам (см. выше), все остальные сведения о проповеди и кончине апостола восходили к апокрифическим АА, содержавшим недопустимое для

православной Церкви как догматическое, так и моральное богословие.

АА подвергались критике церковными писателями, особенно западными, начиная с IV в. Евсевий Кесарийский, Августин Иппонский (*Contra Felicem mainchaeum*, II, 6), Еводий Узальский (*De fide contra Manichaeos*, 5), Филастр Брешианский, Амфилохий Иконийский (*Fragmenta* X, 2), Епифаний Кипрский, патр. Фотий и др. — все они критиковали древние акты за энкратическое богословие и полиморфические явления Христа, а патр. Фотий — и за неискusstный стиль. Также использование АА (в составе корпуса Левкия Харина) часто приписывалось манихеям, что подтверждается их цитированием в «Манихейской Псалтире». Главным методом решения вышеописанной проблемы была очистка текста деяний от «еретических» элементов — целиком (как у Григория Турского) или частично, с использованием только патрской части (как в т. н. *Martyrium prius* или «Письме диаконов и пресвитеров Ахейских»).

Ист.: Евсевий Кесарийский. Церковная история. III. 1, 25 // Сочинения Евсевия Памфила, переведённые с греческого при С.-Петербургской духовной академии. Т I. СПб., 1848. С. 112, 157; Творения святых отцев, в русском переводе, издаваемые при Московской духовной академии. Т 44: Творения святого Епифания Кипрского. Ч. II. М., 1864. С. 297–302; Ч. III. М., 1872. С. 73–79; *Philastrius*. *Diversarum haereseon liber* / Ed. F. Marx (= *Corpus scriptorum ecclesiasticorum latinorum*, 38). Wien, 1898. P. 255–256; *Alberry C. R.* *C. A Manichaean Psalm-book* // *Manichaean Manuscripts in the Chester Beatty Collection*, 2. Stuttgart, 1938. P. 142; *Photius*. *Bibliotheca*. Cod.

114; *Photius*. *Lucius of Charinus*. *Circuits of the Apostles: Acts of Peter, Acts of John, Acts of Andrew, Acts of Thomas, Acts of Paul* // *The Library of Photius: [Translated] by J. H. Freese*. \fol. I. S.P.C.K.: London — New York, 1920. No. CXIV.

Лит.: Kaestli J.-D. L'utilistaion des Actes apocryphes des apotres dans le manich0isme // Gnosis and Gnosticism / Ed. M. Krause (= NHS, 8. Leiden). 1977. P. 107-116; JunodE. Actes apocryphes et heresie: le jugement de Photius // Bovon F. et alii. Les Actes apocryphes des apotres. Christianisme et monde paien // Publication de la Faculte de Theologie, 4. Geneve, 1981. P. 11-24; Junod E. Origene, Eusebe et la tradition sur la repartition des champs de mission des apotres // Les Actes apocryphes des apotres. Christianisme et monde paien. Geneve, 1984. P. 233-248.

4. «С причала рыбачил апостол Андрей...»

Апостол Андрей не стал сколько-либо значимым образом в народной культуре: его роль была существенна в первую очередь для византийской, грузинской и русской церковной идеологии, возводившей к нему свои Церкви. В России Нового и Новейшего времени, несмотря даже на существование верховного ордена, носящего имя Андрея Первозванного, фигура апостола не была особо популярной или востребованной. Поэтому неудивительно, что рассказ об Андрее в песне группы «Наутилус помпилиус» воспринимается большинством слушателей как реальная история апостола.

Ист.: Кормильцев И. (текст), Бутусов В. (музыка). Прогулки по Воде (Апостол Андрей) // Nautilus pompilius. Чужая земля [альбом]. Записано в Москве в январе 1991 года. CD: М.: Jeff Records, 1993.

Часть первая. ПАЛЕСТИНА

Как уже указывалось выше, все сведения о палестинской части жизни Андрея содержатся в Новом Завете и одновременно являются самыми аутентичными во всей биографии апостола. Дополнения на эту тему,

содержащиеся в апокрифических текстах, имеют позднейшее происхождение и недостоверны.

1. Загадки первого призвания

Согласно Евангелиям, апостол Андрей так же, как и Филипп, был родом из Вифсаиды (Ин 1.49). Он жил в Капернауме (Мк 1.29) в одном доме вместе со своим братом (неизвестно, старшим или младшим) Симоном Петром (Мф 4.18, Мк 1.16, Ин 1.40): почти всегда в Евангелии упоминание Андрея сопровождается словами «брат Симона Петра». Отца Петра и, соответственно, Андрея звали либо Иоанн (Ин 1.42), либо, что вероятнее, Иона (Мф 16.17). Андрей был одним из тех двух учеников Иоанна Крестителя, которые после свидетельства последнего о Христе в Вифании (на следующий день после крещения Иисуса) последовали за Спасителем (Ин 1.35–40). Став первым учеником Христа (отсюда его традиционное прозвище — Первозванный) и проведя с Ним один день, Андрей сразу же затем привёл к Нему своего брата (Ин 1.41–42). Он первым исповедал Иисуса Мессией (Ин 1.41). Братья занимались рыбной ловлей, во время которой, согласно Матфею и Марку, они были вместе с Иаковом и Иоанном призваны Спасителем на берегу Геннисаретского озера (Мф 4.18, Мк 1.16).

Ист.: Мф 4.18–23; Ин 1.35–42; Греческие предания... С. 280.

Лит.: Афиногенов Д. Е. Константинопольский патриархат и иконоборческий кризис в Византии (784–847 гг.). М., 1997.

2. Толкования отцов

Евангельские истории, повествующие об апостоле Андрее, неоднократно становились предметом для толкований церковными писателями. Впрочем, чаще всего это были именно комментарии на Евангелия, а не посвящённые специально Андрею произведения. Так обстоит дело, например, с комментариями Иоанна Златоуста и Кирилла Иерусалимского.

Однако существуют и проповеди, посвящённые апостолу Андрею, но основанные исключительно на евангельском материале: это гомилии Прокла Константинопольского (ВНГ 103), Василия Селевкийского (ВНГ 107)^[2], Псевдо-Иоанна Златоуста (ВНГ 108б; а также славянский перевод другого слова в рукописи РНБ Соф. 1481, XVII-XVIII вв., л. 100) и Исихия Иерусалимского (ВНГ 104), а также похвальное слово Псевдо-Ефрема Сирина Петру, Павлу, Андрею, Фоме, Луке и Иоанну.

Ист.: Иоанн Златоуст. Толкование на Евангелие от Матфея, 14.2 (по изд.: Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского, в русском переводе. Т. VII. Кн. I. СПб., 1901. С. 143-144), Толкование на Евангелие от Иоанна, 18.3-4 (Творения... Т. VHI. Кн. I. СПб., 1902. С. 121-123); Кирилл Александрийский. Толкование на Евангелие от Иоанна. И. 1 // Творения святого отца нашего Кирилла Александрийского. Ч. 12. Св. — Троицкая Сергиева лавра, 1901 (= Творения святых отцев, в русском переводе, издаваемые при Московской духовной академии. Т. 64). С. 198-200.

Лит.: Draseke J. Der Monch und Presbyter Epiphanius // Byzantinische Zeitschrift, 4. 1895. S. 348-349.

3. Соперник Иуды

После истории с призваниями в Евангелии об Андрее сообщается лишь эпизодически. Он перечисляется среди двенадцати учеников Христа, среди которых занимает второе, после Петра (Мф 10.2; Лк 6.14), или четвёртое, после Петра, Иакова и Иоанна (Мк 3.18), место.

Вместе со своим соотечественником Филиппом он выполнял какую-то административную функцию в общине апостолов: при чудесном насыщении пяти тысяч Андрей после ответа Филиппа сообщает Иисусу об имеющихся пяти хлебах и двух рыбах (Ин 6.7-8), а в истории с эллинами, пришедшими в Иерусалим на Пасху,

Филипп, к которому вначале обращаются эллины, передаёт их просьбу Андрею, и уже вместе они идут к Иисусу (Ин 12.21–22).

Ист.: Ин 6.5—14, 12.20–23; Греческие предания... С. 281–282.

Лит.: Описание славянских рукописей Библиотеки Свято-Троицкой Сергиевой лавры. Ч. III (и последняя) // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1879. Кн. 2. Отд. VII: № 669 (1616). Минея четья месяц ноябрь и часть майя. С. 12–13.

4. Откровение на Елеонской горе

Однажды Андрей присоединяется к трём избранным ученикам Христа: Петру, Иакову и Иоанну — и становится участником беседы Спасителя на Масличной горе о разрушении Храма (Мк 13.3–4). В числе двенадцати учеников он присутствует на Тайной вечере и при явлениях Христа апостолам после воскресения, а также при Вознесении Спасителя (Деян 1.13). Последнее, что известно об Андрее из Нового Завета, — это его участие вместе со всеми учениками в выборе двенадцатого апостола вместо Иуды и присутствие при схождении Святого Духа на праздник Пятидесятницы.

Ист: Мф 24.3–13, Мк 13.3–13, Мф 10.2–3, Мк 3.16–18; *Clemens Alexandrinus*. >\ferke. Bd. 3. 2. Aufl. Berlin, 1970. S. 198 (= Die griechischen christlichen Schriftsteller, 17).

5. О чём недоговаривают апокрифы?

Фигура Андрея нередко возникает в христианской апокрифической литературе первых веков. Чаще всего он просто перечисляется наряду с другими апостолами, но изредка о нём сообщаются дополнительные факты, впрочем, не имеющие отношения к реальности (см. гл. 1.4).

Особняком стоит апокрифическая по своему характеру палестинская история Андрея в «Апокрифическом житии» (XI–XII вв.). Она базируется на

палестинском повествовании Епифания Монаха (пер. пол. IX в.), построенном исключительно на евангельских свидетельствах, но вносит туда множество апокрифических элементов, вроде места крещения, числа учеников Иоанна Предтечи и т. п.

Ист: *Ecrits apocryphes chretiens. Vol. I / Ed. par F. Bovon et P. Geoltrain. Paris, 1997. P. 342, 370 (= Bibliotheque de la Pleiade, 442); Edits apocryphes chretiens. Vol. II / Ed. par P. Geoltrain et J.-D. Kaestli. Paris, 2005. P. 114, 1448 (= Bibliotheque de la Pteiade, 516); Греческие предания... С. 319-320.*

Лит: *Mango C. A Journey around the coast of the Black Sea in the ninth century// Palaeoslavica, X/I, 2002. P. 255-264.*

Часть вторая. ОБРАЩЕНИЕ ЛЮДОЕДОВ

ААМt — один из самых популярных памятников раннехристианской письменности. Составленные по-гречески, они сохранились также на множестве языков христианской ойкумены: коптском, эфиопском, сирийском, латинском (по два перевода), христианском арамейском, армянском, грузинском, славянском и древнеанглийском. Для последнего это вообще второй по древности памятник после «Беовульфа». Кроме того, «Деяния» подвергались неоднократной переработке (известно семь их греческих редакций, наиболее популярной из которых были *ААМt2*, и несколько восточных, в одной из которых, восточносирийской, плавание по морю превратилось в караванное путешествие по пустыне), к ним писались продолжения: «Деяния Петра и Андрея», «Деяния Андрея и Варфоломея», «Мученичество Матфия» и др. (см. ниже).

Текст *ААМt* был составлен, по всей вероятности, в пер. пол. IV в. в христианской общине аскетической

направленности. Для их автора, делающего как бы вставку в сюжет древних АА, неприемлемо провозглашённое Первым Вселенским собором учение о Богочеловечестве Христа: для него Он есть только Бог, человечество Его мнимо (тех же, кто считает Иисуса человеком, автор приравнивает к иудеям), так что благодаря Своему всемогуществу Он может являться людям в любом мнимом облике и даже оставаться ими не признан. Соответственно, те, кто верит в реальность превращения в Евхаристии хлеба и вина в Тело и Кровь Христа, оказываются в его символическом языке людоедами.

При написании главы мы следовали новому критическому изданию греческого текста, подготовленному одним из авторов книги к изданию в серии «Corpus christianorum. Series apocryphorum» и несколько отличающемуся от издания М. Бонне. Кроме того, нами были использованы некоторые элементы из второй редакции «Деяний» (AAMt2).

Ист. Деяния апостола... С. 12-49; *Esbroeck M. van.* Actes syriaques d'Andre attribués à Ephrem // Symposium syriacum, VII / Ed. R. Lavenant. Rome, 1998. R 85—105; *Vinogradov A.* Die zweite Rezension der Actorum Andreae et Matthiae apud anthropophagos [BHG 110b] // Христианский восток, 3 (IX), 2001. СПб., 2002. С. 11—105; *Esbroeck M. van.* Les Actes d'Andre d'après la tradition apostolique à Ephrem // Христианский Восток, 3 (IX), 2001. СПб., 2002. С. 106-151.

Лит.: *Soder R.* Die apokryphen Apostelgeschichten und die romanhafte Literatur der Antike // Wiirzburger Studien zur Altertumswissenschaft, 3. Stuttgart, 1932; *Bauer J. B.* Ein Papyrusfragment der Acta Andreae et Matthiae. Pap. Graec. Vindob. 26227 // Jahrbuch der Osterreichischen Byzantinistik, 16, 1967. S. 35-38; *Blatt F.* Die lateinische Bearbeitungen der Acta Andreae et Matthiae apud anthropophagos. Giessen, 1930; *Junod E.* Polymorphic du Dieu sauveur // Gnosticisme et

monde hellenistique. Louvain-la-Neuve, 1982. P. 38–46; *Foster P.* «Polymorphic Christology: its origins and development in early Christianity» // *Journal of Theological Studies*, 58,1 (2007). P. 66–99; *Baumler E. B.* Andrew in the City of the Cannibals: a comparative study of the Latin, Greek, and Old English texts. Diss. Kansas, 1985; *MacDonald D. R.* The Acts of Andrew and 'The Acts of Andrew and Matthias in the city of the cannibals' // *Society of Biblical Literature. Texts and translation*, 33. Atlanta, 1990; The Acts of Andrew in the Country of the Cannibals / Transl. by R. Boenig // *Garland Library of Medieval Literature*. New York — London, 1991; *MacDonald D. R.* Christianizing Homer: the Odyssey, Plato, and the Acts of Andrew. Oxford, 1994; *Hillhorst A., Lalleman P. J.* The Acts of Andrew and Matthias: Is it part of the original Acts of Andrew? // *The Apocryphal Acts of Andrew* / Ed. J. N. Bremmer. Leuven, 2000. P. 1 — 14; *Lanzelotta L. R.* Cannibals, Myrmidonians, Sinopeans or Jews? The five versions of the Acts of Andrew and Matthias and their source(s) // *Wonders Never Cease. The Purpose of Narrating Miracle Stories in the New Testament and its Religious Environment*. Ed. M. Labahn, P. Lietaert, J. Bert (= *Library of New Testament Studies*, 288). London — New York, 2006. P. 221–243; *Vinogradov A.* Des apotres chez les anthropophages: les Actes d'Andre et de Matthias // *Religions et Histoire*, n°27 (2009). P. 34–35; *Nagy A.* Eucharestie heretiques entre veg0tarisme et cannibalisme: un *topos* classique dans la litterature chretienne antique // *Cristianesimi nelT antichita*. Ed. A. D'Anna, C. Zamagni (Spudasmata; 117). Hildesheim, 2007. P. 17–38; *Ead.*, *Quiapeurd'uncannibale*. Geneve, 2009.

Часть третья. ПО МАЛОЙ АЗИИ

Сведения о проповеди апостола Андрея в Малой Азии мы впервые встречаем в латинской переработке

древних АА, созданной в VI в. Григорием, епископом Турским: апостол движется с востока на запад вдоль южного побережья Чёрного моря. Создатель первого жития Андрея Первозванного — Епифаний Монах — значительно усложняет малоазийский маршрут апостола (см. ниже). Апостольский итинерарий, созданный Епифанием Монахом, воспроизводят все последующие агиографы, включая грузинских и славянских.

Несмотря на всю индивидуальность Епифаниева жития, связанную с его собственным путешествием по Малой Азии, Кавказу и Крыму, следует отметить, что оно в некотором роде отвечало на возникшую к средневизантийскому времени потребность в православном жизнеописании апостола, где не просто содержались бы сведения о его кончине (как во всех греческих переработках АА), а была бы также представлена его проповедь на территории Малой Азии и Греции, которые к IX в. и составляли бблыпую часть территории Византийской империи. Такую задачу ставил, очевидно, перед собой автор т. н. *Narratio*, написанной либо в VI-VII вв., либо одновременно с Епифаниевым житием. Её анонимный автор к палестинской истории апостола, составленной на основе Евангелий, добавляет чудо Андрея в Никее, записанное им со слов местных клириков, но восходящее к АА, затем отправляет апостола по маршруту из списка Псевдо-Дорофея (Вифиния, Фракия, Скифия, Севастополь Великий), продолжает эпитомой ААМ^t, локализованных в Синопе, и поставлением Стахия в епископы Аргирополя и завершает мученичеством Андрея.

1. Апостольский жребий

Первые «Списки апостолов», где указывались (обычно лишь частично) их имена и прозвища, место рождения и родители, место проповеди, кончины и погребения, возникли не позже IV в. Но уже у Оригена в толковании на книгу Бытия содержалось указание на

предание о местах проповеди пяти апостолов — героев «больших» апокрифических деяний, отчасти совпадающих с указаниями последних, но отчасти противоречащих им: так, Фома, согласно его сведениям, проповедовал не в Индии, а в Парфии, Андрей — не в Малой Азии и в Греции, а скифам.

Очевидно, неконкретизированное указание на проповедь апостола скифам не было понятно последующим авторам списков, и они уточняли его то в сторону расширения на весь ареал обитания кочевых ираноязычных племён (саки и согдианы у Псевдо-Епифания), то, напротив, в сторону точной локализации (Малая Скифия у Псевдо-Дорофея). Ещё до IX в. эти сведения соединились с элементами, заимствованными из *АА* и *ААМт* (списки Псевдо-Епифания и Псевдо-Ипполита), а также с константинопольскими преданиями о Первозванном апостоле (список Псевдо-Дорофея).

Ист.: Деян 2.7—13; *Евсевий Кесарийский*. Церковная история. III. 1; *Prophetarum vitae fabulosae, indices apostolorum discipulorumque Domini Dorotheo, Epiphanio, Hippolyto aliisque vindicatae* / Ed. Th. Schermann. Lipsiae, 1907.

Лит.: Описание славянских рукописей Библиотеки Свято-Троицкой Сергиевой лавры...; *Schermann Th.* Propheten- und Apostellegenden nebst Jiingerkatalogen des Dorotheos und venvandter Texte // *Texte und Untersuchungen*, 31, 3. Leipzig, 1907; *Виноградов А. Ю.* Апостольские списки — «забытая» страница христианской литературы // *Богословские труды*, 40. М., 2005. С. 128–147; *Junod E.* Origene, Eusebe et la tradition sur la repartition des champs de mission des apotres // *Les Actes apocryphes des apotres. Christianisme et monde pai'en*. Geneve, 1984. Р. 233–248; *Афиногенов Д. Е.* Указ. соч.

В древних АА, начало которых до нас не дошло, апостол шёл вдоль южного берега Понта Эвксинского с востока на запад, от Амасии до Босфора. В пер. пол. IX в. Епифаний Монах по образцу новозаветных Деяний апостолов вводит три путешествия Андрея, в некотором роде уподобляя его тем самым апостолу Павлу, который совершил четыре миссионерских путешествия. Два первых направлены с юга на север Анатолии, затем поворачивают вдоль понтийского берега на восток и, наконец, идут снова на юг, тогда как третье, начавшись сходным образом, движется дальше на север вдоль восточного и северного берега Чёрного моря, возвращается на юг в Синопу и лишь оттуда следует маршруту апокрифических АА.

Ист.: Деян 5.34-42, Мф 18.19-20, Деян 11.25-26, 12.25, 13.1, 15.22; Греческие предания... С. 282-283; *Zahn T.* Geschichte des neutestamentlichen Kanons. Bd. II, 1. Erlangen, 1890. S. 5; Житие преподобного Феодора Студита // Жития святых на русском языке, изложенные по руководству Четьих-Миней св. Димитрия Ростовского... Т. 3. С. 247; *Феодор Студит.* К Аволию и Иоанну монахам // Творения святого отца нашего преподобного Феодора Студита, переведённые с греческого языка при С.-Петербургской духовной академии. Ч. II. Письма к разным лицам. СПб., 1867. С. 505-506.

Лит./. Петровский С. В. Апокрифические сказания об апостольской проповеди по черноморскому побережью // Записки Одесского общества Истории и Древностей, 21, 1898. С. 1 — 184; *Ehrhardt A. A. T.* The Gospels in the Muratorian Fragment // Ostkirchliche Studien, 2, 1953. P. 121-138; *Kampen L. van.* Acta Andreae and Gregory's De miraculis Andreae // Vigiliae Christianae, 45, 1991. P. 18-26.

3. Никея

Сведения о проповеди апостола Андрея в Никее, лишённые, правда, какой-либо локальной специфики,

содержатся уже в АА. Порождённые ими местные легенды нашли отражение в *Narratio*. Наконец, Епифаний Монах, оставляющий апостола в Никее на два года (возможно, по образцу собственного путешествия), собрал множество локальных легенд о проповеди апостола и дополнил их пространными моралистическими проповедями. Помимо житийной андреевской традиции, других сведений о почитании Первозванного в Никее не сохранилось.

Ист.: Греческие предания... С. 100, 298–308; Деяния апостола... С. 57.

Лит. | Underwood P. A. The Evidence of restorations in the sanctuary mosaics of the Church of the Dormition at Nicaea // *Dumbarton Oaks Papers*, Vol. 13 (1959). P. 235–243.

4. Вдоль южного берега Понта

Как уже указывалось выше, маршруты апостола вдоль южного берега Чёрного моря в древних АА и у Епифания Монаха и его последователей значительно различаются. Епифаний опирается на сведения о проповеди апостола, обнаруженные им в Синопе и Амисе. К этим городам он добавляет крупнейшие церковные центры Южного Причерноморья — Гераклею Понтийскую, Амастриду и Трапезунт. Кроме того, завершая совместное путешествие Петра и Андрея, взятое из «Деяний Петра и Андрея» и локализованное, в частности, в Анкире, агиограф вводит сцену прощания братьев и разделения мира между ними, которая соответствует реалиям церковнополитических отношений между Римом и Константинополем в IX в.

Ист. | Деяния апостола... С. 57–59; Греческие предания... С. 287–289, 308; *Феодор Студит.* К Феофилакту, епископу Никомидийскому // Творения святого отца нашего преподобного Феодора Студита... Ч. II. С. 9–11; Παπαδόπουλο-Κεραμεύς Α. Αναλέκτα

ἱεροσολυμιτικῆς σταχυολογίας. Т. 4. СПб., 1897. Σ. 187–288.

5. Синопские чудеса

Отождествление анонимного и сознательно нигде не локализованного Города людоедов из *AAMt* с Синопой фиксируется уже в VI в. (у латинского паломника Феодосия в «Описании Святой Земли») и вошло как в литературные тексты, так и в местную традицию: синопцы сами «локализовали» в своём городе некоторые реалии из апокрифа (сидения апостолов, место крещения узников и др.). Параллельно этому, начиная со списка апостолов Псевдо-Епифания, существовала другая локализация Города людоедов — в Иссаулимене (совр. Сюрмене) на юго-востоке Чёрного моря. Также известны попытки отождествить этот апокрифический город с Афинами (рукопись Vat. Ott. gr. 1 *AAMt*), всем Южным Причерноморьем от Никеи до Трапезунта (в рукописи Vat. Ott. gr. 415 тех же деяний), неким «городом собак» (в сирийском переводе тех же деяний), а также найти для него имя: Мирмена (*AAMt2, Martyrium prius*), Мирна («*Martyrium Matthaei*»), Мирмидония (латинский перевод *AAMt*, Феодосий и Григорий Турский).

Ист./ Греческие предания... С. 283–285, 289–296, 308–309; Деяния апостола... С. 51–57.

Лит./ Van Esbroeck M. Alexandre a Amasee: un episode peu remarque 11 Le Museon, 114(2001). P. 141–151.

Часть четвёртая. НА ХОЛМАХ ГРУЗИИ

Предание о проповеди апостола Андрея на Кавказе складывалось постепенно, в течение нескольких столетий. В его основе лежит отождествление Города людоедов из *AAMt* с Иссаулименом в Юго-Восточном Причерноморье. В «Списке апостолов» Псевдо-Епифания

в этой связи (см. ниже) впервые появляется Севастополь Великий (совр. Сухуми). С этим списком на руках Восточное Причерноморье прошёл ок. 815–820 гг. Епифаний Монах, который старался отыскать указанные в нём города и племена и проложил апостольский маршрут через Иверию (судя по её положению между Фасисом и Парфией, у Епифания это не Восточная, а Юго-Западная Грузия), Фасис (около совр. Поти), Сванетию, Абхазию и Севастополь Великий. Кроме того, монах-агиограф соединил Андрея на Кавказе с апостолами Матфием (пострадавшим, согласно Псевдо-Епифанию, в Иссаулимене) и Симоном, почитавшимся в Северо-Восточном Причерноморье уже с IV в. (см. ниже).

Laudatio — переделанный Никитой Давидом Пафлагоном в кон. IX — нач. X в. текст Епифания — была переложена в нач. XI в. на грузинский язык Евфимием Святогорцем и дополнена преданием о проповеди апостола в Юго-Западной Грузии, которое в дальнейшем значительно разрослось в грузинской книжности.

В «Списке апостолов» Псевдо-Епифания при уточнении местоположения малоизвестного городка Иссаулимен (позднее Сусармия, совр. Сюрмене в Турции) помещена цитата из «Хроники» Ипполита Римского (гл. 233) или утраченной «Хроники» Евсевия Кесарийского: «в Севастополе Великом, где лагерь Апсара, Иссаулимен и река Фасис, где живут эфиопы». При этом извлечение цитаты было произведено не очень удачно, так что Апсар, Иссаулимен и Фасис оказались определениями для местоположения Севастополя Великого (совр. Сухуми), который в действительности расположен значительно севернее. К этому добавлены сведения о т. н. кавказских эфиопах (картвелах), известных уже Геродоту. Упомянутый Псевдо-Епифанием Иссаулимен Епифаний Монах, очевидно, не отыскал и потому поместил его близ Севастополя Великого в Абхазии, где он оставляет Матфия.

Остальная часть кавказского пути апостола сконструирована Епифанием, несомненно, на основе собственного маршрута, на что указывает, в частности, посещение апостолом малозначительной горной крепости Схимар, где монах-агиограф поклонялся мощам прп. Максима Исповедника. Версия Епифания, в переработке Никиты Пафлагона вошедшая в грузинскую традицию, стала в позднем Средневековье важной составляющей для идеологии Абхазского католикосата, претендовавшего на происхождение от апостолов Андрея и Симона (ср. их изображение над гробницей абхазского католикоса Евфимия в Пицундском соборе, XVI в.).

Ист.: Минея четья, месяц ноябрь и часть мая, Тр. — Сергиева лавра, 1420 г. [рукопись: Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки, ф. 304.1 (Главное собрание библиотеки Троице-Сергиевой лавры), № 669; фотокопии на сайте Тр. — Сергиевой лавры: <http://old.stsl.ru/manuscripts/>], лл. 337 об. — 349 об.; Scripta saeculi VII, vitam Maximi Confessoris illustrantia, una cum latina interpretatione Anastasii Bibliothecarii iuxta posita / Ed. P. Allen et B. Neil (= Corpus christianorum. Series graeca, 39). Turnhout — Leuven, 1999; Maximus the Confessor and his Companions / Ed. and transl. by P. Allen et B. Neil. Oxford, 2002; Греческие предания... С. 311.

Лит.: Kahl G. Die geographischen Angaben des Andreasbios (BHG 95b und 102). Diss. Stuttgart, 1989; Виноградов А. Ю. Ещё раз к вопросу о месте ссылки, кончины и погребения прп. Максима Исповедника и его спутников // Богословские труды. Т. 45. М., 2013 (в печати).

2. Зихия и Боспор, или В лабиринте имён

Все сведения о проповеди апостола Андрея в Северо-Восточном Причерноморье происходят из его жития, написанного Епифанием Монахом и построенного в этой

части на его собственном путешествии ок. 815–820 гг. Епифаний, очевидно, пытался отождествить племена из «Списка апостолов» Псевдо-Епифания: так, согдиан он соотнёс с некими верхними сугдаями (Σουγδάοι οἱ ἄνω), помещающимися между зихами и Боспором Киммерийским. Самих же зихов Епифаний, очевидно, ввёл в апостольский маршрут благодаря обнаруженной им в Никопсии Зихийской гробнице с мощами Симона Кананита, которые оказались там, по всей вероятности, благодаря основанию Никопсийской кафедры в VI в. при посредстве митрополита Воспора. Дело в том, что Симон Зилот связывается с Воспором не только у Епифания, но уже в латинском тексте «De ortu et obitu prophetarum» V в.

Епифаний посещал также иконопочитательский Воспор, находившийся под властью хазар, и запустевшую Феодосию и внёс свои наблюдения в житие апостола.

Ист.: Минея 1420 г., РГБ, ф. 304.1, № 669; Греческие предания... С. 311–312.

Лит.: Васильевский В. Г. Хождение апостола Андрея в стране мирмидонян // Журнал министерства народного просвещения, 189, 2, 1877. С. 41–82, 157–185.

3. Снова в Грузию

Как уже указывалось выше, грузины познакомились с рассказом о проповеди апостола Андрея в Иверии (Юго-Западная Грузия) и Лазике-Эгриси (Западная Грузия) лишь в нач. XI в. Евфимий Святогорец, на которого работал знаменитый греческий писец Феофан Ивирит, дважды переписавший *Laudatio*, дополнил её переложением сведениями о проповеди апостола в родной для Евфимия Юго-Западной Грузии. В этой традиции, позднее сильно расширенной за счёт легендарных мотивов из предания о св. Нине и апокрифов, отразились некие реалии христианизации данного региона, включая уничтожение языческих

святилищ в крупных местных центрах (Заден-Гора, Ацкури).

Ист.: Руфин Аквилейский. Церковная история / Пер. В. М. Тюленева // Рождение латинской христианской историографии. СПб., 2002. С. 240–242; Житие святого Апостола Андрея Первозванного (Перевод с грузинской рукописи Давидгареджийского монастыря) / Пер. И. Джавахова // Христианское чтение. 1869. Ч. II. С. 151–180; Обращение Грузии / Пер. Е. С. Такайшвили. Тбилиси, 1989; Картлис цховреба. История Грузии / Глав. ред. Р. Метревели. Тбилиси, 2008. С. 30.

Лит.: Джавахов И. Проповедническая деятельность ап. Андрея и св. Нины // Журнал министерства народного просвещения, 333, 1901. С. 77—113; Peeters P. Les ctebuts de christianisme en G0orgie d'apres sources hagiographiques//Analecta Bollandiana, 50, 1932. P. 1—66; ToumanoffC. Les dynasties de la Caucasic chretienne de l'Antiquit0 jusqu'au XIXe siecle. Tables g0n0alogiques et chronologiques. Rome, 1990; Стефан, ep. Цагерский и Лентехский. Современный взгляд на проповедь христианства в Грузии святого апостола Ашдрея Первозванного // Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет. XVI ежегодная богословская конференция 2005 г. М., 2005. С. 258–284.

4. Вглубь гор Кавказских

См. коммент. к гл. IV. 3.

Лит.: Греческие предания... С. 84–85; Licheli V. St. Andrew in Samtskhe: archaeological proof? // Ancient Christianity in the. Caucasus / Ed. by T. Mgaloblishvili (= Iberica Caucasia, 1). Surrey, 1999. P. 27–34; Стефан, ep. Цагерский и Лентехский. Современный взгляд на вопрос о месте переселения (sic!), кончины и погребения св. Максима Исповедника в Грузии // XV ежегодная богословская конференция ПСТГУ 2005 г. М., 2005. С. 232–245.

См. коммент. к гл. IV. 2.

Ист.: Греческие предания... С. 312.

Лит.: *Gutschmid A. von.* Die Königsnamen in den apokryphen Apostelgeschichten // *Rheinisches Museum für klassische Philologie, Neue Folge*, 19, 1864. S. 161–183, 380–401 (перепр.: *Gutschmid A. von.* Kleine Schriften / Ed. F. Rühl. Bd. 2. Leipzig, 1890. S. 332–394); *Иванов С. А.* Апостол Андрей в Мирмекии // Международная конференция «Византия и Крым»: Тезисы докладов. Севастополь, 1998. С. 47–48; *Медынцева А. А.* Тмутараканский камень. М., 1979; *Добродомов И. Г.* Этимология топонима «Тьмуторокань» // Сборник Русского исторического общества, № 4(152). От Тмуторокана до Тамани / Под ред. В. А. Захарова. М., 2002. С. 266–270; *Захаров В. А.* Заметки о Тмутараканском камне // Там же. С. 154–178.

Часть пятая. ВИЗАНТИИ И ОКРЕСТНОСТИ

Тема проповеди апостола Андрея в древнем Византии, стоявшем на месте построенного в нач. IV в. Константинополя, была изначально лишь кратким эпизодом в апокрифических АА. Однако уже к концу ранневизантийского периода и в «тёмные века» тема апостольского основания Константинопольской кафедры приобретает особое значение. Псевдо-Епифаний указывает, что в Аргирополе апостол поставил Стахия первым епископом Византии. А Псевдо-Дорофей сообщает, что этот аргумент был якобы использован в VI в. в контексте споров о первенстве римской и константинопольской кафедр, возникших во время визита папы Иоанна II в Константинополь. С IX в. это предание будет весьма часто использоваться византийскими авторами в полемике с латинянами, при том что сам культ Первозванного апостола в Константинополе не был достаточно развит.

1. «Велегласный орёл евангельской проповеди»

Апостол Андрей стал одним из действующих лиц апокрифического романа «Деяния Ксанфиппы и Поликсены». Две его героини обходят всё Средиземноморье и встречают разных апостолов. Встреча Поликсены с Андреем состоялась где-то в Греции. Повествование носит довольно фантастический характер: так, апостол Андрей встречает Поликсену, заночевавшую в дупле дерева, которое оказалось логовом львицы. По всей видимости, сцена крещения Поликсены апостолом Андреем повлияла на аналогичный сюжет в «Мученичестве св. Ореозилы».

Известный византийский ритор кон. IX — нач. X в. Никита Давид Пафлагон посвятил апостолу Андрею два произведения: похвальное слово (BHG 106) и энкомиастическое житие, известное в науке под названием *Laudatio* (BHG 100) и основанное на тексте второй редакции Епифаниева жития (BHG 102). Единственная вставка в маршрут апостола в *Laudatio* — это похвала селу Харакс на р. Парфений в Пафлагонии (откуда, судя по прозвищу, Никита сам был родом), из которой явствует, что житие было предназначено, по крайней мере частично, к произнесению на торжественном обновлении храма Апостола Андрея в Хараксе, а затем дочитано там же через некоторое время.

Ист./ Acta Xanthippae et Polyxenae (sub auctore Onesimo) / Ed. M. R. James// Apocrypha anecdota [Texts and Studies 2.3. Cambridge, 1893 (repr.: Nendeln, Liechtenstein, 1967)]: 58–85; Деяния апостола... С. 189–191.

Лит. Junod Ė. Vie et conduite des saintes femmes Xanthippe, Polyxene et R0becca (BHG 1877) // Oecumenica et Patristica. Festschrift fur Wilhelm Schneemelcher zum 75. Geburtstag / Hrsg. von D. Papandreou, W. A. Bienert, K. Schaferdiek (0ds). Chambesy, 1989. P. 83—106 [1; 1989]; Πασχαλίδης Σ. Α. Νικήτας Δαβίδ Παφλαγών: το πρόσωπο και

το έργο του. Θεσσαλονίκη, 1999 (= Βυζαντινά κείμενα και μελεταί, 26).

2. Епископ Второго Рима

Судя по эпитоме Григория Турского (гл. 8–9), упоминание о посещении Андреем Первозванным Византия содержалось, по-видимому, уже в ЛЛ, причём апостол столкнулся после выхода из города с вооружённым сопротивлением. Эти сложности нашли своё отражение в «Списках апостолов и учеников»: согласно Псевдо-Епифанию (VI–VIII вв.), Андрей ставит Стахия в епископы Византия не в самом городе, а в его пригороде Аргирополе. «Список» Псевдо-Дорофея (IX в.?), основываясь на местном константинопольском предании, объясняет это жестокостью идолопоклонника Зевксиппа, правившего тогда Византием (этот вариант отражен в *Narratio*). Епифаний Монах следует здесь Псевдо-Епифанию, но добавляет сообщение об освящении апостолом храма Богородицы на акрополе Византия. Одна из рукописей (Athous Lawr. Δ 56) Епифаниева жития и связанная с ней *Laudatio* добавляют, что этот храм имел название Армасиева. Однако Никита Давид локализует эту церковь в соседнем с акрополем квартале Евгения, а корректор рукописи *Laudatio* Par. gr. 1463 исправил его прозвище на Арматиев. Об основании храма апостолом Андреем в квартале Арматия сообщает Псевдо-Кодин, а Псевдо-Дорофей говорит о проповеди апостола в соседнем квартале Петрия.

Псевдо-Кодин указывает ещё два места в Константинополе, связанных с именем апостола: это старая Св. Ирина, где он поставил собственноручно высеченный крест, и Неорий-Кератоэмволий — район на южном берегу Золотого Рога, как раз между кварталами Арматия и Евгения. Одна из редакций *AAMt* (BHG 110d) говорит, что апостол Андрей основал храм своего имени в Галате, который известен и по другим источникам.

Наконец, Продолжатель Феофана сообщает об основании Первозванным апостолом храма в честь Архангела Михаила на месте Сатирова монастыря на восточном берегу Мраморного моря.

Ист.: Деяния апостола... С. 61; *Prophetarum vitae fabulosae...*

Лит.: *Schermann Th.* Op. cit.; *Виноградов А. Ю.* Апостольские списки...; *Vailhe S.* Origines de l'Eglise de Constantinople // *Echos d'Orient*, 10. 1907. P. 325-336; *Dolger Fr.* Rom in der Gedankenwelt der Byzantiner// *Zeitschrift fur Kirchengeschichte*, 56, 1937. S. 1—42 (переп.: *Dolger Fr.* Byzanz und die europaische Staatenwelt. Ettal, 1953. S. 70—115); *Ehrhardt A. A. T.* The Apostolic Succesion. London, 1953; *Dvornik F.* L'idee de l'apostolite a Byzance et la legende de l'apotre Andre // *Actes de Xe Congres International d'Etudes byzantines* 1955. Istanbul, 1957. P. 322-326; *Продолжатель Феофана.* Жизнеописания византийских царей. М.: Наука, 1992. С. 13; *Konstantinidis Chr.* La fete de l'apotre saint Andre dans l'Eglise de Constantinople a l'epoque byzantine et aux temps modernes // *Moulange en l'honneur de Mgr. M. Andrieu* // *Revue des sciences religieuses*, volume hors serie. Strasbourg, 1956. P. 243-261.

Одним из продолжений популярных *ААМт* являются «Деяния Петра и Андрея», чьё действие происходит в упомянутом там «Городе варваров». В повествование введён также Онисифор из послания 2 Тим 1.16, 4.19 (как житель Икония он фигурирует и в апокрифических «Деяниях Павла»). «Деяния Петра и Андрея» известны также в эфиопском и славянском переводах и, по мнению исследователей, повлияли на формирование былины о Микуле Селяниновиче (см. ниже).

Ист.: *Acta apostolorum...* P. 117-127.

4. Апостолы из ларца

См. коммент. к гл. V. 5.

Ист.: Две византийские хроники. М., 1957. С. 54; *Janin R.* La geographic ecclestaticque de l'Empire byzantin. Т. 3. Paris, 1969. P. 275–276.

5. Андрей и Филимон

«Деяния Андрея и Филимона» — также один из «сиквелов» или, скорее даже, «приквелов» *ААМт*. Их текст сохранился в арабском (частично) и эфиопском (сделан с арабского) переводах. Он представляет собой весьма фантастический рассказ (неясно даже, происходит действие в Лидде или в Лидии) и демонстрирует некоторые сходства с «Деяниями Павла и Андрея» (например, в теме говорящих птиц) и повышенный интерес к демонологии.

Ист.: *Lemm O., von.* Koptische Miscellen. Leipzig, 1972. S. 175–183; *Smith Lewis A.* Acta mythologica apostolorum // *Horae Semiticae*, 3–4. London, 1904. P. 3— 11; *Budge E. A. W.* The Contendings of the Apostles. Vol. 1. London, 1899. P. 140–156.

Часть шестая. ЧЕРЕЗ СКИФИЮ НА РУСЬ

Все предания о путешествии апостола Андрея в северные страны восходят в конечном счёте к указанию Оригена на проповедь Первозванного скифам (см. выше). Многократно модифицированное традицией, оно попало в житие апостола, написанное Епифанием Монахом. И хотя сам он отождествлял скифов с Синопой — Городом людоедов, однако созданный им маршрут северного, циркумпонтийского, путешествия апостола с успехом использовался дальнейшими агиографами. Так, Никита Давид Пафлагон в своём энкомии говорит, что апостол Андрей получил в удел «север, иверов и сарматов, тавров и скифов» и, «обходя северные края, насаждал среди них горы Сионские».

Грузинские агиографы включили в созданный Епифанием Монахом маршрут апостола Юго-Западную Грузию, а русский летописец нач. XII в., описывая знаменитый «путь из Варяг в Греки», отправил Первозванного вверх по Днепру через Киев до Новгорода и дальше вынужден был вернуть его в Синопу через Рим!

1. Сны о Херсонесе

Попавший ок. 815–820 гг. в Херсон (античный Херсонес, совр. Севастополь), место ссылки клириков-иконопочитателей, Епифаний Монах обнаружил у местных жителей «алфавитарий» — некое поэтическое произведение (возможно, кондак) с алфавитным акростихом, посвящённое Первозванному апостолу. В нём содержалось отождествление Синопы с Городом людоедов из *AAMt*, но, очевидно, ничего не говорилось о проповеди апостола Андрея в самом Херсоне. Умалчивают об этом и другие древние тексты херсонской традиции: «Чудо св. Климента», «Чудо св. Капитона», «Жития епископов Херсонских». Таким образом, очевидно, что Епифаний Монах отправил апостола в Херсон, исходя из одного лишь факта его почитания в этом городе.

Сведения об упомянутом в этой главе «Слове о проявлении крещения Русской земли» см. в комментариях к VI. 3.

Ист.: Греческие предания... С. 312–313; Палея хронографическая, 1517 г. [рукопись: НИОР РГБ, ф. 310 (собрание В. М. Ундольского), № 719], лл. 383–384 об.; «Слово о проявлении крещения Русьскихъ земли святаго апостола Андрея, како приходил в Русь» (30 ноября) // *Лосева О. В.* Жития русских святых в составе древнерусских Прологов XII — первой трети XV века. М., 2009. С. 335–339; *Подосинова А. В.* Восточная Европа в римской картографической традиции. Тексты. Перевод. Комментарий. М., 2002.

Лит.: Виноградов А. Ю. Апостол Андрей и Чёрное море: Проблемы источниковедения // Древнейшие государства Восточной Европы. 1996–1997. М., 1999. С. 348–367; Popescu E. Sources concernant la mission du Saint Apotre Andre sur la territoire de la Roumanie // Etudes byzantines et post-byzantines, 3, 1997. Р. 9—18; Лосева О. В. Жития русских святых... С. 224–225.

2. Андрей и Павел

«Деяния Андрея и Павла», составленные, очевидно, по-гречески, известны только в двух коптских фрагментах. Они носят совершенно фантастический характер, действие их происходит в не названном по имени городе. В середине деяний помещено видение преисподней после воскресения Христа, возникшее, возможно, под влиянием апокрифического «Откровения Павла» (кон. IV в.).

Что же касается описанного в этой главе чуда, совершённого апостолом Андреем в Херсонесе (появление на камне отпечатка его стоп), то оно представлено в единственном источнике, причём русском, — «Книге степенной царского родословия», написанной предположительно митрополитом Московским Афанасием в 1560–1563 гг.: «...и прииде [Андрей] к морю близь града Херсоня, и бяше ту на берегу у моря камень велий; на нем же стоя, святой Андрей моляся Богу и благослови море Понтийское. На камени же том воглубленно вообразишася нозе святого Андрея, яко на воску, иже и доныне видимо есть; егда же море зыбляшеся и морская вода достизаше на камень, и наливахуся воображенные стопы святого Андрея, иногда же и от дождевнаго наводнения налияхуся; и ту прихождаху мнози человецы и мазахуся тою водою, иже на камени в стопах святого Андрея, и многоразличным болезнем исцеление получаху». Скорее всего, сведения о стопах апостола попали в Москву через Мангупских князей в XV в. (на что указывает, в

частности, форма «Херсоня» вместо «Корсуня»), однако очевидно, что в XVI в. в заброшенном Херсонесе их уже никто не почитал.

Ист.: Jacques X. Les deux fragments consentis des Actes d'Andre et Paul // Orientalia, 38, 1969. P. 187-213; Пророчество и благословение Рустей земли святого Апостола Андрея Первозванного // Полное собрание русских летописей. Т. 21. Книга Степенная царского родословия. Ч. I. СПб., 1908. С. 7; Пророчество и благословение Рустей земли святого Апостола Андрея Первозванного, и о жезле его. Чудо в Херсоне и о на камени // Там же. С. 72-73.

Лит.: Турилов А. А. Древнейшая история славян и Руси в «Книге степенной царского родословия» (хронология, круг источников, их сбор и использование) // Славяне и их соседи: Миф и история. Происхождение и ранняя история славян в общественном сознании позднего Средневековья и раннего Нового времени: Тезисы 15-й конференции / Ин-т славяноведения и балканистики РАН. М., 1996. С. 46-52.

3. Вверх по Днепру

Предание о путешествии апостола Андрея по Руси, по всей видимости, восходит к Епифаниеву житию, поскольку в качестве отправных точек в нём указываются Синопа и Херсон (Корсунь). Хотя в исследовательской литературе и высказывалось предположение, что оно было якобы известно в XI в. и в Византии, это предание всё же носит сугубо русский характер. Впервые оно зафиксировано в начальной, недатированной, части «Повести временных лет» (старшие списки — в летописях Лаврентьевской, 1377 г., и Ипатьевской, 1420-е гг.), причём оказывается явной вставкой в текст более раннего, не дошедшего до нас Древнейшего летописного свода 1030-х гг. Ни время появления самой легенды (указывалось великое княжение Всеволода Ярославича (1078-1093 гг.), в

крещении Андрея, и ок. 1030 г. — года его рождения), ни время её интерполяции в летопись (от 1030-х гг. до сер. XII в.) достоверно неизвестны, однако для последней наиболее вероятна датировка 1113 г.

Композиционно летописное сказание следует сразу за описанием пути «из Варяг в Греки», как бы иллюстрируя его, и затем распадается на две части: повествование о благословении апостолом Андреем гор, на которых позднее возникнет Киев, с водружением на них креста и эпизод с новгородскими банями — путешествие Андрея через земли словен и варягов в Рим, где он с удивлением рассказывает о странном банном обычае первых. «Банный эпизод» восходит, вероятно, к некой устной традиции, будучи по жанру скорее анекдотом о чудаковатых обычаях соседей. Благословение земель, которым суждено прославиться в будущем, и постановка на них креста — общее место для андреевской традиции, имевшее, по-видимому, чисто книжное происхождение: о том же действии апостола, но в иных местах сообщают каждый по-своему Никита Давид Пафлагон (водружение креста в Хараксе), составители «Степенной книги» (в селе Грузине — см. ниже) и позднейшие редакторы «Жизни картлийских царей» (на горе Ркинис-Джвари). Этот мотив в нач. XIX в. доводится до абсурда известным фальсификатором рукописей А. И. Сулакадзевым, который в сфабрикованной им «Оповеди» сообщает: «Св. Андрей от Иерусалима прошёл Голяд, Косог, Родень, Skeф, Скиф и Словен смежных лугами, достиг Смоленска, и ополчений Скоф и Славянска Великою и Ладогу оста-вя, в лодью сев, в бурное вращающееся озеро на Валаам пошёл, крестя повсюду и *поставлял по всем местам кресты каменные*».

Легенда о путешествии Андрея по землям будущей Руси вместе с описанием речного пути «из Варяг в Греки» в перекомпонованном виде и с пропуском

«банного эпизода» из летописи попала в древнерусский Пролог под заголовком «Слово о проявлении крещения Русския земля свята-го апостола Андрея, како приходил в Русь» (на день памяти апостола — 30 ноября, но не в житийный, а учительный раздел); здесь к ней были добавлены известие о кончине апостола в Патрах и краткая похвала ему с упоминанием равноапостольного князя Владимира. Старший из сохранившихся списков «Слова» — РГАДА Тип. 164, пер. пол. XIV в. Точное время его появления в Прологе неизвестно.

Ист.: Повесть временных лет / Подгот. текста, пер., статьи и коммент. Д.С. Лихачева; Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1996. С. 9.

Лит.: Седельников А. Д. Древняя киевская легенда об апостоле Андрее // *Slavia*. 1924/1925. R. 3. S. 316-335; Погодин А. Повесть о хождении апостола Андрея в Руси // *Byzantinoslavica*, 7 (1937—38). Р. 137-141; Кузьмин А. Г. Сказание об апостоле Андрее и его место в начальной летописи // Летописи и хроники: Сб. статей 1973 г. Посвящён памяти А. Н. Насонова. М., 1974. С. 37-47; Мюллер Л. Древнерусское сказание о хождении апостола Андрея в Киев и Новгород // Там же. С. 48-63; Повесть временных лет... Комментарии. С. 388-389. Дополнения. С. 589-590; Подскальски Г. Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988—1237 гг.). 2-е изд., испр. и доп. для рус. пер. / Пер. А. В. Назаренко; Под ред. К. К. Акентьева. СПб., 1996. С. 17-20; Введенский А. М. Время внесения в летопись легенды об Андрее Первозванном и её состав // *Rossica Antiqua*. 2012/2 (6). С. 3—23; Джексон Т. Н., Калинина Т. М., Коновалова И. Г., Подосинова В. «Русская река»: Речные пути Восточной Европы в античной и средневековой географии. М., 2007.

4. Новгородские бани и остров Валаам

О «Деяниях Петра и Андрея» см. в комментариях к гл. V. 3.

«Баннй эпизод» из «Повести временных лет» расценивался как насмешка либо южан (киевлян) над обычаями северян (новгородцев), либо, наоборот, — над теми, у кого северные банные обычаи вызывали недоумение. Так, например, в XVI в. ливонский хронист Дионисий Фабриций сообщает о хитрости братии монастыря Фалькенау под Дерптом, которая ради того, чтобы увеличить себе субсидии из Рима, демонстрировала папскому посланнику свой строгий «аскетизм», состоявший в том, что монахи хлестали себя прутьями в жарко натопленной бане, а затем обливались холодной водой.

В предисловии к «Житию прп. Михаила Клопского», составленному в 1537 г. в Новгороде В. М. Тучковым, и в «Степенной книге» легенда о русском путешествии Андрея обрастает новыми подробностями: здесь он по пути из земли словен вниз по Волхову водружает в селе Грузине (ныне Чудовский р-н Новгородской обл.) свой жезл (по-видимому, с крестообразным навершием). Во втор. пол. XVI в. появляется анонимное «Сказание о Валаамском монастыре» (известное лишь по одному списку того же времени: РГБ, ф. 379 (собр. Д. В. Разумовского), № 73), в котором уточняется дальнейший путь апостола: оказавшись на Ладожском (Невском) озере, он, «на Корелския страны к сиверу воззрев, сице рек, яко новыя Хананеи безбожнии языцы волхвы жителствуют там, но обаче два светила просветятся в них. Се же, глаголют, прорек апостол Христов о пречестных и великих обителех Валаме и Коневце».

Ист.: Повесть временных лет...; Сказание кратко о создании пречестных обители боголепнаго Преображения Господа Бога Спаса нашего Иисуса Христа на Валаме // Труды Отдела древнерусской литературы.

Т. 47. СПб., 1993. С. 135–136; *Acta apostolorum...* P. 117–127.

Лит.: Понырко Н. В., Панченко А. М. Апокрифы о Андрее Первозванном // Словарь книжников и книжностей Древней Руси. Вып. 1. Л., 1987. С. 49–54; Понырко Н. В. Слово святых апостолов Петра и Андрея, Матфея и Руфа и Александра // Там же. С. 439–441; Охотина Н. А. «Сказание о Валаамском монастыре» — неизвестное сочинение второй половины XVI в. // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 47. СПб., 1993. С. 121–135; Шкаровский М. В. Почитание Св. Апостола Андрея на северо-западе России // Материалы по исследованию религиозной ситуации на северо-западе России и в странах Балтики: Вып. 4. СПб., 2007. С. 253–258.

5. Возвращение через Рим

О том, что апостол Андрей побывал в Риме, известно только из русской легенды, при этом его путь туда выглядит довольно странным: чтобы попасть из Балтийского (Варяжского) моря в Рим, нужно либо обогнуть всю Европу, либо свернуть на какой-либо сухопутный (или речной) маршрут, чреватый пересечением всей Европы с севера на юг. За стремлением отправить Андрея во что бы то ни стало именно в Рим (и только затем вернуть его в Синопу) некоторые исследователи усматривают некие антивизантийские интенции летописца.

Ист.: Греческие предания... С. 313; Повесть временных лет...

Лит.: Чичуров И. С. «Хождение апостола Андрея» в византийской и древнерусской церковно-идеологической традиции // Церковь, общество и государство в феодальной России / Сб. ст. под ред. А. И. Клибанова. М., 1990. С. 7–23; Он же. «Хождение апостола Андрея» в византийской и древнерусской литературной традиции // *The Legacy of saints Cyril and*

Methodius to Kiev and Moscow / Ed. A.-E. N. Tachiaos. Thessaloniki, 1992. P. 195-213.

Часть седьмая. В ПОСЛЕДНИЙ ПУТЬ НА ЗАПАД

Сведения о проповеди апостола Андрея на Балканах полностью восходят к древним АА. Хотя сами деяния не сохранились, мы имеем представление о их балканской части благодаря эпитоме Григория Турского и коптскому папирусу Utrecht I. Согласно деяниям, Андрей прошёл из Византия через Фракию, Перинф, Филиппы в Фессалонику, затем вернулся в Филиппы и, наконец, отплыл из Фессалоники в Коринф. Однако нигде в балканских эпизодах не проявляется какая-либо локальная специфика или реалии: города Фракии и Македонии выступают здесь скорее как нейтральный фон проповеди апостола. Более того, Филиппы ошибочно названы резиденцией проконсула, что указывает на фиктивный характер всего повествования.

1. Самый пламенный из апостолов

Тема огненности апостола Андрея является одной из самых загадочных во всей андреевской традиции. Р. Пиллингер, изучая раннюю иконографию Первозванного апостола, выдвинула гипотезу о том, что его всклокоченные седые волосы передают идею пламенности. Этот вывод подтверждается, помимо образа управляющего огнём апостола в ААМт и «Деяниях Андрея и Варфоломея» (см. ниже), также двумя коптскими фрагментами. Один из них, более пространный, — это, очевидно, обрывок проповеди о святых, где после рассказа о Енохе, Ное, Мелхиседеке, Иосифе Прекрасном и Петре сохранилось начало пассажа об Андрее — «самом пламенном огне из всех апостолов».

Ист. | Winstedt E. Addenda to some Coptic Legends // Journal of Theological Studies, 10 (1909). P. 412; Две византийские хроники... С. 57–60.

Лит.: Pillinger R. Der Apostel Andreas. Ein Heiliger von Ost und West im Bild der friihen Kirche // Osterreichische Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse. Sitzungsberichte, 612. Wien, 1994.

2. Андрей и Варфоломей

«Деяния Андрея и Варфоломея» (оригинальное греческое название «Повесть о святом Христомее, который сопутствовал святым апостолам в город парфян») — одно из продолжений сюжета *ААМт*. К сожалению, текст дошёл до нас по-гречески в сильно сокращённом варианте, тогда как восточные их версии (коптские, арабская и эфиопская) намного более пространны. Главный герой деяний — собакоголовый великан Христомей из Города людоедов (отождествление Города людоедов с городом собакоголовых содержится в сирийском переводе *ААМт*), он сопровождает апостолов Андрея и Варфоломея и их учеников Александра и Руфа (взяты из Мк 15.21 или, скорее, из «Деяний Петра и Андрея»). С течением времени Христомей (т. е. *Христос + Варфоломей*) трансформировался в популярного святого Христофора (т. е. «Христоносца»), причём на Западе сохранилось представление о нём как о великане, а на Востоке осталась его собакоголовость, но истолкована его монструозность была уже совершенно иначе.

Ист.: Рукописи Brescia Querin. A III 3, XVI в., лл. 142–145; Hierosolyma Sancti Sabbae 373, XVI в., лл. 117–129.

Лит.: Lucchesi E., Prieur J.-M. Fragments coptes des Actes d'Andre et Matthias et d'Andre et Barthelemy // Analecta Bollandiana, 96. 1978. P. 339–350.

3. Чертоги Небесного дворца

Папирус Utrecht copt. 1 содержит текст коптского перевода или переработки нескольких глав из древних

АА. Аналогичные пассажи сохранились и у Григория Турского, но в несколько ином виде. В Утрехтском папирусе особенно ярко подчеркнут демонологический мотив.

Ист.: Quispel G. An Unknown fragment of the Actes of Andrew (Pap. Copt. Utrecht N. I) // Vigiliae Christianae, 10, 1956. P. 129-148.

4. Инцест и пожар в Филиппах

Второй коптский фрагмент, упоминающий об огненности апостола Андрея, представляет собой, по всей видимости, короткий обрывок апокрифической беседы Иисуса с учениками после Воскресения.

Помимо Утрехтского фрагмента (см. выше), единственным источником наших знаний о тексте АА до прихода апостола в Патры является переработка Григория Турского. Желая представить своей пастве очищенный от «ереси» текст АА, епископ Тура удалял из своего оригинала (а это был, очевидно, латинский перевод со вставленной вначале эпитомой ААМт) все энкратические элементы, прежде всего касающиеся расторжения браков.

Ист.: Barns J. A Coptic apocryphal fragment in the Bodleian Library // Journal of Theological Studies. Nova series. 11 (1960). P. 72; Деяния апостола... С. 61-79.

Лит.: Bovon F. Miracles, magie et guérisons dans les Actes apocryphes des apotres // Journal of Early Christianity, 3, 1995. P. 245-259.

Часть восьмая. ПАТРЫ АХЕЙСКИЕ

В отличие от начала АА, их заключительная, патрская, часть сохранилась не только в позднейших пересказах на других языках, но и в греческих фрагментах, в той или иной степени близких к оригиналу.

1. Уверение Лесбия и милосердие Трофимы

Начало патрской части, посвящённое обращению проконсула Лесбия (напомним, что и Патры никогда не были резиденцией римского проконсула), известно из пересказа Григория Турского и из фрагмента *Laudatio*, для которого Никита Давид Пафлагон использовал список древних АА, вероятно, тот же, что держал в руках за пол века до этого патриарх Фотий. После Никиты следы оригинальных АА окончательно теряются.

Ист.: Деяния апостола... С. 79-89, 199-203.

Лит.: Jakob A. Les actes d'Andre et le christianisme alexandrin // The Apocryphal Acts of Andrew / Ed. J. N. Bremmer. Leuven, 2000. P. 127-139.

2. Коринф и возвращение в Патры

См. коммент. к гл. VIII. 1.

Ист.: Деяния апостола... С. 89-95, 203.

Лит.: Prieur J.-M. La figure de l'apotre dans les Actes apocryphes d'Andre // Bovon F. et alii. Les Actes apocryphes des apotres. Christianisme et monde paien (= Publication de la Faculte de Theologie, 4). Geneve, 1981. P. 121-139.

3. Повивания и прорицания

Остальная часть патрской истории апостола известна и по переложениям (Григория Турского, *Narratio*, Епифания Монаха и его последователей), и по сокращениям АА (*Martyrium prius*, «Письмо диаконов и пресвитеров ахейских»). Но, что особенно ценно, именно здесь может быть восстановлен текст древних актов при помощи его фрагментов, сохранившихся в рукописях Hier. Sab. 103, Sin. gr. 526 и Vat. 808, а также в т. н. *Martyrium alterum* и в армянском мученичестве апостола. Эта сохранность оригинального текста в патрской части тем более важна, что ближе к концу деяний сюжетная рамка отходит на второй план, уступая место пространным проповедям апостола, выражающим всё более и более ясно суть его учения, как оно виделось анонимному автору АА.

Богословие АА целиком и полностью построено на оппозиции между небесным и земным, божественным и дьявольским, праведным и грешным, а особенно между внутренним и внешним, но оппозиция эта отнюдь не дуалистическая. Единственной подлинной реальностью является Единый Бог и всё незримое, что Ему сродно. Ему противостоят сатана, бесы и всё видимое, что отвлекает человека от Бога, делая его сродным злу и погружая его во мрак жизненных удовольствий, за которые тот понесёт после смерти суровое наказание. Однако благо всё же изначально присуще человеку и лишь затемнено дьяволом. Именно поэтому учение апостола не привносит ничего нового, но лишь открывает людям глаза на истину.

Человек, согласно ЛЛ, подобен матери, которая должна родить находящееся внутри её дитя. Это и есть цель человеческой жизни — рождение на свет внутреннего человека, в чём ему помогут апостол и все верные. Любовь к Единому и сродство с Ним полностью заменяют собой физическую любовь: Максимиλλα отвергает своего мужа Эгеата и следует за своим учителем Андреем. Но на земле даже для апостола возможно лишь движение к освобождению от цепей становления — полное блаженство окончательно возможно только после смерти. Всё, что препятствует достижению этой цели, — от дьявола, в том числе и тело, которое прямо называется темницей. В этом моменте (равно как и в некоторых других: образ повитухи, любовь к незримому) прослеживается связь деяний с неоплатонизмом.

Ист.: Деяния апостола... С. 101-109.

Лит.: *Prieur J.-M.* Decouverts sur les Actes d'Andre a Patras // *Acts of the Second International Congress of the Peloponnesian Studies*, I. Athens, 1981-1982. P. 321-324; *Bovon F.* Les paroles de vie dans les Actes de l'apotre Andre // *Apocrypha*, 2, 1991. P. 99—117; *Bovon F.* The words of Life

in the Acts of Apostle Andrew//Harvard Theological Review, 87,1994. P. 139-154; *Cirillo*L. L'uomo interiore negli Atti Apocrifi di Andrea e il 'Nous' nella visione di Mani secondo Baraies (CMC 17, 7ss) // *Manichaeen Studies*, 3 / Ed. L. Cirillo and A. van Tongerloo. Tournhout, 1997. P. 11-21.

4. В спальне проконсула Эгеата

Основное настроение АА — напряжённая оппозиция между внутренним и внешним — оказало сильное влияние и на композицию текста. Смысловой центр актов — учение Андрея; а сопровождающие его чудеса служат в первую очередь подтверждению истинности апостольской проповеди, рамкой, внешней формой, сквозь которую проявляется настоящий смысл событий. Рамка эта, впрочем, весьма пространна и значима.

Цель деяний Андрея — обращение людей к истинному Богу. Часто, почти всегда, они сопровождаются чудесами, которые должны подтвердить подлинность предшествующего увещания апостола и его последующей проповеди. Те же, кто не принял Слово, воздвигают на апостола гонения. Очень редко какое-либо деяние апостола обходится без чудотворения, хотя объём таких эпизодов, по-видимому, начинает нарастать к концу актов, когда всё яснее открывает сокровенная суть апостольского учения.

При всей богословской нагруженности патрской части АА в ней всё же чётко прослеживается родство с античным романом: неожиданные перемещения героев, комедия положений, фантастические опасности и спасения. Однако роман этот не любовный, а «антилюбовный»: его цель — не физическое воссоединение героя и героини, но, напротив, их отказ от физического общения ради духовного единства.

Ист.: Деяния апостола... С. 109-121; Bruyne D., de. Epistula Titi, discipuli Pauli, de dispositione sanctimonii // Revue Benedictine, 37, 1925. P. 47-72.

Лит.: Weinreich O. Turoffnung um Wunder-, Prodigien- und Zauberglauben der Antike // Genethliakon. Wilhelm Smidt zum 70. Geburtstag am 24. Febr. 1929 (= Tiibinger Beitrage zur Altertumswissenschaft, 5). Stuttgart, 1929. S. 200–460 (penp.: Idem. Religionsgeschichtliche Studien. Darmstadt, 1968. S. 38— 298); Bardy G. Apocryphes a tendance encratite // Dictionnaire de spiritualite, I. Paris, 1937. Col. 752–765.

5. Во тьме заключения

АА не эсхатологичны, в них нет напряжённого ожидания вселенского конца: их бескомпромиссный аскетизм определяется неизбежной кончиной каждого человека, за которой следует наказание или вознаграждение и даже почти слияние с Богом. При этом здесь нет практически никаких отсылок к Священному Писанию: учение Андрея вполне равноценно учению Петра или Павла, так как непосредственно восходит к Богу-Христу — примечательно, что Христос упоминается в деяниях только как Небесный Бог, но ни разу — как евангельский Человек Иисус.

Ещё одна характерная черта АА — постоянное присутствие дьявола и бесов, которые вселяются в людей, полностью подчиняя их своей власти. Способность изгонять их, равно как и исцелять насланные ими болезни, есть лишь у апостола, а также у уверовавших, которым Андрей даёт такую власть. Но эта власть над бесами отлична от магии, в которой обвиняют Андрея, как и других апостолов в их апокрифических деяниях, — власть Андрея над бесами основана на постижении истинной природы вещей.

Ист.: Деяния апостола... С. 121–143.

Лит.: Роирон G. L'accusation de magie dans les Actes apocryphes // Bovon F. et alii. Les Actes apocryphes des apotres. Christianisme et monde paen (= Publication de la Faculte de Theologie, 4). Geneve, 1981. P. 25–47; Bremmer J.

N. Man, magic, and martyrdom in the Acts of Andrew // *The Apocryphal Acts of Andrew* / Ed. J. N. Bremmer. Leuven, 2000. P. 15–34; *Wagener K. C.* «Repentant Eve, perfected Adam»: Conversion in *The Acts of Andrew* // *Society of Biblical literature. o Seminar Papers*, 1991. Atlanta, 1991. P. 348–356.

6. На кресте

Кульминация АА — сцена распятия апостола. Это распятие, аналогичное распятию Петра, является закономерным финалом его жизни и проповеди, закономерным не только в силу гонений со стороны не принимающих учение Христа, но и в силу постепенного освобождения самого апостола от уз плоти. Отсюда появляется и сцена отказа апостола от снятия с креста, которое означало бы его разлучение с Богом.

Другой смысловой центр финала деяний — речь Андрея к кресту, реконструируемая по различным версиям и построенная наподобие стихотворения. Образ мирового креста, соединяющего небо с землёй и охватывающего весь космос, находит себе прямую параллель в апокрифических «Деяниях Иоанна» (гл. 98—101; пер. пол. II в.).

В позднейших источниках встречаются дополнительные подробности, касающиеся распятия апостола Андрея. Так, «Письмо диаконов и пресвитеров ахейских» сообщает, что в момент кончины над крестом воссиял чудесный свет. А один поздний «Список апостолов» (в рукописи *Maße, gr. III, 1 (coll. 1002)*) указывает, что Андрей был распят на масличном дереве. Представление о том, что апостол Андрей был распят на косом кресте, возникает в Бургундии лишь в XII в.

Ист. | Деяния апостола... С. 143–155, 213; *Acta Andreae*... P. 737–745.

Лит. | *Bonnet M.* La Passion de l'apotre Andre, en quelle langue a-t-elle ete ecrite? // *Byzantinische Zeitschrift*, 3.1894. S. 458–469; *Mdle E.* Histoire et 10gende de l'apotre

saint Andre dans Part // Revue des Deux Mondes. 5,1951. P. 412-420; *Leloir L.* La version amrenienne de la Passion d'Andre // *Handes Amsoreay*, 90. 1976. Col. 471-472; *Leloir L.* Les actes apocryphes d'Andre // *Manichaica Selecta* / Ed. A. van Tongerloo and S. Giversen. Louvain, 1991. P. 191-201; *Calzolari Bouvier V.* La versione armena del *Martino di Andrea* e il rapporto con la tradizione manoscritta del originale greco // *Мшëон*, 111, 1998. P. 141-156.

Часть девятая. ЖИЗНЬ ПОСЛЕ СМЕРТИ

Древние АА заканчиваются сценой погребения апостола Максимиллой и Стратоклом, без какого-либо топографического уточнения. Очевидно, что к сер. IV в. предание о мощах апостола Андрея уже появилось в Патрах, так как в 357 г. их оттуда переносит в Константинополь император Констанций. Впрочем, почитание апостола в Патрах не прекращается (см. Эпilog), а в сер. XV в. морейский деспот Фома Палеолог даже увозит в Рим главу Первозванного, которая была возвращена папой в Патры лишь через пятьсот лет.

1. Миссия святого Артемия

Согласно церковному историку Филосторгию, умеренному арианину, чьё произведение не сохранилось, но было известно патриарху Фотию и автору «Мученичества св. Артемия», мощи апостола Андрея (вместе с мощами Луки из Фив и Тимофея из Эфеса) были перенесены в столицу по приказу Констанция (вероятно, в ознаменование двадцатилетия его самостоятельного правления) военачальником Артемием («Пасхальная хроника» VI в. и некоторые позднейшие тексты утверждают, что это перенесение было при Константине). Этот Артемий — фигура вполне историческая: он был приближённым императора

Констанция, и, как следствие, арианином, затем в качестве дуки Египта он в 360 г. преследовал главу никейской партии — свт. Афанасия Великого и, наконец, был казнён при Юлиане по обвинению в жестокости по отношению к язычникам-александрийцам.

Ист.': Philostorgius. Kirchengeschichte / Hrsg. Von J. Bidez, bearb. von F. Winckelmann. 3. Aufl. Berlin, 1981. S. 151–176; Творения иже во святых отца нашего Афанасия Великого, архиепископа Александрийского. Ч. 3. 2-е изд., испр. и доп. Сергиев Посад, 1903. С. 443–455.

2. Из Патр

История перенесения апостольских мощей в Константинополь со временем приобрела легендарный характер. Так, автор «Апокрифического жития» (XI–XII вв.) вставляет в неё легендарные мотивы: мощи сами решают, где им пребывать, а благочестивый житель Патр откусывает палец от останков святого.

Ист.: Греческие предания... С. 331.

3. В храм Апостолов

Другим примером фольклоризации истории перенесения мощей можно считать чудо, приводимое Никитой Давидом Пафлагоном в конце *Laudatio*. Эта противоречащая историческим реалиям легенда (в ней мощи Андрея приносят в столицу позже останков остальных апостолов), происходящая, очевидно, из храма свв. Апостолов в Константинополе, сообщает, что тела Луки и Тимофея расступились перед Андреем.

Вообще история апостольских мощей в Апостолейоне довольно темна и запутанна. Согласно Евсевию Кесарийскому, Константин Великий поставил в своём мавзолее (храме свв. Апостолов) по сторонам от своего саркофага «ларцы»-кенотафы — «стелы» в память апостолов. Куда именно были положены перенесённые Артемием мощи Андрея, Луки и Тимофея, неизвестно, однако вскоре после этого храм пострадал от землетрясения (а останки Константина Великого

перенесены в храм св. Акакия) и был освящён после ремонта только в 371 г. Согласно Иоанну Златоусту, в кон. IV в. мощи апостолов находились внутри храма, тогда как останки Константина покоились вне его (см. также: *Constantinus Porphyrogenitus. De ceremoniis aulae byzantinae*, II, 42). Согласно Прокопию Кесарийскому, их случайно обнаружили рабочие, разбивавшие пол для строительства нового, юстиниановского, храма, где мощи были положены под престолом, вероятно, в крипте. Там они находились до 1214 г., когда один из духовных лидеров крестоносцев, кардинал Пётр Капуанский, перенёс их в свой родной город Амальфи на юго-западе Италии. Впрочем, русские паломники упоминают незадолго до падения Константинополя в 1453 г. голову апостола Андрея в Манганском монастыре.

В самой столице почитание Первозванного апостола, основателя местной кафедры, не было особенно развито (в отличие, например, от того же св. Артемия). Нам известно только одно точно не датированное (между V и XI в.) константинопольское чудо от образа Андрея близ храма св. Иулиана у Пердика («статуи куропатки»). Другая душеполезная история, связанная с образом апостола, не имеет ни точной локализации (события происходят в некоем крупном городе), ни датировки (до XI в.). Наконец, в славянской традиции (в рукописи БАН 34.4.1., XVII в., л. 766) сохранилось ещё одно краткое переводное чудо от иконы апостола на о. Химонос (!) («Чудо свя-таго апостола Андрея, бывшее от честнаго образа его; списано из синоксаря греческаго иже в неделю православия»): по наущению беса священник выколол святым копием глаз у образа Андрея в алтаре храма — и тотчас правый глаз священника вырвался и приклеился к иконе вместо выковырянного.

Ист.: Histoires des solitaires Ogyptiens / Ed. F. Nau // Rivue de l'Orient Chretien. 12 (1907). P. 393-404; Две

византийские хроники... С. 65–67, 75; Чудо от иконы апостола Андрея в Константинополе // Вестник ПСТГУ, I: Богословие. Философия. М., 2007. Вып. 1:17. С. 97—101; Деяния апостола... С. 221–223.

ЭПИЛОГ

Апостол Андрей почитался в Византии, видимо, также в качестве психопомпа — проводника душ умерших. Вместе с апостолом Иоанном Богословом (их пара встречается уже в «каноне Муратори» (II в.) и упоминается также у Епифания Монаха и его последователей) он играет эту роль в «Видении монаха Космы» — апокалиптическом тексте сер. X в. Характерно, что рассказчик узнаёт на том свете апостолов именно по их изображениям на иконах.

На Руси почитание апостола Андрея носило также в большей степени политический, чем народный характер. Греческие монахи несколько раз привозили в XVII в. в Москву частицы мощей апостола, в т. ч. такие крупные, как руку и большую берцовую кость, однако никакого их значительного почитания не было. Лишь при Василии Шуйском и патриархе Ермогене была переведена с греческого полная служба апостолу, который до этого находился в разряде шестеричных святых. Но, несмотря на это, звонили в день его памяти на Иване Великом по-прежнему, и только в 1632 г. патриарх Филарет приказал звонить по-среднему с благовестом в «Ревут». Характерно, что в 1656 г., всего лишь через двенадцать лет после привоза руки апостола, всеошной апостолу не служили, а патриарх Никон в день его памяти отдыхал.

Ист.: Angelidi C. La version longue de la vision du moine Cosmas // Analecta Bollandiana. 101 (1983). P. 73–99;

Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1991. С. 218–219.

Лит.: Виноградов А. Ю. Рука ап. Андрея // Христианские реликвии в Московском Кремле. Каталог выставки. М., 2000. С. 161–163; Mdle E. Op. cit.; Murjanoff M. Andreas der Erstberufene im mittelalterlichen Europa // Sacris Erudiri, 17, 1966. P. 411–427.

* * *

В книге впервые публикуются миниатюры из уникального лицевого славянского жития апостола Андрея, входящего в рукописный житийный сборник, написанный полууставом и датируемый по водяным знакам концом XVII в. (С.-Петербург, Российская национальная библиотека, Отдел рукописей, ОЛДП.Е137, лл. 1—93, при позднейшем переплёте листы рукописи были перепутаны)^[3]. Всего в этом житии содержится 81 миниатюра, выполненная в традиционной манере русской книжной графики XVI–XVII вв. Особенно обращают на себя внимание иллюстрации к сюжетам из *ААМт*, а также традиционная форма креста, на котором был распят апостол Андрей (л. 88): данное изображение служит очередным подтверждением тому факту, что допетровская Русь не знала Х-образного «Андреевского креста».

По своему составу житие из ОЛДП.Е137 представляет собой контаминацию нескольких переводных текстов (выдержки из Евангелий, *ААМт*, «Жития апостола Андрея» Епифания Монаха и «Слова о проявлении крещения Русской земли»), которая, насколько известно на сегодняшний день, имеет параллели лишь в одном списке (не иллюстрированном) — из житийного сборника 1652 г. (Москва, Государственный исторический музей, Отдел

рукописей, Увар. 1055, лл. 1—115), пожертвованного на помин своих родителей в монастырь Николы на Полисти архиепископом Рязанским и Муромским Мисаилом.

notes

Примечания

1

Около 1450 километров.

Общепринятый индекс агиографических сочинений
по сводному каталогу: *Bibliotheca Hagiographica Graeca* /
Ed. F. Halkin. Editio III, emend. Bruxellis, 1957.

См. печатное описание рукописи: *Лопарев Х.* Описание рукописей Императорского общества любителей древней письменности. Ч. I. Рукописи в лист. СПб., 1892. С. 257-258. Ещё одним датирующим признаком служит запись на нижнем поле л. 76 (под миниатюрой) — число «7 208» кириллическими буквами: если предположить, что это дата, и перевести её с летосчисления от Сотворения мира на современное, получим год 1700-й. По крайней мере позднее этого времени рукопись не могла быть создана.